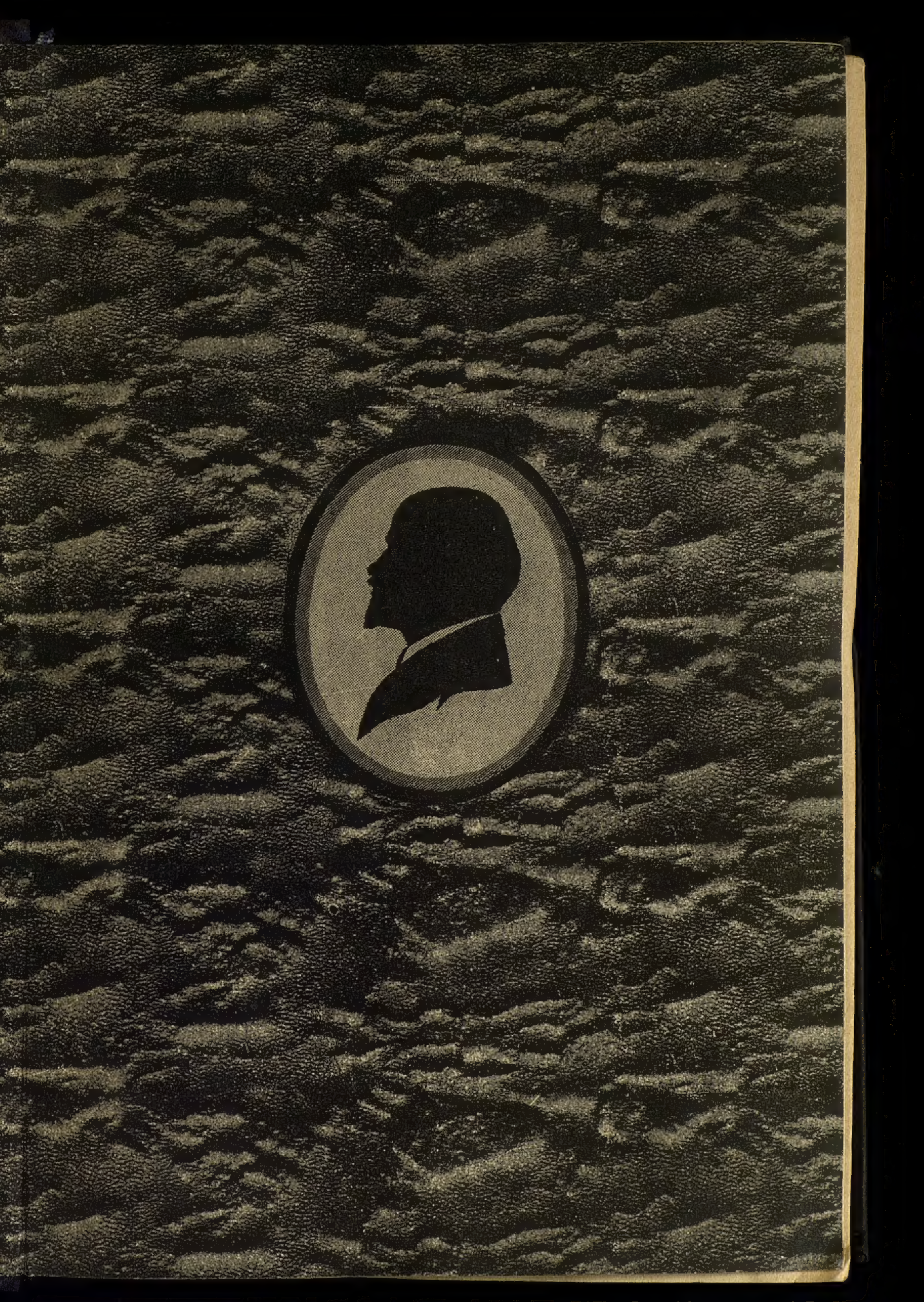
ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

VII

ЛЕНИН
СОЧИНЕНИЯ
ТОМ VII

ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
IX Съезда Р.К.П.(б.)
и
II Съезда Советов
С.С.С.Р.

Институт Маркса-Энгельса-Ленина при Ц.К.В.К.П.(б.)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В. И. ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
ИСПРАВЛЕННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:
Н. И. БУХАРИНА, В. М. МОЛОТОВА,
И. И. СКВОРЦОВА-СТЕПАНОВА

ПАРТИЗДАТ ЦК ВКП(б) — 1935

ЛЕНИН

ТОМ

VII

1904 – 1905

ОТ РЕДАКЦИИ.

Настоящий том охватывает произведения В. И. Ленина, относящиеся к первой половине революционного 1905 года — до восстания «Потемкина» включительно.

Произведениям этой эпохи в настоящем томе редакцией Сочинений предпосланы три произведения 1904 года. По своему содержанию они настолько тесно примыкают к работам 1905 года, что редакция Сочинений признала целесообразным включить их в настоящий том. Первое из этих произведений — брошюра «Земская кампания и план «Искры»» — вскрывает наметившийся процесс перерастания организационного оппортунизма меньшевиков в оппортунизм тактический, разоблачает сближение «новоискровства» с «освобожденством». Два других документа 1904 года связаны с практическими шагами по созыву III съезда партии и могут быть поняты лишь в связи с рядом документов 1905 года.

Произведения VII тома ставят и решают главным образом две коренные проблемы революции 1905 года. Первая из этих проблем — определение характера и движущих сил революции и выработка, в связи с этим, основ большевистской тактики. Вторая проблема — разрешение партийно-организационного кризиса путем созыва III съезда.

В расположении материала настоящего тома редакцией Сочинений допущено одно отступление от хронологического порядка: весь материал, относящийся к III съезду, объединен и расположен после статей газеты «Вперед», хотя последние номера этой газеты со статьями Вл. Ильича выходили во время съезда.

Относительно докладов и речей Вл. Ильича на съезде необходимо отметить, что запись их весьма несовершенна: стенограмм на съезде не велось, краткие записи делались секретарями на основе конспектов, составленных самими ораторами.

Ввиду явно неудовлетворительной записи речи Вл. Ильича на заседании съезда 5 мая 1905 года, эта речь не включена в настоящий том. Из многочисленных реплик и замечаний Вл. Ильича редакция Сочинений оставила лишь одну, имеющую са-

мостоятельное значение. Все остальные реплики опущены, так как они могут быть поняты лишь в общем контексте прений.

Из обширной переписки Вл. Ильича за рассматриваемый период, по плану издания относящейся к XXVIII тому Сочинений, редакция в настоящий том включает лишь 9 писем, имеющих особо важное значение. Это либо официальные документы, как, например, «Открытое письмо Плеханову» или «Письмо Международному Социалистическому Бюро», либо письма, дающие тактические директивы по ряду вопросов, как, например, письмо Е. Д. Стасовой о тактике на суде.

В настоящий том включено 32 произведения, не вошедших в 1-е издание, и изъяты две статьи — «Всероссийский съезд адвокатов» и «Международное значение русской революции» — ошибочно приписанные в 1-м издании Вл. Ильичу, но в действительности принадлежащие В. Воровскому. «Извещение о созыве III партийного съезда», написанное А. А. Богдановым по проекту извещения Вл. Ильича, перенесено в приложения к тому.

Хроникерские заметки, принадлежащие перу Вл. Ильича и представляющие лишь обработку различных писем-корреспонденций в революционные дни, как, например: «Первые шаги», «Письма петербургских социал-демократов» и др. — в настоящее издание не включены.

Февраль 1928 года.

ЗЕМСКАЯ КАМПАНИЯ И ПЛАН «ИСКРЫ» [1]

Написано в ноябре 1904 г.
Впервые напечатано отдельной брошюрой в ноябре 1904 г., в Женеве

Печатается по тексту брошюры, сверенному с текстом, напечатанным в сборнике: Вл. Ильин — «За 12 лет», 1908 г.

Только для членовъ партіи.

N. Lenin. Liberale Bewegung und der Plan von „Iskra“.

Prix: 25 cent.—20 pf.—2½ d.—5 cts.

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Н. Ленинъ.

ЗЕМСКАЯ КАМПАНІЯ

 И ПЛАНЪ „ИСКРЫ“.

№ 9.

Издательство соціальдемократической партійной литературы
В. Бончъ-Бруевича и Н. Ленина.

ЖЕНЕВА
Кооперативная Типографія, 93 rue de Carouge 93.
1904.

Обложка брошюры В. И. Ленина: «Земская кампания и план «Искры»» — 1904 г.

ТОЛЬКО ДЛЯ ЧЛЕНОВ ПАРТИИ.

За подписью редакции «Искры» только что опубликовано («для членов партии») письмо к партийным организациям. Россия никогда еще не была так близка к конституции, как теперь, — заявляет редакция и подробно излагает целый план «политической кампании», целый план воздействия на наших либеральных земцев, ходатайствующих о конституции.

Прежде чем разбирать этот, в высшей степени поучительный, план новой «Искры», припомним, как ставился вопрос об отношении к нашим либеральным земцам в русской социал-демократии с тех пор, как возникло массовое рабочее движение. Всем известно, что и по этому вопросу почти с самого начала возникновения массового рабочего движения шла борьба между «экономистами» и революционерами. Первые доходили до прямого отрицания буржуазной демократии в России, до игнорирования задач воздействия пролетариата на оппозиционные слои общества и в то же время, суживая размах политической борьбы пролетариата, они, сознательно или бессознательно, предоставляли политически-руководящую роль либеральным элементам общества, отводя рабочим «экономическую борьбу с хозяевами и с правительством». Сторонники революционной социал-демократии в старой «Искре» вели борьбу с этим направлением. Борьба эта распадается на два крупных периода: до появления либерального органа, «Освобождения»[2], и после его появления. В первый период мы направляли, главным образом, свою атаку против узости экономистов, «наталкивали» их на незамечаемый ими факт существования буржуазной демократии в России, подчеркивали задачу всесторонней политической деятельности пролетариата, задачу воздействия его на все слои общества, задачу стать авангардом в войне за свободу. В настоящее время тем более уместно и необходимо вспомнить этот период и его основные черты, чем грубее извращают его сторонники новой «Искры» (см. «Наши политические задачи» Троцкого, изданные под редакцией «Искры»), чем больше спекулируют они на незнакомство теперешней молодежи с историей недавнего прошлого нашего движения.

Со времени появления «Освобождения» начался второй период борьбы старой «Искры». Когда либералы выступили с самостоятельным органом и с особой политической программой, задача воздействия пролетариата на «общество» естественно изменилась: рабочая демократия не могла уже ограничиться «встряхиванием» либеральной демократии, расшевеливанием ее оппозиционного духа, она должна была поставить во главу угла революционную критику той половинчатости, которая ясно обнаружилась в политической позиции либерализма. Наше воздействие на либеральные слои приняло форму постоянных указаний на непоследовательность и недостаточность политического протеста гг. либералов (достаточно сослаться на «Зарю», критиковавшую предисловие г. Струве к записке Витте *), и на многочисленные статьи «Искры»).

Ко времени II партийного съезда эта новая позиция социал-демократии по отношению к либерализму, выступившему открыто, настолько уже выяснилась и упрочилась, что ни у кого не возникало даже вопроса относительно того, существует ли буржуазная демократия в России и должно ли оппозиционное движение встречать поддержку (и какую поддержку) в пролетариате. Речь шла лишь о формулировке партийных взглядов на этот вопрос, и мне достаточно здесь указать на то, что взгляды старой «Искры» гораздо лучше были выражены в резолюции Плеханова, подчеркнувшей антиреволюционный и противопролетарский характер либерального «Освобождения», чем в сбивчивой резолюции Старовера, которая, с одной стороны, гонится (и совершенно не своевременно гонится) за «соглашением» с либералами, а с другой стороны, ставит фиктивные, заведомо неисполнимые для либералов условия таких соглашений.

I.

Перейдем к плану новой «Искры». Редакция признает нашу обязанность использовать до дна весь материал по вопросу о нерешительности и половинчатости либеральной демократии, по вопросу о враждебной противоположности интересов либеральной буржуазии и пролетариата, использовать «соответственно принципиальным требованиям нашей программы». «Но — продолжает редакция — *но* в пределах борьбы с абсолютизмом, и именно в теперешнем фазисе, наше отношение к либеральной буржуазии *определяется задачей* придать ей побольше храбрости и побудить ее присоединиться к тем требованиям, с которыми *выступит* (? выступил?) руководимый социал-демократией пролетариат». Мы подчеркнули особенно странные словечки в этой странной тираде. В самом деле, как не назвать странным про-

*) См. IV том Сочинений, стр. 119—157. *Ред.*

тивоположение, с одной стороны, критики половинчатости и анализа враждебности интересов, а с другой стороны, задачи придать храбрости и побудить присоединиться? Каким образом в состоянии мы придать храбрости либеральной демократии иначе, как беспощадным разбором и уничтожающей критикой ее половинчатости в вопросах демократии? Поскольку буржуазная (либеральная) демократия намерена выступать как демократия и вынуждена выступать как демократия, постольку она неизбежно стремится опереться на возможно более широкие круги народа. Это стремление неминуемо порождает следующее противоречие: чем шире эти круги народа, тем больше среди них представителей пролетарских и полупролетарских слоев, требующих полной демократизации политического и общественного строя, такой полной демократизации, которая грозит подорвать весьма важные опоры всякого буржуазного господства вообще (монархию, постоянное войско, бюрократию). Буржуазная демократия по природе своей не в состоянии удовлетворить этих требований, она по природе своей осуждена поэтому на нерешительность и половинчатость. Социал-демократы критикой этой половинчатости подталкивают постоянно либералов, отрывают все большее количество пролетариев и полупролетариев, а частью и мелких буржуа от либеральной демократии на сторону рабочей демократии. Каким же образом можно говорить: мы должны критиковать половинчатость либеральной буржуазии, *но* (но!) наше отношение к ней определяется задачей придать ей храбрости? Ведь это явная путаница, свидетельствующая либо о том, что авторы ее пятятся назад, т.-е. возвращаются к тем временам, когда либералы вообще еще не выступали открыто, когда их надо было вообще пробуждать, расшевеливать, побуждать открыть рот; — либо о том, что авторы сбиваются на мысль, будто можно «придать храбрости» либералам посредством уменьшения храбрости пролетариев.

Как ни чудовищна эта мысль, но в следующем же пассусе редакционного письма мы видим ее еще более ясно выраженною: «Но — оговаривается паки и паки редакция — но мы впали бы в роковую ошибку, если бы поставили себе целью энергическими мерами *устрашения* теперь же *заставить* земства или другие органы буржуазной оппозиции дать, под влиянием *паники*, формальное обещание предъявить наши требования правительству. Такая тактика скомпрометировала бы социал-демократию, потому что превратила бы всю нашу политическую кампанию в рычаг для реакции» (курс. ред.).

Вот оно что! Не успел еще революционный пролетариат нанести ни одного серьезного удара царскому самодержавию в такой момент, когда оно особенно явно колеблется и когда серьезный удар особенно необходим, особенно полезен и может оказаться решительным ударом, а нашлись уже социал-демократы, бормо-

чушпе о рычаге для реакции. Это уже не только путаница, это — прямая пошлость. И редакция договорилась до этой пошлости, сочинив себе, специально для разговоров о рычаге для реакции, сугубо грозное пугало. Подумайте только: люди серьезно говорят, в письме к партийным организациям социал-демократической партии, о тактике устрашения земцев и понуждения их, под влиянием паники, дать формальные обещания! Не легко было бы, даже среди русских сановников, даже среди наших Угрюм-Бурчеевых [3]), найти такого государственного младенца, который бы поверил в такое пугало. У нас есть, среди революционеров, ярые террористы, есть отчаянные бомбисты, но даже самый нелепый из нелепых защитников бомбизма не предлагал, кажется, до сих пор устрашать... земцев и вызывать панику среди... оппозиции. Неужели не видит редакция, что, сочиняя эти смехотворные пугала, пуская в ход эти банальные фразы, она неизбежно порождает недоразумения и недоумения, засоряет сознание и сеет смуту в умах борющихся пролетариев? Ведь не в пустое пространство летят эти словечки о рычаге для реакции, о компрометирующей тактике устрашения, они падают на специфическую российско-полицейскую почву, как нельзя более приспособленную для произрастания плевелов. О рычаге для реакции нам действительно говорят теперь на каждом перекрестке, но говорят нововременцы. О компрометирующей тактике устрашения нам действительно прожужжали все уши, — не кто иной, как трусливые вожаки буржуазной оппозиции.

Возьмите профессора князя Е. Н. Трубецкого. Кажется, достаточно «просвещенный» и — для русского легального деятеля — достаточно «смелый» либерал. А как пошло рассуждает он в либеральном «Праве» (№ 39) [4]) о «внутренней опасности», именно опасности крайних партий! Вот вам живой образчик того, кто действительно близок к панике, вот вам наглядный пример того, что действительно оказывает на настоящих либералов устрашающее действие. Уж конечно боятся они не того плана, который приснился редакторам «Искры», плана вырвать у земцев формальные обещания в пользу революционеров (г. Трубецкой только расхохотался бы, если б ему сказали о таком плане),— они боятся революционно-социалистических целей «крайних» партий, они боятся уличных листков, этих первых ласточек революционной самодеятельности пролетариата, который не остановится, не сложит оружия, пока не свергнет господства буржуазии. Этот страх порождается не смехотворными пугалами, а действительным характером рабочего движения, этот страх неизгладим из сердца буржуазии (отдельные лица и отдельные группы, конечно, не в счет). И вот почему такой фальшью звучит рассуждение новой «Искры» о компрометирующей тактике устрашения земцев и представителей буржуазной оппозиции.

Пугаясь уличных листков, пугаясь всего, что идет дальше цензовой конституции, гг. либералы всегда будут бояться лозунга: «демократическая республика» и призыва к вооруженному всенародному восстанию. Но сознательный пролетариат отвергнет с негодованием самую мысль о том, чтобы мы могли отказаться от этого лозунга и от этого призыва, чтобы мы могли вообще руководиться в своей деятельности паникой и страхами буржуазии.

Возьмите «Новое Время». Какие нежные арии распевает оно на мотив о рычаге для реакции. «Молодежь и реакция — читаем мы в «Заметках» № 10285 (18 окт.)— ...Не вяжутся вместе эти слова, а между тем недостаточно обдуманные действия, порывистые увлечения и желание во что бы то ни стало принять немедленное участие в судьбах государства могут привести молодежь к этому безнадежному тупику. На-днях демонстрация у Выборгской тюрьмы, затем попытка о чем-то манифестировать уже в центре столицы, в Москве прогулка с флагами и протестами против войны 200 студентов... Отсюда понятна реакция... студенческие волнения, демонстрации молодежи, да ведь это целый бенефис, это — козырь, нежданный, громадный козырь в руках реакционеров. Вот уж подлинно для них дорогой подарок, который они сумеют использовать. Не следует делать этого подарка, не нужно ломать воображаемых (!!!) решеток: теперь и двери открыты (двери и Выборгской и других тюрем, должно быть?), широко открыты!»

Эти рассуждения не требуют пояснений. Достаточно привести их, чтобы видеть, как бестактно заговаривать теперь о рычаге для реакции, *теперь*, когда ни одна из дверей всероссийской тюрьмы не приоткрыта для борющихся рабочих, когда царское самодержавие не сделало еще ни единой, хоть сколько-нибудь ощутимой для пролетариата, уступки, когда все внимание и все усилия должны быть направлены на подготовку настоящей и решительной схватки с врагом русского народа. Конечно, одна уже мысль о такой схватке внушает страх и панику гг. Трубецким и тысячам менее «просвещенных» гг. либералов. Но мы были бы глупцами, если бы сообразовались с их паникой. Мы должны сообразоваться с состоянием своих сил, с ростом народного возбуждения и возмущения, с моментом, когда прямой натиск пролетариата на самодержавие примкнет к одному из стихийных и стихийно растущих движений.

II.

Выше, говоря о том пугале, которое приснилось нашей редакции, мы не отметили еще одной характерной черточки в ее рассуждении. Редакция обрушилась на компрометирующую тактику, которая бы клонилась к тому, чтобы вырвать у земцев

«формальное обещание предъявить наши требования правительству». Помимо указанных раньше несообразностей, тут странна самая мысль о том, чтобы «наши» требования, требования рабочей демократии, предъявляла правительству либеральная демократия. С одной стороны, либеральная демократия именно в силу того, что она представляет из себя буржуазную демократию, никогда не способна усвоить себе, не способна отстаивать искренно, последовательно и решительно «наши» требования. Если бы даже либералы дали, «добровольно» дали, формальное обещание предъявить наши требования, то, разумеется, они не сдержали бы этого обещания, обманули бы пролетариат. С другой стороны, если бы мы были так сильны, чтобы влиять серьезно на буржуазную демократию вообще и гг. земцев в особенности, то такой силы нам было бы вполне достаточно, чтобы самостоятельно предъявить наши требования правительству.

Странная мысль редакции — не результат обмолвки, а неизбежное следствие той сбивчивой позиции, на которую она вообще встала по данному вопросу. Слушайте: «Центральным фокусом и руководящей нитью... должна служить практическая задача... внушительного организованного воздействия на буржуазную оппозицию»; в «проекте заявления от рабочих данному органу либеральной оппозиции» должно быть «объяснение, почему рабочие обращаются не к правительству, а к собранию представителей именно этой оппозиции». Такая постановка задачи в основе своей ошибочна. Мы, партия пролетариата, должны, конечно, «идти во все классы населения», открыто и энергично отстаивая перед всем народом нашу программу и наши ближайшие требования, мы должны стараться заявить эти требования и перед гг. земцами, но центральным фокусом и руководящей нитью должно быть для нас воздействие именно не на земцев, а на правительство. Редакция «Искры» поставила вопрос о центральном фокусе как раз вверх ногами. Буржуазная оппозиция потому и является только буржуазной и только оппозицией, что она не борется сама, не имеет своей безусловно отстаиваемой программы, что она стоит между двумя борющимися сторонами (правительством и революционным пролетариатом плюс его немногочисленные интеллигентные сторонники), что она учитывает в свою пользу результат борьбы. Поэтому, чем горячее становится борьба, чем ближе момент решительной битвы, тем больше должны мы обращать наше внимание и направлять наше воздействие на нашего действительного врага, а не на того союзника, который *заведомо* является союзником условным, проблематичным, ненадежным и половинчатым. Неразумно было бы игнорировать этого союзника, нелепо было бы ставить себе целью устрашать и пугать его, — все это до такой степени самоочевидно, что странно и толковать об этом. Но центральным фокусом и руко-

водящей нитью нашей агитации должно быть, повторяю, не воздействие на этого союзника, а подготовка решительной битвы с врагом. Заигрывая с земством, делая ничтожные уступки земству, правительство ведь ровно еще ничего не уступило фактически народу, правительство еще вполне и вполне может вернуться к реакции (вернее, продолжить реакцию), как бывало на Руси десятки и сотни раз после мимолетных либеральных веяний того или иного самодержца. Именно в такой момент заигрывания с земством, отвода глаз народу, убаюкиванья его пустыми словечками надо особенно остерегаться лисьего хвоста, особенно настойчиво напоминать, что враг еще не сломан, особенно энергично звать к продолжению и удесятерению борьбы с врагом, а не переносить центр тяжести с «обращения» к правительству на обращение к земству. Именно в настоящий момент никто иной, как заведомые пенкосниматели и предатели свободы лезут из кожи, чтобы обратить центр тяжести общественного и народного внимания на земство, вызвать доверие к земству, которое на самом деле доверия истинной демократии отнюдь не заслуживает. Возьмите «Новое Время»: в цитированной выше статье вы прочтете такое рассуждение: «Всякому ясно, что с возможностью смело и правдиво обсуждать все наши недостатки и недочеты, с возможностью каждому деятелю свободно проявлять свою деятельность, скоро и недочетам должен наступить конец, и Россия может вступить безбоязненно на тот путь прогресса и совершенствования, который ей так необходим. Даже организации, инструмента этого прогресса, не приходится выдумывать: он существует на-лицо в виде земства, которому только (!!) предстоит дать свободу роста; в последнем залог действительно самобытного, а не заимствованного совершенствования». Такие и подобные речи не только «скрывают стремления к ограниченной монархии и цензовой конституции» (как говорит в другом месте своего письма редакция); они прямо подготовляют почву к тому, чтобы все дело ограничилось улыбками по адресу земства без всякого даже и ограничения монархии!

Выдвиганье, в качестве центрального фокуса, воздействия на земство, а не воздействия на правительство, естественно приводит к той несчастной мысли, которая легла в основу Староверовской резолюции, именно мысли искать сейчас же и немедленно базиса для каких-либо «соглашений» с либералами. «По отношению к нынешним же земствам—говорит в своем письме редакция — наша задача сводится (!!) к предъявлению им тех политических требований революционного пролетариата, которые они обязаны поддерживать, чтобы иметь хоть какое-нибудь право выступать от имени народа и рассчитывать на энергичную поддержку со стороны рабочих масс». Нечего сказать, хорошее определение задач рабочей партии! В такое время, когда

перед нами совершенно ясно обрисовывается возможный и вероятный союз умеренных земцев с правительством для борьбы против революционного пролетариата (редакция сама признает возможность такого союза), мы будем «сводить» свою задачу не к удесятерению энергии борьбы против правительства, а к выработке казуистических условий соглашения с либералами об обоюдной поддержке. Если я предлагаю другому лицу требования, которые он должен обязаться поддерживать, чтобы иметь право на мою поддержку, то я заключаю именно соглашение. И мы спрашиваем всех и каждого: куда улетучились те «условия» соглашений с либералами, которые сочинял Старовер в своей резолюции *) (подписанной также Аксельродом и Мартовым) и неисполнимость которых была уже предсказана в нашей литературе? Об этих условиях редакция не говорит в своем письме ни слова. Редакция провела резолюцию на съезде, чтобы бросить ее потом в корзину для ненужной бумаги. При первой же попытке практического приступа к делу сразу стало видно, что предъявление Староверовских «условий» вызвало бы только гомерический хохот гг. либеральных земцев.

Пойдем дальше. Можно ли вообще признать *принципиально* правильным постановку перед рабочей партией задачи предъявлять либеральной демократии или земцам такие политические требования, «которые она обязана поддерживать, чтобы иметь хоть какое-нибудь право выступать от имени народа»? Нет, такая постановка задачи принципиально неправильна и ведет только к затемнению классового самосознания пролетариата, к бесплоднейшей казуистике. Выступать от имени народа это и значит выступать в качестве демократа. Всякий демократ (и в том числе буржуазный демократ) имеет право выступать от имени народа, но он имеет это право лишь постольку, поскольку он последовательно, решительно и до конца проводит демократизм. Следовательно, *всякий* буржуазный демократ «имеет хоть какое-нибудь право выступать от имени народа» (ибо всякий буржуазный демократ отстаивает, пока он демократ, то или иное демократическое требование), но в то же время *ни один* буржуазный демократ не имеет права по всей линии выступать от имени народа (ибо ни один буржуазный демократ в настоящее время

---

*) Напомним читателю, что в принятой съездом (вопреки моему и Плеханова мнению) резолюции Старовера поставлены 3 условия временных соглашений с либералами: 1) либералы «ясно и недвусмысленно заявят, что в своей борьбе с самодержавным правительством они становятся решительно на сторону социал-демократии»; 2) «они не выставят в своих программах требований, идущих вразрез с интересами рабочего класса и демократии вообще или затемняющих его сознание»; 3) «своим лозунгом борьбы они сделают всеобщее, равное, тайное и прямое избирательное право».

не способен решительно и до конца доводить демократизм). Г. Струве имеет право выступать от имени народа, поскольку «Освобождение» борется с самодержавием. Г. Струве не имеет никакого права выступать от имени народа, поскольку «Освобождение» виляет и вертится, ограничивается цензовой конституцией, приравнивает земскую оппозицию к борьбе, уклоняется от последовательной и ясной демократической программы. Немецкие национал-либералы [5]) имели право выступать от имени народа, поскольку они боролись за свободу передвижения. Немецкие национал-либералы не имели никакого права выступать от имени народа, поскольку они поддерживали реакционную политику Бисмарка.

Таким образом ставить рабочей партии задачу предъявлять гг. либеральным буржуа такие требования, при условии поддержки которых они имели бы хоть какое-нибудь право выступать от имени народа, значит сочинять вздорную и нелепую задачу. Никаких особых демократических требований помимо тех, которые изложены в нашей программе, сочинять нам незачем. Во имя этой программы мы обязаны поддерживать всякого (в том числе и буржуазного) демократа, поскольку он проводит демократизм; мы обязаны беспощадно разоблачать всякого демократа (в том числе и социалиста-революционера), поскольку он отступает от демократизма (хотя бы, напр., в вопросах насчет свободного выхода из общины и свободной продажи земли крестьянином). Пытаться же наперед определить, так сказать, меру допустимой подлости, пытаться заранее установить, какие отступления от демократизма позволительны для демократа, чтобы он имел хоть какое-нибудь право выступать в качестве демократа, — это задача настолько умная, что невольно является подозрение, не помогали ли нашей редакции сочинять ее тов. Мартынов или тов. Дан.

III.

Изложив в своем письме руководящие политические соображения, редакция дает затем подробное изложение и своего великого плана.

Губернские земские собрания ходатайствуют о конституции. В городах N, X, Y комитетчики плюс развитые рабочие составляют план политической кампании «по Аксельроду». Центральный фокус агитации сводится к воздействию на буржуазную оппозицию. Выбирается организационная группа. Организационная группа выбирает исполнительную комиссию. Исполнительная комиссия выбирает специального оратора. Стараются «привести массы в непосредственное соприкосновение с земскими собраниями, концентрировать манифестацию у того самого здания, в котором заседают земские гласные. Часть демонстрантов проникает в залу заседания с тем, чтобы в подходящий момент, через

посредство специально уполномоченного на то оратора, попросить у собрания (? у председательствующего в собрании предводителя дворянства?) позволения прочитать ему заявление рабочих. В случае отказа в этом оратор громко заявляет протест против нежелания собрания, говорящего от имени народа, услышать голос народных представителей этого самого народа».

Таков новый план новой «Искры». Мы сейчас увидим, как скромно оценивает его значение сама редакция, но предварительно приведем в высшей степени принципиальные пояснения редакции насчет функций исполнительной комиссии:

...«Исполнительная комиссия должна будет заранее принять меры к тому, чтобы появление нескольких тысяч рабочих перед зданием, где заседают земские гласные, и нескольких десятков или сотен в самом здании *не вызвало в земцах панического страха* (!!), под влиянием которого они способны были бы броситься (!) под позорную защиту полицейских и казаков, превратив таким образом мирную манифестацию в безобразную драку и варварское побоище, извратив весь ее смысл...» (Редакция, видимо, сама поверила в приснившееся ей пугало. У редакции выходит даже, по буквальному грамматическому смыслу фразы, так, будто земцы превращают манифестацию в побоище и извращают ее смысл. Мы очень невысокого мнения о либеральных земцах, но все же панический страх редакции насчет призыва полиции и казаков либералами в земском собрании кажется нам совершенно вздорным. Всякий, кто хоть раз был в земском собрании, прекрасно знает, что полицию позовет, в случае так называемого нарушения порядка, либо председательствующий предводитель дворянства, либо присутствующий неофициально в соседней комнате чин полиции. Или может быть члены исполнительной комиссии разъяснят по этому случаю околоточному надзирателю, что в «план» редакции новой «Искры» совершенно не входит превращение мирной манифестации в варварское побоище?)

...«Во избежание такого сюрприза, исполнительная комиссия должна заранее предупредить либеральных гласных... (чтобы они дали «формальное обещание» не вызывать казаков?) о готовящейся манифестации и ее истинной цели... (т.-е. предупредить, что наша истинная цель отнюдь не состоит в том, чтобы нас варварски били и этим извращали смысл аксельродовского плана)... Кроме того, она должна будет попытаться вступить в некоторое соглашение (слушайте!) с представителями левого крыла оппозиционной буржуазии и заручиться если не их активной поддержкой, то, по крайней мере, сочувствием нашему политическому акту. Переговоры с ними она должна вести, разумеется, от имени партии, по поручению рабочих кружков и собраний, на которых не только обсуждается общий план политической

кампании, но и дается отчет о ходе ее, — конечно, при строгом соблюдении требований конспирации».

Да, да, мы видим воочию, что великая идея Старовера о соглашении с либералами на базисе точно определенных условий растет и крепнет не по дням, а по часам. Правда, все эти определенные условия «временно» положены под сукно (мы ведь не формалисты!), но зато соглашение достигается практически, достигается немедленно, именно: *соглашение о непроизведении панического страха.*

Как ни вертите редакционное письмо, вы не найдете в нем никакого другого содержания пресловутого «соглашения» с либералами, кроме указанного нами: либо это соглашение об условиях, на которых либералы вправе выступать от имени народа (и тогда самая идея о таком соглашении компрометирует серьезнейшим образом выдвигающих ее социал-демократов), либо это соглашение о непроизведении панического страха, соглашение о сочувствии мирной манифестации, — и тогда это просто вздор, о котором трудно говорить серьезно. Нелепая идея о центральном значении воздействия на буржуазную оппозицию, а не на правительство, и не могла привести ни к чему, кроме абсурда. Если мы можем произвести внушительную и массовую демонстрацию рабочих в зале земского собрания, — мы, конечно, произведем ее (хотя при наличности сил для массовой демонстрации гораздо лучше было бы «концентрировать» эти силы «у здания» не земских, а полицейских, жандармских или цензорских собраний). Но руководиться при этом соображениями о паническом страхе земцев, вести переговоры об этом — верх неразумного, верх комичного. Панический страх среди изряднейшей доли, наверное среди большинства, российских земцев всегда и неизбежно вызовет самое *содержание* речи последовательного социал-демократа. Говорить заранее с земцами о нежелательности *такого* панического страха значит ставить себя в самое фальшивое и недостойное положение. Другого рода панический страх будет также неизбежно вызван варварским побоищем или мыслью о возможности такового. Вести переговоры насчет этого панического страха с земцами — весьма неумно, ибо ни вызывать побоища, ни сочувствовать ему ни один даже умереннейший либерал никогда не будет, но зависит это вовсе не от него. Тут не «переговоры» нужны, а фактическая подготовка силы, не воздействие на земцев, а именно воздействие на правительство и его агентов. Если нет силы, тогда лучше о великих планах не разглагольствовать, а если есть сила, тогда надо противопоставить именно силу казакам и полиции, постараться собрать такую толпу и в таком месте, чтобы она могла отбить, или хотя задержать, натиск казаков и полиции. И если мы способны оказать, на деле, а не на словах, «внушительное организованное

воздействие на буржуазную оппозицию», то уж конечно не глупенькими «переговорами» о непроизведении панического страха, а только силой, силой массового отпора казакам и царской полиции, силой массового натиска, способного перейти в народное восстание.

Редакция новой «Искры» смотрит на вещи иначе. Она так довольна своим планом соглашения и переговоров, что не может налюбоваться на него, не может нахвалиться им.

...Активные демонстранты должны быть «проникнуты пониманием коренной разницы между обычной демонстрацией против полиции или правительства вообще и демонстрацией, имеющей своей непосредственной целью борьбу против абсолютизма, при помощи прямого воздействия революционного пролетариата на политическую тактику (вот как!) либеральных элементов в *настоящий* (курс. ред.) момент... Для устройства демонстраций обычного, так сказать, общедемократического (!!) типа, не имеющих непосредственной целью конкретно противопоставить друг другу революционный пролетариат и либерально-оппозиционную буржуазию, как две самостоятельные политические силы, достаточно одной только наличности в народных массах сильного политического брожения». ...«Партия наша обязана использовать это настроение масс хотя бы и для такой, если можно выразиться, низшего типа (слушайте! слушайте!) мобилизации этих масс против абсолютизма»... «Мы делаем первые (!) шаги на новом (!) пути политической деятельности, на пути организации такого планомерного вмешательства рабочих масс (NB) в общественную жизнь, которое имеет непосредственной целью противопоставить их буржуазной оппозиции, как самостоятельную силу, противоположную ей по своим классовым интересам и в то же время предлагающую ей условия (какие же?) для совместной энергичной борьбы с общим врагом».

Не всякому дано вместить всю глубину этих замечательных рассуждений. Ростовская демонстрация [6]), когда перед тысячами и тысячами рабочих разъясняются цели социализма и требования рабочей демократии, это — «низший тип мобилизации», это обычный, *общедемократический* тип, тут нет конкретного противопоставления революционного пролетариата и буржуазной оппозиции. А вот, когда специально уполномоченный оратор, которого назначила исполнительная комиссия, которую выбрала организационная группа, которая образована комитетчиками и активными рабочими, когда этот оратор, после предварительных переговоров с земцами, заявит громко протест в земском собрании о нежелании его выслушать, тогда это будет «конкретное» и «непосредственное» противопоставление двух самостоятельных сил, тогда это будет «прямое» воздействие на тактику либералов, тогда это будет «первый шаг на новом пути». Побойтесь

бога, господа! ведь даже Мартынов в худшие времена «Рабочего Дела» вряд ли договаривался когда до подобных пошлостей!

Массовые рабочие собрания на улицах южных городов, десятки рабочих ораторов, прямые столкновения с действительной силой царского самодержавия, это — «низший тип мобилизации». Соглашение с земцами о мирном выступлении нашего оратора, обязующегося не вызывать у гг. либералов паники, это — «новый путь». Вот они, новые тактические задачи, новые тактические взгляды новой «Искры», о которых с такой помпой возвестили всему миру через редакционного Балалайкина. В одном отношении этот Балалайкин сказал, однако, нечаянно правду: между старой и новой «Искрой» действительно лежит пропасть[7]. Старая «Искра» не имела других слов, кроме слов презрения и насмешки, по адресу тех людей, которые способны восхищаться, как «новым путем», бутафорски обставленным соглашением классов. *Этот* новый путь давно знаком нам по опыту тех французских и немецких «государственных мужей» социализма, которые тоже считают «низшим типом» старую революционную тактику и не могут нахвалиться «планомерным и непосредственным вмешательством в общественную жизнь» в виде соглашений о мирном и скромном выступлении рабочих ораторов, после переговоров с левым крылом оппозиционной буржуазии.

Перед паническим страхом либеральных земцев редакция с своей стороны испытывает такой панический страх, что усиленно рекомендует участникам сочиненного ею «нового» плана «особенную осторожность». «Как крайний случай в смысле внешней осторожности в обстановке самого этого акта, — читаем мы в письме, — мы представляем себе доставку заявления рабочих гласным почтой на дом и разбрасывание его в значительном числе экземпляров в зале земского собрания. Смущаться этим можно было бы, стоя на точке зрения буржуазного революционизма (sic!), для которого внешний эффект все, а процесс планомерного развития классового самосознания и самодеятельности пролетариата — ничто».

Смущаться рассылкой и разброской листков нашему брату не свойственно, но смущаться напыщенным и бессодержательным фразерством мы будем всегда. По поводу рассылки и разброски листков толковать, с серьезным видом, о процессе планомерного развития классового самосознания и самодеятельности пролетариата, — для этого надо быть героем самодовольной пошлости. Накричать на весь мир о новых тактических задачах и свести дело к рассылке и разброске листков, это — поистине бесподобно, это до-нельзя характерно для представителей интеллигентского оттенка в нашей партии, которые теперь истерически мечутся в погоне за новым тактическим словом, после фиаско с их новыми организационными словами. И они еще толкуют, со свой-

ственной им скромностью, о тщете внешнего эффекта. Да неужели не видите вы, господа, что в лучшем случае, в случае полного успеха вашего якобы нового плана, именно только внешний эффект был бы достигнут выступлением рабочего перед гг. земцами, а о действительном «внушительном» воздействии такого выступления на «тактику либеральных элементов» можно говорить только для смеха? Не наоборот ли, не оказали ли действительно внушительного воздействия на тактику либеральных элементов те массовые демонстрации рабочих, которые вам кажутся демонстрациями «обычного, общедемократического, низшего типа»? И если суждено еще раз русскому пролетариату оказать воздействие на тактику либералов, то, поверьте, он окажет это воздействие массовым натиском на правительство, а не соглашением с земцами.

IV.

Земская кампания, открытая с милостивого разрешения полиции, нежные речи Святополка-Мирского и правительственных официозов, повышение тона в либеральной печати, оживление так называемого образованного общества,— все это ставит перед рабочей партией самые серьезные задачи. Но задачи эти совершенно превратно формулируются в письме редакции «Искры». Именно в настоящий момент центральным фокусом политической деятельности пролетариата должна быть организация внушительного воздействия на правительство, а не на либеральную оппозицию. Именно теперь всего менее уместны соглашения рабочих с земцами о мирном манифестировании,— соглашения, которые неизбежно превратились бы в чисто водевильные подстраиванья эффектов,— всего более необходимо сплочение передовых, революционных элементов пролетариата для подготовки решительной борьбы за свободу. Именно теперь, когда наше конституционное движение начинает ярко обнаруживать исконные грехи всякого буржуазного либерализма, а русского в особенности: непомерное развитие фразы, злоупотребление словом, которое расходится с делом, чисто филистерскую доверчивость к правительству и ко всякому герою лисьей политики,— именно теперь особенно бестактны фразы о нежелательности устрашения и паники гг. земцев, о рычаге для реакции и пр., и пр. Именно теперь важнее всего укрепить в революционном пролетариате твердое убеждение в том, что и настоящее «освободительное движение в обществе» неминуемо и неизбежно окажется таким же мыльным пузырем, как предыдущие, если не вмешается сила рабочих масс, способных и готовых на восстание.

Политическое возбуждение в самых различных слоях народа, составляющее необходимое условие возможности восстания и залог его успеха, залог поддержки почина пролетариата, все ширится,

растет и обостряется. Было бы очень неразумно поэтому, если бы теперь опять кто-нибудь вздумал кричать о немедленном штурме, призывать строиться сейчас же в штурмовые колонны [8]) и т. п. Весь ход событий ручается за то, что царское *) правительство запутается в ближайшем будущем еще сильнее, озлобление против него станет еще более грозным. Правительство запутается неминуемо и в начатой им игре с земским конституционализмом. Как в том случае, если оно даст мизерные уступки, так и в том случае, если оно ровно никаких уступок не даст, недовольство и раздражение неизбежно сделаются еще более широкими. Правительство запутается неминуемо и в той позорной и преступной маньчжурской авантюре, которая несет с собой политический кризис и в случае решительного военного поражения, и в случае затягивания безнадежной для России войны.

Дело рабочего класса — расширять и укреплять свою организацию, удесятерять агитацию в массах, пользуясь всяким шатанием правительства, пропагандируя идею восстания, разъясняя необходимость его на примере всех тех половинчатых и заранее осужденных на неуспех «шагов», о которых так много кричат теперь. Нечего и говорить, что рабочим следует откликаться на земские ходатайства, устраивая собрания, разбрасывая листки, организуя там, где есть достаточные силы, демонстрации для заявления всех социал-демократических требований, не считаясь с «паникой» гг. Трубецких, не сообразуясь с воплями филистеров о рычаге для реакции. И если уже рискнуть говорить наперед и притом из-за границы о возможном и желательном высшем типе *массовых* демонстраций (ибо не массовые совсем уже лишены значения), если уже затронуть вопрос о концентрации сил демонстрантов у того или иного здания, то мы указали бы именно те здания, где вершатся полицейские дела по преследованию рабочего движения, мы указали бы на здания полицейских, жандармских, цензурных управлений, на места заключения политических «преступников». Серьезная поддержка рабочими земских ходатайств должна состоять не в соглашении об условиях, на которых земцы могли бы говорить от имени народа, а в нанесении удара врагам народа. И вряд ли можно сомневаться в том, что мысль о такой демонстрации встретит сочувствие пролетариата. Рабочие слышат теперь со всех сторон напыщенные фразы и громкие обещания, видят действительное — хотя и ничтожное, но все же действительное — расширение свободы *для* «общества» (ослабление узды над земствами, возвращение опальных земцев, облегчение свирепства против либеральной печати), но рабочие не видят ровно ничего, расширяющего свободу *их* политической борьбы. Под давлением революцион-

*) В издании 1908 года: «самодержавное». *Ред.*

ного натиска *пролетариата* правительство разрешило *либералам* поговорить о свободе! Бесправность и приниженность рабов капитала выступает теперь перед пролетариями еще более ярко. У рабочих нет ни повсеместных организаций для сравнительно свободного (с русской точки зрения) обсуждения политических дел, у рабочих нет зал для собраний, у рабочих нет своих газет, рабочим не возвращают из тюрем и ссылок их товарищей. Рабочие видят теперь, что шкуру медведя, — которого они еще не убили, но которого они и только они, пролетарии, серьезно ранили, — что эту шкуру начинают делить гг. либеральные буржуа. Рабочие видят, что эти гг. либеральные буржуа при первом же приступе к дележу будущей шкуры начинают уже огрызаться и рычать против «крайних партий», против «внутренних врагов» — беспощадных врагов буржуазного господства и спокойствия. И рабочие поднимутся еще смелей, еще бо́льшими массами, чтобы добить медведя, чтобы силой отвоевать *себе* то, что, как милостыню, обещают дать гг. либеральным буржуа, — свободу сходок, свободу рабочей печати, полную политическую свободу для широкой и открытой борьбы за полную победу социализма.

Мы выпускаем настоящую брошюрку с надписью: «Только для членов партии» ввиду того, что с такою надписью выпущено «письмо» редакции «Искры». По существу дела, «конспирация» с таким планом, который подлежит сообщению в десятки городов, обсуждению в сотнях рабочих кружков, разъяснению в агитационных листках и воззваниях, просто смешна. Это один из образчиков той канцелярской тайны, которую уже отметил в практике редакции и Совета т. Галерка («На новый путь»). С одной только точки зрения можно было бы оправдать сокрытие редакционного письма от широкой публики вообще и от либералов в особенности: такое письмо слишком уже компрометирует нашу партию...

ИЗВЕЩЕНИЕ ОБ ОБРАЗОВАНИИ ОРГАНИЗАЦИОННОГО КОМИТЕТА И О СОЗЫВЕ III ОЧЕРЕДНОГО СЪЕЗДА РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ [9]).

Тяжелый кризис, переживаемый нашей партией в течение уже полутора года, со времени 2-го съезда, привел к неизбежному и давно предвиденному результату, к полному разрыву центральных учреждений с партией. Мы не будем повторять здесь тяжелой истории кризиса и напоминать факты, достаточно освещенные в партийной литературе вообще и в частности в целом ряде резолюций и заявлений российских комитетов и конференций комитетов. Достаточно указать, что последняя из таких конференций, северная, в которой участвовали комитеты С.-Петербургский, Рижский, Тверской, Московский, Северный и Нижегородский, выбрала бюро и поручила ему выступить в качестве Организационного Комитета для немедленного созыва 3-го очередного съезда Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

В настоящее время бюро выждало все сроки, назначенные комитетом для ответа так-называемому Центральному Комитету, и вошло в соглашение с уполномоченными трех южных (Одесский, Екатеринославский, Николаевский) и четырех кавказских комитетов. Бюро выступает теперь в качестве Организационного Комитета и созывает, помимо согласия центров, подотчетных партии и уклонившихся от ответственности перед партией, 3-ий очередной съезд Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Россия переживает небывалый политический подъем, и на пролетариат ложатся величайшие исторические задачи борьбы с самодержавием. Все работающие в России социал-демократы знают, какой гигантский вред принесен нашим партийным разбродом делу организации и сплочения сил пролетариата, какой неизмеримый ущерб потерпело дело пропаганды, агитации и объединения рабочих в России благодаря тлетворному влиянию за-

граничной кружковщины. И если нет возможности объединить заграничные кружки и их ставленников, то пусть объединятся, по крайней мере, все социал-демократические работники России, все сторонники выдержанного направления революционной социал-демократии. Такое объединение есть единственный верный путь к будущему полному и прочному единству всех социал-демократов России.

Да здравствует Российская, да здравствует международная революционная социал-демократия!

Относительно условий созыва съезда Организационный Комитет считает нужным опубликовать во всеобщее сведение следующее:

1) Организационный Комитет признает безусловное право на участие в 3-ем очередном съезде с решающим голосом за всеми российскими комитетами и организациями, утвержденными 2-ым съездом Российской Социал-Демократической Рабочей Партии (комитеты Петербургский, Московский, Харьковский, Киевский, Одесский, Николаевский, Донской, Екатеринославский, Саратовский, Уральский, Северный, Тульский, Тверской, Нижегородский, Бакинский, Батумский, Тифлисский, Горнозаводский, Сибирский и Крымский).

2) Организационный Комитет признает условное право участия на съезде комитетов, утвержденных Центральным Комитетом после второго съезда (Мингрельский, Астраханский, Орловско-Брянский, Самарский, Смоленский, Рижский, Курский, Воронежский, а также заграничная Лига). Все эти комитеты утверждены центрами, которые потеряли доверие партии. Мы обязаны пригласить их на 3-ий съезд, но только сам съезд может окончательно решить вопрос об их участии (действительность комитета, право на совещательный или решающий голос и т. д.).

3) Организационный Комитет выражает, от имени большинства российских комитетов, пожелание, чтобы на 3-ем очередном съезде Российской Социал-Демократической Рабочей Партии участвовали *все* как заграничные, так и русские организации Российской Социал-Демократической Рабочей Партии и в особенности все рабочие организации, считающие себя принадлежащими к Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Участие этих последних кажется нам особенно желательным потому, что партийный кризис и демагогическая проповедь выборного начала и рабочедельческого демократизма вызвали уже целый ряд расколов. Надо воспользоваться съездом, чтобы при участии представителей большинства российских комитетов попытаться устранить эти расколы или ослабить вред их,

4) Организационный Комитет приглашает поэтому немедленно отозваться и войти в сношение с ним (чрез посредство одного из названных выше 13-ти комитетов) всех желающих участвовать в съезде.

5) Условия *приглашения* на съезд, в случае споров, будут определены по решению двух ближайших комитетов и третьего лица от Организационного Комитета.

6) Условия *участия* на съезде (с совещательным или решающим голосом) комитетов и других организаций, неутвержденных вторым съездом партии, определит сам 3-ий съезд.

7) Время и место съезда назначит Организационный Комитет.

Написано в декабре 1904 г.

Впервые напечатано в 1926 г. в «Ленинском Сборнике» V.

Печатается по рукописи.

ПИСЬМО М. М. ЛИТВИНОВУ [10]).

Дорогой друг! Спешу ответить на Ваше письмо, которое мне очень и очень понравилось. Вы тысячу раз правы, что надо действовать решительно, революционно и ковать железо, пока горячо. Согласен также, что надо объединять именно комитеты большинства. Необходимость русского центра и здешнего органа ясна теперь всем нам. Для последнего мы уже сделали все, что могли. Рядовой работает во всю, привлек участников, отдается целиком сам и всеми силами ищет миллионера с немалыми шансами на успех. Наконец, вы тысячу раз правы также, что надо действовать открыто. Спорный вопрос между нами касается лишь частности и надо ее обсудить хладнокровно, именно: конференция ли комитетов или прямое образование «бюро комитетов большинства» (это название нам лучше нравится, чем организационный комитет, хотя дело, конечно, не в названии) с тем, чтобы это бюро признали сначала несколько, а потом все комитеты большинства. Вы стоите за первое, мы за второе. Будь возможна конференция за границей, я бы был всецело за нее. В России же это дьявольски опасно, волокитно и малопроизводительно. Между тем Одесса + Николаев + Екатеринослав ужеköспелись и поручили «22-м» «назначить Организационный Комитет». Мы ответили рекомендацией названия «бюро комитетов большинства» и семерки кандидатов (Русалка, Феликс, Землячка, Павлович, Гусев, Алексеев, Барон). Пишем об этом в Одессу и С.-Петербург. Алексеев поехал уже к вам. Не лучше ли провести выборы кандидатов через Ригу, С.-Петербург + Москва, затем тотчас же заявить об этом *публично* (посылаем проект извещения *)), затем поскакать в Северный комитет, на Кавказ, в Саратов, Нижний и проч., прося их присоединиться и дополняя бюро по возможности либерально парой-другой *их* кандидатов (хотя это не очень вероятно, чтобы присоединяющиеся комитеты потребовали больших дополнений состава бюро). Я реши-

---

*) См. настоящий том, стр. 21. *Ред.*

тельно не представляю себе, чтобы у нас встретились затруднения из-за состава бюро.

Выгоды такого способа: быстрота, дешевизна, безопасность. Выгоды эти очень важны, ибо быстрота теперь все. Бюро будет официальным органом объединения комитетов и фактически вполне заменит Ц. К. на случай раскола. Состав литературной группы для будущего нашего Ц. О. тоже вполне намечен (пятеро или шестеро: Рядовой, Галерка, я, Шварц + Луначарский + может быть Базаров). За транспорт беритесь Вы и поэнергичнее. Мы здесь приспособили одного бывшего бундиста, работавшего очень много на двух границах; обещает за 200 — 300 рублей в месяц устроить дело. Ждем только денег и затем свяжем его с Вами.

Невыгода вашего способа: волокитность. Я считаю совершенно бесполезным предъявлять ультиматумы Ц. К. и Совету. Ц. К. лицемерит, я теперь ни секунды не сомневаюсь, что они всецело продались меньшинству и идут всецело и безусловно на подделку съезда. Не надо делать себе иллюзий. Теперь, когда все центры у них, они имеют тысячи средств подделывать съезд и они *уже начали это*. Мы докажем это печатно, анализируя решения Совета (№ 73 — 74 «Искры», приложение). Мы, конечно, стоим и будем стоять за съезд, но надо трубить повсюду, что они уже подделывают съезд и что мы разоблачим подделку. Фактически же я теперь отвожу девятое место съезду, а первое — органу и русскому центру. О нелояльности смешно говорить, когда нас прямо толкнули на это, войдя в сделку с меньшинством. Это ложь, что тайная организация меньшинства распущена; нет, в эту тайную организацию вошли три члена Ц. К., вот и всё. Все три центра составляют теперь тайную организацию против партии. Этого только дурачки не видят. Мы должны ответить открытой организацией и разоблачить их заговор [11]).

Пожалуйста, укрепляйте у всех веру в нашу организацию и в будущий орган. Надо только потерпеть немного еще, пока кончит свое дело Рядовой. Собирайте и присылайте корреспонденции (*всегда* с надписью: Ленину) и материалы, *особенно* от рабочих. Мы с вами расходимся в частности, ибо я, конечно, был бы только рад конференции. Но, право же, не стоит овчинка выделки; гораздо лучше сразу и немедленно выступить с извещением от бюро, ибо насчет личного его состава мы легко столкуемся, и конфликты на этой почве невероятны. А раз бюро заявит о себе, его быстро признают, и оно начнет говорить от имени всех комитетов. Подумайте-ка об этом еще раз хорошенько и отвечайте поскорее.

Написано в декабре 1904 г.

Впервые напечатано в 1926 г. в «Ленинском Сборнике» V.

Печатается по рукописи.

САМОДЕРЖАВИЕ И ПРОЛЕТАРИАТ.

Россия переживает новую волну конституционного движения. Современное поколение не видало еще ничего подобного теперешнему политическому оживлению. Легальные газеты громят бюрократию, требуют участия представителей народа в государственном управлении, настойчиво заявляют о необходимости либеральных реформ. Всевозможные собрания земцев, врачей, юристов, инженеров, сельских хозяев, городских гласных и пр. и пр. выносят резолюции, более или менее ясно высказывающиеся за конституцию. Всюду слышатся необычно смелые, с точки зрения русского обывателя, политические обличения и страстные речи о свободе. Либеральные собрания превращаются, под напором рабочих и радикальной молодежи, в открытые народные собрания и уличные демонстрации. В широких кругах пролетариата, среди городской и деревенской бедноты явно усиливается глухое брожение. И хотя пролетариат сравнительно мало участвует в наиболее парадных и торжественных проявлениях либерального движения, хотя он держится как будто бы немного в стороне от чинных совещаний солидной публики, но по всему видно, что рабочие чрезвычайно глубоко заинтересованы в движении. По всему видно, что рабочие рвутся на широкие народные собрания и на открытые уличные демонстрации. Пролетариат как бы сдерживает себя, сосредоточенно всматриваясь в окружающую обстановку, собирая свои силы и решая вопрос, пришел или не пришел еще момент решительной борьбы за свободу.

Повидимому, волна либерального возбуждения начинает уже несколько спадать. Слухи и сообщения заграничных газет о победе реакционеров в наиболее влиятельных придворных кругах подтверждаются. Опубликованный на-днях указ Николая II есть прямая пощечина либералам [12]). Царь намерен сохранить и отстаивать самодержавие. Царь не желает изменять формы правления и не думает давать конституции. Он обещает — только обещает — всяческие реформы совершенно второстепенного характера. Никаких гарантий осуществления этих реформ,

EN AVANT.

Россійская Соціалъ-демократическая Рабочая Партія

ВПЕРЕДЪ

Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!

№ 1. ЖЕНЕВА, 4 ЯНВАРЯ (22 ДЕКАБРЯ) 1905 г.

Самодержавіе и пролетаріатъ

Сонмище двуглаваго орла.

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ГАЗЕТЫ «ВПЕРЕД» № 1 — 1905 г.

Уменьшено

разумеется, не дается. Полицейские строгости против либеральной печати усиливаются не по дням, а по часам. Всякие открытые демонстрации начинают опять подавлять с прежней, если не с большей еще, свирепостью. Либеральных гласных, земских и городских, начинают заметно опять подтягивать, а еще более — либеральничающих чиновников. Либеральные газеты впадают в унылый тон и просят прощения у корреспондентов, письма которых они не смеют печатать.

Нет ничего невозможного в том, что волна либерального возбуждения, быстро поднявшегося после разрешения Святополка-Мирского, быстро и уляжется после нового запрещения. Надо различать глубокие причины, которые неизбежно и неминуемо, — и чем дальше, тем больше, — порождают оппозицию и борьбу против самодержавия, от мелких поводов временного либерального оживления. Глубокие причины порождают глубокие, могучие и упорные народные движения. Мелкими поводами являются иногда смена лиц в министерстве и обычная попытка правительства перейти на час к политике лисьего хвоста после какого-нибудь террористического акта. Убийство Плеве, видимо, стоило террористической организации громадных усилий и долгих подготовительных работ. И чем удачнее было это террористическое предприятие, тем ярче подтверждает оно опыт всей истории русского революционного движения, опыт, предостерегающий нас от таких приемов борьбы, как террор. Русский террор был и остается специфически-интеллигентским способом борьбы. И что бы ни говорили нам о важности террора не вместо народного движения, а вместе с ним, факты свидетельствуют неопровержимо, что у нас индивидуальные политические убийства не имеют ничего общего с насильственными действиями народной революции. Массовое движение в капиталистическом обществе возможно лишь как классовое рабочее движение. Это движение развивается в России по своим самостоятельным законам, оно идет своим путем, становясь все глубже и шире, переходя от временного затишья к новому подъему. И только либеральная волна поднимается и спадает в тесной связи с настроением разных министров, смена которых ускоряется бомбами. Неудивительно поэтому, что у нас так часто встречается сочувствие террору среди радикальных (или радикальничающих) представителей буржуазной оппозиции. Неудивительно, что из революционной интеллигенции особенно увлекаются террором (надолго или на минуту) именно те, кто не верит в жизненность и силу пролетариата и пролетарской классовой борьбы.

Недолговечность и непрочность либерального возбуждения по тому или иному поводу, конечно, не могут заставить нас забыть о неустранимом противоречии между самодержавием и потребностями развивающегося буржуазного общества. Самодер-

жавие не может не задерживать общественного развития. Чем дальше, тем больше сталкиваются с самодержавием интересы буржуазии, как класса, интересы интеллигенции, без которой немыслимо современное капиталистическое производство. Поверхностным может быть повод либеральных заявлений, мелок может быть характер нерешительной и двойственной позиции либералов, но настоящий мир возможен для самодержавия лишь с кучкой особо привилегированных тузов из землевладельческого и торгового класса, а отнюдь не со всем этим классом. Прямое представительство интересов правящего класса в форме конституции необходимо для страны, которая хочет быть европейской страной и которую положение ее обязывает, под угрозой политического и экономического поражения, стать европейской страной. Поэтому крайне важно для сознательного пролетариата ясно понимать и неизбежность либеральных протестов против самодержавия и действительный буржуазный характер этих протестов.

Рабочий класс ставит себе величайшие, всемирно-исторические цели: освободить человечество от всяких форм угнетения и эксплуатации человека человеком. К осуществлению этих целей он стремится во всем мире упорно, в течение десятилетий и десятилетий, постоянно расширяя свою борьбу, организуясь в миллионные партии, не падая духом от отдельных поражений и временных неудач. Ничего не может быть важнее для такого истинно-революционного класса, как отделаться от всяких самообманов, от всяких миражей и иллюзий. У нас в России одной из самых распространенных и живучих иллюзий является та, будто наше либеральное движение не есть буржуазное движение, будто предстоящая России революция не есть буржуазная революция. Русскому интеллигенту, — начиная от умереннейшего освобожденца и кончая самым крайним социалистом-революционером, — всегда кажется, что признать нашу революцию буржуазной значит обесцветить, принизить, опошлить ее. Русский сознательный пролетарий видит в таком признании единственно верную классовую характеристику действительного положения дел. Для пролетария борьба за политическую свободу и демократическую республику в буржуазном обществе есть лишь один из необходимых этапов в борьбе за социальную революцию, ниспровергающую буржуазные порядки. Строго различать этапы, различные по своей природе, трезво исследовать условия их прохождения — вовсе не значит откладывать в долгий ящик конечную цель, вовсе не значит замедлять заранее свой путь. Напротив, именно для ускорения пути, именно для возможно более быстрого и прочного осуществления конечной цели, необходимо понимать отношение классов в современном обществе. Только разочарования и шатания из стороны в сторону ждут тех, кто чурается якобы односторонней классовой точки зрения,

кто хочет быть социалистом и в то же время боится прямо назвать предстоящую нам в России, начавшуюся у нас в России революцию — буржуазной революцией.

Характерный факт: как раз в разгар современного конституционного движения наиболее демократическая легальная печать воспользовалась необычной свободой для нападок не только на «бюрократию», но и на «несостоятельную», якобы, «научно», «исключительную и потому ошибочную теорию классовой борьбы» («Наша Жизнь» № 28 [13]). Изволите видеть: задачу сближения интеллигенции с массами «ставили до сих пор, исключительно напирая на классовые противоречия, существующие между народными массами и теми слоями общества, из которых выходит... большая часть интеллигенции». Нечего говорить, что это изображение дела прямо противоречит действительности. Как раз наоборот. Вся масса русской легальной, культурнической интеллигенции, все старые русские социалисты, все деятели типа освобожденцев совершенно игнорировали и игнорируют глубину классовых противоречий в России вообще и в русской деревне в особенности. Даже крайняя левая русской радикальной интеллигенции, партия социалистов-революционеров, грешит больше всего таким же игнорированием; стоит вспомнить ее обычные рассуждения о «трудовом крестьянстве» или о том, что предстоит нам революция «не буржуазная, а демократическая».

Нет. Чем ближе подходит момент революции, чем острее становится конституционное движение, тем строже должна партия пролетариата охранять свою классовую самостоятельность и не позволять топить своих классовых требований в воде общедемократических фраз. Чем чаще, чем решительнее выступают представители так называемого общества с своими якобы общенародными требованиями, тем беспощаднее должна социал-демократия разоблачать классовый характер этого «общества». Возьмите пресловутую резолюцию «тайного» земского съезда 6 — 8 ноября. Вы увидите в ней отодвинутые на задний план и умышленно неясные, робкие конституционные пожелания. Вы увидите ссылки на народ и общество, гораздо чаще на общество, чем на народ. Вы увидите особенно подробное и наиболее подробное указание реформ в области земских и городских учреждений, то-есть учреждений, представляющих интересы землевладельцев и капиталистов. Вы увидите упоминание о реформе в быту крестьянства, освобождение его от опеки и ограждение правильной формы суда. Совершенно ясно, что перед вами представители имущих классов, добивающиеся только уступок от самодержавия и не помышляющие ни о каком изменении основ экономического строя. Если такие люди желают «коренного» (будто бы коренного) «изменения нынешнего неполноправного и приниженного состояния крестьян», то это лишний раз показы-

вает правильность воззрений социал-демократии, которая неустанно подчеркивала отсталость порядков и условий жизни крестьянства от общих условий буржуазного строя. Социал-демократия всегда требовала, чтобы сознательный пролетариат в общекрестьянском движении строго различал властные интересы и запросы крестьянской буржуазии, как бы ни были прикрыты и задернуты туманной дымкой эти запросы, в какие бы утопии «поравнения» ни облекала их крестьянская идеология (и «социалистско-революционная» фраза). Возьмите резолюции петербургского банкета инженеров 4 декабря. Вы увидите, что 590 участников банкета, а за ними и 6.000 подписавших резолюцию инженеров высказываются за конституцию, «без которой невозможна успешная защита русской промышленности», а заодно уже протестуют против отдачи правительственных заказов заграничным предпринимателям.

Неужели можно еще теперь не видеть, что именно интересы всех слоев землевладельческой, торгово-промышленной и крестьянской буржуазии составляют подкладку и основу прорвавшихся наружу конституционных стремлений? Неужели нас может сбить с толку представительство этих интересов демократической интеллигенцией, которая брала на себя роль публицистов, ораторов и политических вождей всегда и везде, во все европейские революции буржуазии?

На русский пролетариат ложится серьезнейшая задача. Самодержавие колеблется. Тяжелая и безнадежная война, в которую оно бросилось, подорвала глубоко основы его власти и господства. Ему нельзя держаться теперь без обращения к правящим классам, без поддержки интеллигенции, а такое обращение и такая поддержка неминуемо ведут за собой конституционные требования. Буржуазные классы стараются учесть в свою пользу затруднительное положение правительства. Правительство ведет отчаянную игру, чтобы вывернуться, отделаться грошовыми уступками, неполитическими реформами, ни к чему не обязывающими обещаниями, которых всего больше в новом царском указе. Удастся ли хотя временно и частично такая игра, это зависит, в последнем счете, от русского пролетариата, его организованности и силы его революционного натиска. Пролетариат должен воспользоваться необыкновенно выгодным для него политическим положением. Пролетариат должен поддержать конституционное движение буржуазии, встряхнуть и сплотить вокруг себя как можно более широкие слои эксплуатируемых народных масс, собрать все свои силы и поднять восстание в момент наибольшего правительственного отчаяния, в момент наибольшего народного возбуждения.

В чем должна выразиться немедленно поддержка конституционалистов пролетариатом? Всего более в том, чтобы утилизиро-

вать общее возбуждение для агитации и организации наименее затронутых, наиболее отсталых слоев рабочего класса и крестьянства. Разумеется, организованный пролетариат, социал-демократия должна посылать отряды своих сил во все классы населения, но чем самостоятельнее выступают уже эти классы, чем острее становится борьба и чем ближе момент решительного боя, тем более должен переноситься центр тяжести нашей работы на подготовку самих пролетариев и полупролетариев к прямой борьбе за свободу. Только оппортунисты могут в такой момент называть особенно активной борьбой или новым методом борьбы или высшим типом демонстраций выступление отдельных рабочих ораторов в земских и других общественных собраниях. Такие манифестации могут иметь лишь совершенно подчиненное значение. Несравненно важнее теперь обратить внимание пролетариата на действительно высокие и активные формы борьбы, в роде знаменитой ростовской и ряда южных массовых демонстраций. Несравненно важнее теперь расширять наши кадры, организовать силы и готовиться к еще более прямой и открытой массовой борьбе.

Разумеется, речь идет здесь не о том, чтобы оставить повседневную и будничную работу социал-демократов. Они не откажутся от нее никогда, они именно в ней видят настоящую подготовку к решительному бою, ибо они рассчитывают всецело и исключительно на активность, сознательность, организованность пролетариата, на его влияние в массе трудящихся и эксплуатируемых. Речь идет об указании правильного пути, об обращении внимания на необходимость идти вперед, о вредности тактических шатаний. К будничной работе, которую никогда и ни при каких условиях не должен забывать сознательный пролетариат, относится и работа организации. Без широких и разносторонних рабочих организаций, без сближения их с революционной социал-демократией, невозможна успешная борьба с самодержавием. А дело организационной работы невозможно без решительного отпора тем дезорганизаторским тенденциям, которые проявляет у нас, как и везде, бесхарактерная и меняющая свои лозунги, как перчатки, интеллигентская часть партии; дело организационной работы невозможно без борьбы с нелепой, реакционной и прикрывающей всяческий разброд «теорией» организации-процесса.

Развитие политического кризиса в России всего более зависит теперь от хода войны с Японией. Эта война всего более разоблачила и разоблачает гнилость самодержавия, всего более обессиливает его в финансовом и военном отношении, всего более истерзывает и толкает на восстание исстрадавшиеся народные массы, от которых эта преступная и позорная война требует таких бесконечных жертв. Самодержавная Россия разбита уже конституционной Японией, и всякая оттяжка только усилит и обострит поражение. Лучшая часть русского флота уже истреблена,

положение Порт-Артура безнадежно, идущая к нему на помощь эскадра не имеет ни малейших шансов не то что на успех, но даже на то, чтобы дойти до места назначения, главная армия с Куропаткиным во главе потеряла более 200 000 человек, обессилена и стоит беспомощно перед неприятелем, который неминуемо раздавит ее после взятия Порт-Артура. Военный крах неизбежен, а вместе с ним неизбежно и удесятерение недовольства, брожения и возмущения.

К этому моменту должны мы готовиться со всей энергией. В этот момент одна из тех вспышек, которые все чаще повторяются то здесь, то там, поведет к громадному народному движению. В этот момент пролетариат поднимется во главе восстания, чтобы отвоевать свободу всему народу, чтобы обеспечить рабочему классу возможность открытой, широкой, обогащенной всем опытом Европы борьбы за социализм.

«Вперед» [14]) *№ 1, 4 января 1905 г. (22 декабря 1904 г.).*

О ХОРОШИХ ДЕМОНСТРАЦИЯХ ПРОЛЕТАРИЕВ И ПЛОХИХ РАССУЖДЕНИЯХ НЕКОТОРЫХ ИНТЕЛЛИГЕНТОВ.

Современное конституционное движение в имущих классах нашего общества резко отличается от предыдущих движений того же типа конца 50-х и 70-х годов. Конституционные требования либералов, в сущности, те же. Речи радикальных ораторов повторяют знакомые положения земского либерализма. Крупной и очень важной новостью является участие в движении пролетариата. Русский рабочий класс, движение которого было главной осью всего революционного движения последнего десятилетия, давно уже перешел к открытой борьбе, к выступлению на улицу, к массовым народным собраниям, вопреки полиции, к прямым схваткам с врагом на улицах южных городов.

И теперь либерально-буржуазное движение сейчас же ознаменовалось рельефным, решительным, несравненно более резким и смелым выступлением на сцену пролетариата. Сошлемся прежде всего на демонстрацию в СПБ., где участие рабочих оказалось, к сожалению, слабым вследствие дезорганизаторской попытки «меньшевиков», и на демонстрацию в Москве. Затем отметим появление рабочих на либерально-буржуазном банкете в Смоленске, на собрании просветительного общества в Нижнем-Новгороде, на заседаниях ученых, врачебных и других обществ в разных городах, на большое собрание рабочих в Саратове, на демонстрацию 6 ноября в Харьковском юридическом обществе, 20 ноября в Екатеринодарской городской думе, 18 ноября в Одесском обществе охранения народного здравия, в Одессе же, немного позже, в окружном суде, при чем обе одесские и харьковская демонстрации сопровождались уличными демонстрациями рабочих, шествием по городу с знаменами, пеньем революционных песен и т. д.

Эти четыре последние демонстрации описаны, между прочим, в № 79 «Искры» в отделе под заголовком: «Пролетарские демонстрации», и на этих описаниях мне хотелось бы остановить внимание читателя. Сначала — воспроизведу факты по «Искре», затем — рассуждения «Искры».

*

В Харькове комитет организует участие рабочих в собрании юридического общества; на собрание попадает свыше 200 пролетариев: частью рабочие стеснялись идти в народное собрание, частью «мужиков не пускали». Либеральный председатель обращается в бегство после первой революционной речи. Следует речь социал-демократа, летят прокламации, поют марсельезу, выходят на улицу с толпой до 500 рабочих, идут с красным знаменем и рабочими песнями. Под самый конец часть избита и арестована.

Екатеринодар. В думскую залу привлечена (слухом о либеральных предстоящих речах) широкая публика. Телефон приведен в негодность. Оратор комитета с 30—40 рабочими проникает в зал, говорит краткую, вполне революционную соц.-демократическую речь. Аплодисменты. Прокламации. Оцепенение гласных. Бесполезный протест головы. Демонстранты спокойно удаляются по окончании. Ночью — массовые обыски.

Одесса. 1-я демонстрация. На собрании около 2.000 чел., из них *масса* рабочих. Ряд революционных речей (с.-д. и с.-р.), гром аплодисментов, революционные возгласы, прокламации. Шествие по улицам с революционными песнями. Разошлись без побоища.

Одесса. 2-ая демонстрация. Собрание в несколько тысяч. Такое же грандиозное народное революционное собрание и шествие по улицам, как предыдущее. Побоище. Масса раненых, некоторые тяжело. Одна работница умирает. 60 арестов.

Такова фактическая сторона дела. Таковы демонстрации русских пролетариев.

А вот каковы рассуждения некоторых соц.-демократов интеллигентов. Относятся эти рассуждения к демонстрации Екатеринодарской, о которой пишется целая статья. Слушайте: «В этой демонстрации русский организованный пролетариат впервые встретился лицом к лицу с нашей либерально настроенной буржуазией!»... Демонстрация эта — «еще новый шаг в развитии форм политической борьбы», она является, «как-никак, действительно новым приемом политической борьбы, дающим вполне очевидные плодотворные результаты», рабочие в подобных демонстрациях «чувствуют, что они выступают, как определенные политические единицы», они получают «чувство своей правоспособности в качестве партийных политических борцов». Распространяется «в самых широких кругах общества значение партии, как чего-то вполне определенного, оформленного и, главное, имеющего право *требовать*». Привыкают смотреть на всю партию «как на активную, борющуюся, ясно и определенно заявляющую о своих требованиях, политическую силу». Надо «шире использовать новый метод борьбы — в думах, в земствах и на всевозможных съездах общественных деятелей». И редакция «Искры», в унисон с автором этих рассуждений, говорит об «идее демонстраций нового типа»,

о том, что «особенно в Екатеринодаре нашим товарищам удалось показать «обществу», что они действуют, как самостоятельная партия, чувствующая себя способной оказать влияние на ход событий и пытающаяся сделать это» [15]).

Так. Так. «Особенно в Екатеринодаре»... Новый шаг, новый метод, новый прием, впервые лицом к лицу, вполне очевидные, плодотворные результаты, определенные политические единицы, чувство политической правоспособности, право требовать... Чем-то старым, давно минувшим, почти забытым пахнуло на меня от этих напыщенных, глубокомысленных рассуждений. Но раньше, чем отдать себе отчет в опознании этого старого, я спросил невольно: Позвольте, однако, господа, почему же это «особенно в Екатеринодаре», почему же это, в самом деле, новый метод? почему ни харьковцы, ни одесситы не хвастают (простите за вульгарное выражение) насчет новизны метода и насчет очевидных плодотворных результатов, насчет первой встречи лицом к лицу и насчет чувства политической правоспособности? Почему результаты собрания десятков рабочих с сотнями либералов в четырех стенах думской залы более очевидны и плодотворны, чем собрания тысяч рабочих не только в обществах врачей и юристов, но и *на улице?* Неужели в самом деле уличные собрания (в Одессе, а также бывшие раньше в Ростове-на-Дону и в других городах) развивают меньше, чем собрания в думах, чувство политической правоспособности и право требовать?.. Правда, я должен признаться, что испытываю некоторую неловкость, выписывая это последнее словосочетание (право *требовать*) — слишком уже оно неумно, но из песни слова не выкинешь.

Впрочем, в одном случае это словосочетание получает некоторый смысл, и не только оно одно, а и все рассуждения «Искры». Это именно в том случае, если мы предположим существование парламентаризма, если мы на минуту вообразим, что Екатеринодарская дума перенеслась на берега Темзы, рядом с Вестминстерским аббатством [16]). Тогда, при этом маленьком допущении, становится ясным, почему в четырех стенах делегатского собрания можно иметь больше «права требовать», чем на улице, — почему плодотворнее борьба с премьер-министром, то-бишь с Екатеринодарским головой, чем с городовым, — почему чувство политической правоспособности и сознание себя в качестве определенных политических единиц повышается именно в зале палаты депутатов или в зале земского собрания. В самом деле, отчего не поиграть в парламентаризм за неимением настоящего парламента? Тут можно так картинно представить себе «встречу лицом к лицу» и «новый метод» и все прочее. Правда, эти представления неизбежно отвлекут нашу мысль от вопросов настоящей массовой борьбы *за* парламентаризм, вместо игры *в* парламентаризм, но это мелочи. Зато какие очевидные, осязательные результаты...

Осязательные результаты... Это выражение сразу напомнило мне тов. Мартынова и «Раб. Дело». Не возвращаясь к последнему, нельзя правильно оценить новой «Искры». Рассуждения о «новом методе борьбы» по поводу Екатеринодарской демонстрации целиком повторяют рассуждения редакции в ее «письме к партийным организациям» (кстати: разумно ли держать под спудом, в секрете, оригинал и открыто пускать для сведения всех лишь копию?). Рассуждения редакции воспроизводят, по другому поводу, обычный ход мысли «Рабочего Дела».

В чем состояла неверность и вредность рабочедельской «теории» о придании самой экономической борьбе политического характера, об экономической борьбе рабочих с хозяевами и с правительством, о необходимости ставить правительству конкретные требования, сулящие известные осязательные результаты? Разве мы не должны придавать экономической борьбе политического характера? Непременно должны. Но когда «Рабочее Дело» выводило политические задачи революционной партии пролетариата из «экономической» (профессиональной) борьбы, то оно непростительно суживало и опошляло социал-демократическое понимание, оно принижало задачи всесторонней политической борьбы пролетариата.

В чем состоит неверность и вредность новоискровской теории о новом методе, о высшем типе мобилизации сил пролетариата, о новом пути развития чувства политической правоспособности рабочих, их «права требовать» и пр. и пр.? Разве мы не должны устраивать рабочих демонстраций и в земских собраниях и по поводу земских собраний? Непременно должны. Но по поводу хороших пролетарских демонстраций мы не должны говорить интеллигентских глупостей. Мы будем только развращать сознание пролетариата, мы будем только отвлекать его внимание от быстро надвигающихся задач настоящей, серьезной, открытой борьбы, если будем превозносить, под именем нового метода, именно те черты обычных наших демонстраций, которые всего меньше похожи на активную борьбу, которые только на смех можно объявлять дающими особо плодотворные результаты, особо повышающими чувство политической правоспособности и проч.

И старый наш знакомец, тов. Мартынов, и новая «Искра» грешат одним и тем же интеллигентским неверием в силы пролетариата, в его способность к организации вообще, к созданию партийной организации в частности, в его способность к политической борьбе. «Рабочему Делу» казалось, что пролетариат не способен еще или долго не будет способен к политической борьбе, выходящей за пределы экономической борьбы с хозяевами и с правительством. Новой «Искре» кажется, что пролетариат не способен еще, или долго не будет способен, к самостоятельному революционному выступлению, и поэтому она называет новым

методом борьбы выступление десятков рабочих перед земцами. И старое «Раб. Дело» и новая «Искра» клятвенно повторяют слова о самодеятельности и самовоспитании пролетариата только потому, что за этими клятвами кроется интеллигентское непонимание действительных сил и насущных задач пролетариата. И старое «Р. Дело» и новая «Искра» говорят совершенно ни с чем не сообразный глубокомысленный вздор насчет особого значения осязательных и очевидных результатов и конкретного противопоставления буржуазии с пролетариатом, отвлекая таким образом внимание этого последнего на игру в парламентаризм от все более и более надвигающейся задачи прямого натиска на самодержавие во главе народного восстания. И старое «Раб. Дело» и новая «Искра», предпринимая *ревизию* (пересмотр) старых организационных и тактических принципов революционной социал-демократии, суетясь в поисках новых слов и «новых методов», на деле тащат партию назад, выдвигают отсталые, а то и прямо реакционные лозунги.

Довольно с нас этой новой ревизии, приводящей к старому хламу! Пора пойти вперед и перестать прикрывать дезорганизацию пресловутой теорией организации-процесса, пора и в рабочих демонстрациях подчеркивать, выдвигать на первый план те черты, которые все более приближают их к настоящей открытой борьбе за свободу!

«Вперед» № 1, 4 января 1905 г. (22 декабря 1904 г.).

ПОРА КОНЧИТЬ [17]).

Отзывы всех очевидцев согласны в том, что демонстрация 28 ноября потерпела неудачу вследствие почти полного отсутствия на ней рабочих. Но почему же рабочие не явились на демонстрацию? Почему Петербургский Комитет, на призыв которого сошлась на демонстрацию учащаяся молодежь, не позаботился о привлечении рабочих и погубил этим начатое им же предприятие? Ответ на эти вопросы дает следующее письмо рабочего, члена комитета, которое мы печатаем в главнейших выдержках.

«Настроение (в начале ноября) было приподнятое и стремилось вылиться наружу. Средством для этого должна была явиться демонстрация. И действительно, в это время появился какой-то листок от имени «студенческой социал-демократической организации» с призывом к демонстрации на 14 ноября. Узнав об этом, комитет обратился к этой организации с предложением отложить демонстрацию до конца ноября, чтобы иметь возможность выступить совместно с петербургским пролетариатом. Студенты согласились... Сознательные рабочие рвались на демонстрацию. Многие рабочие были на Невском 14 ноября, полагая, что будет демонстрация студентов. Когда им указывали, что они не должны были идти без призыва комитета, они, хотя и соглашались, но отвечали, что «думали, что там что-нибудь да будет». Во всяком случае этот факт характеризует настроение сознательных рабочих.

18 ноября на заседании комитета решено было устроить демонстрацию 28-го. Тотчас же была выбрана комиссия, которая должна была заняться организацией демонстрации и выработкой плана действий: решено было выпустить два подготовительных агитационных листка и один призывной. Работа закипела. Пишущему эти строки пришлось лично устроить ряд собраний рабочих, представителей кружков, на которых говорили о роли рабочего класса, о цели и значении демонстрации в настоящий момент. Обсуждали вопрос о вооруженной и невооруженной демонстрации, и на всех собраниях были приняты резолюции, солидарные с решением комитета. Рабочие требовали побольше листков для распространения: «хоть целые возы давайте», говорили они.

Итак, к 28-му готовилась демонстрация, которая сулила быть грандиозной. Но тут наше петербургское «меньшинство», подобно «меньшинству» «всероссийскому» и заграничному, не могло не сыграть чисто отрицательной роли — роли дезорганизатора. Чтобы эта роль стала особенно ясна,

я позволю себе сказать несколько слов по поводу местного «меньшинства» и его деятельности. До демонстрации, как и после, комитет состоял в своем большинстве из сторонников большинства II партийного съезда. Провалы и раздирающие партию разногласия ослабили во многих отношениях деятельность местных социал-демократических организаций. Местное «меньшинство» в своей борьбе с «большинством» старается дискредитировать местный комитет в пользу своих фракционных интересов. Представители районов, сторонники «меньшинства», не допускают в свои районы товарищей из «большинства», не дают комитету никаких связей. Получается страшная дезорганизация и понижение работоспособности данного района. Есть, например, такой факт. В одном районе, в последние 5 — 6 месяцев представителем был «меньшевик». Благодаря оторванности от общей работы, этот район страшно ослаб. Вместо прежних 15 — 20 кружков теперь с трудом насчитывается 4 — 5. Рабочие недовольны таким положением дел, и их представитель старается использовать это недовольство против «большинства», восстановляя на этой почве рабочих против комитета. «Меньшинство» старается использовать всякую слабость местной социал-демократии против «большинства» — успешны ли его старания или нет, это другой вопрос, но это факт.

За три дня до демонстрации по инициативе «меньшинства» сзывается собрание комитета. По некоторым обстоятельствам, три члена комитета из «большинства» не могут быть извещены о собрании и отсутствуют. «Меньшинством» вносится предложение об отмене демонстрации — в противном случае оно грозит противодействовать демонстрации и не распространять ни одного листка — и, благодаря отсутствию трех товарищей, отстаивавших демонстрацию, предложение это проходит. Решается: листков не распространять, а призывные уничтожить.

Широкая масса как из общества, так и из рабочих готовится к демонстрации и ждет только призыва комитета. Начинают ходить слухи, что демонстрация отменена и откладывается на неопределенное время. Многие выражают свое недовольство такой отменой; техника протестует и отказывается впредь работать для комитета.

В пятницу сзывается собрание комитета, и трое отсутствовавших на прошлом собрании протестуют против неправильного перерешения вопроса о демонстрации; ввиду того, что масса публики все равно соберется на Невском и без листков, они настаивают на принятии всех мер, чтобы рабочие тоже участвовали в демонстрации. Представитель «меньшинства» противится, мотивируя тем, что *«не все рабочие достаточно развиты для того, чтобы сознательно принять участие в демонстрации и отстаивать требования, выставленные комитетом»*. Вопрос голосуется, и большинством голосов против одного собрание решает принять участие в демонстрации. Но тут оказывается, что большое количество — свыше 12.000 — отпечатанных призывных листков сожжено. Кроме того, широкое распространение их на фабриках невозможно, потому что к утру субботы листки никуда не поспеют, а работа на фабриках оканчивается в субботу в 2 — 3 часа. Таким образом распространение листков возможно было только в узком круге рабочих, среди знакомых, но отнюдь не в широкой массе. При таких условиях демонстрация заранее была обречена на неудачу. И она потерпела крушение...

Теперь наше «меньшинство» может торжествовать. Оно победило! Новый факт, дискредитирующий комитет (читай «большинство»). Но

надеемся, читатель отнесется серьезнее к причинам, вызвавшим такой исход демонстрации, и вместе с нами скажет: «да, теперь создались у нас в партии такие условия, при которых успешная работа невозможна. Надо поскорее покончить с партийным кризисом, надо сплотить свои ряды. В противном случае нам грозит совершенное ослабление, и мы, не воспользовавшись настоящим выгодным моментом, останемся в хвосте великих событий».

Дезорганизаторская выходка петербургского «меньшинства», сорвавшего из мелочных кружковых интересов пролетарскую демонстрацию, есть последняя капля, которая должна переполнить терпение партии. Что наша партия серьезно больна и за последний год потеряла добрую половину своего влияния, это знает весь мир. И мы обращаемся теперь к людям, которые неспособны относиться к этой серьезной болезни с зубоскальством или злорадством, которые не могут отделываться от проклятых вопросов партийного кризиса оханьем да аханьем, нытьем да хныканьем, которые считают своим долгом вполне разобраться — хотя бы ценою неимоверных усилий, но разобраться — в причинах кризиса и вырвать зло с корнем. Этим людям, *и только им*, мы напомним историю кризиса: без изучения ее нельзя понять и теперешнего раскола, которого «меньшевики» таки добились.

Первая стадия кризиса. На втором съезде нашей партии побеждают принципы искризма вопреки противодействию рабочедельцев и полу-рабочедельцев. После съезда меньшинство начинает рвать партию из-за введения в редакцию лиц, отвергнутых съездом. Дезорганизация, бойкот, подготовка раскола ведется *три месяца,* с конца августа по конец ноября.

Вторая стадия. Плеханов уступает джентльменам, жаждущим кооптации, при чем заявляет печатно и во всеуслышание в статье «Чего не делать» (№ 52), что делает личную уступку, во избежание большего зла, ревизионистам и анархическим индивидуалистам. Джентльмены пользуются уступкой, чтобы рвать партию дальше. Входя в редакцию Ц. О. и в Совет партии, они составляют *тайную организацию* с целью провести своих людей в Ц. К. и сорвать третий съезд. Это — факт неслыханный и невероятный, но он доказан документально письмом нового Ц. К. о сделках с этой благородной дружиной.

Третья стадия. Три члена Ц. К. переходят на сторону заговорщиков против партии, *кооптируют трех претендентов из меньшинства* [18]) (уверяя комитеты письменно в противном), и при помощи Совета *окончательно срывают третий съезд*, за который высказалось подавляющее большинство высказывавшихся вообще о кризисе комитетов. В брошюрах Орловского («Совет против партии») и Ленина («Заявление и документы о разрыве центральных учреждений с партией» *)) эти факты доказаны равным образом

*) См. VI том Сочинений. *Ред.*

документально. Масса партийных работников в России не знает этих фактов, но их обязан знать тот, кто не только на словах хочет быть членом партии.

Четвертая стадия. Русские работники объединяются для отпора заграничному кружку, опозорившему нашу партию. Сторонники и *комитеты большинства устраивают ряд частных конференций,* выбирают своих уполномоченных. Новый Ц. К., находясь всецело в руках кооптированных претендентов, *ставит своей задачей дезорганизовать и расколоть все местные комитеты большинства.* Пусть товарищи не делают себе никаких иллюзий на этот счет: иной цели нет у Ц. К. Креатуры заграничной компании подготовляют и составляют новые комитеты везде и повсюду (Одесса, Баку, Екатеринослав, Москва, Воронеж и т. д.). Заграничный кружок готовит себе свой подобранный съезд. Тайная организация, покончив с центрами, обратилась против местных комитетов.

Дезорганизаторская выходка петербургских меньшевиков не случайность, а обдуманный шаг к расколу комитета, шаг, произведенный при помощи кооптированных в Ц. К. «меньшевиков». Еще раз повторяем: масса партийных работников в России не знает этих фактов. Мы самым настойчивым образом предостерегаем и предупреждаем их: все эти факты обязан знать каждый, кто хочет бороться против дезорганизации за партию, кто не хочет оказаться окончательно одураченным.

Мы сделали все возможные уступки и ряд самых невозможных уступок, чтобы продолжать работать в одной партии с «меньшинством». Теперь, когда сорван третий съезд, и дезорганизация направлена на местные комитеты, всякая надежда на это потеряна. Мы должны, в отличие от «меньшевиков», которые действуют тайком, прячась от партии, заявить открыто и подтвердить на деле, что партия порывает с этими господами все и всякие отношения.

«Вперед» № 1, 4 января 1905 г. (22 декабря 1904 г.).

ПАДЕНИЕ ПОРТ-АРТУРА [19]).

«Порт-Артур капитулировал.

«Это событие — одно из величайших событий современной истории. Эти три слова, переданные вчера по телеграфу во все концы цивилизованного мира, производят подавляющее впечатление, впечатление громадной и страшной катастрофы, несчастья, которое трудно передать словами. Рушится моральная сила могучей империи, тускнеет престиж молодой расы, не успевшей еще как следует развернуться. Выносится приговор целой политической системе, обрывается длинный ряд притязаний, сламываются могучие усилия. Конечно, падение Порт-Артура давно уже предвидели, давно уже отделывались словами и утешали себя готовыми фразами. Но осязательный, грубый факт разбивает всю условную ложь. Теперь значение происшедшего краха нельзя ослаблять. Впервые старый мир унижен непоправимым поражением, которое нанесено ему новым миром, столь таинственным и, повидимому, отрочески-юным, вчера только призванным к цивилизации».

Так писала, под непосредственным впечатлением события, одна солидная европейская буржуазная газета. И, надо сознаться, ей удалось не только рельефно выразить настроение всей европейской буржуазии. Устами этой газеты говорит верный классовый инстинкт буржуазии старого мира, обеспокоенной успехами нового буржуазного мира, встревоженной крахом русской военной силы, которая долго считалась надежнейшим оплотом европейской реакции. Неудивительно, что даже не участвующая в войне европейская буржуазия чувствует все-таки себя униженной и подавленной. Она так привыкла отождествлять моральную силу России с военной силой европейского жандарма. Для нее престиж молодой русской расы был неразрывно связан с престижем непоколебимо сильной, твердо охраняющей современный «порядок», царской власти. Неудивительно, что катастрофа правящей и командующей России кажется всей европейской буржуазии «страшной»: эта катастрофа означает гигантское ускорение все-

мирного капиталистического развития, ускорение истории, а буржуазия очень хорошо, слишком хорошо знает, по горькому опыту знает, что такое ускорение есть ускорение социальной революции пролетариата. Западно-европейская буржуазия чувствовала себя так спокойно в атмосфере долгого застоя, под крылышком «могучей империи», и вдруг какая-то «таинственная, отрочески-юная» сила смеет рвать этот застой и ломать эти опоры.

Да, европейской буржуазии есть чего пугаться. Пролетариату есть чему радоваться. Катастрофа нашего злейшего врага означает не только приближение русской свободы. Она предвещает также новый революционный подъем европейского пролетариата.

Но почему и в какой мере падение Порт-Артура является действительно исторической катастрофой?

Прежде всего бросается в глаза значение этого события в ходе войны. Главная цель войны для японцев достигнута. Прогрессивная, передовая Азия нанесла непоправимый удар отсталой и реакционной Европе. Десять лет тому назад эта реакционная Европа, с Россией во главе, обеспокоилась разгромом Китая молодой Японией и объединилась, чтобы отнять у нее лучшие плоды победы. Европа охраняла установившиеся отношения и привилегии старого мира, его предпочтительное право, веками освященное исконное право на эксплуатацию азиатских народов. Возвращение Порт-Артура Японией есть удар, нанесенный всей реакционной Европе. Россия шесть лет владела Порт-Артуром, затратив сотни и сотни миллионов рублей на стратегические железные дороги, на создание портов, на постройку новых городов, на укрепление крепости, которую вся масса подкупленных Россией и раболепствующих перед Россией европейских газет прославила неприступною. Военные писатели говорят, что по своей силе Порт-Артур равнялся шести Севастополям. И вот, маленькая, всеми до тех пор презираемая, Япония в восемь месяцев овладевает этой твердыней, после того как Англия и Франция вместе возились целый год со взятием одного Севастополя. Военный удар непоправим. Решен вопрос о преобладании на море, — главный и коренной вопрос настоящей войны. Русский тихоокеанский флот, в начале бывший не менее, если не более, сильным, чем японский, уничтожен окончательно. Отнята самая база для операций флота, и эскадре Рождественского остается только позорно вернуться вспять, после бесполезной затраты новых миллионов, после великой победы грозных броненосцев над английскими рыбацкими лодками. Считают, что одна материальная потеря России на одном только флоте составляет сумму в триста миллионов рублей. Но еще важнее потеря десятка тысяч лучшего флотского экипажа, потеря целой сухопутной армии. Многие европейские газеты стараются теперь ослабить значение

этих потерь, усердствуя при этом до смешного, договариваясь до того, что Куропаткин «облегчен», «освобожден» от забот о Порт-Артуре! Русское войско освобождено также от целой армии. Число пленных достигает, по последним английским данным, *48.000 человек*, а сколько тысяч еще погибло в битвах под Кинчау и под самой крепостью. Японцы окончательно овладевают всем Ляодуном, приобретают опорный пункт неизмеримой важности для воздействия на Корею, Китай и Манчжурию, освобождают для борьбы с Куропаткиным закаленную армию в 80—100 тысяч человек и притом с громадной тяжелой артиллерией, доставка которой на реку Шахэ даст им подавляющий перевес над главными русскими силами.

Самодержавное правительство, по известиям заграничных газет, решило продолжать войну во что бы то ни стало и послать 200.000 войска Куропаткину. Очень может быть, что война протянется еще долго, но ее безнадежность уже очевидна, и все оттяжки будут только обострять те неисчислимые бедствия, которые несет русский народ за то, что терпит еще у себя на шее самодержавие. Японцы и до сих пор скорее и обильнее подкрепляли свои военные силы после каждого большого сражения, чем русские. А теперь, добившись полного господства на море и полного уничтожения одной из русских армий, они сумеют послать вдвое больше подкреплений, чем русские. Японцы до сих пор били и били русских генералов, несмотря на то, что вся масса лучшей артиллерии была у них занята в крепостной войне. Японцы добились теперь полного сосредоточения своих сил, а русским приходится опасаться не только за Сахалин, но и за Владивосток. Японцы заняли лучшую и наиболее населенную часть Манчжурии, где они могут содержать армию на средства завоеванной страны и при помощи Китая. А русским приходится все более ограничиваться припасами, привозимыми из России, и дальнейшее увеличение армии скоро станет для Куропаткина невозможным в силу невозможности подвоза достаточного количества припасов.

Но военный крах, понесенный самодержавием, приобретает еще большее значение, как признак крушения всей нашей политической системы. Безвозвратно канули в вечность те времена, когда войны велись наемниками или представителями полуоторванной от народа касты. Войны ведутся теперь народами, — даже Куропаткин, по свидетельству Немировича-Данченко, начал понимать теперь, что эта истина годится не для одних только прописей. Войны ведутся теперь народами, и потому особенно ярко выступает в настоящее время великое свойство войны: разоблачение на деле, перед глазами десятков миллионов людей, того несоответствия между народом и правительством, которое видно было доселе только небольшому сознательному меньшин-

ству. Критика самодержавия со стороны всех передовых русских людей, со стороны русской социал-демократии, со стороны русского пролетариата подтверждена теперь критикой японского оружия, подтверждена так, что невозможность жить при самодержавии *чувствуется* все более даже теми, кто не знает, что значит самодержавие, даже теми, кто знает это и всей душой хотел бы отстоять самодержавие. Несовместимость самодержавия с интересами всего общественного развития, с интересами всего народа (кроме кучки чиновников и тузов) выступила наружу, как только пришлось народу на деле, своей кровью, расплачиваться за самодержавие. Своей глупой и преступной колониальной авантюрой самодержавие завело себя в такой тупик, из которого может высвободиться только сам народ и только ценой разрушения царизма.

Падение Порт-Артура подводит один из величайших исторических итогов тем преступлениям царизма, которые начали обнаруживаться с самого начала войны и которые будут обнаруживаться теперь еще шире, еще более неудержимо. После нас хоть потоп! — рассуждал каждый маленький и большой Алексеев, не думая о том, не веря в то, что потоп действительно наступит. Генералы и полководцы оказались бездарностями и ничтожествами. Вся история кампании 1904 г. явилась, по авторитетному свидетельству одного английского военного обозревателя (в «Times» *)), «преступным пренебрежением элементарных принципов морской и сухопутной стратегии». Бюрократия гражданская и военная оказалась такой же тунеядствующей и продажной, как и во времена крепостного права. Офицерство оказалось необразованным, неразвитым, неподготовленным, лишенным тесной связи с солдатами и не пользующимся их доверием. Темнота, невежество, безграмотность, забитость крестьянской массы выступили с ужасающей откровенностью при столкновении с прогрессивным народом в современной войне, которая так же необходимо требует высококачественного человеческого материала, как и современная техника. Без инициативного, сознательного солдата и матроса невозможен успех в современной войне. Никакая выносливость, никакая физическая сила, никакая стадность и сплоченность массовой борьбы не могут дать перевеса в эпоху скорострельных малокалиберных ружей, машинных пушек, сложных технических устройств на судах, рассыпного строя в сухопутных сражениях. Военное могущество самодержавной России оказалось мишурным. Царизм оказался помехой современной, на высоте новейших требований стоящей, организации военного дела, — того самого дела, которому царизм отдавался всей душой, которым он всего более гордился, которому

*) — «Времена». *Ред.*

он приносил безмерные жертвы, не стесняясь никакой народной оппозицией. Гроб повапленный — вот чем оказалось самодержавие в области внешней защиты, наиболее родной и близкой ему, так сказать, специальности. События подтвердили правоту тех иностранцев, которые смеялись, видя, как десятки и сотни миллионов рублей бросаются на покупку и постройку великолепных военных судов, и говорили о бесполезности этих затрат при неумении обращаться с современными судами, при отсутствии людей, способных со знанием дела пользоваться новейшими усовершенствованиями военной техники. Отсталыми и никуда не годными оказались и флот, и крепость, и полевые укрепления, и сухопутная армия.

Связь между военной организацией страны и всем ее экономическим и культурным строем никогда еще не была столь тесной, как в настоящее время. Военный крах не мог не оказаться поэтому началом глубокого политического кризиса. Война передовой страны с отсталой сыграла и на этот раз, как неоднократно уже в истории, великую революционную роль. И сознательный пролетариат, будучи беспощадным врагом войны, неизбежного и неустранимого спутника всякого классового господства вообще,— не может закрывать глаза на эту революционную задачу, выполняемую разгромившей самодержавие японской буржуазией. Пролетариат враждебен всякой буржуазии и всяким проявлениям буржуазного строя, но эта враждебность не избавляет его от обязанности различения исторически прогрессивных и реакционных представителей буржуазии. Вполне понятно поэтому, что наиболее последовательные и решительные представители революционной международной социал-демократии, Жюль Гэд во Франции и Гайндман в Англии, выразили без обиняков свои симпатии к Японии, громящей русское самодержавие. У нас в России нашлись, конечно, социалисты, которые проявили путаницу мысли и в этом вопросе. «Революционная Россия» сделала выговор Гэду и Гайндману, заявив, что социалист может быть лишь за рабочую, народную Японию, а не за буржуазную Японию [20]). Этот выговор так же нелеп, как если бы стали осуждать социалиста за признание прогрессивности фритредерской буржуазии по сравнению с протекционистской. Гэд и Гайндман не защищали японской буржуазии и японского империализма, но в вопросе о столкновении двух буржуазных стран они правильно отметили исторически-прогрессивную роль одной из них. Путаница мысли «социалистов-революционеров» явилась, конечно, неизбежным результатом непонимания классовой точки зрения и исторического материализма нашей радикальной интеллигенцией. Не могла не проявить путаницы и новая «Искра». Она наговорила сначала немало фраз о мире во что бы то ни стало. Она метнулась затем «поправляться», когда Жорес наглядно показал,

чьим интересам, прогрессивной или реакционной буржуазии, должна послужить квази-социалистическая кампания в пользу мира вообще. Она кончила теперь пошлыми рассуждениями о том, как неуместно «спекулировать» (!!?) на победу японской буржуазии, и о том, что война есть бедствие «независимо от того», кончится ли она победой или поражением самодержавия [21]).

Нет. Дело русской свободы и борьбы русского (и всемирного) пролетариата за социализм очень сильно зависит от военных поражений самодержавия. Это дело много выиграло от военного краха, внушающего страх всем европейским хранителям порядка. Революционный пролетариат должен неутомимо агитировать против войны, всегда памятуя при этом, что войны неустранимы, пока держится классовое господство вообще. Банальными фразами о мире à la Жорес не поможешь угнетенному классу, который не отвечает за буржуазную войну между двумя буржуазными нациями, который все делает для свержения всякой буржуазии вообще, который знает необъятность народных бедствий и во время «мирной» капиталистической эксплуатации. Но, борясь против свободной конкуренции, мы не можем забывать ее прогрессивности по сравнению с полукрепостным строем. Борясь против всякой войны и всякой буржуазии, мы строго должны отличать в своей агитации прогрессивную буржуазию от крепостнического самодержавия, мы всегда должны отмечать великую революционную роль исторической войны, невольным участником которой является русский рабочий.

Не русский народ, а русское самодержавие начало эту колониальную войну, превратившуюся в войну старого и нового буржуазного мира. Не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению. Русский народ выиграл от поражения самодержавия. Капитуляция Порт-Артура есть пролог капитуляции царизма. Война далеко еще не кончена, но всякий шаг в ее продолжении расширяет необъятное брожение и возмущение в русском народе, приближает момент новой великой войны, войны народа против самодержавия, войны пролетариата за свободу. Не даром так тревожится самая спокойная и трезвенная европейская буржуазия, которая всей душой сочувствовала бы либеральным уступкам русского самодержавия, но которая пуще огня боится русской революции, как пролога революции европейской.

«Прочно укоренилось мнение, — пишет один из таких трезвенных органов немецкой буржуазии, — что взрыв революции в России вещь совершенно невозможная. Защищают это мнение всеми и всяческими доводами. Ссылаются на неподвижность русского крестьянства, на его веру в царя, зависимость от духовенства. Говорят, что крайние элементы среди недовольных представлены лишь маленькой горсткой людей, которые могут

устроить путчи (мелкие вспышки) и террористические покушения, но никак не вызвать общее восстание. Широкой массе недовольных, говорят нам, не хватает организации, оружия, а главное — решимости рисковать собой. Русский же интеллигент настроен обыкновенно революционно лишь до тридцати, примерно, лет, а затем он прекрасно устраивается в уютном гнездышке казенного местечка, и большая часть горячих голов проделывает превращение в дюжинного чиновника». Но теперь, продолжает газета, целый ряд признаков свидетельствует о крупной перемене. О революции в России говорят уже не одни революционеры, а такие совершенно чуждые «увлечений», солидные столпы порядка, как князь Трубецкой, письмо которого к министру внутренних дел перепечатывается теперь всей заграничной печатью [22]). «Боязнь революции в России имеет, видимо, фактические основания. Правда, никто не думает, что русские крестьяне возьмутся за вилы и пойдут бороться за конституцию. Но разве революции делаются в деревнях? Носителями революционного движения в новейшей истории давно стали крупные города. А в России именно в городах идет брожение с юга до севера и с востока до запада. Никто не возьмется предсказать, чем это кончится, но что число людей, считающих революцию в России невозможной, убывает с каждым днем, это факт несомненный. А если последует серьезный революционный взрыв, то более чем сомнительно, чтобы с ним сладило самодержавие, ослабленное войной на Дальнем Востоке».

Да. Самодержавие ослаблено. В революцию начинают верить самые неверующие. Всеобщая вера в революцию есть уже начало революции. О ее продолжении печется само правительство своей военной авантюрой. О поддержке и расширении серьезного революционного натиска позаботится русский пролетариат.

«Вперед» № 2, 14 (1) января 1905 г.

СОЛОВЬЯ БАСНЯМИ НЕ КОРМЯТ.

Обращаем внимание читателей на выпущенную только что новоискровцами брошюру *Рабочего:* «Рабочие и интеллигенты в наших организациях» с предисловием Аксельрода. Нам придется, вероятно, неоднократно возвращаться к этому поучительнейшему произведению, которое великолепно показывает, какие плоды приносила и приносит демагогическая проповедь «меньшинства» или новоискровцев, и как эти последние стараются сами выпутаться теперь из всего того хлама, что они наговорили. Отметим пока лишь суть брошюры и предисловия.

«Рабочий» имел несчастье поверить проповеди новоискровцев. Он так и сыплет поэтому рабочедельческими фразами в духе Акимова. «Наши руководители-интеллигенты... не ставили себе задачей... развивать сознание и самодеятельность рабочих...». Стремления к самодеятельности «систематически преследовались». «Ни в одном из типов организации не было и нет места для развития самодеятельности рабочих...». «Экономическая борьба была совсем заброшена», даже на пропагандистские и агитационные сходки «рабочие не допускались» (вот даже как!). Демонстрации «пережили себя» — все эти ужасы (о которых давно кричало старое «Раб. Дело» против старой «Искры») вызваны, конечно, «бюрократическими централистами», т.-е. большинством второго нашего съезда, которое боролось с рабочедельством. Натравленный обиженным меньшинством против партийного съезда, несчастный «Рабочий» разносит в пух и прах этот съезд за то, что он был «без нас» (без рабочих), «без нашего участия», там не было «почти ни одного рабочего», — при чем, разумеется, скромно обходится тот факт, что все действительные рабочие, бывшие делегатами съезда, Степанов, Горский и Браун, были решительными сторонниками большинства и противниками интеллигентской бесхарактерности. Но это не важно. Важно то, до какого бесконечного разврата доводит проповедь новоискровцев, которые «разносят» съезд после поражения на выборах, разносят перед неучаствовавшими на съезде,

подстрекая к оплевыванию всяких социал-демократических съездов, разносят в то самое время, когда они благородно пролезли в центральные учреждения, действующие исключительно от имени съезда. Не честнее ли позиция Рязанова (см. его брошюру: «Разбитые иллюзии»), который открыто объявил съезд *свозом* и который, по крайней мере, не пользуется от своза никакими титулами и званиями?

Крайне характерно, однако, для психологии рабочего, хотя и натравленного на «большинство», что он не удовлетворяется фразами об автономии, рабочей самодеятельности и проч. Он повторяет эти слова, как и всякий новоискровец или рабочеделец, но он с трезвым пролетарским инстинктом добивается *дел в подтверждение слов*, он не удовлетворяется тем, что его кормят баснями. Красивые слова, говорит он, остаются словами «*без изменения в составе*» (курс. «Рабочего») руководителей. Надо требовать *доступа* рабочих во все серьезные партийные учреждения, надо добиваться *равных прав* с интеллигентами. С глубоким недоверием истинного пролетария и истинного демократа ко всякому фразерству, «Рабочий» говорит: *где гарантия, что в комитетах не будут заседать одни лишь интеллигенты?* Это не в бровь, а прямо в глаз нашим новоискровцам. Этот великолепный вопрос показывает, что рабочедельское науськивание не засорило еще ясной мысли пролетария. Он прямо заявляет, что комитет, где он работал, «комитетом меньшинства оставался в принципе на бумаге (слушайте!), — в практике же своей ничем не отличался от комитетов большинства. Нам, рабочим, не было доступа ни в какое (не говоря уже о комитете) ответственное, а значит руководящее учреждение».

Никому не удалось бы так хорошо вывести на чистую воду меньшевиков, как этому рабочему-меньшевику. Он понял, что *без гарантий* разглагольствование об автономии и самодеятельности пролетариата остается пошлым фразерством. А какие возможны *гарантии* в социал-демократических организациях, подумали ли вы об этом, товарищ «Рабочий»? Какие гарантии возможны против того, что революционеры, сообща собравшиеся на съезд партии, начнут потом, обидевшись на невыбор их съездом, кричать, что съезд был реакционной попыткой закрепить искровские взгляды (Троцкий в брошюре, изданной *под редакцией новой «Искры»*), что решения съезда не священны, что на съезде не было рабочих из массы? Какие гарантии возможны против того, что общее решение относительно форм и норм партийной организации, решение, которое называется организационным уставом партии и которое не может существовать иначе, как в виде такого устава, — это решение рвется потом бесхарактерными людьми в той части, которая им неприятна, под предлогом бюрократичности и формалистичности таких во-

шей, как уставы? Какие гарантии возможны против того, что люди, нарушившие сообща принятые правила организации, начнут рассуждать потом, что организация есть процесс, организация есть тенденция, организация есть форма, идущая в ногу с содержанием, и что поэтому нелепо и утопично требовать соблюдения правил организаций? «Рабочий», автор брошюры, не подумал ни об одном из этих вопросов. Но он так близко, вплотную подошел к ним, так искренне и смело поставил их в упор фразерам и политиканам, что мы от души рекомендуем его брошюру. Эта брошюра превосходный образчик того, как разоблачают рыцарей «красивого слова» их собственные сторонники.

«Рабочий» восстает, с чужих слов, против «организационного плана» Ленина, не указывая, как водится, *ни единого* ясного и определенного пункта недовольства планом, ссылаясь на Панина и Череванина [23] (ничего не давших, кроме раздраженных слов) и не пытаясь даже *заглянуть* в пресловутое письмо Ленина к петербургскому товарищу. А если бы «Рабочий» не верил своим науськивателям на слово и поглядел это письмо, он, к своему великому удивлению, прочел бы там:

«Надо особенно стараться о том, чтобы как можно более рабочих становились вполне сознательными и профессиональными революционерами и попадали в комитет. В комитет надо стараться ввести рабочих-революционеров, имеющих наибольшие связи и наилучшее «имя» в рабочей массе. В комитете должны быть, поэтому, по возможности, все главные вожаки рабочего движения из самих рабочих». (Письмо, стр. 7—8.) *)

Прочтите и перечтите эти строки, товарищ-«Рабочий», и вы увидите, как *обморочили вас* рабочедельцы и новоискровцы, разносящие старую «Искру» и ее сторонников, «большинство» второго съезда. Вчитайтесь в эти строки и попробуйте принять такой мой вызов: найдите мне в нашей социал-демократической литературе *другое место, где бы так же ясно и прямо и решительно* ставился вами поставленный вопрос о «рабочих и интеллигентах в наших организациях», при чем указывалось бы на необходимость вводить как можно более рабочих *в комитет,* вводить, по возможности, всех вожаков рабочего движения из рабочих *в комитет. Я утверждаю, что вы такого другого места указать не сможете.* Я утверждаю, что всякий, давший себе труд изучить наши партийные споры по документам, *по «Рабочему Делу»,* по «Искре» и брошюрам, а не по россказням сплетников, увидит лживость и демагогический характер новоискровской проповеди.

---

*) См. V том Сочинений, стр. 180. *Ред.*

Вы возразите, пожалуй: Ленин мог это писать, но его советы не всегда исполнялись. Разумеется, это возможно. Ни один партийный писатель не поручится за то, что все, называющие себя его сторонниками, на деле исполняют всегда его советы. Но, во-первых, разве такой социал-демократ, который называл бы себя сторонником «письма» и в то же время не исполнял его советов, не изобличался бы самым этим письмом? Разве письмо напечатано для одних интеллигентов, а и не для рабочих тоже? Разве есть у писателя иные средства проводить свои взгляды, кроме печатного заявления? А, во-вторых, если эти советы не исполнялись, по свидетельству хотя бы «Рабочего», ни меньшевиками, ни большевиками, то не ясно ли отсюда, что меньшевики не имели никакого права *сочинять* подобного «разногласия» с большевиками? что их науськивание рабочих против большевиков за игнорирование последними рабочей самодеятельности было демагогией?

В чем же состоит *реальная* разница *по этому пункту* между меньшевиками и большевиками? Не в том ли, что большевики гораздо раньше и гораздо прямее давали ясные и определенные советы вводить в комитет рабочих? Не в том ли, что большевики презирали и презирают «красивые слова» об автономии и самодеятельности рабочих, когда эти слова (как у меньшевиков) остаются только словами?

Посмотрите, как вывертывается теперь почтенный, заслуженный и старейший Аксельрод в своем предисловии, припертый к стене пролетарской прямотой и дерзостью рабочего, начитавшегося рабочедельческой мудрости из «замечательных» фельетонов Аксельрода, из незабвенных статей Мартова, из превосходной (с точки зрения интересов «большинства») брошюры Троцкого [24].

«Рабочий» пробует оспорить утверждение Рядового, что наша партийная организация со времени экономизма по личному составу стала относительно более пролетарской [25]). «Рабочий», очевидно, неправ. Это знает всякий, кто близко наблюдал дела в нашей партии за сколько-нибудь значительный промежуток времени. Но курьезнее всего видеть, как переметывается наш Аксельрод. Кто не помнит его великолепных, так искусно использованных врагами социал-демократии, либеральными освобожденцами, утверждений, что социал-демократия есть интеллигентская организация? Кто не помнит, как повторяли и разжевывали эту клевету на партию обиженные партией новоискровцы? И вот, этот же самый Аксельрод, испугавшись тех прямых и честных выводов, которые сделал из этой клеветы «Рабочий», изворачивается:

«В период зарождения и первоначального развития социал-демократии,— говорит он в предисловии,— русская революционная партия была партией чисто интеллигентской... Теперь сознательно-революционные рабочие составляют собой главные отряды (слушайте!) социал-демократической партии» (стр. 15).

Бедный «Рабочий»! Как наказан он за то, что поверил «красивым словам» Аксельрода! И всегда будут наказаны те, кто верит писателям, за полтора года говорящим то одно, то другое, смотря по надобностям «кооптации».

Посмотрите, как изворачивается Аксельрод от поставленного ему в упор вопроса о «гарантиях». Ведь это прелесть, это — перл новоискровской литературы. «Рабочий» говорит об отношении рабочих и интеллигентов *в организациях,* «Рабочий» *тысячу раз прав,* когда заявляет, что без гарантий, без равных прав, т.-е. без выборного начала, красивые слова о небюрократическом централизме остаются одним фразерством. И как отвечает Аксельрод? «Увлечение мыслью об изменении правового положения рабочих в наших организациях односторонне», напрасно автор переносит вопрос об устранении зла «в область формально-организационных отношений», напрасно забывает, что «частная задача уравнения в правах» решается лишь «в процессе дальнейшего развития нашей практики в социал-демократическом направлении». «Вопрос, специально занимающий автора брошюры, радикально может быть разрешен только в процессе сознательной коллективной работы нашей партии».

Не правда ли, разве это не перл? Ведь сам же Аксельрод поднял и первый поставил именно организационный и только организационный вопрос на съезде Лиги и в новой «Искре» (№ 55)[26], а когда «Рабочий» пишет специальную брошюру об организации, то ему величественно говорят: не формальность важна, а процесс работы!

Не принципы организации важны новой «Искре» и Аксельроду, а процесс болтовни для оправдания беспринципной позиции. И никакого другого содержания, кроме защиты беспринципности, нет во всей пресловутой теории организации-процесса (см. особенно статьи Розы Люксембург), теории, опошляющей и проституирующей марксизм[27].

Повторяем: нельзя достаточно рекомендовать замечательной брошюры «Рабочего» для ознакомления со всей фальшью организационной позиции новоискровцев. Особенно настоятельно рекомендуем мы эту брошюру рабочим, которых меньшевики науськивают на большевиков проповедью выборного начала *). Рабочие великолепно изобличают фразеров и лгунов. Они отлично ставят

---

*) См. *Н. Ленин.* «Заявление и документы о разрыве центральных учреждений с партией». (См. VI том Сочинений. *Ред.*) Приведенное в этой брошюре письмо *вождя меньшевиков* гласит: «Рабочие требуют выборной системы, это явный симптом агонии твердокаменных». Я принадлежу к твердокаменным, но я очень доволен такой агонией. Требования рабочими выборного начала ясно показывают, что новоискровцам не удалось накормить рабочих баснями, и никакие увертки Аксельрода не спасут его теперь от полного разоблачения.

вопрос: либо выборное начало, либо только совет о введении рабочих в комитеты. Если выборное начало, тогда давайте формальные гарантии, уставные гарантии, уставное равноправие. Рабочие увидят, как вертятся новоискровцы от этого вопроса, точно черти перед заутреней. Если желательны советы вводить рабочих, если права старая «Искра», считавшая демократизм, т.-е. всеобщее применение выборного начала в *русских* конспиративных организациях, несовместимым с самодержавно-полицейским строем, тогда вы *нигде* не найдете таких прямых и назидательных советов вводить рабочих в комитеты, как у большинства.

«Вперед» № 2, 14 (1) января 1905 г.

ПИСЬМО ЦЮРИХСКОЙ ГРУППЕ БОЛЬШЕВИКОВ.

Genève, le 18/I 1905 г.*)

Уважаемые товарищи! Собирать собрание редакции для ответа на Ваш запрос нет возможности, и я позволю себе ответить Вам за себя лично. Цюрихская группа большевиков спрашивает, «как мы относимся к Ц. О. и Ц. К., считаем ли их законно существующими, но незаконно действующими и находимся к ним в оппозиции или не признаем их вовсе в качестве партийных центров».

Мне сдается, что ваш вопрос отдает несколько казуистикой. Анонс газеты Вперед и № 1 (Пора кончить **)) + мое «заявление и документы», казалось бы, отвечают уже на вопрос *по существу*. Центры (Ц. О., Ц. К. и Совет) *порвали* с партией, сорвали и 2-ой и 3-ий съезд, надули партию самым площадным образом, узурпировали свои местечки по бонапартистски. Какая же тут может быть речь о законном существовании центров? Законно ли владеет деньгами мошенник, сцапавший их по подложному векселю?

Мне кажется странным, что цюрихские большевики все еще недоумевают, когда вопрос так разжеван уже.

Что центры не захотели подчиниться партии, это доказано вполне. Как же быть нам? Созвать 3-ий съезд? Обманули и насчет него. Остается одно: порвать с меньшевиками как можно *полнее*, скорее, определеннее (открыто, публично), созвать свой партийный 3-ий съезд, помимо согласия центров и без них, начать *немедленно* (не дожидаясь и этого центра (?)) работать с нашими партийными центрами, редакцией Вперед и русским бюро, выбранным северной конференцией.

Повторяю: центры *поставили себя вне* партии. Середины нет: кто за центры, кто за партию? Пора размежеваться и, в отли-

---

*) — Женева, 18/I 1905 г. *Ред.*
**) См. настоящий том, стр. 40—43. *Ред.*

чпе от меньшевиков, раскалывавших партию тайно, принять их вызов открыто: да, раскол, ибо вы раскололись до конца. Да, раскол, ибо мы исчерпали *все* средства оттяжки и *партийного* решения (3-им съездом). Да, раскол, ибо везде и повсюду поганая склока с дезорганизаторской . . . . . *) только вредила делу.

Из Питера пишут нам: лучше стало после раскола, работать можно без склоки, с людьми, коим доверяешь. Неужели это не ясно? Долой бонапартистов и дезорганизаторов!

Сообщите, довольны ли этим ответом.

Сплотиться группам большинства за границей *необходимо*. Напишите об этом немедленно бернцам (адрес). Они уже взялись за это и ответят Вам лучше меня. Надо энергичнее взяться. Переписывайтесь со всеми группами, подталкивайте насчет денег и материалов, основывайте группы в новых местах и т. д.

Мы себя также куда лучше стали чувствовать, когда порвали с «меньшинством» окончательно. От души желаем и Вам развязаться поскорее.

Жму руку. Ваш *Н. Ленин.*

Впервые напечатано в 1926 г. в «Ленинском Сборнике» V.

Печатается по рукописи.

---

*) В рукописи здесь пометка: «(слово зачеркнуто)». *Ред.*

ПИСЬМО Е. Д. СТАСОВОЙ И ТОВАРИЩАМ В МОСКОВСКОЙ ТЮРЬМЕ [28]).

19. I. 05.

Дорогие друзья! Получил Ваш запрос насчет тактики на суде (из письма Абсолюта и из записки, «дословно переданной» через неизвестное лицо). Абсолют пишет о 2-х точках зрения. В записке говорится о трех группах, может быть имеются в виду три следующие оттенка, которые я пытаюсь восстановить: 1) Отрицать суд и прямо бойкотировать его. 2) Отрицать суд и не принимать участия в судебном следствии. Адвоката приглашать лишь на условии, чтобы он говорил исключительно о несостоятельности суда с точки зрения отвлеченного права. В заключительной речи изложить profession de foi *) и требовать суда присяжных. 3) Насчет заключительного слова тоже. Судом пользоваться как агитационным средством и для этого принимать участие в судебном следствии при помощи адвоката. Показывать беззаконность суда и даже вызывать свидетелей (доказывать alibi **) etc.).

Далее вопрос: говорить ли только о том, что по убеждениям социал-демократ или признавать себя членом Российской Социал-Демократической Рабочей Партии?

Вы пишете, что нужна брошюра по этому вопросу. Я бы не считал удобным сейчас же, без указаний опыта, пускать брошюру. Может быть, в газете коснемся как-нибудь, при случае. Может быть, кто-либо из сидящих напишет статейку для газеты (5 — 8 тысяч букв)? Это было бы, пожалуй, самое лучшее для начала дискуссии.

Лично я не составил еще себе вполне определенного мнения и предпочел бы, раньше чем высказываться решительно, побеседовать пообстоятельнее с товарищами, сидящими или бывавшими на суде. Для почина такой беседы я изложу свои сообра-

*) — символ веры. *Ред.*
**) — отсутствие, нахождение в другом месте, невиновность. *Ред.*

жения. Многое зависит, по моему, от того, *какой* будет суд? Т.-е. есть ли возможность воспользоваться им для агитации или никакой нет возможности? Если первое, тогда тактика № 1 негодна; если второе, тогда она уместна, но и то лишь после открытого, определенного, энергичного протеста и заявления. Если же есть возможность воспользоваться судом для агитации, тогда желательна тактика № 3. Речь с изложением profession de foi вообще очень желательна, очень полезна, по моему, и в большинстве случаев имела бы шансы сыграть агитационную роль. Особенно в начале употребления правительством судов следовало бы социал-демократам выступать с речью о социал-демократической программе и тактике. Говорят: неудобно признавать себя членом партии, особенно организации, лучше ограничиваться заявлением, что я социал-демократ по убеждению. Мне кажется, организационные отношения надо прямо отвести в речи, т.-е. сказать, что де по понятным причинам я о своих организационных отношениях говорить не буду, но я социал-демократ и я буду говорить о *нашей* партии. Такая постановка имела бы две выгоды: прямо и точно оговорено, что об организационных отношениях говорить нельзя (т.-е. принадлежал ли к организации, к какой etc.) и в то же время говорится о партии *нашей*. Это необходимо, чтобы социал-демократические речи на суде стали речами и заявлениями партийными, чтобы агитация шла в пользу партии. Другими словами: формально-организационные отношения мои я оставляю без рассмотрения, умолчу о них, формально от имени какой бы то ни было организации говорить не буду, но, как социал-демократ, я вам буду говорить о *нашей* партии и прошу брать мои заявления как опыт изложения именно тех социал-демократических взглядов, которые проводились во всей *нашей* социал-демократической литературе, в таких-то наших брошюрах, листках, газетах.

Вопрос об адвокате. Адвокатов надо брать в ежовые рукавицы и ставить в осадное положение, ибо эта интеллигентская сволочь часто паскудничает. Заранее им объявлять: если ты, сукин сын, позволишь себе хоть самомалейшее неприличие *или политический оппортюнизм* (говорить о неразвитости, о неверности социализма, об увлечении, *об отрицании социал-демократами насилия,* о мирном характере их учения и движения и т. д. или хоть что-либо подобное), то я, подсудимый, тебя оборву тут же публично, назову подлецом, заявлю, что отказываюсь от такой защиты и т. д. И приводить эти угрозы в исполнение. Брать адвокатов только умных, других не надо. Заранее объявлять им: исключительно критиковать и «ловить» свидетелей и прокурора на вопросе проверки фактов и подстроенности обвинения, исключительно дискредитировать шемякинские стороны суда. Даже умный либеральный адвокат архи-склонен сказать *или намекнуть*

на мирный характер социал-демократического движения, на признание его культурной роли даже людьми в роде Ад. Вагнеров etc. Все подобные поползновения надо пресечь в корне. Юристы самые реакционные люди, как говорил, кажется, Бебель. Знай сверчок свой шесток. Будь только юристом, высмеивай свидетелей обвинения и прокурора, самое большее противопоставляй этакий суд и суд присяжных в свободной стране, но убеждений подсудимого не касайся, об оценке тобой его убеждений и его действий не смей и заикаться. Ибо ты, либералишко, до того этих убеждений не понимаешь, что даже хваля их не сумеешь обойтись без пошлостей. Конечно, все это можно изложить адвокату не по Собакевичевски, а мягко, уступчиво, гибко и осмотрительно. Но все же лучше адвокатов бояться и не верить им, *особенно* если они скажут, что они социал-демократы и члены партии (по нашему § 1!!).

Вопрос об участии в судебном следствии решается, мне кажется, вопросом об адвокате. Приглашать адвоката и значит участвовать в судебном следствии. Отчего же не участвовать для ловли свидетелей и агитации против суда. Конечно, надо быть очень осторожным, чтобы не впасть в тон неуместного оправдывания, это что и говорить! Лучше всего сразу, *до* судебного следствия, на первые вопросы председателя заявить, что я социал-демократ и в своей де речи скажу вам, что̀ это значит. Конкретно решение вопроса об участии в судебном следствии зависит всецело от обстоятельств: допустим, что вы изобличены вполне, что свидетели говорят правду, что вся суть обвинения в несомненных документах. Тогда может быть не к чему и участвовать в судебном следствии, а все внимание обратить на принципиальную речь. Если же факты шатки, агентурные свидетели путают и врут, тогда едва ли расчет отнимать у себя агитационный материал для изобличения подстроенности суда. Зависит также дело и от подсудимых: если они очень утомлены, больны, устали, нет привычных к «судоговорению» и к словесным схваткам, цепких людей, тогда будет может быть рациональнее отказаться от участия в судебном следствии, заявить это и все внимание отдать принципиальной речи, которую желательно подготовить заранее. Во всяком случае речь о принципах, программе и тактике социал-демократии, о рабочем движении, о социалистических целях, о восстании — самое важное.

Повторяю в заключение еще раз: это мои предварительные соображения, которые всего менее следует рассматривать как попытку решать вопрос. Надо дождаться некоторых указаний опыта. А при выработке этого опыта товарищам придется в массе случаев руководиться взвешиванием конкретных обстоятельств и *инстинктом революционера*.

Большой, большой привет Курцу, Рубену, Бауману и всем друзьям. Не унывайте! Дела у нас теперь пошли хорошо. Со скандалистами мы развязались наконец. С тактикой отступления порвали. Теперь мы наступаем. Русские комитеты тоже начинают разрывать с дезорганизаторами. Газета своя поставлена. Практический центр свой (бюро) есть. Газеты вышло два номера, на-днях (23. I. 05 нового стиля) выходит 3-ий. Надеемся выпускать еженедельно. Желаю здоровья и бодрости!! Мы еще увидимся, наверное, и повоюем при лучших условиях, чем здешняя склока и дрязга вроде съездов Лиги!

Впервые напечатано в 1924 г., в журн. «Пролетарская Революция» № 7 (30). *Печатается по рукописи.*

РАБОЧАЯ И БУРЖУАЗНАЯ ДЕМОКРАТИЯ [29]).

Вопрос об отношении социал-демократии или рабочей демократии к демократии буржуазной есть старый и в то же время вечно новый вопрос. Он стар, ибо выдвинут с тех самых пор, как возникла социал-демократия. Его теоретические основы выяснены еще в самых ранних произведениях марксистской литературы, в «Коммунистическом Манифесте» и в «Капитале». Он вечно нов, ибо каждый шаг в развитии каждой капиталистической страны дает особое, оригинальное сочетание различных оттенков буржуазной демократии и различных течений в социалистическом движении.

И у нас в России этот старый вопрос сделался особенно новым в настоящее время. Чтобы отчетливее выяснить себе теперешнюю постановку, мы начнем с небольшой исторической справки. Старое русское революционное народничество стояло на утопической, полу-анархической точке зрения. Мужика-общинника считали готовым социалистом. За либерализмом образованного русского общества ясно видели вожделения русской буржуазии. Борьба за политическую свободу отрицалась, как борьба за учреждения, выгодные буржуазии. Народовольцы сделали шаг вперед, перейдя к политической борьбе, но связать ее с социализмом им не удалось. Буржуазно-демократическая сущность русского интеллигентского движения, начиная от самого умеренного, культурнического, и кончая самым крайним, революционно-террористическим, стала выясняться все более и более, одновременно с появлением и развитием пролетарской идеологии (социал-демократии) и массового рабочего движения. Но рост этого последнего сопровождался расколом среди социал-демократов. Ясно обнаружилось революционное и оппортунистическое крыло социал-демократии, выражавшие первое — пролетарские, второе — интеллигентские тенденции нашего движения. Легальный марксизм скоро на деле оказался «отражением марксизма в буржуазной литературе» [30]) и через бернштейнианский оппортунизм дошел прямиком до либерализма. Экономисты в социал-демократии,

с одной стороны, увлекались полу-анархической концепцией чисто-рабочего движения, считали поддержку буржуазной оппозиции социалистами изменой классовой точке зрения, заявляли, что буржуазная демократия в России есть фантом. С другой стороны, экономисты другого оттенка, увлекаясь тем же чисто рабочим движением, упрекали революционных социал-демократов в игнорировании той общественной борьбы с самодержавием, которую ведут наши либералы, земцы, культурники.

Старая «Искра» показывала элементы буржуазной демократии в России еще тогда, когда многие не видели их. Она требовала поддержки этой демократии пролетариатом (см. № 2 «Искры» о поддержке студенческого движения*), № 8 о нелегальном земском съезде[31], № 16 о либеральных предводителях дворянства**), № 18 о брожении в земстве***) и др.). Она отмечала постоянно классовый, буржуазный характер либерального и радикального движения и говорила по адресу виляющих освобожденцев: «Пора бы понять ту нехитрую истину, что действительная (а не словесная) совместность борьбы с общим врагом обеспечивается не политиканством, не тем, что покойный Степняк однажды назвал самоурезываньем и самозапрятываньем, не условной ложью дипломатического взаимопризнанья, а фактическим участием в борьбе, фактическим единством борьбы» (№ 26 ****)).

Эта постановка вопроса старой «Искрой» вплотную подводит нас к теперешним спорам об отношении социал-демократов к либералам. Как известно, начались эти споры со второго съезда, вынесшего две резолюции, соответствующие точке зрения большинства (резолюция Плеханова) и меньшинства (резолюция Старовера). Первая резолюция точно указывает классовый характер либерализма, как движения буржуазии, и выдвигает на первый план задачу выяснять пролетариату антиреволюционный и противопролетарский характер главного либерального направления (освобожденства). Признавая необходимость поддержки пролетариатом буржуазной демократии, эта резолюция не впадает в политиканское взаимопризнанье, а в духе старой «Искры» сводит дело к совместности в борьбе: «поскольку буржуазия *является* революционной или только оппозиционной *в своей борьбе* с царизмом», *постольку* соц.-демократы «должны поддерживать» ее.

Наоборот, резолюция Старовера не дает классового анализа либерализма и демократизма. Она полна добрых намерений, она сочиняет условия соглашения возможно более высокие и хорошие, но, к сожалению, — фиктивные, *словесные:* либералы или демократы должны *заявить* то-то, не выставлять *требований*

---

*) См. IV том Сочинений, стр. 69. *Ред.*
**) См. IV том Сочинений, стр. 353. *Ред.*
***) См. V том Сочинений, стр. 74. *Ред.*
****) См. V том Сочинений. стр. 199. *Ред.*

таких-то, сделать своим *лозунгом* то-то. Как будто бы история буржуазной демократии везде и всюду не предостерегала рабочих от веры в заявления, требования и лозунги! Как будто бы история не показывала нам сотни примеров, когда буржуазные демократы выступали с лозунгами не только полной свободы, но и равенства, с лозунгами социализма, не переставая от этого быть буржуазными демократами, и этим внося еще больше «затемнения» сознания пролетариата! Интеллигентское крыло социал-демократии хочет бороться против этого затемнения предъявлением условий (буржуазным демократам) о незатемнении! Пролетарское крыло борется анализом классового содержания демократизма. Интеллигентское крыло гонится за словесными условиями соглашений. Пролетарское — требует фактической совместности борьбы. Интеллигентское крыло сочиняет мерку хорошей, доброй и заслуживающей соглашения с нею буржуазии. Пролетарское никакой доброты от буржуазии не ожидает, а поддерживает всякую, хотя бы и самую худую буржуазию — *постольку, поскольку она на деле борется против царизма.* Интеллигентское крыло сбивается на точку зрения торгашества: если встанете на сторону социал-демократов, а не соц.-революционеров, тогда мы согласны войти в соглашение против общего врага, а то так нет. Пролетарское крыло стоит на точке зрения целесообразности: мы вас поддерживаем исключительно в зависимости от того, можем ли мы ловчее нанести хоть какой-нибудь удар нашему врагу.

В своих статьях №№ 77 и 78 «Искра» [32]) развивает резолюцию Старовера. Основной мыслью этих статей является различение между земцами и буржуазной демократией. Это различение проходит красной нитью через обе статьи, при чем вместо термина буржуазная демократия и на-ряду с ним употребляются, как равнозначущие, термины: демократия, радикальная интеллигенция (sic!), нарождающаяся демократия, интеллигентная демократия. Это различение возводится новой «Искрой» в великое открытие, в оригинальную концепцию, «которой не дано было уразуметь» бедному Ленину. Демократия должна действовать самостоятельно в качестве самостоятельной силы. «Российский либерализм, от которого отнята его исторически-необходимая часть, его движущий нерв (слушайте!), его буржуазно-демократическая половина, годен разве на то, чтобы его бичевали скорпионами». В Ленинской концепции «русского либерализма не было места таким общественным элементам, на которые социал-демократия могла бы оказать когда бы то ни было (!) свое воздействие в качестве авангарда демократии».

Такова новая теория. Как и все новые теории теперешней «Искры», она представляет из себя сплошную путаницу. Во-первых, неосновательна претензия на «открытие» интеллигентной демократии. Во-вторых, неверно различение земского либерализма

и буржуазной демократии. В-третьих, несостоятельно мнение, что интеллигенция может стать самостоятельной силой. В-четвертых, несправедливо утверждение, что земский либерализм (без «буржуазно-демократической» половины) годен лишь для бичевания. Разберем все эти пункты.

Ленин будто бы игнорировал нарождение интеллигентной демократии и третьего элемента.

Открываем «Зарю» № 2—3 *). Берем то самое «Внутреннее обозрение», которое цитируется в фельетоне Старовера. Читаем *заголовок отдела третьего:* «Третий элемент». Перелистываем этот отдел и читаем о «росте числа и влияния служащих в земстве врачей, техников и т. п.», читаем о «непокорном экономическом развитии, вызывающем потребность в интеллигентах, число которых все возрастает», о «неизбежности конфликтов этих интеллигентов с бюрократией и с управскими воротилами», о «прямо-эпидемическом характере этих конфликтов в последнее время», о «непримиримости самодержавия с интересами интеллигенции вообще», читаем *прямой призыв* этих элементов «под знамя» социал-демократии...

Не правда ли, хорошо? Новооткрытая интеллигентная демократия и необходимость ее призыва под знамя социал-демократии «открыты» зловредным Лениным *три года тому назад!*

Конечно, тогда не было еще открыто противопоставление земцев *и* буржуазной демократии. Но это противопоставление так же умно, как если бы мы сказали: Московская губерния *и* территория Российской империи. Земцы-цензовики и предводители дворянства суть *демократы,* поскольку они выступают против самодержавия и крепостничества. Их демократизм ограничен, узок и непоследователен, как ограничен, узок и непоследователен в разных степенях весь и всякий буржуазный демократизм. Передовица № 77 «Искры» анализирует наш либерализм, деля его на группы: 1) крепостники-помещики; 2) либералы-помещики; 3) интеллигенция либеральная, стоящая за цензовую конституцию, и 4) крайняя левая — демократическая интеллигенция. Этот анализ — неполный и путанный, ибо интеллигентские деления смешиваются с делением разных классов и групп, интересы которых выражает интеллигенция. Кроме интересов широкого слоя помещиков, русский буржуазный демократизм отражает интересы массы торговцев и промышленников, преимущественно средних и мелких, а также (что особенно важно) массы хозяев и хозяйчиков среди крестьянства. Игнорирование этого наиболее широкого слоя русской буржуазной демократии есть первый пробел в анализе «Искры». Второй пробел есть забвение того, что русская демократическая интеллигенция не случайно, а необходимо

*) См. IV том Сочинений, стр. 315—321. *Ред.*

распадается, по своей политической позиции, на три русла: освобожденское, социалистско-революционное и социал-демократическое. Все эти направления имеют за собой длинную историю и каждое выражает (с возможной в самодержавном государстве определенностью) точку зрения умеренных и революционных идеологов буржуазной демократии и точку зрения пролетариата. Нет ничего курьезнее, как невинное пожелание новой «Искры»: «демократия должна действовать в качестве самостоятельной силы», при чем тут же рядом демократия отождествляется с радикальной интеллигенцией! Новая «Искра» позабыла, что радикальная интеллигенция или интеллигентная демократия, ставшая «самостоятельной силой», *это и есть наша «партия социалистов-революционеров»!* Стоять на почве буржуазной демократии и двигаться влево от «Освобождения», значит двигаться к социалистам-революционерам и никуда более.

Наконец, еще менее выдерживает критику последнее новое открытие новой «Искры», именно, что «либерализм без буржуазно-демократической половины» годен разве на то, чтобы его бичевали скорпионами, что «идею гегемонии разумнее выбросить за борт», если не к кому обращаться, кроме земцев. Всякий либерализм годен на то, чтобы социал-демократия поддерживала его ровно постольку, поскольку он на деле выступает борцом против самодержавия. Именно эта поддержка единственным последовательным до конца демократом, т.-е. пролетариатом, всех непоследовательных (т.-е. буржуазных) демократов и осуществляет идею гегемонии. Только мелко-буржуазное, торгашеское понимание гегемонии видит суть ее в соглашении, во взаимопризнании, в словесных условиях. С пролетарской точки зрения гегемония в войне принадлежит тому, кто борется всех энергичнее, кто пользуется всяким поводом для нанесения удара врагу, у кого слово не расходится с делом, кто является поэтому идейным вождем демократии, критикующим всякую половинчатость *). Глубоко ошибается новая «Искра», думая, что половинчатость есть моральное, а не политико-экономическое свойство буржуазной демократии, думая, что можно и должно подыскать такую мерку половинчатости, *до* которой либерализм заслуживает лишь скорпионов, *за* которой он заслуживает соглашения. Это именно значит «заранее определять меру допустимой подлости». В самом деле, вдумайтесь в следующие слова: ставить условием соглашения с оппозиционными группами признание ими всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, значит «преподносить им неотразимый реактив своего требования, лакмусову

*) Примечание для проницательного новоискровца. Вы возразите: борьба пролетариата против самодержавия *без всяких условий* с буржуазией поведет к обману пролетариата буржуазией. Мы ответим: а неужели «условия», т.-е. обещания, могут гарантировать от обмана?

бумажку демократизма, и класть на весы их политического расчета всю ценность пролетарского содействия» (№ 78). Как красиво это написано! и как хочется сказать автору этих красивых слов, Староверу: друг мой, Аркадий Николаевич, не говори красиво! Г. Струве одним почерком пера отразил неотразимый реактив Старовера, когда написал в программе Союза Освобождения всеобщее избирательное право. И тот же самый Струве на деле уже не раз доказал нам, что все эти программы для либералов — простая бумажка, не лакмусова, а обыкновенная бумажка, ибо буржуазному демократу ничего не стоит сегодня написать одно, а завтра другое.

Наивная вера Старовера в неотразимость бумажных реактивов приводит его и к той великой идее, что поддерживать несогласных на всеобщее избирательное право буржуа в их борьбе с царизмом — значит «сводить на-нет идею всеобщего избирательного права»! Может быть, Старовер напишет нам еще один красивый *) фельетон, доказывая, что, поддерживая монархистов в их борьбе с самодержавием, мы сводим на-нет «идею» республики? В том-то и беда, что мысль Старовера беспомощно вертится в рамках условий, лозунгов, требований, заявлений и упускает из виду единственный реальный критерий: степень фактического участия в борьбе. От этого на практике неизбежно получается подкрашивание радикальной интеллигенции, с которой объявляется возможным «соглашение». Интеллигенция, в насмешку над марксизмом, объявляется «движущим нервом» (а не краснобайствующим слугой?) либерализма. Французские и итальянские радикалы награждаются званием людей, коим чужды антидемократические или антипролетарские требования, хотя всякий знает, что эти радикалы не раз изменяли своим программам и затемняли сознание пролетариата, хотя в том же номере (№ 78) «Искры» на следующей (7-ой) странице вы можете прочитать, как монархисты и республиканцы в Италии оказались «за одно в борьбе с социализмом». Резолюция саратовских интеллигентов (санитарного общества) о необходимости

*) Еще маленький образчик прозы нашего Аркадия Николаевича: «Всякий тот, кому за последние годы приходилось следить за общественной жизнью России, не мог, без сомнения, не заметить усиленной демократической тяги к обнаженной от всех идеологических наслоений, от всяких пережитков исторического прошлого к неподкрашенной идее конституционной свободы. Эта тяга была в своем роде реализацией долгого процесса молекулярных изменений в среде демократии, ее овидиевых превращений, заполнявших своей калейдоскопической пестротой внимание и интерес целого ряда сменявшихся поколений на протяжении двух десятилетий». Жаль, что это неверно, ибо идея свободы не обнажается, а именно подкрашивается идеализмом у новейших философов буржуазной демократии. Жаль также, что через все калейдоскопически пестрые овидиевы превращения Старовера и Мартова проходит обнаженная тяга к фразе.

участия представителей всего народа в законодательстве объявляется «действительным голосом (!!) демократии» (№ 77 [33])). Практический план участия пролетариев в земской кампании сопровождается советом «вступить в некоторое соглашение с представителями левого крыла оппозиционной буржуазии». На вопрос Ленина, куда девались пресловутые Староверовские условия соглашений, редакция новой «Искры» отвечала (2-ое «письмо»):

«Эти условия должны быть всегда в памяти членов партии, и последние, зная, на каких условиях партия только и согласна формально вступить в политические соглашения с демократической партией, морально обязаны и при частных соглашениях, о которых идет речь в письме, строго различать между надежными представителями буржуазной оппозиции — действительными демократами, и либеральными пенкоснимателями».

Со ступеньки на ступеньку. На-ряду с партийным соглашением (единственно допустимым, по резолюции Старовера) явились частные соглашения в отдельных городах. На-ряду с формальными соглашениями явились моральные. Словесное признание «условий» и их «моральной» обязательности оказалось дающим звание «надежного» и «действительного демократа», хотя всякий ребенок понимает, что десятки и сотни земских говорунов сделают любые словесные заявления, уверят даже честным словом радикала, что они социалисты, лишь бы успокоить социал-демократов.

Нет, пролетариат не пойдет на эту игру в обещания, заявления и соглашения. Пролетариат никогда не забудет, что надежными демократами не могут быть буржуазные демократы. Пролетариат будет поддерживать буржуазную демократию не на основании сделок с ней о непроизведении панического страха, не на основании веры в ее надежность, а поддерживать тогда и постольку, когда и поскольку она на деле борется с самодержавием. Такая поддержка необходима в интересах достижения самостоятельных социально-революционных целей пролетариата.

«Вперед» № 3, 24 (11) января 1905 г.

ОТ НАРОДНИЧЕСТВА К МАРКСИЗМУ [31]).

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

На-днях одна легальная газета выразила мнение, что теперь не время указывать на «противоречия» интересов различных классов, выступающих против самодержавия. Мнение это не ново. Мы встречаем его на страницах «Освобождения» и «Рев. России», конечно, с теми или иными оговорками. Естественно, что такой взгляд господствует среди представителей буржуазной демократии. Что касается социал-демократов, то среди них не может быть двух мнений по этому вопросу. Совместная борьба пролетариата и буржуазии против самодержавия не должна и не может заставить пролетариат позабыть о враждебной противоположности его интересов и интересов имущих классов. А выяснение этой противоположности необходимо требует выяснения глубоких различий между воззрениями различных направлений. Из этого никак не следует, разумеется, что мы должны отказываться от тех временных соглашений с сторонниками других направлений, которые второй съезд нашей партии признал допустимыми для социал-демократов и с социалистами-революционерами и с либералами.

Социал-демократы считают социалистов-революционеров представителями крайней левой фракции нашей буржуазной демократии. Социалисты-революционеры негодуют на это и видят в таком мнении не что иное, как скверное стремление унизить противника и заподозрить чистоту его намерений и добросовестность. На самом же деле такое мнение не имеет ничего общего ни с каким заподозреванием, будучи лишь марксистской характеристикой классового происхождения и классового характера воззрений социалистов-революционеров. Чем яснее и определеннее излагают свои воззрения социалисты-революционеры, тем более подтверждается марксистская характеристика их воззрений. Громадный интерес представляет, в этом отношении, проект программы партии социалистов-революционеров, напечатанный в № 46 «Рев. России».

Проект представляет из себя значительный шаг вперед не только в отношении большей ясности изложения принципов. Прогресс сказывается и в содержании принципов, прогресс от народничества к марксизму, от демократизма к социализму. Плоды нашей критики, направленной против соц.-рев., на лицо: критика заставила их с особенной силой подчеркнуть свои социалистические благие намерения и свои общие с марксизмом воззрения. Тем ярче выступают черты старых, народнических, расплывчато-демократических воззрений. Тому, кто упрекнул бы нас в противоречии (с одной стороны, признание социалистических благих намерений социалистов-революционеров, с другой стороны, характеристика их социальной природы, как буржуазно-демократической), мы напомним, что еще в Коммунистическом Манифесте анализированы были образчики социализма не только мелко-буржуазного, но и буржуазного. Благие намерения быть социалистом не исключают буржуазно-демократической сущности.

Три основные черты миросозерцания социалистов-революционеров выступают пред нами при ознакомлении с проектом. Во-первых, теоретические поправки к марксизму. Во-вторых, пережиток народничества во взглядах на трудовое крестьянство и аграрный вопрос. В-третьих, такой же пережиток народнических мнений о небуржуазном будто бы характере предстоящей России революции.

Я сказал: *поправок* к марксизму. Именно так. Весь основной ход идей, весь остов программы свидетельствует о победе марксизма над народничеством. Это последнее все еще живет (при помощи вспрыскиваний ревизионизма самой последней моды), но лишь в виде частичных «исправлений» марксизма. Возьмите главную обще-теоретическую поправку: теорию благоприятного и неблагоприятного отношения между положительными и отрицательными сторонами капитализма. Эта поправка, поскольку она не сводится к одной путанице, есть внесение в марксизм старого русского субъективизма. Признание «творческой» исторической работы капитализма, обобществляющего труд и создающего «социальную силу», способную преобразовать общество, силу пролетариата, такое признание есть разрыв с народничеством и переход к марксизму. В основу теории социализма кладется объективное развитие экономики и классового деления. Поправка: «в некоторых отраслях промышленности, в особенности же земледелии, и в целых странах» отношение положительных и отрицательных сторон капитализма «становится (вот даже как!) все менее и менее благоприятным». Это — повторение Герца и Давида, Ник. —она и В. В. со всей его теорией об особых «судьбах капитализма в России». Отсталость России вообще и русского земледелия в особенности выступает уже не как отсталость *капитализма*, а как самобытность, оправдывающая отста-

лые теории. На-ряду с материалистическим пониманием истории проглядывает стародавний взгляд на интеллигенцию, которая будто бы в состоянии выбирать более или менее благоприятные пути для отечества, и стать внеклассовым судьей капитализма, а не выразителем класса, который порождается как раз в силу разрушения старых форм жизни капитализмом. Чисто по-народнически упускается из виду тот факт, что капиталистическая эксплуатация в России приобретает особенно отвратительные формы вследствие переживания отношений докапиталистических.

Еще яснее народническая теория выступает в рассуждениях о крестьянстве. Во всем проекте употребляются без различия слова: трудящиеся, эксплуатируемые, рабочий класс, трудовая масса, класс эксплуатируемых, классы эксплуатируемых. Если бы авторы подумали хоть над этим последним, нечаянно сорвавшимся у них выражением (классы), то они поняли бы, что трудятся и подвергаются эксплуатации при капитализме не только пролетарии, но и мелкие буржуа. Про наших социалистов-революционеров приходится сказать то же, что было сказано про легальных народников: им предстояла честь открыть невиданный в мире капитализм без мелкой буржуазии. Они говорят о трудовом крестьянстве, закрывая глаза на тот доказанный, изученный, подсчитанный, описанный, разжеванный факт, что среди этого трудового крестьянства сейчас уже безусловно преобладает у нас крестьянская буржуазия, что зажиточное крестьянство, несомненно имея право на звание трудящегося, тем не менее не обходится без найма работничков и держит в своих руках уже теперь больше половины производительных сил крестьянства.

Прекурьезна, с этой точки зрения, та задача, которую ставит себе партия социалистов-революционеров в программе-минимум: «использовать, в интересах социализма и борьбы против буржуазно-собственнических начал, как общинные, так и вообще трудовые воззрения, традиции и формы жизни русского крестьянства, и в особенности взгляд на землю, как на общее достояние всех трудящихся». Эта задача кажется, на первый взгляд, совершенно безвредным, чисто академическим повторением давно опровергнутых и теорией и жизнью общинных утопий. Но на самом деле перед нами стоит тут насущный политический вопрос, решение которого русская революция обещает дать в ближайшем будущем: Кто кого использует? революционная ли интеллигенция, мнящая себя социалистической, использует в интересах борьбы с буржуазно-собственническими началами трудовые воззрения крестьянства? или буржуазно-собственническое и в то же время трудовое крестьянство использует социалистическую фразеологию революционно-демократической интеллигенции в интересах борьбы против социализма?

Мы думаем, что осуществится вторая перспектива (вопреки воле и сознанию наших оппонентов). Мы убеждены, что она

осуществится, ибо она уже на девять десятых осуществилась. Именно «буржуазно-собственническое» (и в то же время трудовое) крестьянство использовало уже в своих интересах социалистическую фразеологию народнической, демократической интеллигенции, которая своими артелями, кооперациями, травосеяниями, плужками, земскими складами, банками мнила поддержать «трудовые традиции и формы жизни», а поддержала на деле развитие капитализма внутри общины. Русская экономическая история уже доказала таким образом то, что завтра будет доказано русской политической историей. И вся задача сознательного пролетариата состоит в том, чтобы, отнюдь не отказываясь от поддержки прогрессивных и революционных стремлений *буржуазного* трудового крестьянства, разъяснять сельскому пролетарию неизбежность завтрашней борьбы против этого крестьянства, разъяснять ему действительно социалистические цели в отличие от буржуазно-демократических мечтаний об уравнительном пользовании. Вместе с буржуазным крестьянством против остатков крепостничества, против самодержавия, попов, помещиков, вместе с городским пролетариатом против буржуазии вообще и буржуазного крестьянства в частности — вот единственно правильный лозунг сельского пролетария, вот единственно правильная аграрная программа российской социал-демократии в настоящий момент. Именно такая аграрная программа и принята нашим вторым съездом. Вместе с крестьянской буржуазией за демократию, вместе с городским пролетарием за социализм, — этот лозунг будет усвоен деревенской беднотой гораздо прочнее, чем блестящие, но мишурные лозунги народничествующих социалистов-революционеров.

Мы подошли теперь к третьему из намеченных выше главных пунктов проекта. Авторы его порвали уже с взглядом последовательных народников, которые были против политической свободы, способной-де лишь передать власть в руки буржуазии. Но остатки народничества выступают очень ясно, когда проект дает характеристику самодержавия и отношения к нему разных классов. И здесь, — как и всегда, — мы видим, что первые же попытки мелко-буржуазной революционной интеллигенции изложить точно понимание *действительности* ведут неминуемо к полному изобличению противоречивости и устарелости ее точки зрения. (Заметим поэтому, в скобках, что именно к вопросу о понимании действительности надо сводить всегда споры социалистов-революционеров, ибо только этот вопрос вскрывает отчетливо причины нашего глубокого политического расхождения.)

«Более реакционный, чем где-либо, — читаем в проекте — класс крупных промышленников и торговцев все сильнее нуждается в покровительстве самодержавия против пролетариата»... Это неверно, ибо нигде в Европе не сказывается так, как у нас,

равнодушие передовых буржуа к самодержавной форме правления. Недовольство самодержавием усиливается среди буржуазии несмотря на боязнь пролетариата, — отчасти уже просто потому, что полиция при всей ее безмерной власти не может вытравить рабочего движения. Говоря о «классе» *крупных* промышленников, проект смешивает подразделения и фракции буржуазии со всей буржуазией, как классом. Это тем более неправильно, что именно средних и мелких буржуа всего менее способно удовлетворить самодержавие.

«...Поместное дворянство и деревенское кулачество все сильнее нуждаются в такой же поддержке против трудовых масс деревни»... Вот как? Откуда же земский либерализм? Откуда взаимное влечение культурнической (демократической) интеллигенции к хозяйственному мужичку и обратно? Или кулак не имеет ничего общего с хозяйственным мужичком?

«...Существование самодержавия становится непримиримое и прогрессивно-обостряющееся противоречие со всем хозяйственным, общественно-политическим и культурным ростом страны»...

Ну, вот и довели свои посылки до абсурда! Разве мыслимо такое «непримиримое противоречие» со всем хозяйственным и проч. ростом страны, которое бы не выражалось в настроении хозяйственно-командующих классов?? Одно из двух. *Или* самодержавие действительно непримиримо с хозяйственным ростом страны. Тогда оно непримиримо также и с интересами *всего класса* промышленников, торговцев, помещиков, хозяйственных мужичков. Что именно этот класс держит в руках «наш» хозяйственный рост с 1861-го г., это, вероятно, не безызвестно и социалистам-революционерам (хотя они у В. В. учились обратному). Что правительство, непримиримое с классом буржуазии вообще, может спекулировать на раздоры между фракциями и слоями буржуазии, мириться с протекционистами против фритредеров, опираться на один слой против другого и тянуть такую эквилибристику годами и десятилетиями, — этому учит вся европейская история. *Или* же у нас и промышленники, и помещики, и крестьянские буржуа «все сильнее нуждаются» в самодержавии. Тогда придется принять, что они, хозяйственные владыки страны, не понимают, взятые даже в целом, как класс, интересов хозяйственного роста страны, что этих интересов не понимают даже передовые, образованные и интеллигентные представители и вожди этих классов!

Но не естественнее ли принять, что не понимают дела наши соц.-революционеры? Посмотрите: немного дальше они сами признают «наличность либерально-демократической оппозиции, охватывающей преимущественно промежуточные в классовом отношении элементы образованного общества». Неужели наше обра-

зованное общество не есть общество буржуазное? Неужели оно не связано тысячами нитей с торговцами, промышленниками, помещиками, хозяйственными мужичками? Неужели России бог судил переживать такой капитализм, в котором либерально-демократическая оппозиция не представляет из себя буржуазно-демократической оппозиции? Неужели соц.-революционеры знают такой исторический пример, неужели они могут представить себе такой случай, когда бы оппозиция буржуазии самодержавию выражалась *не* через либеральное, образованное «общество»?

Путаница проекта есть неизбежный результат смешения народничества с марксизмом. Только марксизм дал научно-правильный, подтверждаемый все более и более действительностью, анализ отношения между борьбой за демократию и борьбой за социализм. И у нас, как во всем мире, есть демократия буржуазная и демократия рабочая. И у нас, как и во всем мире, социал-демократия должна беспощадно разоблачать неизбежные иллюзии буржуазной демократии и непонимание ею своей природы. И у нас, как во всем мире, сознательный пролетариат должен поддерживать буржуазную демократию в ее оппозиции и в ее борьбе против остатков крепостничества, против самодержавия, ни на минуту не забывая о своей классовой особности и о своей классовой цели ниспровержения буржуазии.

«Вперед» № 3, 24 (11) января 1905 г.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СТАЧКА.

Стачка, начавшаяся 3 января на Путиловском заводе, разыгрывается в одно из наиболее величественных проявлений рабочего движения. Наши сведения исчерпываются пока сообщениями заграничных и легальных русских газет. Но и эти сообщения не оставляют сомнения в том, что стачка уже стала громадной важности политическим событием.

Начало стачки было чисто стихийное. Одно из столкновений труда с капиталом, которые повторяются постоянно, произошло на этот раз из-за расчета администрацией завода четырех рабочих. Рабочие восстали, полные духа солидарности, с требованием их обратного приема. Движение быстро окрепло. В нем принимает участие легальное «Русское общество фабрично-заводских рабочих» [35]), и стачка переходит в следующую, высшую фазу.

Легальное рабочее общество было предметом особого внимания зубатовцев. И вот, движение зубатовское перерастает свои рамки и, начатое полицией в интересах полиции, в интересах поддержки самодержавия, в интересах развращения политического сознания рабочих, это движение обращается против самодержавия, становится взрывом пролетарской классовой борьбы.

Социал-демократы давно уже указывали на неизбежность *таких* результатов нашей зубатовщины. Легализация рабочего движения — говорили они — принесет непременно пользу нам, социал-демократам. Она втянет в движение некоторые, особенно отсталые слои рабочих, она поможет встряхнуть тех, кого не скоро, а может быть и никогда не встряхнул бы агитатор-социалист. А раз втянутые в движение, заинтересованные вопросом о своих судьбах, рабочие пойдут дальше. Легальное рабочее движение будет только новым, более широким основанием для социал-демократического рабочего движения *).

---

*) Сравни «Что делать?» Н. Ленина, стр. 86—88. (См. IV том Сочинений, стр. 449—450. *Ред.*).

Несомненно, что именно так произошло дело и в Петербурге.

Два обстоятельства помогли особенному расширению движения: во 1-х, выгодный момент для экономической борьбы (правительство спешно нуждается в исполнении заказов военного и морского министерств); во 2-х, конституционное оживление в обществе. Начав стачку из-за защиты отдельных уволенных товарищей, рабочие перешли к широким экономическим требованиям. Они потребовали 8-ми час. рабоч. дня, минимальной платы (1 руб. мужчине и 70 коп. женщине), уничтожения обязательности сверхурочных работ (и двойной оплаты их), улучшения санитарных условий и медицинской помощи и т. д. Стачка стала превращаться во всеобщую.

Заграничные газеты сообщают от субботы 21 (8) января, что даже по официальным русским сведениям остановили работу 174 завода, фабрики и мастерских с числом рабочих до 96.000 чел.

Перед нами одно из великих столкновений формирующегося класса пролетариев с его врагами, столкновений, которые оставляют свои следы на долгие годы.

Но экономическими требованиями дело не ограничилось. Движение стало принимать политический характер. В нем попытались принять участие (хотя, кажется, очень еще слабое) местные соц.-демократы. На громадных рабочих собраниях в несколько тысяч человек стали обсуждаться политические требования и вотироваться резолюции в пользу политической свободы. Петиция, выработанная рабочими, распадается, сообщают, на три части[36]. Первая излагает требования прав для народа. Вторая — меры борьбы с бедностью народа. Третья — меры против угнетения труда капиталом. Требования первой части: неприкосновенность личности, свобода слова, собраний, совести; обязательное школьное обучение на средства государства, участие в законодательстве выборных представителей народа, равенство всех перед законом, ответственность министров, отмена выкупных платежей, дешевый кредит, постепенная раздача государственных земель народу, подоходный налог. (Если это сообщение верно, то оно показывает чрезвычайно интересное преломление в умах массы или ее малосознательных вождей программы социал-демократов.) Корреспондент английской газеты «The Standard»*) сообщает, что было три собрания 18 (5) янв. (одно в 4 тыс. чел., другое в 2.000) и что приняты такие политические требования: 1) немедленный созыв учредительного собрания, избранного всеобщей подачей голосов; 2) прекращение войны; 3) полная амнистия политическим ссыльным и заключенным; 4) свобода печати и совести; 5) собраний и союзов. Заграничные газеты от 21 (8) янв. сообщают вести о готовящейся на воскресенье 22 (9) янв. демонстрации перед Зимним Дворцом с подачей петиции

*) — «Знамя». *Ред.*

«самому царю». Рабочие заявляют: свобода или смерть. Делегаты рабочих от Москвы и Либавы направляются в Петербург.

Таковы те ограниченные и непроверенные еще сведения, которыми мы располагаем в данный момент. Очевидно, что движение далеко не достигло еще высшей ступени развития и надо дождаться событий для полной оценки происходящего. Бросается в глаза поразительно быстрый переход движения с чисто-экономической почвы на политическую почву, громадная солидарность и энергия десятков и сотен тысяч пролетариата — и все это несмотря на отсутствие или ничтожность сознательного соц.-дем. воздействия. Примитивность социалистических воззрений у некоторых руководителей движения, живучесть наивной веры в царя у некоторых элементов рабочего класса не уменьшают, а скорее усиливают значение пробивающегося революционного инстинкта пролетариата. Политический протест передового угнетенного класса и его революционная энергия прорываются через все преграды и внешние — в виде полицейских запретов и внутренние — в виде неразвитости и отсталости идей некоторых вожаков. Работа социал-демократии в течение последних десяти лет и уроки рабочего движения за это время принесли свои плоды, разлив идеи социализма и политической борьбы по самым широким каналам. Пролетариат показывает на деле, что на арене политического движения в России не две силы (самодержавие и буржуазное общество), как малодушно готовы были думать некоторые. Пролетариат показывает нам действительно высокие формы мобилизации революционных классовых сил; мобилизация примыкает, разумеется, не к второстепенным манифестациям в какой-нибудь городской думе, а к массовым движениям вроде ростовской демонстрации и южных стачек 1903 года. И эта новая и высшая мобилизация революционных сил пролетариата семимильными шагами приближает нас к еще более решительному, еще более сознательному выступлению его на бой с самодержавием!

«Вперед» № 5, 24 (11) января 1905 г.

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ.

Женева, среда 25 (12) января.

Величайшие исторические события происходят в России. Пролетариат восстал против царизма. Пролетариат был доведен до восстания правительством. Теперь вряд ли возможны сомнения в том, что правительство умышленно давало сравнительно беспрепятственно развиться стачечному движению и начаться широкой демонстрации, желая довести дело до применения военной силы. И оно довело до этого! Тысячи убитых и раненых — таковы итоги кровавого воскресенья 22 (9) января в Петербурге. Войско победило безоружных рабочих, женщин и детей. Войско одолело неприятеля, расстреливая лежавших на земле рабочих. «Мы дали им хороший урок!» с невыразимым цинизмом говорят теперь царские слуги и их европейские лакеи из консервативной буржуазии.

Да, урок был великий! Русский пролетариат не забудет этого урока. Самые неподготовленные, самые отсталые слои рабочего класса, наивно верившие в царя и искренно желавшие мирно передать «самому царю» просьбы измученного народа, все они получили урок от военной силы, руководимой царем или дядей царя, великим князем Владимиром.

Рабочий класс получил великий урок гражданской войны; революционное воспитание пролетариата за один день шагнуло вперед так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, забитой жизни. Лозунг геройского петербургского пролетариата: «смерть или свобода!» эхом перекатывается теперь по всей России. События развиваются с поразительной быстротой. Всеобщая стачка в Петербурге растет. Вся промышленная, общественная и политическая жизнь парализована. В понедельник 23 (10) января столкновения рабочих с войском становятся ожесточеннее. Вопреки лживым правительственным сообщениям, кровь льется во многих и многих частях столицы. Поднимаются рабочие Колпина. Пролетариат вооружается и вооружает народ. Рабочие захватили, говорят, Сестрорецкий оружейный склад.

Рабочие запасаются револьверами, куют себе оружие из своих инструментов, добывают бомбы для отчаянной борьбы за свободу. Всеобщая стачка охватывает провинции. В Москве 10.000 человек уже бросило работу. На завтра (четверг 26 (13) января) назначена всеобщая стачка в Москве. Вспыхнул мятеж в Риге. Манифестируют рабочие в Лодзи, готовится восстание Варшавы, происходят демонстрации пролетариата в Гельсингфорсе. В Баку, Одессе, Киеве, Харькове, Ковне и Вильне растет брожение рабочих и ширится забастовка. В Севастополе горят склады и арсенал морского ведомства, и войско отказывается стрелять в восставших матросов. Стачка в Ревеле и в Саратове. Вооруженное столкновение с войском рабочих и запасных в Радоме.

Революция разрастается. Правительство начинает уже метаться. От политики кровавой репрессии оно пытается перейти к экономическим уступкам и отделаться подачкой или обещанием девятичасового рабочего дня. Но урок кровавого дня не может пройти даром. Требование восставших петербургских рабочих,— немедленный созыв учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права — должно стать требованием всех бастующих рабочих. Немедленное низвержение правительства — вот лозунг, которым ответили на бойню 9-го января даже верившие в царя петербургские рабочие, ответили устами их вождя, священника Георгия Гапона, который сказал после этого кровавого дня: «у нас нет больше царя. Река крови отделяет царя от народа. Да здравствует борьба за свободу!»

Да здравствует революционный пролетариат! скажем мы. Всеобщая стачка поднимает и мобилизует все более широкие массы рабочего класса и городской бедноты. Вооружение народа становится одной из ближайших задач революционного момента.

Только вооруженный народ может быть действительным оплотом народной свободы. И чем скорее удастся вооружиться пролетариату, чем дольше продержится он на своей военной позиции забастовщика-революционера, тем скорее дрогнет войско, тем больше найдется среди солдат людей, которые поймут, наконец, что они делают, которые станут на сторону народа против извергов, против тирана, против убийц безоружных рабочих, их жен и детей. Как бы ни кончилось теперешнее восстание в самом Петербурге, во всяком случае оно неизбежно и неминуемо станет первой ступенью к еще более широкому, более сознательному, более подготовленному восстанию. Правительству, может быть, удастся отсрочить час расплаты, но отсрочка только сделает более грандиозным следующий шаг революционного натиска. Отсрочкой только воспользуется социал-демократия для сплочения рядов организованных бойцов и распространения вестей о почине петербургских рабочих. Пролетариат будет примыкать

к борьбе, оставляя фабрики и заводы, готовя себе вооружение. В среду городской бедноты, в среду миллионов крестьянства будут шире и шире нестись лозунги борьбы за свободу. Революционные комитеты будут основываться на каждой фабрике, в каждом районе города, в каждом значительном селе. Восставший народ станет низвергать все и всяческие правительственные учреждения царского самодержавия, провозглашая немедленный созыв учредительного собрания.

Немедленное вооружение рабочих и всех граждан вообще, подготовка и организация революционных сил для уничтожения правительственных властей и учреждений, вот та практическая основа, на которой могут и должны соединиться для общего удара все и всякие революционеры. Пролетариат всегда должен идти своим самостоятельным путем, не ослабляя своей связи с социал-демократической партией, памятуя о своих великих конечных целях избавления всего человечества от всякой эксплуатации. Но эта самостоятельность социал-демократической пролетарской партии никогда не заставит нас забыть о важности общего революционного натиска в момент настоящей революции. Мы, социал-демократы, можем и должны идти независимо от революционеров буржуазной демократии, охраняя классовую самостоятельность пролетариата, но мы должны идти рука об руку во время восстания, при нанесении прямых ударов царизму, при отпоре войску, при нападениях на бастилии проклятого врага всего русского народа.

На пролетариат всей России смотрит теперь с лихорадочным нетерпением пролетариат всего мира. Низвержение царизма в России, геройски начатое нашим рабочим классом, будет поворотным пунктом в истории всех стран, облегчением дела всех рабочих всех наций, во всех государствах, во всех концах земного шара. И пусть каждый социал-демократ, пусть каждый сознательный рабочий помнит о том, какие величайшие задачи всенародной борьбы лежат теперь на его плечах. Пусть не забывает, что он представляет нужды и интересы и всего крестьянства, всей массы трудящихся и эксплуатируемых, всего народа против общенародного врага. У всех перед глазами стоит теперь пример героев-пролетариев Петербурга.

Да здравствует революция!

Да здравствует восставший пролетариат!

«Вперед» № 4, 31 (18) января 1905 г.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДНИ.

Бунт или революция? Таков вопрос, который ставят себе европейские журналисты и репортеры, сообщающие всему миру о петербургских событиях и пытающиеся дать их оценку. Бунтовщики или инсургенты эти десятки тысяч пролетариев, против которых победоносно выступило царское войско? И заграничные газеты, имеющие всего более возможности «со стороны», с беспристрастием летописцев, рассматривать события, затрудняются ответить на этот вопрос. Они сбиваются постоянно с одной терминологии на другую. И неудивительно. Не даром говорят, что революция есть удавшийся бунт, а бунт есть неудавшаяся революция. Кто присутствует при начале великих и грандиозных событий, кто имеет возможность лишь очень неполно, неточно, из третьих рук знать кое-что из происходящего,—тот, разумеется, не решается высказаться определенно до поры до времени. Буржуазные газеты, по старому говорящие о бунте, мятеже, беспорядках, не могут не видеть однако их общенационального, даже международного значения. А именно это ведь и придает событиям характер революции. И пишущие о последних днях бунта нет-нет переходят к речам о первых днях революции. Поворотный пункт в истории России наступил. Это не отрицается самым заядлым европейским консерватором, полным восторга и умиления перед могучей, бесконтрольной властью всероссийского самодержавия. О мире между самодержавием и народом не может быть и речи. О революции говорят не одни какие-нибудь отчаянные люди, не одни «нигилисты», какими все еще считает Европа русских революционеров, а все и всякий, сколько-нибудь способный интересоваться мировой политикой.

Русское рабочее движение за несколько дней поднялось на высшую ступень. На наших глазах оно вырастает в общенародное восстание. Понятно, что нам здесь, в Женеве, из нашего проклятого далека становится неизмеримо труднее поспевать за событиями. Но, пока мы осуждены еще томиться в этом проклятом далеке, мы должны стараться поспевать за ними, подводить

итоги, делать выводы, почерпать из опыта сегодняшней истории уроки, которые пригодятся завтра, в другом месте, где сегодня еще «безмолвствует народ» и где в ближайшем будущем в той или иной форме вспыхнет революционный пожар. Мы должны делать постоянное дело публицистов — писать историю современности и стараться писать ее так, чтобы наше бытописание приносило посильную помощь непосредственным участникам движения и героям-пролетариям там, на месте действий, — писать так, чтобы способствовать расширению движения, сознательному выбору средств, приемов и методов борьбы, способных при наименьшей затрате сил дать наибольшие и наиболее прочные результаты.

В истории революций всплывают наружу десятилетиями и веками зреющие противоречия. Жизнь становится необыкновенно богата. На политическую сцену активным борцом выступает масса, всегда стоящая в тени и часто поэтому игнорируемая или даже презираемая поверхностными наблюдателями. Эта масса учится на практике, у всех перед глазами делая пробные шаги, ощупывая путь, намечая задачи, поверяя себя и теории всех своих идеологов. Эта масса делает героические усилия подняться на высоту навязанных ей историей гигантских мировых задач и, как бы велики ни были отдельные поражения, как бы ни ошеломляли нас потоки крови и тысячи жертв, — ничто и никогда не сравнится, по своему значению, с этим непосредственным воспитанием масс и классов в ходе самой революционной борьбы. Историю этой борьбы приходится измерять днями. И не даром некоторые заграничные газеты завели уже «дневник русской революции». Заведем такой дневник и мы.

«Вперед» № 4, 31 (18) января 1905 г.

ПОП ГАПОН [37]).

Что поп Гапон—провокатор, за это предположение говорит как будто бы тот факт, что он участник и коновод зубатовского общества. Далее, заграничные газеты, подобно нашим корреспондентам, отмечают тот факт, что полиция умышленно давала пошире и посвободнее разрастись стачечному движению, что правительство вообще (и великий князь Владимир в особенности) *хотело* вызвать кровавую расправу при наиболее выгодных для него условиях. Английские корреспонденты указывают даже, что энергичное участие именно зубатовцев в движении должно было быть особенно выгодным для правительства при таком положении дел. Интеллигенция революционная и сознательные пролетарии, которые всего скорее бы, вероятно, запаслись оружием, не могли не чуждаться зубатовского движения, не могли не сторониться от него. Правительство имело таким образом особенно свободные руки и играло беспроигрышную игру; пойдут, де, на демонстрацию наиболее мирные, наименее организованные, наиболее серые рабочие; с ними сладить ничего не стоит нашему войску, а урок будет дан пролетариату хороший; повод для расстрела на улице всех и каждого будет великолепный; победа реакционной (или великокняжеской) партии при дворе над либералами будет полная; репрессия последует самая свирепая.

И английские и консервативные немецкие газеты прямо приписывают правительству (или Владимиру) такой план действия. Очень вероятно, что это правда. События кровавого дня 9 января замечательно подтверждают это. Но существование такого плана нисколько не исключает и того, что поп Гапон мог быть *бессознательно* орудием такого плана. Наличность либерального, реформаторского движения среди некоторой части молодого русского духовенства не подлежит сомнению: это движение нашло себе выразителей и на собраниях религиозно-философского общества и в церковной литературе. Это движение получило даже свое название: «новоправославное» движение. Нельзя поэтому безусловно исключить мысль, что поп Гапон мог быть

искренним христианским социалистом, что именно кровавое воскресенье толкнуло его на вполне революционный путь. Мы склоняемся к этому предположению, тем более, что письма Гапона, написанные им после бойни 9 января о том, что «у нас нет царя», призыв его к борьбе за свободу и т. д.,—все это факты, говорящие в пользу его честности и искренности, ибо в задачи провокатора никак уже не могла входить такая могучая агитация за продолжение восстания.

Как бы там ни было, тактика социал-демократов по отношению к новому вожаку намечалась сама собой: необходимо осторожное, выжидательное, недоверчивое отношение к зубатовцу. Необходимо во всяком случае энергичное участие в поднятом (хотя бы и зубатовцем поднятом) стачечном движении, энергичная проповедь социал-демократических воззрений и лозунгов. Такой тактики держались, как видно из вышеприведенных писем, и наши товарищи из Петербургского Комитета Р.С.-Д.Р.П. [38]). Как бы ни были «хитры» планы реакционной придворной клики, действительность классовой борьбы и политического протеста пролетариев, как авангарда всего народа, оказалась во много раз хитрее. Что полицейские и военные планы повернулись против правительства, что из зубатовщины, как мелкого повода, выросло широкое, крупное, всероссийское революционное движение,—это факт. Революционная энергия и революционный инстинкт рабочего класса прорвались с неудержимой силой вопреки всяким политическим уловкам и ухищрениям.

«Вперед» № 4, 31 (18) января 1905 г.

ПЛАН ПЕТЕРБУРГСКОГО СРАЖЕНИЯ.

Странно, на первый взгляд, говорить о сражении, когда рабочие безоружные мирно шли подавать петицию. Это была бойня. Но правительство рассчитывало именно на сражение и действовало, несомненно, по вполне обдуманному плану. Оно с военной точки зрения обсуждало защиту Петербурга и Зимнего Дворца. Оно приняло все военные меры. Оно убрало все гражданские власти и отдало полуторамиллионную столицу в полное распоряжение жаждущим народной крови генералам с великим князем Владимиром во главе.

Правительство нарочно довело до восстания пролетариат, вызвав баррикады избиением безоружных, чтобы подавить это восстание в море крови. Пролетариат будет учиться этим военным урокам правительства. И пролетариат научится искусству гражданской войны, раз он начал уже революцию. Революция есть война. Это—единственная законная, правомерная, справедливая, действительно великая война из всех войн, какие знает история. Эта война ведется не в корыстных интересах кучки правителей и эксплуататоров, как все и всякие войны, а в интересах массы народа против тиранов, в интересах миллионов и десятков миллионов эксплуатируемых и трудящихся против произвола и насилия.

Все сторонние наблюдатели в один голос признают теперь, что в России эта война объявлена и начата. Пролетариат поднимется снова еще бо̀льшими массами. Остатки детской веры в царя вымрут теперь так же скоро, как скоро перешли петербургские рабочие от петиции к баррикадам. Рабочие будут повсюду вооружаться. Нужды нет, что полиция удесятерит строгости по надзору за складами и магазинами оружия. Никакие строгости, никакие запреты не остановят городские массы, сознавшие, что без оружия они всегда, по любому поводу могут быть доведены правительством до расстрела. Каждый по одиночке будет напрягать все усилия, чтобы раздобыть себе ружье или хоть револьвер, чтобы прятать оружие от полиции и быть

готовым дать отпор кровожадным слугам царизма. Всякое начало трудно—говорит пословица. Рабочим было очень трудно перейти к вооруженной борьбе. Правительство теперь заставило их перейти к ней. Первый, самый трудный шаг сделан.

Характерный разговор рабочих на одной из улиц Москвы передает английский корреспондент. Группа рабочих открыто обсуждала уроки дня. «Топоры?—говорит один.—Нет, топорами ничего не сделаешь против сабли. Топором его не достанешь, а ножом еще и того меньше. Нет, нужны револьверы, по меньшей мере револьверы, а еще лучше ружья». Такие и подобные разговоры ведутся теперь по всей России. И эти разговоры после «Владимирова дня» в Петербурге не останутся одними разговорами.

Военный план дяди царя, Владимира, распоряжавшегося бойней, сводился к тому, чтобы не пустить пригороды, рабочие пригороды в центр города. Солдат постарались всеми силами уверить, что рабочие хотят разрушить Зимний Дворец (при помощи икон, крестов и петиций!) и убить царя. Стратегическая задача сводилась к охранению мостов и главных улиц, ведущих к Дворцовой Площади. И главными местами «военных действий» были площади у мостов (Троицкого, Сампсониевского, Николаевского, Дворцового), улицы, ведущие от рабочих кварталов к центру (у Нарвской заставы, на Шлиссельбургском тракте, на Невском), наконец, Дворцовая Площадь, куда все же-таки, несмотря на все скопища войска, несмотря на весь отпор, проникли тысячи и тысячи рабочих. Задача военных действий, разумеется, страшно облегчалась тем, что все прекрасно знали, куда идут рабочие, знали, что существует лишь один сборный пункт и одна цель. Храбрые генералы действовали «с успехом» против неприятеля, который шел с голыми руками, заранее поведав всем и каждому, куда и зачем он идет... Это было самое подлое, хладнокровное убийство беззащитных и мирных народных масс. Теперь массы долго будут обдумывать и переживать в воспоминаниях и рассказах все происшедшее. Единственным и неизбежным выводом этих размышлений, этого претворения «Владимирова урока» в сознании массы будет тот вывод, что на войне надо действовать по военному. Рабочие массы, а за ними и массы деревенской бедноты, сознают себя воюющей стороной, и тогда... тогда следующие сражения в нашей гражданской войне будут проходить уже по «планам» не одних только великих князей и царей. Призыв: «К оружию!», раздавшийся в одной толпе рабочих на Невском 9 января, не может теперь пройти бесследно.

«Вперед» № 4, 31 (18) января 1905 г.

«ЦАРЬ-БАТЮШКА» И БАРРИКАДЫ.

Бросая общий взгляд на события кровавого воскресенья, всего более поражаешься этим сочетанием наивной патриархальной веры в царя и ожесточенной уличной борьбы с оружием в руках против царской власти. Первый день русской революции с поразительной силой поставил лицом к лицу старую и новую Россию, показал агонию исконной крестьянской веры в царя-батюшку и рождение революционного народа в лице городского пролетариата. Не даром европейские буржуазные газеты говорят, что Россия 10-го января уже не то, чем была Россия 8-го января. Не даром названная нами выше немецкая социал-демократическая газета [39]) вспоминает, как 70 лет тому назад начиналось рабочее движение в Англии, как в 1834 г. английские рабочие уличными демонстрациями протестовали против запрещения рабочих союзов, как в 1838 году около Манчестера вырабатывали они на громадных собраниях «народную хартию» и пастор Стивенс провозглашал, что «всякий свободный человек, который дышит вольным божьим воздухом и ходит по вольной божьей земле, имеет право на свой собственный очаг». И этот же самый пастор приглашал собравшихся рабочих взяться за оружие.

У нас в России во главе движения тоже оказался священник, который за один день перешел от призыва — идти с мирным ходатайством к самому царю — к призыву начинать революцию. «Товарищи, русские рабочие!» — писал свящ. Георгий Гапон после кровавого дня в письме, прочтенном на собрании либералов. — «У нас нет больше царя. Река крови протекла сегодня между ним и русским народом. Пора русским рабочим без него начать вести борьбу за народную свободу. Благословляю вас на сегодня. Завтра я буду среди вас. Сегодня я занят сильно работой на наше дело».

Это не священник Георгий Гапон говорит. Это говорят те тысячи и десятки тысяч, те миллионы и десятки миллионов русских рабочих и крестьян, которые до сих пор могли наивно и слепо верить в царя-батюшку, искать облегчения своего невы-

носимо тяжелого положения у «самого» царя-батюшки, обвинять во всех безобразиях, насилиях, произволе и грабеже *только* обманывающих царя чиновников. Долгие поколения забитой, одичалой, заброшенной в медвежьих углах мужицкой жизни укрепляли эту веру. Каждый месяц жизни новой, городской, промышленной, грамотной России подкапывал и разрушал эту веру. Последнее десятилетие рабочего движения выдвинуло тысячи передовых пролетариев-социал-демократов, которые вполне сознательно порвали с этой верой. Оно воспитало десятки тысяч рабочих, у которых классовый инстинкт, окрепший в стачечной борьбе и в политической агитации, подорвал все основы такой веры. Но за этими тысячами и десятками тысяч стояли сотни тысяч и миллионы трудящихся и эксплуатируемых, унижаемых и оскорбляемых, пролетариев и полупролетариев, у которых еще могла оставаться такая вера. Они не могли идти на восстание, они способны были только просить и умолять. Их чувства и настроение, их уровень знания и политического опыта выразил свящ. Георгий Гапон, и в этом состоит историческое значение той роли, которую сыграл в начале русской революции человек, вчера еще никому не ведомый, сегодня ставший героем дня Петербурга, а за Петербургом всей европейской печати.

Понятно теперь, почему петербургские социал-демократы, письма которых мы привели выше, относились в начале и не могли не относиться с недоверием к Гапону. Человек, носивший рясу, веривший в бога и действовавший под высоким покровительством Зубатова и охранного отделения, не мог не внушать подозрений. Искренне или неискренне рвал он на себе рясу и проклинал свою принадлежность к подлому сословию, сословию попов, грабящих и развращающих народ, этого не мог с уверенностью сказать никто, кроме разве людей, близко знавших Гапона лично, т.-е. кроме ничтожной горстки людей. Это могли решить только развертывающиеся исторические события, только факты, факты и факты. И факты решили этот вопрос в пользу Гапона.

Сможет ли социал-демократия овладеть этим стихийным движением? с тревогой спрашивали себя наши петербургские товарищи, видя неудержимо быстрый рост всеобщей стачки, захватывающей необычайно широкие слои пролетариата, видя неотразимость влияния Гапона на такие «серые» массы, которые могли бы увлечься и провокатором. И социал-демократы не только не поддерживали наивных иллюзий насчет возможности мирного ходатайства, они спорили с Гапоном, они прямо и решительно отстаивали все свои взгляды и всю свою тактику. И история, которую творили рабочие массы без социал-демократии, подтвердила правильность этих взглядов и этой тактики. Логика классового положения пролетариата оказалась сильнее ошибок,

наивностей и иллюзий Гапона. Великий князь Владимир, действующий от имени царя и со всей властью царя, взялся своим подвигом палача показать рабочим массам то и именно то, что социал-демократы всегда показывали и будут показывать им печатным и устным словом.

Массы рабочих и крестьян, сохранившие еще остаток веры в царя, не могли идти на восстание, — сказали мы. После девятого января мы вправе сказать: теперь они могут идти и пойдут на восстание. «Царь-батюшка» своей кровавой расправой с безоружными рабочими сам толкнул на баррикады и дал им первые уроки борьбы на баррикадах. Уроки «батюшки-царя» не пропадут даром.

Социал-демократии остается позаботиться о возможно более широком распространении вестей о петербургских кровавых днях, о большей сплоченности и организованности своих сил, о более энергичной пропаганде давно уже выдвинутого ею лозунга: *всенародного вооруженного восстания.*

«Вперед» № 4, 31 (18) января 1905 г.

КРАТКИЙ ОЧЕРК РАСКОЛА В Р. С.-Д. Р. П. [40]).

Известный вождь швейцарских социал-демократов Герман Грейлих в письме от 1-го февраля 1905 г. к редакции газеты «Вперед» (Российская с.-д. р. партия) выразил, между прочим, сожаление о новом расколе среди русских социал-демократов и заметил: «Кто более виноват в этом расколе, этого я не буду решать, я предложил Правлению немецкой социал-демократической партии решить этот вопрос международным путем». На это письмо Грейлиха редакция «Вперед» вместе с заграничным уполномоченным русского «Бюро комитетов большинства» тов. Степановым ответила следующим письмом:

В виду того, что тов. Грейлих намерен обратиться к международному решению, мы сообщаем наше письмо к Грейлиху всем заграничным друзьям газеты «Вперед» и просим их перевести это письмо на язык той страны, где они живут, и познакомить с этим письмом возможно большее количество иностранных социал-демократов. Желательно также перевести на иностранные языки и брошюру Ленина «Заявление и документы о разрыве центральных учреждений с партией», равным образом резолюции Северной конференции, резолюции Южной конференции, резолюции Кавказской конференции.

Бернская группа содействия Р. С.-Д. Р. П. «Вперед» издает это письмо, считая крайне важным особенно для товарищей в России иметь краткий очерк раскола. Просим заграничных товарищей пересылать письмо в Россию.

ПИСЬМО ГРЕЙЛИХУ 4-ГО ФЕВРАЛЯ 1905 Г.

Уважаемый товарищ!

Вы касаетесь в своем письме вопроса о виновности той или другой фракции нашей (Р. С.-Д. Р. П.) партии в расколе. Вы говорите, что запросили мнение об этом немецких социал-демократов и Международного Бюро. Мы считаем себя обязанными

ввиду этого, изложить Вам, как произошел раскол. Ограничимся приведением *точно доказанных фактов,* отстраняя, по возможности, всякую оценку их.

До конца 1903-го года наша партия была совокупностью несвязанных между собой местных с.-д. организаций, называемых комитетами. Центральный Комитет и Центральный Орган, выбранные на первом съезде партии (1898 г.), отсутствовали. Полиция разбила их, и они не возобновились. За границей произошел раскол между союзом русских с.-д. (орган — «Рабочее Дело», оттуда «рабочедельцы») и Плехановым. На сторону последнего стала газета «Искра», основанная в 1900 г. За три года, с 1900 до 1903, «Искра» приобрела подавляющее влияние на русские комитеты. «Искра» отстаивала идеи революционной социал-демократии против экономизма («рабочедельчество» — русская разновидность оппортюнизма). Отсутствие единства партии тяготило всех. Наконец, в августе 1903 г. удалось собрать за границей второй съезд партии. Участвовали все русские комитеты, Бунд (самостоятельная организация еврейского пролетариата) и обе заграничные фракции: искровская и рабочедельческая.

Все участники съезда признали съезд законным. Борьба на съезде велась между искровцами и антиискровцами (рабочедельцы и Бунд), середину занимало так называемое «болото». Искровцы победили. Они провели программу партии (утвержден проект «Искры»). «Искру» признали Центральным Органом, направление ее — направлением партии. Ряд резолюций по тактике был в ее духе; организационный устав (проект Ленина) был принят искровский, лишь в частностях его ухудшили антиискровцы, при участии меньшинства искровцев. Группировка голосов на съезде была такова: всего 51 голос, из них 33 искровских (24 искровца теперешнего большинства, 9 искровцев теперешнего меньшинства), 10 — «болота» и 8 антиискровцев (3 рабочедельца и 5 бундовцев). К концу съезда, перед выборами, 7 делегатов (2 рабочедельца и 5 бундовцев) ушли со съезда (Бунд вышел из партии). Тогда меньшинство искровцев, поддерживаемое, вследствие сделанных ими ошибок, всеми антиискровцами и болотом, оказалось *меньшинством съезда* (24 и 9 + 10 + 1, т.-е. 24 и 20). При выборах центральных учреждений решено было выбирать трех лиц в редакцию Ц. О. и трех в Ц. К. Из шести лиц старой редакции «Искры» Плеханов, Аксельрод, Засулич, Старовер, Ленин и Мартов, выбраны: Плеханов, Ленин и Мартов. В Ц. К. хотели выбрать двух от большинства и одного от меньшинства. Мартов отказался войти в редакцию без трех исключенных (невыбранных) товарищей, и все меньшинство отказалось от выборов в Ц. К. Никто никогда не оспаривал и до сих пор не оспаривает законности выборов, но меньшинство после съезда отказалось рабо-

тать под руководством выбранных съездом центров. Этот бойкот продолжался три месяца: с конца августа 1903 года по конец ноября 1903 года. «*Искру*» *(6 №№, 46 — 51) редактировали Плеханов и Ленин вдвоем.* Меньшинство составило тайную организацию в партии *(факт,* удостоверенный теперь *в печати* самими сторонниками меньшинства и не отрицаемый в настоящее время *никем).* Русские комитеты подавляющим большинством (12 из 14 успевших высказаться комитетов) высказались против этого дезорганизующего бойкота. Но Плеханов, после бурного съезда заграничной «Лиги» (заграничная организация партии), бывшего в самом конце октября 1903 г., решил уступить меньшинству, заявив перед всей партией, в статье «Чего не делать» (№ 52 «Искры», ноябрь 1903 г.), что, во избежание раскола, надо иногда уступать даже тем, кто по ошибке склоняется к ревизионизму и действует, как *анархический индивидуалист* (подчеркнутые выражения — подлинные выражения Плеханова в статье «Чего не делать»). Ленин вышел из редакции, не желая идти против решений съезда. Плеханов кооптировал тогда всех 4-х бывших редакторов. Русские комитеты заявили, что посмотрят, каково будет направление новой «Искры», посмотрят, для мира ли меньшевики вошли в редакцию.

Оказалось, как предсказывали большевики, что и направление старой «Искры» не удержалось, и мира в партии новая меньшевистская редакция не дала. Направление «Искры» до того повернуло к старому, отвергнутому вторым съездом рабочедельчеству, что *сам* Троцкий, видный член меньшинства, издавший программную брошюру «Наши политические задачи», брошюру, вышедшую под *редакцией новой «Искры»*, заявил буквально: «Между старой и новой «Искрой» лежит пропасть». Мы ограничиваемся этим заявлением нашего противника, чтобы не входить в длинные разъяснения принципиальной неустойчивости «Искры». С другой стороны, «тайная организация меньшинства» не распустилась, а продолжала бойкот Ц. К. Этот тайный раскол партии на открытую и тайную организацию невыносимо тормозил работу. Громадное большинство высказывавшихся о кризисе русских комитетов решительно осудило и направление новой «Искры», и дезорганизаторское поведение меньшинства. Со всех сторон раздалось требование немедленного созыва третьего съезда для выхода из невыносимого положения. По нашему уставу партии требуется заявление организаций, имеющих вместе половину общего числа голосов, для созыва экстренного (очередные съезды созываются каждые 2 года по возможности). *Половина уже составилась.* Но тут Ц. К. изменил большинству. Под предлогом «примирения» оставшиеся после ареста члены Ц. К. *вошли в сделку с тайной организацией меньшинства* и объявили, что эта организация распускается, при чем, тайком от партии и вопреки пись-

менным заявлениям Ц. К., *были кооптированы три меньшевика в Ц. К.* Эта кооптация состоялась в ноябре или декабре 1904 г. Таким образом меньшинство боролось с августа 1903 по ноябрь 1904 года, разрывая всю партию из-за кооптации 3-х в Ц. О. и 3-х в Ц. К. Подделанные таким образом центральные учреждения ответили на требование съезда бранью или молчанием.

Тогда всякое терпение русских комитетов лопнуло. Они стали созывать свои частные конференции. До сих пор состоялись 3 конференции: 1) 4-х кавказских комитетов; 2) 3-х южных (Одесса, Николаев и Екатеринослав) и 3) 6-ти северных (Петербург, Москва, Тверь, Рига, «Север» — т.-е. Ярославль, Кострома и Владимир и, наконец, Нижний-Новгород). Все эти конференции высказались за «большинство», решили поддерживать литературную группу большинства (группу Ленина, Рядового, Орловского, Галерки, Воинова и других) и выбрали *свое бюро;* этому бюро третья, т.-е. северная конференция поручила превратиться в организационный комитет и созвать съезд русских комитетов, т.-е. третий съезд партии, помимо заграничных центров, отколовшихся от партии. Так обстояло дело к 1-му января 1905 г. (нового стиля). Бюро комитетов большинства начало свою работу (в силу наших полицейских условий созыв съезда затянется, конечно, на несколько месяцев: о втором съезде было объявлено в декабре 1902-го года, а созван он был в августе 1903-го года). Литературная группа большинства основала *орган большинства,* газету «Вперед», которая и стала выходить еженедельно, с 4-го января н. ст. 1905 года.

Теперь (4-го февр. 1905 г.) вышло уже 4 №№. Направление газеты «Вперед» есть *направление старой «Искры».* Во имя старой «Искры» «Вперед» решительно борется с новой «Искрой».

Фактически, следовательно, оказалось две Р. С.-Д. Р. Партии. Одна с органом «Искрой», «официально» называемым Центральным Органом партии, с Центральным Комитетом, с 4-мя русскими комитетами *из 20-ти* (остальные комитеты в России, кроме 20-ти, бывших на 2-м съезде, возникли после, и вопрос о законности их утверждения есть спорный вопрос). Другая партия с органом «Вперед», с бюро русских комитетов большинства, с 14-тью комитетами в России (13 названных выше и Воронежский, а вероятно также и Саратовский, Уральский, Тульский и Сибирский; по крайней мере все 4 последние комитета после 2-го съезда партии высказались в пользу «большинства»).

На стороне «новоискровцев» стоят все противники старой «Искры»: все рабочедельцы и большая часть около-партийной интеллигенции. На стороне «впередовцев» — все принципиально-убежденные сторонники старой «Искры» и большая часть сознательных передовых рабочих и практических деятелей партии в России. Плеханов, который на 2-м съезде партии (август

1903 г.) и на съезде Лиги (октябрь 1903 г.) был большевиком и который с ноября 1903 года отчаянно борется с большинством, заявил публично *(2-го сентября 1904 г.)* (этот отзыв напечатан), что силы обеих сторон приблизительно равны [41]). Мы, большевики, утверждаем, что на нашей стороне большинство настоящих русских партийных деятелей. Главной причиной раскола и главным препятствием к объединению мы считаем дезорганизаторское поведение меньшинства, которое отказалось подчиниться решениям 2-го съезда и предпочло раскол созыву 3-го съезда.

В настоящее время меньшевики производят повсюду в России расколы местных организаций. Так в Петербурге они помешали комитету устроить демонстрацию 28 ноября (см. «Вперед» № 1 *)). Теперь они откололись в Петербурге в особую группу, названную «группой при Ц. К.» и противодействующую местному комитету партии. Такую же местную группу («при Ц. К.») для борьбы с комитетом партии они основали на-днях в Одессе. Меньшевистским центральным учреждениям партии пришлось, в силу фальшивости их позиции, дезорганизовать местную работу партии, ибо эти центральные учреждения не захотели подчиниться решению выбравших их комитетов партии.

Принципиальные разногласия между «Вперед» и новой «Искрой» те же, в сущности, какие были между старой «Искрой» и «Рабочим Делом». Эти разногласия мы считаем важными, но при условии возможности отстаивать вполне свои взгляды, взгляды старой «Искры», мы не считали бы эти разногласия сами по себе препятствием для работы сообща в одной партии.

Написано 4 февраля 1905 г.
Впервые напечатано в 1926 г. в «Ленинском Сборнике» V.

Печатается с листка, написанного на ремингтоне и размноженного бернской группой на мимеографе.

---

*) См. настоящий том, стр. 40—43. *Ред.*

ТРЕПОВ ХОЗЯЙНИЧАЕТ.

Свирепая расправа со всеми недовольными сделалась лозунгом правительства после 9-го января. Во вторник генерал-губернатором Петербурга с диктаторскими полномочиями был назначен Трепов, один из наиболее ненавидимых всей Россией слуг царизма, прославившийся в Москве своей свирепостью, грубостью и участием в зубатовских попытках развращения рабочих.

Аресты посыпались, как из рога изобилия. Взяты прежде всего члены либеральной депутации [42]), которая в субботу поздно вечером ездила к Витте и к Святополку-Мирскому просить правительство о том, чтобы петиция рабочих была принята и чтобы войско не отвечало выстрелами на мирную демонстрацию. Само собою разумеется, что эти просьбы ни к чему не привели: Витте отослал депутацию к Святополку-Мирскому, последний отказался ее принять. Товарищ министра внутренних дел Рыдзевский принял депутацию очень сухо, заявил, что убеждать надо не правительство, а рабочих, что правительство прекрасно осведомлено о всем, что происходит, и что оно приняло уже решения, которые не могут быть изменены ни по каким ходатайствам. Интересно, что собрание либералов, выбравшее эту депутацию, поднимало вопрос и о том, чтобы отговорить рабочих от шествия к Зимнему Дворцу, но присутствовавший на собрании друг Гапона заявил, что это бесполезно, что решение рабочих бесповоротно. (Сведения, сообщенные г. Диллоном, корреспондентом английской газеты «The Daily Telegraph» *), и подтвержденные впоследствии другими корреспондентами.)

Арестованным членам депутации, Гессену, Арсеньеву, Карееву, Пешехонову, Мякотину, Семевскому, Кедрину, Шнитникову, Иванчину-Писареву и Горькому (взят в Риге и отвезен в Петербург) предъявили нелепейшее обвинение в намерении сорганизовать «временное правительство России» на другой день после революции. Понятно, что это обвинение падает само собой. Многие из взятых (Арсеньев, Кедрин, Шнитников) уже выпу-

*) — «Ежедневный Телеграф». *Ред.*

щены. За границей началась энергичная кампания среди образованного буржуазного общества в пользу Горького, и ходатайство пред царем об его освобождении было подписано многими выдающимися германскими учеными и писателями. Теперь к ним присоединились ученые и литераторы Австрии, Франции и Италии.

В пятницу вечером были взяты четыре сотрудника газеты «Наша Жизнь»: Прокопович с женой, Хижняков и Яковлев (Богучарский). Из сотрудников газеты «Наши Дни» [43]) взят Ганейзер в субботу утром. Полиция особенно усердно ищет денег, посланных из-за границы на стачечников или в помощь вдовам и сиротам убитых. Арестуют массами: номер бумажки об аресте Богучарского был 53-ий, а Хижнякова — 109-ый. В субботу в редакциях обеих названных газет были обыски, и взяты все без исключения рукописи, в том числе подробные отчеты о событиях за всю неделю, отчеты, составленные и подписанные достоверными свидетелями-очевидцами, записавшими все, что они видели, в поучение грядущим поколениям. Весь этот материал никогда не увидит теперь света.

В среду число арестованных было до того велико, что приходилось сажать по два и по три в одну камеру. С рабочими новый диктатор совсем уже не церемонится. С четверга начали хватать их кучами и высылать на родину. Там они будут, разумеется, распространять вести о событиях девятого января и проповедывать борьбу с самодержавием.

Трепов берется за свою старую московскую политику: приманивать массу рабочих экономическими подачками.

Предприниматели собираются вместе с министром финансов и обдумывают различные уступки рабочим, говорят о 9-часовом рабочем дне. Министр финансов принимает во вторник депутацию рабочих, обещает экономические реформы, предостерегает от политической агитации.

Полиция из кожи лезет, чтобы посеять недоверие и вражду между населением вообще и рабочими. От среды в заграничные газеты передают самым определенным образом, что полиция старается напугать жителей Петербурга сенсационными россказнями о грабежах и предпринимаемых будто бы стачечниками кровавых действиях. Даже товарищ министра внутренних дел Рыдзевский уверял во вторник одного посетителя, что стачечники собираются грабить, жечь, разрушать, убивать. Стачечники заявляли, где могли, — по крайней мере, сознательные вожди их, — что это клевета. *Полиция сама подсылала провокаторов и дворников бить стекла, жечь газетные киоски и грабить лавки,* чтобы терроризировать население. Рабочие же на самом деле вели себя настолько мирно, что возбуждали этим удивление корреспондентов заграничных газет, которые видели ужасы 9 января.

Полицейские агенты заняты теперь новой «рабочей организацией». Они подбирают подходящих рабочих, распределяют между ними деньги, науськивают их на студентов и на литераторов, восхваляют «истинную народную политику царя-батюшки». Среди двух-трех сотен тысяч необразованных, придавленных голодом рабочих нетрудно найти несколько тысяч, которые поддадутся на эту удочку. Эти последние и будут «организованы», их заставят проклинать «либеральных обманщиков» и громко заявлять, что их обманули в прошлое воскресенье. Затем эти отбросы рабочего класса выберут депутацию, которая будет «смиренно просить царя позволить им припасть к его стопам и каяться в их преступлениях, совершенных в прошлое воскресенье». «По моим сведениям, — продолжает корреспондент, — именно все это и налаживает теперь полиция. Когда эта организация будет закончена, его величество всемилостивейше соизволит принять депутацию в манеже, который будет специально приготовлен для этой цели. В трогательной речи заявит он о своем отеческом попечении о рабочих и о мерах к улучшению их положения».

P. S. Эти строки были уже набраны, когда мы узнали из телеграмм, что предсказания английского корреспондента оправдались. Царь принял у себя в Царском депутацию из 34 рабочих, подобранных полицией, и сказал полную казенного лицемерия речь об отеческом попечении правительства и о прощении преступлений рабочих. Эта гнусная комедия не обманет, конечно, русский пролетариат, который никогда не забудет кровавого воскресенья. Пролетариат поговорит еще с царем иным языком!

«Вперед» № 5, 7 февраля (25 января) 1905 г.

ПИСЬМО А. БЕБЕЛЮ [44]).

7. II. 05.

Многоуважаемый товарищ!

В тот же день, когда Вы писали мне, мы готовили письмо товарищу Герману Грейлиху *), в котором изложили, как и почему раскол в социал-демократической рабочей партии России в настоящее время стал совершившимся фактом. Копию этого письма мы сообщим партийному правлению немецкой социал-демократической партии.

Третий съезд нашей партии будет созван русским бюро комитетов большинства. Редакция Вперед и русское бюро большинства только временные центры. Ни я и никто из известных мне редакторов, сотрудников и приверженцев Вперед не возьмут на себя в настоящее время ответственности за какие-либо новые важные и связывающие всю партию шаги без решения партийного съезда. Итак, Ваше предложение может быть сообщено только этому партийному съезду.

Впервые напечатано в 1926 г. в «Ленинском Сборнике» V.

Печатается по тексту «Ленинского Сборника».

---

*) См. настоящий том, стр. 91—95. *Ред.*

ПИСЬМО А. А. БОГДАНОВУ И С. И. ГУСЕВУ [45]).

11. II. 05.

Вчера отправил телеграмму о своем согласии на Ваши изменения, хотя совершенно не согласен с тем, что̀ мог понять из Вашего письма. Но мне так опротивела эта волокита и такой насмешкой надо мной звучали Ваши вопросы, что я махнул рукой: лишь бы делали хоть что-нибудь! лишь бы выпускали *какое угодно* извещение о съезде, но *выпускали,* а не разговаривали о нем! Вы удивитесь слову: насмешка. А подумайте-ка, в самом деле: два месяца тому назад я посылаю свой проект *всем* членам бюро. Ни единый не интересуется им и не считает нужным обменяться взглядами!! А теперь: по телеграфу... эх-ма, толкуем мы об организации, о централизме, а на деле между самыми тесными товарищами центра такой разброд, такое кустарничество, что плюнуть хочется. Бундовцы вот не языкоблудствуют о централизме, а у них *каждый* пишет в центр еженедельно и связь *фактически* устанавливается. И стоит взять в руки их «Последние Известия», чтобы видеть эту связь. А у нас выходит 6-ой номер Вперед и от члена редакции (Рахметова) нет ни строчки ни о Вперед, ни для Вперед. У нас «говорят» о богатых литературных связях и в С.-Петербурге и в Москве, о молодых силах большинства, а мы здесь, через *два месяца* после призыва к работе (анонс о Вперед и письмо о нем), не имеем ни слуху ни духу. А русские комитеты (Кавказ, Нижний, не говорю уже о Поволжье, юге) считают бюро совсем «мифом» и имеют на то полное право. О каком-то союзе С.-Петербургского комитета большинства с группой меньшевиков мы «слышали» от чужих людей, — и ни слова не имеем от своих. Отказываемся верить, чтобы такой самоубийственный и глупенький шаг могли сделать большевики. О конференции социал-демократов и о «блоке» «слышали» от чужих, а от своих *ни звука,* хотя говорят, что это fait accompli *). Очевидно, еще раз захотелось большевикам, чтобы их провели.

---

*) — совершившийся факт. *Ред.*

Единственная наша сила — открытая прямота и сплоченность, энергия натиска. А люди, кажется, размякли по случаю «революции»!! Когда организованность во сто крат более нужна, они продаются дезорганизаторам. Из поправок к проекту декларации и съезда (изложенных в письме до-нельзя неясно) видно, что носятся с «лояльностью»: папаша прямо пишет это слово и добавляет: если не помянуть центров, никто на съезд не пойдет! Ну, господа, я держу пари, что если Вы *так* будете действовать, то Вы никогда не получите съезда и никогда не выйдете из-под башмака у бонапартистов Ц. О. и Ц. К. Собирать съезд *против* центров, коим выражено недоверие, собирать съезд от имени *революционного* бюро (несуществующего и фиктивного, если пресмыкаться перед лояльным уставом) и признавать *безусловное* право быть на съезде и 9-ти бонапартистам и Лиге (ха-ха!) и бонапартистским креатурам (новоиспеченные комитеты), это значит делать себя смешным и подрывать всякое уважение к себе. Можно и должно было пригласить центры, но признавать их решающий голос, это, повторяю, безумие. Конечно, центры все равно не пойдут на *наш* съезд, но к чему же давать повод лишний раз плюнуть себе в харю? К чему лицемерить и прятаться? Это прямо позор. Мы провозгласили *раскол*, мы зовем на съезд *впередовцев*, мы хотим организовать *впередовскую* партию и рвем, немедленно рвем *все и всякие* отношения с дезорганизаторами, — а нам толкуют о лояльности, прикидываются, будто возможен общий съезд Искры и Вперед. Комедия какаято! Разумеется, первый же день, первый час съезда (если он будет) рассеет эту комедию, но до съезда подобная фальшь навредит нам десятки и сотни раз.

Право, я часто думаю, что из большевиков $^9/_{10}$ действительно формалисты. Либо мы сплотим действительно железной организацией тех, кто хочет воевать, и этой маленькой, но крепкой, партией будем громить рыхлое чудовище новоискровских разношерстных элементов, либо мы докажем своим поведением, что мы заслуживали гибели, как презренные формалисты. Как это не понимают люди, что *до* бюро и *до* Вперед мы все сделали для спасения лояльности, для спасения единства, для спасения формальных, т.-е. высших методов улажения конфликта!?!? Теперь же, *после* бюро, *после* Вперед раскол есть факт. И когда раскол стал фактом, стало видно, что мы *материально слабее во много раз*. Нам нужно еще превратить нашу моральную силу в материальную. У меньшевиков больше денег, больше литературы, больше транспортов, больше агентов, больше «имен», больше сотрудников. Было бы непростительным ребячеством не видеть этого. И если мы не хотим явить миру отвратительнейший образец высохшей и анемичной старой девы, гордой своей бесплодной моральной чистотой, то

мы должны понять, что нам нужна война и военная организация. Только после долгой войны и только при условии великолепной организации может наша моральная сила превратиться в материальную.

Нужны деньги. Архи-нелеп план съезда *в Лондоне*, ибо это будет стоить вдвое больше. Мы не можем остановить Вперeда, а долгий отъезд остановит его. Съезд должен быть прост, короток, немногочисленен. Это — съезд для организации войны. По всему видно, что Вы на этот счет делаете себе иллюзии.

Нужны сотрудники для Вперeда. Нас мало. Если не добавить 2—3 постоянных из России, тогда нечего и болтать вздора о борьбе с Искрой. Нужны брошюры и листки, нужны до зарезу.

Нужны молодые силы. Я бы советовал прямо расстреливать на месте тех, кто позволяет себе говорить, что людей нет. В России людей тьма, надо только шире и смелее, смелее и шире, еще раз шире и еще раз смелее вербовать молодежь, *не боясь ее*. Время военное. Молодежь решит исход всей борьбы, и студенческая и еще больше рабочая молодежь. Бросьте все старые привычки неподвижности, чинопочитания и пр. Основывайте из молодежи *сотни* кружков впередовцев и поощряйте их работать во-всю. Расширяйте комитет *втрое* приемом молодежи, создавайте пяток или десяток подкомитетов, «кооптируйте» всякого и каждого честного и энергичного человека. Давайте право любому подкомитету писать и издавать листки без всякой волокиты (не беда, если ошибется: мы во Вперeде «мягко» поправим). Надо с отчаянной быстротой объединять и пускать в ход всех революционно-инициативных людей. Не бойтесь их неподготовленности, не дрожите по поводу их неопытности и неразвитости. Во-1-х, если вы не сумеете организовать и подтолкнуть их, то они пойдут за меньшевиками и Гапонами и той же своей неопытностью навредят впятеро больше. Во-2-х, учить будут теперь *в нашем духе* события. События уже учат всех и каждого именно во впередовском духе.

Только непременно организовывать, организовывать и организовывать *сотни* кружков, отодвигая совершенно на задний план обычные комитетские (иерархические) благоглупости. Время военное. Либо *новые*, молодые, свежие, энергичные военные организации повсюду для революционной социал-демократической работы всех сортов, всех видов и во всех слоях — либо вы погибнете со славой «комитетских» людей с печатями.

Я об этом буду писать во Вперeде *) и говорить на съезде. Пишу Вам, чтобы *попытаться* паки и паки вызвать на обмен мыслей, вызвать на то, чтобы с редакцией *связали непосредственно* десяток *молодых, свежих* рабочих (и других) круж-

---

*) См. настоящий том, стр. 142—150. *Ред.*

ков, хотя... хотя, между нами будь сказано, никакой надежды на осуществление этих дерзких пожеланий не питаю. Разве через два месяца запросите, чтобы я по телеграфу ответил, согласен ли на такие-то изменения «плана»... Заранее отвечаю, что на всё согласен. До-свидания на съезде. Ленин.

P. S. Надо поставить себе задачей революционизировать доставку Вперед в Россию. Пропагандируйте самым широким образом подписку из Питера. Пусть студенты и особенно *рабочие* выписывают десятками и сотнями на свои собственные адресы. Бояться этого по нынешним временам смешно. Все перехватить никогда не сможет полиция. Будет доходить $^1/_2$ — $^1/_3$ и это уже очень много. Давайте эту мысль *любому* кружку молодежи, которая найдет и сотни своих путей за границу. Давайте шире адреса для посылки писем в Вперед, как можно шире.

Впервые напечатано в 1925 г. в журн. «Пролетарская Революция» № 4 (39).

Печатается по рукописи.

ПЕРВЫЕ УРОКИ [46]).

Первая волна революционной бури отходит. Мы стоим накануне неизбежной и неминуемой второй волны. Пролетарское движение все ширится, раскинувшись теперь по самым далеким окраинам. Брожение и недовольство охватывает самые разнообразные и самые отсталые слои общества. Парализована торгово-промышленная жизнь, закрыты учебные заведения, бастуют, по примеру рабочих, земцы. В промежутке между массовыми движениями учащаются, как и всегда, единичные террористические акты: покушение на одесского полицмейстера, убийство на Кавказе, убийство прокурора сената в Гельсингфорсе. Правительство бросается от политики кровавой плети к политике посулов. Оно старается обмануть хоть кой-кого из рабочих комедией царского приема депутации. Оно старается отвлечь общественное внимание военными новостями и приказывает Куропаткину начать наступление на Хун-хо. 9-го января была бойня в Петербурге, 12-го начато было это бессмысленнейшее, с военной точки зрения, наступление, которое окончилось новым серьезным поражением царских генералов. Русские отбиты, потеряв, по сообщениям даже нововременского корреспондента, до 13 тысяч человек, т.-е. раза в два более чем японцы. В области военного управления в Манчжурии такое же разложение и деморализация, как и в Петербурге. В заграничной печати телеграммы, подтверждающие и опровергающие ссору Куропаткина с Гриппенбергом, сменяются телеграммами, подтверждающими и опровергающими весть о том, что партия великих князей поняла опасность войны для самодержавия и хочет возможно скорее добиться мира.

Неудивительно, что при таких условиях о революции в России не перестают говорить даже самые трезвенные буржуазные органы Европы. Революция растет и зреет с невиданной до 9-го января быстротой. Нагрянет ли вторая волна завтра, послезавтра или через месяцы, это зависит от массы обстоятельств, которых нельзя усчитать. Тем настоятельнее задача подвести некоторые итоги революционным дням и попытаться вывести уроки,

которые могут пригодиться нам гораздо скорее, чем некоторые склонны ожидать.

Для правильной оценки революционных дней следует бросить общий взгляд на новейшую историю нашего рабочего движения. Почти 20 лет тому назад, в 1885 году, произошли первые крупные рабочие стачки в центральном промышленном районе, у Морозова и других. Тогда Катков писал о показавшемся на Руси рабочем вопросе. И с какой же поразительной быстротой развивался пролетариат, переходя от экономической борьбы к политическим демонстрациям, от демонстраций к революционному натиску! Припомним главные вехи пройденного пути. 1885 год — широкие стачки с ничтожным участием совершенно единичных, не сплоченных никакой организацией, социалистов. Общественное возбуждение по поводу стачек заставляет Каткова, верного пса самодержавия, говорить по поводу суда о «сто одном салютационном выстреле в честь показавшегося на Руси рабочего вопроса»[47]). Правительство идет на экономические уступки. 1891-ый год — участие петербургских рабочих в демонстрации на похоронах Шелгунова, политические речи на петербургской маевке. Перед нами социал-демократическая демонстрация передовиков-рабочих при отсутствии массового движения. 1896-ой год: петербургская стачка нескольких десятков тысяч рабочих. Массовое движение с началом уличной агитации, при участии уже целой социал-демократической организации. Как ни мала еще, по сравнению с теперешней нашей партией, эта почти исключительно студенческая организация, все же ее сознательное и планомерное социал-демократическое вмешательство и руководство делают то, что движение приобретает гигантский размах и значение против морозовской стачки. Правительство опять идет на экономические уступки. Стачечному движению по всей России положено прочное основание. Революционная интеллигенция повально становится социал-демократической. Основывается социал-демократическая партия. 1901-ый год: рабочий идет на помощь студенту. Начинается демонстрационное движение. Пролетариат выносит на улицу свой клич: долой самодержавие! Радикальная интеллигенция распадается окончательно на либеральную, революционно-буржуазную и социал-демократическую. Участие организаций революционной социал-демократии в демонстрациях становится все более широким, активным, прямым. 1902-ой год: громадная ростовская стачка превращается в выдающуюся демонстрацию. Политическое движение пролетариата не примыкает уже к интеллигентскому, студенческому движению, а само вырастает непосредственно из стачки. Участие организованной революционной социал-демократии еще более активное. Пролетариат завоевывает для себя и для революционных социал-демократов *своего* комитета свободу массовых уличных собраний. Пролетариат впервые противопо-

ставляет себя, как класс, всем остальным классам и царскому правительству. 1903-ий год. Опять стачки сливаются с политической демонстрацией, но на еще более широком базисе. Стачки охватывают целый район, в них участвуют более сотни тысяч рабочих, массовые политические собрания повторяются во время стачек в целом ряде городов. Чувствуется, что мы накануне баррикад (отзыв местных социал-демократов о киевском движении 1903 г.[48])). Но канун оказывается сравнительно долгим, как бы приучая нас к тому, что могучие классы иногда копят силы месяцами и годами, как бы испытывая маловерных интеллигентов, примыкающих к социал-демократии. И действительно, интеллигентское крыло нашей партии, новоискровцы или (что то же) новорабочедельцы стали уже искать «высших типов» демонстраций в виде соглашения рабочих с земцами о непроизведении панического страха. Со свойственной всем оппортунистам беспринципностью, новоискровцы договорились уже до того невероятного, невероятнейшего тезиса, что на политической арене две (!!) силы: бюрократия и буржуазия (смотри *второе* письмо редакции Искры по поводу земской кампании). Оппортунисты новой Искры, ловя момент, забыли о самостоятельной силе пролетариата! Наступил 1905-ый год, и девятое января еще раз изобличило всех непомнящих родства интеллигентиков. Пролетарское движение сразу поднялось на высшую ступень. Всеобщая стачка мобилизовала по всей России наверное не меньше миллиона рабочих. Политические требования социал-демократии просочились даже до слоев рабочего класса, способных еще верить в царя. Пролетариат порвал рамки полицейской зубатовщины, и вся масса членов легального рабочего общества, основанного для борьбы с революцией, пошла вместе с Гапоном по революционному пути. Стачка и демонстрация стали на наших глазах превращаться в *восстание*. Участие организованной революционной социал-демократии было несравненно значительнее, чем в предыдущих стадиях движения, но все еще слабо и слабо по сравнению с гигантским спросом активной пролетарской массы на социал-демократическое руководство.

В общем и целом, стачечное и демонстрационное движение, соединяясь одно с другим в различных формах и по различным поводам, росли вширь и вглубь, становясь все революционнее, подходя все ближе и ближе на практике к всенародному вооруженному восстанию, о котором давно говорила революционная социал-демократия. Этот вывод из событий 9-го января мы сделали уже в №№ 4 *) и 5 [49]) «Вперед». Этот вывод сделали немедленно и непосредственно и сами петербургские рабочие. Десятого января они ворвались в одну легальную типографию, набрали

*) См. настоящий том, стр. 81. *Ред.*

нижеследующую, присланную нам петербургскими товарищами прокламацию, отпечатали ее более чем в десяти тысячах экземпляров и распространили по Питеру. Вот эта замечательная прокламация *).

Это воззвание не нуждается в пояснениях. Самодеятельность революционного пролетариата выразилась тут вполне. Призыв петербургских рабочих не осуществился так скоро, как они хотели, он будет повторен еще не раз, попытки его осуществления неоднократно поведут еще к неудачам. Но гигантское значение этой постановки задачи самими рабочими неоспоримо. Приобретение, которое сделано революционным движением, приведшим к сознанию практической насущности этой задачи и приблизившим постановку ее при любом народном движении на ближайшую очередь, это приобретение не может уже ничем быть отнято у пролетариата.

Стоит остановиться на истории идеи восстания. Новая Искра наговорила по этому вопросу столько туманных пошлостей, начиная с приснопамятной передовицы № 62, столько оппортунистической путаницы, вполне достойной нашего старого знакомого, Мартынова, что точное воспроизведение старой постановки вопроса имеет особую важность. За всеми пошлостями и за всей путаницей новой Искры все равно не угоняться. Гораздо целесообразнее поминать почаще старую «Искру» и конкретнее развивать ее старые положительные лозунги.

В конце брошюры «Что делать?» Ленина, на стр. 136-ой **), был выдвинут лозунг *всенародного вооруженного восстания.* Вот что говорилось об этом в самом начале 1902 года, т.-е. три года тому назад: «Представьте себе народное восстание. В настоящее время, вероятно, все согласятся, что мы должны думать о нем и готовиться»....... ***).

Написано в начале февраля 1905 г.

Впервые напечатано в 1926 г. в «Ленинском Сборнике» V. *Печатается по рукописи.*

---

*) См. настоящий том, стр. 112. *Ред.*
**) См. IV том Сочинений, стр. 497. *Ред.*
***) На этом рукопись обрывается. *Ред.*

ДВЕ ТАКТИКИ.

С самого начала массового рабочего движения в России, т.-е. приблизительно в течение десяти уже лет, среди социал-демократов существуют глубокие разногласия по вопросам тактики. Как известно, именно этого рода разногласия вызвали во второй половине 90-х годов течение экономизма, поведшее к расколу на оппортунистическое (рабочедельческое) и революционное (староискровское) крыло партии. Но русский социал-демократический оппортунизм отличался от западно-европейского своеобразными особенностями. Он отражал с чрезвычайной рельефностью точку зрения или, пожалуй, отсутствие всякой самостоятельной точки зрения у интеллигентского крыла партии, увлекавшегося и модными словечками бернштейнианства и непосредственными результатами и формами чисто-рабочего движения. Это увлечение повело к повальной измене легальных марксистов, перекочевавших в либерализм, и к созданию социал-демократами знаменитой теории «тактики-процесса», которая упрочила за нашими оппортунистами кличку хвостистов. Они плелись беспомощно в хвосте событий, бросались от одной крайности в другую, принижали во всех случаях размах деятельности революционного пролетариата и веру в его силы, при чем больше всего и чаще всего прикрывалось все это ссылкой на самодеятельность пролетариата. Это курьезно, но это факт. Никто не рассуждал так много о самодеятельности рабочих и никто не суживал, не урезывал, не принижал так своей проповедью этой самодеятельности, как рабочедельцы. «Поменьше толкуйте о повышении активности рабочей массы» — говорили сознательные, передовые рабочие своим усердным, но неумным советникам. «У нас активности гораздо больше, чем вы думаете, и мы умеем поддерживать открытой, уличной борьбой даже требования, никаких осязательных результатов не сулящие. И не вам повышать нашу активность, ибо у вас самих как раз активности-то и не хватает. Поменьше преклоняйтесь пред стихийностью и побольше

думайте о повышении своей активности, господа!» Вот как приходилось характеризовать отношение революционных рабочих к оппортунистическим интеллигентам («Что делать?», стр. 55 *)).

Два шага назад, сделанные новой «Искрой» к «Рабочему Делу», воскресили это отношение. Со страниц «Искры» опять полилась проповедь хвостизма, прикрываемая такими же тошнотворными клятвами: ей, господи, верую и исповедую самодеятельность пролетариата. Во имя самодеятельности пролетариата Аксельрод и Мартынов, Мартов и Либер (бундовец) защищали на съезде право профессоров и гимназистов записываться в члены партии, не входя ни в какие организации. Во имя самодеятельности пролетариата сочинялась теория «организации-процесса», оправдывавшая дезорганизацию и прославлявшая интеллигентский анархизм. Во имя самодеятельности пролетариата изобреталась не менее знаменитая теория «высшего типа демонстраций» в виде *соглашения* просеянной через троекратные выборы рабочей депутации *с земцами* о мирном манифестировании без произведения панического страха. Во имя самодеятельности пролетариата извращалась и опошлялась, принижалась и запутывалась идея вооруженного восстания.

На этом последнем вопросе, в виду его громадной практической важности, мы намерены остановить внимание читателя. Развитие рабочего движения жестоко посмеялось над мудрецами новой «Искры». Не успело еще разойтись по России ее первое письмо, где во имя «процесса планомерного развития классового самосознания и самодеятельности пролетариата» рекомендовалась, как высший тип демонстраций, «доставка заявления рабочих гласным почтой на дом и разбрасыванье его в значительном числе экземпляров в зале земского собрания»; — не успело еще дойти до России ее второе письмо, где делалось совсем уже с-ног-сшибательное открытие, что в настоящий «исторический момент политическая сцена заполнена (!) тяжбой между организованной буржуазией и бюрократией» и что «объективный смысл всякого (слушайте, слушайте!) революционного движения в низах один (!) и сводится к поддержке лозунгов той из двух (!!) сил, которая заинтересована в ломке данного режима» (это демократическая интеллигенция объявлялась «силой»); — не успели еще сознательные рабочие прочитать эти великолепные письма и хорошенечко осмеять их, как события действительной борьбы пролетариата сразу вымели весь этот политический хлам новоискровских публицистов в сорную яму. Пролетариат показал, что есть третья (в сущности, конечно, не третья, а вторая по счету и первая по боевой способности) *сила*, не только заинтересованная в ломке, но и *готовая приступить к настоящей ломке*

*) См. IV том Сочинений, стр. 418. *Ред.*

самодержавия. Начиная с 22 (9) января, рабочее движение у нас на глазах *вырастает* в народное восстание.

Посмотрим же, как оценивали этот переход к восстанию социал-демократы, рассуждавшие о нем заранее, как о вопросе тактики, — и как стали решать этот вопрос на практике сами рабочие.

Вот что говорилось три года тому назад о восстании, как лозунге, определяющем наши ближайшие практические задачи: «Представим себе народное восстание. В настоящее время, вероятно, все согласятся, что мы должны думать о нем и готовиться к нему. Но как готовиться? Не назначить же Центральному Комитету агентов по всем местам для подготовки восстания! Если бы у нас и был Ц.К., он таким назначением ровно ничего не достиг бы при современных русских условиях. Наоборот, сеть агентов, складывающаяся сама собой на работе по постановке и распространению общей газеты, не должна была бы «сидеть и ждать» лозунга к восстанию, а делала бы именно такое регулярное дело, которое гарантировало бы ей наибольшую вероятность успеха в случае восстания. Именно такое дело закрепляло бы связи и с самыми широкими массами рабочих и со всеми недовольными самодержавием слоями, что так важно для восстания. Именно на таком деле вырабатывалась бы способность верно оценивать общее политическое положение и, следовательно, способность выбрать подходящий момент для восстания. Именно такое дело приучало бы *все* местные организации откликаться одновременно на одни и те же волнующие всю Россию политические вопросы, случаи и происшествия, отвечать на эти происшествия возможно энергичнее, возможно единообразнее и целесообразнее, — а ведь восстание есть, в сущности, самый энергичный, самый единообразный и самый целесообразный «ответ» всего народа правительству. Именно такое дело, наконец, приучало бы все революционные организации во всех концах России вести самые постоянные и в то же время самые конспиративные сношения, создающие *фактическое* единство партии, — а без таких сношений невозможно коллективно обсудить план восстания и принять те необходимые подготовительные меры накануне его, которые должны быть сохранены в строжайшей тайне.

«Одним словом, «план общерусской политической газеты» не только не представляет из себя плод кабинетной работы лиц, зараженных доктринерством и литературщиной (как это показалось плохо вдумавшимся в него людям), а, наоборот, он является самым практическим планом *начать со всех сторон и сейчас же готовиться к восстанию, не забывая в то же время ни на минуту своей будничной насущной работы*» («Что делать?» *)).

Подчеркнутые нами заключительные слова дают ясный ответ на вопрос о том, как представляли себе дело подготовки восстания революционные социал-демократы. Но, как ни ясен этот от-

*) См. IV том Сочинений, стр. 498. *Ред.*

вет, старая хвостистская тактика не могла не проявить себя и на этом пункте. Мартынов выпустил совсем недавно брошюру «Две диктатуры», особо рекомендованную новой «Искрой» (№ 84). Автор от всей глубины своего рабочедельческого сердца возмущен тем, что Ленин мог говорить о «подготовке, *назначении* и проведении вооруженного всенародного восстания». Грозный Мартынов разит врага: «Международная социал-демократия на основании исторического опыта и научного анализа динамики общественных сил всегда признавала, что только дворцовые перевороты и пронунциаменто могут быть заранее *назначены* и проведены с успехом по заранее заготовленному плану, и именно потому, что они не есть народные революции, т.-е. перевороты в общественных отношениях, а только перетасовки в правящей клике. Социал-демократия всюду и всегда признавала, что народная революция не может быть заранее *назначена,* что она не изготовляется искусственно, а сама совершается».

Может быть, читатель скажет, прочитав эту тираду, что Мартынов, очевидно, «не есть» серьезный противник и что брать его всерьез смешно. Мы вполне согласились бы с таким читателем. Мы сказали бы даже такому читателю, что нет на земле муки горшей, чем брать всерьез все теории и все рассуждения наших новоискровцев. Беда в том, что эти пустяки фигурируют и в передовицах «Искры» (№ 62 [50])). Еще большая беда в том, что есть люди в партии, и не мало их, которые засоряют себе головы этими пустяками. И приходится говорить о несерьезных вещах, как приходится же нам говорить о «теории» Розы Люксембург, открывшей «организацию-процесс». Приходится разъяснять Мартынову, что не следует смешивать восстания с народной революцией. Приходится растолковывать, что глубокомысленные ссылки на переворот в общественных отношениях при решении практического вопроса о способах свержения русского самодержавия достойны лишь Кифы Мокиевича. Переворот этот начался в России уже с падением крепостного права, и именно отсталость нашей политической надстройки от совершившегося переворота в общественных отношениях делает крах надстройки неизбежным, при чем вполне и вполне возможен крах сразу, *от одного удара,* ибо «народная революция» в России нанесла уже царизму сотню ударов, и добьет ли его сто первый или сто десятый удар, это неизвестно. Только оппортунистические интеллигенты, сваливающие свое филистерство на пролетариев, могут в такое время, когда обсуждаются практически способы нанесения одного из ударов второй сотни, проявлять свои гимназические познания насчет «переворота в общественных отношениях». Только оппортунисты новой «Искры» могут истерически кричать об ужасном «якобинском» плане, в котором центр тяжести лежит, как мы видели, во всесторонней массовой агитации при помощи политической газеты!

Не может быть назначена народная революция, это справедливо. За знакомство с этой истиной нельзя не похвалить Мартынова и автора передовицы в № 62 «Искры» («да и о какой подготовке восстания вообще может идти речь у нашей партии», спрашивал там, воюя с «утопистами», верный соратник или ученик Мартынова). Но назначить восстание, если мы его действительно готовили и если народное восстание возможно, в силу *совершившихся* переворотов в общественных отношениях, вещь вполне осуществимая. Постараемся пояснить это для новоискровцев простым примером. Можно ли назначить рабочее движение? Нет, нельзя, потому что оно слагается из тысячи отдельных актов, порождаемых переворотом в общественных отношениях. Можно ли назначить стачку? Можно, несмотря на то — представьте себе, товарищ Мартынов, *несмотря* на то, что каждая стачка является результатом переворота в общественных отношениях. Когда можно бывает назначить стачку? Тогда, когда организация или кружок, назначающие ее, пользуются влиянием среди *массы* данных рабочих и умеют правильно оценить момент растущего недовольства и раздражения в массе рабочих. Поняли ли вы теперь в чем дело, тов. Мартынов и товарищ-«передовик» номера 62-го «Искры»? Если поняли, то потрудитесь теперь сопоставить восстание с народной революцией. «Народная революция не может быть заранее назначена». Восстание может быть назначено, когда назначающие его пользуются влиянием среди массы и умеют правильно оценить момент.

К счастью, самодеятельность передовых рабочих оказывается далеко впереди хвостистской философии новой «Искры». Пока она вымучивает из себя теории, доказывающие, что восстание не может быть назначено теми, кто готовился к нему, организуя передовой отряд революционного класса, события показывают, что восстание могут назначать и бывают вынуждены назначать люди не готовившиеся.

Вот прокламация, присланная нам петербургским товарищем. Ее набрали, отпечатали и распространили более чем в 10.000 экземплярах сами рабочие, захватившие десятого января в Петербурге одну легальную типографию.

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Граждане! Вчера вы видели зверства самодержавного правительства! Видели кровь, залившую улицы! Видели сотни убитых борцов за рабочее дело, видели смерть, слышали стоны раненых женщин и беззащитных детей! Кровь и мозги рабочих забрызгали мостовую, мощеную их же руками. Кто же направил войско, ружья и пули в рабочую грудь? — Царь, великие князья, министры, генералы и придворная сволочь.

«*Они — убийцы! — смерть им! К оружию, товарищи,* захватывайте арсеналы, оружейные склады и оружейные магазины.

Разносите, товарищи, тюрьмы, освобождайте борцов за свободу. Расшибайте жандармские и полицейские управления и все казенные учреждения. Свергнем царское правительство, поставим свое. *Да здравствует революция,* да здравствует Учредительное Собрание Народных Представителей! — *Российская С.-Д. Рабочая Партия*» [51]).

Призыв к восстанию этой кучки инициативных передовых рабочих оказался неудавшимся. Нас не удивило бы и не обескуражило несколько неудачных призывов к восстанию или неудачных «назначений» восстания. Мы предоставим новой «Искре» разглагольствовать по этому поводу о необходимости «переворота в общественных отношениях» и высокопарно осуждать «утопизм» рабочих, воскликнувших «поставим свое правительство». Только безнадежные педанты или путаники могут видеть центр тяжести подобного воззвания в этом кличе. Нам важно отметить и подчеркнуть этот замечательный, смелый практический приступ к решению задачи, стоящей теперь вплотную перед нами.

Призыв петербургских рабочих не осуществился и не мог осуществиться так скоро, как они хотели. Этот призыв будет повторен еще не раз, и попытка восстания неоднократно может еще повести к неудачам. Но гигантское значение имеет самый факт постановки этой задачи самими рабочими. Приобретение, которое сделано рабочим движением, приведшим к сознанию практической насущности этой задачи и приблизившим постановку ее при любом народном волнении на ближайшую очередь, это приобретение ничем не может быть отнято у пролетариата.

Социал-демократы выставляли лозунг подготовки восстания еще три года тому назад на основании общих соображений. Самодеятельность пролетариата пришла к этому же лозунгу под влиянием непосредственных уроков гражданской войны. Есть самодеятельность и самодеятельность. Есть самодеятельность пролетариата революционно инициативного, и есть самодеятельность пролетариата неразвитого и ведомого на помочах, есть самодеятельность сознательно-социал-демократическая и самодеятельность зубатовская. И есть социал-демократы, которые даже в настоящий момент с благоговением созерцают именно этот второй вид самодеятельности, которые думают, что от прямого ответа на злободневные вопросы можно отделаться, повторяя бесчисленное количество раз слово «классовый». Возьмите № 84 «Искры» [52]). «Почему, — с победоносным видом наступает на нас ее «передовик», — почему не узкая организация профессиональных революционеров дала толчок движению этой лавины (9-го янв.), а Собрание рабочих? *Потому, что Собрание это было действительно* (слушайте!) *широкой организацией, основанною на самодеятельности рабочих масс*». Если бы автор этой классической фразы не был поклонником Мартынова, то он, может быть, понял бы, что Собрание сослужило службу движению революционного пролетариата

именно тогда и постольку, когда и поскольку от самодеятельности зубатовской оно перешло к самодеятельности социал-демократической (после чего оно сейчас же и перестало существовать как легальное Собрание).

Если бы новоискровцы или новорабочедельцы не были хвостистами, то они увидели бы, что именно девятое января оправдало предсказание тех, кто говорил: «в конце концов легализация рабочего движения принесет пользу именно нам, а не Зубатовым» («Что делать?»). Именно девятое января еще и еще раз показало всю важность там же формулированной задачи: «готовить жнецов, которые бы умели и косить сегодняшние плевелы» (т.-е. парализовать сегодняшний разврат зубатовщины) *«и жать завтрашнюю пшеницу»* (т.-е. революционно руководить движением, сделавшим шаг вперед при помощи легализации). А Иванушки новой «Искры» ссылаются на пышный урожай пшеницы, чтобы принизить значение крепкой организации революционных косцов!

Было бы преступно, — продолжает тот же новоискровский передовик, — «нападать в тыл революции». Что значит собственно эта фраза, Аллах ведает. О том, в какой связи стоит она с общей оппортунистической физиономией «Искры», мы, вероятно, поговорим в другой раз особо. Теперь достаточно указать, что действительный политический смысл этой фразы один, именно: автор пресмыкается перед тылом революции, презрительно морща нос по поводу «узкого» и «якобинского» авангарда революции.

Тактика хвостизма и тактика революционной социал-демократии выясняются во всей своей противоположности тем более, чем более усердствует в мартыновском духе новая «Искра». Мы указывали уже в № 1 «Вперед» *), что восстание должно примкнуть к одному из стихийных движений. Мы нисколько не забываем, след., важность «обеспечения тыла», если употреблять военное сравнение. Мы говорили в № 4 **) о верной тактике петербургских комитетчиков, направивших все усилия с самого начала на поддержку и развитие революционных элементов стихии при сдержанном, недоверчивом отношении к темному, зубатовскому тылу этой стихии. Мы закончим теперь советом, который нам еще много раз придется давать новоискровцам: не принижайте задач авангарда революции, не забывайте о нашей обязанности поддержать этот авангард нашей *организованной* самодеятельностью. Поменьше говорите общих фраз о развитии самодеятельности рабочих — рабочие проявляют бездну не замечаемой вами революционной самодеятельности! — побольше смотрите за тем, чтобы не развращать неразвитых рабочих своим собственным хвостизмом.

«Вперед» № 6, 14 (1) февраля 1905 г.

---

*) См. настоящий том, стр. 34. *Ред.*
**) См. настоящий том, стр. 85. *Ред.*

О БОЕВОМ СОГЛАШЕНИИ ДЛЯ ВОССТАНИЯ.

«Революционная Россия» говорит (№ 58): «Пусть, наконец, хоть теперь дух боевого единения проникнет в ряды разъедаемых братоубийственной враждой революционно-социалистических фракций и воскресит преступно подточенное сознание социалистической солидарности...... Сбережем же сколько возможно революционных сил, увеличивая их действие путем согласованного натиска!» [55]).

Нам не раз приходилось протестовать против господства фразы у социалистов-революционеров, мы должны протестовать против него и теперь. К чему эти страшные слова, господа, о «братоубийственной вражде» и т. п.? Достойны ли они революционеров? Именно теперь, когда идет настоящая борьба, льется кровь, о которой тоже неумеренно красиво говорит «Рев. Россия», именно теперь эти уродливые преувеличения о «братоубийственной вражде» звучат особенной фальшью. Сбережение сил, говорите вы? Но ведь силы сберегаются единой, дружной, принципиально согласной организацией, а не склеиванием разнородного. Силы не сберегаются, а растрачиваются в бесплодных попытках подобного склеивания. Чтобы на деле, а не на словах осуществить «боевое единение», нужно ясно, отчетливо и притом *по опыту* знать, в чем именно и насколько именно *можем* мы быть едины. *Без этого* разговоры о боевом единении суть слова, слова и слова, а это знание дается между прочим, именно, той полемикой, борьбой и враждой, о которой вы говорите в таких «ужасных» терминах. Неужели было бы лучше, если бы мы замолчали о тех разногласиях, которые разделяют целые гигантские полосы русской общественной и русской социалистической мысли? Неужели только «культ раздоров» вызвал ожесточенную борьбу народничества, этой неясной, полной социалистических мечтаний, идеологии демократической буржуазии, и марксизма, идеологии пролетариата? Полноте, господа, вы делаете только себя смешными, когда договариваетесь до этого, когда продолжаете считать «обидой» марксистский взгляд на буржуазно-

демократическую сущность народничества и вашего «социал-революционизма». Мы неизбежно будем спорить, расходиться, враждовать и в будущих революционных комитетах в России, — но надо же учиться у истории. Надо думать о том, чтобы это не были неожиданные, ни для кого не понятные, путаные споры в момент действия, надо подготовиться к тому, чтобы спорить принципиально, чтобы знать исходные точки каждого направления, чтобы заранее наметить возможное единение и неизбежную вражду. История революционных эпох дает слишком, слишком много примеров гигантского вреда от скоропалительных и незрелых опытов «боевого единения», склеивающего *для взаимных трений и горьких разочарований* разнороднейшие элементы в комитетах революционного народа.

Мы хотим воспользоваться уроком этой истории. Мы видим в марксизме, который кажется вам узкой догмой, именно квинтэссенцию этого исторического урока и руководства. Мы видим в *самостоятельной,* непримиримо марксистской, партии революционного пролетариата единственный залог победы социализма и путь к победе, наиболее свободный от шатаний. Мы никогда поэтому, не исключая самых революционных моментов, не откажемся от полной самостоятельности соц.-дем. партии, от полной непримиримости нашей идеологии.

Вам кажется, что это *исключает* боевое единение? Вы ошибаетесь. Вы можете увидеть из резолюции нашего второго съезда, что мы от соглашений для борьбы и на борьбе не отказываемся. Мы подчеркнули в № 4 «Вперед», что начало революции в России несомненно приближает момент практического осуществления этих соглашений *). Совместная борьба революционной социал-демократии и революционных элементов демократии неизбежна и необходима в эпоху падения самодержавия. Мы думаем, что мы лучше послужим делу будущих боевых соглашений, если вместо горьких укоризненных фраз будем трезво и хладнокровно взвешивать условия их возможности и вероятные пределы их, если можно так выразиться, «компетенции». Мы начали эту работу в № 3 «Вперед», приступая к изучению прогресса «партии соц.-рев.» от народничества к марксизму **).

«Масса сама схватилась за оружие, — пишет «Рев. Россия» по поводу 9 января. — Несомненно, что рано или поздно, а будет разрешен вопрос о вооружении массы». «И тогда-то самым ярким образом проявится и осуществится то слияние терроризма и массового движения, к которому мы, согласно всему духу нашей партийной тактики, стремимся словом и делом». (Заметим в скобках, что к последнему слову мы охотно поставили бы вопроси-

*) См. настоящий том, стр. 81. *Ред.*
**) См. настоящий том, стр. 70. *Ред.*

тельный знак, и будем продолжать цитату.) «Еще не так давно перед нашими глазами эти два фактора движения были разрознены и этой разрозненностью лишены должной силы».

Вот что правда, то правда! Именно так. Интеллигентский террор и массовое рабочее движение *были разрознены и этой разрозненностью лишены должной силы.* Как раз это говорила всегда революционная социал-демократия. Как раз поэтому боролась она всегда не только против террора, но и против тех шатаний в сторону террора, которые обнаруживали не раз представители интеллигентского крыла нашей партии *). Как раз поэтому спорила против террора и старая «Искра», когда она писала в № 48: «террористическая борьба *старого образца* была самым рискованным видом революционной борьбы, и люди, бравшиеся за нее, имели репутацию решительных и самоотверженных деятелей... Теперь же, когда демонстрации переходят в открытое сопротивление власти,... наш старый терроризм перестает быть исключительно-смелым приемом борьбы... Теперь героизм вышел на площадь; истинными героями нашего времени являются теперь те революционеры, которые идут во главе народной массы, восстающей против своих угнетателей... Терроризм великой французской революции... начался 14 июля 1789 года взятием Бастилии. Его сила была силой революционного движения народа... *Этот* терроризм вызван был не разочарованием в силе массового движения, а, наоборот, непоколебленной верой в его силу... История *этого* терроризма чрезвычайно поучительна для русского революционера» **).

Да и тысячу раз да! История *этого* терроризма поучительна чрезвычайно. Поучительны также приведенные цитаты из «Искры», относящиеся к эпохе за $1^1/_2$ года тому назад. Эти цитаты показывают нам, во весь их рост, те мысли, к которым хотели бы придти, под влиянием революционных уроков, и социалисты-революционеры. Эти цитаты напоминают нам о значении *веры* в массовое движение, напоминают о революционной выдержке, которая дается только принципиальностью и которая одна может избавить от «разочарований», вызываемых продолжительной *кажущейся* остановкой этого движения. Теперь, после 9-го января, ни о каких «разочарованиях» в массовом движении не может быть, на первый взгляд, и речи. Но это только на первый взгляд. Надо отличать моментальное «очарование» ярким проявлением героизма

---

*) Кричевский в № 6 «Раб. Дела» [54]). Мартов и Засулич по поводу выстрела Леккерта [55]). Новоискровцы вообще в листке по поводу убийства Плеве [56]).

**) Эта статья в «Искре» писана Плехановым [57]) и относится к тому периоду, когда редактировали ее (№№ 46—51) Плеханов и Ленин. Плеханов тогда еще не помышлял о новом курсе знаменитой уступчивости по отношению к оппортунизму.

массы от прочных, продуманных убеждений, неразрывно связывающих всю деятельность партии с движением массы вследствие поставленного во главу угла принципа классовой борьбы. Надо помнить, что, как ни высока теперешняя ступень революционного движения, достигнутая после 9-го января, это движение во всяком случае пройдет еще немало этапов до той поры, когда наши социалистические и демократические партии возродятся на новой базе в свободной России. И мы должны через все эти этапы, через все перипетии борьбы, пронести непоколебленную связь социал-демократии с классовой борьбой пролетариата, заботиться непрерывно об укреплении и упрочении этой связи.

Нам кажется поэтому явным преувеличением следующее утверждение «Революционной России»: «Пионеры вооруженной борьбы потонули в рядах вооруженной массы»... Это скорее желательное будущее, чем осуществленное уже настоящее. Убийство Сергея в Москве 17-го (4-го) февраля, о котором как раз сегодня сообщил телеграф, является, очевидно, терроризмом старого образца. Пионеры вооруженной борьбы *еще не* потонули в рядах вооруженной массы. Пионеры с бомбами, очевидно, подкарауливали в Москве Сергея в то время, как масса (в Питере) без пионеров, без оружия, без революционных офицеров и без революционного штаба, «с гневной яростью кидалась на колючую щетину штыков», как выражается та же «Рев. Россия». Разрозненность, о которой говорено было выше, *еще существует,* и единичный, интеллигентский террор тем более поражает своей неудовлетворительностью, чем яснее теперь стало для всех, что «масса поднялась до одиночек героев, в ней пробудился массовый героизм» («Рев. Росс.» № 58). Пионеры должны *на деле* потонуть в массе, т.-е. прилагать свою самоотверженную энергию в неразрывной, фактической связи с восстающей массой, идти вместе с массой не в фигуральном, не в символическом смысле слова, а в буквальном. Что это необходимо, — в том вряд ли мыслимо теперь какое-либо сомнение. Что это возможно, — это доказывает девятое января и все продолжающееся глухое глубокое брожение рабочих масс. Что это есть новая и высшая задача, более трудная по сравнению с предыдущими, это не может и не должно остановить нас от немедленного практического приступа к ее решению.

Боевое единение социал-демократической партии с партией революционно-демократической, с партией соц.-рев. могло бы оказаться одним из средств, облегчающих такое решение. Такое единение будет тем осуществимее, чем скорее «потонут» пионеры вооруженной борьбы в рядах восстающей массы, чем решительнее пойдут соц.-рев. по пути, намечаемому ими самими в следующих словах: «пусть растет и крепнет это начавшееся слияние революционного терроризма и массового движения, пусть масса скорее сможет выступить во всеоружии террористических

средств борьбы!». В видах скорейшего осуществления попыток такого боевого единения мы с удовольствием печатаем полученное нами следующее письмо Георгия Гапона:

«Открытое письмо к социалистическим партиям России.

Кровавые январские дни в Петербурге и в остальной России поставили лицом к лицу угнетенный рабочий класс и самодержавный режим с кровопийцей-царем во главе. Великая русская революция началась. Всем, кому действительно дорога народная свобода, необходимо победить, или умереть. В сознании важности переживаемого исторического момента, при настоящем положении вещей, будучи, прежде всего, революционером и человеком дела, я призываю все социалистические партии России немедленно войти в соглашение между собой и приступить к делу вооруженного восстания против царизма. Все силы каждой партии должны быть мобилизованы. Боевой технический план должен быть у всех общий. Бомбы и динамит, террор единичный и массовой, все, что может содействовать народному восстанию. Ближайшая цель — свержение самодержавия, временное революционное правительство, которое немедленно провозглашает амнистию всем борцам за политическую и религиозную свободу — немедленно вооружает народ и немедленно созывает учредительное собрание на основании всеобщего, равного, тайного и прямого избирательного права. К делу, товарищи! Вперед, на бой! Повторим же лозунг петербургских рабочих 9-го января — свобода или смерть! Теперь всякая проволочка и неурядицы — преступление пред народом, интересы которого вы защищаете. Отдав все свои силы на службу народу, из недр которого я сам вышел (сын крестьянина), — бесповоротно связав свою судьбу с борьбой против угнетателей и эксплуататоров рабочего класса, я естественно всем сердцем и всей душой буду с теми, кто займется настоящим делом настоящего освобождения пролетариата и всей трудящейся массы от капиталистического гнета и политического рабства.

Георгий Гапон».

По поводу этого письма мы, с своей стороны, считаем необходимым высказаться с возможно большей прямотой и определенностью. Мы считаем возможным, полезным и необходимым предлагаемое им «соглашение». Мы приветствуем то, что Г. Гапон говорит именно о «соглашении», ибо только сохранение полной принципиальной и организационной самостоятельности каждой отдельной партии может сделать попытки их боевого единения не безнадежными. Мы должны быть очень осторожны с этими попытками, чтобы не портить дела никчемным связыванием воедино разнородного. Нам неизбежно придется getrennt marschieren (врозь идти), но мы можем не раз и мы можем именно теперь vereint schlagen (вместе ударять). Было бы желательно, с нашей точки зрения, чтобы это соглашение охватывало не только социалистические, но и *революционные* партии, ибо в ближайшей цели борьбы нет ничего социалистического, и мы не должны смешивать и никогда не позволим смешивать ближайшие

демократические цели с нашими конечными целями социалистической революции. Было бы желательно и с нашей точки зрения *необходимо* для соглашения, чтобы вместо общего призыва к «*единичному* и массовому террору» задачей соединенных действий было поставлено прямо и определенно непосредственное и фактическое *слияние* на деле терроризма с восстанием массы. Правда, добавка Гапона: «все, что может содействовать народному восстанию», ясно показывает его желание подчинить именно этой цели и террор единичный, но это желание, указывая на ту же мысль, которую мы отмечали в № 58 «Рев. России», должно быть выражено определеннее и воплотиться в совершенно недвусмысленных практических решениях. Мы заметим, наконец, — независимо от условий возможности предлагаемого соглашения, что нам кажется отрицательным явлением и внепартийное положение Г. Гапона. Само собой понятно, что, перейдя с такой быстротой от веры в царя и от обращения к нему с петицией к революционным целям, Гапон не мог сразу выработать себе ясного революционного миросозерцания. Это неизбежно и, чем быстрее и шире будет идти развитие революции, тем чаще будет повторяться такое явление. Но полная ясность и определенность в отношениях между партиями, направлениями и оттенками есть безусловно необходимое условие сколько-нибудь успешного временного соглашения между ними. Ясность и определенность понадобятся при каждом практическом шаге и обусловят определенность и отсутствие шатаний в настоящем, *практическом* деле. Начало революции в России поведет вероятно к выступлению на политическую сцену многих лиц, а может быть и направлений, которые будут держаться мнения, что лозунг «революция» есть вполне достаточное для «людей дела» определение их целей и их средств действия. Ничего не может быть ошибочнее такого мнения. Кажущаяся более высокой или более удобной или более «дипломатической» внепартийная позиция на самом деле является лишь *более неясной*, более смутной и неизбежно чреватой непоследовательностями и колебаниями в практической деятельности. Во имя революции наш идеал должен быть вовсе не тот, чтобы все партии, все направления, оттенки слились в один революционный хаос. Напротив, рост и расширение революционного движения, приближение его к большим и большим глубинам различных классов и слоев народа вызовет неизбежно (и хорошо, что вызовет) новые и новые направления и оттенки. Только полная ясность и определенность их в их взаимоотношении между собой и в их отношении к позиции революционного пролетариата могут обеспечить наибольший успех революционного движения. Только полная ясность взаимоотношений может обеспечить успех соглашения для достижения общей ближайшей цели.

Эта ближайшая цель *намечена*, по нашему мнению, вполне правильно в письме Г. Гапона: 1) свержение самодержавия, 2) временное революционное правительство, 3) немедленная амнистия борцам за политическую и религиозную свободу,—конечно, также за свободу стачек и т. д., 4) немедленное вооружение народа и 5) немедленный созыв всероссийского учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права. Немедленное осуществление революционным правительством полного равенства всех граждан и полной политической свободы при выборах подразумевается, конечно, Гапоном, но могло бы быть указано и прямо. Затем было бы целесообразно включить в программу временного правительства и учреждение повсюду революционных крестьянских комитетов с целью поддержки демократического переворота и осуществления его в частностях. От революционной самодеятельности крестьянства зависит очень и очень многое в успехе революции, и на лозунге, вроде указанного нами, могли бы сойтись, вероятно, различные социалистические и революционно-демократические партии.

Пожелаем, чтобы Г. Гапону, так глубоко пережившему и перечувствовавшему переход от воззрений политически бессознательного народа к воззрениям революционным, удалось доработаться до необходимой для политического деятеля ясности революционного миросозерцания. Пожелаем, чтобы его призыв к боевому соглашению для восстания увенчался успехом, и революционный пролетариат, идя рядом с революционной демократией, мог ударить на самодержавие и низвергнуть его скорее, вернее и ценою меньших жертв.

«Вперед» № 7, 21 (8) февраля 1905 г.

ДОЛЖНЫ ЛИ МЫ ОРГАНИЗОВАТЬ РЕВОЛЮЦИЮ?

Это было давно, очень давно, более года тому назад. В русской партии, по свидетельству небезызвестного немецкого соц.-демократа Парвуса, возникали «принципиальные разногласия». Первейшей политической задачей партии пролетариата становилась борьба с крайностями централизма, с идеей «командовать» рабочими из какой-нибудь Женевы, с преувеличением идеи организации агитаторов, организации руководителей. Таково было глубокое, твердое и непреклонное убеждение меньшевика Парвуса, изложенное им в его еженедельном немецком листке «Aus der Weltpolitik» («Из области мировой политики») от 30 ноября 1903 г. [58]).

Доброму Парвусу было указано тогда (см. письмо Ленина в редакцию «Искры», декабрь 1903 г. *)), что он стал жертвой сплетни, что в основе усмотренных им принципиальных разногласий лежит дрязга, и что начинающий намечаться идейный поворот новой «Искры» есть поворот к оппортунизму. Парвус замолчал, но его «мысли» о преувеличении значения организации руководителей на сотни ладов разжевывались новоискровцами.

Прошло четырнадцать месяцев. Дезорганизация партийной работы меньшевиками и оппортунистический характер их проповеди вырисовались вполне. Девятое января 1905 года обнаружило весь гигантский запас революционной энергии пролетариата и всю недостаточность организации социал-демократов. Парвус взялся за ум. В № 85 «Искры» он выступил со статьей, знаменующей, по существу дела, полнейший поворот от новых идей оппортунистической новой «Искры» к идеям революционной старой «Искры» [59]). «Был герой,—восклицает Парвус по поводу Гапона,— но не было политического руководителя, не было программы действий, не было организации»... «Оказались трагические последствия отсутствия организации»... «Массы разъединились, все идет в разброд, нет связывающего центра, нет руководящей программы дей-

---

*) См. VI том Сочинений. *Ред.*

ствия»... «Движение пало вследствие отсутствия связывающей и руководящей организации». И Парвус дает лозунг, который мы напоминали уже в № 6 «Вперед»,— «*организовать революцию*» *). Парвус убедился под влиянием уроков революции, что «мы не можем при настоящих политических условиях организовать эти сотни тысяч» (речь идет о массе, готовой к восстанию). «Но мы можем — справедливо повторяет он давнюю мысль книги «Что делать?», — мы можем создать организацию, которая явилась бы связующим ферментом, а в момент революции объединила бы вокруг себя эти сотни тысяч». «Должны быть организованы рабочие кружки с ясно очерченной задачей: подготовлять массы к восстанию, собирать их вокруг себя во время восстания, поднять восстание по данному лозунгу».

Наконец-то! облегченно воскликнули мы, встречая эти старые верные мысли, заваленные мусором новой «Искры». Наконец-то революционный инстинкт работника пролетарской партии взял верх хотя бы временно над рабочедельским оппортунизмом. Наконец-то слышим мы голос социал-демократа, не пресмыкающегося перед тылом революции, а безбоязненно указывающего на задачу поддержки авангарда революции.

Новоискровцы, разумеется, не могли согласиться с Парвусом. «Не все мысли, выраженные тов. Парвусом, разделяются редакцией «Искры»», гласит редакционное примечание.

Еще бы! Еще бы «разделили» они те мысли, которые «бьют в лицо» всю их полуторагодовую оппортунистическую болтовню!

«Организовать революцию»! Но ведь у нас есть умный тов. Мартынов, который знает, что революция вызывается переворотом в общественных отношениях, что революция не может быть назначена. Мартынов объяснит Парвусу его ошибку и покажет, что если даже Парвус имел в виду организацию авангарда революции, то это есть «узкая» и зловредная «якобинская» идея. И далее. Ведь наш умный Мартынов ведет за собой на веревочке Тряпичкина — Мартова, который способен еще больше углубить своего учителя, который сможет, пожалуй, лозунг «организовать революцию» заменить лозунгом «*развязать* революцию» (см. № 85, курсив автора).

Да, читатель, именно такой лозунг дан нам в передовице «Искры». Очевидно, по нынешним временам достаточно «развязать» себе язык для свободной болтовни-процесса или для процесса болтовни, чтобы писать руководящие статьи. Оппортунисту всегда нужны такие лозунги, в которых, по ближайшем рассмотрении, не оказывается ничего кроме звонкой фразы, кроме какого-то декадентского словесного выверта.

---

*) См. настоящий том, стр. 108—114. *Ред.*

Организовать да организовать, твердит Парвус, точно он вдруг большевиком сделался. Не понимает он, несчастный, что организация есть *процесс* («Искра» № 85, — а также все прежние номера новой «Искры» и особенно пышные фельетоны пышной Розы). Не знает он, бедняжка, что по всему духу диалектического материализма не только организация, но и тактика является процессом. А он, точно «заговорщик», носится с организацией-планом. А он, точно «утопист», воображает, что можно так сразу, на каком-нибудь, боже упаси, втором или третьем съезде, взять да и организовать.

И ведь до каких геркулесовых столбов «якобинизма» договорился этот Парвус. «Поднять восстание по данному лозунгу», представьте себе! Это еще гораздо хуже, чем опровергнутая нашим знаменитым Мартыновым идея о «назначении» восстания. Положительно, Парвусу надо поучиться у Мартынова. Парвусу надо прочитать № 62 «Искры», из передовицы которого он узнает, какие вредные «*утопические*» идеи о подготовке восстания распространялись в нашей партии так несвоевременно в 1902 и в 1904 году. Парвусу надо прочитать предисловие Аксельрода к брошюре «Рабочего», чтобы узнать о той «глубокой, зловредной и прямо разрушительной для партии язве» (sic!), которая грозит социал-демократии от людей, «возлагающих все свои надежды на стихийные восстания самых отсталых, наиболее бессознательных и прямо одичалых (!!) элементов народных масс».

Парвус признает невозможным организовать теперь сотни тысяч и выдвигает на первый план задачу «создать организацию, которая явилась бы связующим ферментом». Как же не изныватся нашим новоискровцам, когда подобные вещи пишутся на страницах их органа? Да ведь организация в качестве связующего фермента, это и есть организация профессиональных революционеров, при одном упоминании каковой наши новоискровцы падают в обморок.

Как благодарны мы «Искре» за ее передовицу рядом со статьей Парвуса. Как выпукло выделяется бессодержательное, путаное, хвостистское фразерство на-ряду с ясными, отчетливыми, прямыми и смелыми революционными лозунгами старой «Искры»! Разве это не пустая надутая фраза, будто «сходит со сцены политика доверия, чтобы *никогда уже более* не обморочить ни России ни Европы?» На самом деле любой номер европейской буржуазной газеты показывает, что это морочение продолжается и делает успехи. «На смерть поражен умеренный русский либерализм». Это ребяческая политическая наивность, когда за смерть либерализма принимают его «политичное» желание притаиться. На самом деле, либерализм жив, живет и оживает. Он именно теперь стоит накануне власти. Он именно для того и притаился,

чтобы вернее и безопаснее протянуть в надлежащий момент руку к власти. Он именно для того и заигрывает во-всю с рабочим классом. Надо быть близоруким до последней степени, чтобы это кокетничанье (опасное стократ именно в переживаемый момент) принимать за чистую монету, чтобы хвастливо заявлять: «пролетариат — освободитель родины, пролетариат — авангард всей нации в эти дни *признан в своей героической роли* общественным мнением передовых элементов либерально-демократической буржуазии». Поймите же, наконец, господа новоискровцы, что либеральные буржуа признают пролетариат героем *именно потому*, что, нанося удар царизму, этот пролетариат еще недостаточно силен, еще недостаточно социал-демократичен, чтобы *отвоевать* себе такую свободу, какой *он* хочет. Поймите, что не хвастаться должны мы по поводу теперешних либеральных расшаркиваний, а предостерегать пролетариат и показывать ему подоплеку этих расшаркиваний. Вы не видите этой подоплеки? так посмотрите на *заявления фабрикантов, купцов, биржевиков* о необходимости конституции! Не правда ли, как ясно говорят эти заявления о смерти умеренного либерализма? Либеральные говоруны журчат о героизме пролетариев, а фабриканты веско и внушительно требуют куцой конституции, вот как обстоит дело, любезнейшие «руководители» *)!

Но всего бесподобнее рассуждения «Искры» по вопросу о вооружении. «Работа по вооружению пролетариата, по систематической подготовке организации, которая гарантировала бы повсеместность и единовременность нападения народа на правительство», объявляется «технической» (!?) задачей. А мы, конечно, стоим выше презренной техники и смотрим в глубь вещей. «Как ни важны они («технические» задачи), *не в них центр тяжести* нашей работы по подготовке масс к восстанию»... «Все старания подпольных организаций не будут иметь никакого значения, если они не сумеют вооружить народ одним незаменимым оружием — *жгучей потребностью напасть на самодержавие и вооружиться для этого.* Вот куда должны мы направить свои усилия — *на пропаганду в массах самовооружения для целей восстания*» [60]) (последние два места подчеркнуты автором).

---

*) Вышеприведенные строки были уже написаны, когда мы получили следующие небезынтересные сведения из либерального лагеря. Специальный петербургский корреспондент немецкой буржуазно-демократической газеты «Frankfurter Zeitung» («Франкфуртская Газета». *Ред.*) (17. II. 05) передает такой отзыв о политическом положении *петербургского либерального журналиста:* «Либералы были бы глупцами, если бы они прозевали такой момент, как настоящий. У либералов теперь все козыри в руках, ибо *им удалось запрячь рабочих в свою телегу,* а у правительства нет людей, так как бюрократия никому не дает хода». Не правда ли, какая святая простота должна царить в новой «Искре», если она в подобный момент пишет о смерти либерализма?

Да, да, это действительно глубокая постановка вопроса, не то, что у узкого, почти дошедшего до «якобинства» Парвуса. Центр тяжести не в работе по вооружению и не в систематической подготовке организации, а в вооружении народа жгучей потребностью вооружиться и притом самовооружиться. Какое жгучее чувство стыда за социал-демократию испытываешь при виде этой филистерской пошлости, пытающейся оттянуть назад наше движение! Вооружение народа жгучей потребностью вооружиться есть постоянная и общая, всегдашняя и повсеместная задача социал-демократии, задача, применимая одинаково и к Японии, и к Англии, и к Германии, и к Италии. Везде, где есть угнетенные и борющиеся против эксплуатации классы, проповедь социалиста всегда вооружает их с самого начала и прежде всего жгучей потребностью вооружиться, и эта «*потребность*» имеется уже на-лицо, когда *начинается* рабочее движение. Социал-демократии приходится лишь делать эту жгучую потребность сознательной, заставлять испытывающих ее считаться с необходимостью организации и планомерного действия, со всей политической конъюнктурой. Загляните вы, пожалуйста, г. редактор «Искры», в любое немецкое рабочее собрание, посмотрите, какой ненавистью горят лица по отношению хотя бы к полиции, какие сыпятся озлобленные сарказмы, как сжимаются кулаки. Какая сила сдерживает эту жгучую потребность немедленной расправы с издевающимися над народом буржуями и их лакеями? Сила организации и дисциплины, сила сознания, сознания того, что индивидуальные убийства нелепы, что не настал еще час серьезной, народной, революционной борьбы, что нет подходящей для этого политической конъюнктуры. Вот почему при таких условиях социалист не говорит и никогда не скажет народу: вооружайтесь, но всегда и обязательно (иначе он не социалист, а пустозвонный болтун) вооружает его жгучей потребностью вооружиться и напасть на врага. Именно от этих условий будничной работы отличаются теперь условия в России. Именно поэтому революционные социал-демократы, которые до сих пор никогда не говорили: к оружию! но всегда вооружали рабочих жгучей потребностью вооружаться, *теперь* все революционные социал-демократы, идя вслед за революционно-инициативными рабочими, дали лозунг: *к оружию!* И вот в такой-то момент, когда дан уже, наконец, этот лозунг, «Искра» изрекает: центр тяжести не в вооружении, а в жгучей потребности самовооружения. Разве это не мертвенное интеллигентское резонерство, разве это не безнадежное тряпичкинство? разве не тащат эти люди партию назад, от насущных задач революционного авангарда к созерцанию «задней» пролетариата? И не от индивидуальных качеств того или иного Тряпичкина зависит это невероятное опошление наших задач, а от всей их позиции, так бесподобно формулируемой крылатыми словечками об органи-

зации-процессе или тактике-процессе. Самая уже эта позиция неизбежно и неминуемо осуждает человека на то, что он боится всякого определенного лозунга, чурается всякого «плана», пятится назад от смелой революционной инициативы, резонерствует и пережевывает старую жвачку, страшится забежать вперед — в такое время, когда мы, социал-демократы, остались явно позади революционной активности пролетариата. Поистине: мертвый схватил живого, мертвые рабочедельские теории безнадежно омертвили и новую «Искру».

Посмотрите на рассуждения «Искры» «о политически руководящей роли социал-демократии, как авангарда класса освободителя нации». «Эта роль — поучают нас — не может быть ни достигнута, ни прочно закреплена за нами тем, что нам удастся взять всецело в свои руки техническую организацию и проведение восстания». Подумайте только: роль авангарда не может быть достигнута, если нам удастся взять всецело в свои руки проведение восстания! И эти люди разговаривают еще об авангарде! Они *боятся того,* как бы история не возложила на них руководящей роли в демократическом перевороте, они *со страхом* думают о том, как бы им не пришлось «проводить восстание». Им мерещится та мысль — они только не решаются еще сказать ее на страницах «Искры» прямо, — что социал-демократическая организация *не должна* «проводить восстания», не должна стремиться к тому, чтобы брать всецело в свои руки революционный переход к демократической республике. Им чудится тут, этим неисправимым жирондистам социализма, чудовищное якобинство. Они не понимают, что чем усерднее будем мы стремиться взять всецело в свои руки проведение восстания, тем большую часть этого дела возьмем мы в свои руки, и что чем больше будет эта часть, тем меньше будет влияние антипролетарской или непролетарской демократии. Им непременно хочется быть в хвосте, они выдумывают себе даже особую философию, что надо быть в хвосте,— Мартынов начал уже излагать ее и завтра, вероятно, договорится *до точки* на страницах «Искры».

Попробуйте шаг за шагом разобрать ее рассуждения:

«Сознательный пролетариат, опираясь на логику стихийного процесса исторического развития, использует для своих целей все элементы организации, все элементы брожения, которые создает момент кануна революции»...

Очень хорошо! Но использовать *все* элементы и значит взять *всецело* на себя руководство. «Искра» побивает сама себя и, чувствуя это, спешит добавить:

...«нисколько не смущаясь тем, что все эти элементы отнимают у него долю технического руководства самой революцией и таким образом волей-неволей посодействуют перенесению наших требований в самые отсталые слои народной массы».

Вы понимаете что-нибудь, читатель? Использовать *все* элементы, *не смущаясь* тем, что они отнимают долю *руководства!!??* Побойтесь бога, господа: если действительно *мы* используем все элементы, если действительно *наши* требования перенимаются теми, кого мы используем, тогда они не *отнимают* у нас руководства, а *принимают* наше руководство. Если же эти *все* элементы действительно отнимают у нас руководство (и, конечно, не «техническое» только, ибо отделение «технической» стороны революции от политической есть величайший вздор), тогда, значит, не мы их используем, а они нас используют.

«Мы будем только рады, если вслед за священником, популяризовавшим в массах наше требование разрыва государства с церковью, вслед за монархическим рабочим обществом, организовавшим народный поход на Зимний Дворец, русская революция обогатится генералом, который первый поведет народные массы в последний бой против царского войска, или чиновником, который первый провозгласит официальное низвержение царской власти».

Да, мы тоже будем рады этому, но мы желали бы, чтобы чувство радости по поводу *возможных* приятностей не затемняло нашей логики. Что значит: *русская революция* обогатится священником или генералом? Это значит, что священник или генерал станут сторонниками или вожаками революции. Эти «новички» могут быть вполне сознательными сторонниками революции, или невполне. В последнем случае (наиболее вероятном по отношению к новичкам) мы должны не радоваться, а печалиться их несознательности и *всеми силами исправлять, пополнять ее.* Пока мы этого не сделали, пока масса идет за малосознательным вожаком, приходится сказать, что не социал-демократия использует все элементы, а все элементы используют ее. Сторонник революции, вчерашний священник или генерал, или чиновник, может быть полным предрассудков буржуазным демократом и, поскольку *за ним* пойдут рабочие, постольку буржуазная демократия «использует» рабочих. Ясно ли вам это, господа новоискровцы? Если ясно, так зачем вы *боитесь того*, чтобы вполне сознательные (*то-есть* социал-демократические) сторонники революции брали на себя руководство? Зачем боитесь вы того, чтобы офицер социал-демократ (я беру нарочно аналогичный вашему пример) и член социал-демократической организации по почину и поручению этой организации взял на себя, «взял всецело в свои руки» функции и задачи вашего предполагаемого генерала?

Вернемся к Парвусу. Он кончает свою прекрасную статью прекрасным советом «выбросить за борт» дезорганизаторов. Устранение дезорганизаторов, как видно из помещенных нами в отделе «Из партии» сообщений [61]), есть самый страстный и самый решительный лозунг большинства русских социал-демократов.

Именно так, товарищ Парвус: «выбросить за борт» самым безжалостным образом и начать это выбрасывание с тех героев социал-демократической печати, которые освящали и освящают дезорганизацию «теориями» организации-процесса, организации-тенденции. Надо не говорить только об этом, а *сделать* это. Надо немедленно созвать съезд всех партийных работников, желающих организовать партию. Надо не ограничиваться убеждениями и усовещеваниями, а поставить всем колеблющимся, всем шатким, неуверенным и сомневающимся прямой и непреклонный ультиматум: выбирайте! Начиная с первого номера нашей газеты мы и ставили этот ультиматум от имени редакции «Вперед», от имени всей той массы русских партийных работников, которые доведены до небывалого озлобления дезорганизаторами. Скорее же выбрасывайте их, товарищи, и беритесь за дружную организационную работу! Лучше сотня революционных социал-демократов, принявших организацию-план, чем тысяча интеллигентских Тряпичкиных, болтающих об организации-процессе!

«Вперед» № 7, 21 (8) февраля 1905 г.

ПРОЕКТЫ РЕЗОЛЮЦИЙ III СЪЕЗДА [62]).

1.

РЕЗОЛЮЦИЯ О ДЕЗОРГАНИЗАТОРСКОМ ПОВЕДЕНИИ МЕНЬШЕВИКОВ ИЛИ НОВОИСКРОВЦЕВ.

Съезд признает необходимым точно установить неоспоримо доказанные факты относительно поведения меньшевиков или новоискровцев после второго партийного съезда. Не пытаясь даже оспаривать законность решений и выборов этого съезда, они беззастенчиво рвали решения съезда. Тотчас после съезда они бойкотировали созданные им центральные учреждения и образовали тайно от партии особую организацию внутри ее. Организация эта преследовала цели насильственного введения шести отвергнутых съездом кандидатов в редакцию центрального органа и в центральный комитет партии. В борьбе за эту цель, противоречащую воле и интересам партии, меньшевики дезорганизовали повсюду положительную работу партии, внося повсюду тайный раскол, деморализуя товарищеские отношения между социал-демократами, превращая центральный орган партии в орган сплетни и дрязги, позволяя себе пошлые и бранные выходки против избравших центральные учреждения и требовавших отчета от них комитетов партии, низводя совет партии до орудия кружковой мести, не останавливаясь перед прямой подделкой голоса партии, которая требовала третьего съезда.

Съезд самым решительным образом осуждает это дезорганизаторское поведение и предостерегает всех сознательных социал-демократов от пресловутой теории организации-процесса, которая оправдывала дезорганизацию и принижала до небывалой степени теорию революционного марксизма.

Съезд признает, что сторонники партийного большинства, составляя резолюции против дезорганизаторов и требуя 3-го съезда, исчерпали все средства честной товарищеской борьбы против сочленов партии. Теперь, когда созданные партией центры окончательно уклонились от ответственности перед партией, съезд

вынужден признать их стоящими вне партии. Съезд констатирует, что для сторонников партийности нет иного выхода, как работа отдельно и независимо от дезорганизаторов. Съезд постановляет поэтому, что ни в одну из организаций нашей партии не могут быть принимаемы сторонники меньшинства или новоискровцы.

Съезд поручает Центральному Комитету партии издать краткую брошюру, поясняющую эту резолюцию, для осведомления всей российской и международной социал-демократии.

2.

РЕЗОЛЮЦИЯ О ПОВЕДЕНИИ В ПАРТИЙНОМ КРИЗИСЕ ПЛЕХАНОВА.

Съезд признает правильной позицию Плеханова в программных, тактических и организационных вопросах, которую он занимал на втором съезде партии и на съезде заграничной Лиги. Съезд признает, что после съезда Лиги Плеханов в интересах партийного мира и устранения совершенного уже меньшевиками раскола предложил политику уступок людям, которых он правильно охарактеризовал перед всей партией (№ 52 Искры, 7 ноября 1903 года), как ревизионистов и анархических индивидуалистов. Съезд выражает глубокое сожаление, что Плеханов не удержался на этой позиции, что он стал добиваться самыми беззастенчивыми средствами и против воли партии удовлетворения всех требований меньшевиков, что он опустился, в интересах оправдания меньшевиков, до защиты признанной им неправильною принципиальной позиции их и до выдумывания небывалых разногласий с большинством партии.

Съезд решительно осуждает эту политику лукавства по отношению к сочленам по партии, ибо такая политика, какие бы гуманные мотивы по отношению к отдельным личностям ее ни вызывали, не может не оказывать деморализующего влияния на партию.

3.

РЕЗОЛЮЦИЯ О ПРИНЦИПИАЛЬНОЙ ПОЗИЦИИ НОВОИСКРОВЦЕВ.

Съезд признает безусловно необходимой борьбу с принципиальной позицией меньшевиков или новоискровцев, отклонившихся от революционной социал-демократии в сторону оппортунизма. Еще на втором съезде партии это обнаружилось как на отдельных рассуждениях, так и на всем составе меньшинства из противников старой Искры и наименее устойчивых принципиально

*

оттенков. После второго съезда этот поворот меньшевиков к рабочедельскому оппортунизму стал настолько ясен, что они сами признали пропасть между старой и новой Искрой. И действительно, по целому ряду вопросов новая Искра выдвинула безусловно неправильные и затемняющие классовое сознание пролетариата лозунги и теории. Сюда относится теория организации-процесса, принижающая марксизм до оправдания дезорганизации и интеллигентского анархизма. Сюда относится возврат к неверным взглядам об отношении партии к классу, принижающим задачи партии, как передового отряда, руководителя и организатора его. Столь же неправильны и реакционны были выдвинутые новой Искрой разногласия ее со старой Искрой по вопросу об отношениях к либералам и о планах земской кампании, — о подготовке восстания и пресловутой утопичности мыслей о назначении и проведении его, — о задачах вооружения масс, технического и организационного руководства ими во время революции, — о невозможности и нежелательности революционной демократической диктатуры пролетариата и мелкой буржуазии в эпоху свержения самодержавия и т. д. Все эти воззрения тащат партию назад не только в теоретическом, но и непосредственно в практическом отношениях, будучи особенно вредны и губительны для партии революционного пролетариата в переживаемый Россией революционный момент. Съезд поручает поэтому всем членам партии разъяснять неправильность таких воззрений в своей пропаганде и агитации.

4.

РЕЗОЛЮЦИЯ ОБ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ РАБОЧИМИ И ИНТЕЛЛИГЕНТАМИ В СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

Съезд решительно осуждает ту политику сеяния недоверия и вражды между рабочими и интеллигентами в социал-демократических организациях, которую ведут новоискровцы. Съезд напоминает сознательным рабочим, как они переживали несколько лет тому назад подобные приемы борьбы со стороны рабочедельского крыла партии и отвергали эти приемы. Пустые фразы о самодеятельности рабочих и о выборном начале, бросаемые новоискровцами, не сопровождаются никаким действительным улучшением работы в наших организациях и демагогически обещают неисполнимое. При свободных политических условиях наша партия может и будет построена всецело на принципе выборного начала. При самодержавии это неосуществимо для всей массы входящих в партию тысяч рабочих.

Съезд еще раз напоминает задачу сознательных сторонников социал-демократической рабочей партии: укреплять всеми силами связь этой партии с массой рабочего класса, постоянно поднимая более широкие слои пролетариев и полупролетариев до полной социал-демократической сознательности, развивая их революционную и социал-демократическую самодеятельность, заботясь о выделении самой рабочей массой возможно большего числа рабочих, способных вполне руководить движением и всеми организациями партии.

Съезд повторяет от лица партии советы революционных социал-демократов: создавать как можно больше рабочих организаций, входящих в нашу партию; стремиться к тому, чтобы рабочие организации, не желающие или не имеющие возможности войти в партию, по крайней мере примыкали к партии; добиваться того, чтобы как можно больше сознательных социал-демократов рабочих входили как члены в комитеты партии.

Написано в феврале 1905 г.

Впервые напечатано в 1926 г. в «Ленинском Сборнике» V.

Печатается по рукописи.

ИЗМЕНЕНИЕ ПУНКТА УСТАВА О ЦЕНТРАХ [63]).

Значительная часть работающих в России товарищей, в том числе бюро комитетов большинства, высказывается за *один* центр *в России*.

Что собственно значит такая реформа? В одном центре должны преобладать товарищи, работающие в России, — это, несомненно, вытекает из указанной тенденции. Осуществление ее всецело зависит от воли съезда, выбирающего состав центра. Следовательно, тут не о чем спорить и не о чем разговаривать.

Но далее, каково будет отношение Центрального Органа к Центральному Комитету? Центральный Орган, говорят нам, есть комиссия, назначенная Центральным Комитетом. Один (или два) члена редакции Центрального Органа могут (говорят те же товарищи) входить, как часть и как *меньшая* часть, в Центральный Комитет. Спрашивается тогда, в чем же будет проявляться участие этой заграничной части Центрального Комитета в делах Центрального Комитета? «По переписке» *участвовать* реально в делах Центрального Комитета, это явная утопия, об этом можно говорить только в насмешку. Заграницей лишь с великим трудом, ценой бездны хлопот, труда, руготни и неприятностей удается добиться плохенького осведомления *post factum*, об «участии в решении дел» из-за границы можно говорить только «для ради важности» или для лицемерия.

Итак, одно из двух: или заграничные члены (respective *) заграничный член) Центрального Комитета выговаривают себе *по уставу партии* (ибо иные «договоры» недействительны) периодические собрания *всего* Центрального Комитета заграницей. *Если* так, тогда этот верховный центр *фактически* вполне совпадает с теперешним Советом Партии, т.-е. становится учреждением, собирающимся 3—4—5 раз в год и лишь дающим *общее направление* всей работе. *Или же* Центральный Комитет собирается в России и *там* решает все дела, *без* заграничного члена; тогда

*) — соответственно. *Ред.*

последний только числится, и *заведомо фиктивно* числится, членом Центрального Комитета. *На деле* он *не может* участвовать в решении общих дел. При таких условиях можно бы с полным правом усомниться в том, чтобы нашлись люди на этот «пост» (или на эту синекуру?) «заграничных членов» Центрального Комитета!

Другое (и последнее возможное) предположение. *Весь* состав Центрального Комитета, как одного центра, — товарищи, работающие в России. Только такой центр будет *реально* единым русским центром. Заграницей он назначает свою агентуру. *Практически* эта агентура будет существовать однако как самостоятельный центр: в самом деле, представьте себе редакцию Центрального Органа. Понятно, что тут нужна *целая коллегия,* которая образуется, складывается, спевается лишь *долгим и долгим путем* (Россия, чтобы сложить *новый* Центральный Орган, после II съезда, потратила *полтора года* усилий, и это при громадной заинтересованности всей России в тяжелом *общепартийном* кризисе!). На практике эта коллегия ведет *еженедельный* орган вполне самостоятельно. Русский Центральный Комитет откликается на ее ведение дела *в лучшем случае* «совещанием» раз в полгода (или раз в $1^1/_2$ года)—чем такое «совещание» отличается от «Совета»? — или «письмом» *отдельного* члена Центрального Комитета. На практике эта заграничная коллегия ведет агитацию и подготовку работников за границей (рефераты и собрания) перед *сотнями* членов партии. Центральный Комитет *физически* не в силах *на деле* направлять эту работу, *на деле* руководить этой работой заграничной коллегии. Центральный Комитет физически не в силах *участвовать* в этой работе иначе как *редкими* совещаниями с лицами, ведущими ее. И еще раз: чем будут отличаться эти совещания от Совета??

Итог: на деле, на практике «один» центр будет либо *фикцией,* либо он сведется, непременно и неминуемо сведется к теперешней системе того, что насмешливо зовут «троецентрием». На деле, на практике различие условий географических, политических, условий характера работы неизбежно и неминуемо вызовет и будет вызывать (впредь до падения самодержавия) два центра в нашей партии, объединяемые лишь *время от времени* «совещаниями», которые *на деле* всегда и будут играть роль верховного или высшего «Совета» партии.

Вполне понятно, что реакция против заграницы вызвала у россиян общий крик: долой заграницу! долой два центра! Эта реакция законная и *похвальная,* ибо она знаменует громадный рост партийных сил и партийного самосознания после II съезда. Эта реакция выражает шаг вперед нашей партии, об этом спору нет. Но не следует давать себя обольщать словами или возводить в «систему» *настроение* данной минуты, преходящий «гнев» про-

тив «заграничников». На гневе никакой партийной системы не построишь. Нет ничего легче, как постановить простое и краткое правило: «центр один», но таким постановлением нисколько не приближаемся к решению очень сложного вопроса о способах реального (а не бумажного) объединения различных функций работы в России и за границей.

Написано 6 феврале 1905 г.

Впервые напечатано в 1926 г. в «Ленинском Сборнике» V.

Печатается по рукописи.

О СОЗЫВЕ III ПАРТИЙНОГО СЪЕЗДА [64]).

Редакции «Вперед» остается только выразить свое горячее сочувствие почину русского бюро. Наконец-то сделан энергичный шаг к *партийному* выходу из положения, созданного заграничными бонапартистами! В отделе «Из партии» мы помещаем сведения о том, как быстро откликаются комитеты на призыв бюро. Пусть последуют их примеру *все и всякие* группы и организации, а также отдельные лица, причисляющие себя к Росс. С.-Д. Р. П. или хотя бы примыкающие к ней по своим воззрениям и симпатиям. Третий съезд созывается *впервые* при таких условиях, когда заранее известен и состав его (на основании устава партии), и ход работ, и право на участие в нем кого бы то ни было. Пусть же все товарищи шире пользуются этими условиями! Пусть не забывают, что устав нашей партии гарантирует каждому возможность обратиться к съезду (§ 10 устава: «Каждый член партии и *всякое лицо, имеющее какое-либо дело с партией*, вправе требовать, чтобы его заявление в подлинном виде было доставлено в Ц. К., в редакцию Ц. О. *или партийному съезду*»). Пусть пользуются *немедленно* этой возможностью. Редакция «Вперед» берет на себя доставку таких заявлений русскому бюро, которое конституировалось теперь, как Организационный Комитет съезда. Участие на съезде с решающим голосом доступно лишь представителям комитетов и других полноправных, на основании устава, партийных организаций. Но участие с *совещательным* голосом доступно с разрешения самого съезда — кому бы то ни было, а с разрешения Организационного Комитета — делегатам неполноправных партийных организаций (§ 3, прим. 2-ое устава партии: «Ц. К-ту предоставляется приглашать на съезд с совещательным голосом делегатов тех организаций, которые не отвечают условиям, указанным в примечании 1-ом», т.-е. которые не утверждены в своем полноправном звании за год до съезда. — Само собою разумеется, что Орг. Ком., созывая съезд по поручению большинства комитетов против воли бонапартистского Ц. К-та и Совета, перенимает все права Ц. К-та по созыву съезда).

Редакция «Вперед», с своей стороны, предлагает съезду такой примерный *порядок дня:* 1. Конституирование съезда (регламент, доклад Орг. Ком., проверка мандатов). 2. Отчеты делегатов. 3. Партийный кризис *). 4. Организационный вопрос. 5. Отношение к восстанию. 6. Соглашение с революционной демократией для целей восстания. 7. Отношение к либералам. 8. Работа в крестьянстве и поддержка революционного крестьянского движения. 9. Работа среди войска. 10. Улучшение пропагандистской и агитационной работы. 11. Выборы должностных лиц.

Активное участие всех членов партии в выработке и подготовке докладов и резолюций по этим и другим крупным вопросам (а также в собирании материала для докладов) безусловно необходимо для успеха съезда. Мы приглашаем всех сторонников партийности взяться за эту работу *немедленно. Всякий,* участвовавший так или иначе в перипетиях партийного кризиса, может помочь съезду кратким сообщением своего опыта и своего мнения о средствах выхода. *Каждый,* работавший в любой партийной или примыкающей к партии организации, может дать полезнейший материал, основанный на его личном опыте, для решения различных сторон организационного вопроса. (Вот примерная программа таких сообщений: время и место работы; число членов организации, рабочих и интеллигентов; отношения между ними; нужны ли писаные уставы, и какие; нужно ли нормирование, и какое, относительно пределов автономии, разделения труда, групп, входящих в партию и примыкающих к ней, кооптации и исключения членов; выборное начало; отношение комитетов к группам пропагандистов, агитаторов, организаторов, районным и фабричным кружкам, литераторским и техническим комиссиям и т. д. и т. д.).

В редакцию «Вперед» доставлены уже некоторые материалы о работе среди крестьян и среди солдат. Нам известна одна группа, систематически работающая над сводкой опыта своих членов в деле пропаганды, агитации и организации и над составлением доклада съезду. Нам обещан доклад одного товарища, участвовавшего в работе организации вооруженного сопротивления *сотен* рабочих на случай еврейского погрома в одном из больших городов, а также доклад товарища, изучавшего военное дело, по вопросу об уличной борьбе. В высшей степени важно, чтобы за подобную работу взялись *немедленно* товарищи в возможно большем числе.

---

*) Бебель обратился с письмом к Ленину, предлагая себя в третейские судьи между сторонниками «Искры» и сторонниками «Вперед». Ленин ответил, что ни он ни кто-либо другой из известных ему сторонников «Вперед» не вправе связывать своими шагами всю партию, и что предложение Бебеля должно поступить поэтому на рассмотрение созываемого русским бюро партийного съезда. Мы думаем, что съезд мог бы отнести это предложение к пункту «партийный кризис».

Партийный кризис выяснен в литературе до мельчайшей черточки. Обсуждение его не может и не должно занять много времени. Центральным пунктом работ съезда должны быть *новые вопросы* организации и тактики, выдвигаемые новым гигантским подъемом нашего революционного движения. Для решения этих вопросов коллективный опыт *всех* социал-демократов, хоть сколько-нибудь участвовавших в движении, представляет неоценимую важность. Надо только поскорее собрать этот опыт и сделать его доступным для обсуждения съезда.

За дело же, товарищи! Пусть за активную помощь съезду немедленно возьмется всякий, кому дорого социал-демократическое рабочее движение. Тогда партия быстро выйдет из периода временного унижения и ослабления на дорогу активнейшего участия в великой русской революции, на дорогу, ведущую к победе над проклятым врагом русского народа!

«Вперед» № 8, 28 (15) февраля 1905 г.

ПИСЬМО ОРГАНИЗАЦИЯМ В РОССИИ.

28. II. 05.

Дорогие товарищи! Сейчас получили известие, что к съезду присоединились С.-Петербург, Тула, Москва, Север, Нижний, Кавказ, Одесса, — конечно, присоединятся и другие. Говорят, Ц. К. заявил, что он за съезд [65]). Разумеется, никто ему теперь не верит; все говорят, что пусть приходит на съезд, приглашены ведь все, но собирает съезд бюро и только бюро. Едва ли стоит говорить о том, почему к Ц. К. не осталось ни капли доверия (и отдельные совершенно единичные голоса в его пользу были сразу взяты назад). Все понимают, что Ц. К. только обманывает и дипломатничает.

Крайне важно начать немедленно готовиться к съезду и привлечь к этому делу самым энергичным образом все кружки, районные, пропагандистские, фабричные, словом все и особенно рабочие. В № 8 Вперед *) (сегодня выходит) мы тоже говорим об этом. Было бы крайне полезно участие на съезде рабочих. (По нашему, с совещательным голосом надо пускать самым либеральным образом. Вопрос, значит, только в деньгах. Агитируйте пошире: мы уверены, что найдутся рабочие, которые соберут 150—200 рублей делегату, найдутся и среди интеллигентов специальные жертвователи на такие цели.) Вопросы на съезде важные: организация, отношение к периферии, восстание, вооружение рабочих (основание динамитных мастерских), соглашение с социалистами-революционерами для восстания, поддержка революционного крестьянского движения и многие другие. Сугубо важны доклады о работе среди войска, среди крестьян. Используйте как можно шире для съезда связи с офицерами, студентами и проч. На съезде предполагают заменить § 1 устава мартовский ленинским с расширением прав *партийных* организаций, а также организаций, *примыкающих* к партии. Сюда подойдут

---

*) См. настоящий том, стр. 137. *Ред.*

очень многие из элементов революционной демократии. Пусть же активнее готовятся к съезду все и каждый.

Горячий привет. *Ленин.*

Из Питера начали посылать нам протоколы районных рабочих собраний. Пример, достойный подражания. Вообще усиленно просим рабочих самих писать и писать во Вперед.

Впервые напечатано в 1926 г. в «Ленинском Сборнике» V. *Печатается по рукописи.*

НОВЫЕ ЗАДАЧИ И НОВЫЕ СИЛЫ [66]).

Развитие массового рабочего движения в России в связи с развитием социал-демократии характеризуется тремя замечательными переходами. Первый переход — от узких пропагандистских кружков к широкой экономической агитации в массе; второй — к политической агитации в крупных размерах и к открытым уличным демонстрациям; третий — к настоящей гражданской войне, к восстанию. Каждый из этих переходов подготовлялся, с одной стороны, работой социалистической мысли в одном преимущественно направлении, с другой стороны, глубокими изменениями в условиях жизни и во всем психическом укладе рабочего класса, пробуждением новых и новых слоев его к более сознательной и активной борьбе. Эти изменения происходили иногда бесшумно, накопление сил пролетариатом совершалось за сценой, незаметно, вызывая нередко разочарование интеллигентов в прочности и жизненности массового движения. Затем наступал перелом, и все революционное движение как бы сразу поднималось на новую, высшую ступень. Перед пролетариатом и его передовым отрядом, социал-демократией, вставали *практически* новые задачи, для разрешения этих задач словно из земли вырастали новые силы, которых никто не подозревал еще накануне перелома. Но происходило все это не сразу, не без колебаний, не без борьбы направлений в социал-демократии, не без возвратов к устарелым, давно, казалось бы, отжившим и похороненным воззрениям.

Один из таких периодов колебаний переживает опять наша партия. Чтобы приспособить нашу тактику и организацию к новым задачам, приходится преодолевать сопротивление оппортунистических теорий насчет «высшего типа демонстраций» (план земской кампании) или насчет «организации-процесса», приходится бороться против реакционной боязни перед «назначением» восстания или перед революционной демократической диктатурой пролетариата и крестьянства.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что ход движения отметет и на этот раз все эти пережитки устарелых и безжиз-

Новые задачи и новые силы. 1

Первая страница рукописи В. И. Ленина: «Новые задачи и новые силы» — 1905 г.

Уменьшено

ненных взглядов. Такое отметание должно состоять, однако, далеко не в одном опровержении старых ошибок, а еще несравненно более в положительной революционной работе над практическим осуществлением новых задач, над привлечением к нашей партии и использованием ею новых сил, которые в такой гигантской массе выдвигаются теперь на революционное поприще. Именно эти вопросы положительной революционной работы должны составить главный предмет занятий предстоящего третьего съезда, именно на них должны теперь сосредоточить все свои помыслы все члены нашей партии в их местной и общей работе. Каковы стоящие перед нами новые задачи, мы в общих чертах не раз уже говорили: расширение агитации на новые слои городской и деревенской бедноты, создание более широкой, подвижной и крепкой организации, подготовка восстания и вооружение народа, соглашение для этих целей с революционной демократией. Каковы новые силы для осуществления этих задач,—об этом красноречиво говорят вести о всеобщих стачках по всей России, о забастовках и революционном настроении молодежи, демократической интеллигенции вообще и даже многих кругов буржуазии. Наличность этих громадных свежих сил, особенно в рабочем классе и крестьянстве, — есть достаточное ручательство за то, что новые задачи могут быть решены и непременно будут решены. Практический вопрос, стоящий перед нами, состоит прежде всего в том, *как именно* использовать, направить, объединить, организовать эти новые силы, *как именно* сосредоточить социал-демократическую работу главным образом на новых высших задачах, выдвигаемых моментом, отнюдь не забывая при этом тех старых и обычных задач, которые стоят и будут стоять перед нами, пока держится мир капиталистической эксплуатации.

Чтобы наметить некоторые способы разрешения этого практического вопроса, начнем с одного частного, но очень характерного, на наш взгляд, примера. Недавно, совсем накануне начала революции, либерально-буржуазное «Освобождение» (№ 63 [67])) затронуло вопрос об организационной работе социал-демократии. Внимательно следя за борьбой двух направлений в социал-демократии, «Освобождение» не преминуло еще и еще раз воспользоваться поворотом новой «Искры» к экономизму и подчеркнуть (по поводу демагогической брошюры «Рабочего») свою глубокую принципиальную симпатию к экономизму. Либеральный орган правильно заметил, что из этой брошюры (см. о ней № 2 «Вперед» *)) вытекает неизбежное отрицание или умаление роли революционной социал-демократии. И по поводу совершенно неверных утверждений «Рабочего» об игнорировании экономиче-

*) См. настоящий том, стр. 51—56. *Ред.*

ской борьбы после победы правоверных марксистов, «Освобождение» говорит:

«Иллюзия современной русской социал-демократии заключается в том, что она боится культурной работы, боится легальных путей, боится экономизма, боится так называемых неполитических форм рабочего движения, не понимая, что только культурная работа, легальные и неполитические формы могут создать достаточно прочный и достаточно широкий базис для такого движения рабочего класса, которое заслуживало бы названия революционного». И «Освобождение» советует освобожденцам «взять на себя инициативу в деле создания профессионального рабочего движения» не против социал-демократии, а вместе с нею, при чем проводится параллель с условиями немецкого рабочего движения в эпоху исключительного закона против социалистов.

Здесь не место говорить об этой параллели, которая глубоко ошибочна. Необходимо прежде всего восстановить истину об отношении социал-демократии к легальным формам рабочего движения. «Легализация несоциалистических и неполитических рабочих союзов в России уже началась» — говорилось в 1902 г. в «Что делать?» *): — «Мы не можем отныне не считаться с этим течением». Как считаться? ставится там вопрос, и указывается на необходимость разоблачения не только зубатовских учений, но и всяких гармонических, либеральных речей на тему «о сотрудничестве классов». («Освобождение», приглашая соц.-дем. к сотрудничеству, вполне признает первую задачу и умалчивает о второй.) «Делать это — говорится далее — вовсе не значит забывать о том, что в конце концов легализация рабочего движения принесет пользу именно нам, а не зубатовцам». Мы отделяем плевелы от пшеницы, разоблачая зубатовщину и либерализм в легальных собраниях. «Пшеница, это — привлечение внимания еще более широких и самых отсталых слоев рабочих к социальным и политическим вопросам, это—освобождение нас, революционеров, от таких функций, которые по существу легальны (распространение легальных книг, взаимопомощь и т. п.) и развитие которых неизбежно будет давать нам все больший и больший материал для агитации».

Отсюда ясно видно, что, по вопросу о «*боязни*» легальных форм движения, жертвой «*иллюзии*» сделалось всецело «Освобождение». Революционные соц.-демократы не только не боятся этих форм, а указывают прямо на существование в них и *плевел* и *пшеницы*. Своими рассуждениями «Освобождение» только прикрывает, следовательно, реальную (и основательную) *боязнь* либералов перед разоблачением со стороны революционной социал-демократии *классовой сущности либерализма*.

*) См. IV том Сочинений, стр. 449. *Ред.*

Но особенно интересует нас с точки зрения теперешних задач вопрос об освобождении революционеров от части их функций. Именно переживаемый нами момент начала революции придает этому вопросу особенно злободневное и особенно широкое значение. «Чем энергичнее будем мы вести революционную борьбу, тем больше вынуждено будет правительство легализировать часть профессиональной работы, снимая тем с нас часть нашего бремени», говорилось в «Что делать?». Но энергичная революционная борьба избавляет нас от «части нашего бремени» не только этим путем, а и многими другими. Переживаемый момент не только «легализировал» многое такое, что раньше было под запретом. Он настолько расширил движение, что и помимо правительственной легализации вошло в практику, стало обычным, доступным для массы многое такое, что раньше считалось доступным и было доступным только для революционера. Весь исторический ход развития с.-дем. движения характеризуется тем, что оно завоевывает себе, несмотря на все препятствия, все более значительную свободу действий, вопреки законам царизма и мерам полиции. Революционный пролетариат как бы окружает себя известной, недоступной для правительства атмосферой сочувствия и поддержки как в рабочем классе, так и в других классах (разделяющих, конечно, лишь небольшую часть требований рабочей демократии). В начале движения социал-демократу приходилось исполнять массу культурнической работы, или занимать свои силы почти одной экономической агитацией. И вот, одна такая функция за другой все более переходит в руки новых сил, более широких слоев, привлекаемых к движению. В руках революционных организаций все более сосредоточивалось дело настоящего *политического* руководства, дело указания *соц.-демократических* выводов из проявлений рабочего протеста и народного недовольства. Сначала нам приходилось учить рабочих грамоте и в прямом и в переносном смысле. Теперь уровень политической грамотности так гигантски повысился, что можно и должно сосредоточить все свои силы на более непосредственных социал-демократических целях организованного руководства революционным потоком. Теперь либералы и легальная печать делают массу той «подготовительной» работы, которая до сих пор слишком занимала наши силы. Теперь открытая, не преследуемая ослабевшим правительством, пропаганда демократических идей и требований разлилась так широко, что мы должны приспособиться к совершенно новому размаху движения. Конечно, в этой подготовительной работе есть и плевелы и пшеница; конечно, социал-демократам придется теперь все больше и больше внимания уделять борьбе с влиянием на рабочих буржуазной демократии. Но именно такая работа и будет заключать в себе гораздо больше действительно-социал-демократического содержания, чем прежняя

наша деятельность, направленная, главным образом, к пробуждению политически-бессознательных масс.

Чем больше расширяется народное движение, тем больше раскрывается настоящая природа различных классов, тем насущнее задача *партии* руководить классом, быть его организатором, а не тащиться в хвосте событий. Чем больше развивается везде и повсюду всяческая революционная самодеятельность, тем очевиднее становится пустота и бессодержательность рабочедельских словечек о самодеятельности вообще, повторяемых так охотно новоискровцами, тем больше выступает значение *социал-демократической* самодеятельности, тем выше требования, предъявляемые событиями нашей *революционной инициативе*. Чем шире новые и новые потоки общественного движения, тем важнее крепкая соц.-дем. организация, умеющая создавать новые русла для этих потоков. Чем больше работает на-руку нам независимо от нас идущая демократическая пропаганда и агитация, тем важнее организованное руководство соц.-демократии для охраны независимости рабочего класса от буржуазной демократии.

Революционная эпоха для социал-демократии все равно, что военное время для армии. Надо расширять кадры нашей армии, переводить ее с мирных контингентов на военные, мобилизовать запасных и резервных, призывать под знамена получивших отпуск, налаживать новые вспомогательные корпуса, отряды и службы. Надо не забывать, что на войне неизбежно и необходимо пополнять свои ряды менее подготовленными рекрутами, заменять сплошь да рядом офицеров простыми солдатами, ускорять и упрощать производство солдат в офицеры.

Говоря без метафор: надо сильно расширить состав всевозможных партийных и примыкающих к партии организаций, чтобы хоть сколько-нибудь идти в ногу с возросшим в сто раз потоком народной революционной энергии. Это не значит, разумеется, чтобы следовало оставить в тени выдержанную подготовку и систематическое обучение истинам марксизма. Нет, но надо помнить, что теперь гораздо большее значение в деле подготовки и обучения имеют самые военные действия, которые *учат* неподготовленных именно *в нашем* и всецело в нашем направлении. Надо помнить, что наша «доктринерская» верность марксизму подкрепляется теперь тем, что ход революционных событий дает везде и повсюду *предметные уроки массе* и все эти уроки подтверждают именно нашу догму. Не об отказе от догмы, следовательно, говорим мы, не об ослаблении нашего недоверчивого и подозрительного отношения к расплывчатым интеллигентам и революционным пустоцветам, совсем напротив. Мы говорим о новых методах обучения догме, о которых непозволительно было бы забывать социал-демократу. Мы говорим о том, как

важно теперь пользоваться наглядными уроками великих революционных событий, чтобы преподавать не кружкам уже, а массам наши старые «догматические» уроки насчет, например, того, что необходимо слияние на деле террора с восстанием массы, что за либерализмом образованного русского общества надо уметь видеть классовые интересы нашей буржуазии (ср. полемику по этому вопросу с соц.-рев. в № 3 «Вперед» *)).

Значит, не об ослаблении нашей соц.-демократической требовательности, нашей ортодоксальной непримиримости идет речь, а об укреплении той и другой *новыми* путями, новыми методами обучения. В военное время рекрутов надо учить непосредственно на военных действиях. Смелее же беритесь за новые приемы обучения, товарищи! Смелее составляйте новые и новые дружины, посылайте их в бой, вербуйте больше рабочей молодежи, расширяйте обычные рамки всех партийных организаций, начиная от комитетов и кончая фабричными группами, цеховыми союзами, студенческими кружками! Помните, что всякое промедление наше в этом деле послужит на пользу врагам социал-демократии, ибо новые ручьи ищут выхода немедленно и, не находя соц.-дем. русла, они будут устремляться в не соц.-демократическое. Помните, что каждый практический шаг революционного движения будет неизбежно и неминуемо учить молодых рекрутов именно социал-демократической науке, ибо эта наука основана на объективно-верном учете сил и тенденций различных классов, а революция есть не что иное, как ломка старых надстроек и самостоятельное выступление различных классов, стремящихся по-своему создать новую надстройку. Не принижайте только нашей революционной науки до одной книжной догмы, не опошляйте ее презренными фразами о тактике-процессе, организации-процессе, фразами, которые оправдывают разброд, нерешительность, неинициативность. Давайте больше простора самым разнообразным предприятиям самых различных групп и кружков, памятуя, что верность их пути кроме наших советов и помимо наших советов обеспечивается неумолимыми требованиями самого хода революционных событий. Давно уже сказано, что в политике часто приходится учиться у врага. А в революционные моменты враг всегда навязывает нам правильные выводы особенно назидательно и быстро.

Лозунг: организуйтесь! который сторонники большинства хотели дать в оформленном виде на втором съезде партии, должен быть осуществляем теперь немедленно. Если мы не сумеем смело, инициативно, создать новых организаций, мы должны тогда отказаться от пустых претензий на роль авангарда. Если мы беспомощно остановимся на достигнутых уже пределах, формах и рамках комитетов, групп, собраний, кружков, мы докажем этим свою

*) См. настоящий том, стр. 70—75. *Ред.*

неумелость. Тысячи кружков возникают теперь повсюду, помимо нас, без всякой определенной программы и цели, просто под влиянием событий. Надо, чтобы социал-демократы поставили себе задачей создать и укрепить непосредственные отношения с возможно большим числом таких кружков, чтобы они оказывали им помощь, просвещали запасом своих знаний и опыта, оживляли своей революционной инициативой. Пусть все такие кружки, кроме сознательно несоциал-демократических, либо прямо входят в партию, либо *примыкают к партии*. В последнем случае нельзя требовать ни принятия нашей программы, ни обязательных организационных отношений с нами; достаточно одного революционного чувства, одного желания помогать борьбе с самодержавием, чтобы из таких *примыкающих* кружков при энергичном выступлении перед ними соц.-демократов, под давлением хода событий, вырабатывались сначала демократические помощники социал-демократической рабочей партии, а затем и убежденные члены ее.

Людей масса и людей нет, — в эту противоречивую формулу укладывались уже давно противоречия организационной жизни и организационных запросов социал-демократии. И это противоречие с особенной силой выступает теперь: одинаково часто слышишь со всех концов страстные призывы новых сил, жалобы на отсутствие людей в организациях, и на-ряду с этим везде и повсюду гигантское предложение услуг, рост молодых сил, особенно среди рабочего класса. Организатор-практик, который при таких условиях жалуется на отсутствие людей, впадает в ту же иллюзию, в которую впадала в эпоху высшего развития великой Французской революции госпожа Ролан, писавшая в 1793 г.: людей нет во Франции, всё пигмеи кругом [68]). Кто говорит так, тот за деревьями не видит леса, тот признается, что его ослепили события, что не он, революционер, владеет ими в своем сознании и в своей деятельности, а они владеют им, они подавили его. Такому организатору *лучше уйти на покой*, очистить место молодым силам, у которых энергия может возместить нередко недостаток опытности.

Люди есть, никогда не бывало у революционной России такой массы людей, как теперь. Никогда не бывало у революционного класса таких необычайно благоприятных условий, — в отношении временных союзников, сознательных друзей, невольных пособников, — как у современного русского пролетариата. Людей масса, надо только выбросить за борт хвостистские мысли и поучения, надо только дать простор почину и инициативе, «планам» и «предприятиям», и тогда мы окажемся достойными представителями великого революционного класса, тогда пролетариат России так же геройски проведет *всю великую русскую революцию*, как геройски он ее начал.

«Вперед» № 9, 8 марта (23 февраля) 1905 г.

ОСВОБОЖДЕНЦЫ И НОВОИСКРОВЦЫ, МОНАРХИСТЫ И ЖИРОНДИСТЫ.

В № 66 «Освобождения» помещена рецензия на брошюру Мартынова «Две диктатуры» (одобренную и рекомендованную редакцией «Искры», см. № 84) [69]). Как и следовало ожидать, либеральный буржуа не скрывает своих симпатий к оппортунистическому крылу в социал-демократии. «*Рядом с работой г. Акимова*» [70]) брошюра Мартынова является для «Освобождения» «*одним из наиболее интересных произведений из всей новейшей соц.-дем. литературы*». Мог ли иначе отнестись либерал к проповеди хвостизма, запугивающей революционный класс роковой перспективой участия во временном правительстве и «революционной диктатуры» в *демократическом* перевороте (Мартынов, напуганный «якобинством», смешивает этот переворот с социалистической революцией!)? Случайность ли это, что «Освобождение» в статье «Знаменательный поворот» [71]) приветствовало Плехановскую идею об уступках ревизионистам? Чем объяснить заявление «Освобождения» (№ 57 [72])), что «по существу меньшевисты защищают теперь нечто более жизненное и дееспособное, чем большевисты»? Не тем ли, что «единственная надежда на идейную жизненность русского либерализма заключается в жизненности социал-демократического оппортунизма» (см. наше издание «Услужливый либерал» *))? Прав или неправ был г. Струве, когда он утверждал, что брошюра Троцкого «Наши политические задачи», вышедшая *под редакцией «Искры»* (см. № 72), «совершенно справедливо берет под свою защиту некоторые идеи, с которыми интересующиеся соц.-дем. литературой знакомы уже по писаниям гг. Акимова, Мартынова и Кричевского и других так называемых экономистов» (№ 57 «Освоб.»)? Если бы Мартынов и К° подумал над этими вопросами, то он может быть уразумел бы головоломную! (ох, какую головоломную!) старо-искровскую идею о сходстве отношений между якобинцами и жирондистами,

---

*) См. VI том Сочинений. *Ред.*

с одной стороны, и между революционными социал-демократами и оппортунистами, с другой стороны. (Впервые выдвинута эта идея, если мы не ошибаемся, в передовице № 2 «Искры», писанной Плехановым)[73]). Были ли жирондисты изменниками делу великой французской революции? Нет. Но они были непоследовательными, нерешительными, оппортунистическими защитниками этого дела. *Поэтому* с ними боролись якобинцы, которые так же последовательно отстаивали интересы передового класса 18-го века, как революционные социал-демократы последовательно отстаивают интересы передового класса 20-го века. Поэтому жирондистов поддерживали и оправдывали от нападок якобинцев прямые изменники делу великой революции, монархисты, попы-конституционалисты и т. д. Не начинаете ли вы теперь понимать кое-что, почтеннейший жирондист Мартынов? Нет еще? Вот вам еще пояснение: являются ли новоискровцы изменниками делу пролетариата? Нет. Но они являются непоследовательными, нерешительными оппортунистическими защитниками этого дела (и принципов организации и тактики, освещающих это дело). Поэтому с их позицией борются революционные социал-демократы (одни прямо и открыто, другие тайком, за запертыми дверями редакционных кабинетов, посредством хитростей и уловок). Поэтому новоискровцев идейно поддерживают и оправдывают *прямые изменники* делу пролетариата, освобожденцы. Не начинаете ли вы теперь понимать кое-что, почтеннейший жирондист Мартынов?

«Вперед» № 9, 8 марта (23 февраля) 1905 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К БРОШЮРЕ: «ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ДИРЕКТОРА ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ ЛОПУХИНА» [74]).

Хорошенького понемножку! — как бы говорит г. Лопухин своей докладной запиской. Хорошая для полиции вещь — это «временное» Положение об усиленной охране, которое с 1881-го года стало одним из самых устойчивых, основных законов Российской империи. Полиция получает какие угодно права и полномочия «держать в руках обывателей», по меткому выражению записки, которое тем более бросается в глаза, чем чаще спотыкаешься, читая ее, на невероятно тяжелых, неуклюжих, канцелярских оборотах речи. Да, полиция благоденствовала при этом «Положении», но его «хорошие» свойства разбаловали самое полицию. Это с одной стороны. А с другой стороны, экстренные меры подавления, которые могли казаться экстренными двадцать пять лет тому назад, сделались настолько привычными, что и население приспособилось, если можно так выразиться, к ним. Репрессивное значение экстренных мер ослабело, как ослабевает новая пружина от долгого и неумеренного употребления. Игра не стоит свеч, — говорит директор департамента полиции, г. Лопухин, всем своим докладом, который написан в своеобразно грустном и унылом тоне.

Замечательно отрадное впечатление на социал-демократа производит этот унылый тон, эта деловитая, сухая и тем не менее беспощадная критика полицейского, направленная против основного русского полицейского закона. Миновали красные денечки полицейского благополучия! Миновали шестидесятые годы, когда даже мысли не возникало о существовании революционной партии. Миновали семидесятые годы, когда силы такой, несомненно существовавшей и внушавшей страх, партии оказались «достаточными только для отдельных покушений, а не для политического переворота». В те времена, когда «подпольная агитация находила себе опору в отдельных лицах и кружках», новоизобретенная пружина могла еще оказывать некоторое действие. Но до

какой степени расхлябана эта пружина теперь, «при современном состоянии общества, когда в России широко развивается и недовольство существующим порядком вещей и сильное оппозиционное движение»! До какой степени нелепы и бессмысленны оказались экстренные меры усиленной охраны, когда пришлось, именно: *пришлось* применять их тысячами «к рабочим за стачки, имевшие мирный характер и исключительно-экономические побуждения», когда за оружие, небезопасное в политическом отношении, пришлось признавать даже каменья!

Бедный Лопухин в отчаянии ставит два восклицательных знака, приглашая гг. министров посмеяться вместе с ним над теми бессмысленными последствиями, к которым привело Положение об усиленной охране. Все оказалось негодным в этом положении с тех пор, как революционное движение настоящим образом проникло в народ и неразрывно связалось с классовым движением рабочих масс, — все, начиная от требования прописки паспортов и кончая военными судами. Даже «институт дворников», всеспасающий, всеблагой институт дворников подвергается уничтожающей критике полицей-министра, обвиняющей этот институт в ослабляющем влиянии на предупредительную деятельность полиции.

По-истине, полное банкротство полицейского порядка!

И это банкротство подтверждается, помимо заявлений столь высоко-компетентного лица, как почтеннейший г. Лопухин, всем ходом развития царской политики. Когда не было действительно народного революционного движения, когда политическая борьба не связывалась еще в одно целое с классовой борьбой, тогда годились одни полицейские меры против лиц и кружков. Против классов эти меры оказались до смешного бессильны, их избыток стал превращаться в помеху полицейской работе. Грозные некогда параграфы Положения об усиленной охране оказались мизерными, мелкими, кляузными придирками, которые гораздо более разжигают недовольство непринадлежащих к числу революционеров «обывателей», чем задевают серьезно революционеров. Против народной революции, против классовой борьбы нельзя опираться на полицию, надо опираться тоже на народ, тоже на классы. Такова мораль записки г. Лопухина. И такова же мораль, к которой на практике приходит самодержавное правительство. Ослабели пружины полицейских механизмов, недостаточны одни только военные силы. Надо разжигать национальную, расовую вражду, надо организовать «черные сотни» из наименее развитых слоев городской *(а затем, разумеется, и сельской)* мелкой буржуазии, надо пытаться сплотить на защиту трона все реакционные элементы в самом населении, надо превращать борьбу полиции с кружками в борьбу одной части народа против другой части народа.

Именно так поступает теперь правительство, натравливая татар на армян в Баку, пытаясь вызвать новые еврейские погромы, организуя черные сотни против земцев, студентов и крамольных гимназистов, взывая к верноподданным дворянам и к консервативным элементам крестьянства. Что же! Мы, социал-демократы, не удивимся этой тактике самодержавия и не испугаемся ее. Мы знаем, что на разжигании расовой вражды правительство уже не выедет теперь, когда рабочие стали организовать вооруженный отпор погромщикам; опираясь же на эксплуататорские слои мелкой буржуазии, правительство восстановит против себя еще более широкие действительно пролетарские массы. Мы никогда не ждали и не ждем политических и социальных переворотов от «убеждения» власть имущих или от перехода образованных людей на сторону «добродетели». Мы всегда учили и учим, что классовая борьба, борьба эксплуатируемой части народа против эксплуататорской лежит в основе политических преобразований и *в конечном счете* решает судьбу всех таких преобразований. Признавая полный крах полицейского крохоборства и переходя к прямой организации гражданской войны, правительство доказывает этим, что *последний расчет* приближается. Тем лучше. Оно начинает гражданскую войну. Тем лучше. Мы тоже стоим за гражданскую войну. Уж если где мы чувствуем себя особенно надежно, так именно на этом поприще, в войне громадной массы угнетенного и бесправного, трудящегося и содержащего все общество многомиллионного люда против кучки привилегированных тунеядцев. Конечно, разжигая расовую вражду и племенную ненависть, правительство может на время задержать развитие классовой борьбы, но только на короткое время и притом ценой еще бо́льшего расширения поля новой борьбы, ценою еще бо́льшего озлобления народа против самодержавия. Доказательство: последствия бакинского погрома, который удесятерил революционное настроение всех слоев против царизма. Правительство думало запугать народ видом крови и массою жертв уличных схваток,—на самом деле оно *отучает народ* от страха перед пролитием крови, перед прямым вооруженным столкновением. На самом деле оно выступает в нашу пользу с такой широкой и такой внушительной агитацией, о какой мы и не мечтали. Vive le son du canon! скажем мы словами французской революционной песни — «Да здравствует гром пушек!» да здравствует революция, да здравствует открытая народная война против царского правительства и его сторонников!

Февраль — март 1905 г.

Печатается по тексту брошюры.

КОГО ОНИ ХОТЯТ ОБМАНУТЬ?

В только что полученном нами № 89 «Искры» находим постановление «Совета партии» от 8-го марта 05. Заграничный «Совет», как и следовало ожидать, рвет и мечет против созываемого русскими комитетами партии съезда, объявляя, что «участники его своим образом действий сами ставят себя вне партии». Озлобление заграничного кружка, от которого работающая в России партия давно ушла фактически, а теперь уходит и формально, нам совершенно понятно. Понятно также, что только под влиянием озлобления и отчаяния люди могут рассуждать так плохо и «уклоняться от истины» так неискусно, как это делает Совет. «По уставу, — говорят нам, — съезд может быть созван только Советом». Да, кроме того случая, когда Совет рвет устав и обманом уклоняется от обязательного для него созыва съезда. Именно этот «случай» и доказан давно партией по отношению к Совету (см. Орловский: «Совет против партии», где, между прочим, показано, что по арифметике «Совета» 16×4=61!). К 1-му января 05, говорят нам далее, по единогласному (включая Ленина) постановлению Совета, правоспособных организаций, кроме центров, было 33. Это неправда. Партия знает давно из той же брошюры, что правоспособных организаций к 1-му января 05 было только 29. Кубанский и Казанский комитеты, называемые «Искрой», никогда не были утверждаемы Советом, а комитеты Полесский и Северо-Западный утверждены лишь к 1-му апреля 05. Остается 29 организаций (Комитеты: С.-Петербургский, Московский, Тверской, Северный, Тульский, Нижегородский, Саратовский, Уральско-Уфимский, Сибирский, Донской, Харьковский, Киевский, Одесский, Екатеринославский, Рижский, Орловско-Брянский, Смоленский, Самарский, Воронежский, Кавказский Союз=4 комитета, Курский, Астраханский, Николаевский, Крымский, Горнозаводский, Лига). «Бюро комитетов большинства» ссылается на полномочия 10 организаций, — говорит далее Совет. Это ложь. Бюро выбрано, как все знают, еще до 1-го января 05, на трех конференциях тринадцатью комитетами (6 северных,

3 южных, 4 кавказских). После выступления бюро с созывом съезда к бюро примкнули комитеты Воронежский и Тульский. Таким образом, к 1-му января 05 из 28 русских полноправных организаций 15 высказались за съезд вопреки воле бонапартистских центров. Тут еще не считаны те полноправные организации (Саратовский, Сибирский комитет и другие), которые давно высказались за съезд вообще (см. брошюру Шахова: «Борьба за съезд»). До какой степени смешны и неуклюжи попытки Совета обмануть несведущую публику, знакомящуюся с делом не по документам, а по болтовне заграничников, — видно особенно из двух следующих справок. В крайне интересной брошюре «Отчет о собрании в Женеве 2-го сентября 04», изданной меньшинством, Дан признает, что большинство комитетов партии порвало с «Искрой» все товарищеские отношения, а Плеханов, резко-враждебный большинству, вынужден заявить, что силы враждующих сторон приблизительно равны!! (Это отзыв заграничника, заметьте.) В «Заявлении» *) Ленина, которое не только не опровергнуто меньшинством, а, напротив, подтверждено прямым признанием Попова, не кто иной, как агент Ц.К., признает, что у меньшинства только 4 русских комитета и что на действительно партийном съезде, несомненно, пройдет смещение редакции и Совета. Еще раз: кого хотите вы обмануть, почтеннейшие герои кооптации? Вы боитесь, как огня, единственного действительно партийного выхода — съезда, и уверяете в то же время, что за вашими противниками ничтожная доля организаций, всего какая-нибудь четверть! В своем озлоблении вы не замечаете, как сами себя бьете. Уж не потому ли Николай II боится учредительного собрания, что противники царизма составляют ничтожную долю народа?

«Вперед» № 10, 15 (2) марта 1905 г.

---

*) См. VI том Сочинений. *Ред.*

ПРОЛЕТАРИАТ И КРЕСТЬЯНСТВО.

Начинаются крестьянские восстания. Из различных губерний приходят известия о нападениях крестьян на помещичьи усадьбы, о конфискации крестьянами помещичьего хлеба, скота. Царское войско, на-голову разбитое японцами в Манчжурии, берет реванш над безоружным народом, предпринимая экспедиции против внутреннего врага — против деревенской бедноты. Городское рабочее движение приобретает нового союзника в революционном крестьянстве. Вопрос об отношении сознательного авангарда пролетариата, социал-демократии, к крестьянскому движению приобретает непосредственное практическое значение и должен быть поставлен на ближайшую очередь дня во всех наших партийных организациях, при всяком выступлении пропагандистов и агитаторов.

Социал-демократия неоднократно указывала уже, что крестьянское движение ставит перед нею двоякую задачу. Мы должны безусловно поддерживать и толкать его вперед, поскольку оно является революционно-демократическим движением. Мы должны вместе с тем неуклонно стоять на своей классовой пролетарской точке зрения, организуя сельский пролетариат, подобно городскому и вместе с ним, в самостоятельную классовую партию, разъясняя ему враждебную противоположность его интересов и интересов буржуазного крестьянства, призывая его к борьбе за социалистическую революцию, указывая ему, что избавление от гнета и нищеты лежит не в превращении нескольких слоев крестьянства в мелких буржуа, а в замене всего буржуазного строя социалистическим.

Эта двоякая задача социал-демократии подчеркивалась не раз в старой «Искре», начиная с № 3 *), т.-е. еще ранее первого крестьянского движения 1902 года; она выражена и в нашей партийной программе; она повторена была и в нашей газете (№ 3 **)). Теперь, когда особенно важно выяснить эту задачу в ее практи-

*) См. IV том Сочинений, стр. 100 — 106. *Ред.*

**) См. настоящий том, стр. 70 — 75. *Ред.*

ческой постановке, интересно привести замечания Карла Каутского, поместившего в немецком соц.-дем. журнале «Die Neue Zeit» статью «Крестьяне и революция в России» [75]). Как социал-демократ, Каутский неуклонно отстаивает ту истину, что пред нашей революцией стоит *теперь* задача не социалистического переворота, а устранения политических препятствий с пути развития существующего, т.-е. капиталистического, способа производства. И Каутский продолжает: «Революционное городское движение должно оставаться нейтральным в вопросе об отношениях между крестьянином и помещиком. Оно не имеет никаких оснований становиться между крестьянами и помещиком, выступать на защиту последнего против первых; его сочувствие всецело на стороне крестьянства. Но задачей революционного городского движения вовсе не является также натравливание крестьян на помещиков, которые в современной России играют совсем не ту роль, какую играло хотя бы французское феодальное дворянство времен «старого порядка». Впрочем, городские революционеры, даже если бы они и захотели, могли бы оказать весьма немного влияния на отношения между помещиками и крестьянами. Эти отношения помещики и крестьяне определят уже сами между собой». Чтобы правильно понять эти замечания Каутского, которые, будучи вырваны из связи, могли бы вызвать немало недоразумений, надо непременно иметь в виду также следующее замечание его в конце статьи. «Победоносная революция, — говорит он там, — не встретила бы, наверное, особых затруднений в том, чтобы употребить крупные латифундии злейших врагов революции на улучшение пролетарских и крестьянских условий жизни».

Читатель, который внимательно сопоставит все эти утверждения Каутского, легко увидит в них именно ту социал-демократическую постановку вопроса, которую мы сейчас обрисовали. Отдельные неточности и неопределенности в выражениях Каутского могут быть объяснены беглостью его замечаний и недостаточным знакомством с аграрной программой русской социал-демократии. Суть дела в том, что отношение революционного пролетариата к тяжбе между крестьянами и помещиками не может быть во всех случаях и при всех условиях одинаковым при различных перипетиях русской революции. При одних условиях, при известных конъюнктурах это отношение должно быть отношением не только сочувствия, но и прямой поддержки, и не только поддержки, но и «натравливания». При других условиях это отношение может и должно быть нейтральным. Каутский, судя по его приведенным замечаниям, верно схватил эту двоякую сторону нашей задачи, — в отличие не только от наших «социалистов-революционеров», целиком погрязших в вульгарных иллюзиях революционной демократии, но и от многих социал-демократов, которые, подобно Рязанову или Иксу, отыскивали

«простое», для всех комбинаций одинаковое решение задачи [76]). Основная ошибка таких соц.-демократов (и всех соц.-рев.) состоит в том, что они не выдерживают классовой точки зрения и, отыскивая одинаковое для всяких комбинаций решение задачи, забывают о двойственной природе зажиточного и среднего крестьянства. В своих расчетах они оперируют, в сущности, с двумя только классами: либо с помещиками и «крестьянско-рабочим классом», либо с собственниками и пролетариями. На деле же перед нами три различных, по своим ближайшим и конечным целям, класса: помещики, зажиточное и частью среднее крестьянство и, наконец, пролетариат. На деле задача пролетариата, при таком положении вещей, не может не быть двусторонней, и вся трудность социал-демократической аграрной программы и аграрной тактики в России состоит в определении, возможно более ясном и точном, того, при каких условиях обязателен для пролетариата нейтралитет и при каких поддержка и «натравливание».

Решение этой задачи может быть только одно: вместе с крестьянской буржуазией против всякого крепостничества и против крепостников-помещиков, вместе с городским пролетариатом против крестьянской и всякой другой буржуазии, такова «линия» сельского пролетария и его идеолога социал-демократа. Другими словами: поддерживать и подталкивать крестьянство вплоть до всяких отнятий какой-угодно «священной» барской «собственности», *поскольку* это крестьянство выступает революционно-демократическим. Относиться недоверчиво к крестьянству, организоваться отдельно от него, быть готовым к борьбе с ним, *поскольку* это крестьянство выступает реакционным или противопролетарским. Еще иначе: содействие крестьянину, когда борьба его с помещиком приносит пользу развитию и укреплению демократии; нейтралитет по отношению к крестьянину, когда борьба его с помещиком является исключительно сведением безразличных для пролетариата и для демократии счетов между двумя фракциями землевладельческого класса.

Разумеется, такой ответ не удовлетворит людей, которые подходят к крестьянскому вопросу без продуманных теоретических воззрений, которые гонятся за ходким и эффектным «революционным» (на словах) лозунгом, которые не понимают громадной и серьезной опасности революционного авантюризма именно в области крестьянского вопроса. По отношению к таким людям,— а их сейчас уже не мало среди нас, к числу их принадлежат социалисты-революционеры, и развитие революции вместе с крестьянским движением ручается за увеличение их рядов,—по отношению к таким людям социал-демократы должны непреклонно отстаивать точку зрения классовой борьбы против всякой революционной расплывчатости, трезвый учет разнородных элементов крестьянства против революционной фразы. Говоря практически и конкретно,

можно подойти всего ближе к истине таким утверждением: все противники социал-демократии в аграрном вопросе не считаются с тем фактом, что у нас в собственно европейской России есть целый слой ($1^1/_2$ — 2 миллиона дворов из всего числа около 10 миллионов дворов) зажиточных крестьян. В руках этого слоя не меньше половины всех орудий производства и всей собственности, которой располагает крестьянство. Этот слой не может существовать без найма батраков и поденщиков. Этот слой, несомненно, враждебен крепостничеству, помещикам, чиновничеству, он способен стать демократом, но еще более несомненна его враждебность по отношению к сельскому пролетариату. Всякая попытка затушевать, обойти эту классовую враждебность в аграрной программе и тактике есть сознательное или бессознательное оставление социалистической точки зрения.

Между сельским пролетариатом и крестьянской буржуазией находится слой среднего крестьянства, в положении которого есть черты и того и другого из двух антиподов. Общие черты в положении всех этих слоев, всего крестьянства в целом делают, несомненно, демократическим и все его движение, как бы велики ни были те или иные проявления несознательности и реакционности. Наша задача — никогда не сходить с классовой точки зрения и организовать теснейший союз городского и сельского пролетариата. Наша задача — уяснение себе и народу *действительного* демократического и революционного содержания, которое кроется за всеобщим, но туманным стремлением к «земле и воле». Наша задача поэтому — самая энергичная поддержка и подталкивание вперед этого стремления, на-ряду с подготовкой элементов социалистической борьбы и в деревне.

Чтобы точно определить отношение социал-демократической рабочей партии на практике к крестьянскому движению, третий съезд нашей партии должен принять резолюцию о поддержке крестьянского движения. Вот проект такой резолюции, которая формулирует вышеизложенные и неоднократно развивавшиеся в соц.-демократической литературе взгляды и которая должна быть обсуждена теперь возможно более широким кругом партийных работников:

«Росс. С.-Д. Р. Партия, как партия сознательного пролетариата, стремится к полному избавлению всех трудящихся от всякой эксплуатации и поддерживает всякое революционное движение против современного общественного и политического строя. Поэтому Росс. С.-Д. Р. П. самым энергичным образом поддерживает и современное крестьянское движение, отстаивая все революционные меры, способные улучшить положение крестьянства, и не останавливаясь в этих целях перед экспроприацией помещичьей земли. При этом Росс. С.-Д. Р. П., будучи классовой партией пролетариата, неуклонно стремится к самостоятельной клас-

совой организации сельского пролетариата, ни на минуту не забывая о задаче разъяснять ему враждебную противоположность его интересов и интересов крестьянской буржуазии, разъяснять ему, что только совместная борьба сельского и городского пролетариата против всего буржуазного общества может привести к социалистической революции, которая одна способна действительно избавить от нищеты и эксплуатации всю массу деревенской бедноты.

«Как практический лозунг агитации среди крестьянства и как средство внесения наибольшей сознательности в это движение, Росс. С.-Д. Р. П. выставляет немедленное образование революционных крестьянских комитетов для всесторонней поддержки всех демократических преобразований и осуществления их в частностях. И в таких комитетах Росс. С.-Д. Р. П. будет стремиться к самостоятельной организации сельских пролетариев в целях, с одной стороны, поддержки всего крестьянства во всех его революционно-демократических выступлениях, а с другой стороны, в целях охраны истинных интересов сельского пролетариата в его борьбе с крестьянской буржуазией».

«Вперед» № 11, 23 (10) марта 1905 г.

ОБ УЛИЧНОЙ БОРЬБЕ [77]).

СОВЕТЫ ГЕНЕРАЛА КОММУНЫ.

Предлагаемая статья есть перевод одного из мемуаров знаменитого деятеля Парижской Коммуны, Клюзэрэ. Он основывал свои соображения, как видно из приводимых ниже кратких биографических сведений, главным образом, хотя не исключительно, на опыте парижских уличных восстаний. Кроме того, он имел в виду специально революцию пролетариата против всех имущих классов, тогда как мы в России переживаем теперь революцию в значительной степени общенародную против правительственной шайки. Само собою разумеется, поэтому, что оригинальные мысли Клюзэрэ должны послужить для русского пролетария лишь материалом для самостоятельной, применительно к нашим условиям, переработки опыта западно-европейских товарищей. Считаем нелишним познакомить читателя вкратце с небезынтересной биографией автора.

Густав-Павел Клюзэрэ (Cluseret) родился в Париже 13-го июня 1823 года. Учился в военной школе Сэн-Сир и вышел из нее в 1843 г. подпоручиком (sous-lieutenant). В 1848 году в чине поручика принимал самое энергичное участие в подавлении рабочего восстания в Париже (июньские дни). В течение 6 часов взял 11 баррикад и 3 знамени. Получил за этот «подвиг» орден почетного легиона. В 1855 г. в чине капитана участвовал в крымской кампании. Затем вышел в отставку. Участвовал в армии Гарибальди в войне за итальянское освобождение. В 1861 году уехал в Америку и участвовал в междоусобной войне против рабовладельческих штатов. Получил титул генерала и (после победы при Croskeys) права американского гражданства. Вернулся во Францию. В 1868 году попал в тюрьму за статьи в газете «L'Art» *). В тюрьме Сэн-Пелажи завязал связи с деятелями Интернационала. За резкую военную критику в газетах выслан из Франции, как американский гражданин. После провозглаше-

*) — «Искусство». *Ред.*

ния республики (4 сент. 1870 г.) вернулся в Париж, участвовал в попытках вызвать восстание в Лионе и в Марселе. 3 апреля 1871 года назначен военным министром Коммуны. 6-го апреля выбран членом Коммуны. За сдачу форта Исси смещен Коммуной и арестован, но судом товарищей оправдан. После амнистии в 1881 г. вернулся во Францию, писал в газетах «*Коммуна*» и «*Марсельеза*» [78]). За возбуждение армии к неповиновению приговорен к двум годам тюрьмы. Бежал из Франции. В 1888 г. на выборах в палату депутатов выступал как кандидат революционной партии, громил парламентаризм и радикальную, «клемансистскую» партию. В 1889 г. выбран во 2-ом округе Тулона в палату депутатов. Принадлежал к социалистической рабочей группе. Написал книгу «Армия и демократия» (1869) и два тома «Мемуаров» (1887), посвященных Коммуне.

«Вперед» № 11, 23 (10) марта 1905 г.

ПЕРВЫЙ ШАГ.

Толщыте и отверзется — сказали мы, прочитав в № 91 «Искры» постановление Совета Партии от 10 марта 1905 г. Не успели дойти до России вести о постановлении Совета от 8-го марта 1905 года и наш ответ в № 10 «Вперед» *), как приходится уже отметить новый и замечательный поворот Совета, поворот, за который мы можем только от души приветствовать товарищей новоискровцев и от души пожелать им сделать дальнейший шаг в этом направлении.

Постановление Совета от 10 марта 1905 г. есть обращение к членам III партийного съезда, созываемого русским Бюро, с предложением съезду принять посредничество германской партии и Бебеля для восстановления единства партии и с выражением согласия прислать на съезд от Совета двух представителей для переговоров об осуществлении идеи третейского разбирательства.

Делая первый шаг *«на новый путь»*, Совет не мог, разумеется, обойтись без некоторых своих старых приемов, не мог не повторить неправды, внутреннюю нелепость которой мы уже показали в № 10 «Вперед», — именно будто съезд, созываемый большинством русских комитетов, не есть партийный съезд, будто «незначительная группа членов партии» хочет «навязать свои решения действительному большинству партии». Эти увертки были бы жалки, когда бы не были смешны, и останавливаться еще раз на них нам не хотелось бы. Тем более не хотелось бы, что все внимание естественно привлекает к себе новый шаг Совета, который наконец-то (наконец-то!) понял значение партийного съезда в деле улажения партийного кризиса, наконец-то сделал первую, хотя и маленькую, робкую, непоследовательную, но все же какую ни на есть попытку взглянуть на вещи просто, назвать их настоящими именами и попробовать путь — «новый путь» восстановления единства партии при помощи непосредственных переговоров между двумя, создавшимися после второго съезда, частями партии.

---

*) См. настоящий том, стр. 156. *Ред.*

В добрый час! Давно бы так, — месяцы и месяцы мучительного, нелепого, затяжного кризиса и тайного раскола были бы сбережены для партии пролетариата. Немножко более серьезного и искреннего желания считаться прямо и открыто с волей действующих в России партийных работников, — и российская социал-демократия вышла бы из временного своего распадения уже год тому назад. Да, год тому назад, даже более года.

Это было в конце января 1904 г., Совет Партии первый раз собрался для обсуждения нового партийного положения и партийного кризиса в составе Плеханова, Аксельрода, Мартова, Васильева и Ленина. Двое последних, члены ЦК и сторонники большинства, ясно видели, что партия фактически расколота уже меньшинством и что *тайный* характер этого раскола вносит бесконечный разврат в партию, деморализуя ее совершенно, развязывая руки одной стороне для самых бесшабашных приемов «свалки», связывая другую сторону долгом соблюдения общих решений. *Тайный* раскол партии относится к открытому расколу (по своему морально-политическому значению и по своим морально-политическим последствиям) приблизительно так же, как тайный адюльтер относится к открытой свободной любви.

И вот указанные члены Совета вносят поэтому резолюцию (28 янв. 1904 г.), которая напечатана полностью Шаховым (Борьба за съезд, стр. 81) и в которой *большевики*, несмотря на преобладание их противников и в редакции и в Совете, т.-е. в высшем учреждении партии, первые заговаривают о необходимости мира в партии в виду серьезнейших задач исторического момента. Большевики проводят там резкое различие между необходимой и неизбежной идейной борьбой, с одной стороны, и «недостойной свалкой», дезорганизацией, местническими счетами, бойкотом и т. п. Большевики приглашают Совет партии призвать всех членов партии, чтобы они «отбросили скорее все взаимные мелкие счеты и поставили раз навсегда идейную борьбу в такие рамки, чтобы она не вела к нарушениям устава, не тормозила практической деятельности и положительной работы». У нас так много забывчивых членов партии, любящих говорить о партийной самодеятельности, но предпочитающих досужие сплетни изучению документов партийного раскола, что мы настоятельно рекомендуем всем товарищам, желающим разобраться в партийных делах, заглянуть на стр. 81 брошюры «Борьба за съезд».

Меньшевики конечно отвергли резолюцию Ленина и Васильева и приняли (Плеханов, Мартов и Аксельрод) резолюцию, приглашающую Ц. К. «кооптировать» меньшевиков. Так как Ц. К. 26 ноября 1903 г. выразил согласие кооптировать *двоих* меньшевиков по его, Ц. К., выбору, то эта резолюция Совета означала не что иное, как навязывание Ц. К-ту *трех* определенных персонажей. Теперь уже вся партия документально осведомлена (из «Заявле-

ния» Ленина) относительно того, что именно из-за «трех» сочинялись принципиальные разногласия и велась «недостойная свалка» *по ноябрь 1904 г.* В ответ на резолюцию о кооптации Ленин и Васильев подали особое мнение (Шахов, стр. 84), которое мы тоже рекомендуем перечитать для поучения несведущих или забывчивых и в котором заявляется, что «иного способа честного и правильного выхода из настоящих партийных раздоров, иного способа прекратить эту недопустимую борьбу из-за состава центров, кроме созыва немедленно партийного съезда», эти члены Ц. К. «решительно и безусловно не видят».

Меньшевики, разумеется, проваливают съезд. Никакие увещания, что на съезде допустимы всякие сделки, что иначе борьба принимает такие же гнусные формы, как тайная и продажная любовь, на них не действуют. Кстати сказать, если со стороны меньшевиков, раз они решили не стесняться насчет «продажной любви», эта тактика естественна и понятна, то со стороны *примиренца* Плеханова она явилась громадной ошибкой, очевидность которой показал дальнейший ход кризиса. Теперь все и каждый видят, знают из фактов (именно из фактов последующего поведения Глебова и его компании), что если бы Плеханов подал голос в январе 1904 года за съезд, то съезд был бы созван очень скоро и *на съезде образовалась бы такая внушительная примиренская партия,* которая *ни в каком случае* не дала бы преобладания ни большинству, ни меньшинству в отдельности. Повторяем: это не пустая догадка, а соображение, *безусловно доказанное* фактическим ходом последующих событий. Но Плеханов тоже предпочел «продажную любовь», т.-е. тайный раскол, попытке прямо и открыто объясниться и договориться до конца.

И что же мы видим теперь? Меньшевики вынуждены придти, хотя и робко, непоследовательно, хотя и поздно, к исходу, предложенному большевиками. Большевики настояли на своем и добились созыва съезда, справедливо говоря, что, если обеим «дражайшим половинам» не суждено более «сожительствовать», то надо разойтись открыто.

Конечно, лучше поздно, чем никогда, и даже робкий шаг Совета, готовность послать двоих его «представителей», мы от души приветствуем. Но мы безусловно протестуем против робости и непоследовательности этого шага. Почему же вы хотите послать на съезд только двух представителей *заграничного Совета*, господа? Почему не представителей *всех* партийных организаций? Ведь члены российского Бюро комитетов большинства *пригласили* на съезд всех и в частности послали заказные письма и в редакцию и в Совет и в Лигу! Почему это такое странное и непостижимое противоречие: с одной стороны, для *лицемерного* мира с тремя рыцарями из Ц. К. (заведомо против воли комитетов большинства) вы не ограничились посылкой «двух своих представителей» от Совета, а *опро-*

сили все комитеты и организации меньшинства, как об этом прямо было заявлено в № 83 «Искры»[79]). А, с другой стороны, для *настоящего* мира со всей партией вы посылаете для «непосредственных переговоров» только двоих представителей одного заграничного Совета. Где же тут русские меньшевики, с которыми нам во сто раз важнее спеться, чем с компанией литераторов? Где же тут *рабочие,* члены и представители организаций, те рабочие, которых вы науськивали против второго съезда и о самодеятельности которых вы так много кричали?? Где же тут товарищи Акимов и Брукер, Махов и Егоров (или их друзья и единомышленники), которые совершенно последовательно с их точки зрения поддерживали меньшевиков, не компрометируя однако себя, т.-е. не участвуя в дрязге из-за кооптации? Где же тут товарищ Кричевский и другие бывшие «экономисты», с которыми вы якобы помирились, как уверял в новой «Искре» Плеханов и мн. др.? Где тут товарищ Рязанов, с которым ваша солидарность во многом нам тоже понятна и который однако же *отказался войти в Лигу, как организацию меньшевистскую?*

Или вы скажете, что все эти товарищи не имеют мандатов? Но вы ведь пишете письмо съезду, *«отбросив всякие формальные соображения»!!*

Нет, господа, полумерами нас не удовлетворишь и красными словечками не накормишь. Если вы действительно хотите — будем говорить прямо и без «формальных соображений» — работать вместе, в рядах одной организации, тогда *являйтесь на съезд все* и зовите также всех товарищей, которых от нас отделяют *одни только* идейные, а не кооптационные соображения. Тогда считайтесь с «доброй волей революционера», на которую вы так неумело ссылались, таясь от съезда, и которая *одна только* всецело и безусловно может решать судьбы *всей* партии, представленной на съезде. Тогда ищите посредников, способных повлиять на эту «добрую волю» *всех членов съезда.* Мы будем от души приветствовать всякого такого посредника.

Толцыте и отверзется... Большевики добились своей открытой борьбой того, что мы подошли теперь вплотную к возможному прямому, недвусмысленному выходу из кризиса. Мы добились съезда. Мы добились поворота меньшевиков от бурбонских окриков оставшегося без партии Совета Партии к прямому и открытому предложению непосредственных переговоров. Хватит или не хватит у Совета ума и честности сделать второй шаг по «новому пути», — мы убеждены, что во всяком случае добьемся полной победы партийности над кружковщиной.

«Вперед» № 11, 23 (10) марта 1905 г.

К ИСТОРИИ ПАРТИЙНОЙ ПРОГРАММЫ [80]).

Этим подчеркиванием того, что проект программы писан *не* мной, Плеханов первый выносит на публику, в виде намека, попрека и упрека, наши споры о проекте программы. К сожалению, он не рассказывает об этих спорах, а ограничивается сплетней, т.-е. утверждением пикантным, но неясным и непроверимым. Я должен поэтому добавить к статье моего коллеги против Плеханова, что у меня есть документальные данные о спорах наших при обсуждении проекта программы, и эти данные я при случае опубликую. Читатели увидят тогда: 1) что совершенная неправда утверждение Плеханова, будто охлаждение отношений у нас было из-за «Что делать?». Оно было из-за деления шестерки пополам при спорах о программе; 2) что я отстаивал и отстоял включение в программу тезиса о вытеснении мелкого производства крупным. Плеханов хотел ограничиться расплывчатым выражением в духе знаменитого «более или менее»; 3) что я отстаивал и отстоял замену термина «трудящаяся и эксплуатируемая масса» термином: «пролетариат» в том месте, где речь шла о классовом характере нашей партии; 4) что Плеханов, когда я и мои сторонники в шестерке упрекали его за недостаточно выраженный пролетарский характер партии в его проекте программы, защищался контр-обвинением, что я понимаю пролетарский характер партии по-мартыновски.

«Вперед» № 11, 23 (10) марта 1905 г.

О НАШЕЙ АГРАРНОЙ ПРОГРАММЕ.

ПИСЬМО III СЪЕЗДУ.

Новое крестьянское движение, с каждым днем растущее и усиливающееся, выдвигает опять на первый план вопрос о нашей аграрной программе. Основной принцип этой программы, конечно, не может вызвать разногласий и споров. Партия пролетариата должна поддерживать движение крестьянства. Она никогда не станет защищать современное помещичье землевладение от революционного натиска крестьян, но на-ряду с этим она всегда будет стремиться к развитию классовой борьбы в деревне и к внесению сознательности в эту борьбу. Эти принципы, мне кажется, разделяются всеми социал-демократами. Разногласие начинается лишь тогда, когда эти принципы приходится прилагать к действительности, когда их приходится формулировать в программе применительно к задачам момента.

Действительность лучше всего разрешает всевозможные теоретические разногласия, и я уверен, что быстрый ход революционных событий устранит и эти разногласия по аграрному вопросу среди социал-демократии. Вряд ли станет отрицать кто-нибудь, что не наше дело прожектерствовать насчет всевозможных земельных реформ, что мы должны укреплять связи с пролетариатом, *поддерживать* крестьянское движение, не упуская при этом из виду собственнические тенденции крестьянина-хозяина, тенденции, враждебность которых пролетариату тем скорее и резче будет проявляться, чем быстрее пойдет вперед революция.

Но с другой стороны ясно, что переживаемый революционный момент требует вполне определенного конкретного лозунга. Таким лозунгом должно стать образование *революционных крестьянских* комитетов, и наша партийная аграрная программа очень правильно выдвинула его. В крестьянском движении масса темноты, бессознательности, и было бы крайне опасно строить себе на этот счет какие-либо иллюзии. Темнота мужика выражается прежде всего в непонимании *политической* стороны дви-

жения,— в непонимании, например, того, что без коренных демократических преобразований во *всем* политическом строе *всего государства* совершенно не возможны никакие прочные шаги по пути расширения землевладения. Крестьянину нужна земля, и его революционное чувство, его инстинктивный, первобытный демократизм *не может* выразиться иначе, как в наложении руки на помещичью землю. Этого, конечно, никто не станет отрицать. Социалисты-революционеры останавливаются на этом положении вместо того, чтобы подойти к этому туманному стремлению крестьянства с классовым анализом. Социал-демократы на основании такого анализа утверждают, что все крестьянство вряд ли *может* солидарно идти дальше требования возвращения отрезных земель, так как за пределами такого аграрного преобразования неизбежно выступит ярко антагонизм сельского пролетариата и «хозяйственных мужичков». Социал-демократы, конечно, ничего не могут иметь против того, чтобы восставший мужик «добил до конца помещика», отнял у него *всю* землю, но они не могут вдаваться в авантюризм в пролетарской программе, не могут заслонять классовой борьбы против собственников розовыми перспективами таких перестроек землевладения (хотя бы и демократических перестроек), которые окажутся лишь передвижением классов или разрядов собственников.

До сих пор у нас в программе было выдвинуто требование возвращения отрезков, а в разных комментариях к программе указывалось, что отрезки вовсе не загородка, а «дверь, чтобы идти дальше», что пролетариат охотно поддержит крестьянство на этом дальнейшем пути, по непременно оглядываясь и присматривая за своим временным союзником, крестьянином-хозяином, не выпускает ли он свои хозяйские коготки. Теперь, перед лицом революционных событий, невольно возникает вопрос: не целесообразнее ли перенести *такое* положение нашей тактики из комментариев в самую программу? Ведь как-никак программа является официальным общепартийным выражением взглядов социал-демократии, а всякий комментарий по необходимости представляется более или менее личным воззрением того или другого социал-демократа. Не разумнее ли поэтому внести в программу более общее положение нашей политики по этому вопросу, а в комментариях развивать частные мероприятия, отдельные требования, вроде, например, отрезков?

Чтобы конкретнее выяснить мою мысль, я приведу здесь ту формулировку, которую приняло бы соответствующее место в нашей программе: (Р. С.-Д. Р. П. требует прежде всего)... «4) учреждения революционных крестьянских комитетов для устранения всех остатков крепостничества, для демократического преобразования всех вообще деревенских отношений и для принятия революционных мер к улучшению положения крестьян-

ства, не останавливающихся перед отнятием земли у помещиков. Социал-демократия будет поддерживать крестьянство во всех его революционно-демократических предприятиях, отстаивая самостоятельные интересы и самостоятельную организацию сельского пролетариата».

В предлагаемой формулировке в программу внесено то, что до сих пор обыкновенно развивалось в комментариях, «отрезки» же из программы переносятся в комментарии. Такое изменение имеет то преимущество, что в программе яснее указывается особность пролетарской позиции, а ясность в таком важном вопросе перевешивает все редакционные неудобства (таким неудобством является включение в программу вместо определенного требования — разъяснения, обыкновенно относимого в комментарий. Надо заметить, впрочем, что в нашей программе уже имеются такие разъяснения: ср., напр., пункт о борьбе с реформами, связанными с упрочением полицейско-чиновничьей опеки). Преимуществом является также и то, что программа раз-навсегда устраняет нелепую мысль, будто социал-демократия говорит крестьянину, что дальше отрезков он не может и не должен идти. Мысль эту необходимо устранить ясной формулировкой программы, а не ограничиваться разъяснением ее в комментариях. Недостатком предлагаемой мною формулировки может показаться то, что в ней не указывается никаких определенных способов экспроприации земли. Но есть ли это, собственно говоря, недостаток?

Социал-демократы, писавшие по аграрному вопросу, неоднократно показывали, насколько неуместно нам пускаться на этот счет в прожектерство, ибо самая главная мера земельной реформы — национализация земли — *в полицейском государстве* по необходимости будет извращена и послужит для затемнения классового характера движения. А между тем все другие меры к преобразованию земельных отношений будут при капиталистическом строе лишь приближением к национализации, лишь частными мерами, лишь некоторыми из возможных мер, т.-е. такими, которыми *ограничивать себя* социал-демократия вовсе не намерена. В настоящее время социал-демократы против национализации, и даже социалисты-революционеры под влиянием нашей критики стали гораздо осторожнее относиться к этой национализации (сравни проект их программы с их прежним «удальством»).

Но дело в том, что революционное движение ведет нас к демократической республике, представляющей одно из наших ближайших требований, на-ряду с уничтожением постоянной армии и т. п.

При демократической же республике, при вооружении народа, при осуществлении других подобных же республиканских

мер социал-демократия не может зарекаться и связывать себе руки по отношению к национализации земли. Итак, недостаток предлагаемой мною формулировки только кажущийся. В действительности же она дает выдержанный классовый лозунг для данной минуты, — притом лозунг вполне конкретный, — оставляя вместе с тем полный простор для тех «революционно-демократических» шагов, которые могут оказаться необходимыми или желательными, в случае благоприятного развития нашей революции. В настоящее время, а также и далее до полной победы крестьянского восстания, революционный лозунг необходимо должен учитывать антагонизм *мужика и помещика;* и пункт об отрезках совершенно верно подчеркивал это обстоятельство; между тем, всевозможные «национализации», «передачи ренты», «социализации» и т. п. — и в этом как раз их недостаток — игнорируют и затемняют характерный антагонизм.

Предлагаемая мною формулировка вместе с тем расширяет задачу революционных крестьянских комитетов до «демократического преобразования всех вообще деревенских отношений». В нашей программе крестьянские комитеты выдвинуты, как лозунг, при чем совершенно правильно они характеризованы, как *крестьянские*, т.-е. сословные, ибо сословный гнет может быть уничтожен только всем низшим угнетенным сословием. Но есть ли основание ограничивать задачи этих комитетов одними аграрными реформами? Неужели же для других преобразований, например, административных и т. д., нужно создавать *другие* комитеты? Ведь вся беда крестьян, как я уже указывал, в полном непонимании политической стороны движения. Если бы удалось связать хотя бы в отдельных случаях успешные революционные мероприятия крестьян в деле улучшения их положения (конфискация хлеба, скота, *земли*) с учреждением и деятельностью *крестьянских комитетов* и с полной санкцией этих комитетов революционными партиями (а, при особо благоприятных условиях, временным революционным правительством), тогда можно было бы считать выигранной борьбу за привлечение крестьян на сторону демократической республики. Без такого же привлечения все революционные шаги крестьянства будут очень непрочны, и все их завоевания будут легко отобраны стоящими у власти общественными классами.

Наконец, говоря о поддержке «революционно-демократических» мероприятий, предлагаемая формулировка ясно проводит грань между обманчивой, якобы социалистической, *внешностью* таких мер, как захват земли крестьянами, и их действительным демократическим содержанием. Чтобы видеть, насколько важно для социал-демократа проведение такой грани, довольно вспомнить отношение Маркса и Энгельса к аграрному движению, например, в Америке (Маркс в 1848 году о Кригэ [81]), Энгельс в 1885

о Генри Джордже [82])). Теперь, конечно, никто не станет *отрицать* крестьянскую войну из-за земли, погоню за землей (в полукрепостных странах или в колониях). Мы вполне признаем ее законность и прогрессивность, но вместе с тем мы разоблачаем ее демократическое, т.-е. *в конечном счете* буржуазно-демократическое содержание, а потому, поддерживая это содержание, мы с своей стороны вносим особые «оговорки», указываем на «самостоятельную» роль *пролетарской* демократии, на особые цели социал-демократии, как классовой партии, стремящейся к социалистической революции.

Вот те соображения, вследствие которых я предлагаю товарищам обсудить на предстоящем съезде мое предложение и расширить соответственный пункт программы в указанном мною духе.

«Вперед» № 12, 29 (16) марта 1905 г.
Подпись: —ъ.

ЕВРОПЕЙСКИЙ КАПИТАЛ И САМОДЕРЖАВИЕ.

Социал-демократическая печать указывала уже неоднократно, что европейский капитал спасает русское самодержавие. Без иностранных займов оно не могло бы держаться. Французской буржуазии было выгодно поддерживать своего военного союзника, особенно пока платежи по займам поступали исправно. И французские буржуа ссудили самодержавному правительству маленькую сумму *миллиардов в десять франков* (до 4.000 миллионов рублей).

Но... ничто не вечно под луной! Война с Японией, разоблачив всю гнилость самодержавия, подорвала наконец и его кредит даже у «дружественной и союзной» французской буржуазии. Во-первых, война показала военную слабость России; во-вторых, непрерывный ряд поражений, одно другого тяжеле, показал безнадежность войны и неминуемость полного краха всей правительственной системы самодержавия; в-третьих, внушительный рост революционного движения в России вызвал у европейской буржуазии смертельный страх перед таким взрывом, который может зажечь и Европу. Горючего материала накоплено за последние десятилетия горы. И вот, все эти обстоятельства, вместе взятые, привели наконец к отказу в дальнейших ссудах. Недавняя попытка самодержавного правительства занять, по старому, у Франции не удалась: с одной стороны, капитал уже не верит самодержавию; с другой стороны, боясь революции, капитал хочет оказать давление на самодержавие в целях заключения мира с Японией и мира с либеральной русской буржуазией.

Европейский капитал спекулирует на мир. Буржуазия не только в России, но и в Европе начала понимать связь войны с революцией, начала бояться действительно народного и победоносного движения против царизма. Буржуазия хочет сохранить «общественный порядок» основанного на эксплуатации общества от чрезмерных потрясений, хочет сохранить русскую монархию в виде конституционной, или якобы-конституционной, монархии, и поэтому буржуазия спекулирует на мир в интересах противопролетарских и антиреволюционных. Этот несомненный факт

наглядно показывает нам, как даже такой «простой» и ясный вопрос, как вопрос о войне и мире, не может быть правильно поставлен, если упускается из виду классовой антагонизм современного общества, если упускается из виду, что буржуазия при всех и всяких ее выступлениях, как бы демократичны и гуманитарны они ни казались, оберегает прежде всего и больше всего интересы своего класса, интересы «социального мира», т.-е. интересы подавления и обезоружения всех угнетенных классов. Пролетарская постановка вопроса о мире так же неизбежно поэтому отличается и должна отличаться от буржуазно-демократической постановки этого вопроса, как это имеет место и по отношению к свободной торговле, к анти-клерикализму и т. п. Пролетариат борется и всегда будет неуклонно бороться против войны, не забывая, однако, ни на минуту, что уничтожение войн возможно лишь на-ряду с полным уничтожением деления общества на классы, что при сохранении классового господства нельзя оценивать войны с одной только демократически сантиментальной точки зрения, что при войне между эксплуататорскими нациями необходимо различать роль прогрессивной и реакционной буржуазии той или иной нации. Русской социал-демократии пришлось применить на деле эти общие положения марксизма к японской войне. Когда мы рассматривали ее значение (№ 2 «Вперед», статья: «Падение Порт-Артура» *)), мы указали, как сбились на ошибочную, буржуазно-демократическую, точку зрения не только наши социалисты-революционеры (порицавшие Гэда и Гайндмана за сочувствие Японии), но и новоискровцы. У последних это выразилось в рассуждениях, во-первых, о «мире *во что бы то ни стало*», и, во-вторых, о непозволительности «спекуляции на победу японской буржуазии». И те и другие рассуждения были достойны лишь буржуазного демократа, ставящего политические вопросы на сантиментальную почву. Теперь действительность показала, что «мир *во что бы то ни стало*» стал лозунгом европейских биржевиков и реакционеров (кн. Мещерский в «Гражданине» ясно указывает уже теперь на необходимость мира для спасения самодержавия [83])). Спекуляция на мир в целях подавления революции выступила перед нами воочию, как спекуляция реакционера в противоположность спекуляции *прогрессивной* буржуазии на победу японской буржуазии. Новоискровские фразы против «спекуляции» вообще оказались именно сантиментальными фразами, чуждыми классовой точки зрения и учета различных сил.

События, показавшие новый облик реакционной буржуазии, били в глаза так ярко, что теперь и «Искра» начала понимать свою ошибку. Если за статью нашу в № 2 «Вперед» она сердито

---

*) См. настоящий том, стр. 48. *Ред.*

«огрызалась» в № 83 [84]), то теперь в № 90 мы с удовольствием читаем (передовица): «Нельзя требовать *только* мира, потому что мир при сохранении самодержавия будет означать гибель страны» [85]). Вот это так: нельзя требовать только мира, ибо царский мир не лучше (а иногда хуже) царской войны; нельзя ставить лозунга «мир во что бы то ни стало», а лишь мир вместе с падением самодержавия, мир, заключенный освобожденным народом, свободным учредительным собранием, т.-е. мир не любой ценой, а исключительно ценой низвержения абсолютизма. Будем надеяться, что, поняв это, «Искра» поймет и неуместность своих высоконравственных тирад против спекуляции на победу японской буржуазии.

Но вернемся к европейскому капиталу и его политической «спекуляции». До какой степени трусит царская Россия этого капитала, видно, между прочим, из следующего поучительного происшествия. Орган консервативной английской буржуазии, «Times», поместил статью «Платежеспособна ли Россия?» [86]). В статье обстоятельно доказывалась «хитрая механика» финансовых проделок гг. Витте, Коковцева и Комп. Они хозяйничают вечно в убыток. Они вывертываются только входя глубже и глубже в долги. При этом выручка от займов помещается, на время от одного займа до другого, в государственное казначейство, и на «золотой запас» с торжеством указывают, как на «свободную наличность». Золото, полученное взаймы, показывается всем и каждому, как доказательство богатства и платежеспособности России! Неудивительно, что английский купец сравнил эту проделку со штукой знаменитых мошенников Эмберов, которые показывали занятые или мошенничеством добытые деньги (или даже шкаф якобы с деньгами) для того, чтобы заключать новые займы! «Частые появления русского правительства в качестве должника на континентальных рынках — писал *Таймс* — вызываются не недостатком капитала, потребностью производительных предприятий или временными и исключительными расходами, а почти исключительно нормальным дефицитом национального дохода. А это значит, что при таком положении дел Россия прямиком идет к банкротству. Ее национальный баланс с каждым годом погружает ее глубже в долги. Ее долги пред иностранцами превышают народные средства, и у нее реального обеспечения этих долгов нет. Ее золотой запас есть колоссальный Эмберов шкаф, пресловутые миллионы в котором ссужены жертвами обмана и служат для дальнейшего их обманывания».

Хитро, не правда ли? Наметить себе жертву для обмана, занять у нее деньги. Затем эти же деньги показывать ей же, как доказательство богатства, и добывать от нее же новые займы!

Сравнение с известной мошеннической семьей Эмберов было до того метко и так пригвоздило к позорному столбу «суть» и смысл знаменитой «свободной наличности», что статья солидной

консервативной газеты наделала шуму. Сам министр финансов Коковцев послал телеграмму в *Таймс*, которую эта газета тотчас и напечатала (23/10 марта). Обиженный Коковцев приглашал в этой телеграмме редакцию *Таймса* приехать в Питер и проверить лично размер золотого запаса. Редакция ответила благодарностью за любезное приглашение и отказом на том простом основании, что обидевшая царского слугу статья ничуть не отрицает, что золотой запас имеется на-лицо. Сравнение с Эмберами означало не то, что у России нет золотого запаса, на который она ссылается, а то, что этот запас есть в сущности чужие, занятые и ничем не обеспеченные деньги, которые нисколько не говорят о богатстве России и на которые ссылаться при дальнейших займах смешно!

Г. Коковцев не понял *соли* остроумного и злого сравнения и насмешил своей телеграммой весь мир. Проверять запасы золота в банках не входит в обязанности журналистов, — отвечал *Таймс* министру финансов. И в самом деле, обязанностью печати было раскрыть суть проделки, совершаемой при помощи этих реально-существующих, но фиктивно выставляемых в доказательство богатства страны «золотых запасов». Не в том вопрос, — поучала русского министра газета в статье по поводу этой комической телеграммы, — не в том вопрос, есть у вас этот золотой запас или нет. Мы верим, что есть. Вопрос в том, каков ваш актив и пассив? какова сумма ваших долгов и обеспечения их? или, говоря проще, ваш ли этот у вас лежащий запас или занятый в долг и подлежащий возврату, при чем вернуть-то вам всего долга не из чего? И английские буржуа, высмеивая глупенького министра, разжевывали ему на все лады эту не бог весть какую хитрую штуку, добавляя поучительно: если вы ищете кого-нибудь для проверки вашего кредита и дебета, то почему бы вам не обратиться к представителям русского народа? Представители народа как раз хотят теперь собраться в земский собор или национальное собрание — как оно у вас там называется. Они наверно не откажутся проверить *как следует* не один только пресловутый «золотой запас», а *все* финансовое хозяйство самодержавия. И они, наверное, сумеют произвести такую проверку досконально и с полным знанием дела.

«А может быть — саркастически заканчивал *Таймс*, — может быть уверенность в том, что представительное собрание будет настаивать на своем праве произвести такую проверку, эта уверенность и заставляет царское правительство бояться созыва такого собрания, по крайней мере в том случае, если бы это собрание обладало хоть какой-нибудь реальной властью?»

Вопрос ядовитый. И он тем более ядовит, тем более многозначителен, что задает его в сущности не газета «*Таймс*», а вся *европейская буржуазия*, — задаст его не для полемической вы-

ходки, а прямо выражая этим вопросом свое недоверие самодержавию, свое нежелание ссужать ему деньги, свое стремление иметь дело с законным представительством русской буржуазии. Это не вопрос, а предостережение. Это не насмешка, а *ультиматум*, ультиматум европейского капитала русскому самодержавию. Если союзники Японии, англичане, формулируют этот ультиматум в виде сарказма, то союзники России, французы, в лице консервативнейшей и буржуазнейшей газеты «Temps» *), говорят то же самое лишь помягче, золотя пилюли, но по существу все-таки отказываясь больше давать взаймы, советуя самодержавию заключить мир и с Японией и с русскими буржуазными либералами. Вот еще голос не менее солидного английского журнала «The Economist» (Экономист) [87]: «Правда насчет русских финансов начинает наконец сознаваться во Франции. Мы указывали уже много раз, что Россия давно живет на занятые деньги, что ее бюджеты вопреки радужным заявлениям всех министров финансов, сменяющих один другого, сводятся год за годом с крупным дефицитом, хотя эти дефициты и скрываются прехитро посредством бухгалтерских ухищрений; — что наконец пресловутая свободная наличность состоит главным образом из выручки от займов и частью из вкладов в государственный банк». И, высказавши таким образом русскому самодержавию горькую правду, этот специальный финансовый журнал считает однако необходимым добавить буржуазные утешения: дескать, если вы сумеете теперь немедленно заключить мир и сделать уступочки либералам, то Европа, несомненно, опять начнет давать вам взаймы миллионы да миллионы.

Перед нами происходит то, что можно назвать спекуляцией международной буржуазии на избавление России от революции и царизма от полного краха. Спекулянты оказывают давление на царя путем отказа в займе. Они пускают в ход свою силу — силу денежного мешка. Они хотят умеренного и аккуратного буржуазно-конституционного (или якобы конституционного) порядка в России. Они сплачиваются под влиянием быстро развивающихся событий все теснее в один буржуазный противореволюционный союз, вопреки различиям национальностей, французские биржевики и английские тузы, немецкие капиталисты и русские купцы. В духе этой умереннейшей буржуазной партии действует «Освобождение». В № 67, излагая «программу демократической партии», признавая даже (на долго ли?) всеобщее, прямое и равное избирательное право с тайной подачей голосов (и обходя скромным молчанием вооружение народа!), г. Струве заканчивает свое новое profession de foi таким характерным заявлением, печатаемым «для ради важности» жирным шрифтом: «В настоящий момент вне программы и *над программой всякой прогрессивной*

*) — «Время». *Ред.*

*

партии в России должно стоять требование немедленного прекращения войны. Практически это означает, что *существующее в данный момент в России правительство* должно — при посредничестве Франции — начать переговоры о мире с японским правительством»[88]). Кажется, рельефнее нельзя выставить различие буржуазно-демократического и социал-демократического требования прекратить войну. Революционный пролетариат ставит это требование не «над программой», обращается с ним не к «существующему в данный момент правительству», а к свободному, действительно суверенному, народному учредительному собранию. Революционный пролетариат не «спекулирует» на посредничестве французской буржуазии, добивающейся мира заведомо в антиреволюционных и противопролетарских интересах.

Наконец, в сущности, с этой же международной партией умеренной буржуазии торгуется теперь г. Булыгин, ловко выигрывая время, утомляя противника, кормя его завтраками, не давая абсолютно ничего положительного, оставляя все, решительно все в России по-старому, начиная от посылки войск против стачечников, продолжая арестами неблагонадежных лиц и репрессиями печати, кончая подлым натравливанием крестьян на интеллигентов и зверской поркой восстающих крестьян. А либералы идут на удочку, некоторые начинают уже верить Булыгину, и г. Кузьмин-Караваев в юридическом обществе убеждает либеральное общество пожертвовать всеобщим избирательным правом ради... ради... ради прекрасных глаз г. Булыгина[89])!

Международному союзу умеренной консервативной буржуазии может противостоять только одна сила: международный союз революционного пролетариата. Этот союз образовался уже вполне в смысле политической солидарности. Что же касается практической стороны дела и революционного почина, то в этом отношении все зависит от рабочего класса России и успеха его совместного демократического выступления на решительный бой вместе с миллионами городской и деревенской бедноты.

«Вперед» № 13, 5 апреля (23 марта) 1905 г.

РЕВОЛЮЦИЯ ТИПА 1789 ИЛИ ТИПА 1848 ГОДА? [90]).

Важный вопрос относительно русской революции состоит вот в чем:

I дойдет ли она до *полного* свержения царского правительства, до республики,

II или ограничится урезкой, ограничением царской власти, монархической конституцией?

Или иначе: суждена ли нам революция типа 1789 или типа 1848 года *)? (говорим: *типа*, чтобы устранить нелепую мысль о возможности повторения безвозвратно минувшей социальной, политической и международной ситуации 1789 и 1848 годов).

Что социал-демократ должен желать и *добиваться* первого, в этом вряд ли возможны сомнения.

Между тем мартыновская постановка вопроса сбивается целиком на хвостистское желание революции поскромнее. При II типе «опасность» захвата власти пролетариатом и крестьянством, пугающая Мартыновых, отпадает совершенно. Оставаться «оппозиционной» *даже по отношению к революции* во втором случае для социал-демократии неизбежно, — Мартынов именно и хочет оставаться даже по отношению к революции в оппозиции.

Спрашивается, какой тип вероятнее?

За I говорит (1) несравненно больший запас озлобления, революционности в русских низших классах, чем в Германии 1848 г. У нас перелом *круче*, у нас между самодержавием и политической свободой не было и нет *никаких* промежуточных ступеней (земство не в счет), у нас деспотизм азиатски девственен. (2) У нас несчастная война делает еще более вероятным *резкий* крах, ибо она запутывает царское правительство до конца. (3) У нас международная конъюнктура выгоднее, ибо пролетарская Европа сделает помощь русской монархии со стороны монархов европейских не-

*) NB: тут могут добавить — «или 1871 г.»? Надо рассмотреть этот вопрос, как вероятное *возражение* нам со стороны многих *не*социал-демократов.

возможной. (4) У нас развитие сознательно-революционных партий, литературы и организации их во много раз выше, чем в 1789, 1848 и 1871 годах. (5) У нас целый ряд угнетенных царизмом народностей, поляки, финляндцы и т. д., делают натиск на самодержавие особенно энергичным. (6) У нас крестьянство особенно разорено, обнищало невероятно и ему уже абсолютно терять нечего.

Все эти соображения, конечно, далеко не абсолютны. Им можно противопоставить другие: (1) Остатков феодализма у нас очень мало. (2) Правительство опытнее и располагает большими средствами распознания революционной опасности. (3) Война осложняет непосредственность революционного взрыва посторонними по отношению к революции задачами. Война доказывает слабость русских революционных классов, которые без войны были не в силах подняться (сравнить Карл Каутский в «Социальной революции» [91])). (4) Из других стран толчка к перевороту у нас нет. (5) Национальные движения к раздроблению России способны оторвать от нашей революции массу крупной и мелкой русской буржуазии. (6) Антагонизм пролетариата и буржуазии у нас гораздо глубже, чем в 1789, 1848, 1871 г.г., поэтому буржуазия будет больше бояться *пролетарской* революции и скорее бросится в объятия реакции.

Учесть все эти + и — сможет, конечно, только история. Наше дело, социал-демократии, *толкать* буржуазную революцию как можно дальше, никогда не забывая *главного* нашего дела: самостоятельной организации пролетариата.

Тут вот и путается Мартынов. Полная революция есть захват власти пролетариатом и бедным крестьянством. *А эти классы*, находясь у власти, *не могут* не добиваться *социалистической* революции. *Ergo* *), захват власти, будучи сначала шагом в *демократическом* перевороте, силой вещей, против воли (и сознания иногда) участников, п е р е й д е т в социалистический. *И тут крах неизбежен.* А раз неизбежен крах попыток социалистической революции, то мы (как Маркс в 1871 г., предвидевший неизбежный крах восстания в Париже [92])) должны *советовать* пролетариату *не восставать,* выжидать, организоваться, reculer pour mieux sauter **).

Такова, собственно, *мысль* Мартынова (и новой Искры), если бы он ее додумал.

Написано в марте—апреле 1905 г.
Впервые напечатано в 1926 г. в «Ленинском Сборнике» V.

Печатается по рукописи.

---

*) — следовательно. *Ред.*
**) — отступить, чтобы лучше прыгнуть. *Ред.*

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ И ВРЕМЕННОЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО [93]).

I.

Всего пять лет тому назад лозунг «долой самодержавие!» казался многим представителям социал-демократии преждевременным, непонятным для рабочей массы. Эти представители справедливо были относимы к оппортунистам. Им разъясняли и разъяснили, что они отстают от движения, что они не понимают задач партии, как передового отряда класса, как его руководителя и организатора, как представителя движения в целом, его коренных и главных целей. Эти цели временно могут заслоняться повседневной будничной работой, но никогда не должны терять значения путеводной звезды для борющегося пролетариата.

И вот настало время, когда революционное пламя охватило всю страну, когда в неизбежность ниспровержения самодержавия в ближайшем будущем уверовали самые неверующие. А социал-демократии, точно по какой-то иронии истории, приходится еще раз иметь дело с такими же реакционными, оппортунистическими попытками оттащить назад движение, принизить его задачи, затемнить его лозунги. Полемика с представителями таких попыток становится задачей дня, приобретает (вопреки мнению многих и многих, недолюбливающих полемики внутри партии) громадное *практическое* значение. Ведь чем ближе подходим мы к непосредственному осуществлению наших ближайших политических задач, тем больше необходимость совершенно ясно понимать эти задачи, тем вреднее всякие двусмысленности, недомолвки или недомыслия в этом вопросе.

А недомыслия весьма немало среди социал-демократов новоискровского или (что почти то же) рабочедельского лагеря. Долой самодержавие! — с этим все согласны, не только все социал-демократы, но и все демократы, даже все либералы, если верить их теперешним заявлениям. Но что это значит? Как именно должно произойти это низвержение теперешнего правительства?

Кто должен созвать то учредительное собрание, которое теперь готовы выставить, — с признанием всеобщего и т. д. избирательного права — своим лозунгом и освобожденцы (см. № 67 «Освобождения»)? В чем именно должно состоять действительное обеспечение свободных и выражающих интересы всего народа выборов в такое собрание?

Кто не дает себе ясного и точного ответа на эти вопросы, тот не понимает лозунга: долой самодержавие! А эти вопросы неизбежно подводят нас к вопросу о временном революционном правительстве; не трудно понять, что при самодержавии действительно свободные всенародные выборы в учредительное собрание с полным обеспечением действительно всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов не только не вероятны, но прямо невозможны. И если мы не зря выдвигаем практическое требование немедленного низвержения самодержавного правительства, то мы должны же выяснить себе, *каким именно другим правительством* хотим мы заменить правительство низвергаемое, или иначе сказать: как мы смотрим на отношение социал-демократии к временному революционному правительству?

По этому вопросу оппортунисты современной социал-демократии, т. е. новоискровцы, так же усиленно тащат партию назад, как пять лет назад рабочедельцы по вопросу о политической борьбе вообще. Их реакционные взгляды по этому пункту всего цельнее развиты в брошюре Мартынова «Две диктатуры», которую специальной заметкой одобрила и рекомендовала «Искра» (№ 84) и на которую мы не раз уже обращали внимание наших читателей.

В самом начале своей брошюры Мартынов пугает нас такой страшной перспективой: «если бы крепкая организация революционной социал-демократии могла «назначить и провести всенародное вооруженное восстание» против самодержавия, о чем мечтал Ленин, то не очевидно ли, что всенародная воля назначила бы сейчас же после революции именно эту партию временным правительством? не очевидно ли, что народ именно этой партии, а не какой-либо другой, вручил бы ближайшую судьбу революции?»

Это невероятно, но это факт. Будущий историк русской социал-демократии с удивлением должен будет констатировать, что в самом начале русской революции жирондисты социал-демократии *пугали* революционный пролетариат подобной перспективой! Все содержание брошюры Мартынова (и целого ряда статей и отдельных мест в статьях новой «Искры») сводится к размалевыванию «ужасов» этой перспективы. Идейному вождю новоискровцев чудится тут «захват власти», мерещится пугало «якобинства», бакунизма, ткачевизма и прочих страшных измов, которыми так охотно пугают политических младенцев разные

революционные пянюшки. И, разумеется, не обходится при этом без «цитат» из Маркса и Энгельса. Бедные Маркс и Энгельс, как только не злоупотребляли цитатами из их произведений! Вы помните: на ту истину, что «всякая классовая борьба есть борьба политическая», ссылались *для оправдания* узости и отсталости *наших* политических задач и способов политической агитации и борьбы? Теперь лжесвидетелем в пользу хвостизма выводится Энгельс. Он писал в «Крестьянской войне в Германии»: «Самым худшим из всего, что может предстоять вождю крайней партии, является вынужденная необходимость обладать властью в то время, когда движение еще недостаточно созрело для господства представляемого им класса и для проведения мер, обеспечивающих это господство». Достаточно внимательно прочесть это начало длинной цитаты, приводимой Мартыновым, чтобы убедиться, как искажает мысль автора наш хвостист. Энгельс говорит о *власти, обеспечивающей господство класса.* Неужели это не ясно? По отношению к пролетариату это, следовательно, власть, *обеспечивающая господство пролетариата,* т.-е. диктатура пролетариата для совершения социалистического переворота. Мартынов не понимает этого, смешивая временное революционное правительство в эпоху свержения самодержавия с обеспеченным господством пролетариата в эпоху свержения буржуазии, смешивая демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства с социалистической диктатурой рабочего класса. А между тем, из продолжения цитаты Энгельса, мысль его становится еще более ясной. Вождь крайней партии — говорит он — должен будет «отстаивать интересы чуждого ему класса и отделываться от своего класса *фразами, обещаниями и уверениями в том, что интересы другого класса являются его собственными.* Кто раз попал в это *ложное положение,* тот погиб безвозвратно» [94]).

Подчеркнутые места ясно показывают, что Энгельс предостерегает именно от того ложного положения, которое является результатом непонимания вождем действительных интересов «своего» класса и действительного классового содержания переворота. Для наглядности попробуем разжевать это нашему глубокомысленному Мартынову на простом примере. Когда народовольцы, думая представлять интересы «труда», уверяли себя и других, что 90 проц. крестьян в будущем русском учредительном собрании будут социалистами, они попадали этим в ложное положение, неминуемо долженствующее привести к их безвозвратной политической гибели, ибо эти «обещания и уверения» не соответствовали объективной действительности. На деле они проводили бы интересы буржуазной демократии, «интересы другого класса». Не начинаете ли вы понимать кое-что, почтеннейший Мартынов? Когда социалисты-революционеры изображают неизбежно предстоящие России аграрные преобразования, как «социализацию»,

как «передачу земли народу», как начало «уравнительного пользования», они ставят себя в ложное положение, неминуемо долженствующее привести их к безвозвратной политической гибели, ибо на деле как раз те преобразования, которых они добиваются, обеспечат господство *другого класса,* крестьянской буржуазии, так что их фразы, обещания и уверения будут тем скорее опровергнуты действительностью, чем быстрее пойдет развитие революции. Вы все еще не понимаете, в чем дело, почтеннейший Мартынов? Вы все еще не понимаете, что *суть* мысли Энгельса состоит в указании на гибельность *непонимания* действительных исторических задач переворота, что слова Энгельса применимы, следовательно, к народовольцам и «социалистам-революционерам»?

II.

Энгельс указывает на опасность непонимания вождями пролетариата *непролетарского* характера переворота, а умный Мартынов выводит отсюда опасность того, чтобы вожди пролетариата, отгородившие себя и программой и тактикой (т.-е. всей пропагандой и агитацией) и организацией от революционной демократии, играли руководящую роль в создании демократической республики. Энгельс видит опасность в смешении вождем мнимо-социалистического и реально-демократического содержания переворота, а умный Мартынов выводит отсюда опасность того, чтобы пролетариат вместе с крестьянством брал на себя сознательно диктатуру в проведении демократической республики, как последней формы буржуазного господства и как наилучшей формы для классовой борьбы пролетариата с буржуазией. Энгельс видит опасность в фальшивом, ложном положении, когда говорят одно, а делают другое, когда обещают господство одного класса, а обеспечивают на деле господство другого класса; Энгельс в этой фальши видит неизбежность безвозвратной политической гибели, а умный Мартынов выводит отсюда опасность гибели вследствие того, что буржуазные сторонники демократии не дадут пролетариату и крестьянству обеспечить действительно демократической республики. Умный Мартынов никак не в силах понять, что такая гибель, гибель вождя пролетариата, гибель тысяч пролетариев в борьбе за действительно демократическую республику, будучи физической гибелью, не только не есть политическая гибель, а, напротив, есть величайшее политическое завоевание пролетариата, величайшее осуществление им его гегемонии в борьбе за свободу. Энгельс говорит о политической гибели того, кто бессознательно сбивается с своей классовой дороги на чужую классовую дорогу, а умный Мартынов, благоговейно цитируя Энгельса, говорит о гибели того, кто пойдет дальше и дальше по верной классовой дороге.

Различие точек зрения революционной социал-демократии и хвостизма выступает тут со всей очевидностью. Мартынов и новая «Искра» пятятся от ложащейся на пролетариат вместе с крестьянством задачи самого радикального демократического переворота, пятятся от социал-демократического руководства этим переворотом, отдавая таким образом хотя бы и бессознательно интересы пролетариата в руки буржуазной демократии. Из той справедливой мысли Маркса, что мы должны готовить не правительственную, а оппозиционную партию *будущего*, Мартынов делает вывод, что мы должны учинять хвостистскую оппозицию *настоящей* революции. К этому сводится его политическая мудрость. Вот его рассуждение, над которым мы очень рекомендовали бы читателю подумать:

«Пролетариат не может получить ни всей, ни части политической власти в государстве, покуда он не сделает социалистической революции. Это — то неоспоримое положение, которое отделяет нас от оппортунистического жоресизма»... (Мартынов, с. 58), —и которое, добавим мы от себя, неоспоримо доказывает неспособность почтенного Мартынова понимать, что к чему. Смешивать участие пролетариата во власти, сопротивляющейся социалистическому перевороту, с участием пролетариата в демократической революции, значит безнадежно не понимать, о чем идет дело. Это все равно, что смешать участие Мильерана в министерстве убийцы Галлифе с участием Варлэна в Коммуне, отстаивавшей и отстоявшей республику.

Но слушайте дальше, чтобы видеть, как путается наш автор: ...«Но если так, то очевидно, что предстоящая революция не может реализовать никаких политических форм *против воли всей* (курсив Мартынова) буржуазии, ибо она будет хозяином завтрашнего дня»... Во-первых, почему здесь говорится только о политических формах, тогда как в предыдущей фразе речь шла о власти пролетариата вообще, вплоть до социалистической революции? почему автор не говорит о реализации экономических форм? Потому, что он незаметно для самого себя перескочил уже с социалистического переворота на демократический. Если же так (это во-вторых), то совершенно ошибочно автор говорит tout court (просто-на-просто) о «воле всей буржуазии», потому что эпоха демократического переворота отличается как раз различием воли разных слоев буржуазии, только избавляющейся от абсолютизма. Говорить о демократическом перевороте и ограничиваться простым и голым противопоставлением «пролетариата» и «буржуазии» есть чистая несообразность, ибо *этот* переворот знаменует именно тот период развития общества, когда масса его стоит собственно между пролетариатом и буржуазией, составляет из себя обширнейший мелко-буржуазный, крестьянский слой. У этого гигантского слоя, именно потому, что демократи-

ческий переворот еще не совершен, гораздо больше общих интересов с пролетариатом в деле реализации политических форм, чем у «буржуазии» в настоящем и узком значении этого слова. В непонимании этой простой вещи один из главных источников Мартыновской путаницы.

Дальше: «...Если так, то путем простого устрашения большинства буржуазных элементов революционная борьба пролетариата может привести только к одному, — к восстановлению абсолютизма в его первоначальном виде, — и пролетариат, конечно, перед этим возможным результатом не остановится, он не откажется от устрашения буржуазии на худой конец, если дело будет клониться решительно к тому, чтобы мнимой конституционной уступкой оживить и укрепить разлагающуюся самодержавную власть. Но, выступая на борьбу, пролетариат, само собою разумеется, имеет в виду не этот худой конец».

Вы понимаете что-нибудь, читатель? Пролетариат не остановится перед устрашением, ведущим к восстановлению абсолютизма, в случае если будет грозить мнимо конституционная уступка! Это все равно, как если бы я сказал: мне грозит египетская казнь в виде однодневного разговора с одним Мартыновым; поэтому на худой конец я прибегаю к устрашению, которое может привести только к двухдневному разговору с Мартыновым и Мартовым. Ведь это просто сапоги в смятку, почтеннейший!

Мысль, которая мерещилась Мартынову, когда он писал воспроизведенную нами бессмыслицу, состоит в следующем: если в эпоху демократического переворота пролетариат станет устрашать буржуазию социалистической революцией, то это поведет только к реакции, ослабляющей и демократические завоевания. Только и всего. Ни о восстановлении абсолютизма в первоначальном виде, ни о готовности пролетариата на худой конец прибегать к худой глупости не может быть, понятно, и речи. Все дело сводится опять-таки к тому различию между демократическим и социалистическим переворотом, которое Мартынов забывает, к существованию того гигантского крестьянского и мелко-буржуазного населения, которое демократический переворот поддержать способно, а социалистический в данную минуту не способно.

Послушаем нашего умного Мартынова еще: «...Очевидно, борьба между пролетариатом и буржуазией накануне буржуазной революции должна в некоторых отношениях отличаться от этой же борьбы в ее заключительной стадии, накануне социалистической революции»... Да, это очевидно, и если бы Мартынов подумал, в чем именно состоит это отличие, то он вряд ли написал бы предшествующую галиматью да и всю свою брошюру.

...«Борьба за влияние на ход и исход буржуазной революции может выразиться только в том, что пролетариат будет

оказывать революционное давление на волю либеральной и радикальной буржуазии, что более демократические «низы» общества заставят его «верхи» согласиться довести буржуазную революцию до ее логического конца. Она выразится в том, что пролетариат будет в каждом случае ставить перед буржуазией дилемму: либо назад в тиски абсолютизма, в которых она задыхается, либо вперед с народом».

Эта тирада — центральный пункт брошюры Мартынова. Тут вся ее соль, все ее основные «идеи». И чем же оказываются эти умные идеи? Посмотрите: что такое эти «низы» общества, этот «народ», о котором наконец вспомнил наш мудрец? Это именно тот многомиллионный мелко-буржуазный городской и крестьянский слой, который вполне способен выступить революционным демократом. А что такое это *давление* пролетариата плюс крестьянства на верхи общества, что такое это движение пролетариата вместе с народом вперед вопреки верхам общества? Это и есть *та революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства,* против которой ратует наш хвостист! Он боится только додумать до конца, боится назвать вещи их настоящим именем. Он говорит поэтому слова, значения которых не понимает, он робко повторяет, с смешными и неумными выкрутасами *), лозунги, настоящий смысл которых от него ускользает. Только с хвостистом и возможен поэтому такой курьез в самой «интересной» части его заключительных выводов: революционное давление пролетариата и «народа» на верхи общества, но без революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, — до этого мог договориться только Мартынов! Мартынов хочет, чтобы пролетариат грозил верхам общества, что он с народом пойдет вперед, но чтобы в то же время пролетариат твердо решил с своими новоискровскими вождями *не идти вперед* по демократическому пути, ибо это есть путь революционно-демократической диктатуры. Мартынов хочет, чтобы пролетариат оказывал давление на волю верхов обнаружением своего безволия. Мартынов хочет, чтобы пролетариат побуждал верхи «согласиться» довести буржуазную революцию до ее логического демократическо-республиканского конца, побуждал тем, что выражал свою собственную боязнь *взять на себя* вместе с народом это доведение революции до конца, взять на себя власть и демократическую диктатуру. Мартынов хочет, чтобы пролетариат был авангардом в демократическом перевороте, и *поэтому* умный Мартынов *пугает* пролетариат перспективой участия во временном революционном правительстве в случае успеха восстания.

*) Мы уже отмечали нелепость мысли, чтобы пролетариат хотя на худой из худых концов мог толкать буржуазию назад.

Дальше некуда идти в реакционном хвостизме. Мартынову, как святому человеку, надо земно поклониться за то, что он довел до конца хвостистские тенденции новой «Искры» и выразил их рельефно и систематически по самому злободневному и коренному политическому вопросу *).

III.

В чем источник Мартыновской путаницы? В смешении демократического и социалистического переворота, в забвении роли промежуточного, между «буржуазией» и «пролетариатом» стоящего народного слоя (мелко-буржуазная масса городской и деревенской бедноты, «полупролетарии», полухозяйчики), в непонимании истинного значения нашей программы-минимум. Мартынов слыхал, что социалисту неприлично участвовать в буржуазном министерстве (когда пролетариат борется за социалистический переворот), и поспешил «понять» это так, что не следует участвовать вместе с революционной буржуазной демократией в революционно-демократическом перевороте и в той диктатуре, которая необходима для полного осуществления такого переворота. Мартынов читал нашу программу-минимум, но не заметил, что строгое выделение в ней преобразований, осуществимых на почве буржуазного общества, в отличие от социалистических преобразований, имеет не книжное только значение, а самое жизненное, практическое; он не заметил, что в революционный период она подлежит немедленной проверке и применению на деле. Мартынов не подумал, что отказ от идеи революционно-демократической диктатуры в эпоху падения самодержавия равносилен отказу от осуществления нашей программы-минимум. В самом деле, вспомните только все экономические и политические преобразования, выставленные в этой программе, требования республики, народного вооружения, отделения церкви от государства, полных демократических свобод, решительных экономических реформ. Разве не ясно, что проведение этих преобразований на почве буржуазного строя немыслимо без революционно-демократической диктатуры низших классов? Разве не ясно, что речь идет тут именно не об одном пролетариате в отличие от «буржуазии», а о «низших классах», которые являются активными двигателями всякого демократического переворота? Эти классы — пролетариат *плюс* десятки миллионов городской и деревенской бедноты, живущей в условиях мелко-буржуазного существования. Принадлежность к буржуазии весьма многих представителей этой массы несомненна. Но еще более несомненно, что в интересах этой массы лежит полное осуществление демократизма, и что,

*) Статья была уже набрана, когда мы получили № 93 «Искры», к которому нам еще придется вернуться [95]).

чем просвещеннее эта масса, тем неизбежнее ее борьба за это полное осуществление. Социал-демократ никогда не забудет, конечно, о двойственной политико-экономической натуре мелкобуржуазной городской и сельской массы, он никогда не забудет о необходимости отдельной и самостоятельной классовой организации борющегося за социализм пролетариата. Но он не забудет также, что у этой массы есть «кроме прошлого будущее, кроме предрассудков рассудок», толкающий ее вперед, к революционно-демократической диктатуре; он не забудет, что просвещение дается не одной книжкой, и даже не столько книжкой, сколько самим ходом революции, раскрывающей глаза, дающей политическую школу. При таких условиях теория, отказывающаяся от идеи революционно-демократической диктатуры, не может быть названа иначе, как философическим оправданием политической отсталости.

Революционный социал-демократ с презрением отбросит от себя подобную теорию. Накануне революции он будет не только указывать «худой конец» ее. Нет, он будет также указывать на возможность лучшего конца. Он будет мечтать, — он обязан мечтать, если он не безнадежный филистер, — о том, что после гигантского опыта Европы, после невиданного размаха энергии рабочего класса в России, нам удастся разжечь, как никогда, светильник революционного света перед темной и забитой массой, нам удастся, — благодаря тому, что мы стоим на плечах целого ряда революционных поколений Европы, — осуществить с невиданной еще полнотой все демократические преобразования, всю нашу программу-минимум; нам удастся добиться того, чтобы русская революция была не движением нескольких месяцев, а движением многих лет, чтобы она привела не к одним только мелким уступкам со стороны властей предержащих, а к полному ниспровержению этих властей. А если это удастся, — тогда... тогда революционный пожар зажжет Европу; истомившийся в буржуазной реакции европейский рабочий поднимется в свою очередь и покажет нам, «как это делается»; тогда революционный подъем Европы окажет обратное действие на Россию и из эпохи нескольких революционных лет сделает эпоху нескольких революционных десятилетий, тогда... но мы успеем еще не раз поговорить о том, что мы сделаем «тогда», поговорить не из проклятого женевского далека, а перед тысячными собраниями рабочих на улицах Москвы и Петербурга, перед свободными сходками русских «мужиков».

IV.

Филистерам новой «Искры» и ее «властителю дум», нашему доброму начетчику Мартынову, чужды и странны, разумеется, такие мечты. Они боятся полного осуществления нашей про-

граммы-минимум путем революционной диктатуры простого и черного народа. Они боятся за свою собственную сознательность, боятся потерять указку по вызубренной (но не продуманной) книжке, боятся оказаться не в состоянии отличить правильные и смелые шаги демократических преобразований от авантюристских прыжков не-классового, народнического социализма или анархизма. Их филистерская душа справедливо подсказывает им, что при быстром ходе вперед труднее отличить верный путь и быстро решать сложные и новые вопросы, чем при рутине будничной, мелкой работы; поэтому они инстинктивно шепчут: чур меня, чур меня! да минует меня чаша революционно-демократической диктатуры! как бы не погибнуть! господа! вы уже лучше «медленным шагом, робким зигзагом»!..

Неудивительно, что Парвусу, который так великодушно поддерживал новоискровцев, пока дело шло преимущественно о кооптации старейших и заслуженных, тяжело стало в конце концов в подобном болотном обществе. Неудивительно, что он стал испытывать в нем все чаще taedium vitae, тошноту жизни. И он, наконец, взбунтовался. Он не ограничился защитой смертельно перепугавшего новую «Искру» лозунга «организовать революцию», не ограничился воззваниями, которые «Искра» отпечатала отдельными листками, спрятав даже по случаю «якобинских» ужасов упоминание о социал-демократической рабочей партии *). Нет. Освободившись от кошмара премудрой Аксельродовской (или Люксембурговской?) теории организации-процесса, Парвус сумел, наконец, пойти вперед, вместо того, чтобы пятиться, подобно раку, назад. Он не захотел делать «Сизифову работу» [96]) бесконечных поправок к Мартыновским и Мартовским глупостям. Он выступил прямо (к сожалению, вместе с Троцким [97])) с защитой идеи революционно-демократической диктатуры, идеи об обязанности социал-демократии принять участие во временном революционном правительстве после низвержения самодержавия. Тысячу раз прав Парвус, когда он говорит, что социал-демократия не должна бояться смелых шагов вперед, не должна опасаться нанесения совместных «ударов» врагу рука об руку с революционной буржуазной демократией, при обязательном (очень кстати напоминаемом) условии не смешивать организации; врозь идти, вместе бить; не скрывать разнородности интересов; следить за своим союзником, как за своим врагом, и т. д.

Но чем горячее наше сочувствие всем этим лозунгам отвернувшегося от хвостистов революционного социал-демократа, тем

*) Не знаю, заметили ли наши читатели характерный факт: среди кучи хлама, издаваемого новой «Искрой» в виде листков, были хорошие листки, подписанные Парвусом. Редакция «Искры» отвернулась именно от этих листков, не пожелав упомянуть ни о нашей партии, ни о своем издательстве.

неприятнее поразили нас некоторые неверные ноты, взятые Парвусом. И не из придирчивости отмечаем мы эти маленькие неверности, а потому, что кому много дано, с того много и спросится. Всего опаснее было бы теперь, если бы верная позиция Парвуса была скомпрометирована его собственной неосмотрительностью. Именно к числу по меньшей мере неосмотрительных фраз в разбираемом предисловии Парвуса к брошюре Троцкого относятся следующие: «Если мы хотим обособить революционный пролетариат от других политических течений, то мы должны уметь стоять идейно во главе революционного движения» (это верно), «быть революционнее всех». Это неверно. То-есть, это неверно, если взять это положение в том общем смысле, который придан ему фразой Парвуса, это неверно с точки зрения читателя, который берет это предисловие, как нечто самодовлеющее, независимо от Мартынова и новоискровцев, не упоминаемых Парвусом. Если взглянуть на это положение диалектически, т.-е. относительно, конкретно, всесторонне, не подражая тем литературным наездникам, которые даже много лет спустя выхватывают из цельного произведения отдельные фразы и извращают их смысл, — тогда ясно будет, что это направлено Парвусом именно против хвостизма и, *постольку*, это справедливо (сравни особенно последующие слова Парвуса: «если мы *отстанем* от революционного развития» и т. д.). Но читатель не может же иметь в виду одних хвостистов, и среди опасных друзей революции из лагеря революционеров кроме хвостистов есть еще совсем другие люди, есть «социалисты-революционеры», есть люди, вовлекаемые потоком событий, беспомощные пред революционной фразой, как Надеждины, или такие, у которых инстинкт заменяет революционное миросозерцание (вроде Гапона). Об них позабыл Парвус, и позабыл потому, что его изложение, развитие его мысли шло не свободно, а связанное приятным воспоминанием о той Мартыновщине, от которой он старается предостеречь читателя. Изложение Парвуса не достаточно конкретно, ибо он не считается со всей той совокупностью различных, имеющихся в России, революционных течений, которые неизбежны в эпоху демократического переворота и естественно отражают классовую нерасчлененность общества в такую эпоху. Неясные, иногда даже реакционные социалистические мысли совершенно естественно облекают в такое время революционно-демократические программы, прячась за революционную фразу (вспомните социалистов-революционеров и Надеждина, который, кажется, изменил только званье, перешедши от «революционеров-социалистов» к новой «Искре»). А при подобных условиях мы, социал-демократы, никогда не можем и не станем ставить лозунга: «быть революционнее всех». За революционностью оторванного от классовой почвы демократа, щеголяющего фразой, падкого

на ходкие и дешевые (особенно в аграрной области) лозунги, мы и не подумаем угоняться; мы, напротив того, всегда будем относиться к ней критически, разоблачать действительное значение слов, действительное содержание идеализируемых великих событий, уча трезвому учету классов и оттенков внутри классов в самые горячие моменты революции.

Точно также неверны, и по той же причине, положения Парвуса, что «революционное временное правительство в России будет правительством рабочей демократии», что «если социал-демократия будет во главе революционного движения русского пролетариата, то это правительство будет социал-демократическим», что социал-демократическое временное правительство «будет целостное правительство с социал-демократическим большинством». Этого *не может быть*, если говорить не о случайных, мимолетных эпизодах, а о сколько-нибудь длительной, сколько-нибудь способной оставить след в истории революционной диктатуре. Этого не может быть, потому что сколько-нибудь прочной (конечно, не безусловно, а относительно) может быть лишь революционная диктатура, опирающаяся на громадное большинство народа. Русский же пролетариат составляет сейчас меньшинство населения России. Стать громадным, подавляющим большинством он может лишь при соединении с массой полупролетариев, полухозяйчиков, т.-е. с массой мелко-буржуазной городской и сельской бедноты. И такой состав социального базиса возможной и желательной революционно-демократической диктатуры отразится, конечно, на составе революционного правительства, сделает неизбежным участие в нем или даже преобладание в нем самых разношерстных представителей революционной демократии. Было бы крайне вредно делать себе на этот счет какие бы то ни было иллюзии. Если пустозвон Троцкий пишет теперь (к сожалению, рядом с Парвусом), что «свящ. Гапон мог появиться однажды», что «второму Гапону нет места», то это исключительно потому, что он пустозвон. Если бы в России не было места второму Гапону, то у нас не было бы места и для действительно «великой», до конца доходящей, демократической революции. Чтобы стать великой, чтобы напомнить 1789 — 1793, а не 1848 — 1850-ые годы, и превзойти их, она должна поднять к активной жизни, к героическим усилиям, к «основательному историческому творчеству» гигантские массы, поднять из страшной темноты, из невиданной забитости, из невероятной одичалости и беспросветной тупости. Она уже поднимает, она поднимет их, — это дело облегчает своим судорожным сопротивлением само правительство, но, разумеется, о продуманном политическом сознании, о социал-демократическом сознании этих масс и их многочисленных «самобытных», народных и даже мужицких вожаков не может быть и речи. Они не

могут теперь же, не проделав ряда революционных испытаний, стать социал-демократами не только в силу темноты (революция просвещает, повторяем, со сказочной быстротой), а потому, что их классовое положение не есть пролетарское, потому что объективная логика исторического развития ставит перед ними в настоящую минуту задачи совсем не социалистического, а демократического переворота.

И в этом перевороте со всей энергией будет участвовать революционный пролетариат, отметая от себя жалкий хвостизм одних и революционную фразу других, внося классовую определенность и сознательность в головокружительный вихрь событий, идя неуклонно и смело вперед, не страшась революционно-демократической диктатуры, а страстно желая ее, борясь за республику и полную республиканскую свободу, за серьезные экономические реформы, чтобы создать себе действительно широкую и действительно достойную XX-го века арену борьбы за социализм.

«Вперед» №№ 13 и 14, 5 и 12 апреля (23 и 30 марта) 1905 г.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА И КРЕСТЬЯНСТВА.

Вопрос об участии социал-демократии во временном революционном правительстве выдвинут на очередь не столько ходом событий, сколько теоретическими рассуждениями социал-демократов одного направления. В двух фельетонах (№№ 13 и 14) мы разобрали рассуждения Мартынова, впервые выдвинувшего этот вопрос. Оказывается, однако, что интерес к нему так велик, а недоразумения, порождаемые указанными рассуждениями (смотри особенно № 93 «Искры»), так громадны, что необходимо еще раз остановиться на этом вопросе. Как бы ни оценивали социал-демократы вероятность того, что нам придется в недалеком будущем не только теоретически решать этот вопрос, во всяком случае ясность ближайших целей необходима для партии. Без ясного ответа на этот вопрос невозможна уже теперь выдержанная, чуждая шатаний или недомолвок, пропаганда и агитация.

Попытаемся восстановить сущность спорного вопроса. Если мы хотим не только уступок от самодержавия, а настоящего низвержения его, то мы должны добиваться замены царского правительства временным революционным правительством, которое, с одной стороны, созвало бы учредительное собрание на основании действительно всеобщего, прямого и равного избирательного права с тайной подачей голосов и которое, с другой стороны, было бы в состоянии на деле провести полную свободу на время выборов. И вот спрашивается, позволительно ли социал-демократической рабочей партии участвовать в таком временном революционном правительстве? Вопрос этот поставили впервые представители оппортунистического крыла нашей партии, именно Мартынов, еще до 9 янв., при чем он, а вслед за ним и «Искра», решили этот вопрос отрицательно. Мартынов старался довести до абсурда взгляды революционных социал-демократов, *пугая* их тем, что, в случае успешной работы над организацией революции, в случае руководства вооруженным народным восстанием со стороны нашей партии,

нам *придется* участвовать во временном революционном правительстве. А такое участие есть недопустимый «захват власти», есть непозволительный, для классовой социал-демократической партии, «вульгарный жоресизм» [98]).

Остановимся на рассуждениях сторонников этого взгляда. Находясь во временном правительстве, говорят нам, социал-демократия будет держать в руках власть; а социал-демократия, как партия пролетариата, не может держать в руках власть, не пытаясь осуществить нашей программы-максимум, т.-е. не пытаясь осуществить социалистического переворота. А на таком предприятии она неизбежно в настоящее время потерпит поражение и только осрамит себя, только сыграет на руку реакции. Поэтому-де участие социал-демократии во временном революционном правительстве недопустимо.

Это рассуждение основано на смешении демократического и социалистического переворотов, — борьбы за республику (включая сюда и всю нашу программу-минимум) и борьбы за социализм. Пытаясь немедленно поставить своей целью социалистический переворот, социал-демократия действительно лишь осрамила бы себя. Именно против подобных смутных и неясных идей наших «социалистов-революционеров» и воевала однако всегда социал-демократия. Именно поэтому настаивала она всегда на буржуазном характере предстоящей России революции, именно поэтому строго требовала отделения демократической программы-минимум от социалистической программы-максимум. Забыть все это могут во время переворота отдельные социал-демократы, склонные пасовать перед стихийностью, но не партия в целом. Сторонники этого ошибочного мнения впадают в преклонение перед стихийностью, думая, что ход вещей заставит социал-демократию, в таком положении, взяться вопреки ее воле за осуществление социалистического переворота. Если бы это было так, тогда, значит, неверна была бы наша программа, тогда она не соответствовала бы «ходу вещей»: преклоняющиеся перед стихийностью люди как раз и боятся этого, боятся за верность нашей программы. Но их боязнь (психологическое объяснение которой мы старались наметить в наших фельетонах) неосновательна до последней степени. Наша программа верна. Именно ход вещей подтвердит ее непременно, и чем дальше, тем больше. Именно ход вещей «навяжет» нам безусловную необходимость отчаянной борьбы за республику, именно он практически направит как раз в эту сторону наши силы, силы политически-активного пролетариата. Именно ход вещей неизбежно навяжет нам при демократическом перевороте такую массу союзников из мелкой буржуазии и крестьянства, реальные потребности которых потребуют как раз проведения программы-минимум, что опасения слишком быстрого перехода к программе-максимум являются прямо смешными.

Но, с другой стороны, именно эти союзники из мелко-буржуазной демократии вызывают новые опасения среди социал-демократов известного направления, именно опасения насчет «вульгарного жоресизма». Участвовать в правительстве вместе с буржуазной демократией запрещено резолюцией Амстердамского конгресса [99]), это есть жоресизм, т.-е. бессознательное предательство интересов пролетариата, превращение пролетариата в прихвостня буржуазии, развращение его мишурой власти, на деле безусловно недостижимой в буржуазном обществе.

Это рассуждение не менее ошибочно. Оно показывает, что авторы его выучили на память хорошие резолюции, но не поняли значения их; — зазубрили некоторые антижореситские словечки, но не продумали их и применяют поэтому совсем некстати; — усвоили себе букву, но не дух последних уроков международной революционной социал-демократии. Кто хочет с диалектически-материалистической точки зрения оценить жоресизм, тот должен строго отделить субъективные мотивы и объективные исторические условия. Субъективно, Жорес хотел спасать республику, вступая для этого в союз с буржуазной демократией. Объективные условия этого «опыта» состояли в том, что республика во Франции была уже фактом и никакой серьезной опасности ей не грозило; — что рабочий класс имел полную возможность развития самостоятельной классовой политической организации и недостаточно пользовался этой возможностью, под влиянием, отчасти, как раз обилия мишурных парламентских упражнений его вожаков, — что на деле перед рабочим классом объективно выдвигались уже историей задачи социалистического переворота, от которого *отманивали* пролетариат Мильераны посулом крохотных социальных реформ.

Теперь возьмите Россию. Субъективно такие революционные социал-демократы, как впередовцы или Парвус, хотят отстоять республику, вступая для этого в союз с революционной буржуазной демократией. Объективные условия отличаются от французских как небо от земли. Объективно, исторический ход вещей поставил теперь русский пролетариат как раз перед задачей демократического буржуазного переворота (все содержание которого мы означаем для краткости словом республика); перед этой же задачей стоит весь народ, т.-е. вся масса мелкой буржуазии и крестьянства; без этого переворота немыслимо сколько-нибудь широкое развитие самостоятельной классовой организации для социалистического переворота.

Представьте себе конкретно все различие объективных условий и скажите: что следует думать о людях, которые забывают это различие, увлекаясь сходством некоторых слов, подобием некоторых букв, одинаковостью субъективной мотивировки?

Так как Жорес во Франции преклонялся перед буржуазной социальной реформой, неправильно прикрывая себя субъективной

целью борьбы за республику, то поэтому мы, русские социал-демократы, должны отказаться от серьезной борьбы за республику! Ведь к этому, именно к этому сводится премудрость новоискровцев.

В самом деле, не ясно ли, что борьба за республику немыслима для пролетариата без союза его с мелко-буржуазной массой народа? Не ясно ли, что без революционной диктатуры пролетариата и крестьянства нет ни тени надежды на успех этой борьбы? Один из главных недостатков разбираемого взгляда состоит в его мертвенности, шаблонности, в том, что упускаются из вида условия революционного времени. Бороться за республику и в то же время отказываться от революционной демократической диктатуры, это все равно, как если бы Ойяма решил бороться с Куропаткиным под Мукденом, заранее отказавшись от мысли самому вступить в Мукден. Ведь, если мы, революционный народ, т.-е. пролетариат и крестьянство, хотим «вместе бить» самодержавие, то мы должны также вместе добить, вместе убить его, вместе отбить неизбежные попытки реставрировать его! (Оговариваемся еще раз во избежание возможных недоразумений, что мы разумеем под республикой не только и даже не столько форму правления, сколько всю совокупность демократических преобразований нашей программы-минимум.) Нужно понстине-школьническое понятие об истории, чтобы представлять себе дело без «скачков» в виде какой-то медленно и равномерно восходящей прямой линии: сначала будто бы очередь за либеральной крупной буржуазией — уступочки самодержавия, потом за революционной мелкой буржуазией — демократическая республика, наконец, за пролетариатом — социалистический переворот. Эта картина верна в общем и целом, верна «на долгом», как говорят французы, на каком-нибудь протяжении столетия (напр., для Франции с 1789 по 1905 год), но составлять себе по этой картине план собственной деятельности в революционную эпоху, — для этого надо быть виртуозом филистерства. Если русское самодержавие не сумеет вывернуться даже теперь, отделавшись куцой конституцией, если оно будет не только поколеблено, а действительно *свергнуто*, тогда, очевидно, потребуется гигантское напряжение революционной энергии всех передовых классов, чтобы отстоять это завоевание. А это «отстоять» и есть не что иное, как революционная диктатура пролетариата и крестьянства! Чем больше мы завоюем теперь, чем энергичнее мы будем отстаивать завоеванное, тем меньше сможет отнять впоследствии неизбежная будущая реакция, тем короче будут эти интервалы реакции, тем легче будет задача для пролетарских борцов, идущих вслед за нами.

А тут являются люди, которые наперед хотят, до борьбы, отмерить точно аршином «по Иловайскому» скромненький кусочек будущих завоеваний, — которые до падения самодержавия, даже еще до 9-го января вздумали стращать рабочий класс Рос-

сни пугалом ужасной революционной демократической диктатуры! И эти аршинники претендуют на название революционных социал-демократов...

Участвовать во временном правительстве вместе с буржуазной революционной демократией, — плачутся они, — да ведь это значит освящать буржуазный строй, освящать сохранение тюрем и полиции, безработицы и нищеты, собственности и проституции. Это довод, достойный либо анархистов, либо народников. Социал-демократия не отворачивается от борьбы за политическую свободу на том основании, что это есть буржуазная политическая свобода. Социал-демократия смотрит на «освящение» буржуазного строя с исторической точки зрения. Когда Фейербаха спросили, освящает ли он материализм Бюхнера, Фохта и Молешотта, он отвечал: я освящаю материализм в его отношении к прошлому, но не в его отношении к будущему. Вот точно так же и социал-демократия освящает буржуазный строй. Она никогда не боялась и никогда не побоится сказать, что освящает республикански-демократический буржуазный строй по сравнению с самодержавно-крепостническим буржуазным строем. Но она «освящает» буржуазную республику лишь как последнюю форму классового господства, освящает ее как наиболее удобную арену для борьбы пролетариата с буржуазией, освящает не за ее тюрьмы и полицию, собственность и проституцию, а для широкой и свободной борьбы против этих милых учреждений.

Конечно, мы далеки от мысли утверждать, что участие наше в революционном временном правительстве не влечет за собой для социал-демократии никаких опасностей. Нет и не может быть такой формы борьбы, такого политического положения, которое бы не влекло за собой опасностей. Если нет революционного классового инстинкта, если нет цельного миросозерцания, стоящего на уровне науки, если нет (не во гнев будь сказано товарищам-новоискровцам) царя в голове, — тогда опасно и участие в стачках — может повести к экономизму, — и участие в парламентской борьбе — может кончиться парламентским кретинизмом [100], — и поддержка земской либеральной демократии — может привести к «плану земской кампании». Тогда опасно даже читать по истории Французской революции полезнейшие сочинения Жореса и Олара — может привести к брошюре Мартынова о двух диктатурах.

Разумеется, если бы социал-демократия хоть на минуту забыла о классовой особенности пролетариата от мелкой буржуазии, если бы она заключила не во-время невыгодный для нас союз с той или иной незаслуживающей доверия интеллигентской мелко-буржуазной партией, если бы социал-демократия хоть на минуту упустила из виду свои самостоятельные цели и необходимость (при всех и всяких политических ситуациях и конъюнктурах, при всех и всяких политических поворотах и переворотах) ставить во главу

угла развитие классового самосознания пролетариата и его самостоятельной политической организации, — тогда участие в временном революционном правительстве было бы крайне опасно. Но при этом условии, повторяем, и в такой же мере опасен любой политический шаг. До какой степени неосновательно приурочение этих возможных опасений к теперешней постановке ближайших задач революционной социал-демократией, это покажут всем самые простые справки. Не будем говорить о себе, не станем воспроизводить многочисленных заявлений, предостережений, указаний по рассматриваемому нами вопросу в газете «Вперед», — сошлемся на Парвуса. Высказываясь за участие социал-демократии во временном революционном правительстве, он со всей энергией подчеркивает условия, которых никогда не должны мы забывать: вместе бить, врозь идти, не смешивать организаций, смотреть за союзником, как за врагом, и т. д. Мы не останавливаемся подробнее на этой стороне дела, уже отмеченной в фельетоне.

Нет, действительная политическая опасность для социал-демократии лежит в настоящее время совсем не там, где ее ищут новоискровцы. Не мысль о революционной демократической диктатуре пролетариата и крестьянства должна страшить нас, а тот дух хвостизма и мертвенности, который разлагающе действует на партию пролетариата, выражаясь во всевозможных теориях организации-процесса, вооружения-процесса и т. п. Возьмите, например, новейшую попытку «Искры» провести различие между временным революционным правительством и революционной демократической диктатурой пролетариата и крестьянства. Разве это не образец мертвенной схоластики? Люди, сочиняющие такие различия, способны нанизывать красивые слова, но совершенно неспособны думать. Отношение между указанными понятиями на самом деле приблизительно таково, как отношение между юридической формой и классовым содержанием. Кто говорит: «временное революционное правительство», тот подчеркивает государственно-правовую сторону дела, происхождение правительства не из закона, а из революции, временный характер правительства, связанного будущим учредительным собранием. Но какова бы ни была форма, каково бы ни было происхождение, каковы бы ни были условия, ясно во всяком случае, что временное революционное правительство не может не опираться на известные классы. Достаточно вспомнить эту азбучную вещь, — чтобы видеть, что временное революционное правительство не может быть ничем иным, как революционной диктатурой пролетариата и крестьянства. Следовательно, различие, проводимое «Искрой», только тащит партию назад, к бесплодным словесным спорам, от задачи конкретного анализа классовых интересов в русской революции.

Или возьмите другое рассуждение «Искры». По поводу возгласа: да здравствует революционное временное правительство!

она назидательно замечает: «сочетание слов «да здравствует» и «правительство» сквернит уста». Разве это не пустозвонная фраза? Они говорят о свержении самодержавия и в то же время боятся осквернить себя приветствием революционному правительству! Удивительно, право, что они не боятся осквернения от приветствия республике: ведь республика необходимо предполагает правительство, и ни один социал-демократ никогда не сомневался в том, что именно буржуазное правительство. Какая же разница между приветствованием временного революционного правительства и приветствованием демократической республики? Неужели социал-демократия, политическая руководительница самого революционного класса, должна уподобиться анемичной и истеричной старой деве, которая жеманно настаивает на необходимости фигового листка: приветствовать то, что подразумевает буржуазно-демократическое правительство, можно, но приветствовать прямо временное революционно-демократическое правительство нельзя?

Картина: петербургское рабочее восстание победило. Самодержавие свергнуто. Провозглашено временное революционное правительство. Вооруженные рабочие ликуют при возгласах: да здравствует временное революционное правительство! В стороне стоят новоискровцы и, вознося горе свои целомудренные очи, бия себя в свои морально-чуткие сердца, изрекают: благодарим тебя, господи, что мы не похожи на этих мытарей, что мы не осквернили себе уста такими сочетаниями слов...

Нет и тысячу раз нет, товарищи! Не бойтесь осквернить себя самым энергичным, ни перед чем не останавливающимся участием вместе с революционной буржуазной демократией в республиканском перевороте. Не преувеличивайте опасностей этого участия, с которыми вполне может сладить наш организованный пролетариат. Месяцы революционной диктатуры пролетариата и крестьянства сделают больше, чем десятилетия мирной, отупляющей атмосферы политического застоя. Если русский рабочий класс после 9-го января сумел в условиях политического рабства мобилизовать более миллиона пролетариев для коллективного, стойкого и выдержанного выступления, — то при условиях революционно-демократической диктатуры мы мобилизуем десятки миллионов городской и деревенской бедноты, мы сделаем из русской политической революции пролог европейского социалистического переворота.

«Вперед» № 14, 12 апреля (30 марта) 1905 г.

ФРАНЦУЗСКО-РУССКИЕ ОБЫЧАИ «ПОДМАЗЫВАТЬ»!

Под таким заглавием немецкая социал-демократическая газета «Vorwärts» *) поместила на-днях чрезвычайно ценный документ: оригинал письма г-на Жюля Гуэн (Jules Gouin), директора крупной машинной фабрики в Батиньоле (предместье Парижа), к чиновнику, служащему в одном из питерских министерств [101]). Французская фабрика через посредство этого господина получила заказ на 114 локомотивов. Общая стоимость заказа (по 27.700 франков за локомотив) — 3 миллиона франков, т.-е. около 1.200.000 рублей. За посредничество при доставке заказа благородный министерский чиновник (занимающий, вероятно, добавим от себя, довольно высокий пост) получает, как видно из письма, во-1-х, два процента с покупной цены. Это составляет около 25.000 рублей. Из письма (которого мы не приводим целиком по недостатку места) видно, что из этой суммы 13.000 франков уже получены посредником, остальное выплачивается в разные сроки. Кроме того, изменения в обычном типе локомотивов для русских дорог оплачиваются особо. Представитель парижской фирмы в Петербурге обязуется заранее сообщить этому чиновнику, как высока эта добавочная плата, требуемая фабрикой. Если же чиновник «выручит» с русского правительства цену выше той, которую назначила фабрика, то разница достается, согласно условию, тоже ему, как «посреднику». Это называется в немецком переводе французского письма Vermittlungsgebühr, «вознаграждение за посредничество». На деле же, разумеется, этим выражением прикрывается самое наглое мошенничество и казнокрадство, сообща по договору производимое французским капиталистом и русским министерским чиновником.

Справедливо говорит «Vorwärts», что это письмо проливает яркий свет на русскую продажность и на то, как заграничный капитал извлекает выгоды из этой продажности. Письмо доку-

*) — «Вперед». *Ред.*

ментально доказывает, какова обычная практика «деловых» отношений в цивилизованных капиталистических нациях. И в Европе повсюду проделываются такие вещи, но нигде не проделываются они так бесстыдно, как в России, нигде нет такой «политической безопасности» (безопасность от обнаружения) для продажности, как в самодержавной России. Понятно, — заключают немецкие соц.-дем., — почему европейская промышленность заинтересована в сохранении русского самодержавия с его безответственными чиновниками, тайно обделывающими ловкие делишки! Понятно, почему русские чиновники руками и ногами отбиваются от конституции, грозящей публичным контролем над администрацией. Можно себе представить по этому примеру, какие денежки «зарабатывает» себе русская бюрократия на русско-японской войне, — какие суммы попали хотя бы при продаже немецких океанских пароходов России в карманы министерских чиновников в Питере! Народное бедствие — золотое дно для военных поставщиков и для продажных чиновников.

«Вперед» № 14, 12 апреля (30 марта) 1905 г.

С БОЛЬНОЙ ГОЛОВЫ НА ЗДОРОВУЮ *).

В № 92 «Искры» помещена статья «Зигзаги твердого курса» [103]), стремящаяся доказать, что «Вперед» на самом деле вовсе не держится твердо и неуклонно принципов и линии старой «Искры», а, напротив, зигзагом идет по следам новой «Искры». По существу, это утверждение настолько забавно, что серьезно на нем не стоило бы и останавливаться. Характерно тут не содержание новоискровской полемики, ибо она именно лишена содержания, а ее приемы. На приемах этих остановиться стоит; разбор их показывает нам, что есть полемика и полемика. За полемику старой «Искры» не любили, но ни один человек и не помышлял никогда о том, чтобы объявить эту полемику непринципиальной. За полемику новую «Искру» презирают, потому что и масса практиков-работников и последовательные рабочедельцы и «примиренцы» с Плехановым во главе видят непринципиальный характер полемики.

Какими приемами оперирует такая полемика, мы и намерены показать читателю.

Пойдем шаг за шагом вслед за «Искрой». «Вперед» толкает партию к расколу, — говорит она. Это неправда. Все, кто изучал партийный кризис не по россказням, а по документам, знают, что именно меньшинство сейчас же после второго съезда раскололо партию, но тайно, создав тайную организацию. Говоря теперь неправду, «Искра» лицемерит. За явный раскол можно ненавидеть, за тайный нельзя не презирать. «Вперед» не хочет тайного раскола, вот и все.

Далее, нас хотят изобличить в противоречии по вопросу об автономизме и централизме. Ленин де в «Шагах» **) уверял, что автономизм есть принцип оппортунизма, а теперь само Бюро К. Б. — стоит за возможно широкую автономию местных комитетов. Ленин уверял, что бюрократизм по отношению к демократизму есть организационный принцип революционной социал-

---

*) Опоздало по недостатку места [102]).

**) См. VI том Сочинений. *Ред.*

демократии по отношению к организационному принципу оппортунистов, а Б. К. Б. само говорит о бюрократизме. Таково содержание обвинения против нас. Оно опять построено на прямой неправде. Ленин в «Шагах» (и до «Шагов» в «Письме в редакцию «Искры»») десятки и сотни раз оговаривался, заявлял, напоминал и подчеркивал, что фразы против бюрократизма, за автономизм и пр. крайне неопределенны, имеют самый разнообразный, по произволу меняемый смысл. По существу дела, сотни раз говорил Ленин, этими фразами прикрывается исключительно желание кооптации. Эти слова Ленина подтвердились теперь целиком и документальнейшим образом. Если же согласиться брать эти слова принципиально, — говорил Ленин (*если* согласиться!), — тогда мы увидим следующее. Бюрократизм, вообще взятый, может означать канцелярщину, волокиту, бумажность, отписки. Такой бюрократизм нехорош, говорил Ленин и иллюстрировал свои слова на известном проекте устава Мартова. Для сколько-нибудь добросовестного читателя ясно, что Б. К. Б. говорит о таком бюрократизме, и обвинение «Вперед» в противоречии оказывается ребячеством. Бюрократизм может значить нарушение законных и, если позволительно так выразиться, «естественных» прав всякой оппозиции, борьбу с меньшинством неправильными средствами. Такой бюрократизм возможен, говорил Ленин, но в нем нет ничего принципиального. Бороться с ним следует, бороться выработкой конституционных гарантий прав меньшинства. Такие гарантии ясно, прямо и открыто предложили впервые твердокаменные или, по-нынешнему, впередовцы в известной декларации 22-х, которая вышла в августе, 7 месяцев тому назад, не вызвав с тех пор ни малейшей попытки новоискровцев недвусмысленно определить свое отношение к этой декларации.

Но кроме этих пониманий бюрократизма, антиавтономизма и пр. возможно действительно принципиальное понимание их, не как отдельных неправильностей, крайностей и пр., а как общих принципов всей организации. Такое понимание навязывали нам меньшевики, вопреки нашей воле, вопреки нашему сопротивлению. Ленин и в письме в ред. «Искры» и в «Шагах» сотни раз предостерегал против такого понимания, затемняющего конкретный и фактический ход кризиса и раскола. Ленин прямо призывал в «Письме в ред. «Искры»»: бросьте вздор, господа, тут на $^{9}/_{10}$ дрязги! На Ленина обрушились за это, и Ц. О. стал доказывать, что есть принципы. Ну, если так, тогда *принцип* автономизма есть действительно оппортунистический принцип соц.-дем. организации, отвечал Ленин и ответят всегда впередовцы. Если так, тогда ваши крики против бюрократизма принципиально вполне однородны с криками жоресистов во Франции, бернштейнианцев в Германии, реформистов в Италии. Вот как обстоит дело; чтобы убедиться в этом, стоит лишь по документам, а не по прият ель-

ским уверениям, изучать партийный кризис. Ленин еще на II съезде говорил бундовцу Либеру (смотри протоколы), что против мелочного централизма он будет защищать автономию «какого-нибудь» Тульского комитета *); Ленин ни звуком не возражал против обеспечения этой автономии в § 8 нашего партийного устава. Но *принципа* автономизма никогда не защищал ни Ленин, ни Б. К. Б.; его защищали Акимов, Либер, новоискровцы. Перед несведущим читателем нетрудно, конечно, запутать дело, выхватывая из разных мест сказанные при совершенно разных условиях, имеющие совершенно разный смысл словечки,— но к газетам, которые полемизируют путем таких выхватываний, относятся как к «Новому Времени».

Возьмите брошюру «Рабочего». В чем суть дела, запутываемая «Искрой»? В том, что беспринципные люди нарвались с своими криками о принципе автономизма и т. п., ибо ответом могло быть исключительно требование выборного начала. Тогда нарвавшиеся люди забили отбой. Впередовцы же говорили и говорят: щеголять фразами и «принципами» автономизма, демократизма неприлично, а если нужны серьезные, деловые изменения устава в духе возможного при русских условиях демократизма, то давайте прямо и открыто обсуждать их. «Вперед» сделал вызов «Рабочему»: укажите хоть одно место в соц.-дем. литературе, где бы так же ясно говорилось о необходимости принимать рабочих в комитеты партии, как у Ленина **). «Рабочий», сбитый с толку новоискровцами, ответил печатно, что принимает вызов; но оказалось, что он не понимает, что значит принять вызов, ибо никакого другого места он нигде не показал, а только погрозился «задать» Ленину или «расправиться» с ним [104]). Естественно, что «Вперед» не отвечал на эти страшные угрозы.

Возьмите далее вопрос об одном центре. Ленин де в «Шагах» говорил, что за один центр стояли оппортунисты, а теперь за один центр Б. К. Б. Опять та же грубая передержка, рассчитанная на несведущего или невнимательного читателя. Кто захочет прочесть «Шаги», тот увидит (на стр. 28-ой, заботливо обходимой фельетонистом «Искры»), что Ленин еще задолго до первой статьи большевика против двух центров (статьи Рядового в «Наших недоразумениях») [105]) писал, что идея двух центров «усчитывала временные (слушайте!) и особые нужды именно русского соц.-дем. рабочего движения в обстановке политического рабства, при условии создания первоначальной операционной базы революционного натиска за границей». «Первая идея,—говорится в «Шагах» тотчас же про идею централизма вообще,—как единственно (слушайте!) принципиальная, должна была (по плану старой «Искры»)

*) См. VI том Сочинений. *Ред.*
**) См. настоящий том, стр. 53. *Ред.*

проникать собой весь устав; вторая, как частная, порождаемая временными обстоятельствами места и образа действия, выражалась в кажущемся отступлении от централизма, в создании двух центров» (с. 28) *). Предоставляем теперь читателю судить о приемах полемики нашего партийного «Нового Времени»! «Искра» просто пытается обмануть читателя, скрыв от него 1) что Ленин давно указывал временное, *частное* значение идеи двух центров; 2) что поэтому отстаивание одного центра оппортунистами Ленин никогда не объяснял общими принципами, а исключительно «временными обстоятельствами места и образа действия», такими обстоятельствами, когда *фактически* стояло и должно было стоять за один центр оппортунистическое крыло партии. Что старая «Искра» была оплотом борьбы с оппортунизмом, это факт. Что на съезде именно оппортунистическое крыло составило меньшинство, это тоже факт. Что же удивительного, что теперь, когда новая «Искра» оказалась оппортунистической, когда Россия проявила больше принципиальной устойчивости и партийной выдержанности, чем заграница, что теперь «временные обстоятельства» изменились? Нас бы теперь нисколько не поразило, если бы рабочедельцы, Мартынов, «болото» и новоискровцы встали (к примеру скажем, на третьем съезде) за два центра, а все большевики (или почти все) — за один центр. Это было бы только изменением, сообразно «временным обстоятельствам», способов борьбы за те же самые принципы революционной социал-демократии, принципы старой «Искры», за которые Ленин и большевики неуклонно боролись и борются. Усматривать в таком повороте «чудеса» могут только люди нововременского типа. (Мы сказали, что за один центр могут быть почти все большевики. Как это будет на III съезде, мы еще увидим. Среди нас есть разные мнения о значении «временных обстоятельств места и образа действия», и мы все эти мнения сопоставим и «подытожим» на съезде.)

Кажется, приемы полемики новой «Искры» выясняются из предыдущего достаточно, и мы можем быть теперь более краткими. «Искра» говорит, что Б. К. Б. нарушило партийную дисциплину, созывая съезд вопреки уставу, помимо Совета. Это неправда, ибо Совет гораздо раньше нарушил устав, уклоняясь от съезда. Мы это давно и открыто изложили в печати (Орловский) [106]. После того, как меньшевики тайным расколом разорвали партию и обманами уклонились от съезда, нам никакого другого практического выхода из нелепого положения не было, кроме съезда вопреки воле центров. «Искра» говорит, что передовица № 9 «Вперед» — «Новые задачи и новые силы», настаивая на необходимости расширить весьма значительно число разнообразнейших партийных организаций, противоречит идее Ленинского параграфа

*) См. VI том Сочинений. *Ред.*

первого устава, ибо Ленин, защищая свою идею на съезде, говорил о необходимости сузить понятие партии. Это возражение «Искры» можно рекомендовать, как гимназическую задачу логики для обучения молодежи разбираться в полемике. Большевики говорили и говорят, что надо суживать партию до суммы, или комплекса, партийных организаций и затем увеличивать число этих организаций (см. протоколы съезда и «Шаги», стр. 40 и др., особ. 40—41 и 46). Новая «Искра» смешивает расширение *рамок* партии с расширением *понятия* партии, расширение *числа партийных организаций* с расширением партии *за пределы партийных организаций!* Чтобы пояснить эту головоломнейшую штуку, приведем примерчик не из мудреных: допустим для простоты, что вся армия состоит исключительно из людей одного рода оружия; состав армии надо сузить до суммы лиц, действительно, по проверке, умеющих стрелять, не позволяя отделываться фразами и уверениями в своей военной годности; затем надо всячески стараться расширить число людей, способных выдержать проверку в умение стрелять. Не начинаете ли вы теперь понимать немножечко, в чем дело, господа новоискровцы?

«Искра» пишет, изобличая «Вперед»: «Раньше требовались только выдержанные социал-демократы, которые должны быть признаны, как таковые, теперь в святая святых допускаются все элементы, кроме сознательно несоциал-демократических». Возьмите № 9 «Вперед» и читайте: «Пусть все... кружки, кроме сознательно несоциал-демократических, либо прямо входят в партию, либо *примыкают к партии* (курсив автора). В последнем случае нельзя требовать ни принятия нашей программы, ни обязательных организационных отношений с нами» *)... Неужели не ясно, что «Искра» совершает прямую передержку, смешивая то, что «раньше требовалось» для включения в партию, с тем, что «теперь допускается» для группы, примыкающей к партии? Большевики и раньше говорили и теперь во «Вперед» говорят, что самозачисление в партию есть интеллигентский анархизм, что члены партии должны признавать не на словах только «обязательные организационные отношения». Не понять этого может только тот, кто задается целью внесения путаницы. Лозунг «Вперед» был: для новых задач организуйте новые силы в партийные организации или, по крайней мере, в организации, примыкающие к партии. Лозунг «Искры» — «шире двери». Одни говорят: берите новых стрелков в свои полки, организуйте учащихся стрелять в подсобные отряды. Другие говорят: шире двери! пусть зачисляет сам себя в армию, кто как пожелает!

По вопросу об организации революции и организации вооружения «Искра» хочет уверить теперь, что у нее со «Вперед» нет

*) См. настоящий том, стр. 150. *Ред.*

разногласий. Мы спросим прежде всего: а как же Парвус? Если злодейский «Вперед» придумал разногласия, тогда почему вы не объяснитесь на чистоту с новоискровцем Парвусом, которого нельзя заподозрить в придирчивости к «Искре»? Ведь вы же сами первые должны были признать ваше несогласие с Парвусом? К чему же эта игра в прятки? По существу дела, новая «Искра» возражает тут «Вперед» совершенно так же, как «Рабочее Дело» возражало старой «Искре». Нельзя достаточно рекомендовать товарищам, интересующимся историей *своей* партии, перечитывать «Раб. Дело», особенно № 10 [107]). «Раб. Делу» показывали, что оно принижает задачи политической борьбы. Оно возражало: а «Искра» недостаточно оценивает экономическую борьбу. Новой «Искре» показывают, что она принижает задачи организовать революцию, проводить восстание, вооружать рабочих, задачи участия социал-демократии во временном революционном правительстве. Новая «Искра» возражает: а «Вперед» недостаточно оценивает стихийность революции и восстания, преобладание политики над «техникой» (вооружение). Однородная хвостистская позиция приводит к однородным доводам. Свое неуменье дать руководящий лозунг по вопросу о новых задачах люди прикрывают резонерством о том, что сугубо важны старые задачи. Выхватываются отдельные словечки, чтобы показать, как сам оппонент ценит значение старых задач, значение азбуки социал-демократии. Конечно, товарищи новоискровцы, мы очень ценим азбуку социал-демократии, но *мы не хотим оставаться вечно на одной азбуке*. Вот и все. Ни Парвус, ни Б. К. Б., ни «Вперед» никогда не вздумали бы спорить против той азбуки, что рабочие сами могут, будут и должны вооружаться, помимо организаций и партии. Но если «Искра» выдвигает, *как лозунг*, свое знаменитое «самовооружение» — тогда, разумеется, все улыбаются, видя такое раболепство перед стихийностью. Если «Искра», *поправляя* Парвуса, открывает новую, достойную глубокомысленнейших произведений Кричевского и Акимова, задачу «вооружать рабочих жгучей потребностью самовооружения», — тогда естественно, что она встречает только насмешку. Если «Искра» в такой момент, когда к старым задачам социал-демократии прибавились новые задачи вооружения масс, уличной борьбы и т. д., поспешно бросается принижать эти задачи (к осуществлению которых едва-едва приступлено) пренебрежительными мудрствованиями насчет «техники» и ее второстепенной роли, — если, вместо *дополнения* старых, обычных и постоянных политических задач партии новыми задачами «техники», «Искра» выдвигает рассуждение об *отделении* тех и других, тогда, разумеется, все относят эти рассуждения к новым вариантам хвостизма.

В заключение, как курьез, отметим попытку «Искры» свалить с себя добрую репутацию знаменитой теории о непроизведении

паники. «Искра» сама уже теперь называет этот вопрос «знаменитым», пытаясь доказать, что и Б. К. Б. тоже проповедует «непроизведение паники», когда в своем листке о восстании рекомендует быть осторожным (без крайней надобности) в уничтожении собственности мелких буржуа, чтобы понапрасну не запугать их [108]). «Искра» ликует: вот и вы не хотите запугивать!

Не правда ли, разве это не прелестно? Соглашение с земцами о непроизведении паники при мирном манифестировании сравнивается с предостережением против не вызываемого необходимостью разрушения собственности при восстании! И притом: с одной стороны, «демонстрации высшего типа», с другой — презренная, низменная «техника» вооруженной уличной борьбы... Один маленький вопрос, друзья: отчего это всякий социал-демократ *) соглашается и согласится с советом не запугивать мелких буржуа без надобности при восстании? и отчего, наоборот, ваш план земской кампании стал, по вашему собственному признанию, «знаменитым» среди с.-д.? отчего против него протестовали из ваших же рядов и Парвус и многие другие? отчего вы сами до сих пор стыдитесь опубликовать этот знаменитый план? Не оттого ли, что ваши советы в пресловутом вашем письме были так же неуместны и смехотворны, как советы Бюро бесспорны и общепризнаны социал-демократией?

«Вперед» № 15, 20 (7) апреля 1905 г.

---

*) Анархисты одни только выразили до сих пор несогласие с этим. Они обрушились на «Вперед» в своем листке, обнаружив полное непонимание различия между демократическим и социал-демократическим переворотом.

АГРАРНАЯ ПРОГРАММА ЛИБЕРАЛОВ.

В легальных газетах довольно давно уже было напечатано сообщение, что в Москве состоялось совещание земских деятелей, съехавшихся из разных местностей России. «Московские Ведомости» [109]) пробовали-было даже поднять шум по этому поводу, крича о допускаемых правительством в России революционных съездах, о необходимости съезда монархической партии и т. д., но никто серьезного внимания на эти крики не обратил, потому что полиции теперь слишком много дела с волнениями гораздо более серьезного порядка. Земцы же, повидимому, не вышли из рамок обычных конституционных пожеланий. Их совещания представляли из себя однако значительный интерес в виду того, что они охватили аграрный вопрос. Приводим целиком те положения, которые приняты были, по газетным сведениям, большинством голосов съезда:

«1) Государственное вмешательство в экономическую жизнь должно распространяться и на область аграрных отношений. 2) Правильная постановка аграрного законодательства обусловливается коренным преобразованием (??). 3) Предстоящая аграрная реформа должна быть построена на следующих началах: I. Улучшение экономического положения земледельческого класса путем обязательного выкупа из частновладельческих земель необходимых прирезок в интересах малоземельных групп разных категорий (разработка этого вопроса поручена нескольким лицам). II. Признание государственным земельным фондом казенных и части удельных земель; увеличение этого фонда путем покупки и выкупа частновладельческих земель и эксплуатация его в интересах трудящегося населения. III. Упорядочение условий аренды путем государственного вмешательства в арендные отношения. IV. Образование общественно-государственных посреднических комиссий для проведения в жизнь аграрных мероприятий согласно вышеуказанным началам. V. Правильная постановка на широких началах переселения и расселения, облегчение пользования различными видами кредита, реформа крестьянского банка и содействие кооперативным предприятиям. VI. Коренной пересмотр межевого законодательства в видах облегчения, ускорения и удешевления размежевывания земель, уничтожения чересполосицы частновладельческих и надельных земель, обмена участков и т. д.».

Прежде чем разбирать по пунктам эту чрезвычайно поучительную программу, остановимся несколько на ее общем значении. Несомненно, что один уже факт выступления с такой программой представителей помещичьего класса доказывает нагляднее длинных рассуждений, что Россия отличается какой-то крупной особенностью по сравнению со всеми западно-европейскими сложившимися капиталистическими нациями. Вопрос в том, какого именно рода эта особенность? Состоит ли она в полу-социалистическом общинном строе и соответственно этому в отсутствии у нас буржуазной интеллигенции и буржуазной демократии, как думали старые социалисты-народники и как думают отчасти «социалисты-революционеры»? Или она состоит в обилии крепостнических пережитков, которые опутывают нашу деревню, делая невозможным широкое и свободное развитие капитализма и порождая народническое настроение как-раз у элементов буржуазной демократии? От этого вопроса сколько-нибудь думающие социалисты не позволят себе отделаться уклончивыми отговорками, или ссылками на абстрактность и теоретичность вопроса, неуместную якобы в революционную эпоху, или указанием на факт крестьянских восстаний, достаточно объясняющий помещичью предупредительность. Уклончивость или беспринципность в теоретических вопросах как-раз в революционную эпоху равносильны полному идейному банкротству, ибо именно теперь нужно продуманное и твердое миросозерцание для того, чтобы социалист владел событиями, а не события владели им. Ссылка на крестьянские восстания тоже ничего не дает, ибо содержание программы, принятой теперь политически организованными в земские союзы землевладельцами, составляет пожелания, излагавшиеся в течение целого ряда десятилетий всей либеральной печатью и всеми либеральными деятелями. Народническая программа стала программой помещиков, — этот факт дает ясный политический ответ на поставленный нами вопрос. В революционную эпоху теоретические споры на общественные темы решаются открытым выступлением разных классов.

Посмотрим теперь поближе на аграрную программу либералов. Легальная печать наша склонна славословить по поводу нее. «Экономическая Газета» [110]), например, «констатирует факт выступления земских людей с аграрной программой, притом несравненно более крайней» (вот как!), «чем того можно было ожидать, исходя из обычного представления о современном составе земской среды» (т.-е. крайней с точки зрения гг. помещиков?). «Это свидетельствует, — продолжает газета, — что политическая земская группа обладает и политическим тактом и глубоким пониманием происходящих кругом нас явлений»...

Такт и понимание господ помещиков состоит в том, что, когда в область аграрных отношений начали вмешиваться активно и

определенно сами крестьяне, тогда помещики заговорили о необходимости вмешательства государственного. Старая и вечно новая история! Государственное вмешательство в аграрные отношения имело место в России постоянно: когда это было вмешательство в пользу высших классов, тогда это называлось на полицейском языке «порядком»; когда вмешательство начинается снизу, тогда говорят о «беспорядках». Но позвольте, какого именно вмешательства хотят помещики? Из их программы видно, что исключительно — вмешательства в отношения землевладения и землепользования. Все их меры, начиная от выкупа прирезок и кончая кредитом и обменом участков, относятся исключительно к тем, кто хозяйственно пользуется землей, т.-е. к разным разрядам хозяев. А бесхозяйные сельские рабочие? Ведь у нас в России в одних только «внутренних» 50 губерниях считали еще в 90-х годах прошлого века не менее *трех с половиной миллионов* батраков и поденщиков, для которых сельская работа по найму составляла главнейший источник средств существования. Теперь, несомненно, число сельскохозяйственных наемных рабочих еще более велико, при чем подавляющее большинство их совершенно или почти совершенно бесхозяйные. Помимо бездомовых и бесхозяйных у нас еще десять лет тому назад считали в указанных губерниях из десяти приблизительно миллионов крестьянских *хозяйств* свыше трех миллионов безлошадных. Вся эта масса — хозяева только по названию. Их самый жизненный интерес состоит в более высокой заработной плате, в более коротком рабочем дне, в более здоровых условиях труда. Гг. помещики благоразумно умалчивают о вмешательстве в отношения нанимателей к рабочим. И можно быть уверенным, что о таком вмешательстве не подумает даже никто серьезно, пока не вмешаются сами сельские рабочие.

Нам, социал-демократам, следует обратить на *это* вмешательство самое серьезное внимание. Этого требуют и непосредственные практические интересы движения и общие наши принципы. Буржуазно-демократический характер русского либерализма и русского народничества проявлялся и проявляется, между прочим, именно в том, что интересы мелкого сельского хозяйства совершенно заслоняют интересы сельского наемного труда. Конечно, убежденный народник, а подчас и «социалист-революционер», склонен считать это вполне естественным в виду «второстепенной» (в его воображении, но не в мужицкой жизни) роли наемного труда, в виду того, что при дальнейшем развитии «общинных традиций», «трудовых воззрений» и «уравнительного пользования» эта роль и совсем *могла бы* быть сведена на нет. Но эта склонность, какими бы горячими и искренними, социалистически-звучащими речами она ни мотивировалась, на самом деле свидетельствует о мелкобуржуазной ограниченности кругозора

и ни о чем более. Мечтательность этого рода, свойственная и русскому крестьянину, и русскому интеллигенту, есть мелкобуржуазная мечтательность. Цветы этой народнической мечтательности — именно те фальшивые цветы, которые украшают одну из цепей трудящегося человечества, и социал-демократическая критика должна беспощадно срывать такие цветы «не для того, чтобы человечество продолжало носить цепи в их форме, лишенной всякой радости и всякого наслаждения, а для того, чтобы оно сбросило цепи и протянуло руку за живым цветком».

Мы вполне сочувствуем крестьянскому движению. Мы считали бы громадным выигрышем и для всего общественного развития России и для русского пролетариата, если бы крестьянству удалось, при нашей помощи, революционным путем отобрать у помещиков *все* их земли. Но возьмите даже этот лучший исход,— *и тогда* масса сельскохозяйственных наемных рабочих могла бы лишь временно уменьшиться в числе, но никоим образом не могла бы исчезнуть. *И тогда* самостоятельные интересы сельских наемных рабочих остались бы самостоятельными интересами.

Переход земли в руки крестьян нисколько не уничтожил бы господства в России капиталистического способа производства, он дал бы, напротив, более широкую базу для его развития, он приблизил бы тип этого развития от какого-нибудь итальянского к американскому. Имущественные различия среди крестьян, которые громадны уже теперь и сравнительно мало заметны исключительно вследствие общей придавленности самодержавно-крепостническим строем, нисколько не перестали бы существовать. Увеличение внутреннего рынка, развитие обмена и товарного хозяйства в новом масштабе, быстрый рост промышленности и городов,— все эти неизбежные следствия серьезного улучшения положения крестьян неминуемо бы усиливали имущественные различия. Чем более распространены у нас иллюзии на этот счет, тем решительнее должна бороться против них социал-демократия, если она действительно хочет представлять интересы рабочего движения в его целом, а не в одной только его стадии *).

Пока не произойдет полного социалистического переворота, до тех пор никакие радикальнейшие и революционнейшие меры аграрных преобразований не устранят класса сельскохозяйственных наемных рабочих. Мечта о превращении всех людей в мелких буржуа есть реакционная пошлость. И вот почему мы должны уже теперь работать над развитием классового самосознания сельских наемных рабочих, над их самостоятельной классовой организацией. Городская стачечная волна может и должна перекинуться на деревню не только в виде крестьянских восстаний, но

*) Сравни помещаемую ниже статью Маркса 1846 года. (См. настоящий том, стр. 219—224. *Ред.*)

и в виде настоящих рабочих стачек, — особенно ко времени покоса и жатвы. Требования нашего рабочего отдела программы, предъявляемые в массе случаев городскими рабочими их хозяевам, должны предъявляться также, с соответственными изменениями сообразно различию бытовых условий, и сельскими рабочими. Надо пользоваться тем, что в России пока еще нет никаких особых законов, принижающих положение сельского рабочего в отличие от городского (если не считать закона о самовольном уходе с работы). Надо заботиться о том, чтобы волна пролетарского подъема заронила специально пролетарское настроение и пролетарские методы борьбы в среду батраков и поденщиков.

Мелко-буржуазный слой деревенского населения, крестьянство в собственном и тесном смысле слова, не может не быть революционным в известные исторические периоды. Его теперешняя революционность неизбежно вытекает из всех условий «старого порядка», и мы должны усиленно поддерживать и развивать ее.

Но так же неизбежно из условий жизни нового порядка, новой, свободной капиталистической России будет вытекать переход части мелких буржуа в деревне на сторону «порядка», — и, чем больше земли отберут теперь у помещиков крестьяне, тем скорее это произойдет. Действительным революционным классом, при всех и всяких условиях, до конца революционным классом может быть и в деревне лишь сельский пролетариат. Превращение убогого, забитого мужика в свободного, энергичного европейского фермера есть громадное демократическое приобретение, — но мы, социалисты, ни на минуту не забудем о том, что это приобретение принесет реальную пользу делу полного освобождения человечества от всякого гнета лишь тогда и лишь в той мере, в какой фермеру будет противостоять сознательный, свободный, организованный сельский пролетарий.

Господа либеральные помещики помалкивают о сельском рабочем. Относительно будущего фермера они направили все свои заботы на то, чтобы как можно скорее и с наименьшим ущербом для своего кармана (может быть, вернее сказать: с возможной пользой для своего кармана) превратить его в своего союзника, в хозяина-собственника, в опору порядка. Какими жалкими подачками мечтают они отделаться! Единственную революционную меру, конфискацию удельных земель, они ограничивают *частью* этих земель, боясь назвать конфискацию конфискацией и умалчивая о церковных землях. Обещая прирезку малоземельным, они крепко держатся за выкуп, не оговаривая ни единым словом, кто будет платить за эти выкупаемые земли. Они считают, очевидно, само собою разумеющимся, что платить будет мужик, — подобно знаменитому выкупу 1861 г. Помещики отдадут втридорога худшие свои земли, — вот что обещает их прирезка. Все предлагаемые ими меры насчет кредита, кооперации, обмена участков и т. д.

целиком входят в узкий собственнический круг интересов. Относительно аренды, — одного из самых больных вопросов крестьянского хозяйства, — они ограничиваются самым неопределенным лозунгом «упорядочения». Сюда может подойти все, что угодно, вплоть до поднятия арендных цен под видом нормировки, — мы уже отметили выше, что понимали и понимают под «порядком» представители правящих классов.

Но самым важным и самым опасным политическим пунктом либеральной программы мы считаем пункт об «общественно-государственных посреднических комиссиях». Вопрос о способе проведения аграрного преобразования имеет огромное значение, ибо именно от способа проведения зависит конкретно и реально более или менее серьезный характер преобразования. Народники приучили нас и по этому вопросу (как и по многим другим) обращать главное внимание на экономический выигрыш, игнорируя или недооценивая политическую сторону дела. Эта точка зрения, естественная для мелкого буржуа, понятная для «хозяина», абсолютно недопустима для социал-демократа. Для социал-демократа безразлично передвижение в классах или разрядах хозяев и собственников, если это передвижение не сопровождается политическим выигрышем, облегчающим классовую борьбу пролетариата. С точки зрения мелко-буржуазной мечтательности важны всякие прожекты насчет «уравнительного пользования» и т. п. С точки зрения социал-демократа все такие прожекты — пустое и вредное праздномыслие, отвлекающее общественное сознание от реальных условий реальных демократических приобретений. Социал-демократы никогда не забудут, что правящие классы всегда и везде стараются разъединить и развратить трудящихся экономическими подачками. В области земельных преобразований эта политика особенно для них легка и особенно умело ими проводится.

Тем с большей определенностью и решительностью должны мы настаивать на *коренном* требовании нашей аграрной программы: на учреждении революционных крестьянских комитетов, которые бы сами произвели действительно коренные (а не помещичьи — «коренные») аграрные преобразования. Без этого всякая аграрная реформа неизбежно и неминуемо превратится в новый обман, в новую ловушку, подобно знаменитой «реформе» 61 года. А ведь «общественно (?) - государственные посреднические комиссии» есть прямое подготовление ловушки! Под «обществом» мы разумеем помещиков, под «государством» чиновников. «Общественно-государственный» значит *помещичьи-чиновничий* и ничего более.

Вот на какой пункт должны мы обратить немедленно центр тяжести нашей агитации в деревне. Слышите ли, крестьяне? Вас еще раз хотят облагодетельствовать чиновническим путем, «упорядочить» вашу жизнь помещичьим вмешательством, «вы-

купить» вам земли по образцу проклятой памяти старого выкупа! Помещики так добры, так добры: видя, что у них земли грозят даром взять, они великодушно соглашаются их *продать,*— за сходную цену, разумеется... Согласны ли вы на такое помещичье и чиновничье вмешательство? Или вы хотите вмешаться *сами* и сами устроить себе свободную жизнь? Тогда соединяйтесь с городским пролетариатом, боритесь за республику, поднимайтесь на восстание, которое принесет вам революционное правительство и революционные крестьянские комитеты!

«Вперед» № 15, 20 (7) апреля 1905 г.

МАРКС ОБ АМЕРИКАНСКОМ «ЧЕРНОМ ПЕРЕДЕЛЕ».

В № 12 «Вперед» *) было упомянуто выступление Маркса по аграрному вопросу против Кригэ. Это было не в 1848 году, как ошибочно сказано в статье тов. —ъ, а в 1846 году. Сотрудник Маркса, Герман Кригэ, бывший тогда еще очень молодым человеком, переселился в 1845 году в Америку и основал там журнал «Volkstribun» («Народный Трибун») для пропаганды коммунизма. Однако он повел эту пропаганду так, что Маркс вынужден был от имени немецких коммунистов решительно восстать против компрометирования коммунистической партии Германом Кригэ. Критика направления Кригэ, напечатанная в 1846 году в «Westfälisches Dampfboot» **) и перепечатанная во втором томе Меринговского издания сочинений Маркса, представляет для современных русских социал-демократов громадный интерес.

Дело в том, что аграрный вопрос так же выдвигался тогда на одно из первых мест самым ходом американского социального движения, как теперь в России, при чем речь шла как раз не о развитом капиталистическом обществе, а о создании первоначальных, основных условий для настоящего развития капитализма. Это последнее обстоятельство особенно важно для параллели между отношением Маркса к американским идеям «черного передела» и отношением русских социал-демократов к современному крестьянскому движению.

Кригэ в своем журнале не давал никакого материала для изучения конкретных социальных особенностей американского строя, для выяснения истинного характера тогдашнего движения аграрных реформаторов, стремившихся к уничтожению ренты. Зато Кригэ (совсем как наши «социалисты-революционеры») облекал вопрос об аграрной революции в пышные, широковещательные фразы. «Каждый бедняк — писал Кригэ — тотчас же превращается

---

*) См. настоящий том, стр. 173. *Ред.*

**) — «Вестфальский Пароход» [111]). *Ред.*

в полезного члена человеческого общества, раз ему обеспечат возможность производительной работы. Таковая возможность будет обеспечена для него навсегда, если общество даст ему кусок земли, на котором он может прокормить себя и свою семью. Если эта гигантская земельная площадь (именно 1.400 миллионов акров северо-американских государственных земель) будет изъята из торгового оборота и в ограниченных количествах обеспечена труду *), тогда нищете в Америке будет положен одним ударом конец»...

Маркс возражает на это: «Можно было бы ждать понимания того, что не во власти законодателей декретами остановить развитие желанного для Кригэ патриархального строя в индустриальный или отбросить промышленные и торговые штаты восточного берега назад в патриархальное варварство».

Итак, перед нами настоящий план американского черного передела: изъятие массы земли из торгового оборота, право на землю, ограничение пределов землевладения или землепользования. И Маркс с самого начала выступает с трезвой критикой утопизма, указывает на неизбежность превращения патриархального строя в индустриальный, т.-е. на неизбежность развития капитализма, если говорить современным языком. Но было бы большой ошибкой думать, что утопические мечты участников движения заставляют Маркса отрицательно отнестись к самому движению вообще. Ничего подобного. Еще тогда, в самом начале своего литературного поприща, Маркс умел выделять реальное прогрессивное содержание движения от его мишурных идеологических облачений. Во втором отделе своей критики, озаглавленном: «Экономия (т.-е. политическая экономия) «Народного Трибуна», и его отношение к молодой Америке», Маркс писал:

«Мы вполне признаем движение американских национал-реформистов в его исторической правомерности. Мы знаем, что это движение стремится к достижению такого результата, который, правда, в данную минуту дал бы толчок развитию индустриализма современного буржуазного общества, но который, будучи плодом пролетарского движения, неизбежно должен в качестве нападения на земельную собственность вообще и в особенности при существующих в настоящее время в Америке условиях повести дальше, благодаря его собственным последствиям, к коммунизму. Кригэ, примкнувший вместе с немецкими коммунистами в Нью-Йорке к движению против ренты (Anti-Rent-Bewegung), облекает этот простой факт в напыщенные фразы, не вдаваясь в рассмотрение самого содержания движения. Он доказывает этим, что ему совершенно неясна связь между молодой Америкой и аме-

*) Вспомните, что писала «Рев. Россия» начиная с № 8 о перетекании земли от капитала к труду, о значении государственных земель в России, об уравнительном землепользовании, о буржуазной идее вовлечения земли в торговый оборот и пр. [112]). Совсем как Кригэ!

риканскими общественными условиями. Приведем еще пример его напыщенных фраз о плане аграриев парцеллировать землевладение в американском масштабе.

«В № 10 «Народного Трибуна», в статье «Чего мы хотим» говорится: «Американские национал-реформисты называют землю общим достоянием всех людей... и требуют принятия народным законодательством таких мер, чтобы 1.400 миллионов акров земли, не попавшие еще в руки грабителей спекулянтов, были сохранены, как неотчуждаемое общее достояние всего человечества». И вот, чтобы сохранить для всего человечества это не отчуждаемое и общее достояние, он принимает план национал-реформистов: «предоставить каждому крестьянину, из какой бы страны он ни был, 160 акров американской земли для его прокормления». В № 14 в статье «Ответ Конзу» (Konze) этот план излагается так: «Из этого нетронутого еще народного достояния никто не должен получить во владение больше 160 акров, да и это количество лишь при том условии, чтобы он сам их обрабатывал». Итак, в целях сохранения земли «неотчуждаемым общим достоянием» и при том «всего человечества» следует немедленно начать с того, что поделить эту землю. Кригэ воображает, что он в силах запретить каким-нибудь законом необходимые последствия этого передела: концентрацию, промышленный прогресс и т. д. 160 акров земли представляются ему, как нечто само себе равное, как будто бы стоимость такой земельной площади не была различна смотря по ее качеству. «Крестьяне» будут обмениваться между собой и с другими людьми, если не самой землей, то продуктами ее. А раз дойдет до этого, то скоро окажется, что один «крестьянин» и без капитала благодаря своему труду и большей природной плодородности своих 160 акров доведет другого до положения своего батрака. А затем, разве не все равно, земля ли или продукты земли, «попадут в руки грабителей спекулянтов»? Рассмотрим серьезно этот подарок, который Кригэ делает человечеству. 1.400 миллионов акров должны быть сохранены как неотчуждаемое общее достояние всего человечества. При этом каждому крестьянину должно достаться по 160 акров. Мы можем, след., сосчитать, как велико Кригэвское «человечество»: ровно $8^3/_4$ миллионов «крестьян» или, считая по 5 голов на семью, 43 миллиона человек. Мы можем равным образом сосчитать, как долго продлжатся эти «вечные времена», на которые должен «овладеть» всей землей пролетариат в качестве представителя «человечества» по крайней мере в Соединенных Штатах. Если население Соед. Штатов будет удваиваться так же быстро, как до сих пор, т.-е. каждые 25 лет, тогда эти «вечные времена» продлятся неполных 40 лет. В 40 лет будут заняты эти 1.400 миллионов акров, и последующим поколениям нечем будет и овладевать. Но так как даровая раздача земли чрезвычайно усилит иммиграцию, то

Кригэвские «вечные времена» могут окончиться еще раньше, особенно если принять во внимание, что количество земли на 44 миллиона человек не хватит даже для теперешнего европейского пауперизма, как отводный канал его. В Европе всякий десятый человек паупер: одни британские острова насчитывают их 7 миллионов. Подобную же политико-экономическую наивность встречаем в № 13 в статье «К женщинам», где Кригэ говорит, что если бы город Нью-Иорк отдал свои 52.000 акров земли на Лонг-Айленд, то этого было бы достаточно, чтобы «сразу» освободить Нью-Иорк навсегда от всякого пауперизма, нищеты и преступлений.

«Если бы Кригэ взглянул на движение, стремящееся к освобождению земли, как на необходимую при известных условиях первую форму пролетарского движения, если бы он оценил это движение, как такое, которое в силу жизненного положения того класса, от которого оно исходит, необходимо должно развиться дальше в коммунистическое движение, если бы он показал, каким образом коммунистические стремления в Америке должны были первоначально выступать в этой аграрной форме, на первый взгляд противоречащей всякому коммунизму, — тогда против этого ничего нельзя было бы возразить. Кригэ же объявляет эту форму движения известных действительных людей, имеющую лишь подчиненное значение, делом человечества вообще. Кригэ выставляет это дело как последнюю, высшую цель всякого движения вообще, превращая таким образом определенные цели движения в чистейшую напыщенную бессмыслицу. В той же статье 10-го номера он поет такие триумфальные песни: «И вот, таким образом исполнились бы, наконец, исконные мечты европейцев, для них была бы приготовлена по сю сторону океана земля, которую им оставалось бы взять и оплодотворить трудом рук своих, чтобы бросить в лицо всем тиранам мира гордое заявление: это *моя* хижина, которой вы не строили, это *мой* очаг, наполняющий ваши сердца завистью».

«Кригэ мог бы добавить: это *моя* куча навоза, произведенная мною, моей женой и детьми, моим батраком и моим скотом. И какие же это европейцы увидели бы тут осуществление своих мечтаний? Только не коммунистические рабочие! Разве те обанкротившиеся лавочники и цеховые мастера или разорившиеся крестьяне, которые стремятся к счастью снова стать в Америке мелкими буржуа и крестьянами! И в чем состоит мечта, осуществляемая при помощи этих 1.400 миллионов акров? Ни в чем другом, как в том, чтобы превратить всех людей в частных собственников. Такая мечта столь же не осуществима и столь же коммунистична, как мечта превратить всех людей в императоров, королей и пап».

Критика Маркса полна яда и сарказма. Он бичует Кригэ именно за те черты его воззрений, которые мы видим теперь у

наших «соц.-революционеров»: господство фразы, мелко-буржуазные утопии, выставляемые в качестве высшего революционного утопизма, непонимание реальных основ современного хозяйственного строя и его развития. С замечательной прозорливостью Маркс, тогда представлявший из себя лишь *будущего* экономиста, указывает на роль обмена, товарного хозяйства. Если не землей,— говорит он,— то продуктами земли крестьяне будут обмениваться, а этим уже все сказано! Вся эта постановка вопроса в очень и очень многом применима к русскому крестьянскому движению и его мелко-буржуазным «социалистическим» идеологам.

Но Маркс далек в то же время от простого «отрицания» этого мелко-буржуазного движения, от доктринерского игнорирования его, от боязни, свойственной многим начетчикам, запачкать себе руки прикосновением к революционной мелко-буржуазной демократии. Беспощадно высмеивая вздорность идеологических облачений движения, Маркс старается материалистически-трезво определить его *действительное* историческое содержание, его неизбежные последствия, которые должны наступить в силу объективных условий, независимо от воли и сознания, мечтаний и теорий тех или иных лиц. Маркс не порицает поэтому, а вполне одобряет поддержку этого движения коммунистами. Стоя на диалектической точке зрения, т. е. рассматривая движение всесторонне, принимая во внимание и прошлое и будущее, Маркс отмечает революционную сторону нападения на поземельную собственность, Маркс признает мелко-буржуазное движение за своеобразную первоначальную форму пролетарского, коммунистического движения. Того, чего вы мечтаете достигнуть этим движением, говорит Маркс по адресу Кригэ, вы не достигнете,—вместо братства наступит мелко-буржуазная обособленность, вместо неотчуждаемости крестьянских наделов—вовлечение земли в торговый оборот, вместо удара грабителям спекулянтам расширение базы для капиталистического развития. Но то капиталистическое зло, которого вы тщетно мните избежать, является исторически добром, ибо оно страшно ускорит общественное развитие и приблизит во много раз новые, высшие формы коммунистического движения. Удар, нанесенный поземельной собственности, облегчит неизбежные дальнейшие удары собственности вообще; революционное выступление низшего класса с преобразованием, временно дающим узенькое благоденствие далеко не всем, облегчит неизбежное дальнейшее революционное выступление самого низшего класса с преобразованием, которое действительно обеспечит полное человеческое счастье всем трудящимся.

Для нас, русских социал-демократов, постановка вопроса Марксом против Кригэ должна служить образцом. Действительный мелко-буржуазный характер современного крестьянского движения в России не подлежит сомнению; мы должны разъяснять это

всеми силами и беспощадно, непримиримо бороться со всякими иллюзиями всяких «социалистов-революционеров» или примитивных социалистов на этот счет. Особая организация самостоятельной партии пролетариата, стремящейся через все демократические перевороты к полной социалистической революции, должна быть нашей постоянной, ни на минуту не упускаемой из виду целью. Но отворачиваться поэтому от крестьянского движения было бы самым безнадежным филистерством и педантизмом. Нет, революционно-демократический характер этого движения несомненен, и мы должны всеми силами поддерживать его, развивать, делать политически-сознательным и классово-определенным, толкать его дальше, идти вместе с ним, рука об руку до конца, — ибо мы идем гораздо дальше конца всякого крестьянского движения, мы идем до полного конца самого деления общества на классы. Вряд ли найдется другая страна в мире, где бы крестьянство переживало такие страдания, такое угнетение и надругательство, как в России. Чем беспросветнее было это угнетение, тем более могучим будет теперь его пробуждение, тем непреоборимее будет его революционный натиск. Дело сознательного революционного пролетариата всеми силами поддержать этот натиск, чтобы он не оставил камня на камне в старой, проклятой, крепостнически-самодержавной рабьей России, чтобы он создал новое поколение свободных и смелых людей, создал новую республиканскую страну, в которой развернется на просторе наша пролетарская борьба за социализм.

«Вперед» № 15, 20 (7) апреля 1905 г.

ИЗОБЛИЧЕННЫЙ СОВЕТ [113]).

Только-что появилось отдельным оттиском из № 95 «Искры» постановление «Совета партии», помеченное 7-го апреля 1905 года, гор. Женева. Постановление это представляет из себя сплошную сеть «уклонений от истины». Отметим главнейшие.

Нам говорят, что Совет заботился о том, чтобы внутренняя борьба в партии не подрывала ее единства. Это неправда. Из неопровергнутых и неопровержимых документов все члены партии должны знать, что больше года назад, в январе 1904 г., члены Ц. К. Ленин и Васильев предлагали в Совете обратиться ко всей партии с призывом о прекращении бойкота и тайного присвоения кружками общепартийных денег *). *Совет отверг их предложение.* Совет вместо этого прямо принял участие *в тайном расколе* партии, освящая борьбу тайной организации меньшинства за «кооптацию». Эта борьба велась, как теперь доказано документально, со времени II съезда, т.-е. с августа 1903 г. по ноябрь или декабрь 1904 года.

Итак, с января 1904 года Совет являлся не высшим учреждением партии, а орудием тайной организации меньшинства. Существование этой организации признали публично и печатно не только примиренческий Ц. К., но и сама «Искра» во время перехода Ц. К. на сторону меньшинства.

Как орудие тайной организации меньшинства, Совет все усилия направлял на то, чтобы уклониться от общепартийного съезда, которого требовали комитеты. Целые полтора года социал-демократическая работа в России тормозилась дезорганизацией ее со стороны заграничного меньшинства. Целые полтора года вели комитеты в России непрерывную, отчаянную борьбу за съезд, борьбу против Женевского Совета, который или прятал комитетские резолюции, или возвращал их обратно с присовокуплением самых грубых ругательств («мошенники, пошлая комедия, фабрикация документов» — выражения из письма Мартова, см. бро-

---

*) См. VI том Сочинений. *Ред.*

шюру Орловского «Совет против партии»). Каждый крупный шаг этой мучительной борьбы против поведения деятелей тайного раскола засвидетельствован теперь документально в литературе. Еще в октябре 1904 года, т.-е. *полгода тому назад,* было доказано, например, в брошюре Орловского «Совет против партии», что Совет без объяснения причин уклонился от обязательного для него по уставу созыва съезда. Один за другим длинный ряд комитетов партии в России выражал после этого *формальное недоверие* Совету и всем центральным учреждениям. Но Совет не обращал на это никакого внимания, издеваясь без стеснения над партией. Совет был орудием меньшинства. Совет признает себя теперь прямо в постановлении от 7-го апреля 1905 г. *одной из спорящих сторон,* но в то же время он не стеснялся пользоваться титулом, правами и полномочиями *общепартийного* учреждения, отказываясь отдать партии полученный от нее мандат! Это было одним сплошным вопиющим нарушением доверия.

Когда, наконец, комитеты партии в России, видя, что Совет уклоняется от съезда, *сами созвали съезд* через выбранное ими на трех конференциях «Бюро», тогда *даже перешедший на сторону меньшинства Ц. К.* поспешил исправить свою ошибку. *Русский Ц. К.,* не только не сочувствовавший комитетам большинства, а даже боровшийся с ними, все-таки, *видя русские дела,* зная действительное преобладание большинства в России, должен был признать полную беспристрастность Б.К.Б. в созыве съезда, должен был *восстать против Совета.* В обращении ко всей партии от 12-го марта 1905 года русский Ц. К., как мы уже отмечали в печати и как знают из декларации все русские работники, *прямо восстает против Совета,* объявляя в 5-ом пункте этой декларации, что «резолюция Совета против съезда от 8-го марта (№ 89 «Искры») не признается основанием для приостановки работ по организации съезда».

Что значит это объявление, о котором так тщательно умалчивает наш Совет? Оно означает, что русский Ц. К., зная русские дела и, очевидно, проверив утверждение заграничного Совета, *признает эти утверждения* неверными, признает отговорки против созыва съезда вымышленными, признает факт требования съезда подавляющим большинством русских комитетов, имевших возможность ознакомиться с делом, *доказанным.*

Вот почему молчит о заявлении Ц. К. в пункте 5-м наш Совет! Потому что оно равносильно прямому признанию пред всей партией неверности утверждений Совета, признанию подделки общественного мнения партии Советом!

Напрасно поэтому пытается Совет еще раз ввести партию в заблуждение, предлагая совещания или соглашения спорящих сторон. *В России такое соглашение уже состоялось.* Русским центром меньшевиков был Ц. К.— это прямо было заявлено самой

«Искрой» в извещении о принятии меньшевистскими организациями июльской декларации Ц. К. Русским центром большинства было Бюро Комитетов Большинства. *Русские* центры обеих спорящих сторон *уже заключили соглашение об общем съезде.* Отсюда видно, что в России есть меньшевики, которые немножечко более ценят партийность и партийное единство, чем заграничные меньшевики. Отсюда видно, что сами русские меньшевики, в лице их центра, Центрального Комитета, изобличают заграничный Совет и отворачиваются от него. Отсюда видно, что после соглашения русских центров обеих спорящих сторон ни о каком соглашении с заграничным Советом, т.-е. с сидящими в Женеве джентльменами, не может быть и речи.

Напрасно поэтому наш Совет говорит о свержении его Ц. К. в будущем времени. Это не будущее, а прошлое. Пятый пункт воззвания Ц. К. к партии от 12-го марта 1905 года показывает всем, умеющим понимать смысл того, что они читают, что это свержение уже состоялось. Россия, в лице объединенных центров обеих сторон, свергла заграницу. Совет Партии представляет теперь не партию, а именно группу женевцев.

До какой степени верно это описание партийных дел, видно с особенной ясностью из следующего. Совет заявляет, что его постановление от 7-го апреля 1905 г. принято единогласно. Члены партии, читая это, конечно, должны думать, что в постановлении участвовало *и двое членов от Ц. К. в Совете.* Между тем такое предположение, которое старается вызвать у читателей Совет, остается под большим знаком вопроса.

Доказательство. Договор между Б. К. Б. и Ц. К., как мы уже указали в № 13 «Вперед», нам еще не дано права опубликовать. Но в то же время нам было сообщено, что по крайней мере один пункт этого договора подлежит опубликованию в том случае, если Совет партии примет постановление, направленное против созыва III партийного съезда.

Теперь этот случай наступил.

Теперь мы опубликовываем поэтому первый пункт неопубликованного договора:

«*Договор Б. К. Б. и Ц. К., подписанный 12-го марта 1905 года:*

Пункт первый: Организационный Комитет, из представителей Ц. К. и Б. К. Б., немедленно организует III партийный съезд независимо от той или иной резолюции по созыву съезда со стороны Совета».

Кажется, ясно?

Ц. К. особо оговорил свое неподчинение *будущим* резолюциям Совета, не опубликовывая этого временно на тот случай, если Совет в виде исключения поступит честно. Это значит, что русские меньшевики верили еще в возможность добросовестных действий со стороны Совета, хотя бы и в виде исключения.

*

Русские меньшевики, в лице их русского центра, теперь разочаровались.

Теперь вполне доказано, следовательно, что сам всецело настроенный в пользу Совета Ц. К. должен был разоблачить до конца своего заграничного коллегу.

Теперь нам остается только предложить читателям маленький заключительный вопрос: что надо думать после этого о сидящих в Женеве членах Совета, которые печатно и публично заявили, что постановление Совета от 7-го апреля 1905 г. в Женеве принято единогласно?

«Вперед» № 15, 20 (7) апреля 1905 г.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА Р. С.-Д. Р. П. ТОВ. ПЛЕХАНОВУ [114]).

Уважаемый товарищ!

17 (4) апреля Ц. К. обратился в Совет Партии с уведомлением о назначении представителями своими в Совет товарищей Иогансона и Валерьяна и с просьбой назначить по возможности в самом непродолжительном времени заседание Совета в составе, предписанном уставом партии.

Не получив ответа на эту просьбу, мы позволили себе обратиться к Вам с повторением ее и 22 (9) апреля получили ответ, в котором Вы отказываетесь назначить заседание Совета, пока мы будем «продолжать выступать в качестве нарушителей партийного устава и узурпаторов функций Совета».

Положение, созданное отказом созвать официальное заседание Совета, ставит нас в невозможность сделать Совету Партии ряд сообщений, а так как ждать с ними долее, по нашему мнению, невозможно, то мы принуждены обратиться к Вам перед лицом всей партии с письменным изложением главнейших заявлений, которые должны были быть сделаны нами в ближайшем заседании Совета.

1) Ц. К. заявляет Совету Партии, что к 17 (4) апреля высказались за созыв III партийного съезда следующие полноправные организации Партии — комитеты: Петербургский, Московский, Северный Союз, Нижегородский, Тверской, Тульский, Рижский, Сибирский Союз, Воронежский, Саратовский, Одесский, Кавказский Союз (8 гол.), Николаевский, Уральский, Орловско-Брянский, Курский, Смоленский, Полесский, Северо-Западный, Харьковский, Самарский, всего 21 организация, имеющих вместе право на 48 голосов. За созыв съезда высказался также Центральный Комитет, решив послать на съезд своего делегата и своих представителей в Совете Партии.

От комитетов Астраханского, Казанского, Кубанского, Донского, Горнозаводского Союза, Екатеринославского, Крымского

Союза, Лиги, редакции Центрального Органа и 3-х заграничных членов Совета резолюций или не получено, или получены резолюции о нежелательности созыва съезда.

Наконец Киевский комитет, хотя и принял 25 марта резолюцию против съезда, вслед затем выбрал делегата на съезд и послал его за границу.

Таким образом, из 75 голосов *), представляющих на съезде всю партию, 52 голоса (не считая Киевского комитета) высказались за созыв III партийного съезда.

При таких условиях Центральный Комитет считает необходимым настаивать через своих представителей в Совете Партии на немедленном исполнении Советом вытекающей из § 2 партийного устава формальной обязанности созывать съезд, когда того требуют партийные организации, имеющие вместе право на половину голосов на съезде.

Так как, по имеющимся у Ц. К. данным, за съезд сейчас высказалось гораздо больше требуемого уставом числа голосов (52 из 75), то объявление о созыве съезда должно быть сделано Советом немедленно и безоговорочно, без выставления каких-либо предварительных, не предусмотренных партийным уставом, условий или требований.

2) Центральный Комитет глубоко убежден, что вопрос такой чрезвычайной важности, как созыв партийного съезда в переживаемый сейчас партией и всей Россией момент, даже при искреннем желании всех членов Совета Партии, не может быть решен исключительно чисто-формальным путем. Наш партийный устав для этого недостаточно разработан и, например, на вопрос о сроке, в течение которого Совет Партии *обязан* созвать съезд, при наличности законного числа голосов, за него поданных, не дает никакого ответа. Центральным учреждениям партии по этому и другим вопросам приходится прибегнуть к *толкованию* устава и сообразоваться не только с формально выраженной волей партии, которая, как видно из п. 1, уже высказалась за съезд, но и с фактическим положением дел как в партии, так и в России вообще.

Ц. К. считает долгом довести до сведения Совета Партии, что развитие партийного кризиса в России достигло таких размеров, когда останавливается почти вся партийная работа. Положение в комитетах запуталось до последней степени. Нет почти ни одного тактического или организационного вопроса, который не возбуждал бы на местах самых ожесточенных разногласий между фракциями, при том чаще всего не столько по существу, сколько вследствие принадлежности спорящих к различным частям

---

*) Смотри список полноправных организаций, опубликованный в № 89 «Искры».

партии. Ни Совет Партии, ни Ц. О., ни Ц. К. не пользуются необходимым авторитетом у большинства партийных работников, повсюду возникают двойные организации, тормозящие работу друг друга и дискредитирующие партию в глазах пролетариата. Товарищам, занятым по преимуществу литературной работой, могущей идти безостановочно даже и в атмосфере недоверия со стороны значительной части партии, безвыходность, невыносимость того положения, в каком стоит сейчас общепартийное дело, быть может не так очевидны, как работникам практического центра, наталкивающимся в России с каждым днем в своей деятельности на все большие и большие затруднения. Наступил момент, когда развитие внутренних противоречий нашей партийной жизни давит на те узкие и, как теперь уже всем нам видно, далеко не совершенные уставные рамки, которые нам дал II партийный съезд. Необходимы новые формы или по крайней мере изменение старых, и сделать это может единственный законодатель соц.-дем. партии — партийный съезд, так как ему и только ему принадлежит издание *общеобязательных* норм, которых не может дать никакая конференция, никакое частное соглашение. В сознании важности скорейшего урегулирования партийного кризиса путем съезда, бо̀льшая часть российских комитетов уже приняла все меры к его скорейшему осуществлению, вплоть до выбора и посылки делегатов; при чем это относится не только к комитетам большинства, ранее высказавшимся за съезд, но и к большинству комитетов меньшинства, групп и периферий. Партия высказалась за съезд и затратила на его подготовку громадные средства и усилия. Центральные учреждения партии, не имея никакого формального права откладывать теперь, когда обязательность созыва съезда несомненна, объявление съезда, морально обязаны сделать со своей стороны все, чтобы эта затрата сил не пропала для партии даром. Задержка за границей на неопределенное время десятков наиболее активных товарищей делегатов, в которых так нуждается сейчас Россия, а тем более возвращение их в Россию со съезда, не состоявшегося только потому, что товарищи из Ц. О. не пожелали отступить от буквы партийного устава во имя его духа, во имя высшего интереса сохранения партийного единства, означали бы непозволительную растрату партийных сил и неспособность руководителей партии справиться с теми задачами, которые выдвинула перед ними партийная жизнь. Когда формы изжиты, когда растущей и развивающейся партии тесно в этих формах, нельзя видеть спасения только в том, чтобы в сотый и сотый раз твердить о святости буквы закона. Это не выход из кризиса, и единственным выходом может быть только созвание партийного съезда.

3) Ц. К., на основании § 6 устава партии, предоставляющего ему организацию и ведение всех предприятий, имеющих

общепартийное значение, отстаивает, как свое неотъемлемое и неподлежащее ограничению право, право принятия подготовительных мер и выполнения всей практической работы по организации партийных съездов. Всякую попытку вмешательства со стороны других учреждений партии в эту работу Ц. К., как единственный практический центр партии, считает нарушением партийного устава и отвергает, как посягательство на свои права. Что же касается прав, предоставляемых § 2 устава Совету Партии в деле созыва партийных съездов, то Центральный Комитет понимает их в смысле объявления созыва съезда Советом и контроля над фактически признанной Ц. К. работой.

На основании вышеизложенного, Ц. К. свое соглашение с Б. К. Б. по созыву III парт. съезда признает противоречащим уставу партии лишь постольку, поскольку в нем выражено (см. § 1 договора) намерение созвать съезд хотя бы без предварительного формального объявления его Советом Партии.

4) Ц. К. 25 (12) марта, получив сведения о резолюции 18 полноправных организаций партии, не считая самого Ц. К., за созыв III съезда, постановил довести об этом до сведения Совета и отправил Совету следующее заявление: «Ц. К. уведомляет Совет Партии, что в настоящее время (12 марта) 18 полноправных комитетов партии (не считая Ц. К.), т.-е. более половины решающих голосов, присутствие которых на 3-м съезде обеспечено уставом партии, высказалось за созыв 3-го партийного съезда. В самом ближайшем будущем ожидаются подобные же резолюции со стороны еще нескольких комитетов. При таких обстоятельствах Ц. К. считает необходимым немедленный созыв съезда и обращается к Совету Партии с просьбой объявить о его созыве, приняв соответствующие постановления. Все документы, имеющиеся по этому вопросу у Ц. К., в ближайшем будущем будут присланы в Сов. Парт.». Вместе с этим еще (23) 10 марта Ц. К. предложил своему агенту тов. Вадиму немедленно отправиться за границу с целью довести о положении дел в Совет Партии, в котором тов. Вадим был уполномочен заседать от Ц. К. По несчастному стечению обстоятельств, тов. Вадим был арестован, не доехав до границы. Что же касается приводимого здесь документа, в котором Ц. К. констатирует наличность резолюций, обязывающих Совет немедленно объявить созыв съезда, то по частным сведениям, полученным членами Ц. К., т.т. Иогансеном и Валерианом, 17/4 сего апреля от тов. Дейча, документ этот вовсе не был получен. Впоследствии тов. Дейч исправил это указание, заявив, что документ был получен в Локарно, но уже после заседания Совета 7 апреля. Недопущение нас, как представителей Ц. К., в заседание Совета лишает нас возможности выяснить, почему это заявление Ц. К. было доставлено членам Совета с таким опозданием. Однако, если даже

оно получилось после заседания 3-х членов Совета в Локарно, то ввиду важности документа, устанавливающего наличность данных для созыва съезда, товарищи из Ц. О. и 5-й член Совета должны были немедленно собраться и принять предписываемое уставом партии решение или, по крайней мере, ввиду неприезда представителя Ц. К., задержанного до границы, задержать опубликование постановления от 7 апреля.

5) Центральный Комитет оспаривает законность постановлений Совета Партии, состоявшихся с февраля 1905 г., так как с отъездом в конце января из-за границы т.т. Б-а и Второва Ц. К. никому не давал полномочия на представительство в Совете Партии. Еще задолго до настоящего конфликта Ц. К. с заграничными членами Совета, именно 14-го февраля 1904 года, общим собранием Ц. К. было принято постановление, разъясняющее § 4 устава о представительстве Ц. К. в Совете в том смысле, что входящие в Совет от Ц. К. члены получают полномочие от всей коллегии, и что даже члены Ц. К., находящиеся по тем или иным причинам за границей, не пользуются правом участия в заседаниях Совета, если об этом не состоялось резолюции общего собрания Ц. К.

Это разъяснительное постановление Ц. К. послужило основой для представительства Ц. К. за границей, и с февраля 1904 г. все без исключения представители Ц. К. выступали в Совете Партии не иначе, как после предварительного утверждения их общим собранием Ц. К. Тов. Глебов и Ленин, тов. Глебов во второй приезд его за границу, тов. Б., бывший представителем Ц. К. в Совете до своего отъезда в Россию, тов. Второв, ездивший за границу в январе с правом вступать по известным вопросам в переговоры с редакцией Ц. О. и участвовать в заседаниях Совета, все они получали свои полномочия не от того или иного члена Ц. К. или своего предшественника по представительству в Совете Партии, а от общего собрания Ц. К. Причины, побудившие Ц. К. принять упомянутое постановление 14 февраля 1904 г. и неуклонно придерживаться его во всей последующей практике, заключались в том, что подобная организация представительства Ц. К. в Совете являлась единственным средством предупредить выступление от имени Ц. К. в Совете Партии товарищей, не находящихся с Ц. К. в достаточно тесной связи и не знакомых в деталях с его политикой по всем вопросам партийной жизни. Мы скажем больше: назначение 2-х членов Совета *только общим собранием Ц. К.* было единственным средством обеспечить центру, работающему в России, влияние в Совете Партии, хоть сколько-нибудь приближающееся к тому, которым пользуются товарищи из Ц. О., преобладающие в Совете не только численно, но и по тому авторитету, который за некоторыми из них обеспечивают долгие годы славной борьбы в первых рядах не только россий-

ской, но и международной социал-демократии. Воздавая всегда должную дань уважения этим товарищам, членам Совета, Ц. К. нарушил бы, однако, свой долг перед всей Партией, если бы допустил хотя бы на короткое время такое изменение состава Сов. Парт., при котором дела решаются коллегией, состоящей исключительно из товарищей, хотя бы и очень заслуженных и почтенных, но силою обстоятельств не могущих стоять у непосредственной практической работы, которая ведется в России. Так как в просьбе назначить заседание Совета нам было отказано, то мы не могли убедиться, на каких основаниях тов. Дейч, назначенный тов. Второвым временным представителем Ц. К. в заграничной «технической комиссии», счел возможным выступать в Совете Партии от имени Ц. К., к работе которого в России он вообще никогда не имел никакого отношения. Ц. К. объявляет недействительным это выступление тов. Дейча, так как оно не было предварительно утверждено Ц. К., и если даже предположить, что тов. Второв (тогда еще только агент Ц. К.) или даже какой-либо из членов Ц. К. просил товарища Дейча представлять Ц. К. в Совете Партии, то незаконность позиции, занятой тов. Дейчем, этим не устраняется, так как указанное полномочие может быть дано только общим собранием Ц. К., а этого по отношению к представительству тов. Дейча в Совете сделано не было. На основании вышеизложенного Ц. К. считает все постановления Совета Партии, принятые после отъезда из-за границы тов. Б. и Второва, состоявшимися без всякого участия Ц. К., и требует пересмотра всех вопросов в новом заседании с приглашением законных представителей Ц. К.

6) Центральный Комитет отрицает право за Советом Партии судить какой-либо из центров и требовать от них безусловного подчинения всем постановлениям Совета. По уставу задача Совета согласовать и объединять деятельность Ц. К. и редакции Ц. О., в случае же конфликта одного из центров с Советом разрешение конфликта может быть дано, очевидно, только экстренным партийным съездом. Голос Совета Партии не может быть решающим в разногласиях между ним самим и которым-либо из центров, потому что в этом случае Совет явился бы одновременно и судьей и стороной. А между тем отказом созвать заседание Совета Партии с участием представителей Ц. К. последний фактически не только осужден тремя членами Совета (членами редакции Ц. О.), но уже и наказан лишением неотъемлемого, без нарушения устава, права своего представительства в Совете Партии.

Принимаются и другие меры заставить Ц. К. во что бы то ни стало подчиниться постановлениям 3-х членов Совета (члены ред. Ц. О.). Так, в ответ на законное требование Ц. К. своему же агенту за границей, тов. Дейчу, передать все технические и денежные дела Ц. К. назначенному для заведывания ими члену Ц. К.

товарищу Валериану, тов. Дейч ответил отказом, ссылаясь на конфликт Ц. К. с Советом.

Если таким образом Ц. К. в § 1 своего соглашения с Б. К. Б. выразил готовность созвать съезд даже в случае отказа Совета и тем впал в противоречие с уставом, то 3 члена Совета в свою очередь дважды нарушили устав, лишив Ц. К. права участия в Совете и права распоряжения и контроля над техническими и денежными предприятиями Ц. К. за границей (нарушение §§ 2 и 6 парт. устава).

Констатируя перед партией вышеизложенный, неразрешимый с точки зрения устава партии, конфликт между Советом Партии (представляемым лишь двумя членами от Ц. О. и 5-м членом Совета) и Ц. К., Ц. К., ввиду отказа председателя Совета Партии созвать Совет, заявляет, что этим своим резко нарушающим устав действием председатель Совета тов. Плеханов лишает Совет Партии возможности функционировать и тем самым самовольно фактически уничтожает Совет Партии.

Безусловное подчинение Ц. К. Совету Партии, на котором Вы, товарищ, настаиваете, как на непременном условии, без которого Совет не может быть созван, фактически сводится к откладыванию съезда на неопределенное время и к нарушению ясно выраженной воли партии.

Ставя свою лойяльность перед партией выше лойяльности перед 3-мя заграничными членами Совета, Ц. К. отдает весь этот конфликт на суд самой партии.

23 (10) апреля 1905 г. Центральный Комитет Р. С.-Д. Р. П.

*«Вперед» № 16, 30 (17) апреля 1905 г.
и отдельным листком.*

КОНСТИТУЦИОННЫЙ БАЗАР.

Булыгин занимается теперь, как справедливо говорят в петербургских аристократических кругах, выигрыванием времени. Он старается оттянуть, насколько возможно, обещанные царем реформы и свести их к пустякам, нисколько не уменьшающим власти самодержавного царя и самодержавного чиновничества. Вместо конституции он готовит, как мы уже указывали однажды во «Вперед» *), совещательную палату без всяких прав. Теперь мы имеем подтверждение сказанного нами, — именно текст Булыгинского проекта, опубликованный немецкой либеральной газетой «Vossische Zeitung» **). Авторами проекта называют, по сведениям этой газеты, Булыгина, Ермолова, Щербатова, Мещерского, графа Шереметева и князя Урусова. Содержание проекта следующее.

Для обсуждения (не более того!) и выработки всех законопроектов создаются два учреждения: 1) Государственное Совещание и 2) Государственное Собрание. Право внесения проектов закона принадлежит всякому члену Государственного Совещания и не менее как 20 членам Собрания. Законопроекты обсуждаются и принимаются Собранием, затем поступают в Совещание и наконец *идут на утверждение царя*. Царь решает, в какой форме проекты должны стать законами, или совершенно отклоняет их.

Булыгинская «конституция» таким образом вовсе не ограничивает самодержавие, вводя исключительно совещательные палаты: верхнюю и нижнюю! Верхняя палата или Государственное Совещание состоит из 60 выборных членов, избираемых дворянскими собраниями 60-ти губерний (польские в том числе), а затем из членов по назначению от царя из чиновников и офицеров. Общее число членов не свыше 120. Срок полномочий выбранных членов — трехлетний. Заседания Совещания публичны или закрыты для публики, по усмотрению самого Совещания.

Нижняя палата или Государственное Собрание состоит только из выборных членов (министры и главноуправляющие заседают

---

*) См. настоящий том, стр. 180. *Ред.*

**) — «Фоссова Газета». *Ред.*

по праву в обеих палатах), именно: по 10 выборных от каждой из 34 земских губерний (итого 340); по 8 выборных от 3-х губерний с земскими учреждениями, но без дворянских учреждений (итого 24); по 8 от 9 сев.-западных губерний (72); по 5 от 10 польских губерний (50); по 5 от трех остзейских (15); 30 от Сибири; 30 от Кавказа; 15 от Средней Азии и Закаспийской области; 32 от Финляндии; 20 от больших городов (СПБ. — 6, Москва — 5, Варшава — 3, Одесса — 2, Лодзь, Киев, Рига и Харьков по одному); 10 от православного духовенства; по одному от католиков, лютеран, армян, магометан и евреев. Всего, значит, 643 члена. Это собрание выбирает исполнительный комитет из председателя, двух вицепредседателей и 15 членов. Срок полномочий трехлетний. Исполнительный комитет—учреждение постоянное; Собрание заседает лишь дважды в год, февраль — март и октябрь — ноябрь. Заседания публичны или закрыты, по усмотрению Собрания. Члены собрания на время их полномочий неприкосновенны. Избираемы могут быть лишь российские подданные, не моложе 25 лет, умеющие говорить и писать по-русски. Они получают жалованье по 3.000 рублей в год.

Выборы организуются так. В 34 земских губерниях по 2 члена выбираются дворянским собранием, по 3 губернским земским собранием, один от городов через особых выборщиков, три от крестьян через особых выборщиков, один от купцов тоже через выборщиков. На подобных же началах выбираются депутаты и от неземских губерний, — мы не воспроизводим всех этих нелепых канцелярско-полицейских учреждений. Для иллюстрации того, как предполагается организовать непрямые выборы, приведем лишь порядок выбора крестьянских депутатов в земских губерниях.

Каждая волость выбирает по 3 выборщика. Они собираются в уездном городе и *под председательством предводителя дворянства* (!) выбирают трех выборщиков второй степени. Эти выборщики собираются в губернском городе под председательством губернского предводителя дворянства и выбирают трех крестьянских депутатов исключительно из крестьян же. Выборы таким образом трехстепенные!

Недурно работает г. Булыгин. Недаром он получает царское жалованье. Его конституция, как видит читатель, есть сплошное издевательство над народным представительством. Самодержавная власть, как мы уже указали, ни в чем не ограничивается. Обе палаты носят характер исключительно совещательный, решает же всецело и исключительно царь. Это значит — поманить, но ничего не дать. Характер «представительства», во-первых, специально *дворянский, помещичий.* Дворяне имеют половину голосов по выборам в верхней палате, а в нижней около половины (в земских губерниях из 10 выборных от губерний 2 от дворян

прямо и 3 от дворянских же в сущности земских собраний). Крестьяне до смешного оттерты от выборов. Трехстепенные выборы просеивают черный народ с сугубой тщательностью перед допуском его в Собрание.

Во-вторых, всего более обращает на себя внимание *полное исключение рабочих.* Все представительство этого бараньего парламента построено на сословном начале. «Сословия» рабочих нет, да и быть не может. Городские и купеческие выборы процеживают через разные разряды выборщиков исключительно промышленную и торговую буржуазию, при чем крайне поучительно, что эта буржуазия сугубо оттирается на задний план даже по сравнению с дворянством. Царские слуги, как видно, не очень-то боятся помещичьего либерализма: они достаточно проницательны, чтобы за этим поверхностным либерализмом рассмотреть глубоко-консервативную социальную природу «дикого помещика».

Широкое ознакомление рабочих и крестьян с Булыгинской конституцией чрезвычайно полезно. Едва ли можно нагляднее показать истинные стремления и классовую основу стоящей будто бы над классами царской власти. Едва ли можно представить себе лучший материал для предметных уроков о всеобщем, прямом и равном избирательном праве с тайным голосованием.

Интересно также сопоставить с этой помещичьи-чиновничьей куцой «конституцией» последние известия о русских политических партиях. За исключением крайних партий, террористов и реакционеров, один английский корреспондент (который, очевидно, вращается в «обществе» и потому черного народа вроде рабочих не видит) насчитывает три партии: 1) консервативную или панславистскую («славянофильская» система: царю — силу власти, подданным — силу мнения, т.-е. представительное собрание с совещательным только голосом); 2) либеральная или «оппортунистическая» партия (вождь Шипов, программа, как у всяких оппортунистов, «между двух стульев») и 3) радикальная *или* (характерное «или»!) конституционная партия, включающая большинство земцев, профессоров «и студентов» (?). Программа — всеобщее избирательное право и тайное голосование при выборах *).

Консерваторы, будто бы, теперь собираются в Петербурге, либералы в начале мая в Москве, радикалы в то же время в Петербурге. Правительственные сферы рассматривают, дескать, всеобщее избирательное право с тайной подачей голосов, как равносильное «*провозглашению республики*». «Радикалы» из всех партий — самая многочисленная.

*) Как увидит читатель из следующей статьи этого номера нашей газеты [115]), события уже опередили группировку партий, данную английским корреспондентом. Но это обстоятельство не мешает правильности выводов, делаемых автором настоящей статьи.

Булыгинский проект, повидимому, и есть проект консервативной партии. Освобожденский проект очень похож на программу «радикальной или конституционной» (на самом деле вовсе не радикальной и плохо-конституционной) партии. Наконец, «либеральная», Шиповская, партия хочет, вероятно, немножечко побольше, чем предлагает Булыгин, и немножечко поменьше, чем требуют конституционалисты.

Базар идет на славу. Расторговываются хорошо. Запрашивают хорошие господа из общества, запрашивают и прожженные господа из придворных. Все идет к тому, чтобы скинули с цены и те, и другие, а затем... по рукам, *пока рабочие и крестьяне не вмешались.*

Правительство ведет ловкую игру: консерваторов оно пугает либералами, либералов пугает «радикальными» освобожденцами, освобожденцев стращает республикой. В переводе на классовый язык интересов и главного интереса — эксплуатации рабочих буржуазией — эта игра значит: давайте-ка, господа помещики и купцы, сторгуемся, поделимся по-доброму властью мирком да ладком, пока не поздно, пока не поднялась настоящая народная революция, пока не встал весь пролетариат и все крестьянство, которых куцыми конституциями, косвенными выборами и прочим чиновничьим хламом не накормишь.

Сознательный пролетариат не должен делать себе никаких иллюзий. Только в нем, только в пролетариате, поддерживаемом крестьянством, только в их вооруженном восстании, только в их отчаянной борьбе с лозунгом «смерть или свобода» лежит залог действительного освобождения России от всего крепостнически-самодержавного строя.

«Вперед» № 16, 30 (17) апреля 1905 г.
Подпись: К — в.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОФИЗМЫ.

Русская революция еще только началась, а между тем она уже обнаруживает с полной ясностью обычные черты политических революций буржуазии. Низы борются, верхи пользуются. Все неимоверные тягости революционной борьбы всецело пали и падают на пролетариат, как класс, да на отдельных выходцев из буржуазной интеллигентной молодежи. Все завоеванные уже отчасти свободы (вернее: мизерные доли свободы) достаются на девять десятых общественным верхам, нетрудящимся классам. В России, вопреки закону, господствует теперь свобода слова, собраний и печати, несравненно большая, чем 10 лет тому назад, чем год тому назад, но пользуются этим в сколько-нибудь широких размерах лишь буржуазные газеты, лишь «либеральные» собрания. Рабочие рвутся к свободе, пробивая себе дорогу сплошь да рядом в неведомые для них дотоле и считавшиеся совершенно недоступными области, но это просачивание пролетарского элемента не опровергает, а подтверждает нашу мысль. Активность участия в политической борьбе обратно пропорциональна активности присвоения плодов борьбы. Соотношение между легальным и нелегальным (т.-е. допускаемым законом и противозаконным) движением тем более «выгодно», чем выгоднее в общественно-экономическом строе положение того или иного класса. Движение либеральной буржуазии разлилось, особенно после 9 января, так широко в *терпимых* законом формах, что нелегальное либеральное движение блекнет у нас на глазах с поразительной быстротой. Движение рабочего класса, *несмотря* на то, что оно облеклось в один из самых важных его моментов в архи-«законную» форму (подача прошения царю петербургским рабочим народом), оказалось сугубо-незаконным и подлежащим сугубо-суровой, военной расправе. Движение рабочего класса стало еще несравненно шире, но соотношение легального и нелегального элемента не изменилось почти в пользу первого.

Отчего эта разница? Именно от того, что весь общественно-экономический строй России обеспечивает наибольшие плоды

тому, кто наименее трудится. При капитализме не может быть иначе. Это — закон капитала, подчиняющий себе не одну экономическую, а и политическую жизнь. Движение низов поднимает революционную силу; оно поднимает такую массу народа, которая, во-первых, способна произвести настоящую ломку всего гнилого здания и которая, во-вторых, никакими особенностями своего положения не привязана к этому зданию, которая охотно свалит его. Мало того, она, даже не вполне сознавая свои цели, все-таки способна и склонна свалить его, ибо положение этой народной массы безвыходно, ибо вечный гнет толкает ее на революционный путь, а терять ей нечего кроме цепей. Эта народная сила, пролетариат, кажется такой грозной владыкам гнилого здания, потому что в самом положении пролетариата есть нечто угрожающее всем эксплуататорам. В силу этого самое маленькое движение пролетариата, как бы скромно оно ни было в начале, из какого бы мелкого повода ни исходило, неминуемо грозит перерасти свои непосредственные цели и стать непримиримым, разрушительным для *всего* старого строя.

Движение пролетариата, в силу самых основных особенностей в положении этого класса при капитализме, имеет непреклонную тенденцию стать отчаянной борьбой за *все*, за полную победу над всем темным, эксплуататорским, порабощающим. Движение либеральной буржуазии, напротив, по тем же причинам (т.-е. в силу основных особенностей положения буржуазии) имеет тенденцию к сделкам вместо борьбы, к оппортунизму вместо радикализма, к скромному учету наиболее вероятных и возможных ближайших приобретений вместо «нетактичной», смелой и решительной претензии на полную победу. Кто борется настоящим образом, тот естественно борется за *все;* кто предпочитает сделки борьбе, тот, естественно, наперед указывает те «кусочки», которыми он склонен в самом лучшем случае удовлетвориться (в худшем случае он удовлетворяется даже отсутствием борьбы, т.-е. мирится надолго с владыками старого мира).

Вот почему вполне естественно, что социал-демократия, как партия революционного пролетариата, так заботливо относится к своей *программе,* так тщательно определяет задолго вперед свою конечную цель, — цель полного освобождения трудящихся, — так ревниво относится ко всяким поползновениям урезать эту конечную цель; по тем же причинам социал-демократия так догматически строго и доктринерски непреклонно отделяет мелкие, ближайшие экономические и политические цели от конечной цели. Кто борется за *все,* за полную победу, тому нельзя не остерегаться, как бы мелкие приобретения не связали рук, не сбили с пути, не заставили забыть о том, что еще сравнительно далеко и без чего все мелкие завоевания — одна суета сует. Наоборот, для партии буржуазии, хотя бы самой свободолюбивой и самой

народолюбивой, непонятна и чужда эта заботливость о программах, вечно критическое отношение к небольшим постепенным улучшениям.

На такие мысли навел нас «Проект русской конституции», выпущенный на-днях редакцией «Освобождения» под заглавием: «Основной государственный закон Российской Империи». Проект этот, известный уже довольно давно в России, издан теперь с примечаниями и объяснительной запиской, как «единственное полное, окончательное и самими авторами просмотренное издание». Оказывается, он не принадлежит «Союзу Освобождения», он выработан лишь частной группой, принадлежащей к этому Союзу. Таким образом, мы видим здесь еще и еще раз ту боязнь ясной, определенной, открытой программы, которая свойственна либерализму. Либеральная партия обладает в России неизмеримо большими денежными средствами и литературными силами, неизмеримо большей свободой движения на легальной почве, чем социал-демократия, — и в то же время ее отсталость от социал-демократии в отношении программной определенности бросается в глаза. Либералы прямо избегают программ, они предпочитают отдельные противоречивые заявления в своем органе (напр., по вопросу о всеобщем избирательном праве) или «проекты» частных групп, ни в чем не связывающие всю партию (или весь Союз Освобождения) как целое. Это не может быть случайностью, конечно; это — неизбежный результат социального положения буржуазии, как класса, в современном обществе, — класса, сжатого между самодержавием и пролетариатом, раскалываемого на фракции из-за мелких различий в интересах. Политические софизмы вытекают из этого положения вполне естественно.

На одном из таких софизмов мы хотели бы теперь остановить внимание читателей. Основные черты освобожденского проекта конституции известны: сохраняется монархия, — вопрос о республике даже не обсуждается (очевидно, «реальные политики» буржуазии считают этот вопрос не серьезным!), создается *двухпалатная* система парламента с всеобщим, *прямым*, равным и тайным голосованием для нижней палаты, с *двустепенными* выборами в верхнюю палату. Представители в верхнюю палату избираются земскими собраниями и городскими думами. Останавливаться на частностях этого проекта мы считаем лишним. Интересен его общий план и его «принципиальная» защита.

Государственную власть наши прекраснодушные либералы стараются возможно более равномерно и «справедливо» поделить между тремя силами: монарх, верхняя палата (Земская Палата), нижняя палата (Палата Народных Представителей): самодержавная бюрократия, буржуазия, «народ» (то-есть пролетариат, крестьянство и мелкая буржуазия вообще). Либеральные публицисты

мечтают в глубине души о том, чтобы борьбу между этими различными силами и различными комбинациями этих сил заменить «справедливым» совокуплением их в одно единство... на бумаге! Надо позаботиться о постепенном, уравновешенном развитии, надо оправдать всеобщее избирательное право с точки зрения консерватизма (предисловие г-на Струве к рассматриваемому проекту); надо реальное обеспечение интересов правящих классов (т.-е. реальный консерватизм) создать в виде монархии и верхней палаты; надо приодеть всю эту якобы хитрую, а на деле пренаивную, конструкцию высокопарными софизмами. Русскому пролетариату долгое и долгое время придется считаться с либеральными софизмами. Пора начинать поближе знакомиться с ними!

Защиту двухпалатной системы либералы начинают с разбора предполагаемых возражений против нее. Характерно, что эти возражения целиком заимствуются из обычного круга либерально-народнических идей, которые пропагандируются широко нашей легальной печатью. Дескать, русское общество имеет «глубоко демократический характер», в России ничего не существует подобного высшему классу, сильному политическими заслугами, богатством и пр., ибо дворянство у нас было служилым сословием без «политического честолюбия», да и материальное значение его «подорвано». С точки зрения социал-демократа, смешно даже брать в серьез эти народнические фразы, в которых нет ни слова правды. Политические привилегии дворянства в России общеизвестны; его сила видна сразу из тенденций консервативной и умеренной или Шиповской партии; его материальное значение «подрывается» лишь буржуазией, с которой дворянство сливается, при чем весь этот подрыв нисколько не мешает тому, что в руках дворянства сосредоточены гигантские средства, позволяющие грабить десятки миллионов трудящихся. Сознательные рабочие не должны делать себе иллюзий на этот счет, народнические фразы о ничтожестве русского дворянства нужны либералам только для того, чтобы позолотить пилюлю грядущих конституционных привилегий дворянства. Такая либеральная логика психологически неизбежна: надо представить наше дворянство ничтожным, чтобы изобразить ничтожным отступлением от демократизма привилегии дворянства.

Психологически неизбежны также, при положении буржуазии между молотом и наковальней, идеалистические фразы, которыми оперирует теперь с таким безвкусием наш либерализм вообще и его излюбленные философы в особенности. «Для русского освободительного движения,— читаем мы в объяснительной записке, — демократия есть не только факт, но и морально-политический постулат. Выше исторического оправдания для всякой общественной формы оно ставит оправдание нравственное»...

Недурной образчик той напыщенной и лишенной всякого содержания фразеологии, которой «оправдывают» наши либералы свои подходы к измене демократии! Они жалуются на «*худшие нарекания* (?), высказываемые против русской либеральной партии со стороны представителей более крайних элементов, будто эта партия стремится на место самодержавия бюрократического поставить самодержавие буржуазно-дворянское», — и в то же время единственное действительно демократическое учреждение своего проекта, Палату народных представителей, наши либералы заставляют делиться властью и с монархией и с верхней, земской палатой!

Вот их «нравственные» и «морально-политические» доводы за верхнюю палату. Во-первых, «двухпалатная система существует в Европе повсюду, за исключением Греции, Сербии, Болгарии и Люксембурга»... Значит, не повсюду, если есть ряд исключений? И потом что же это за довод: в Европе очень много антидемократических учреждений, поэтому... поэтому их надо перенимать нашему «глубоко-демократическому» либерализму? Второй довод: «опасно сосредоточивать законодательную власть в руках одного органа», надо создать другой орган, чтобы исправлять ошибки, «слишком поспешные» решения... «должна ли Россия оказаться смелее Европы»? Итак, русский либерализм не хочет быть смелее европейского, который *заведомо* уже потерял всю свою прогрессивность из страха пред пролетариатом! Нечего сказать, хороши вожаки «освободительного» движения! Еще ни единого сколько-нибудь серьезного шага к свободе Россия не сделала, а либералы уже боятся «поспешности». Разве этими доводами, господа, нельзя оправдать и отказа от всеобщего избирательного права?

Третий довод: «одна из главных опасностей, угрожающих всякому политическому порядку в России, — это превращение в режим якобинской централизации». Какие ужасы! Оппортунисты-либералы, видимо, не прочь позаимствовать оружие против демократизма народных низов у оппортунистов социал-демократии, новоискровцев. Вздорное пугало «якобинства», вытащенное Аксельродом, Мартыновым и К°, служит полезную службу освобожденцам. Но позвольте, господа, если бы вы в самом деле боялись крайностей централизма (а не «крайностей» последовательного демократизма), то зачем бы это было *ограничивать* вообще избирательное право в *местные*, земские и городские учреждения?? А ведь вы ограничиваете его. Вы постановляете статьей 68-й вашего проекта, что «каждое лицо, имеющее право участия в выборах в Палату Народных Представителей, имеет право такого же участия в местных выборах, *если оно имело оседлость в данном уезде или городе в течение определенного срока, не превышающего одного года*». Ведь эта статья вво-

дит *ценз,* ведь она делает избирательное право фактически *не всеобщим,* ибо всякий понимает, что как раз рабочим, батракам, поденщикам всего чаще приходится кочевать из города в город, из уезда в уезд, не имея прочной оседлости. Капитал перебрасывает рабочие массы из конца в конец страны, лишает их оседлости, и *за это* рабочий класс должен терять часть своих политических прав!

Это ограничение всеобщего избирательного права проводится как раз для тех земских и городских учреждений, которые выбирают верхнюю, земскую палату. Для борьбы якобы с крайностями якобинского централизма служит *двоякое* отступление от демократизма: во-первых, ограничение *всеобщего* избирательного права цензом оседлости, во-вторых, отказ от принципа *прямого* избирательного права введением двухстепенных выборов! Неужели отсюда еще не ясно, что пугало якобинизма служит только всяческим оппортунистам?

Да, недаром г. Струве выразил свою принципиальную симпатию социал-демократическим жирондистам, — новоискровцам, недаром он расхваливал Мартынова, знаменитого борца против «якобинизма». Социал-демократические враги якобинизма прямо мостили и мостят дорожку для либеральных буржуа.

Утверждение освобожденцев, что именно верхняя палата, выбираемая земскими учреждениями, способна выражать «начало децентрализации», выражать «момент многообразия различных частей России» есть величайший вздор. Децентрализация не может выражаться ограничением всеобщности выборов; многообразие не может выразиться ограничением принципа прямых выборов. Не в этом суть дела, которую стараются затемнить освобожденцы. Суть в том, что верхняя палата неизбежно станет, по их системе, *преимущественно* и главным образом органом дворянства и буржуазии, ибо именно пролетариат всего более оттесняется цензом оседлости и двухстепенной системой выборов. Эта суть дела настолько ясна всякому, сколько-нибудь знакомому с политическими вопросами, что сами авторы проекта предвидят неизбежное возражение.

«Но скажут, — читаем в записке, — как бы ни были организованы выборы, преобладающее значение в местной жизни имеет шансы остаться *за крупными землевладельцами и предпринимательским классом.* Нам думается» (какая глубокодемократическая дума!), «что и здесь сказывается преувеличенный страх перед «буржуазным элементом». Нет ничего несправедливого (!!) в том, чтобы землевладельческий и промышленный класс получил достаточную (!) возможность представлять свои интересы (всеобщего избирательного права буржуазному элементу не достаточно!), раз рядом с этим открывается широкая возможность представительства других групп населения. Нравственно недопустимы и политически опасны лишь привилегии»...

Пусть запомнят себе рабочие хорошенько эту «либеральную» нравственность. Она позволяет хвастаться демократизмом, осуждать «привилегии» и *оправдывать* ценз по оседлости, двухстепенные выборы, монархию... Монархия, должно быть, не есть «привилегия», или это — привилегия нравственно допустимая и политически неопасная!

Хорошо начинают наши вожаки «освободительного» движения из общества! Даже в самых смелых своих проектах, нисколько не связывающих всю их партию, они уже выдумывают заранее оправдание реакции, защищают привилегии буржуазии, софистически доказывая, что привилегия не есть привилегия. Даже в своей наиболее свободной от материальных расчетов, наиболее далекой от непосредственно политических целей литературной деятельности они уже проституируют понятие демократизма и клевещут на наиболее последовательных буржуазных демократов-якобинцев эпохи великой французской революции. Что же будет дальше? Как заговорят ответственные перед партией и деловые политики либеральной буржуазии, если самые идеалистические либералы занимаются уже теперь теоретическим подготовлением предательства? Если самые смелые пожелания крайней левой освобожденства не идут дальше монархии с двухпалатным парламентом; если только этого *запрашивают* идеологи либерализма, то на чем же *сторгуются* дельцы либерализма?

Для революционного пролетариата политические софизмы либерализма дают маленький, но ценный материал для знакомства с действительной классовой природой даже передовых элементов буржуазии.

«Вперед» № 18, 18 (5) мая 1905 г.

III СЪЕЗД Р. С.-Д. Р. П. [116])

28 (12) АПРЕЛЯ — 10 МАЯ (27 АПРЕЛЯ) 1905 г.

Россійская Соц.-Дем. Рабочая Партія.

ПРОЛЕТАРІИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ТРЕТІЙ ОЧЕРЕДНОЙ СЪѢЗДЪ

Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партіи.

ПОЛНЫЙ ТЕКСТЪ ПРОТОКОЛОВЪ.

Изданіе Центральнаго Комитета.

ЖЕНЕВА
Типографія Партіи. 6, Quai du Cheval Blanc, 6.
1905.

Обложка книги: «Третий очередной Съезд Р. С.-Д. Р. П. Полный текст протоколов» — 1905 г.

1.

РЕЧЬ О ЗАКОННОСТИ СЪЕЗДА 26 (13) АПРЕЛЯ.

Я хочу ответить на замечания о законности созыва съезда. Ц. К. признавал, что съезд незаконен. Сам Ц. К. назвал свое послание Совету Партии «покаянным». Но было ли Ц. К. в чем каяться? Съезд совершенно законен. Правда, по *букве* устава его можно считать незаконным; но мы впали бы в карикатурный формализм, если бы так понимали устав. По смыслу же устава съезд вполне законен. Не партия существует для Совета Партии, а Совет Партии для партии. Еще на II съезде, по поводу инцидента с Организационным Комитетом, было указано, и самим же т. Плехановым, что дисциплина по отношению к коллегии низшей уступает перед дисциплиной к коллегии высшей. Ц. К. указывал, что он готов подчиниться Совету Партии, если Совет Партии подчинится партии, т.-е. съезду. Это вполне законное требование. Между тем Совет Партии ответил на него отказом. Но, говорят, Ц. К. заподозрил лойяльность Совета Партии и выразил ему недоверие. Но ведь во всех конституционных странах граждане имеют право выражать недоверие тем или другим должностным лицам или учреждениям. Это право не может быть у них отнято. Наконец, если бы Ц. К. даже поступил незаконно, то разве это давало право Совету Партии поступать тоже незаконно? В чем гарантия того пункта устава, по которому Совет Партии созывает съезд, если высказалось половина полноправных голосов? В уставе Германской с.-д. партии имеется пункт, предоставляющий контрольной комиссии созвать съезд, если Vorstand *) отказывается его созвать. У нас такого параграфа нет, и гарантия созыва съезда лежит всецело на самой же партии. С точки зрения духа устава и даже его буквы, если взять его в целом, ясно, что Совет Партии это — доверенный комитетов партии. Доверенный комитетов отказывается исполнить волю своих доверителей. Если дове-

---

*) — Правление. *Ред.*

ренный не исполняет воли партии, партии остается лишь осуществить эту волю самой. И комитеты нашей партии не только имели право, но и обязаны были созвать съезд сами. И я утверждаю, что съезд созван вполне законно. Кто является судьей в рассмотрении этого спора между Советом Партии и комитетами? Да те же комитеты партии. Воля партии выразилась уже давно. Оттяжки и проволочки со стороны заграничных центров не могли ее изменить. Комитеты обязаны были сами созвать съезд, и он созван законно.

Отвечаю т. Тигрову. Т. Тигров говорит, что не следует судить Совета Партии. Орг. Комитет своим докладом судит Совет Партии. Мне кажется, т. Тигров ошибается, говоря, что нельзя судить заочно. В политике постоянно приходится судить заочно. Разве мы не судим постоянно в нашей публицистике, на наших собраниях и повсюду с.-р., бундистов и др. Как же быть, если не судить заочно? Ведь Совет Партии не хочет явиться на съезд, в таком случае придется вообще никого никогда не судить. Даже официальные суды судят заочно, если подсудимый не желает являться на суд.

2.

РЕЧЬ О ПОЛНОПРАВНОСТИ КАЗАНСКОГО И КУБАНСКОГО КОМИТЕТОВ 27 (14) АПРЕЛЯ.

Из заключения мандатной комиссии видно, что всего в партии у нас 75 решающих голосов, так что, несомненно, при данном составе, наш съезд должен быть признан законным. Принимая во внимание то подозрительное отношение к нашему съезду, которое существует теперь, нужно признать похвальным «либеральное» стремление мандатной комиссии утвердить возможно большее число комитетов, дабы увеличить требуемое для съезда законное большинство. С этой стороны я готов даже выразить сочувствие этому «либерализму», но, с другой стороны, необходимо быть осторожным и беспристрастным одинаково ко всем и, исходя из этих соображений, я не могу не отнестись отрицательно к утверждению мандатной комиссией Казанского и Кубанского комитетов. В 89 № «Искра» опубликовала их в списке полноправных комитетов, но в списке полноправных организаций, помещенном в протоколах Совета Партии, их не имеется. В заседании Совета Партии т. Мартов приводил список полноправных комитетов до 14 (1) сентября 1904 г.

(**Читается выдержка из протоколов Совета Партии**):

«Мартов читает свою резолюцию: С. П., согласно § 2 устава, обязан созвать съезд, если этого требуют партийные организации, имеющие вместе право на половину голосов на съезде. Согласно примечания 1 к § 3 устава, правом представительства на съезде пользуются лишь те организации, которые являются утвержденными в этом отношении с момента принятия партийного устава.

Для организаций же, на II съезде не представленных, моментом их утверждения считается момент утверждения их Ц. К. не позже, как за 1 год до съезда. 1) С. П. постановляет, что этот же срок со времени утверждения организации принимается для признания ее голоса при исчислении количества организаций, высказавшихся за созыв съезда. Организации, представленные на II съезде и избранные им, считаются полноправными. 2) Ввиду этого, впредь до сентября 1904 г., имеющими право на решение вопроса о созыве съезда считаются только: 1) Ц. К., 2) Ц. О., 3) Заграничная Лига, 4—20) комитеты: Петербургский, Московский, Харьковский, Киевский, Одесский, Николаевский, Донской, Екатеринославский, Саратовский, Уфимский (ныне Уральский), Северный, Тульский, Тверской, Нижегородский, Бакинский, Батумский, Тифлисский (впредь до истечения годового срока с момента утверждения Кавказского Союза), 21—23) Союзы: Горнозаводский (Донецкий), Сибирский и Крымский.

При полноправности этих организаций, количество голосов на съезде, на которое они имеют право, равно 46. Вместе с 5 голосами, которые имеют члены С. П., общее количество голосов на съезде равно 51 голосу, а для его созыва требуется, следовательно, 26 голосов, т.-е. голоса 13 полноправных организаций, из числа здесь перечисленных. Ц. К. предлагается представить в С. П. даты утверждения им новых комитетов, появившихся после съезда.

Первая часть резолюции принята единогласно.

Далее т. Глебов в своей речи на том же заседании привел список вновь образовавшихся комитетов.

Речь т. *Глебова* (из протоколов С. П.): «Я согласен с т. Мартовым и могу лишь указать на вновь образовавшиеся комитеты: Смоленский и Астраханский, утвержденные в сентябре 1903 г.; Воронежский (Касса Борьбы) в январе 1904 г.; Рижский — в январе; Полесский — в апреле; Северо-Западный — в апреле; Курский — в январе; Орловско-Брянский — в сентябре 1903 г.; Самарский — в сентябре 1903 г.; Уральский (Уфимский) — в апреле».

Эти факты были опубликованы в брошюре т. Орловского «Совет против Партии», и до сих пор С. П. не опроверг их, не опубликовал времени утверждения спорных комитетов, что говорит за то, что, очевидно, нет доказательств этого утверждения. В том же заседании С. П., т. Мартов в одной из своих речей указал на то, что, по его мнению, в августе должны быть утверждены еще 2 комитета, именно Кременчугский и Полтавский, но опять-таки ни слова о Казанском и Кубанском.

Затем после июльской декларации т. Глебов прислал мне полные протоколы заседаний Ц. К., из которых не видно утверждения ни Казанского, ни Кубанского комитетов, и после этого в заседаниях Ц. К., как свидетельствует член Ц. К. т. Летнев, об утверждении их тоже не было речи; правда, член Ц. К. т. Зимин как будто что-то вспоминает об утверждении Казанского и Кубанского комитетов, но определенного ничего сказать не может.

Решение комиссии признать комитеты полноправными на основании того, что фактически установлено, что они работают больше года, не является правильным, а потому предлагаю эти комитеты считать неправоспособными.

3.

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ОБ ОТНОШЕНИИ Р. С.-Д. Р. П. К ВООРУЖЕННОМУ ВОССТАНИЮ [117]).

Принимая во внимание:

1) что пролетариат, будучи по самому положению своему наиболее передовым и последовательным революционным классом, тем самым призван сыграть роль вождя и руководителя в общедемократическом революционном движении в России;

2) что только выполнение такой роли во время революции обеспечит за пролетариатом наиболее выгодную позицию для дальнейшей борьбы за социализм против имущих классов готовой родиться буржуазно-демократической России;

3) что роль эту пролетариат может выполнить, лишь будучи организован под знаменем с.-д. в самостоятельную политическую силу и выступая в стачках и демонстрациях с возможно более законченным единством, —

III съезд Р. С.-Д. Р. П. постановляет, что задача организовать силы пролетариата для непосредственной борьбы с самодержавием путем массовых политических стачек и вооруженного восстания и создание для этой цели осведомляющего и руководящего аппарата являются одною из главных задач партии в настоящий революционный момент, потому съезд поручает как Ц.К., так и местным комитетам и союзам приступить к подготовке массовой политической стачки, а также к организации особых групп для приобретения и распределения оружия, *выработки плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым.* Выполнение этой задачи может и должно идти не только без всякого ущерба для общей работы по пробуждению классового самосознания пролетариата, но, напротив, способствуя ее глубине и успешности.

Написано 1—2 мая (18—19 апреля) 1905 г.

Публикуется впервые. *Печатается по рукописи.*

4.

РЕЧЬ ПО ВОПРОСУ О ВООРУЖЕННОМ ВОССТАНИИ 28 (15) АПРЕЛЯ.

Тут говорилось, что принципиально вопрос достаточно ясен. Однако, в с.-д. литературе имелись заявления (см. «Искру» № 62 и предисловие т. Аксельрода к брошюре Рабочего) такого рода, которые показывают, что вопрос не так уж ясен. «Искра» и Аксельрод толковали о заговорщичестве, высказывали опасения, что о восстании будут думать слишком много. Оказалось, однако, что думали слишком мало... В предисловии к брошюре Рабочего т. Аксельрод говорит, что дело может идти лишь о восстании «одичалых масс народа». Жизнь показала, что дело идет не о восстании «одичалых масс», а о восстании сознательной массы, способной к организованной борьбе. Вся история последнего года показала, что мы недооценивали значение и неизбежность восстания. Надо обратить внимание на практическую сторону дела. Тут чрезвычайно важен опыт практиков и рабочих—петербургских, рижских, кавказских. Поэтому я высказался бы за то, чтобы товарищи поделились своим опытом,— это придаст практический, а не схоластический характер нашим прениям. Надо выяснить, каково настроение пролетариата, сознают ли рабочие себя способными бороться и руководить борьбой. Необходимо подвести итог коллективному опыту, который до сих пор не был обобщен.

5.

РЕЧЬ ПО ВОПРОСУ О ВООРУЖЕННОМ ВОССТАНИИ 29 (16) АПРЕЛЯ.

В дебатах вопрос поставлен на практическую почву — о настроении масс. Т. Лесков прав, что настроение пестрое. Но прав и т. Жарков, что нам необходимо считаться с тем, что восстание произойдет несомненно, как бы мы ни отнеслись к нему. Возникает вопрос: существуют ли принципиальные разногласия между предложенными резолюциями. Я решительно не вижу их. Хотя я значусь самым непримиримым, я все же попытаюсь примирить и согласовать обе резолюции, займусь их примирением. Я ничего не имею против поправки к резолюции т. Воинова. В добавлении я тоже не вижу принципиального разногласия. Из наиболее энергичного участия еще не вытекает гегемонии. По-моему, т. Михайлов выразился позитивнее, — у него гегемония подчеркнута и притом в конкретной форме. Английский пролетариат призван осуществить социалистическую революцию,— это несомненно; но его неспособность произвести ее в настоящий момент, при его соц. неорганизованности и развращенности буржуазией, тоже несомненна. Та же мысль и у т. Воинова; самое энергичное участие, несомненно, есть самое решающее. Решит ли исход революции пролетариат,— безусловно утверждать нельзя. То же и относительно роли вождя. В резолюции т. Воинова выражение осторожнее. С.-д. может организовать восстание, может даже решить его, но будет ли обеспечена за нею руководящая роль, этого предрешить нельзя, — это будет зависеть от силы, организованности пролетариата. Мелкая буржуазия может быть организована лучше, и ее дипломаты могут оказаться сильнее, лучше подготовленными. Т. Воинов осторожней — он говорит: «ты можешь выполнить»; «ты выполнишь» — говорит т. Михайлов. Может быть решающий исход революции даст пролетариат, но безусловно утверждать этого нельзя. Т.т. Михайлов и Сосновский впали в ту ошибку, которую они приписывали т. Воинову: «Не хвались, на рать идучи». — «Для обеспечения необходимо», говорит Воинов, а они говорят: «необходимо и достаточно». По вопросу об образовании особых боевых групп я могу сказать, что считаю их необходимыми. Нам нечего бояться образования особых групп.

6.

РЕЧЬ ОБ ОТНОШЕНИИ К ТАКТИКЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА НАКАНУНЕ ПЕРЕВОРОТА 1 МАЯ (18 АПРЕЛЯ) [118].

Мы находимся в затруднительном положении. У нас имеются три резолюции и три поправки. Резолюции растут и развиваются, и процесс этот совершенно не урегулирован. Тема оказалась шире, чем предполагал докладчик. Придется вернуть резолюцию в комиссию, хотя т. Сергеев, повидимому, высмеивает это предложение. Вопроса об открытом выступлении касались все ораторы. Доклад теме соответствует, но его необходимо дополнить. Насчет участия в обществах столкнулись два мнения. Съезд категорических указаний не может давать об участии в обществах. Надо пользоваться всеми средствами для агитации. Из опыта с комиссией Шидловского нельзя вывести безусловно отрицательного отношения. Говорят, резолюция не дает ничего нового. Хорошее — скажи и еще раз скажи. Мнение т. Зимина угловато. Ответить категорически, следует ли участвовать в земском соборе, нельзя. Все будет зависеть от политической конъюнктуры, системы выборов и других конкретных условий, которых заранее учесть нельзя. Говорят, земский собор — это обман. Это верно, но иногда для того, чтобы разоблачить обман, надо принять участие в выборах. Кроме общей директивы дать ничего нельзя. Повторяю, по-моему, следует вернуть все резолюции в комиссию, расширив ее состав.

7.

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ПО ВОПРОСУ ОБ ОТКРЫТОМ ВЫСТУПЛЕНИИ [119]).

Принимая во внимание:

1) что революционное движение в России несколько расшатало и дезорганизовало уже самодержавное правительство, которое оказывается вынужденным допустить свободу политического выступления враждебных ему классов в сравнительно значительных размерах;

2) что этой свободой политического выступления всего более и почти исключительно пользуются буржуазные классы, еще усиливая таким образом свое прежнее экономическое и политическое преобладание над рабочим классом и увеличивая опасность превращения пролетариата в простой придаток буржуазной демократии;

3) что среди рабочих масс все шире и шире развивается и (прорывается, проявляется наружу) стремление к самостоятельному открытому выступлению на политическую арену хотя бы и (в маловажных случаях и хотя бы) без всякого участия социал-демократии;

III съезд Р.С.-Д.Р. П. обращает внимание всех партийных организаций на то, что необходимо:

а) использовать все и всяческие случаи открытого политического выступления общества и народа в прессе, союзах и собраниях для противопоставления общедемократическим требованиям самостоятельных классовых требований пролетариата, для развития его самосознания, для организации его в самом ходе таких выступлений в самостоятельную социалистическую силу;—

б) использовать все легальные или полулегальные пути для создания рабочих обществ, союзов и организаций, при чем следует стремиться к обеспечению (тем или иным путем) преобладающего влияния социал-демократии на такие союзы, к превращению их в опорные пункты будущей открытой социал-демократической рабочей партии в России;

в) принять меры к тому, чтобы наши партийные организации, на-ряду с сохранением и развитием своего конспиративного аппарата, приступили немедленно к подготовке целесообразных форм перехода, во всех случаях, когда это возможно, к открытой деятельности социал-демократии, не останавливаясь при этом и перед столкновением с вооруженной силой правительства.

---

*

8.

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ОБ УЧАСТИИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ ВО ВРЕМЕННОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ.

Принимая во внимание

1) что для действительно массовой, свободной и открытой борьбы пролетариата с буржуазией необходима возможно более полная широкая политическая свобода, а следовательно, возможно более полное осуществление республиканского строя;

2) что все более и более значительное число представителей различных буржуазных и мелкобуржуазных слоев населения, крестьянства и пр. выступают в настоящее время с революционно-демократическими лозунгами, естественно и неизбежно вытекающими из основных потребностей массы народа, удовлетворение которых — невозможное при самодержавии — безусловно необходимо в силу требований объективного развития всей общественно-экономической жизни России;

3) что международная революционная социал-демократия всегда признавала необходимость самой энергичной поддержки пролетариатом революционной буржуазии в ее борьбе со всеми реакционными классами и учреждениями, при условии полной самостоятельности партии пролетариата и строго критического отношения к ее временным союзникам;

4) что низвержение самодержавного правительства в России невозможно без замены его временным революционным правительством, и лишь такая замена в состоянии обеспечить действительную свободу и правильность выражения воли всего народа при учреждении нового политического строя России, обеспечить осуществление нашей ближайшей, непосредственной программы политических и экономических преобразований;

5) что без замены самодержавного временным революционным правительством, опирающимся на все революционно-демократические классы и элементы классов в России, невозможно завоевание республики и привлечение на сторону революции отсталых и неразвитых слоев пролетариата и особенно крестьянства, слоев, интересы которых безусловно противоречат самодержавно-крепостному строю и которые в значительной степени лишь в силу гнета отупляющей политической атмосферы держатся за самодержавие или стоят в стороне от борьбы с ним;

6) что при наличности в России хотя и находящейся лишь при начале своего развития, но уже сорганизованной социал-

демократической рабочей партии, способной, особенно при политической свободе, контролировать и направлять поведение своих делегатов во временном революционном правительстве, опасность уклонения этих делегатов от правильного классового пути не является неустранимой,—

Третий съезд Р. С.-Д. Р. П. признает возможным участие уполномоченных от партии во временном революционном правительстве в целях беспощадной борьбы вместе с революционной буржуазной демократией против всех контрреволюционных попыток и в целях отстаивания самостоятельных классовых интересов пролетариата, причем условием такого участия является строгий контроль партии за ее уполномоченными и неуклонное охранение независимости социал-демократической рабочей партии, стремящейся к полному социалистическому перевороту и в этом отношении враждебной всем буржуазно-демократическим партиям и классам.

Написано в конце апреля 1905 г.

Впервые напечатано в 1926 г. в «Ленинском Сборнике» V.

Печатается по рукописи.

9.

ДОКЛАД ОБ УЧАСТИИ С.-Д. ВО ВРЕМЕННОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ 1 МАЯ (18 АПРЕЛЯ).

Моя задача — изложить постановку вопроса об участии социал-демократии во временном революционном правительстве. На первый взгляд может показаться странным, что подобный вопрос возник. Можно подумать, что дела социал-демократии обстоят великолепно, и вероятность ее участия во временном революционном правительстве очень велика. На самом деле это не так. Обсуждать этот вопрос с точки зрения ближайшего практического осуществления было бы донкихотством. Но вопрос этот навязан нам не столько практическим положением дел, сколько литературной полемикой. Необходимо всегда иметь в виду, что вопрос этот первый поднял Мартынов еще *до 9 января.* Вот что он писал в своей брошюре «Две диктатуры» (стр. 10—11):

«Представьте себе, читатель, на минуту осуществление ленинской утопии, представьте себе, что партии, состав членов которой сужен до участия в ней только профессиональных революционеров, удалось «подготовить, *назначить* и провести всенародное вооруженное восстание». Не очевидно ли, что всенародная воля *назначила бы* сейчас же после революции именно эту партию временным правительством? Не очевидно ли, что народ именно этой партии, а не какой-нибудь другой, вручил бы ближайшую судьбу революции? Не очевидно ли, что эта партия, не желая обмануть оказанного ей раньше народом доверия, вынуждена была бы, *обязана* была бы, взять в свои руки власть и сохранить ее, пока она не упрочит революционными мерами торжество революции?»

Такая постановка вопроса невероятна, но фактически она такова: Мартынов находит, что если бы мы очень хорошо подготовили и двинули восстание, то очутились бы в отчаянном положении. Если бы мы изложили наш спор какому-нибудь иностранцу, то он никогда не поверил бы в возможность такой постановки вопроса и не понял бы нас. Только зная историю воззрений российской социал-демократии и зная характер «хвостистских» воззрений «Рабочего Дела», можно понять наш спор. Вопрос стал неотложным вопросом теории, выяснение которого необходимо. Это — вопрос о ясности наших целей. Я очень просил бы товарищей при изложении наших прений перед русскими практиками усиленно подчеркивать эту Мартыновым данную постановку вопроса.

В № 96 «Искры» напечатана статья Плеханова. Мы очень ценили и ценим Плеханова за все те «обиды», которые он нанес

оппортунистам, и которые навлекли на него почетную вражду массы лиц. Но за защиту Мартынова мы его ценить не можем. Тут перед нами не прежний Плеханов. Он озаглавливает статью: «К вопросу о захвате власти». Это искусственно суживает вопрос. Мы так никогда вопроса не ставили. Плеханов изображает дело так, как будто «Вперед» назвал «виртуозами филистерства» Маркса и Энгельса. Но на самом деле это не так, это маленький подмен. Общую концепцию Маркса в этом вопросе — «Вперед» особо подчеркнул как правильную. Слова о филистерстве относились к Мартынову или Л. Мартову. Как ни готовы мы высоко ценить всех тех, кто работает с Плехановым, но все же Мартынов не Маркс. Плеханов напрасно затушевывает мартыновщину.

Мартынов утверждает, что если мы примем решающее участие в восстании, для нас возникает большая опасность, что пролетариат нас заставит взять власть. В этом рассуждении есть своеобразная логика, правда, понятная. По поводу этого своеобразного указания на опасность победы в борьбе с самодержавием, «Вперед» спрашивает Мартынова и Л. М. о чем идет речь: о социалистической или демократической диктатуре? Нам приводят знаменитые слова Энгельса об опасности положения вождя, получившего власть от имени класса, еще не созревшего для полного господства. Во «Вперед» мы разъясняли, что Энгельс указывает на опасность положения вождя, когда он *post factum* констатирует расхождение между принципами и действительностью, между словами и фактами. Такое расхождение ведет к гибели в смысле политического краха, а не физического поражения. Вы должны (такова мысль Энгельса) утверждать, что переворот социалистический, тогда как он на самом деле только демократический. Если бы мы сейчас обещали пролетариату России, что в состоянии теперь же обеспечить полное господство, то мы впадали бы в ошибку, которую делают с.-р. Именно над этой ошибкой с.-р., говоривших, что революция будет «не буржуазной, а демократической», мы, с.-д., всегда потешались. Мы всегда говорили, что революция не ослабит, а усилит буржуазию, но даст пролетариату необходимые условия успешной борьбы за социализм.

Но раз речь идет о демократическом перевороте, то перед нами две силы: самодержавие и революционный народ, т.-е. пролетариат, как главная борющаяся сила, и крестьянство и всякие мелко-буржуазные элементы. Интересы пролетариата не совпадают с интересами крестьянства и мелкой буржуазии. Социал-демократия всегда подчеркивала, что это классовое расхождение в недрах революционного народа неизбежно. Объект борьбы при горячей борьбе может переходить из рук в руки. Революционный народ стремится к самодержавию народа, все реакционные элементы отстаивают самодержавие царя. Успешный переворот, поэтому, не может не быть демократической диктатурой пролета-

риата и крестьянства, интересы которых *против самодержавия царя* совпадают. На лозунге «врозь идти, вместе бить» сошлись и «Искра» и «Вперед», но «Вперед» добавляет, если вместе бить, то вместе добить и вместе отбить попытки врага вернуть потерянное. После свержения самодержавия борьба не прекратится, а обострится. Реакционные силы именно тогда сорганизуются для борьбы настоящим образом. Если мы употребляем лозунг восстания, то мы не должны пугать с.-д. возможностью победы восстания. Завоевавши самодержавие народа, мы должны его отстоять — а это и есть революционно-демократическая диктатура. Бояться ее нет никаких оснований. Завоевание республики — гигантское завоевание для пролетариата, хотя для с.-д. республика не «абсолютный идеал», как для буржуазного революционера, а лишь гарантия свободы для широкой борьбы за социализм. Парвус говорит, что ни в одной стране завоевание свободы не стоило таких гигантских жертв. Это верно. Это подтверждает и европейская буржуазная печать, со стороны внимательно следящая за русскими событиями. Сопротивление самодержавия элементарнейшим реформам невероятно сильно, а чем сильнее действие, тем сильнее противодействие. Отсюда высокая вероятность полного краха самодержавия. Весь вопрос о революционной демократической диктатуре имеет смысл при полном ниспровержении самодержавия. Возможно, что у нас повторятся события 48 — 50 г.г., т.-е. самодержавие будет не свергнуто, а ограничено и превратится в конституционную монархию. Тогда ни о какой демократической диктатуре не может быть и речи. Но если самодержавное правительство будет действительно свергнуто, то оно должно быть заменено другим. А этим другим может быть лишь временное революционное правительство. Оно может опираться только на революционный народ, т.-е. на пролетариат и крестьянство. Оно может быть только диктатурой, т.-е. организацией не «порядка», а организацией войны. Кто идет штурмом на крепость, тот не может отказаться от продолжения войны и после того, как он завладеет крепостью. Одно из двух: или возьмем крепость, чтобы удержать ее, или не идти на приступ и заявить, что хотим только малое местечко около крепости.

Перейду к Плеханову. Он употребляет прием глубоко неправильный. Он уклоняется от важных принципиальных вопросов, пускаясь на мелочные придирки, употребляя некоторый момент подмена. «Вперед» утверждает, что в общем схема Маркса верна (схема смены самодержавия сначала буржуазной монархией, а после — мелко-буржуазной демократической республикой), но если мы будем заранее ограничивать по этой схеме пределы, до которых мы пойдем, то мы будем филистерами. Таким образом защита Маркса Плехановым есть «*verlorene Liebesmüh*» (поте-

рявные усилия любви). Защищая Мартынова, Плеханов ссылается на «Обращение» Центр. Комитета Союза Коммунистов к членам Союза[120]). Излагает это «Обращение» Плеханов опять-таки неверно. Он оставляет в тени, что «Обращение» это писалось тогда, когда полная победа народа уже не удалась, несмотря на победоносное восстание пролетариата в Берлине в 48 г. Буржуазно-конституционная монархия уже сменила самодержавие, и, следовательно, о временном правительстве, опирающемся на весь революционный народ, не могло быть и речи. Весь смысл «Обращения» состоит в том, что, после неудачи народного восстания, Маркс советует рабочему классу — организоваться и приготовиться. Неужели эти советы пригодны для выяснения положения в России до начала восстания? Неужели эти советы разъясняют наш спорный вопрос, предполагающий победоносное восстание пролетариата? «Обращение» начинается так (Цитата 75 стр. *Ansprache*). «...В течение обоих революционных лет, 1848—49, Союз Коммунистов двояким образом проявил себя, во-первых, тем, что его члены повсюду энергично участвовали в движении... далее тем, что его воззрения на движение» (изложенные, между прочим, в «Коммунистическом Манифесте») «оказались единственно правильными»... «В то же самое время прежняя крепкая организация Союза значительно ослабела. Бо́льшая часть членов, непосредственно участвовавшая в революционном движении, думала, что время тайных обществ прошло, и что достаточно одного открытого выступления. Отдельные кружки и общины стали запускать сношения с Центральным Комитетом (Центральным Правлением — *Zentralbehörde*) и постепенно прекратили их вовсе. *Таким образом, в то время, как демократическая партия, партия мелкой буржуазии, все более организовывалась в Германии, рабочая партия потеряла свою единственную прочную опору,* сохранилась в организованном виде самое большее в отдельных местностях для местных целей, и в силу этого попала *в общем движении (in der allgemeinen Bewegung) всецело под господство и под руководство мелко-буржуазных демократов»* (*Ansprache*, стр. 75).

Итак, Маркс констатирует в 50 г., что мелко-буржуазная демократия во время протекшей уже революции 48 г. выиграла в организованности, а рабочая партия потеряла. Естественно, что все внимание Маркса обращается на то, чтобы рабочая партия не оказалась снова в хвосте буржуазии. (Цитата 76 стр.) «...В настоящее время, когда предстоит новая революция, крайне важно, чтобы рабочая партия выступила возможно более организованной, возможно более единодушно и возможно более самостоятельно, если она не хочет снова, как в 1848 г., быть эксплуатированной буржуазией и тащиться у нее в хвосте» (*Ansprache*, стр. 76).

Именно в силу этой большей организованности буржуазной демократии, Маркс не сомневается, что она получит безусловное преобладание, если произойдет тотчас же новый переворот (Цитата 78 стр., *Ansprache*). «Что мелко-буржуазная демократия в течение дальнейшего развития революции получит в Германии преобладающее влияние на известное время (für einen Augenblick), это не подлежит никакому сомнению» (*Ansprache*, стр. 78). Приняв все это во внимание, мы поймем, почему об участии пролетариата во временном революционном правительстве Маркс не говорит в «Ansprache» ни одного слова. Совершенно неправ, поэтому, Плеханов, когда утверждает, будто Маркс «не допускал даже и мысли о том, что политические представители пролетариата могут вместе с представителями мелкой буржуазии трудиться над созданием нового общественного строя» («Искра» № 96). Это неверно. Маркс *не поднимает* вопроса об участии во врем. рев. прав., а Плеханов изображает дело так, будто *Маркс решает этот вопрос отрицательно.* Маркс говорит: мы, с.-д., были все в хвосте, мы организованы хуже, нам надо самостоятельно организоваться на тот случай, если мелкая буржуазия после нового переворота окажется у власти. Мартынов делает из этих посылок Маркса следующий вывод: Мы, с.-д., организованные сейчас лучше мелко-буржуазной демократии и составляющие безусловно самостоятельную партию, должны бояться того, что, в случае успеха восстания, нам *придется* участвовать во вр. рев. прав. Да! Т. Плеханов, иное дело марксизм, иное дело мартыновизм. Чтобы нагляднее указать все различие в положении России в 1905 г. и Германии в 1850 г., остановимся еще на некоторых интересных местах «Обращения». У Маркса и речи не было о демократической диктатуре пролетариата, ибо он верил в непосредственную социалистическую диктатуру пролетариата, немедленно после мелко-буржуазного переворота. Например, по поводу аграрного вопроса он говорит, что демократия хочет создать мелко-буржуазный крестьянский класс, а рабочие должны противодействовать этому плану в интересах сельского пролетариата и в их собственных интересах. Они должны требовать, чтобы конфискованная феодальная поземельная собственность осталась государственной собственностью и была обращена на рабочие колонии, в которых ассоциированный сельский пролетариат должен пользоваться всеми средствами крупной агрикультуры. Ясно, что при такого рода планах Маркс *не мог* говорить о демократической диктатуре. Он писал не накануне революции, как представитель организованного пролетариата, а после революции, как представитель организующихся рабочих. Маркс подчеркивает, как первую задачу, что «после переворота Ц. К. должен немедленно отправиться в Германию, созвать съезд партии и предложить ему принять меры для цен-

трализации рабочих клубов». Таким образом идея самостоятельной рабочей партии, которая для нас перешла в плоть и кровь, тогда была нова. Не надо забывать, что в 48 г., когда Маркс редактировал свободную и крайне революционную газету («Neue Rheinische Zeitung» *)), он не опирался ни на какую рабочую организацию. Его газету поддерживали радикальные буржуа, которые чуть не провалили ее, когда Маркс в ней обрушился на парижскую буржуазию после июньских дней. Поэтому-то так много говорится в этом «Обращении» о самостоятельной организации рабочих. Там идет речь об образовании рядом с новым официальным правительством революционных рабочих правительств как в форме рабочих клубов и рабочих комитетов, так и в форме общинных советов и коммунальных управлений. Там идет речь о том, что рабочие должны быть вооружены и образовать самостоятельную рабочую гвардию. Как 2-ой пункт программы указывается, что в них, рядом с буржуазными кандидатами, должны быть выставлены рабочие кандидаты, по возможности из членов Союза. Как слаб был этот Союз, показывает то, что Маркс должен был доказывать необходимость выставлять собственные кандидатуры. Вывод из всего этого тот, что Маркс не упоминал и не решал вопроса об участии во вр. рев. правительстве, ибо этот вопрос тогда не мог иметь никакого практического значения, и все внимание обращалось всецело на организацию самостоятельной рабочей партии.

Плеханов говорит далее в «Искре», что «Вперед» не приводит никаких доказательств по существу, ограничиваясь повторением нескольких излюбленных словечек, что «Вперед» будто бы хочет критиковать Маркса. Так ли это? Не видим ли мы, наоборот, что «Вперед» ставит вопрос на конкретную почву, учитывая реальные общественные силы, которые участвуют в России в борьбе за демократический переворот. Плеханов же ни единого слова не говорит о конкретных русских условиях. Весь багаж его ограничивается парой не к месту приводимых цитат. Это чудовищно, но это так. Русская ситуация настолько отличается от западно-европейской, что Парвус мог даже ставить вопрос, где у нас революционная демократия. Не имея возможности доказать, что «Вперед» хочет «критиковать» Маркса, Плеханов за уши притаскивает Маха и Авенариуса [121]). Я решительно недоумеваю, какое отношение имеют эти писатели, к которым я не чувствую ни малейшей симпатии, к вопросу о социальной революции. Они писали об индивидуальной и социальной организации опыта, или что-то в этом роде, но, право, не размышляли о демократической диктатуре. Уж не известно ли Плеханову, что Парвус стал сторонником Маха и Авенариуса? Или, может

*) — «Новая Рейнская Газета». *Ред.*

быть, дела у Плеханова обстоят так, что приходится ни к селу, ни к городу создавать себе мишень из Маха и Авенариуса. Плеханов говорит далее, что Маркс и Энгельс изверились скоро в близость социальной революции. Союз коммунистов распался. Начались эмигрантские дрязги, которые Маркс и Энгельс объяснили тем, что были революционеры, но не было революции. Плеханов пишет в «Искре»: «Политические задачи пролетариата были бы определены ими» (Марксом и Энгельсом, изверившимися в близость социальной революции) «уже в том предположении, что демократический строй останется господствующим в течение довольно продолжительного периода. Но именно потому они еще решительнее осудили бы участие социалистов в мелко-буржуазном правительстве» («Искра» № 96). Почему? Ответа нет. Плеханов подменяет опять демократическую диктатуру социалистической т.-е. сбивается на ошибку Мартынова, от которой много раз энергично предостерегал «Вперед». Без демократической диктатуры пролетариата и крестьянства республика в России невозможна. Это утверждение «Вперед» выставил на основании анализа реальной ситуации. К сожалению, Маркс этой ситуации не знал и о ней не писал. И потому ни подтверждать, ни опровергать одними только цитатами из Маркса анализа этой ситуации нельзя. А о конкретных условиях Плеханов не говорит ни слова.

Еще менее удачна вторая цитата из Энгельса. Во-1-х, крайне странно, что Плеханов ссылается на частное письмо, не указывая, где и когда оно было опубликовано [122]). За опубликование писем Энгельса мы были бы очень благодарны, но желали бы видеть их полный текст. Однако, некоторые данные мы имеем, чтобы судить об истинном смысле письма Энгельса.

Мы точно знаем — это во-вторых, — что ситуация в Италии девяностых годов совершенно непохожа на русскую. Италия более сорока лет уже пользовалась свободой. В России рабочий класс не может и мечтать о таковой без буржуазной революции. В Италии, следовательно, рабочий класс давно уже мог развивать самостоятельную организацию для социалистического переворота. Турати — итальянский Мильеран. Очень возможно поэтому, что и тогда Турати выступал с мильеранистскими идеями. Такое предположение вполне подтверждается тем, что, по словам самого Плеханова, Энгельсу приходилось разъяснять Турати разницу между буржуазно-демократическим и социалистическим переворотом. Значит, Энгельс как раз боялся того, что Турати окажется в ложном положении вождя, не понимающего социального смысла того переворота, в котором он участвует. О Плеханове, следовательно, нам приходится еще раз повторить, что он смешивает демократический и социалистический переворот.

Но, может быть, у Маркса и Энгельса можно найти ответ на вопрос не о конкретной русской ситуации, а об общих принципах революционной борьбы пролетариата? По крайней мере «Искра» поставила один такой общий вопрос.

В № 93 она пишет: «Лучший путь для организации пролетариата в партию оппозиционную буржуазно-демократическому государству есть путь развития буржуазной революции *снизу* давлением пролетариата на стоящую у власти демократию». «Искра» говорит: ««Вперед» хочет, чтобы давление пролетариата на революцию (?) шло не только с улицы, но и сверху из чертогов временного правительства». Эта формулировка верна; «Вперед» действительно этого хочет. Здесь перед нами действительно общий принципиальный вопрос: допустимо ли революционное действие снизу или также и сверху. На этот общий вопрос можно найти ответ у Маркса и Энгельса.

Я имею в виду интересную статью Энгельса: «Бакунисты за работой» [123]) (1873 г.). Энгельс описывает вкратце испанскую революцию 73 г., когда страну охватило восстание интрансижентов, т.-е. крайних республиканцев. Энгельс подчеркивает, что тогда не могло быть и речи о немедленном освобождении рабочего класса. Задача состояла в том, чтобы ускорить для пролетариата прохождение предварительных стадий, подготовляющих социальную революцию, в том, чтобы устранить препятствия, стоящие на ее пути. Испанский рабочий класс мог использовать эту возможность, только деятельно участвуя в революции. Такому участию мешало тогда влияние бакунистов и между прочим их идея всеобщей стачки, критикуемая метко Энгельсом. Энгельс описывает, между прочим, события в городе Alcoy с 30 т. фабричных рабочих. Пролетариат оказался там господином положения. Что же он тогда сделал? Вопреки принципам бакунизма пришлось участвовать во временном революционном правительстве. «Бакунисты, — говорит Энгельс, — в течение многих лет проповедывали, что всякое революционное действие сверху вниз вредно; все должно быть организовано и проведено снизу вверх».

Итак, вот как ответил Энгельс на общий вопрос, поставленный «Искрой» о «сверху и снизу». *Принцип «Искры»: «только снизу и ни в каком случае сверху» — принцип анархический.* Делая вывод из событий испанской революции, Энгельс говорит: «Бакунисты должны были действовать вопреки собственным принципам, вопреки принципу, будто учреждение революционного правительства есть новый обман и новая измена рабочему классу» (как хочет уверить теперь нас Плеханов). «Вопреки этим принципам бакунисты должны были заседать в правительственных комитетах отдельных городов и притом в качестве бессильного меньшинства, майоризированного и политически эксплуатируемого

буржуазией». *Итак, Энгельсу не нравится только то, что бакунисты были в меньшинстве, а не то, что они там заседали.* Заканчивая брошюру, Энгельс говорит, что пример бакунистов «показывает нам, как *не* надо делать революцию».

Если бы Мартов ограничил свою революционную работу исключительно действием снизу, он повторил бы ошибку бакунистов.

Но «Искра», сочинив принципиальные разногласия со «Вперед», сама сбивается на нашу точку зрения. Так, Мартынов говорит, что пролетариат, вместе с народом, должен заставить буржуазию довести революцию до конца. Но это и есть ничто иное, как революционная диктатура «народа», т.-е. пролетариата и крестьянства. Буржуазия вовсе не хочет довести революцию до конца. А народ должен хотеть этого по социальным условиям его жизни. Революционная диктатура просветит его и втянет в политическую жизнь.

«Искра» пишет в № 95 [124]):

«Но если бы, независимо от нашей воли, внутренняя диалектика революции в конце концов все-таки вынесла бы нас ко власти, когда национальные условия для осуществления социализма еще не назрели, мы бы не стали пятиться назад. Мы бы поставили себе целью разбить тесные национальные рамки революции и толкнуть на путь революции Запад, как сто лет тому назад Франция толкнула на этот путь Восток».

Итак, «Искра» сама признает, что если бы случилось такое несчастье, что мы победили, то мы должны были бы действовать именно так, как указывает «Вперед». *Следовательно, в практическом вопросе «Искра» идет вслед за «Вперед»* и подрывает свою собственную позицию. Не понимаю только, как можно Мартова и Мартынова против их воли вытащить ко власти? Это уж совсем бессмыслица.

«Искра» приводит в пример Францию. Но это якобинская Франция. Пугать якобинством в момент революции величайшая пошлость. Демократическая диктатура, как я уже указывал, есть не организация «порядка», а организация войны. Если мы бы даже завладели Петербургом и гильотинировали Николая, то имели бы перед собой несколько Вандей. И Маркс прекрасно понимал это, когда в 48 г. в «Новой Рейнской Газете» напоминал о якобинцах. Он говорил: «Террор 1793 г. есть ничто иное, как плебейский способ разделаться с абсолютизмом и контр-революцией» [125]). Мы тоже предпочитаем разделываться с русским самодержавием «плебейским» способом и предоставляем «Искре» способы жирондистские. Русская революция имеет перед собой невиданно выгодную ситуацию (противо-народная война, азиатский консерватизм самодержавия и т. д.). И эта ситуация позволяет надеяться на успешный исход восстания. Революционное настроение пролетариата растет не по дням, а по часам. И в такой момент

мартыновщина не только глупость, но преступление, ибо она подрывает размах революционной энергии пролетариата, подрезывает его революционный энтузиазм. Это — та самая ошибка, которую, в другой обстановке, по вопросу не о демократической, а социалистической диктатуре делал в немецкой партии Бернштейн.

Чтобы дать вам конкретное представление, каковы на деле эти пресловутые «чертоги» вр. рев. пр., сошлюсь еще на один источник. У Энгельса в его статье «Die Reichsverfassungskampagne» *) есть описание того, как он участвовал в революции около этих «чертогов». Он описывает, напр., восстание в Рейнской Пруссии, которая была одним из самых индустриальных центров Германии. Шансы на победу демократической партии, говорит он, были здесь особенно благоприятны. Задача состояла в том, чтобы бросить все свободные силы на правый берег Рейна, распространить восстание на более широкую арену и попытаться создать здесь посредством ландвера (ополчение) ядро революционной армии. Именно такое предложение и было сделано Энгельсом, когда он ехал в Эльберфельд, чтобы сделать, что можно, для осуществления его плана. И Энгельс нападает на мелко-буржуазных вожаков за то, что они не умели организовать восстание, не запасли денег, напр., для содержания рабочих, боровшихся на баррикадах, и т. д. Нужно было действовать энергичнее, говорит Энгельс. Первым шагом должно было быть разоружение Эльберфельдской гражданской армии и распределение ее оружия среди рабочих, затем взыскание принудительного налога для содержания вооруженных таким образом рабочих. Но это предложение, говорит Энгельс, исходило единственно и исключительно от меня. Почтеннейший Комитет Общественной Безопасности не имел ни малейшей склонности к таким «террористическим предприятиям».

Таким образом в то время, как наши Маркс и Энгельс (то бишь Мартынов и Мартов) пугают нас якобинством, Энгельс бичевал революционную мелкую буржуазию за пренебрежение к «якобинскому» образу действия. Энгельс понимал, что собираться воевать и отказываться от государственной казны и государственной власти — во время войны — значит недостойным образом играть словами. Откуда же вы возьмете деньги на восстание, если оно станет общенародным, г.г. новоискровцы? Ведь не из государственной кассы? Это буржуазно! Это якобинство!

По поводу восстания в Бадене, Энгельс пишет: «Инсуррекционное правительство имело в своих руках все шансы на успех: готовую армию, заполненные арсеналы, богатую государственную казну, единодушное население. Все и каждый задним числом поняли, что следовало делать при таких условиях. Надо было организовать войско для защиты национального собрания, отбро-

*) — «Кампания за имперскую конституцию» [126]). *Ред.*

сить австрийцев и пруссаков, перебросить восстание в соседние государства и «поставить дряблое, немецкое, так наз. национальное собрание под террористическое влияние восставшего населения и восставшей армии; надо было далее организовать силы восстания, предоставить в его распоряжение обильные денежные суммы, заинтересовать в восстании земледельческое население посредством немедленной отмены всех феодальных повинностей. И все это надо было сделать немедленно, чтобы придать восстанию энергический характер. Через неделю после назначения Комитета Безопасности было уже поздно».

Мы уверены, что революционные с.-д. будут в момент восстания в России, по примеру Энгельса, записываясь в солдаты революции, подавать такие же «якобинские» советы. Наша же «Искра» предпочитает писать о цвете конвертов избирательных бюллетеней, отодвигая на задний план вопрос о вр. рев. прав. и революционной охране учредительного собрания. Наша «Искра» ни в каком случае не намерена действовать «сверху».

Из Карлсруэ Энгельс отправился в Пфальц. Во временном правительстве заседал его друг д'Эстер (освободивший однажды Энгельса из-под ареста). «Об официальном участии в движении, которое было чуждо нашей партии, не могло быть и речи, — говорит Энгельс. — Я должен был занять в движении то место, которое только и могли занять работники «Новой Рейнской Газеты» — место солдата». Мы говорили уже о том распадении Союза Коммунистов, которое ставило Энгельса вне почти всякой связи с рабочими организациями. Это делает понятным приведенную нами цитату: «Мне предлагали много гражданских и военных мест, — пишет Энгельс, — мест, которых я ни минуты бы не поколебался принять при пролетарском движении. При данных условиях я отклонил их все».

Как видите, Энгельс не боялся действовать сверху, не боялся слишком большой организованности и силы пролетариата, могущей привести его к участию во временном правительстве. Энгельс сожалел, напротив, что движение было недостаточно успешным, недостаточно пролетарским в силу полной неорганизованности рабочих. Но даже и при этих условиях Энгельс принял место: он служил в армии в качестве адъютанта Виллиха, брал на себя доставку амуниции, перевозил с неимоверными трудностями порох, свинец, патроны и т. д. «Умереть за республику, такова была моя тогдашняя цель», пишет Энгельс.

Предоставляю вам, товарищи, судить, похожа ли эта, нарисованная со слов Энгельса, картина временного правительства на те «чертоги», которыми старается отпугнуть от нас рабочих новая «Искра». (Далее оратор читает проект своей резолюции и комментирует ее.)

10.

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ О ВРЕМЕННОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ [127]).

Принимая во внимание:

1) что как непосредственные интересы российского пролетариата, так и интересы его борьбы за конечные цели социализма требуют возможно полной политической свободы, а, следовательно — замены самодержавной формы правления демократической республикой;

2) что вооруженное народное восстание при полном успехе его, т.-е. при ниспровержении самодержавия, необходимо вызовет учреждение временного революционного правительства, которое одно только способно обеспечить полную свободу агитации и созвать действительно выражающее волю народа учредительное собрание, избранное на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права с тайной подачей голосов;

3) что эта демократическая революция в России не ослабит, а усилит господство буржуазии, которая неминуемо попытается в известный момент, не останавливаясь ни перед чем, отнять у российского пролетариата возможно большую часть завоеваний революционного периода, —

III съезд Р. С.-Д. Р. П. постановляет:

а) что следует распространять в рабочем классе убеждение в необходимости временного революционного правительства и обсуждать в рабочих собраниях условия немедленного осуществления полностью всех ближайших политических и экономических требований нашей программы;

б) в случае победоносного восстания народа и полного ниспровержения самодержавия допустимо участие во временном революционном правительстве уполномоченных нашей партии в целях беспощадной борьбы со всеми контр-революционными попытками и отстаивания самостоятельных интересов рабочего класса;

в) необходимыми условиями такого участия являются: строгий контроль партии за ее уполномоченными и неуклонное охранение независимости социал-демократии, стремящейся к полному социалистическому перевороту и постольку непримиримо-враждебной всем буржуазным партиям;

г) независимо от того, возможно ли будет участие социал-демократии во временном революционном правительстве, следует пропагандировать в самых широких слоях пролетариата идею необходимости постоянного давления на временное правительство со стороны вооруженного и предводимого социал-демократией пролетариата в целях охраны, упрочения и расширения завоеваний революции.

11.

РЕЧЬ О ПОПРАВКАХ К РЕЗОЛЮЦИИ О ВРЕМЕННОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ 2 МАЯ (19 АПРЕЛЯ).

В общем и целом я разделяю мнение т. Зимина. Естественно, что я, как литератор, обратил внимание на литературную постановку вопроса. Важность цели борьбы указана т. Зиминым очень правильно, и я всецело присоединяюсь к нему. Нельзя бороться, не рассчитывая занять пункт, за который борешься...

Поправка т. Зимина к пункту 2): «что осуществление и т. д.... временное правительство, которое одно только» и т. д., — вполне целесообразна, и я ее охотно принимаю.—То же самое и поправка к пункту 3-му,—тут очень кстати указать, что при данных общественно-экономических условиях буржуазия по необходимости усилится. — В пункте а) резолютивной части выражение «пролетариат потребует» лучше моей формулировки, так как центр тяжести перенесен на пролетариат. В пункте б) вполне уместно указание на зависимость от соотношения сил. При этой формулировке, мне кажется, отпадает поправка т. Андреева. Кстати, мне хотелось бы знать мнение русских товарищей, ясно ли выражение «ближайших требований», и не следует ли прибавить в скобках «программы-минимум». В пункте в) у меня употреблено слово «является», а у т. Зимина «ставится», — очевидно, здесь нужна стилистическая поправка. Там, где говорится о контроле партии, мне кажется, моя старая формулировка: «охранение независимости социал-демократии» — лучше, чем предложенная т. Зиминым — «сохранение». Наша задача не только «сохранить» независимость социал-демократии, но и постоянно «охранять» ее. Поправка т. Сосновского, касающаяся этого пункта, только ухудшает формулировку, делая ее более расплывчатой. Поправки т. Андреева входят по частям в пункты моей и т. Зимина резолюции. Кстати, едва ли уместно вносить в формулировку выражение временное правительство во множественном числе, как предлагает т. Андреев. Конечно, у нас могут быть многие временные правительства, но отмечать этого не следует, так как мы вовсе не стремимся к подобному дроблению. Мы всегда будем стоять за единое российское временное правительство и будем стараться создать «единый центр и притом русский».

12.

ДОКЛАД О ПОДДЕРЖКЕ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ 2 МАЯ (19 АПРЕЛЯ).

В виду заявления 17-ти товарищей, указывавших на крайнюю необходимость ускорения работ съезда, я постараюсь быть как можно более кратким. Собственно говоря, принципиально спорных пунктов в рассматриваемом вопросе нет; их не было выдвинуто даже во время богатого «принципиальными» разногласиями партийного кризиса.

Кроме того, проект резолюции довольно давно напечатан уже в газете «Вперед» *), и я ограничусь простой защитой этой резолюции.

Вопрос о поддержке крестьянского движения разбивается собственно на два: 1) теоретические основания и 2) практический опыт партии. На последний вопрос ответ даст второй докладчик, т. Барсов, прекрасно знакомый с самым передовым крестьянским движением — в Гурии. Что же касается до теоретических основ вопроса, то дело сводится теперь к повторению выработанных с.-д. лозунгов в применении к данному крестьянскому движению. Движение это на наших глазах ширится и растет. Правительство выступает опять со старыми попытками надуть крестьян лжеуступками. Необходимо противопоставить этой политике разврата лозунги нашей партии.

Эти лозунги, по моему мнению, формулированы в проекте следующей резолюции:

«Российская социал-демократическая рабочая партия, как партия сознательного пролетариата, стремится к полному избавлению всех трудящихся от всякой эксплуатации и поддерживает всякое революционное движение против современного общественного и политического строя. Поэтому Р. С.-Д. Р. П. самым энергичным образом поддерживает и современное крестьянское движение, отстаивая все революционные меры, способные улучшить положение крестьянства, и не останавливаясь в этих целях перед экспроприацией помещичьей земли. При этом Р. С.-Д. Р. П., будучи классовой партией пролетариата, неуклонно стремится к самостоятельной классовой организации сельского пролетариата, ни на минуту не забывая о задаче разъяснять ему враждебную противоположность его интересов и интересов крестьянской буржуазии, разъяснять

*) См. настоящий том, стр. 161. *Ред.*

ему, что только совместная борьба сельского и городского пролетариата против всего буржуазного общества может привести к социалистической революции, которая одна способна действительно избавить от нищеты и эксплуатации всю массу деревенской бедноты.

Как практический лозунг агитации среди крестьянства и как средство внесения наибольшей сознательности в это движение, Р. С.-Д. Р. П. выставляет немедленное образование революционных крестьянских комитетов для всесторонней поддержки всех демократических преобразований и осуществления их в частностях. И в таких комитетах Р. С.-Д. Р. П. будет стремиться к самостоятельной организации сельских пролетариев в целях, с одной стороны, поддержки всего крестьянства во всех его революционно-демократических выступлениях, а с другой стороны, в целях охраны истинных интересов сельского пролетариата в его борьбе с крестьянской буржуазией» («Вперед» № 11 *)).

В комиссии по аграрному вопросу, образованной делегатами еще до начала съезда для подготовки работ его, обсуждался уже этот проект. Несмотря на большую разноголосицу, наметились некоторые главные оттенки, и я остановлюсь на них. Характер возможных и необходимых революционных мер в аграрном вопросе сводится, по проекту резолюции, к «улучшению положения крестьянства». Следовательно, резолюция ясно выражает этим общее убеждение всех с.-д., что преобразование самых основ современного общественно-экономического строя этими мерами отнюдь не может быть достигнуто. Это наше отличие от социалистов-революционеров. Революционное движение крестьянства может привести к значительному улучшению их положения, но не к замене капитализма другим способом производства.

Резолюция говорит о мерах, не останавливающихся перед экспроприацией помещичьих земель. Говорят, что эта формулировка изменяет нашу аграрную программу. Я считаю это мнение неверным. Конечно, редакция может быть улучшена: не наша партия, а крестьянство не остановится перед экспроприацией; наша же партия поддерживает крестьянство,— поддерживает и тогда, когда оно не остановится перед этими мерами. Вместо экспроприации следует употребить более узкое понятие — «конфискация», ибо мы решительно против всякого выкупа. Мы никогда не остановимся перед мерами конфискации земли. Но если оставить в стороне эти частные поправки, то мы увидим, что изменения аграрной программы в нашей резолюции нет. Все писатели социал-демократии всегда высказывались в том смысле, что пункт об отрезках никоим образом не указывает предела крестьянскому движению,— никоим образом не урезывает и не

*) См. настоящий том, стр. 161. *Ред.*

ограничивает его. И Плеханов и я в печати указывали, что с.-д. партия никогда не станет удерживать крестьян от революционных мер аграрного преобразования вплоть до «черного передела» [128]). Таким образом мы не изменяем нашей аграрной программы. Мы должны решительно высказаться теперь по практическому вопросу о поддержке крестьян до конца, чтобы устранить всякую возможность всяких недоразумений и перетолкований. Теперь крестьянское движение стоит на очереди дня, и партия пролетариата должна официально заявить о том, что она всячески поддерживает и отнюдь не ограничивает размах этого движения.

Дальше резолюция говорит о необходимости выделения интересов сельского пролетариата и особой организации последнего. Перед собранием социал-демократов защищать эту элементарную истину нет надобности. В аграрной комиссии говорилось, что желательно добавить указание на поддержку стачек сельских рабочих и крестьян особенно во время жатвы, покоса и т. п. Принципиально против этого, разумеется, ничего иметь нельзя. Пусть выскажутся практики о возможном значении такого указания для ближайшего будущего.

Резолюция говорит, затем, об образовании революционных крестьянских комитетов.

В № 15 «Вперед» развита подробнее та мысль, что требование немедленного образования революционных крестьянских комитетов должно стать центральным пунктом агитации *). Об «улучшении быта» говорят теперь даже реакционеры, но они стоят за чиновничий, бюрократический способ якобы улучшения, а с.-д., конечно, должна стоять за революционный путь. Главная задача — внести политическую сознательность в крестьянское движение. Крестьяне смутно сознают, что им надо, но связать свои пожелания и требования с общим политическим строем они не умеют. Поэтому их всего легче могут обмануть политические мошенники, перенося вопрос с политических преобразований на экономические «улучшения», которые на деле неосуществимы без политических преобразований. Поэтому лозунг революционных крестьянских комитетов есть единственно верный. Без революционного права, осуществляемого этими комитетами, крестьяне никогда не смогут отстоять того, что они завоюют теперь. Возражают против того, что мы и здесь изменяем аграрную программу, которая не говорит о *революционных* крестьянских комитетах, не говорит об их задачах в области демократических преобразований. Это возражение несостоятельно. Мы не изменяем нашу программу, а применяем ее к данному конкретному случаю. Раз нет сомнения, что крестьянские комитеты могут быть только революционными при данных условиях, то мы, указывая это,

*) См. настоящий том, стр. 217. *Ред.*

применяем программу к революционному моменту, а не изменяем ее. Например, наша программа говорит, что мы признаем самоопределение наций: если конкретные условия заставят нас высказаться за самоопределение известной нации, за ее полную независимость, — это будет не изменением, а применением программы. Крестьянские комитеты — учреждение гибкое, которое пригодно и при теперешних условиях и, скажем, при временном революционном правительстве, когда эти комитеты стали бы его органами. Говорят, что эти комитеты могут стать реакционными, а не революционными. Но мы, с.-д., никогда не забывали о двойственной природе крестьянина и о возможности реакционного крестьянского движения против пролетариата. Вопрос теперь не в этом, а в том, что в настоящее время крестьянские комитеты, образуемые для санкционирования земельных преобразований, могут быть лишь революционными. В настоящее время крестьянское движение, несомненно, является революционным. Говорят: после захвата земли крестьяне успокоятся. Возможно. Но самодержавное правительство не может успокоиться при крестьянском захвате земли, и в этом вся суть. Санкционировать этот захват сможет только революционное правительство или революционные крестьянские комитеты.

Наконец, заключительная часть резолюции еще раз определяет позицию социал-демократии в крестьянских комитетах, именно необходимость идти вместе с сельским пролетариатом и организовать его отдельно и самостоятельно. И в деревне только пролетариат может быть до конца революционным классом.

13.

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ О ПОДДЕРЖКЕ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ [129]).

Принимая во внимание:

1) что разрастающееся теперь крестьянское движение, являясь стихийным и политически бессознательным, тем не менее неминуемо обращается против существующего политического строя и *против привилегированных классов;*

2) что в задачи социал-демократии входит поддержка всякого революционного движения против существующего общественного и политического строя;

3) что социал-демократы должны, на основании вышеизложенного, стремиться к выделению революционно-демократических черт (особенностей) крестьянского движения, к развитию их и доведению до конца;

4) что социал-демократия, как партия пролетариата, должна во всех случаях и при всех обстоятельствах неуклонно стремиться к самостоятельной организации сельского пролетариата и разъяснять ему непримиримую противоположность его интересов и интересов крестьянской буржуазии, —

III партийный съезд Р. С.-Д. Р. П. поручает всем партийным организациям:

а) пропагандировать среди самых широких слоев пролетариата, что Р. С.-Д. Р. П. ставит своей задачей самую энергичную поддержку современного крестьянского движения, *отнюдь не противодействуя* его революционным проявлениям, вплоть до конфискации помещичьих земель;

б) как практический лозунг для агитации среди крестьянства и как способ внесения наибольшей сознательности в крестьянское движение, выдвигать план немедленной организации революционных крестьянских комитетов с целью проведения всех революционно-демократических преобразований в интересах крестьянства и избавления его от полицейско-чиновничьего и помещичьего гнета;

в) рекомендовать крестьянам отказ от исполнения воинской повинности, полный отказ от платежа податей и непризнание властей, в целях дезорганизации самодержавия и поддержки революционного натиска на него;

г) в крестьянских комитетах стремиться к самостоятельной организации сельского пролетариата и возможно более тесному сближению его с городским пролетариатом в единой социал-демократической партии рабочего класса.

14.

РЕЧЬ ПО ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ РАБОЧИМИ И ИНТЕЛЛИГЕНТАМИ В С.-Д. ОРГАНИЗАЦИЯХ 3 МАЯ (20 АПРЕЛЯ) [130].

Я не могу согласиться с товарищами, которые говорили, что расширение вопроса неуместно. Оно вполне уместно.—Здесь говорили, что носителями с.-д. идей являлись преимущественно интеллигенты. Это неверно. В эпоху экономизма носителями революционных идей были рабочие, а не интеллигенты. Это подтверждает и «Рабочий», автор брошюры, изданной с предисловием т. Аксельрода.

Т. Сергеев утверждал здесь, что выборное начало не даст большей осведомленности. Это неверно. Если бы выборное начало применять *на деле*, оно, несомненно, дало бы больше осведомленности.—Далее, указывали на то, что во главе расколов стояли обыкновенно интеллигенты. Это указание очень важно, но оно не решает вопроса. Я давно уже в своих печатных произведениях советовал, чтобы в комитеты вводили рабочих в возможно большем числе. Период времени после II съезда характеризуется недостаточным исполнением этой обязанности,—такое впечатление я вынес из бесед с практиками. Если в Саратове в комитет ввели только 1 рабочего, то значит не умели выбрать подходящих людей из рабочих. Несомненно, что это обусловливалось и расколом внутри партии: борьба из-за отстаивания комитетов вредно отразилась на практической работе. Поэтому-то мы всячески и старались ускорить созыв съезда.

Задача будущего центра переорганизовать значительное число наших комитетов,—необходимо преодолеть инертность.

Я слышу, что т. Сергеев свистит, а не-комитетчики хлопают. Я думаю, что надо взглянуть на дело шире. Вводить рабочих в комитеты есть не только педагогическая, но и политическая задача. У рабочих есть классовый инстинкт, и при небольшом политическом навыке рабочие довольно скоро делаются выдержанными социал-демократами. Я очень сочувствовал бы тому, чтобы в составе наших комитетов на каждых 2-х интеллигентов было 8 рабочих. Если совет, высказанный в литературе,—по возможности, вводить рабочих в комитеты,—оказался недостаточным, то было бы целесообразно, чтобы такой совет был высказан от имени съезда. Если вы будете иметь ясную и определенную директиву съезда, то вы будете иметь радикальный способ для борьбы с демагогией: вот ясная воля съезда.

15.

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ОБ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ РАБОЧИМИ И ИНТЕЛЛИГЕНТАМИ В С.-Д. ОРГАНИЗАЦИЯХ.

«Принимая во внимание:

1) что со стороны правого крыла нашей партии до сих пор систематически продолжаются начавшиеся еще со времен экономизма попытки сеять вражду и недоверие между членами партии — рабочими и интеллигентами, попытки изображать наши партийные организации, как чисто интеллигентские, чем искусно пользуются враги социал-демократии,—попытки обвинять социал-демократические организации в стремлении сковать партийной дисциплиной самодеятельность рабочего класса, — попытки щеголять лозунгом выборного начала, большей частью без серьезных шагов к проведению его в жизнь;

2) что *полное* господство выборного начала, возможное и необходимое при свободных политических условиях, неосуществимо при самодержавии, — но что и при самодержавии применение выборной системы было бы возможно в значительно более широких размерах, чем это делается теперь, если бы не препятствовала та формальная расплывчатость партийной организации и та фактическая ее дезорганизованность, которыми партия обязана правому же крылу социал-демократии.

III съезд Р. С.-Д. Р. П., признавая своей задачей путем ряда организационных реформ подготовить к ближайшим съездам условия для действительного проведения в возможных размерах выборного начала в партийной жизни, напоминает еще раз задачу сознательных сторонников рабочей социал-демократической партии: укреплять всеми силами связь партии с массой рабочего класса, поднимая все более и более широкие слои пролетариев и полу-пролетариев до полной социал-демократической сознательности, развивая их революционную социал-демократическую самодеятельность, заботясь о выделении рабочей массою возможно большего числа рабочих, способных руководить движением и партийными организациями, в качестве членов местных центров и центра общепартийного, — создавая как можно более рабочих организаций, входящих в нашу партию, — стараясь о том, чтобы рабочие организации, не желающие или не имеющие возможности войти в партию, по крайней мере, к ней примыкали».

16.

ЗАМЕЧАНИЕ ПРИ ОБСУЖДЕНИИ РЕЗОЛЮЦИИ ПО ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ РАБОЧИМИ И ИНТЕЛЛИГЕНТАМИ В С.-Д. ОРГАНИЗАЦИЯХ 5 МАЯ (22 АПРЕЛЯ).

Я не мог сидеть спокойно, когда говорили, что рабочих, годных в члены комитета, нет. Вопрос оттягивается; очевидно в партии есть болезнь. Рабочих надо вводить в комитеты. Удивительно: литераторов на съезде всего три, остальные—комитетчики, а между тем литераторы — за введение рабочих, а комитетчики почему-то горячатся.

Заявления т.т. Голубина и Михайлова в высшей степени ценны.

17.
РЕЧЬ ПРИ ОБСУЖДЕНИИ УСТАВА ПАРТИИ 4 МАЯ (21 АПРЕЛЯ).

Должен признаться, что аргументы, которыми т. Иванов защищает свою идею единоцентрия, кажутся мне несостоятельными. Читает аргументацию т. Иванова:

«К §§ 4 и 5-му. Система двух центров с балансиром — Советом осуждена самой жизнью. Из истории партийного кризиса очевидно, что она — слишком благоприятная почва для развития разногласий, дрязги, придворных интриг. Она означает подчинение России загранице: Ц. К. непостоянен по своему составу в силу провалов, ред. Ц. О. постоянна, Совет живет за границей. Все важнейшие возражения против одного центра, основанные на фактической разъединенности России с заграницею, с одной стороны, только подтверждают мысль о возможности и вероятности раскола между двумя центрами, с другой стороны, в значительной мере отпадают, если съезд сделает обязательными периодические совещания между русскими и заграничными членами Ц. К.» [181]).

Упомянутые здесь милые качества оказались, однако, присущи в одинаковой мере как заграничному Ц. О., так и «истинно-русскому» Ц. К. Во всем построении т. Иванова я вижу ошибку, предусмотренную логикой: *post hoc, ergo propter hoc* *). Так как три центра нам, извините за выражение, напакостили, — то пусть будет у нас один центр. Я не вижу здесь «*propter*»! Наши беды обусловлены были не механизмом, а личностями: дело-то в том, что отдельные личности, прикрываясь формалистическим толкованием устава, уклонялись от исполнения воли съезда. Разве «истинно-русский» Ц. К. не превратился «диалектически» в свою противоположность? Т. Иванов рассуждает так: заграница вела себя дурно, — надо поставить ее в «осадное положение» и взять ее в «ежовые рукавицы». Я всегда, как известно, был сторонником и «осадного положения» и «ежовых рукавиц», поэтому против таких мер возражать не буду, но разве Ц. К. не заслужил того же? Кроме того кто же станет оспаривать, что Ц. О. может быть постоянным, а Ц. К. не может? Ведь это — как никак факт. Но практически я воздержусь от всякого спора: прежде у нас был Совет, а теперь будет совещание (заграничной и русской части Ц. К.). Всего три лишние буквы. Телега наша валилась все направо в сторону Ц. О. — т. Иванов под-

*) — после этого — значит по причине этого. *Ред.*

кладывает справа солому на будущее время, но, по моему мнению, надо бы подложить ее и слева, со стороны Ц. К. Я бы присоединился к предложению т. Михайлова о раскассировании комитетов, но я, право, не знаю, что такое периферия? «Заседателей и хранителей печати» выкуривать надо, но как точно определить понятие — периферия? «$^2/_3$ голосов периферии!» — но кто сможет вести ей точный регистр? Я должен, кроме того, предостеречь съезд от заполнения устава множеством параграфов. Писать хорошие параграфы легко, но на практике они большею частью оказываются лишними. Не надо превращать устав в собрание благих пожеланий...

18.

РЕЧЬ О РЕДАКЦИИ § 9 УСТАВА ПАРТИИ 4 МАЯ (21 АПРЕЛЯ).

Я стоял за раскассирование комитетов, но в Совете Партии, в момент, когда разгорелась наша фракционная вражда, я высказался против него, потому что применять это право было до некоторой степени неприлично. Если этот параграф грозит комитетам, состоящим из интеллигенции, я сугубо высказываюсь за него. Интеллигенцию всегда нужно держать в ежовых рукавицах. Она всегда стоит во главе всевозможных дрязг, и поэтому я предлагаю вместо слов «периферия» поместить слова: «организованные рабочие», т.-е. сказать так: «§ 9. Местный комитет должен быть распущен Ц. К., если за распущение выскажутся $^2/_3$ местных рабочих, входящих в партийные организации».

На маленькую интеллигентскую периферию положиться нельзя, но на сотни организованных рабочих можно и должно. Этот параграф я хочу тесно связать с вопросом об отчетности. Нам в этом отношении нужно взять пример с Бунда, которому всегда точно известна цифра организованных рабочих. И если наш Ц. К. всегда будет знать, сколько есть в данной организации организованных рабочих, с их мнением Ц. К. должен считаться и обязан раскассировать местный комитет по требованию организованных рабочих.

19.

РЕЧЬ ПО ПОВОДУ СОГЛАШЕНИЯ С С.-Р. 6 МАЯ (23 АПРЕЛЯ).

Я должен доложить съезду об одной неудачной попытке соглашения с с.-р. За границу приехал т. Гапон. Повидался с с.-р., потом с «Искрой», затем и со мной. Он говорил мне, что стоит на точке зрения с.-д., но по некоторым соображениям он не считает возможным заявить это открыто. Я ему сказал, что дипломатия вещь очень хорошая, — но не между революционерами. Нашего разговора не передаю — его содержание изложено во «Вперед» [132]). На меня он произвел впечатление человека безусловно преданного революции, инициативного и умного, хотя, к сожалению, без выдержанного революционного миросозерцания.

Через некоторое время я получил от т. Гапона письменное приглашение на конференцию социалистических организаций, имевшую целью, по мысли Гапона, согласование их деятельности. Вот список тех 18 организаций, которые, по этому письму, были приглашены на конференцию т. Гапона:

1) Партия соц.-революционеров. 2) Р. С.-Д. Р. П. «Вперед». 3) Р. С.-Д. Р. П. «Искра». 4) Польская Партия Социалистическая. 5) С.-Д. Польши и Литвы. 6) П. П. С. «Пролетариат». 7) Латышская С.-Д. Р. П. 8) Бунд. 9) Армянская с.-д. рабочая организация. 10) Армянская революционная федерация (Дрошак). 11) Белорусская Социалистическая Громада. 12) Латышский С.-Д. Союз. 13) Финляндская Партия активного сопротивления. 14) Финляндская Рабочая Партия. 15) Грузинская Партия соц.-федер.-революционеров. 16) Украинская революционная Партия. 17) Литовская С.-Д. Партия. 18) Украинская Соц. Партия [133]).

Я указывал и т. Гапону и одному видному с.-р., что сомнительный состав конференции может затруднить дело. На конференции складывается огромное преобладание с.-р. Дело созыва конференции надолго затянулось. «Искра» ответила, как видно из предъявленных мне т. Гапоном документов, что она предпочитает прямые соглашения с организованными партиями. «Тонкий» намек на «Вперед», который-де является дезорганизатором и т. д. В конце концов «Искра» на конференцию не явилась. Мы, представители и от редакции «Вперед» и от Бюро комитетов большинства, на конференцию явились. Мы здесь увидели, что конференция является с.-р. Оказалось, что рабочие партии

либо вовсе не приглашены, либо нет никаких сведений, что они приглашены. Так была представлена Финляндская Партия активного сопротивления, но не было Финляндской Рабочей Партии.

На наш вопрос, почему? — нам ответили, что приглашение Финляндской Рабочей Партии передано через Партию активного сопротивления, так как, по словам говорившего это с.-р., они не знали, как сообщить это непосредственно. Между тем всякому, хоть сколько-нибудь знающему дела за границей, известно, что с Финляндской Рабочей Партией можно снестись хотя бы через вождя Шведской С.-Д. Р. П. Брантинга. На конференции были представители П. П. С., но не было представителя С.-Д. Польши и Литвы. И нельзя было добиться сведений, были ли они приглашены? От Литовской С.-Д., Революционной Украинской Партии ответа не получилось, как нам сообщил тот же с.-р.

С самого начала выдвинут был национальный вопрос. П. П. С. подняла вопрос о нескольких учредительных собраниях. И это дает мне основание сказать, что вперед необходимо будет или вовсе отказываться от участия в конференции, либо устраивать конференцию из представителей рабочих партий одной национальности, либо приглашать на конференцию представителей местных партийных комитетов, из районов с не-русским населением. Но я вовсе не вывожу отсюда, что конференции невозможны из-за принципиальных разногласий. Необходимо лишь, чтобы вопросы были поставлены чисто деловые.

Мы не можем из-за границы контролировать состав конференций и т. п. Необходимо, чтобы был представляем русский центр и обязательно с участием представителей местных комитетов. Вопрос, из-за которого мы удалились, был вопрос относительно латышей. Уходя с конференции, мы предъявили следующее заявление:

«Переживаемый Россией важный исторический момент ставит перед действующими в стране с.-д. и революционно-демократическими партиями и организациями задачу практического соглашения для более успешного нападения на самодержавный режим.

Придавая, поэтому, чрезвычайно серьезное значение созываемой для этой цели конференции, мы естественно должны самым строгим образом относиться к вопросу о ее составе.

В созванной т. Гапоном конференции, к сожалению, это необходимое условие плодотворности ее работы не было достаточно соблюдено, и мы вынуждены были ввиду этого уже при самом начале ее конституирования принять меры, которые обеспечили бы реальный успех данного совещания.

Чисто деловой характер конференции требовал, например, прежде всего, чтобы доступ к участию в ней был предоставлен лишь таким организациям, которые составляют действительную реальную силу в России.

А между тем состав конференции в смысле реальности некоторых организаций оказался весьма неудовлетворительным. На ней оказалась представленной даже такая организация, фиктивность которой стоит вне сомнений. Мы говорим о Латышском С.-Д. Союзе.

Представитель Латышской С.-Д. Р. П. потребовал отвода этого Союза, придав этому требованию ультимативный характер.

Выяснившаяся, затем, на особом совещании представителей четырех с.-д. организаций при участии делегатов «Союза» полная фиктивность последнего, естественно, заставила и нас — остальные бывшие на конференции с.-д. организации и партии — присоединиться к этому ультимативному требованию.

Но тут же, с первых шагов, мы натолкнулись на резкий отпор всех рев.-демокр. партий, которые своим отказом в удовлетворении нашего ультимативного требования предпочли одну фиктивную группу ряду известных с.-д. организаций.

Наконец, практическое значение конференции еще более умалялось отсутствием на ней целого ряда других с.-д. организаций, участие которых, насколько нам удалось выяснить, не было обеспечено надлежащими мерами.

Вынужденные ввиду всего этого оставить конференцию, мы выражаем вместе с тем уверенность, что неудача одной попытки не остановит настойчивого стремления к повторению ее в самом близком будущем, и что стоящая пред всеми революционными партиями задача практического соглашения будет выполнена этой ближайшей конференцией в составе действительно работающих в России, а не фиктивных организаций.

За Латышскую С.-Д. Р. П. — Ф. Розин.
За «Вперед» Росс. С.-Д. Р. П. — Н. Ленин.
За Центр. Ком. Бунда — И. Гельфин.
За Арм. С.-Д. Р. Организацию — Лерр».

Через $1^1/_2$ — 2 недели т. Гапон передал мне следующее заявление:

«Дорогой товарищ! Препровождая вам две декларации, исходящие от известной вам конференции, прошу сообщить их предстоящему III съезду Р. С.-Д. Р. П. Считаю долгом оговориться лично за себя, что я принимаю эти декларации с некоторыми оговорками в вопросах социалистической программы и федералистического принципа.

Георгий Гапон».

При этом заявлении были переданы два интересных документа, в которых обращают на себя внимание следующие места:

«Применение федеративного начала в отношениях между национальностями, остающимися под одной государственной кровлей»...

«Социализация, т.-е. переход в общественное заведывание и в пользование трудового земледельческого населения всех земель, обработка которых основывается на эксплуатации чужого труда, при чем определение конкретных форм, последовательности в проведении этой меры и ее размеров остается в сфере компетенции партий отдельных национальностей, сообразно особенностям местных условий их страны; развитие общественного, муниципального и общинного хозяйства»...

«...Хлеба — голодным!
Земля и ее блага — всем трудящимся!»

«...Учредительного собрания из представителей всех мест Российской империи, за исключением Польши и Финляндии!»

«...Созыв для Кавказа, как автономной, федеративно связанной с Россией части, — учредительного собрания»...

Результат конференции, как видно из приведенных цитат, вполне подтвердил опасения, побудившие нас покинуть конференцию. Здесь перед нами сколок с с.-р. программы со всевозможными уступками националистическим непролетарским партиям. Странно было без национальных пролетарских партий участвовать в решении выдвинутых на конференции вопросов. Ею выставлено, например, требование особого учредительного собрания для Польши. Мы не можем быть ни за, ни против. Наша программа признает принцип самоопределения национальностей. Но недопустимо решать этот вопрос без С.-Д. Польши и Литвы. Конференция поделила учредительное собрание — и это без присутствия рабочих партий! Мы не можем допустить практического решения подобных вопросов помимо партии пролетариев.—Но вместе с тем нахожу, что принципиальные разногласия не исключают все же возможности практических конференций, но, во-1-х, — в России, во-2-х, по проверке реальности сил и, в-3-х, отделяя национальные вопросы, или по крайней мере приглашая на конференцию представителей местных комитетов тех из районов, где есть национальные с.-д. и не с.-д. партии.

Перехожу к предлагаемой резолюции о практических соглашениях с с.-р. (читает проект в ред. т. Воинова):

«Подтверждая отношение Р. С.-Д. Р. П. к партии с.-р., определенное резолюцией II съезда, и принимая во внимание:

1) что временные боевые соглашения с.-д. с организацией с.-р. в целях борьбы с самодержавием являются в настоящее время в общем желательными;

2) что такие соглашения ни в коем случае не должны ограничивать полной самостоятельности с.-д. раб. партии и нарушать цельность и чистоту ее пролетарской тактики и ее принципов, —

III съезд Р. С.-Д. Р. П. поручает Ц. К. и местным комитетам в случае надобности входить во временные боевые соглашения с организациями с.-р., при чем местные соглашения могут заключаться лишь под непосредственным контролем Ц. К.».

Я согласен с этим проектом. Только нельзя ли как-нибудь смягчить конец, напр., вместо «под непосредственным контролем Ц. К.» оставить лишь «под контролем Ц. К.».

20.

РЕЧЬ ПО ДОКЛАДУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Ц. К. 8 МАЯ (25 АПРЕЛЯ).

Действительно, доклад о деятельности Ц. К. касался больше техники, чем политики Ц. К. С 1900 г. я слежу за деятельностью центрального аппарата партии и должен констатировать гигантский прогресс. Если он нас не удовлетворяет, так ведь полное удовлетворение наступит разве при диктатуре пролетариата, да и то едва ли! Имейте в виду, что «кооптация» все еще вредит! Ц. К. говорит мало о своей политике, ибо ничего хорошего о ней он не мог сказать. Главная его ошибка — это борьба против созыва съезда. Будь съезд созван годом раньше, он был бы более примиренческим, чем теперь. Я сам стою за раскассирование, но я против него безусловно в одном случае,— когда оно делается из-за агитации за съезд, но на этом я не хочу останавливаться: больше радости об одном грешнике раскаявшемся, чем о 99 праведниках. Что касается упреков по моему адресу, то я скажу лишь, что литератор без партии ничего сделать не в состоянии.

LE PROLÉTAIRE

ЖЕНЕВА 27 (14) мая 1905 года

№ 1.

Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!

Центральный Органъ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи.

Извѣщеніе о III-емъ съѣздѣ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи

Главнѣйшія резолюціи

Резолюція о конституированіи съѣзда

Первая страница газеты «Пролетарий» № 1 — 1905 г.

Уменьшено

ИЗВЕЩЕНИЕ О III СЪЕЗДЕ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ.

Товарищи-рабочие! Недавно состоялся III съезд Р. С.-Д. Р. П., который должен открыть собой новую полосу в истории нашего социал-демократического рабочего движения. Россия переживает великий исторический момент. Революция вспыхнула и разгорается все шире, охватывая новые местности и новые слои населения. Пролетариат стоит во главе боевых сил революции. Он принес уже наибольшие жертвы делу свободы и готовится теперь к решительному бою с царским самодержавием. Сознательные представители пролетариата знают, что свобода не даст трудящимся избавления от нищеты, гнета и эксплуатации. Буржуазия, ныне стоящая за дело свободы, постарается на другой день после революции отнять у рабочих возможно большую часть ее завоеваний, выступит непримиримым врагом социалистических требований пролетариата. Но мы не боимся свободной, объединенной и окрепшей буржуазии. Мы знаем, что свобода даст нам возможность широкой, открытой, массовой борьбы за социализм. Мы знаем, что экономическое развитие с неумолимой силой—и тем быстрее, чем свободнее оно пойдет,—будет подкапывать власть капитала и подготовлять победу социализма.

Товарищи-рабочие! Чтобы достигнуть этой великой цели, мы должны сплотить всех сознательных пролетариев в единую Российскую С.-Д. Рабочую Партию. Наша партия начала складываться уже давно, тотчас после широкого рабочего движения 1895 и 1896 годов. В 1898 году собрался первый съезд, основавший Российскую Соц.-Дем. Рабочую Партию и наметивший ее задачи. В 1903 году состоялся второй съезд, давший партии программу, вынесший ряд резолюций о тактике и впервые попытавшийся создать цельную партийную организацию. Правда, эта последняя задача не удалась партии сразу. Меньшинство второго съезда не захотело подчиниться большинству его и начало раскол, принесший глубокий вред с.-д. рабочему движе-

нию. Первым шагом этого раскола было нежелание исполнять постановления второго съезда, отказ работать под руководством созданных им центральных учреждений; последним шагом явился отказ принять участие в III съезде. III съезд был созван Бюро, выбранным большинством комитетов, работающих в России, и Ц. К. партии. На съезд были приглашены все комитеты, отделившиеся группы и недовольные комитетами периферии, и громадное большинство их, в том числе почти все комитеты и организации меньшинства, выбрали своих делегатов и послали их на съезд за границу. Таким образом было достигнуто все, осуществимое при наших полицейских условиях, для созыва общепартийного съезда, и только отказ трех заграничных членов бывшего Совета Партии повлек за собой бойкот съезда всем меньшинством партии. III съезд, как видно из приводимой ниже резолюции его [134]), возлагает на этих трех членов всю ответственность за раскол партии. Но тем не менее III съезд, несмотря на отсутствие меньшинства, принял все меры к тому, чтобы меньшинство могло работать вместе с большинством в одной партии. III съезд признал неправильность того поворота к устарелым, отжившим взглядам экономизма, который наметился в нашей партии, но в то же время съезд создал точные и определенные, закрепленные уставом партии, обязательные для всех членов ее, гарантии прав всякого меньшинства. Меньшинство имеет теперь безусловное, обеспеченное уставом партии, право отстаивать свои взгляды, вести идейную борьбу, — лишь бы споры и разногласия не вели к дезорганизации, не мешали положительной работе, не дробили наших сил, не препятствовали дружной борьбе с самодержавием и с капиталистами. Право на издание партийной литературы дано теперь уставом всякой полноправной организации партии. Ц. К. партии вменено теперь в обязанность транспортировать всякую партийную литературу, раз этого требуют пять полноправных комитетов, т.-е. одна шестая доля всех полноправных комитетов партии. Автономия комитетов определена точнее, личный состав комитетов объявлен неприкосновенным, т.-е. у Ц. К. отнято право исключать членов из местных комитетов и вводить новых без согласия комитета. Единственным исключением из этого является тот случай, когда $^2/_3$ организованных рабочих требуют смещения комитета: тогда по уставу, принятому III съездом, это смещение обязательно для Ц. К., раз $^2/_3$ его согласны с решением рабочих. Каждому местному комитету дано право утверждать периферийные организации в звании партийных организаций. Периферии дано право представлять кандидатов в члены комитетов. Границы партии определены точнее, согласно желанию большинства партии. Создан один центр вместо двух или трех. Обеспечено решительное преобладание работающих в России

товарищей над заграничной частью партии. Одним словом, третьим съездом сделано все, чтобы рассеять всякую возможность нареканий на злоупотребление со стороны большинства его перевесом, на механическое подавление, на деспотизм центральных учреждений партии и проч. и т. п. Создана полная возможность для всех социал-демократов работать вместе, вступать уверенно в ряды одной партии, достаточно широкой и жизненной, достаточно окрепшей и сильной, чтобы парализовать традиции старой кружковщины, чтобы стереть следы минувших трений и мелочных конфликтов. Пусть же все действительно ценящие партийность работники социал-демократии последуют теперь призыву III съезда, пусть его постановления послужат исходным пунктом для восстановления единства партии, для устранения всякой дезорганизации, для сплочения рядов пролетариата. Мы уверены, что именно сознательные рабочие, всего лучше умеющие ценить значение сплоченной, дружной работы, всего глубже прочувствовавшие весь вред розни, шатаний и усобиц, будут настаивать теперь со всей энергией на всеобщем и безусловном признании партийной дисциплины всеми членами партии как из низов, так и из верхов ее!

Стремясь сохранить во всех своих организационных и тактических решениях преемственную связь с работами второго съезда, III съезд пытался учесть новые задачи момента в резолюциях о подготовке партии к открытому выступлению, о необходимости самого энергичного практического участия в вооруженном восстании и руководства им со стороны партии, наконец, об отношении ее к временному революционному правительству. Съезд обратил внимание всех членов партии на необходимость пользоваться всяким колебанием правительства, всяким юридическим или фактическим расширением свободы нашей деятельности для укрепления классовой организации пролетариата, для подготовки открытого выступления его. Но кроме этих общих и основных задач социал-демократической рабочей партии переживаемый революционный момент выдвигает перед ней роль передового борца за свободу, роль авангарда в вооруженном восстании против самодержавия. Чем упорнее становится сопротивление царской власти народному стремлению к свободе, тем могучее растет сила революционного натиска, тем вероятнее полная победа демократии с рабочим классом во главе ее. Проведение победоносной революции, отстаивание ее завоеваний возлагает гигантские задачи на плечи пролетариата. Но пролетариат не испугается великих задач. Он с презрением отбросит от себя тех, кто сулит ему несчастья от его победы. Российский пролетариат сумеет исполнить свой долг до конца. Он сумеет стать во главе народного вооруженного восстания. Он не испугается трудной задачи участия во временном революцион-

ном правительстве, если эта задача выпадет на его долю. Он сумеет отбить все контр-революционные попытки, беспощадно раздавить всех врагов свободы, грудью отстоять демократическую республику, добиться революционным путем осуществления всей нашей программы-минимум. Не страшиться, а страстно желать этого исхода должны российские пролетарии. Победив в предстоящей демократической революции, мы сделаем этим гигантский шаг вперед к своей социалистической цели, мы сбросим со всей Европы тяжелое ярмо реакционной военной державы и поможем быстрее, решительнее и смелее пойти к социализму нашим братьям, сознательным рабочим всего мира, которые так истомились в буржуазной реакции и духовно оживают теперь при виде успехов революции в России. А с помощью социалистического пролетариата Европы мы сумеем не только отстоять демократическую республику, но и пойти к социализму семимильными шагами.

Вперед же, товарищи рабочие, на организованную, дружную и стойкую борьбу за свободу!

Да здравствует революция!

Да здравствует международная революционная социал-демократия!

Центральный Комитет Р. С.-Д. Р. П.

«Пролетарий» [185]) *№ 1, 27 (14) мая 1905 г.*

О КОНСТИТУИРОВАНИИ СЪЕЗДА [136]).

В дополнение к этой резолюции, принятой в начале съезда, Ц.К. считает необходимым добавить, на основании позднейших данных, следующее. Общее число полноправных голосов нашей партии было определено съездом окончательно в 71, т.-е. 62 голоса у 31 полноправной организации и 9 голосов у центральных учреждений партии. Комитеты Кременчугский, Казанский и Кубанский не признаны съездом полноправными. На съезде присутствовали с решающими голосами делегаты комитетов: Петербургского, Московского, Тверского (в конце съезда), Рижского, Северного, Тульского, Нижегородского, Уральского, Самарского, Саратовского, Кавказского Союза (8 голосов, т.-е. равняется четырем комитетам), Воронежского, Николаевского, Одесского, Полесского, Северо-Западного, Курского и Орловско-Брянского. Всего 21 организация с 42 голосами, затем делегаты Ц.К. и представители Ц.К. в совете всего с 4 голосами. Итого 46 голосов из 71. С совещательными голосами присутствовали делегаты Архангельского комитета, Уральского Союза (второй делегат, прибывший к концу съезда), Казанского комитета, Одесского комитета; групп: Екатеринославской, Харьковской, Минской, редакции «Вперед» и Комитета Заграничной Организации. Делегат Кременчугского комитета выразил желание принять участие в работах съезда, но опоздал приездом. Далее, делегаты третьего Съезда получили во время его заседаний документ, из которого явствует, что приехали за границу, благодаря усилиям Организационного Комитета создать общепартийный съезд, представители организаций: Петербургской группы Ц.К., Одесской группы Ц.К., Николаевского комитета, Харьковского комитета, Киевского комитета, Екатерин. комитета, Кубанского комитета, Донского комитета, Донецкого Союза, Сибирского Союза, периферии Московского комитета, Сормовской периферии, Смоленского комитета, Крымского Союза и Украинского С.-Д. Союза. Документ этот есть письмо к «Товарищам, собравшимся на съезд по приглашению Организационного комитета», письмо, подписанное представителями всех названных организаций. Отсюда видно, что Организационному

Комитету действительно удалось обеспечить возможность общепартийного съезда в полном смысле слова.

Съезд имел всего 26 заседаний. В порядке дня стояли вопросы тактические: 1) Вооруженное восстание. 2) Отношение к политике правительства накануне и в самый момент переворота. 3) Отношение к крестьянскому движению. Затем вопросы организационные. 4) Отношение рабочих и интеллигентов в партийных организациях. 5) Устав партии. Далее, вопросы об отношении к другим партиям и организациям, именно: 6) — к отколовшейся части Р. С.-Д. Р. П. 7) — к национальным с.-д. партиям. 8) — к «социал-революционерам». 9) — к либералам. Далее, 10) Улучшение пропаганды и агитации. 11) Отчет Ц. К. 12) Отчеты делегатов местных комитетов. 13) Выборы. 14) Порядок оглашения протоколов и решений съезда и вступления должностных лиц в должность.

Издание протоколов съезда поручено особой выбранной съездом комиссии, которая приступила уже к своим работам.

Ц. К. Росс. С.-Д. Р. П.

«Пролетарий» № 1, 27 (14) мая 1905 г.

ТРЕТИЙ СЪЕЗД.

Долгая и упорная борьба за съезд в Р. С.-Д. Р. П. наконец закончилась. Третий съезд состоялся. Подробная оценка всех его работ будет возможна лишь после выхода в свет протоколов съезда. В настоящее время мы намерены лишь наметить, на основании опубликованного «Извещения» *) и впечатлений участников съезда, главные вехи партийного развития, отлившегося в решения III съезда.

Три главных вопроса стояли перед партией сознательного пролетариата в России накануне III съезда. Во-первых, вопрос о партийном кризисе. Во-вторых, более важный вопрос о форме организации партии вообще. В-третьих,—главный вопрос о нашей тактике в переживаемый революционный момент. Рассмотрим решение этих трех вопросов, переходя от менее к более существенному.

Партийный кризис вырешился сам собой одним уже фактом созыва съезда. Основу кризиса, как известно, составляло упорное нежелание меньшинства II съезда подчиниться большинству его. Мучительность этого кризиса и затяжной характер его обусловливались промедлением в созыве III съезда, обусловливались наличностью фактического раскола партии, раскола скрытого и тайного при лицемерном соблюдении внешнего и показного единства и при отчаянных усилиях большинства ускорить прямой выход из невозможного положения. Съезд дал этот выход, поставив перед меньшинством в упор вопрос о признании решений большинства, т.-е. о фактическом восстановлении или полном формальном нарушении единства партии. Меньшинство решило этот вопрос во втором смысле, предпочитая раскол. Отказ Совета участвовать в съезде вопреки несомненно выраженной воле большинства полноправных организаций партии, отказ всего меньшинства явиться на съезд были, как сказано уже в «Извещении», последним шагом к расколу. Мы не будем останавливаться здесь на формальной законности съезда, вполне доказанной в «Извещении». Тот довод, что съезд, созванный не Советом, т.-е. не по

*) См. настоящий том, стр. 295—298. *Ред.*

уставу партии, незаконен, трудно даже взять всерьез после всей истории партийного конфликта. Для всякого, усвоившего себе основы всякой партийной организации вообще, ясно, что дисциплина по отношению к низшей коллегии обусловлена дисциплиной по отношению к высшей коллегии; дисциплина по отношению к Совету обусловлена подчинением Совета его доверителям, т.-е. комитетам и их совокупности, партийному съезду. Кто не согласен с этой азбукой, тот неизбежно приходит к абсурдному выводу, что не доверенные лица ответственны перед доверителями и подотчетны им, а наоборот. Но, повторяем, на этом вопросе не стоит долго останавливаться не только потому, что не понять дела могут лишь нежелающие понимать, а еще и потому, что с момента раскола спор о формальностях между расколовшимися частями становится особенно сухой и бесцельной схоластикой.

Меньшинство откололось теперь от партии, это — совершившийся факт. Одна часть его, вероятно, убедится из решений и еще более из протоколов съезда в наивности разных басен о механическом подавлении и т. п., в наличности полных гарантий прав меньшинства вообще в новом уставе, во вреде раскола,—и войдет в партию. Другая часть, может быть, будет упорствовать некоторое время в непризнании партийного съезда. По отношению к этой части нам остается пожелать, чтобы она как можно скорее сорганизовалась внутренне в цельную организацию со своей особой тактикой и особым уставом. Чем скорее это будет, тем легче будет всем и каждому, широкой массе партийных работников, разобраться в причинах раскола и в оценке его, тем осуществимее будут практические соглашения между партией и отколовшейся организацией, смотря по нуждам работы на местах, тем скорее, наконец, наметится путь к неизбежному будущему восстановлению единства партии.

Перейдем теперь ко второму вопросу, к общим организационным нормам партии. III съезд довольно существенно переработал эти нормы, пересмотревши весь устав партии. Пересмотр этот коснулся трех главных пунктов: а) изменения § 1 устава; б) точного определения прав Ц. К. и автономии комитетов с расширением этой последней; в) создания единого центра. Что касается до пресловутого вопроса о § 1 устава, то его достаточно выяснила уже партийная литература. Неправильность принципиальной защиты расплывчатой формулировки Мартова доказана вполне. Попытка Каутского защитить эту формулировку не принципиальными соображениями, а удобством с точки зрения русских конспиративных условий, не имела и не могла иметь успеха [137]). Кто работал в России, тот прекрасно знает, что таких соображений удобства не существует. Остается теперь ждать первого опыта коллективной *работы* партии над осуществлением нового § 1 устава. Мы подчеркиваем, что над его осуществле-

нием надо еще работать и много работать. Чтобы зачислить себя самого в члены партии «под контролем одной из партийных организаций»,— для этого никакой работы не требуется, ибо эта формула есть звук пустой и все время была, от второго до третьего съезда, звуком пустым. Чтобы создать широкую сеть разнородных партийных организаций, начиная от узких и конспиративных и кончая возможно более широкими и возможно менее конспиративными, для этого нужна упорная, долгая, умелая организационная работа, которая и ложится теперь на наш Ц. К., а еще более на наши местные комитеты. Именно комитетам придется утверждать в звании партийных наибольшее число организаций, придется избегать при этом всякой ненужной волокиты и придирчивости, придется пропагандировать всегда и непрестанно среди рабочих идею необходимости создавать как можно больше самых различных рабочих организаций, входящих в нашу партию. Мы не можем здесь останавливаться дольше на этом интересном вопросе. Заметим лишь, что революционная эпоха делает особенно необходимым резкое отграничение социал-демократии от всех и всяких демократических партий. А такое разграничение немыслимо без постоянной работы над расширением числа партийных организаций и укреплением их связи между собою. Делу этого укрепления связи должны служить, между прочим, двухнедельные отчеты, установленные съездом. Пожелаем, чтобы эти отчеты не остались на бумаге, чтобы практики не рисовали себе ужасов волокиты и канцелярщины по поводу этого, чтобы они приучали себя сначала к немногому, к простому хотя бы сообщению числа членов каждой, даже самой мелкой, самой отдаленной от центра партийной организации. «Лиха беда начало», говорит пословица, а там уже видно будет, какое громадное значение имеет привычка к регулярным организационным сношениям.

На вопросе об одном центре мы не будем долго останавливаться. III съезд таким же громадным большинством отверг «двоецентрие», каким II съезд принял его. Причины этого легко поймет всякий, внимательно следящий за историей партии. Съезды не столько творят новое, сколько закрепляют результаты уже выработанные. Ко времени II съезда опорой устойчивости была и считалась редакция «Искры»,— ей дан был перевес. Преобладание российских товарищей над заграничными казалось еще проблематичным при том уровне развития партии. После второго съезда неустойчивой оказалась именно заграничная редакция,— партия же выросла, несомненно и значительно выросла, именно в России. Назначение редакции Ц. О. Центральным Комитетом партии не могло не встретить при этих условиях сочувствия массы партийных работников.

Наконец, попытки более точного разграничения прав Ц. К. и местных комитетов, идейной борьбы и дезорганизаторской свары

равным образом с неизбежностью вытекали из всего хода событий после II съезда. Тут перед нами последовательное и систематическое «накопление партийного опыта». Письмо Плеханова и Ленина к недовольным редакторам от 6 октября 1903 г. *) — стремление разграничить элементы раздражения и разногласия. Ультиматум Ц. К. от 26 ноября 1903 г. [138]) — то же стремление в виде оформленного предложения литературной группы. Заявление представителей Ц.К. в Совете в конце янв. 1904 г. **) — попытка призвать всю партию к отделению идейных форм борьбы от бойкота и т. п. Письмо Ленина к русским членам Ц. К. от 26 мая 1904 г.***) — признание необходимости формально гарантировать права меньшинства. Известная «декларация 22-х» (осень 1904 г.) — то же в более отчетливой, разработанной и категорической форме. Совершенно естественно, что по этой дороге пошел и III съезд, который «окончательно рассеял, формальными решениями рассеял мираж осадного положения». В чем именно состоят эти формальные решения, т.-е. видоизменение устава партии, мы не будем повторять здесь, ибо это видно из устава и из «Извещения». Заметим только две вещи. Во-первых, позволительно надеяться, что гарантия права издавать литературу и обеспечение комитетов от «раскассирования» облегчит возвращение в партию отколовшихся национальных с.-д. организаций. Во-вторых, установление неприкосновенности личного состава комитетов заставило предусмотреть возможность злоупотреблений этой неприкосновенностью, т.-е. неудобство «несменяемости» абсолютно негодного комитета. Таким образом возник § 9 нового устава партии, устанавливающий условия распущения комитета при требовании этого $^{2}/_{3}$ местных рабочих, входящих в партийные организации. Подождем указаний опыта, чтобы решить, насколько практичным оказалось это правило.

Наконец, переходя к последнему и самому важному предмету работ съезда, к установлению тактики партии, мы должны заметить, что перечислять отдельные резолюции и рассматривать подробно их содержание здесь не место. Может быть, нам придется сделать это в особых статьях, посвященных главнейшим резолюциям. Здесь же необходимо обрисовать общую политическую ситуацию, в которой должен был разобраться съезд. Возможен двоякий ход и исход начавшейся русской революции. Возможно, что царское правительство сумеет еще вывернуться из тисков, в которых оно сжато, посредством ничтожных уступок, посредством какой-нибудь «шиповской» конституции. Такой исход мало вероятен, но если международное положение самодержавия улучшится в случае, напр., удачного сравнительно мира,

*) См. VI том Сочинений. *Ред.*
**) См. VI том Сочинений. *Ред.*
***) См. VI том Сочинений. *Ред.*

если предательство буржуазии по отношению к делу свободы реализуется быстро в сделке с властью имущими, если неизбежный революционный взрыв или взрывы окончатся поражением народа,—тогда этот исход наступит. Нас, социал-демократов, да и весь сознательный пролетариат, ждут тогда долгие серые будни свирепого якобы-конституционного господства буржуазии, как класса, всевозможного подавления политической самодеятельности рабочих, медленного экономического прогресса при новых условиях. Мы не падем духом, разумеется, ни при каких исходах революции, мы будем утилизировать всякое изменение условий для расширения и укрепления самостоятельной организации рабочей партии, для политического воспитания пролетариата к новой борьбе. С этой задачей считался между прочим съезд в резолюции об открытом выступлении Р. С.-Д. Р. П.

Возможен и более вероятен другой исход революции, именно та «полная победа демократии с рабочим классом во главе ее», о которой говорит «Извещение». Нечего и говорить о том, что мы сделаем, что только в наших силах, для достижения этого результата, для устранения условий, допускающих первый исход. И объективные исторические условия складываются благоприятно для русской революции. Бессмысленная и позорная война затягивает мертвую петлю над царским правительством и создает необыкновенно выгодный момент для революционного уничтожения военщины, для широкой пропаганды народного вооружения взамен постоянных армий, для быстрого проведения этой меры при сочувствии ей массы населения. Долгое и безраздельное господство самодержавия накопило невиданное, пожалуй, в истории количество революционной энергии в народе: на-ряду с громадным рабочим движением ширится и растет крестьянское восстание, сплачивается мелко-буржуазная демократия в лице преимущественно представителей свободных профессий. Ирония истории наказала самодержавие тем, что даже дружественные по отношению к нему общественные силы, в роде клерикализма, должны организовываться отчасти против него, ломая или раздвигая рамки полицейского бюрократизма. Брожение среди духовенства, стремление его к новым формам жизни, выделение клерикалов, появление христианских социалистов и христианских демократов, возмущение «иноверцев», сектантов и т. д.: все это играет как-нельзя больше на руку революции, создавая благоприятнейшую почву для агитации за полное отделение церкви от государства. Вольные и невольные, сознательные и бессознательные союзники революции растут и множатся не по дням, а по часам. Вероятность победы народа над самодержавием усиливается.

Эта победа возможна только при героическом напряжении силы пролетариата. Она предъявляет к социал-демократии такие

требования, каких ни разу еще и нигде не ставила история перед рабочей партией в эпоху демократического переворота. Тут перед нами не проторенные пути медленной подготовительной работы, а величайшие, грандиозные задачи организации восстания, концентрации революционных сил пролетариата, сплочения их с силами всего революционного народа, вооруженного нападения, учреждение временного революционного правительства. В резолюциях, которые опубликованы теперь во всеобщее сведение, III съезд пытался учесть эти новые задачи и дать посильные директивы организациям сознательных пролетариев.

Россия приближается к развязке вековой борьбы всех прогрессивных народных сил против самодержавия. Никто уже не сомневается теперь в том, что самое энергичное участие в этой борьбе примет пролетариат и что именно его участие в борьбе решит исход революции в России. Нам, социал-демократам, предстоит теперь оказаться достойными представителями и руководителями самого революционного класса, помочь ему добиться самой широкой свободы,— залога победоносного шествия к социализму.

«Пролетарий» № 1, 27 (14) мая 1905 г.

О СМЕШЕНИИ ПОЛИТИКИ С ПЕДАГОГИКОЙ [139]).

У нас есть не мало социал-демократов, которые под влиянием каждого поражения рабочих в отдельных схватках их с капиталистами или с правительством впадают в пессимизм и пренебрежительно отстраняют все разговоры о высших и великих целях рабочего движения ссылкой на недостаточную степень влияния нашего на массу. Куда уж нам! Где уж нам! говорят такие люди. Нечего и толковать о роли социал-демократии, как авангарда в революции, когда мы даже не знаем толком настроения масс, не умеем слиться с массой, поднять рабочую массу! Неудачи социал-демократов 1-го мая текущего года значительно усилили такое настроение. Меньшевики или новоискровцы, разумеется, поспешили подхватить его, чтобы еще раз в качестве особого лозунга выдвинуть лозунг: к массам! точно в пику кому-то, точно в ответ на мысли и разговоры о временном революционном правительстве, о революционно-демократической диктатуре и т. п.

Нельзя не сознаться, что в этом пессимизме и в выводах из него, делаемых торопливыми новоискровскими публицистами, есть одна очень опасная черта, способная принести серьезный вред социал-демократическому движению. Слов нет, самокритика безусловно необходима для всякой живой и жизненной партии. Нет ничего пошлее самодовольного оптимизма. Нет ничего законнее указаний на постоянную, безусловную необходимость углубления и расширения, расширения и углубления нашего влияния на массы, нашей строго-марксистской пропаганды и агитации, нашего сближения с экономической борьбой рабочего класса и т. д. Но именно потому, что такие указания законны всегда и постоянно, при любых условиях и положениях, они не должны быть превращаемы в особые лозунги, они не могут оправдывать попыток построить на них какое-то особое направление в социал-демократии. Тут есть граница, перейдя которую вы превращаете эти бесспорные указания в сужение задач и размаха движения, в доктринерское забвение насущных передовых политических задач момента.

*

Углублять и расширять работу и влияние на массы надо всегда. Без этого социал-демократ не есть социал-демократ. Ни единая организация, группа, кружок не может считаться социал-демократической организацией, если они постоянно и регулярно не ведут этой работы. В значительной степени весь смысл нашего строгого обособления в отдельную самостоятельную партию пролетариата состоит в том, чтобы мы всегда и неуклонно вели эту марксистскую работу, поднимая до уровня сознательной социал-демократичности по возможности весь рабочий класс, не позволяя никаким, решительно никаким политическим бурям — тем более политическим переменам декорации — отвлечь нас от этой насущной работы. Без этой работы политическая деятельность неизбежно выродилась бы в игрушку, ибо серьезное значение для пролетариата эта деятельность приобретает лишь тогда и лишь в той мере, в какой она поднимает массу определенного класса, заинтересовывает его, двигает его на активное, передовое участие в событиях. Эта работа нужна, мы уже сказали, всегда: после каждого поражения об ней можно и должно напоминать, ее следует подчеркивать, ибо слабость ее есть *всегда* одна из причин поражения пролетариата. После каждой победы об ней тоже *всегда* следует напоминать и значение ее подчеркивать, ибо иначе победа будет кажущаяся, плоды ее будут не обеспечены, реальное значение ее с точки зрения всей нашей великой борьбы за нашу конечную цель будет ничтожно и может даже оказаться отрицательным (именно в том случае, если частичная победа усыпит нашу бдительность, ослабит недоверие к ненадежным союзникам, позволит пропустить момент для дальнейшего и более серьезного натиска на врага).

Но именно потому, что эта работа углубления и расширения влияния на массы нужна одинаково всегда, и после каждой победы и после каждого поражения, и в эпоху политического застоя и в самое бурное революционное время, именно поэтому из указания на нее и нельзя делать какого-то особого лозунга, на нем нельзя строить особого направления, не рискуя впасть в демагогию и в принижение задач передового и единственного действительно революционного класса. В политической деятельности социал-демократической партии всегда есть и будет известный элемент педагогики: надо воспитывать весь класс наемных рабочих к роли борцов за освобождение всего человечества от всякого угнетения, надо постоянно обучать новые и новые слои этого класса, надо уметь подойти к самым серым, неразвитым, наименее затронутым и нашей наукой и наукой жизни представителям этого класса, чтобы суметь заговорить с ними, суметь сблизиться с ними, суметь выдержанно, терпеливо поднять их до социал-демократического сознания, не превращая наше учение в сухую догму, уча ему не одной книжкой, а и участием в повсе-

дневной жизненной борьбе этих самых серых и самых неразвитых слоев пролетариата. В этой повседневной деятельности есть, повторяем, известный элемент педагогики. Социал-демократ, который забыл бы об этой деятельности, перестал бы быть социал-демократом. Это верно. Но у нас часто забывают теперь, что социал-демократ, который задачи политики стал бы сводить к педагогике, тоже — хотя по другой причине — перестал бы быть социал-демократом. Кто вздумал бы из этой «педагогики» сделать особый лозунг, *противопоставлять* ее «политике», строить на этом противопоставлении особое направление, апеллировать к массе во имя этого лозунга против «политиков» социал-демократии, тот сразу и неизбежно опустился бы до демагогии.

Всякое сравнение хромает, это давно известно. Всякое сравнение уподобляет лишь одну сторону или лишь некоторые стороны сравниваемых предметов или понятий, абстрагируя временно и условно другие стороны. Напомним читателю эту общеизвестную, но часто забываемую, истину и сравним социал-демократическую партию с большой школой, низшей, средней и высшей в одно и то же время. Никогда и ни при каких условиях эта большая школа не сможет забыть о деле преподавания азбуки, обучения начаткам знания и начаткам самостоятельной мысли. Но если бы кто-нибудь вздумал отделываться от вопросов высшего знания ссылками на азбуку, если бы кто-нибудь стал противополагать непрочные, сомнительные, «узкие» результаты этого высшего знания (доступного во много раз меньшему кругу лиц сравнительно с кругом, проходящим азбуку) — прочным глубоким, широким и солидным результатам начальной школы, тот обнаружил бы близорукость невероятную. Тот мог бы даже посодействовать полному извращению всего смысла большой школы, ибо игнорирование вопросов высшего знания лишь облегчило бы шарлатанам, демагогам и реакционерам сбить с толку прошедших одну только азбуку людей. Или еще, сравним партию с армией. Ни в мирное ни в военное время нельзя забыть об обучении рекрутов, о науке стрельбы, о распространении вширь и вглубь в массах азбуки военного дела. Но если бы руководители маневров или действительных сражений . . . . *)

Написано в июне 1905 г.

Впервые напечатано в 1926 г. в «Ленинском Сборнике» V.

Печатается по рукописи.

---

*) На этом рукопись обрывается. *Ред.*

ПИСЬМО МЕЖДУНАРОДНОМУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ БЮРО.

Женева, 2 июня 1905 г.

Международному Социалистич. Бюро.

Дорогие товарищи! Несколько недель тому назад состоялся 3-й съезд Р. С.-Д. Р. П. Вскоре выйдет в свет и будет доставлена в Бюро специальная брошюра на французском и немецком языках с переводом резолюций съезда [140]). Согласно решению съезда, газета «Искра» перестала быть центральным органом партии. Впредь Ц. О. будет еженедельная газета «Пролетарий», выходящая в Женеве.

Будучи, согласно новому уставу, единственным центральным учреждением нашей партии, Ц. К. назначит представителя партии в Международное Бюро. Мы просим Вас обращаться впредь к представителю Ц. К., т. Ульянову: 3, rue de la Colline, Genève.

Примите, дорогие товарищи, наш братский привет.

За Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. *Н. Ленин (В. Ульянов).*

Впервые напечатано в 1925 г. в журн. «Красная Летопись» № 1 (12).

Печатается по тексту журнала.

СОВЕТЫ КОНСЕРВАТИВНОЙ БУРЖУАЗИИ.*

Несколько недель тому назад состоялся в Москве второй съезд земцев. Русским газетам не позволяют напечатать ни слова об этом съезде. Английские газеты сообщают целый ряд деталей со слов очевидцев, присутствовавших на съезде и передающих по телеграфу не только его решения, но и содержание речей представителей разных оттенков. Суть решений 132-х земских представителей сводится к принятию как раз той программы конституции, которую опубликовал г. Струве и которую мы разобрали в № 18 «Вперед» («Политические софизмы»)*). Эта программа предполагает двухпалатную систему народного представительства с сохранением монархии. Верхняя палата — из делегатов земств и дум, нижняя — выбрана всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием. Наши легальные газеты, вынужденные хранить молчание о съезде, начали уже печатать подробные сведения об этой программе, и разбор ее приобретает теперь поэтому особенно важное значение.

Что касается самого земского съезда, то нам, вероятно, придется еще не раз возвращаться к нему. Пока сообщим лишь, на основании английских газет, особенно интересное событие на этом съезде: расхождение или раскол между «либеральной» или оппортунистической или Шиповской и «радикальной» партией. Расхождение произошло из-за всеобщего избирательного права, которого первая партия не хочет. В воскресенье 7 мая (24 апреля) обнаружилось, что 52 члена съезда идут за Шиповым и готовы, в случае признания всеобщего избирательного права, уйти со съезда. В понедельник около двадцати из них вотировали вместе с большинством за всеобщее избирательное право. Затем единогласно была принята резолюция о созыве учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права, при чем значительное большинство высказалось, кроме того, за прямое избирательное право и за отсутствие (в учред. собрании) представителей

*) См. настоящий том, стр. 240 — 246. *Ред.*

от дум и земств. Итак, шиповцы *пока* побеждены на съезде земцев. Большинство пришло к тому выводу, что сохранение монархии и предотвращение революции возможно лишь путем дарования всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права, обезвреженного непрямыми и неравными выборами в одну из двух палат.

Чрезвычайно поучительна оценка этого съезда и этого решения со стороны английской консервативной буржуазии. «Для нас, иностранцев,—пишет Таймс—совершенно невозможно оценить политическое значение этого замечательного съезда, пока мы не узнаем из достоверных источников, в какой мере располагает он поддержкой среди широкой массы русского народа. Съезд этот может означать начало настоящего конституционного преобразования; он может быть первой ступенью по дороге к революции; он может быть простым фейерверком, к которому бюрократия отнеслась терпимо, зная, что он сгорит без всякого вреда для нее».

Замечательно верная характеристика! Действительно, дальнейший ход русской революции еще далеко не определяется таким событием, как этот съезд. «Поддержка широкой массы народа» стоит еще под знаком вопроса, не в смысле самого факта поддержки со стороны народа (его поддержка несомненна), сколько в смысле силы этой поддержки. Если правительство победит восстание, тогда либеральный съезд окажется именно простым фейерверком. И умеренные европейские либералы советуют, разумеется, золотую середину: умеренную конституцию, которая бы предотвратила революцию. Но правительственная растерянность внушает им опасения и недовольство. Запрещение оглашать решения съезда кажется Таймсу странным, ибо разъехавшиеся по своим уездам делегаты имеют все средства оповестить все русское общество о своих решениях. «Совершенно запретить съезд, арестовать съехавшихся земцев, воспользоваться их съездом, как предлогом для кажущейся реформы, все такие меры правительства были бы понятны. Но позволить земцам съехаться и разъехаться, а затем пытаться замолчать их решения,—это уже просто глупо».

Глупость царского правительства, свидетельствующая о его растерянности и о его бессилии (ибо растерянность в революционный момент есть именно вернейший признак бессилия), внушает серьезную печаль европейскому капиталу (Таймс—орган Сити, солидных финансовых тузов богатейшего города в мире). Эта растерянность увеличивает вероятность настоящей, победоносной, все сметающей на своем пути революции, которая внушает ужас европейской буржуазии. Она бранит самодержавие за растерянность, либералов—за «неумеренность» требований! «В каких-нибудь пять дней—возмущается Таймс—переменить

свои взгляды и принять крайние решения (всеобщее избирательное право) и притом по такому вопросу, по которому самые опытные законодательные собрания Европы поколебались бы высказаться в течение целой сессии». Европейский капитал советует русскому брать с него пример. Мы не сомневаемся, что этот совет будет услышан, — но едва ли раньше, как после *ограничения* самодержавия. Против абсолютизма европейская буржуазия выступала в свое время еще более «неумеренно», еще более революционно, чем русская. «Неуступчивость» русского самодержавия и неумеренность русского либерализма зависят не от их неопытности, как это следует из постановки вопроса Таймсом, а от условий, вне их воли лежащих, от ситуации международной, от внешней политики, а всего более от того наследства русской истории, которое приперло к стене самодержавие и накопило невиданные в Западной Европе противоречия и конфликты под его сенью. Пресловутая прочность и сила русского царизма в прошлом необходимо обусловливает силу революционного натиска на него. Это очень неприятно всем постепеновцам и оппортунистам, это внушает страх даже многим социал-демократам из лагеря хвостистов, но — это факт.

Таймс оплакивает поражение Шипова. Всего в ноябре еще он был признанным главой партии реформы! а теперь... «вот как быстро пожирает революция своих собственных детей». Бедный Шипов! И потерпеть поражение и получить прозвище исчадия революции, — какова несправедливость судьбы! «Радикалы», провалившие Шипова на съезде земцев, вызывают негодование Таймса. Они — в ужасе кричит Таймс — держатся теоретических принципов французского Конвента. Доктрина равенства и равноправия всех граждан, суверенности народа и проч. «оказалась, как показали уже события, одной из самых, может быть, зловредных среди всех измышлений гибельной софистики, которую Жан-Жак Руссо завещал человечеству». «Это главный краеугольный камень, корень якобинизма, одно уже присутствие которого имеет роковое значение для преуспеяния справедливой и целебной реформы».

Оппортунисты либерализма трогательно обнимаются с оппортунистами социал-демократии в своем пристрастии к употреблению этого пугала «якобинизма». В эпоху демократической революции пугать якобинизмом могут только безнадежные реакционеры или безнадежные филистеры.

«Пролетарий» № 2, 3 июня (21 мая) 1905 г.

О ВРЕМЕННОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ [141]).

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА ПЛЕХАНОВА.

Третий съезд партии принял резолюцию по вопросу о временном революционном правительстве. Резолюция эта выражает именно ту позицию, которую занимали мы в газете «Вперед». Мы намерены приступить теперь к подробному разбору всех возражений против нашей позиции и к разъяснению со всех сторон истинного принципиального смысла и практического значения съездовской резолюции. Начнем с попытки Плеханова поставить этот вопрос на строго принципиальную почву. Плеханов озаглавил свою статью: «К вопросу о захвате власти». Он критикует «тактику, направляемую (очевидно «Вперед») к захвату пролетариатом политической власти». На самом деле, как прекрасно знает всякий, знакомый с «Вперед», никогда «Вперед» вопроса *о захвате власти* не поднимал и никакой «тактики к захвату» не направлял. Плеханов старается подменить действительно обсуждавшийся вопрос другим, вымышленным; чтобы убедиться в этом, стоит только припомнить ход спора.

Мартынов первый выдвинул вопрос в своих знаменитых «Двух диктатурах». Он утверждал, что если наша партия примет руководящее участие в восстании, то отсюда, в случае успеха, вытечет необходимость участия ее во временном революционном правительстве, а таковое участие принципиально недопустимо и ни к чему, кроме гибельного и компрометирующего исхода, привести не может. «Искра» защищала эту позицию. «Вперед» возражал, что такой исход, напротив, есть наиболее желательный, что участие социал-демократии во временном революционном правительстве, равносильное демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, допустимо, что без такой диктатуры не удастся отстоять республику. Итак, обе спорившие стороны, отвечая на вопрос, *поставленный Марты-*

новым, принимали два предположения и расходились в выводах из них: обе принимали 1) руководящее участие партии пролетариата в восстании; 2) победу восстания и полное свержение самодержавия; расходились они в оценке тактических выводов из этих предположений. Неужели это похоже на «тактику, направляемую (!!) к захвату (??) власти»? Неужели не ясно, что Плеханов стремится *уклониться* от Мартыновской постановки вопроса, обсуждавшейся «Искрой» и «Вперед»? Мы спорили о том, опасно ли, гибельно ли победоносное проведение восстания, раз оно может привести к необходимости участия во временном революционном правительстве. Плеханов выражает желание поспорить о том, следует ли *направлять* тактику к захвату власти. Боимся, что желание Плеханова (понятное лишь с точки зрения затушевывания Мартыновской постановки вопроса) останется невинным пожеланием, ибо никто на эту тему не спорил и не спорит.

Какое значение имеет этот подмен вопроса во всей аргументации Плеханова, видно особенно наглядно из эпизода с «виртуозами филистерства». Плеханову не дает покоя это, употребленное «Вперед», выражение. Плеханов возвращается к нему раз семь, грозно и гневно уверяя своих читателей, что «Вперед» дерзнул Маркса и Энгельса назвать этим не слишком лестным эпитетом, что «Вперед» начинает «*критиковать*» Маркса и проч. и т. д. Мы прекрасно понимаем, что Плеханову, задавшемуся целью реабилитировать Мартынова и «разнести» «Вперед», было бы весьма приятно, если бы «Вперед» сказал хоть что-либо похожее на приписываемую ему Плехановым нелепость. Но дело-то в том, что *ничего подобного «Вперед» не говорил*, и всякий внимательный читатель легко разоблачит Плеханова, который запутал интересный принципиальный вопрос совершенно пустяковинной и мелочной придиркой.

Как ни скучно отвечать на придирки, но приходится подробно разъяснять, в чем на самом деле состоял этот эпизод с пресловутыми «виртуозами филистерства». «Вперед» рассуждал так. Мы все говорим о завоевании республики. Чтобы завоевать ее на деле, необходимо, чтобы мы стали «вместе бить» самодержавие,— мы, т.-е. революционный народ, пролетариат и крестьянство. Но этого еще недостаточно. Недостаточно даже «вместе добить» самодержавие, т.-е. совершенно свергнуть самодержавное правительство. Необходимо еще «вместе отбить» неизбежно предстоящие отчаянные попытки восстановить свергнутое самодержавие. Это «вместе отбить», примененное к революционной эпохе, есть не что иное, как революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, есть участие пролетариата в революционном правительстве. Поэтому люди, *пугающие* рабочий класс возможной перспективой этой диктатуры, т.-е. такие люди,

как Мартынов и Л. Мартов в новой «Искре» [142]), впадают в противоречие с своим собственным лозунгом борьбы за республику и доведения революции до конца. Эти люди, в сущности, рассуждают так, как будто они хотят ограничить, урезать свою борьбу за свободу,— именно отмерить себе наперед самый скромный кусочек завоеваний, какую-нибудь куцую конституцию вместо республики. Такие люди, говорил «Вперед», филистерски опошляют известное марксистское положение о трех главных силах революции XIX (и XX) века и трех основных стадиях ее. Это положение состоит в том, что первая стадия революции есть ограничение абсолютизма, удовлетворяющее буржуазию; вторая — завоевание республики, удовлетворяющее «народ», т.-е. крестьянство и мелкую буржуазию вообще; третья — социалистический переворот, который один только способен удовлетворить пролетариат. «*Эта картина верна в общем и целом*», писал «Вперед». Перед нами действительно подъем на эти три различные схематические ступеньки, различные по тому, какие классы могут в лучшем случае сопровождать нас в этом подъеме. Но если мы эту верную марксистскую схему трех ступеней будем понимать так, что *до всякого подъема* надо отмеривать себе наперед скромненькую меру, например, не более одной ступени, если мы по этой схеме будем, до всякого подъема, «*составлять себе план деятельности в революционную эпоху*», то мы будем виртуозами филистерства.

Вот каково было рассуждение «Вперед» в № 14 *). И вот тут-то вздумал придраться Плеханов к последним подчеркнутым словам. «Вперед» — объявляет он с торжеством — тем самым обозвал Маркса филистером, ибо Маркс именно по этой схеме составлял себе план деятельности в самую революционную эпоху!

Доказательство? Доказательство состоит в том, что в 1850 году, когда революционный народ Германии потерпел поражение в борьбе 1848 — 1849 годов, не сумев добить самодержавия, когда либеральная буржуазия уже получила куцую конституцию и перешла на сторону реакции,— одним словом, когда германское демократически-революционное движение поднялось только на одну первую ступеньку и остановилось, бессильное подняться выше, тогда... тогда Маркс говорил, что новый революционный подъем будет подъемом на вторую ступеньку.

Вы улыбаетесь, читатель? Силлогизм у Плеханова получился, в самом деле, немножечко... как бы это помягче выразиться?.. «диалектический». *Так как* Маркс в соответствующий конкретный момент конкретной демократической революции говорил, что после происшедшего подъема на первую ступень предстоит подъем на вторую,— то *поэтому* лишь «критики» Маркса могут называть

*) См. настоящий том, стр. 199. *Ред.*

филистерами людей, которые до подъема на первую ступень пугают нас ужасной перспективой прыжка (в случае особенно удачно организованного и проведенного восстания) на две ступени сразу.

Да, да, нехорошая вещь «критика» Маркса... и не очень хорошая вещь — неудачная ссылка на Маркса. Мартынов неудачно истолковал Маркса. Плеханов неудачно защитил Мартынова.

И пусть не делает из наших слов какой-нибудь придирчивый читатель того вывода, будто мы проповедуем «тактику, направленную» к обязательным прыжкам через ступеньку, независимо от соотношения общественных сил. Нет, мы никакой подобной тактики не проповедуем. Мы боремся только против влияния на пролетариат людей, способных говорить о республике и о доведении революции до конца и в то же время страшающих себя и других возможностью участия в демократической диктатуре. Мы замечали уже в № 14 «Вперед», что после теперешнего революционного подъема реакция, конечно, будет неизбежна, но она тем меньше отнимет у нас свободы, чем больше завоюем мы теперь и чем беспощаднее мы будем давить и уничтожать контр-революционные силы в эпоху возможной (и желательной) демократической диктатуры. Мы замечали также в № 14 «Вперед», что самый вопрос об этой диктатуре имеет смысл лишь при допущении такого рода событий, когда демократическая революция доходит до полного низвержения абсолютизма, до республики, а не останавливается на полдороге.

Перейдем теперь от эпизода с «виртуозами филистерства» к содержанию знаменитого «Обращения» (Центрального Комитета Союза Коммунистов к членам Союза, в марте 1850 года), цитируемого Плехановым. В этом чрезвычайно интересном и поучительном «Обращении» (которое стоило бы перевести целиком на русский язык) Маркс рассматривает конкретную политическую ситуацию в Германии в 1850 г., указывает на вероятность нового политического взрыва, констатирует неизбежность перехода власти, в случае революции, к республиканской, мелко-буржуазной демократической партии и анализирует тактику пролетариата. Особо рассматривая тактику до революции, в момент ее и после победы мелко-буржуазной демократии, Маркс настаивает на необходимости создания «самостоятельной тайной и открытой организации рабочей партии», борется всеми силами против «принижения ее до роли придатка официальной буржуазной демократии», подчеркивает важность вооружения рабочих, образования самостоятельной пролетарской гвардии, строгого надзора пролетариев за предательской мелко-буржуазной демократией и т. д.

Во всем «Обращении» ни слова не говорится ни об участии рабочей партии во временном революционном правительстве, ни

о революционной демократической диктатуре пролетариата и крестьянства. Плеханов выводит отсюда, что Маркс «как видно не допускал даже и мысли о том, что политические представители революционного пролетариата могут вместе с представителями мелкой буржуазии трудиться над созданием нового общественного строя». Логика этого вывода хромает. Маркс *не поднимает* вопроса об участии рабочей партии во временном революционном правительстве, а Плеханов заключает, что Маркс решает этот вопрос вообще и принципиально в безусловно отрицательном духе. Маркс говорит только о конкретной ситуации, Плеханов делает общий вывод, не рассматривая вовсе вопроса в его конкретности. А между тем, достаточно взглянуть на некоторые места «Обращения», опущенные Плехановым, чтобы видеть полную неправильность его выводов.

«Обращение» писано на основании опыта двух лет революционной эпохи, 1848 и 1849. Результаты этого опыта Маркс формулирует так: «В то же самое время (т.-е. именно в 48 — 9 г.г.) прежняя крепкая организация Союза Коммунистов значительно ослабла. Большая часть членов, непосредственно участвовавшая в революционном движении, думала, что время тайных обществ миновало и что достаточно одной открытой деятельности. Отдельные кружки и организации (Gemeinden) стали запускать свои сношения с Центральным Комитетом и постепенно прекратили их вовсе. *Таким образом, в то время, как демократическая партия, партия мелкой буржуазии, все более организовывалась в Германии, рабочая партия потеряла свою единственную прочную опору,* сохранилась в организованном виде самое бо́льшее в отдельных местностях для местных целей и в силу этого *попала в общем всецело под господство и под руководство мелко-буржуазных демократов*» *). И на следующей странице «Обращения» Маркс заявляет: «В настоящее время, когда предстоит новая революция,... крайне важно, чтобы рабочая партия выступила возможно более организованной, возможно более единодушной и возможно более самостоятельной, если она не хочет снова, как в 1848 г., быть эксплуатированной буржуазией и идти у нее на буксире».

Вдумайтесь хорошенько в значение этих категорических утверждений! После 2-х лет открытой революции, после победы народного восстания в Берлине, после созыва революционного парламента, после того, как часть страны находилась в открытом восстании и власть временно переходила в руки револю-

---

*) Ansprache der Zentralbehörde an den Bund, von März 1850, K. Marx: «Enthüllungen über den Kommunistenprocess zu Köln», 1885, Anhang IX, S. 75. (Обращение Центрального Комитета к Союзу, март 1850, К. Маркс: «Разоблачения о процессе коммунистов в Кельне», 1885, прилож. IX, с. 75. *Ред.*) Курсив в цитатах весь наш.

ционных правительств,—Маркс констатирует поражение революционного народа и, в отношении партийной организованности, *выигрыш* мелко-буржуазной демократии, *проигрыш* рабочей партии. Разве это не указывает яснее ясного на такую политическую ситуацию, когда вопроса об участии рабочей партии в правительстве не к чему было и ставить? После 2-х лет революционной эпохи, когда Маркс в течение девяти месяцев издавал открыто самую революционную газету рабочей партии, приходится констатировать полную дезорганизацию этой партии, полное отсутствие сколько-нибудь резко выраженной пролетарской струи в общем течении (рабочие братства Стефана Борна слишком незначительны), полное подпадение пролетариата не только под господство, но и под руководство буржуазии! Очевидно, что экономические отношения были еще крайне неразвиты, крупная промышленность почти отсутствовала, никакого самостоятельного рабочего движения в сколько-нибудь серьезных размерах не было, мелкая буржуазия господствовала безраздельно. Понятно, что при таких условиях писателю, разбирающему конкретную ситуацию, нельзя было даже допускать мысли о возможности участия рабочей партии во временном правительстве. Понятно, что Маркс должен был в своем «Обращении» вдалбливать (извините за выражение) членам Союза Коммунистов такие истины, которые нам теперь кажутся азбучными. Маркс должен был доказывать необходимость выставления рабочими особых кандидатов при выборах независимо от буржуазной демократии. Маркс должен был опровергать демократические фразы, что-де отделение рабочих «раскалывает» (это заметьте! раскалывать можно только то, что было вчера еще едино и что продолжает быть идейно единым!) демократическую партию. Маркс должен был *предостерегать* членов Союза Коммунистов от увлечения этими фразами. Маркс должен был, от имени Ц. К. Союза, обещать при первой возможности созыв съезда рабочей партии для централизации рабочих клубов,—в течение революционных лет 1848—1849 не было еще на-лицо условий, для того, чтобы допускать мысль о возможности особого съезда рабочей партии!

Вывод отсюда ясен: в знаменитом «Обращении» Маркс совершенно не касается вопроса о принципиальной допустимости участия пролетариата во временном революционном правительстве. Маркс исключительно рассматривает конкретную ситуацию Германии в 1850 году. Маркс ни слова не говорит при этом об участии Союза Коммунистов в революционном правительстве потому, что при тогдашних условиях не могло возникнуть и мысли о таком участии от имени рабочей партии в целях демократической диктатуры.

Мысль Маркса состоит вот в чем: мы, немецкие социал-демократы 1850 г., не организованы, мы потерпели поражение

в первый период революции, мы всецело попали на буксир буржуазии; мы должны организоваться самостоятельно, непременно, безусловно, во что бы то ни стало самостоятельно, — иначе и при грядущей победе усилившей свою организацию и могучей мелкобуржуазной партии мы тоже будем в хвосте.

Мысль Мартынова состояла вот в чем: мы, русские с.-д. 1905 года, организованы в самостоятельную партию и хотим идти на первый штурм против крепости царизма, идти во главе мелко-буржуазного народа. Но если мы очень уж хорошо сорганизуем штурм и, боже упаси, победоносно проведем его, то нам придется, пожалуй, участвовать во временном революционном правительстве или даже в демократической диктатуре. А это участие принципиально недопустимо.

И Плеханов хочет серьезно уверить кого-нибудь, что можно защитить Мартынова по Марксу? Должно быть, Плеханов считает читателей «Искры» за ребят. Мы же скажем только: одно дело марксизм, другое дело мартыновизм.

Чтобы покончить с «Обращением», необходимо еще разъяснить следующее неправильное мнение Плеханова. Он указывает справедливо, что в марте 1850 г., когда писалось «Обращение», Маркс верил в дряхлость капитализма, и социалистическая революция казалась ему «совсем близкой». Очень скоро Маркс исправил свою ошибку: уже 15 сентября 1850 г. он разошелся с Шаппером (Шаппер с Виллихом остался в меньшинстве Союза и вышел из него), который поддался буржуазно-демократическому революционаризму или утопизму до того, что говорил: «мы должны тотчас достигнуть власти или же мы можем лечь спать». Маркс возражал Шапперу, что нельзя считать двигателем революции одну только свою волю вместо действительных условий. Пролетариату может быть придется пережить еще 15, 20, 50 лет гражданских войн и международных столкновений «не только для того, чтобы изменить эти условия, но и для того, чтобы изменить самих себя, пролетариев, и сделать себя способными к политическому господству». Плеханов рассказывает вкратце об этой перемене взглядов Маркса и умозаключает:

«Политические задачи пролетариата были бы определены ими» (Марксом и Энгельсом после этой «перемены») «уже в том предположении, что демократический строй останется господствующим в течение довольно продолжительного периода. *Но именно потому они еще решительнее осудили бы участие социалистов в мелкобуржуазном правительстве*» («Искра» № 96).

Это умозаключение Плеханова совершенно неправильно. Оно сводится именно к тому смешению социалистической и демократической диктатуры, за которое мы не раз упрекали Л. Мартова

и Мартынова. Маркс и Энгельс в 1850 году не различали демократической и социалистической диктатуры, или вернее вовсе не говорили о первой, ибо капитализм казался им дряхлым, а социализм близким. Они не различали поэтому в то время и программы-минимум от программы-максимум. Если же делать это различение (как делаем все мы, марксисты, теперь, воюя из-за непонимания его с буржуазно-демократическим революционаризмом «социалистов-революционеров»), то надо *особо* разобрать вопрос о социалистической и демократической диктатуре. Не делая этого, Плеханов поступает непоследовательно. Выбирая уклончивую формулировку, говоря вообще об «участии социалистов в мелко-буржуазном правительстве», он тем самым именно подсовывает вопрос о социалистической диктатуре на место ясно, определенно и точно поставленного вопроса о демократической диктатуре. Он смешивает (употребляя сравнение «Вперед» *)) участие Мильерана в министерстве рядом с Галлифе в эпоху накануне социалистического переворота с участием Варлена в революционном правительстве рядом с мелко-буржуазными демократами, отстаивавшими и отстоявшими республику.

Маркс и Энгельс в 1850 году считали социализм близким и потому недооценивали демократических завоеваний, которые казались им вполне прочными ввиду несомненной победы мелко-буржуазной демократической партии [143]). 25 лет спустя, в 1875 г., Маркс указывал на недемократический строй Германии—«абсолютизм, обшитый парламентскими формами» [144]). 35 лет спустя, в 1885 г., Энгельс предсказывал переход власти в Германии к мелко-буржуазной демократии при грядущем европейском потрясении [145]). Отсюда вытекает как раз обратное тому, что хочет доказать Плеханов: если бы Маркс и Энгельс понимали неизбежность сравнительно продолжительного господства демократического строя, то они *тем больше* значения придавали бы *демократической* диктатуре пролетариата и крестьянства в целях упрочения республики, полного уничтожения всех следов абсолютизма и полной расчистки арены для битвы за социализм. Они *тем больше* осудили бы хвостистов, способных накануне демократического переворота *пугать* пролетариат *возможностью* революционно-демократической диктатуры.

Плеханов сам чувствует слабость своей позиции, основанной на кривотолковании «Обращения». Он осторожно оговаривается поэтому, что не претендует своей справкой окончательно исчерпать вопрос,—хотя делает выводы «исчерпывающей» категоричности, не приведя ровно ничего, кроме не относящейся к делу справки, и не попытавшись даже разобрать конкретной постановки вопроса, данной «Вперед». Плеханов старается навязать «Вперед» и жела-

*) См. настоящий том, стр. 187. *Ред.*

ние «критиковать» Маркса и точку зрения Маха и Авенариуса. Это покушение его вызывает у нас лишь улыбку: должно быть, плоха позиция Плеханова, если он не может найти себе мишени из действительных утверждений «Вперед» и должен выдумывать мишень из сюжетов, совершенно посторонних и газете «Вперед» и рассматриваемому вопросу. Наконец, Плеханов ссылается еще на одно доказательство, которое ему «кажется неотразимым». На самом деле, это доказательство (письмо Энгельса к Турати от 1894 года) совсем уже из рук вон плохо.

Как видно из плехановского изложения этого письма (к сожалению, Плеханов не приводит письма полностью и не указывает, было ли оно напечатано и где именно), Энгельс *должен был доказывать Турати* различие *между социалистической и мелкобуржуазной* революцией. Этим все сказано, т. Плеханов! Турати — итальянский Мильеран, бернштейнианец, которому Джиолити предлагал портфель в своем министерстве. Турати *смешивал*, очевидно, два переворота самого различного классового содержания. Турати воображал, что он будет проводить интересы господства пролетариата, а Энгельс разъяснял ему, что при данной ситуации в Италии 1894 года (т. е. несколько десятилетий спустя *после* подъема Италии на «первую ступень», после завоевания политической свободы, позволившей пролетариату открыто, широко и самостоятельно организоваться!), он, Турати, в министерстве победившей мелко-буржуазной партии будет отстаивать и проводить на деле интересы *чужого класса*, мелкой буржуазии. Мы имеем, следовательно, перед собой один из случаев мильеранизма; против смешения мильеранизма с демократической диктатурой «Вперед» прямо восстал, и к доводам «Вперед» Плеханов даже не прикоснулся. Мы имеем перед собой характерный пример того ложного положения, от которого Энгельс давно предостерегал вождей крайних партий, именно когда они не понимают истинного характера переворота и бессознательно проводят интересы «чужого» класса. Ради всего святого, тов. Плеханов, неужели это имеет хоть какое-нибудь отношение к вопросу, возбужденному Мартыновым и разобранному «Вперед»? Неужели опасность смешения второй и третьей ступеней людьми, поднявшимися на первую ступень, может служить оправданием того, чтобы нас перед подъемом на первую ступень пугали перспективой возможного подъема на две ступени сразу??

Нет, «небольшая историческая справка» Плеханова ровнехонько ничего не доказывает. Его принципиальный вывод: «участвовать в революционном правительстве вместе с представителями мелкой буржуазии значит изменять пролетариату» нисколько не подтверждается ссылками на те ситуации, которые имели место в Германии 1850 и Италии 1894 г.г. и которые радикально отличаются от русской в январе и в мае 1905 года. Эти ссылки

ничего не дают по вопросу о демократической диктатуре и временном революционном правительстве. А если Плеханов хочет применять свой вывод к *этому* вопросу, если он *всякое* участие пролетариата в революционном правительстве при борьбе за республику, при демократическом перевороте, считает *принципиально недопустимым,* то мы беремся доказать ему, что это есть «принцип» анархизма, самым недвусмысленным образом осужденный Энгельсом. Это доказательство мы приведем в следующей статье.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

ТОЛЬКО СНИЗУ ИЛИ И СНИЗУ И СВЕРХУ?

В предыдущей статье, разобрав историческую справку Плеханова, мы показали, что Плеханов неосновательно делает общие и принципиальные выводы на основании слов Маркса, всецело и исключительно относящихся к конкретной ситуации Германии в 1850 году. Эта конкретная ситуация вполне объясняет, почему Маркс не поднимал и не мог поднимать тогда вопроса об участии Союза Коммунистов во временном революционном правительстве. Теперь мы перейдем к разбору общего и принципиального вопроса о допустимости такого участия.

Прежде всего необходимо точно поставить спорный вопрос. В этом отношении мы можем, к счастью, воспользоваться одной из формулировок, данных нашими оппонентами, чтобы устранить таким образом пререкания из-за сущности спора. В № 93 «Искры» сказано: «Лучший путь для такой организации (для организации пролетариата в партию, оппозиционную буржуазно-демократическому государству)—путь развития буржуазной революции *снизу* (курсив «Искры»), давлением пролетариата на стоящую у власти демократию». И дальше «Искра» говорит про «Вперед», что «он хочет, чтобы давление пролетариата на революцию шло не «снизу» только, не только с улицы, но и сверху, из чертогов временного правительства».

Итак, вопрос поставлен ясно. «Искра» хочет давления снизу, «Вперед»—«не снизу только, но и сверху». Давление снизу есть давление граждан на революционное правительство. Давление сверху есть давление революционного правительства на граждан. Одни *ограничивают* свою деятельность давлением снизу. Другие не согласны на такое ограничение и требуют *дополнения* давления снизу давлением сверху. Спор сводится, следовательно, именно к вопросу, поставленному нами в подзаголовке: только снизу или и снизу и сверху? Принципиально недопустимо для пролетариата в эпоху демократической революции давление сверху, «из чертогов временного правительства», говорят одни. Принципиально недопустимо пролетариату в эпоху демократической

революции безусловно отказываться от давления сверху, от участия во временном революционном правительстве, говорят другие. Речь идет, таким образом, не о том, вероятно ли при данной конъюнктуре, осуществимо ли при таком-то соотношении сил давление сверху. Нет, мы не разбираем теперь совершенно никакой конкретной ситуации, и ввиду неоднократных попыток подменить один спорный вопрос другим мы усиленно просим читателей иметь это в виду. Перед нами общий принципиальный вопрос о *допустимости* перехода от давления снизу к давлению сверху в эпоху демократической революции.

Для разъяснения этого вопроса обратимся сначала к истории тактических взглядов основателей научного социализма. Не было ли в этой истории споров именно из-за общего вопроса о допустимости давления сверху? Такой спор был. Повод к нему подало испанское восстание летом 1873 г. Энгельс оценивал те уроки, которые социалистический пролетариат должен извлечь из этого восстания, в статье «Бакунисты за работой», помещенной в 1873 году в немецкой соц.-дем. газете «Volksstaat» и перепечатанной в 1894 году в брошюре «Internationales aus dem Volksstaat» *). Посмотрим же, какие общие выводы делал Энгельс.

9-го февраля 1873 г. испанский король Амадео отрекся от престола — «первый король, устроивший забастовку», острит Энгельс. 12 февраля была провозглашена республика. В провинциях баскских вспыхнуло затем восстание карлистов. 10 апреля выбрано было Учредительное Собрание, провозгласившее 8 июня федеративную республику. 11-го июня конституировалось новое министерство Пи-и-Маргаль. Крайние республиканцы, так называемые «интрансиженты» (непримиримые) не попали при этом в комиссию по выработке конституции. И когда, 3-го июля, была провозглашена эта новая конституция, интрансиженты подняли восстание. С 5-го по 11-ое июля они победили в провинциях Севилья, Гранада, Алькой, Валенсиа и ряде других. Правительство Салмерона, который сменил вышедшего в отставку Пи-и-Маргаля, двинуло военную силу против восставших провинций. Восстание было подавлено после более или менее упорного сопротивления: Кадикс пал 26-го июля 1873 г., Картагена — 11-го января 1874 года. Таковы краткие хронологические данные, предпосылаемые Энгельсом его изложению.

Оценивая уроки события, Энгельс подчеркивает прежде всего, что борьба за республику в Испании отнюдь не была и не могла быть борьбой за социалистический переворот. «Испания—говорит он—страна настолько отсталая в промышленном отношении, что там и речи быть не может о *немедленном* полном освобождении рабочего класса. Прежде чем дело дойдет до этого,

*) — «На международные темы из «Народного государства»» [146]). *Ред.*

Испания необходимо должна пережить еще различные предварительные ступени развития и устранить с пути целый ряд препятствий. Пройти эти предварительные ступени в возможно более короткий промежуток времени, быстро устранить эти препятствия, — таковы были шансы, которые открывала республика. Но использовать эти шансы можно было лишь посредством деятельного *политического* вмешательства испанского рабочего класса. Масса рабочих чувствовала это; она стремилась повсюду к тому, чтобы участвовать в событиях, чтобы использовать удобный случай для действия, не предоставляя, как до сих пор, свободного поприща для действия и для интриг имущих классов».

Итак, дело шло о борьбе за республику, о демократической, а не социалистической революции. Вопрос о вмешательстве рабочих в события ставился тогда двояко: с одной стороны, бакунисты (или «альянсисты»,— основатели «альянса» для борьбы с марксистской «интернациональю») отрицали политическую деятельность, участие в выборах и т. д. С другой стороны, они были против участия в революции, которая не преследует цели немедленного полного освобождения рабочего класса, против всякого участия в революционном правительстве. Вот эта последняя сторона дела и представляет для нас особый интерес с точки зрения нашего спорного вопроса. Эта сторона дела и подала, между прочим, повод к формулировке *принципиальной* разницы между двумя тактическими лозунгами.

«Бакунисты—говорит Энгельс—много лет проповедывали, что *всякое революционное действие сверху вниз зловредно,* что *все должно быть организуемо и проводимо снизу вверх*».

Итак, принцип: «только снизу» есть принцип *анархический.*

Энгельс показывает как раз сугубую нелепость этого принципа в эпоху демократической революции. Из него вытекает естественно и неизбежно тот практический вывод, что учреждение революционных правительств есть измена рабочему классу. И бакунисты делали именно такой вывод, провозглашали именно как принцип, что «*учреждение революционного правительства есть новый обман рабочего класса, новая измена рабочему классу*».

Как видит читатель, перед нами как раз те два «принципа», до которых договорилась и новая «Искра», именно: 1) допустимо лишь революционное действие снизу в противоположность тактике «и снизу и сверху»; 2) участие во временном революционном правительстве есть измена рабочему классу. Оба эти новоискровские принципа суть принципы анархические. Фактический ход борьбы за республику в Испании показал как раз всю нелепость и всю реакционность этих обоих принципов.

Энгельс показывает это на отдельных эпизодах испанской революции. Вот, например, вспыхивает революция в городе Аль-

кой. Это фабричный город сравнительно нового происхождения с 30 тысячами жителей. Рабочее восстание побеждает, несмотря на руководство бакунистов, принципиально чуравшихся идеи организовать революцию. Бакунисты стали задним числом хвастать, что они оказались «господами положения». И что же сделали эти «господа» из своего «положения», спрашивает Энгельс. Во-первых, они основали в Алькой «комитет благосостояния», т.-е. революционное правительство. Между тем эти самые альянсисты (бакунисты) на своем конгрессе 15 сентября 1872 года, т.-е. всего за десять месяцев до революции, постановили: «всякая организация политической, так называемой временной или революционной власти может быть лишь новым обманом и оказалась бы столь же опасной для пролетариата, как все ныне существующие правительства». Вместо опровержения этих анархических фраз, Энгельс ограничивается саркастическим замечанием, что как раз сторонникам революции пришлось стать «участниками этой временной и революционной правительственной власти» в Алькой. Энгельс третирует этих господ с заслуженным ими презрением за то, что они обнаружили, оказавшись у власти, «абсолютную беспомощность, растерянность и неэнергичность». Энгельс с таким же презрением ответил бы на обвинения в «якобинизме», излюбленные жирондистами социал-демократии. Он показывает, что в ряде других городов, напр., в Сан-Люкар-де-Баррамеда (портовый город с 26 тыс. жителей около Кадикса) «альянсистам тоже пришлось вопреки их анархическим принципам образовать революционное правительство». Он упрекает их за то, что они «не знали, что делать с своей властью». Прекрасно зная, что бакунистские вожди рабочих участвовали во временных правительствах *вместе с интрансижентами*, т.-е. вместе с республиканцами, представителями мелкой буржуазии, Энгельс ставит в упрек бакунистам не их участие в правительстве (как это следовало бы сделать по «принципам» новой «Искры»), а *недостаток организованности, недостаток энергии участия*, подчинение их руководству господ буржуазных республиканцев. Какими уничтожающими сарказмами осыпал бы Энгельс людей, принижающих в эпоху революции значение «технического» и военного руководства, видно между прочим из того, что Энгельс упрекал бакунистских вождей рабочих за то, что они, попав в революционное правительство, предоставляли «политическое и *военное* руководство» господам буржуазным республиканцам, а сами кормили рабочих пышными фразами да бумажными прожектами «социальных» реформ.

Как настоящий якобинец социал-демократии, Энгельс не только умел ценить важность действия сверху, не только вполне допускал участие в революционном правительстве вместе с республиканской буржуазией, но *требовал* такого участия и энергичной

военной инициативы революционной власти. Энгельс считал своим долгом при этом давать *практически*-руководящие *военные* советы.

«Несмотря на то, — говорит он, — что восстание было начато бессмысленно, оно имело все же большие шансы на успех, *если бы оно было направляемо хоть с капелькой смысла* *), хотя бы даже по образцу испанских военных бунтов. При таких бунтах поднимается гарнизон одного города, двигается в соседний город, увлекает за собой его гарнизон, распропагандированный уже ранее, и таким образом повстанцы, возрастая в числе подобно лавине, идут на столицу, пока счастливое сражение или переход посланных против них войск на их сторону не решит победы. Этот способ был в особенности удобоприменим в данном случае. Инсургенты были давно уже организованы повсюду в добровольческие батальоны; правда, дисциплина в них была жалкая, но во всяком случае не хуже, чем в остатках старой, большей частью распущенной, испанской армии. Единственными надежными войсками у правительства были жандармы, но они были рассеяны по всей стране. Задача состояла, прежде всего, в том, чтобы помешать этим жандармам стянуться вместе, а это было возможно лишь посредством наступательного образа действий и при смелом выступлении на бой в открытом поле. Большой опасности такой образ действий не представлял, потому что правительство могло выставить против добровольцев лишь столь же недисциплинированные войска, как и сами эти добровольцы. И кто хотел победить, у того не было иных путей к победе».

Вот как рассуждал основатель научного социализма, когда ему приходилось иметь дело с задачами восстания и непосредственной борьбы в эпоху революционного взрыва! Несмотря на то, что восстание было поднято мелко-буржуазными республиканцами; несмотря на то, что для пролетариата не стоял вопрос ни о социалистическом перевороте, ни об элементарно необходимой политической свободе; — несмотря на это, Энгельс страшно высоко ценил активнейшее участие рабочих в борьбе за республику, Энгельс требовал от вождей пролетариата, чтобы они всю свою деятельность подчинили необходимости победы в начавшейся борьбе; Энгельс входил при этом и сам, как один из вождей пролетариата, даже в детали военной организации, Энгельс не пренебрегал, раз это нужно было для победы, и устаревшими способами борьбы военных бунтов, Энгельс во главу угла ставил наступательный образ действий и централизацию

*) Wäre er nur mit einigem Verstand geleitet worden. Бедный Энгельс! Жаль, что незнаком он с новой «Искрой»! Тогда он знал бы о гибельности, зловредности, утопичности, буржуазности, технической односторонности и заговорщической узости «якобинской» идеи о *проведении* (geleitet werden) восстания!

революционных сил. Самые горькие упреки направлял он против бакунистов за то, что они возвели в принцип «то, что было неизбежным злом в эпоху немецкой крестьянской войны и во время майских восстаний в Германии в 1849 году, именно *раздробленность и обособленность революционных сил*, позволившие одним и тем же правительственным войскам подавлять одно отдельное восстание за другим». Взгляды Энгельса на проведение восстания, на организацию революции, на использование революционной власти, как небо от земли, отличаются от хвостистских взглядов новой «Искры».

Подводя итог урокам испанской революции, Энгельс отмечает прежде всего, что «бакунисты оказались вынужденными, как только они очутились перед серьезным революционным положением, выбросить за борт всю свою прежнюю программу». Именно, во-первых, пришлось выбросить за борт принцип воздержания от политической деятельности, от выборов, принцип «уничтожения государства». Во-вторых, «они выбросили за борт тот принцип, что рабочие не должны участвовать ни в какой революции, которая не преследует цели немедленного полного освобождения пролетариата, они участвовали сами в движении заведомо чисто буржуазном». В-третьих, — и этот вывод дает ответ как раз на наш спорный вопрос — «они попирали только что провозглашенный ими самими принцип: будто учреждение революционного правительства есть лишь новый обман и новая измена рабочему классу, — они попирали его, преспокойно заседая в правительственных комитетах отдельных городов и притом почти везде как бессильное меньшинство, майоризируемое господами буржуа и политически эксплуатируемое ими». Не умея руководить восстанием, раздробляя революционные силы вместо централизации их, уступая проведение революции господам буржуа, распуская прочную и крепкую организацию интернационала, «бакунисты дали нам в Испании неподражаемый образчик того, как *не* следует делать революцию».

* * *

Суммируя вышеизложенное, получаем следующие выводы:

1) Принципиально ограничивать революционное действие давлением снизу и отказываться от давления также и сверху есть *анархизм*.

2) Кто не понимает новых задач в эпоху революции, задач действия сверху, кто не умеет определять условия и программу такого действия, тот понятия не имеет о задачах пролетариата во всякой демократической революции.

3) Тот принцип, что для социал-демократии недопустимо участвовать вместе с буржуазией во временном революционном

правительстве, что всякое такое участие есть измена рабочему классу, есть принцип *анархизма*.

4) Перед партией пролетариата всякое «серьезное революционное положение» ставит задачу сознательного *проведения* восстания, организации революции, централизации всех революционных сил, смелого военного наступления, энергичнейшего использования революционной власти.

5) Маркс и Энгельс не могли одобрить и никогда не одобрили бы тактики новой «Искры» в теперешний революционный момент, ибо эта тактика как раз состоит в повторении всех перечисленных выше ошибок. Маркс и Энгельс назвали бы принципиальную позицию новой «Искры» созерцанием «задней» пролетариата и перепевом анархических заблуждений.

В следующей статье мы перейдем к разбору задач временного революционного правительства.

«Пролетарий» №№ 2 и 3, 3 и 9 июня (21 и 27 мая) 1905 г.

КАРТИНА ВРЕМЕННОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Момент. Разбит царизм в СПетербурге. Самодержавное правительство свергнуто, — разбито, но не добито, не убито, *не уничтожено*, не вырвано с корнем.

Временное революционное правительство апеллирует к народу. *Самодеятельность* рабочих и крестьян. Полная свобода. Народ сам устраивает свой быт. *Программа правительства* = полные республиканские свободы, крестьянские комитеты для *полного* преобразования аграрных отношений. Программа социал-демократической партии *сама по себе*. Социал-демократы во временном правительстве = делегаты, *приказчики* социал-демократической *партии*.

Далее, — учредительное собрание. *Если* народ поднялся, он сам (хотя бы и не сразу) *может* оказаться в большинстве (крестьяне и рабочие). *Ergo* *), революционная *диктатура* пролетариата и крестьянства.

Бешеное сопротивление темных сил. Гражданская война *в полном разгаре*, — *уничтожение* царизма.

Организация пролетариата растет, пропаганда и агитация социал-демократии увеличивается в десятки тысяч раз: все правительственные типографии etc. etc. «Mit der Gründlichkeit der geschichtlichen Aktion wird auch der Umfang der Masse zunehmen, deren Aktion sie ist» **).

Крестьянство само взяло в руки *все* аграрные отношения, *всю* землю. *Тогда* проходит *национализация*.

Громадный рост производительных сил — вся деревенская интеллигенция, все технические знания бросаются на подъем сельскохозяйственного производства, избавление от пут (культурники, народники etc. etc.)... Гигантское развитие ***капиталистического*** прогресса...

---

*) — следовательно. *Ред.*

**) — «Вместе с основательностью исторического действия будет, следовательно, расти и объем массы, делом которой оно является» [147]. *Ред.*

Война: из рук в руки переходит *крепость*. Либо буржуазия свергает революционную диктатуру пролетариата и крестьянства, либо эта диктатура зажигает Европу и тогда...?

Если по-марксистски обсудить вопрос о революционной диктатуре, то его следует свести к анализу *борьбы классов*.

Ergo, какие главные общественные силы идут в счет? Ordre de bataille*)?

(α) бюрократически-военно-придворные элементы *за* самодержавие *плюс* элементы народной темноты (быстро разлагающийся конгломерат, всесильный еще вчера, бессильный завтра). (Династические etc. счеты внутри неизбежны.)

организация очень высока maximum

(β) более или менее крупная, умеренно-либеральная буржуазия.

(Сюда я отношу либеральных помещиков, крупных финансовых тузов, купцов, фабрикантов etc. etc. Это $= \sum$ хозяев владык буржуазной страны. «Всё могут.»)

организация очень легка

Конфликты между фракциями неизбежны, — но все за конституцию даже теперь, а завтра еще больше.

Идейные вожди — в изобилии из чиновников, помещиков, журналистов.

(γ) мелкобуржуазный и крестьянский слой. Десятки миллионов.

организация minimum

Наиболее темноты, дезорганизованности. «Народ» par excellence**).

Больше всего безвыходности, *непосредственных* выгод от революции. Всего больше неустойчивости (революция сегодня, за порядок после маленьких улучшений завтра).

Демократия. Идейные вожди — очень много демократической интеллигенции. «Тип» социалиста-революционера.

(δ) пролетариат.

очень большая организованность, дисциплина

*) — боевой лозунг. *Ред.*
**) — по преимуществу. *Ред.*

Революционен. Критическое отношение к мелкой буржуазии. Вождей идейных *меньше*, чем у всех остальных, *только* социал-демократическая интеллигенция и социал-демократические образованные рабочие. По сравнению с предыдущим численно гораздо слабее, но Kampffähigkeit *) гораздо сильнее.

Объект борьбы = *республика* (включая сюда *все* демократические свободы *программу minimum* и социальные реформы серьезные).

α — абсолютно против.

β — *за* конституцию, *против* республики ($^1/_2$ — $^1/_2$).
(Элемент торговли.)

γ — в революционный момент (не прочно) за республику (неустойчивые элементы борьбы).

δ — вполне и всецело *за* республику.

Написано в июне-июле 1905 г.

Впервые напечатано в 1926 г. в «Ленинском Сборнике» V.

Печатается по рукописи.

---

*) — способность к борьбе. *Ред.*

ПОБЕДОНОСНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

Часто слышите и читаете теперь эти слова. Что собственно они значат? Нельзя обоготворять понятия «революция» (это будут делать неизбежно буржуазные революционеры и делают уже). Нельзя делать иллюзий, создавать себе мифы — материалистическое понимание истории и классовая точка зрения безусловно враждебны этому.

И тем не менее несомненно, что у нас перед глазами идет борьба двух сил, борьба не на живот, а на смерть, — именно двух сил, ибо объект борьбы свелся к самодержавию царя, respective самодержавию народа. Две силы эти — революция и контрреволюция.

Наша задача, следовательно, дать себе точный отчет в том, каково (1) классовое содержание этих социальных сил; (2) каково содержание реальное, экономическое, их борьбы теперь, в данное время.

Краткий ответ на эти вопросы (ответ, который должен быть развит обстоятельно) таков:

Революционные силы = пролетариат и крестьянство (крестьянство, как главный представитель *революционной* мелкой буржуазии; ничтожность *революционного* значения интеллигенции).

Победоносная революция = демократическая диктатура пролетариата и крестьянства.

Содержание переворота = создание демократического политического строя, равносильное, по своему экономическому значению, (1) освобождению развития капитализма; (2) уничтожению остатков крепостничества; (3) повышению жизненного уровня и культурного уровня массы населения, особенно низов его. [Америка и Россия, пауперизм и капитализм.]

Mythenbildung *), как неизбежное *следствие* исторической позиции буржуазной демократии. [Сравнить адвокатские резолюции [148])]. Все «социалисты»...

---

*) — мифотворчество. *Ред.*

Umwälzung *), Umsturz **)... где? у интеллигенции?? у адвокатов? — *Nihil****). Только у пролетариата и у *крестьян*. Что может упрочить их завоевания?? Только республика, демократическая диктатура.

Написано в мае-июне 1905 г.

Впервые напечатано в 1926 г. в «Ленинском Сборнике» V.

Печатается по рукописи.

---

*) — переворот, революция. *Ред.*

**) — ниспровержение. *Ред.*

***) — ничего. *Ред.*

РАЗГРОМ.

Морской бой в Корейском проливе заполонил внимание политической печати всего мира. Сначала царское правительство пыталось скрыть горькую истину от своих верноподданных, но скоро убедилось в безнадежности такой попытки. Скрыть полный разгром всего русского флота было бы все равно невозможно.

Оценивая политическое значение последнего морского боя, приходится повторять то, что мы говорили в № 2 «Вперед» *) по поводу падения Порт-Артура. Полный военный крах царской России стал очевиден уже тогда, но балтийская эскадра внушала еще русским патриотам тень надежды. Все понимали, что окончательный исход войны зависит от победы той или другой стороны на море. Самодержавие видело, что несчастный исход войны равносилен победе «внутреннего врага», т.-е. победе революции. Поэтому на карту было поставлено все. Сотни миллионов рублей были затрачены на спешную отправку балтийской эскадры. С бору да с сосенки собран экипаж, наскоро закончены последние приготовления военных судов к плаванию, увеличено число этих судов посредством добавления к новым и сильным броненосцам «старых сундуков». Великая армада, — такая же громадная, такая же громоздкая, нелепая, бессильная, чудовищная, как вся Российская империя, — двинулась в путь, расходуя бешеные деньги на уголь, на содержание, вызывая общие насмешки Европы, особенно после блестящей победы над рыбацкими лодками, грубо поправ все обычаи и требования нейтралитета. По самым скромным расчетам, эта армада стоила до 300 миллионов рублей, да посылка ее обошлась в 100 миллионов рублей, — итого *400 миллионов рублей* выброшено на эту последнюю военную ставку царского самодержавия.

Теперь и последняя ставка побита. Этого ожидали все, но никто не думал, чтобы поражение русского флота оказалось таким беспощадным разгромом. Точно стадо дикарей, армада

---

*) См. настоящий том, стр. 44. *Ред.*

русских судов налетела прямиком на великолепно вооруженный и обставленный всеми средствами новейшей защиты японский флот. Двухдневное сражение, — и из двадцати военных судов России с 12 — 15 тысячами человек экипажа потоплено и уничтожено тринадцать, взято в плен четыре, спаслось и прибыло во Владивосток только одно (Алмаз). Погибла большая половина экипажа, взят в плен «сам» Рождественский и его ближайший помощник Небогатов, а весь японский флот вышел невредимым из боя, потеряв всего три миноносца.

Русский военный флот окончательно уничтожен. Война проиграна бесповоротно. Полное изгнание русских войск из Маньчжурии, отнятие японцами Сахалина и Владивостока — теперь лишь вопросы времени. Перед нами не только военное поражение, а полный военный крах самодержавия.

Значение этого краха, как краха всей политической системы царизма, становится все яснее и для Европы и для всего русского народа с каждым новым ударом, наносимым японцами. Все ополчается против самодержавия, — и оскорбленное национальное самолюбие крупной и мелкой буржуазии, и возмущенная гордость армии, и горечь утраты десятков и сотен тысяч молодых жизней в бессмысленной военной авантюре, и озлобление против расхищения сотен миллионов народных денег, и опасения неизбежного финансового краха и долгого экономического кризиса вследствие такой войны, и страх перед грозной народной революцией, которую (по мнению буржуазии) царь мог бы и должен бы был избежать путем своевременных «благоразумных» уступок. Растет и ширится требование мира, негодует либеральная печать, начинают грозить даже умереннейшие элементы, вроде землевладельцев «Шиповского» направления, требует немедленного созыва народных представителей даже холопское «Новое Время» [149]).

Европейская буржуазия, этот вернейший оплот царской власти, начинает тоже терять терпение. Ее пугает неизбежная перегруппировка в международных отношениях, растущее могущество молодой и свежей Японии, потеря военного союзника в Европе. Ее беспокоит судьба тех миллиардов, которые она великодушно ссудила самодержавию. Ее серьезно тревожит революция в России, слишком волнующая европейский пролетариат и грозящая всемирным революционным пожаром. Во имя «дружбы» с царизмом она взывает к его благоразумию, настаивает на необходимости мира — мира с японцами и мира с либеральной русской буржуазией. Европа нисколько не закрывает глаз на то, что мир с Японией может быть куплен теперь лишь очень дорогой ценой, но она трезво и деловито рассчитывает, что каждый новый месяц войны извне и революции внутри неизбежно повышает эту цену и увеличивает опасность такого

революционного взрыва, который как песчинку сметет всю политику «уступок». Европа понимает, что самодержавию страшно трудно, почти невозможно уже остановиться теперь, — слишком далеко оно зашло, и вот она, эта буржуазная Европа, старается успокоить и себя самое и своего союзника розовыми мечтами.

Вот что пишет, например, газета французской патриотической буржуазии, «Le Siècle» *), в статейке Корнели, озаглавленной: «Конец одной эпопеи»: «Теперь, когда русские разбиты на море после ряда поражений на суше, на их правительство ложится обязанность заключить мир и преобразовать свои военные силы. Правительства авантюристские бывают иногда вынуждены в силу своих притязаний или в целях своей безопасности вовлекать в войну те народы, над которыми они властвуют. И, так как для таких правительств ставкой в борьбе за победу является самое их существование, то они требуют от их народов новых и новых жертв, ведя их таким образом к конечной гибели. Такова была во Франции история двух наших империй. Такова была бы история и третьей империи, если бы удалось создать таковую у нас.

Наоборот, положение русского правительства именно не таково; оно держится за самые недра русского народа, и общие несчастья не разъединяют правительство и народ, а лишь теснее спаивают их друг с другом. Побежденный Цезарь не есть уже Цезарь. Несчастный царь может остаться священным и популярным царем».

Увы, увы! Хвастовство шовинистского французского лавочника «уже слишком явно», его уверения, будто война не разъединила русского правительства и народа, настолько противоречат общеизвестным фактам, что вызывают улыбку и кажутся наивной и невинной хитростью. Чтобы предостеречь своего друга и союзника, русского самодержца, от неизбежного краха, к которому он, как истинный «Цезарь», идет слепо и упорно, французский буржуа ласково уверяет этого Цезаря, что он не должен походить на других цезарей, что у него есть еще иной, лучший выход. «Чего хочется, тому верится». Французской буржуазии так хочется иметь могущественного союзника — царя, что она убаюкивает себя романтической сказкой о несчастье, спаивающем русский народ с царем. Серьезно и сам г. Корнели не верит, разумеется, в эту сказку, — тем менее нам стоит брать ее в серьез.

Авантюристскими бывают не только правительства цезарей, но и правительства законнейших монархов старейшей династии. В русском самодержавии, отставшем от истории на целое столетие, авантюристского больше, чем в любой из французских

*) — «Век» [150]). *Ред.*

империй. Самодержавие именно по-авантюристски бросило народ в нелепую и позорную войну. Оно стоит теперь перед заслуженным концом. Война вскрыла все его язвы, обнаружила всю его гнилость, показала полную разъединенность его с народом, разбила единственные опоры цезарьянского господства. Война оказалась грозным судом. Народ уже произнес свой приговор над этим правительством разбойников. Революция приведет этот приговор в исполнение.

«Пролетарий» № 3, 9 июня (27 мая) 1905 г.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ БОРЬБА И ЛИБЕРАЛЬНОЕ МАКЛЕРСТВО [151]).

Возникновение политических партий есть одна из самых интересных и характерных особенностей нашей интересной эпохи. Старый порядок, самодержавие, рушится. О том, как именно и какой именно новый порядок надо строить, начинают думать все более широкие слои не только так назыв. «общества», т.-е. буржуазии, но и «народа», т.-е. рабочего класса и крестьянства. Для сознательного пролетариата эти попытки разных классов намечать программу и налаживать организацию политической борьбы представляют громадное значение. Как ни много случайного, произвольного, иногда пустозвонного, в этих попытках, исходящих по большей части от отдельных, ни перед кем не ответственных и никого за собой не ведущих «действий», но в общем и целом основные интересы и тенденции крупных общественных классов проявляют себя с неудержимой силой. Из кажущегося хаоса заявлений, требований, программ вырисовывается политическая физиономия нашей буржуазии и ее истинная (не показная только) политическая программа. Пролетариат все больше и больше получает материала для суждения о том, как будет *действовать* говорящая теперь о политическом действии русская буржуазия, — какую позицию займет она в решительной революционной борьбе, к которой Россия так быстро приближается.

Заграничное «Освобождение», подводящее, без всякой помехи цензуры, итоги бесчисленным выступлениям русских либералов, дает иногда особенно ценный материал для изучения политики буржуазии. Только что напечатанная им (или перепечатанная из «Новостей» от 5 апр. [152])) «программа Союза Освобождения» с поучительными комментариями г. П. С. [153]) служит прекрасным дополнением к решениям земских съездов и к освобожденскому проекту конституции, о котором мы говорили в № 18 «Вперед» *).

*) См. настоящий том, стр. 242. *Ред.*

«Выработкой и вотированием этой программы — справедливо говорит г. П. С. — сделан крупный шаг к созданию русской конституционно-демократической партии».

Несомненно, для русских либералов это крупный шаг, выделяющийся среди довольно уже продолжительной эпопеи либеральных выступлений. И как же мелок этот крупный либеральный «шаг» сравнительно с тем, что нужно для создания действительной партии, сравнительно даже с тем, что создано уже для этой цели хотя бы социал-демократией! Буржуазия располагает неизмеримо большей свободой легального выступления, чем пролетариат, неизмеримо большим количеством интеллигентных сил и денежных средств, несравненно большими удобствами для партийной организации, — а между тем перед нами все еще «партия» без официального названия, без общей, ясной и точной программы, без тактики, без партийной организации, «партия», состоящая по отзыву компетентного г. П. С. из «земской фракции» и из «Союза Освобождения», т.-е. из неорганизованного конгломерата лиц плюс организация. Может быть, впрочем, члены земской фракции являются «членами партии» в том знаменитом смысле, что они, признавая программу, работают «под контролем одной из партийных организаций», одной из групп «Союза Освобождения»? Насколько не соответствует подобное понимание членства партии всему духу социал-демократии, настолько же удобно и целесообразно оно для либералов, настолько же свойственно всему их политическому облику. Из такого понимания партии (выраженного не в писанном уставе, а в реальной конструкции этой «партии») вытекает, между прочим, то, что организованные члены партии, т.-е. члены «Союза Освобождения», стоят в большинстве *за однопалатную систему* и тем не менее отказываются от нее в своей программе, обходят вопрос полным молчанием в угоду неорганизованным членам партии, в угоду «земской фракции», которая стоит за двухпалатную систему. Соотношение «сил», можно сказать, провиденциальное для политически активной буржуазии: организованные интеллигенты предполагают, неорганизованные дельцы, воротилы, капиталисты, располагают.

Г. П. С., от всей души приветствующий программу «Союза Освобождения», *принципиально* защищает при этом и неясность, неполноту, незаконченность программы и организационную расплывчатость и тактические умолчания, защищает соображениями «реальной политики»! Мы еще вернемся к этому бесподобному, чрезвычайно характерному для всей сущности буржуазного либерализма понятию; теперь же перейдем к разбору основ либеральной программы.

Официального названия у партии, как мы уже сказали, нет. Г. П. С. называет ее тем же именем, которое, кажется, фигурирует и на страницах наших легальных газет либерального

направления, — «конституционно-демократическая партия». И, как ни маловажен на первый взгляд вопрос о названии, однако и тут уже сразу мы получаем материал для разъяснения того, почему буржуазия *должна*, в отличие от пролетариата, удовлетворяться политической расплывчатостью и даже «принципиально» защищать ее, — именно «должна» не по субъективным только настроениям или качествам ее вождей, а в силу объективных условий существования всего класса буржуазии, как целого. Название «конституционно-демократическая партия» сразу напоминает известное изречение: язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли. Название «к.-д. п.» придумано для того, чтобы скрыть *монархический* характер партии. В самом деле, кто же не знает, что вся эта партия, и в лице ее хозяйской части — земской фракции, и в лице С. О., стоит за монархию? О республике ни те, ни другие даже не разговаривают, считая такой разговор «несерьезным», а в их проекте конституции монархия признается, как форма правления, прямо и определенно. Значит перед нами партия сторонников конституционной монархии, партия монархистов-конституционалистов. Это факт, не подлежащий ни малейшему сомнению и не устранимый никакими рассуждениями о «принципиальном» признании республики (хотя мы таких рассуждений от «конституционалистов-демократов» пока не слыхали!), ибо дело идет именно не о «принципиальном» только, а о практически-политическом признании, о признании желания завоевать и необходимости бороться.

Но в том-то и суть, что *нельзя* господам буржуа назвать себя теперь же своим настоящим именем. Это невозможно настолько же, насколько невозможно нагишом выйти на улицу. Нельзя открыто сказать правды, нельзя громко aussprechen was ist (сказать то, что есть), потому что это равносильно признанию одной из самых диких и вредных политических привилегий, равносильно признанию своего *анти*-демократизма. Признать же это борющаяся за политическую свободу буржуазия не может не только потому, что это уже очень срамно, конфузно и неприлично. Нет, ни перед каким неприличием не остановятся люди буржуазной политики, раз потребуют этого интересы. Но сейчас их *интересы* требуют свободы, а свободы нельзя добыть *без народа*, а поддержку народа нельзя обеспечить себе, не называя себя «демократом» (= сторонником самодержавия народа), *не скрывая своего монархизма*.

Таким образом, классовое положение буржуазии приводит неизбежно к внутренней неустойчивости и фальши самой постановки ее основных политических задач: борьба за свободу, за разрушение вековых привилегий самодержавия, несовместима с отстаиванием привилегий частной собственности, ибо эти привилегии заставляют «бережно относиться» к монархии,

Реальная программа монархической конституции облекается поэтому в красивый воздушный наряд демократической конституции. И это подкрашивание реального содержания программы заведомо лживой показной мишурой называется «реальной политикой»... Идеолог либеральной буржуазии с неподражаемым пренебрежением, с великолепным самодовольством говорит поэтому о «теоретическом самоуслаждении», которым занимаются «представители крайних партий» («Осв.», № 69 — 70, стр. 308). Реальные политики буржуазии не хотят услаждать себя ни разговорами, ни даже грезами о республике, ибо они не хотят бороться за республику. Но именно поэтому они чувствуют непреодолимую потребность *услаждать* народ приманкой «демократизма». Они не хотят обманывать себя на счет своей неспособности отказаться от монархии, и именно поэтому они должны обманывать народ умолчанием о своем монархизме.

Название партии, как видите, вовсе не такая случайная и не такая маловажная вещь, как можно бы подумать с первого взгляда. Иногда самая уже крикливость, манерность названия выдает глубокий внутренний порок всей программы и всей тактики партии. Чем интимнее чувствует идеолог крупной буржуазии свою преданность монархии, тем громче клянется он и божится, уверяя всех в своем демократизме. Чем больше идеолог мелкой буржуазии отражает ее неустойчивость, ее неспособность к выдержанной и неуклонной борьбе за демократическую революцию и за социализм, тем с большим жаром ораторствует он о партии «социалистов-революционеров», о которой верно было сказано, что ее социализм вовсе не революционен, а ее революционность вовсе не связана с социализмом. Остается только, чтобы сторонники самодержавия назвали себя (как они уже и пробовали не раз) «народной партией», и мы будем иметь полную картину того, как классовые интересы преображаются в политических вывесках.

Вывеска либеральной буржуазии (или программа «Союза Освобождения») начинает, как и подобает вывеске, с эффектного вступления: ««Союз Освобождения» находит, что тяжелый и внешний и внутренний кризис, переживаемый Россией, в настоящее время настолько обострился, что народ должен взять разрешение этого кризиса в свои руки, вместе с другими общественными группами, выступившими против существующего режима».

Итак, да перейдет власть в руки народа, да здравствует самодержавие народа на место самодержавия царя. Не так ли, господа? Не этого ли требует демократизм?

Нет, это теоретическое самоуслаждение и непонимание реальной политики. Теперь вся власть в руках самодержавной монархии. Против все стоит народ, т.-е. пролетариат и крестьянство, которые уже начали борьбу, ведут ее отчаянно и пожалуй... пожалуй

увлекутся этой борьбой до полного свержения врага. Но рядом с «народом» стоят также «другие общественные группы», т.-е. «общество», т.-е. буржуазия, землевладельцы, капиталисты, профессиональная интеллигенция. Вот и надо поделить власть на три равные части. Одну треть оставить монархии, другую дать буржуазии (верхняя палата, основанная на непрямом и, по возможности, на неравном фактически, не на всеобщем избирательном праве), остальную треть—народу (нижняя палата на базе всеобщего и т. д. избирательного права). Это будет «справедливой» дележкой, при которой обеспечена твердая охрана частной собственности и возможность обратить организованную силу монархии (войско, бюрократию, полицию) против народа, ежели он «увлечется» каким-нибудь «неразумным» требованием из числа тех, что выдвигают «представители крайних партий из одного только теоретического самоуслаждения». Эта справедливая дележка, сводящая революционный народ к безвредному меньшинству, к одной трети, есть «коренное преобразование на началах демократизма», а отнюдь не на началах монархизма и не на началах буржуазных привилегий.

Как осуществить эту дележку? Посредством честного маклерства. Это давно уже пророчески указал г. П. Струве, еще в предисловии к записке Витте, отметив, что умеренные партии всегда выигрывают от обострения борьбы между крайними партиями. Борьба между самодержавием и революционным народом обостряется. Надо лавировать между тем и другим, опираться на революционный народ (подманивая его «демократизмом») против самодержавия, опираться на монархию против «крайностей» революционного народа. При искусном лавировании непременно получится нечто вроде вышеуказанной дележки, при чем за буржуазией-то ее по меньшей мере «треть» обеспечена во всяком случае и безусловно, а распределение долей между народом и самодержавием зависит от исхода их решительной борьбы. На кого надо преимущественно опираться, это зависит от момента — такова суть торгашеской, то-бишь «реальной» политики.

В данный момент еще вся власть в руках самодержавия. Поэтому надо говорить, что власть должен взять в свои руки народ. Поэтому надо называться демократом. Поэтому надо выдвигать требование «немедленного созыва учредительного собрания на началах всеобщего и т. д. избирательного права для выработки русской конституции». Теперь народ не вооружен, раздроблен, не организован, бессилен против самодержавной монархии. Всенародное учред. собрание объединит его и явится крупной силой, которая будет противостоять силе царя. Вот тогда-то, когда будут стоять друг против друга власть царя и сплоченная сила революционного народа, тогда и наступит настоящий праздник для буржуазии, тогда только и можно будет с вернейшей

надеждой на успех «согласовать» эти две силы и обеспечить наивыгоднейший результат для имущих классов.

Таков расчет реальных политиков либерализма. Расчет неглупый. В этот расчет вполне сознательно вводится сохранение монархии и допущение всенародного учредительного собрания лишь наряду с монархией. Свержения существующей власти, замены монархии республикой буржуазия не хочет. Поэтому буржуазия российская (по образцу германской буржуазии 1848 года) стоит за «соглашение» народа и престола. Для успеха этой политики соглашения необходимо, чтобы ни та, ни другая из борющихся сторон, ни народ, ни престол, не могли одержать полной победы, чтобы они уравновесили друг друга. Тогда и только тогда буржуазия сможет соединиться с монархией и предписать народу подчинение, заставить народ удовлетвориться одной «третью»... или может быть одной сотой долей власти. Всенародное учредительное собрание будет обладать как раз достаточной силой, чтобы заставить царя дать конституцию, но оно не будет *и не должно* (с точки зрения интересов буржуазии) обладать большей силой. Оно должно лишь уравновешивать монархию, но не свергать ее, оно должно оставить материальные орудия власти (войско и проч.) в руках монархии.

Освобожденцы смеются над шиповцами, которые хотят царю дать силу власти, народу силу мнения. Но не стоят ли в сущности на позиции шиповцев и сами освобожденцы? Ведь они тоже не хотят дать народу *всей* власти, ведь они сами стоят за *соглашение* власти царя с мнением народа!

Мы видим, следовательно, что интересы буржуазии, как класса, совершенно естественно и неизбежно приводят в данный революционный момент к тому, чтобы выставить лозунг всенародного учредительного собрания и *отнюдь не выставлять лозунга временного революционного правительства.* Первый лозунг есть лозунг или стал лозунгом политики соглашения, торгашества и маклерства. Второй — лозунг революционной борьбы. Первый — лозунг монархической буржуазии, второй — лозунг революционного народа. Первый лозунг обеспечивает всего более возможность сохранить монархию, несмотря на революционный натиск народа. Второй — выдвигает прямой путь к республике. Первый оставляет за царем власть, лишь ограничивая ее мнением народа. Второй есть единственный лозунг, последовательно и безоговорочно ведущий к самодержавию народа в полном смысле этого слова.

Только это коренное различие в постановке политических задач либеральной буржуазией и революционным пролетариатом объясняет нам, кроме отмеченных, целый ряд второстепенных черт «освобожденской» программы. Только с точки зрения этого различия можно понять, напр., *необходимость* оговорки осво-

божденцев, что решения их Союза «могут считаться *обязательными* лишь постольку, поскольку политические условия остаются неизменными», что допускается «временный и условный элемент» в программе. Эта оговорка (подробно и особенно «вкусно» развиваемая в комментариях г. П. С.) безусловно необходима для партии «соглашения» народа с царизмом. Эта оговорка даст понять яснее ясного, что во имя торгашеской («реальной») политики члены «Союза Освобождения» откажутся от очень и очень многих из своих демократических требований. Их программа — не выражение их непреклонных убеждений (таковые не свойственны буржуазии), не указание того, за что обязательно бороться. Нет, их программа — простое *запрашивание*, заранее считающееся с неизбежной «скидкой с цены», смотря по «твердости» той или другой воюющей стороны. *Конституционно-«демократическая» (читай: конституционно-монархическая) буржуазия сторгуется с царизмом на более дешевой цене, чем ее теперешняя программа*—это не подлежит сомнению, и сознательный пролетариат не должен делать себе на этот счет никаких иллюзий. Отсюда—вражда г. П. С. к разделению программы-минимум и программы-максимум, к «твердым программным решениям вообще». Отсюда уверения г. П. С., что программы «Союза Освобождения» (изложенной умышленно не в виде точной формулировки определенных требований, а в виде литературного, приблизительного, *описания* их) «*более чем достаточно* для партии, задающейся целями реальной политики». Отсюда—умолчание в программе «демократов»-монархистов о вооружении народа, уклонение от решительной формулировки требования отделения церкви от государства, настаивание на неосуществимости отмены косвенных налогов, замена политического самоопределения угнетенных народностей культурным их самоопределением. Отсюда наивно-откровенное признание связи между демократизмом и интересами капитала, признание необходимости вместо «покровительства отдельным предприятиям и предпринимателям усиленного покровительства развитию производительных сил народа», содействия «расцвету промышленности» и т. д. Отсюда сведение аграрной реформы к чисто бюрократическому «наделению» крестьян землей при обязательной гарантии «*вознаграждения*» помещикам за имеющие отойти к крестьянам земли,—т.-е., другими словами, решительное отстаивание неприкосновенности кабальной и крепостнической «собственности». Все это, повторяем, естественный и неизбежный результат самого положения буржуазии, как класса, в современном обществе. Все это — подтверждение коренного отличия пролетарской политики революционной борьбы от буржуазной политики либерального маклерства.

«Пролетарий» № 3, 9 июня (27 мая) 1905 г.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЛЕТАРИАТА.

Социал-демократия, как сознательная выразительница рабочего движения, ставит себе целью полное избавление всех трудящихся от всякого гнета и эксплуатации. Достижение этой цели, уничтожение частной собственности на средства производства и создание социалистического общества, требует очень высокого развития производительных сил капитализма и громадной организованности рабочего класса. Без политической свободы немыслимо ни полное развитие производительных сил в современном буржуазном обществе, ни широкая, открытая и свободная классовая борьба, ни политическое просвещение, воспитание и сплочение масс пролетариата. Вот почему сознательный пролетариат всегда ставит своей задачей решительную борьбу за полную политическую свободу, за демократическую революцию.

Эту задачу ставит себе не один пролетариат. Буржуазии тоже нужна политическая свобода. Образованные представители имущих классов давно выкинули знамя свободы; революционная интеллигенция, происходящая главным образом из этих классов, геройски боролась за свободу. Но вся буржуазия в целом не способна на решительную борьбу с самодержавием: она боится потерять в этой борьбе свою собственность, которая привязывает ее к существующему обществу; она боится слишком революционного выступления рабочих, которые никогда не остановятся на одной демократической революции, а будут стремиться к социалистическому перевороту; она боится полного разрыва с чиновничеством, с бюрократией, интересы которой связаны с интересами имущих классов тысячами нитей. Поэтому буржуазная борьба за свободу отличается робостью, непоследовательностью, половинчатостью. Одна из задач пролетариата — толкать вперед буржуазию, ставить перед всем народом лозунги полного демократического переворота, браться самостоятельно и смело за осуществление этих лозунгов, одним словом, быть авангардом, передовым отрядом в борьбе за свободу всего народа,

Русским социал-демократам в целях выполнения этой задачи приходилось вести войну уже не раз с непоследовательностью буржуазного либерализма. Напомним, например, как начинал г. Струве свою свободную от цензуры деятельность в качестве политического борца за «освобождение» России. Он начал ее предисловием к «Записке» Витте, где был выставлен совершенно «шиповский» (говоря языком нынешних политических делений) лозунг: «права и властное земство». Социал-демократия показывала всю отсталость, всю нелепость, всю реакционность этого лозунга, требовала определенной и решительной демократической программы, сама выставляла такую программу, как нераздельную составную часть своей партийной программы. Социал-демократия должна была бороться с узким пониманием демократических задач в ее собственных рядах, когда так называемые экономисты всячески принижали эти задачи, проповедывали «экономическую борьбу с хозяевами и с правительством», настаивали на необходимости начать с завоевания прав, продолжать политической агитацией и лишь потом, постепенно (теория стадий) переходить к политической борьбе.

Теперь политическая борьба страшно разрослась, революция охватила всю страну, самые умеренные либералы стали «крайними», и может показаться, что такие исторические справки из недавнего прошлого, какие мы сейчас привели, неуместны, не могут иметь никакого отношения к живому, бурному настоящему. Но это может показаться лишь на первый взгляд. Конечно, такие лозунги, как учредительное собрание, всеобщее, прямое и равное избирательное право с тайной подачей голосов (выставленные давно и раньше всех социал-демократами в их партийной программе), стали общим достоянием, приняты нелегальным «Освобождением», вошли в программу «Союза Освобождения», стали лозунгами земцев, повторяются на все лады легальной печатью. Прогресс русского буржуазного демократизма за последние годы и месяцы несомненен. Буржуазная демократия учится у событий, отбрасывает примитивные лозунги (вроде шиповского: права и властное земство), ковыляет вслед за революцией. Но она именно ковыляет за революцией; на место старых противоречий между ее словами и делами, между демократизмом в принципе и демократизмом в «реальной политике» нарождаются новые противоречия, ибо рост революции все повышает и повышает требования от демократии. Буржуазная же демократия, повышая свои лозунги, всегда отстает от событий, всегда тащится в хвосте, всегда формулирует эти лозунги на несколько градусов ниже, чем этого требует действительно революционная действительная борьба за действительную свободу.

В самом деле, возьмите этот ставший уже ходячим, общепризнанным лозунг: учредительное собрание на основе всеобщего

и т. д. избирательного права. Достаточен ли он с точки зрения последовательного демократизма? Достаточен ли он с точки зрения насущных революционных задач переживаемого момента? На оба эти вопроса нельзя ответить иначе, как отрицательно. Чтобы убедиться в этом, стоит только разобрать внимательно нашу партийную программу, которую, к сожалению, недостаточно часто вспоминают, приводят и распространяют наши организации. (Как счастливое исключение, заслуживающее широкого подражания, отметим недавнюю перепечатку программы нашей партии в листках комитетов Рижского, Воронежского и Московского.) Наша программа тоже ставит во главу угла лозунг всенародного учредительного собрания (словом: «всенародный» мы условимся обозначать для краткости всеобщее и т. д. избирательное право). Но этот лозунг стоит у нас в программе не одиноко, а в таком контексте, с такими добавлениями и пояснениями, которые исключают перетолкование его людьми, наименее последовательно борющимися за свободу или даже борющимися против свободы. Этот лозунг стоит у нас в программе в связи с лозунгами: 1) *низвержение* царского самодержавия; 2) замена его демократической *республикой;* 3) обеспеченное демократической конституцией *самодержавие народа*, т.-е. сосредоточение *всей* верховной государственной власти в руках законодательного собрания, составленного из представителей народа и образующего одну палату.

Можно ли сомневаться в том, что признание всех этих лозунгов обязательно для всякого последовательного демократа? Ведь слово «демократ» и по грамматическому смыслу и по политическому значению, приданному ему всей историей Европы, означает: сторонник самодержавия народа. Смешно, значит, говорить о демократизме и в то же время отрицать хотя бы один из этих лозунгов. Но основное противоречие между стремлением буржуазии отстоять во что бы то ни стало частную собственность и желанием добиться свободы так глубоко, что представители, сторонники либеральной буржуазии неминуемо попадают в это смешное положение. Как всем известно, в России с громадной быстротой складывается очень широкая либеральная партия, к которой принадлежит и «Союз Освобождения» и масса земцев и газеты вроде «Нашей Жизни», «Наших Дней», «Сына Отечества» [154]), «Русских Ведомостей» [155]) и проч., и т. д. Эта либерально-буржуазная партия любит, чтобы ее называли «конституционно-*демократической*» партией. На самом же деле, как видно из заявлений и программы нелегального «Освобождения», это партия *монархическая*. Она вовсе не хочет республики. Она не хочет одной палаты и вводит для верхней палаты непрямое и фактически не всеобщее избирательное право (ценз по оседлости). Она вовсе не хочет перехода *всей* верховной государственной власти в руки народа (хотя для показа она очень любит говорить о переходе власти к народу!),

Она не хочет *низвержения* самодержавия, она хочет лишь раздела власти между 1) монархией, 2) верхней палатой (где будут преобладать землевладельцы и капиталисты) и 3) нижней палатой, которая *одна только* строится на демократических началах.

Таким образом перед нами на-лицо несомненный факт, что наша «демократическая» буржуазия в лице ее даже самых передовых, образованных, наименее подчиненных непосредственно капиталу представителей тащится в хвосте революции. Эта «демократическая» партия *боится* самодержавия народа. Повторяя наш лозунг всенародного учредительного собрания, она на деле совершенно извращает смысл и значение этого лозунга, она обманывает народ посредством употребления этого лозунга, вернее сказать, посредством злоупотребления этим лозунгом.

Что такое «всенародное учредительное» собрание? Это такое собрание, которое, во-первых, действительно выражает волю народа;—для этого нужно всеобщее и т. д. избирательное право и полная гарантия свободы предвыборной агитации. Это такое собрание, которое, во-вторых, *действительно имеет силу и власть* «учредить» государственный порядок, обеспечивающий самодержавие народа. Ясно, как ясен ясный божий день, что без этих двух условий собрание не может быть ни действительно всенародным, ни действительно учредительным. А между тем наши либеральные буржуа, наши конституционалисты-монархисты (называющие себя для издевки над народом демократами) не хотят реального обеспечения *ни одного* из этих условий! Они не только ничем не обеспечивают ни полной свободы предвыборной агитации, ни действительного перехода силы и власти в руки учредительного собрания,—они, напротив, *обеспечивают невозможность* того и другого, ибо они обеспечивают монархию. Реальная власть и сила остаются в руках Николая Кровавого: это значит, что злейший враг народа, созывая собрание, «обеспечит» всенародный и свободный характер выборов. Не правда ли, как это демократично? Это значит, что учредительное собрание не будет никогда иметь и не должно (по мысли либеральных буржуа) никогда иметь всей силы и всей власти; оно должно оставаться вовсе без силы и вовсе без власти; оно должно лишь *договориться, согласиться, условиться, сторговаться* с Николаем II о пожаловании ему, собранию, частички его царской власти! Учредительное собрание, выбранное всеобщим голосованием, ничем не отличается от нижней палаты. Значит, учредительное собрание, созываемое для выражения и проведения воли народа, предназначается либеральной буржуазией на то, чтобы «учредить» *над волей народа* волю верхней палаты и плюс еще волю монархии, волю Николая.

Неужели не очевидно, что, разговаривая, ораторствуя, крича о всенародном учредительном собрании, господа либеральные буржуа, освобожденцы, на деле готовят *противонародное совеща-*

тельное собрание? Вместо освобождения народа они хотят подчинить народ конституционным путем, во-первых, власти царя (монархический принцип) и, во-вторых, власти организованной крупной буржуазии (верхняя палата).

Кто желает оспаривать этот вывод, тот пусть попробует утверждать: 1) что возможно действительное выражение в выборах воли народа без полной свободы агитации и без фактического уничтожения всяких привилегий, которые могло бы иметь царское правительство в этой агитации; 2) что собрание представителей, не имеющее в своих руках реальной силы и власти, остающихся в руках царя, на деле не является лишь совещательным собранием. Утверждать то или другое могут лишь продувные шарлатаны или безнадежные глупцы. История неопровержимо доказывает, что представительное собрание, существующее рядом с монархической властью, на деле, пока эта власть остается в руках монархии, является совещательным собранием, которое не подчиняет волю монарха воле народа, а лишь *согласует* волю народа с волей монарха, т.-е. делит власть между монархом и народом, выторговывает новый порядок, но не учреждает его. История неопровержимо доказывает, что о действительно свободных выборах, о сколько-нибудь полном ознакомлении *всего* народа с их значением и характером не может быть и речи без замены борющегося с революцией правительства временным революционным правительством. Если мы даже допустим на минуту невероятное и невозможное, именно, что царское правительство, решив созвать «учредительное» (читай: совещательное) собрание, обеспечит *формально* свободу агитации, то все-таки в его руках останутся все те гигантские выгоды и преимущества в агитации, которые дает организованная государственная власть: этими выгодами и преимуществами в агитации на выборах в первое народное собрание будет пользоваться тот, кто всеми средствами давил народ и у кого народ стал вырывать силой свободу.

Одним словом, мы приходим опять к тому же выводу, который получили и прошлый раз («Пролетарий» № 3)*), когда рассматривали этот вопрос с другой стороны. Лозунг всенародного учредительного собрания сам по себе, отдельно взятый, есть в настоящее время лозунг монархической буржуазии, лозунг сделки между буржуазией и царским правительством. Лозунгом революционной борьбы может быть лишь свержение царского правительства и замена его временным революционным правительством, которое должно созвать всенародное учредительное собрание. Пусть пролетариат России не делает себе иллюзий на этот счет: его обманывают под шумок всеобщего возбуждения посредством употребления его же собственных лозунгов. Если мы окажемся

*) См. настоящий том, стр. 344. *Ред.*

не в силах противопоставить вооруженной силе правительства силу вооруженного народа, если царское правительство не будет разбито на голову и заменено временным революционным правительством, — тогда всякое представительное собрание, какие бы титулы всенародного и учредительного ему ни давали, окажется на деле собранием представителей крупной буржуазии для сделки с царем о дележе власти между ними.

Чем ближе подходит борьба народа с царем к решительной развязке, чем вероятнее быстрое осуществление требования созыва народных представителей, тем строже должен следить революционный пролетариат за «демократической» буржуазией. Чем скорее мы завоюем свободу, тем скорее превратится этот союзник пролетариата в врага его. И для затушевывания этого превращения послужит, во-1-х, неясность, неполность и неопределенность якобы-демократических лозунгов буржуазии, а, во-2-х, стремление сделать лозунги пролетариата фразой, заменить *реальные* гарантии свободы и революции словесными обещаниями. От рабочих требуется теперь удесятеренное внимание и бдительное наблюдение за «демократами». Слова: «всенародное учредительное собрание» окажутся пустыми словами, если это собрание не сможет, в силу реальных условий выборов и выборной агитации, выразить волю народа, если оно не в силах будет самостоятельно учредить новый порядок. Центр тяжести передвигается теперь с вопроса о созыве всенародного учредительного собрания на вопрос о *способах* этого созыва. Мы стоим накануне решительных событий. Не доверяя общедемократическим лозунгам, пролетариат должен противопоставлять им свои собственные пролетарски-демократические лозунги во всей их полноте. Только сила, руководимая этими лозунгами, может обеспечить на деле полную победу революции.

«Пролетарий» № 4, 17 (4) июня 1905 г.

ПЕРВЫЕ ШАГИ БУРЖУАЗНОГО ПРЕДАТЕЛЬСТВА.

Женева, среда 21 (8) июня.

Телеграф принес вчера известие, что в понедельник земская делегация была принята Николаем II, который в ответ на речи князя Сергея Трубецкого и г. Федорова решительно подтвердил свое обещание созвать народных представителей.

Чтобы оценить правильно значение этого «события», надо восстановить, прежде всего, некоторые факты, сообщенные в заграничной прессе.

24-го и 25-го мая старого стиля состоялись в Москве три собрания представителей земств и городов, числом около 300. Имеющийся у нас литографированный текст принятых ими петиции к царю и резолюции, присланный из России, не содержит указаний на число делегатов, упоминая лишь, что в Совещании участвовали, кроме земских и городских гласных, городские головы и предводители дворянства. Представители помещичьего землевладения и городского капитала обсуждали политические судьбы России. Прения были, сообщают иностранные корреспонденты, очень жаркие. Большим влиянием пользовалась партия Шипова,— умеренная, богатая придворными связями. Всех радикальнее были провинциалы, всех умереннее—петербуржцы; «центр» составляли москвичи. Обсуждали каждое слово петиции, за которую в конце-концов вотировал и Питер. Петиция получилась патриотическая и верноподданническая. «Движимые одной пламенной любовью к отечеству», почтенные буржуа откладывают в сторону «всякую рознь и все различия, их разделяющие», и обращаются к царю. Они указывают на «великую опасность для России и для самого Престола», грозящую не столько извне, сколько от «внутренней усобицы». (Россия стоит, правда, впереди «Престола», наши патриоты обратились сначала к престолу, лишь грозя—приватно и под сурдинку—обратиться к народу.) Как водится, петиция полна казенной лжи, сваливая вину на советчиков царя, на иска-

жение его предначертаний и предуказаний, поведшее к усилению полицейской власти, к преграждению «голоса правды», восходящего до престола, и т. д. Вывод—просьба «пока не поздно» «без замедления созвать народных представителей, избранных для сего равно и без различия всеми подданными». Народные представители должны «в согласии» с царем решить вопрос о войне или мире и «установить (тоже *в согласии* с царем) обновленный государственный строй». Таким образом, в петиции нет ни точного требования принятого якобы «конституционно-демократической» партией всеобщего, прямого и равного избирательного права с тайной подачей голосов (прямое и тайное голосование совсем опущены и, конечно, не случайно),—ни требования хоть каких-нибудь гарантий свободы выборов. Авторы петиции говорят жалостливо: «Угнетение личности и общества, угнетение слова и всякий произвол множится и растет», но мер против этого не выдвигают. «В согласии» с царем растет произвол,—в согласии с царем да «обновляется» государственный строй... Представители буржуазии прочно держатся за теорию «соглашения» не народа, конечно, а буржуазии с угнетателями народа.

Совещание избрало делегацию для представления петиции царю из господ Гейдена, Головина, Петрункевича, Г. и Н. Львовых, Петра и Павла Долгоруких, Ковалевского, Новосильцева, Родичева, Шаховского и Серг. Трубецкого. От Петербурга присоединились потом, на приеме Николаем II, гг. Корф, Никитин и Федоров.

Затем это же Совещание приняло следующую *резолюцию*, о которой заграничные газеты не сообщают, но которая воспроизведена в русском листке:

«Совещание объединенных групп земских и городских деятелей, проникнутое, несмотря на различие мнений по отдельным политическим вопросам, общим убеждением, что коренной причиной настоящего тяжелого внутреннего и внешнего положения России является доныне неотмененный приказный строй, отрицающий личную и общественную свободу, подавляющий народное самосознание и народную самодеятельность, устраняющий население от участия в государственной жизни и порождающий пичем неограниченный и все усиливающийся произвол безответственной администрации, что этот строй, в течение многих лет вносивший насилие, ложь и разложение в нашу внутреннюю жизнь, ныне роковым образом привел к грозной внешней опасности, вовлекши государство в гибельную войну, вызывая и поддерживая в течение ее междоусобную вражду и доведя страну до ряда поражений, завершившихся беспримерным в русской истории истреблением наших морских сил, полагая, что дальнейшее существование этого строя угрожает не только внутреннему миру, порядку и благосостоянию народа, но также твердости престола, целости и внешней безопасности России,—признает безусловно необходимым для спасения страны:

1.—Безотлагательный созыв свободно избранного всенародного представительства для совместного с монархом решения вопроса о войне и мире и установления государственного правопорядка;

2.—Немедленную отмену законов, учреждений, постановлений и распоряжений, противных началам свободы личности, слова, печати, союзов и собраний, и объявление политической амнистии;

3.—Немедленное обновление состава администрации путем призвания к руководству центральным управлением лиц, искренно преданных делу государственного преобразования и внушающих доверие обществу».

В каком отношении стоит эта резолюция к петиции и к поручениям делегации, т.-е. обязалась ли эта последняя изложить содержание резолюции или вручить ее вместе с петицией,—неизвестно. Может быть, петиция—официальный документ для «престола», а резолюция—неофициальный для «народа»?

О характере прений на совещании корреспондент французской газеты «Le Matin» *), г. Гастон Леру, сообщает, что наиболее «передовые» делегаты, провинциальные земцы, стояли за двухстепенные выборы, боясь, что при прямых выборах их подавят «города» (очевидно, боялись они того, что при прямых выборах не вполне будут обеспечены привилегии помещиков над крестьянством). Корреспондент «Франкфуртской Газеты» писал:

«Русское земство, как политическая партия, распадается на три фракции: *либеральное* земское большинство (вождь—граф Гейден), *умеренно-либеральное* националистически-славянофильское земское меньшинство с г. Шиповым во главе, и группа радикальных земцев-конституционалистов. Характерно, что при выборах делегатов прошли именно «феодальные» представители. Умеренные хотели, чтобы их достойными представителями перед царем явились лица почтенных старых фамилий. Радикалы же, не делавшие себе никаких иллюзий насчет результатов петиции, хотели, чтобы представители старых фамилий собственными глазами убедились в том, что правительство *добровольно* не уступит ни пяди».

Удобства воспетой г-ном Струве расплывчатой организации «конституционно-демократической» (читай: монархической) партии не замедлили сказаться на деле очень быстро. Для сделок и торгашества, для виляний и ухищрений не удобна крепкая и прочная организация партии. Пусть в «партию» входит и Союз Освобождения (может быть, это и есть «группа радикалов», о которой писал корреспондент «Франкфуртской Газеты»)—и «земская фракция» (т.-е. и сторонники Гейдена, и сторонники Шипова, от которого г. Струве официально старается *теперь* открещиваться?). А в земскую фракцию входят и сторонники Гейдена и шиповцы и... «радикалы». Разберись, кто может! Сошлись все они, влекомые пламенной любовью к отечеству и к привилегиям буржуазии, на *теории соглашения,* которую мы не раз разъясняли уже в «Пролетарии» и которая явно выступает и в «петиции» и в «резолюции».

*) — «Утро» [156]. *Ред.*

Резолюция, должно быть, должна была питать «идеальные» запросы радикалов. А петиция в истолковании «умеренных» делегатов — служить для материальной сделки с царизмом. От непосвященной черни и распределение фракций Совещания, и полномочия делегации, и условия сделки, и дальнейшие намерения земцев усерднейшим образом скрывались. «Народу», от имени которого гг. буржуа торгуются с царизмом, не к чему знать высшей политики «конституционно-*демократической* партии»! Гг. буржуа будут беседовать с царем об угнетении слова, о подавлении голоса правды, о *народных* представителях, о России, «сплотившейся вокруг единого стяга *народного*» и т. д.,—а народу знать всей правды о политике либеральных и «освобожденских» торгашей совсем не надобно... Да, да, не даром г. Струве недавно упрекал в «Освобождении» «крайние партии» (т.-е. социал-демократов в особенности) в неумеренном пристрастии к узкой, заговорщической, якобинской «конспирации»[157]). Мы, социал-демократы, конспирируем от царя и царских ищеек, заботясь в то же время о том, чтобы народ знал все о нашей партии, об оттенках внутри ее, о развитии программы и тактики ее, даже о том, что сказал тот или другой делегат партийного съезда на этом съезде. Гг. просвещенные буржуа, освобожденцы, конспирируют... от народа, ничего не знающего в точности о пресловутой «конституционно-демократической» партии, но зато они откровенничают с царем и с ищейками царя. Ну, как же не демократы?

О чем откровенничали делегаты земцев с придворной шайкой, не желавшей пустить их к царю, мы не знаем. А откровенничали и переговаривались они долго. Иностранные газеты жадно ловили вести о каждом шаге «высшей политики» гг. делегатов. Петербург, 9 июня (27 мая). Делегация земцев прежде всего повидает г. министра вн. дел Булыгина, чтобы пожаловаться на Трепова.—10 июня (28 мая). Булыгин заявил делегации, что она не будет принята царем, и посоветовал уехать из Петербурга.— 12 июня (30 мая). Считают вероятным, что царь примет делегацию.—15 (2) июня. Специальная телеграмма г. Гастона Леру в газету «Le Matin»: «*Делегаты земцев приняли те условия аудиенции у императора, которые им ставило министерство двора.* После этого барон Фредерикс отправился сегодня вечером в Царское Село, чтобы узнать у царя, решил ли он принять депутацию»[158]).

Слышите ли вы это, русские рабочие и крестьяне? Вот как поступают «демократы»-«освобожденцы», враги заговорщичества, ненавистники конспирации! Они устраивают заговоры с министерством двора его полицейского величества, они конспирируют против народа вместе с шпионами. Желая быть представителями «народа», они принимают шпионами поставленные усло-

вия насчет того, *как* следует говорить с царями о нуждах «народа»!

Вот как поступают люди богатые, независимые, просвещенные, либеральные, «движимые пламенной любовью к отечеству». Это не то, что грубая, невежественная, зависимая от всякого приказчика рабочая чернь, которая прет прямо и открыто к царю с каким-то дерзким попом, не поговорив даже с влиятельными шпионами об условиях разговора с царем. Разве можно допустить республику или хотя бы прямые выборы и однопалатную систему при такой политически необразованной народной массе? Политически образованные люди знают ходы и понимают, что сначала надо зайти с заднего крыльца к шпионам,—может быть, даже посоветоваться с ними о содержании и слоге обращения к царю,—вот тогда уж действительно «голос правды» будет «восходить до престола».

На чем сторговались «представители», с позволения сказать, «народа» с царскими шпионами, мы не знаем. Мы знаем из телеграмм, что на приеме делегации «длинную речь» держал князь С. Трубецкой, в течение получаса излагавший царю трудное положение России и условия, вынудившие земцев обратиться прямо (а не через шпионов?) к царю. Речь произвела на царя глубокое впечатление. Г. Федоров говорил от имени представителей Петербурга. Царь ответил длинной речью. Он выразил сожаление по поводу тех огромных жертв, которых стоила война, он оплакивал последнее поражение на море. Он закончил словами: «Благодарю вас, господа, *за выраженные вами чувства*» (должно быть, хороши были эти чувства «демократа»-Трубецкого, о выражении которых он советовался с шпионами!). «Я верю в ваше желание работать вместе со мной» (царь верит либеральной буржуазии; либеральная буржуазия верит царю; рука руку моет) «над учреждением нового государственного устройства, основанного на новых началах. Мое желание созвать народное собрание» (когда? выборных ли представителей? как и кем выбранных?—неизвестно. Г. Трубецкой, явно, скрыл от обожаемого монарха «резолюцию» Совещания. Должно быть, шпионы посоветовали не говорить с царем на эту тему!) «непоколебимо. Я думаю об этом каждый день. Моя воля будет исполнена. Вы можете сегодня же объявить это населению городов и деревень. Вы поможете мне в этом новом деле. Народное собрание восстановит единение между Россией и ее императором» (между Трубецкими и Федоровыми—и императором?). «Оно будет основанием устройства, которое будет покоиться на русских народных началах». Делегаты вынесли из аудиенции—гласит официальная телеграмма—превосходное впечатление. Царь тоже казался довольным...

А ведь это похоже на правду! Доволен царь, довольны либеральные буржуа. Они готовы заключить прочный мир друг

с другом. Довольно самодержавие и полиция (истинно русские народные начала). Доволен денежный мешок (с ним будут отныне постоянно и правильно советоваться).

Довольны ли будут рабочие и крестьяне, интересы которых проторговывают буржуазные предатели?

«Пролетарий» № 5, 26 (13) июня 1905 г.

«РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ» В БЕЛЫХ ПЕРЧАТКАХ.

Пятница, 23 (10) июня.

Заграничные газеты дают уже некоторую оценку приема царем земской делегации. Буржуазная печать холопствует, как водится, умиляясь по поводу уступчивости царя и благоразумия земцев, хотя некоторые сомнения насчет серьезности обещаний, данных в такой неопределенной форме, все же проскальзывают. Социалистические газеты заявляют прямо и определенно, что этот прием есть комедия.

Самодержавию выгодно выиграть время и водить за нос либеральную буржуазию. С одной стороны, диктаторские полномочия Трепову. С другой стороны, ничего не говорящие и ничего не стоящие обещания либералам, чтобы вызвать новое колебание в их, и без того колеблющихся, рядах. Тактика самодержавного правительства неглупая. Либералы играют в лойяльность, умеренность и скромность. Отчего бы не воспользоваться, в самом деле, правительству их глупостью и их трусостью? «Коль война, так по-военному». Не бывает войн без военных хитростей. И когда «враг» (либеральная буржуазия) не то враг, не то друг-простак,—отчего же не провести его за нос?

Г. Гастон Леру, о котором мы уже говорили в передовой статье, сообщает о приеме депутации следующие подробности, не очень достоверные, но во всяком случае характерные и знаменательные. «Барон Фредерикс, министр двора, сказал депутатам, что, несмотря на все его желание, ему трудно добиться приема императором г-на Петрункевича, у которого, говорят, есть революционные связи. Министру ответили, что император австрийский имел же в числе министров Андраши, хотя он был в свое время осужден. Этот довод устранил последние препятствия, и депутаты все были приняты»[159]).

Довод хороший. Западно-европейская буржуазия сначала все же сражалась по-настоящему, была кое-когда даже республиканской, ее вождей «осуждали» — осуждали за *государственные*

преступления, т.-е. не только за революционные связи, а за *настоящие революционные* действия. Потом, много лет, иногда десятилетий, спустя, эти буржуа вполне мирились с самой убогой и куцой конституцией, не только без республики, но и без всеобщего избирательного права, без настоящей политической свободы. Либеральные буржуа окончательно мирились с «престолом» и с полицией, сами становились у власти и зверски подавляли и подавляют постоянно всякое стремление рабочих к свободе и к социальным реформам.

Русская либеральная буржуазия хочет соединить приятное с полезным: приятно *считаться* человеком с «революционными связями», — полезно быть способным занять министерское кресло при императоре Николае Кровавом. Русским либеральным буржуа вовсе не хочется рисковать «осуждением» за государственные преступления. Они предпочитают *прямо перескочить* к тем временам, когда бывшие революционеры вроде Андраши стали министрами партии порядка! Граф Андраши в 1848 г. участвовал настолько энергично в революционном движении, что после подавления революции был приговорен *к смертной казни и заочно (in effigie) повешен.* Он жил затем в качестве эмигранта во Франции и в Англии, и только после амнистии 1857-го года вернулся в Венгрию. Тогда началась его «министерская» карьера. Русским либералам не хочется революции, они боятся ее, им хочется сразу, не бывши революционерами, прослыть *бывшими революционерами!* Им хочется сразу перескочить от 1847 к 1857-му году! Им хочется сразу сторговаться с царем на такой конституции, какие бывали в Европе во времена бешеного разгула реакции после *поражения* революции 1848-го года.

Да, да, пример Андраши великолепно выбран. Как солнце в малой капле вод, отражается в этом сравнении Андраши с Петрункевичем параллель между революционной и республиканской в свое время буржуазной демократией Европы, — и монархической конституционалистской (даже после 9 января 1905 года) буржуазной «демократией» России. Европейские буржуа сначала дрались на баррикадах за республику, потом жили в изгнании, наконец, изменяли свободе, предавали революцию и шли на службу к конституционным монархам. Русские буржуа хотят «учиться у истории» и «сократить стадии развития»: они хотят сразу предать революцию, сразу оказаться изменниками свободе. В интимных беседах они повторяют один другому слова Христа к Иуде: что делаешь, делай скорее!

«Когда депутатов привели в ту комнату дворца, куда должен был выйти царь, — продолжает г. Гастон Леру — вдруг заметили, что у революционера Петрункевича нет белых перчаток. Полковник лейб-гвардии Путятин немедленно снял свои и поспешно дал их революционеру Петрункевичу».

Начался прием. Князь Трубецкой держал свою речь. По передаче г. Гастона Леру, он начал с благодарности за то, что царь «соизволил принять их, доказав этим свое доверие к ним». Князь Трубецкой уверял (не от имени ли всей «конституционно-демократической» или «освобожденской» партии?), что «мы люди порядка и мира», что «царь обманут» его советчиками. Самое «смелое» место в его речи состояло в том, что собрание представителей по сословиям, как проектирует Булыгин, «*недопустимо*»... почему бы вы думали?.. потому, что «вы, ваше величество, не царь дворян, купцов и крестьян, а царь всей России». «Представительство должно включать весь народ без изъятия». О резолюции земского Совещания, которая напечатана нами в передовой статье *), *ни звука*, как и следовало ожидать.

Г. Федоров в своей речи держался *финансовой стороны*... «революции в белых перчатках». Бюджет государства увеличится на 300—400 миллионов после войны, потребуется «громадный труд прогресса и цивилизации»,—а для сего нужна «независимость общества» и «призыв к жизни всех людей таланта из народа» (избранных под контролем Трепова?).

Ответ царя известен. «Окончив свою речь, царь—телеграфирует г. Гастон Леру—очень любезно разговаривал с каждым депутатом. Он дошел даже до того, что спросил у знаменитого революционера (Петрункевича), не состоит ли он предводителем дворянства. Тот ответил, что нет. Тогда царь выразил надежду, что придет день, когда он станет предводителем дворянства, и затем перешел к другому депутату. Когда он вышел из комнаты, депутатов отвели в заднюю комнату дворца, где им предложили завтрак ценой, по их мнению, копеек в 75. Как бы то ни было, депутаты были довольны происшедшим». (Если не сразу министром, то предводителем дворянства все же пообещали назначить! Ведь и Андраши начинал, вероятно, с чего-нибудь вроде предводителя дворянства!) «Они уже стали рассылать повсюду бесчисленные телеграммы» (на тему о том, что теперь доверие между царем и «народом» восстановлено?), «когда им сообщили официальный текст царского ответа. Велико было их изумление, когда они не нашли там единственной важной фразы, которая, казалось, обещала хоть что-нибудь. Фраза: «Моя царская воля созвать народных представителей непоколебима» оказалась переданной так: «Моя царская воля непоколебима». Депутаты тотчас отослали назад этот официальный текст, которого они не могли принять. Сегодня, с некоторым нетерпением, они ждали присылки им того текста, который содержал бы слова, всеми ими слышанные. Один из депутатов говорил мне сегодня вечером (телеграмма г-на Г. Леру помечена 20 (7) июня) по поводу этой странной

*) См. настоящий том, стр. 353. *Ред.*

замены слов: это уж не самодержавие, это какое-то фокусничество».

Недурно сказано, или недурно выдумано, если г. Леру все это выдумал. Фокусничество тут во всяком случае есть, даже если обещание созвать народных представителей включено в официальный текст речи. Белые перчатки, и притом лакейские белые перчатки, — настоящая эмблема политического акта гг. Петрункевичей и Родичевых. Они сами начали с фокусничества не только тем, что договаривались об условиях аудиенции, но и тем, что прятали в карман свою резолюцию и свои настоящие желания, говорили неприличные вещи об обмане царя и т. д. и т. п. Они не вправе теперь жаловаться на то, что им ответили фокусничеством на фокусничество. Ибо обещание созвать народных представителей вообще ровно ничего не означает и ровно ничего не дает, оставляя полный простор и Булыгинской и Треповской «конституции» и всяким оттяжкам. Все остается по-старому, — только либералы, одураченные, как мальчишки, опозоренные обещанием предводительского звания, оказали услугу самодержавию рассылкой телеграмм о «доверии» и такими докладами о приеме, какой сделал, напр., г. Никитин в петербургской думе [160]).

Нам не хотелось бы брать на себя роль Кассандры [161]). Не хотелось бы пророчествовать смешной и постыдный конец русской революции. Но мы обязаны прямо и открыто говорить рабочим, говорить всему народу: дело идет к такому концу. Конституционная якобы демократическая партия и все эти господа освобожденцы ведут дело именно к такому, а не к другому концу. Не обманывайтесь треском и звоном радикально-освобожденских речей и земских резолюций. Это — размалеванные кулисы для «народа», а за кулисами идет бойкая торговля. Либеральная буржуазия умеет распределять роли: радикального болтуна — на банкеты и на собрания, прожженного дельца — на «подготовку почвы» среди придворной шайки. А так как вся власть остается попрежнему и нисколько не урезанная в руках самодержавия, то неизбежный исход из *такого* течения дел — «конституция», во сто раз более похожая на булыгинскую, чем на освобожденскую.

Судьба русской революции зависит теперь от пролетариата. Только он может положить конец этому торгу. Только он может новым геройским усилием поднять массы, разъединить колеблющуюся армию, привлечь на свою сторону крестьянство и вооруженной рукой взять свободу для всего народа, раздавив без пощады врагов свободы и отбросив в сторону корыстных и шатких буржуазных звонарей свободы.

«Пролетарий» № 5, 26 (13) июня 1905 г.

БОРЬБА ПРОЛЕТАРИАТА И ХОЛОПСТВО БУРЖУАЗИИ.

Восстание и вооруженная битва на баррикадах в Лодзи,— побоище в Иваново-Вознесенске,— всеобщие стачки и стрельба в рабочих в Варшаве и Одессе,— позорный конец комедии с земской делегацией,— таковы главные политические события истекшей недели. Если прибавить к этому сообщенные в сегодняшних (28—15 июня) женевских газетах вести о крестьянских волнениях в Лебединском уезде Харьковской губернии, о разгроме пяти имений и посылке туда войска, то перед нами в событиях одной недели отразится характер всех основных общественных сил, так открыто и отчетливо выступающий теперь во время революции.

Пролетариат волнуется беспрерывно, особенно после 9-го января, не давая ни минуты отдыха врагу, наступая преимущественно в виде стачек, воздерживаясь от прямых столкновений с вооруженной силой царизма, готовя свои силы к великому, решительному бою. В местностях, наиболее развитых в промышленном отношении, где рабочие наиболее подготовлены политически, где к экономическому и общеполитическому гнету прибавляется гнет национальный,— полиция и войска царизма действуют особенно вызывающе, прямо провоцируют рабочих. И рабочие, даже неподготовленные к борьбе, даже ограничивавшиеся сначала одной обороной, показывают нам, в лице пролетариата Лодзи, не только новый образец революционного энтузиазма и геройства, но и высшие формы борьбы. Их вооружение еще слабо, крайне слабо, их восстание еще по прежнему частично, оторвано от связи с общим движением, но все же они делают шаг вперед, они с громадной быстротой покрывают городские улицы десятками баррикад, они наносят серьезный ущерб войскам царизма, они защищаются отчаянно в отдельных домах. Вооруженное восстание растет и в глубь и в ширь. Новые жертвы царских палачей — в Лодзи убито и ранено до 2.000 чел.— зажигают пламенной ненавистью к проклятому самодержавию новые десятки и сотни

тысяч граждан. Новые вооруженные битвы показывают все наглядиее и нагляднее неизбежность решительной вооруженной борьбы народа с вооруженными силами царизма. Из отдельных вспышек все больше вырисовывается картина общероссийского разгорающегося пожара. Пролетарская борьба захватывает новые, наиболее отсталые районы, и опричники царя усердствуют на пользу революции, превращая экономические столкновения в политические, разъясняя рабочим везде и повсюду на их собственной судьбе безусловную необходимость свержения самодержавия, воспитывая из них будущих героев и борцов народного восстания.

Вооруженное народное восстание, — к этому лозунгу, который так решительно выдвинут партией пролетариата в лице III съезда Российской С.-Д. Рабочей Партии, все ближе и ближе подводят сами события, сам стихийный процесс расширяющегося и обостряющегося революционного движения. Пусть же исчезнут скорее всякие колебания и сомнения, пусть сознают скорее все и каждый, как нелепы, как недостойны в настоящее время отговорки от этой неотложной задачи — готовиться самым энергичным образом к вооруженному восстанию, — как опасно промедление, как настоятельно объединение и сплочение тех частичных восстаний, которые возникают повсюду. Эти вспышки бессильны каждая по одиночке. Организованная сила царского правительства может раздавить повстанцев одних за другими, если движение так же стихийно-медленно будет перекидываться с города на город, с района на район. Но объединенные вместе, эти вспышки могут слиться в такой могучий поток революционного пламени, перед которым не устоит никакая сила на свете. И это объединение идет, идет тысячами путей, которых мы не знаем и не подозреваем. Народ учится революции на этих отдельных вспышках и схватках, — наше дело только не отставать от задач момента, уметь показывать всегда следующую, высшую ступень борьбы, извлекая опыт и указания из прошлого и настоящего, призывая смелее и шире рабочих и крестьян вперед и вперед, к полной победе народа, к полному уничтожению той самодержавной шайки, которая борется теперь с отчаянием осужденного на смерть.

Как часто находились среди социал-демократии люди, особенно из интеллигентского крыла ее, которые принижали задачи движения, которые малодушно изверивались в революционную энергию рабочего класса. Некоторые думают и теперь, что так как демократический переворот буржуазен по своему общественно-экономическому характеру, то пролетариату не следует стремиться к руководящей роли в нем, к самому энергичному участию, к выставлению передовых лозунгов свержения царской власти и учреждения временного революционного правительства. События учат и этих отсталых людей. События подтверждают боевые выводы из революционной теории марксизма. Буржуаз-

ный характер демократической революции не означает, что она может быть выгодна только буржуазии. Напротив, она всего более выгодна и всего более нужна пролетариату и крестьянству. События показывают все очевиднее, что только пролетариат способен на решительную борьбу за полную свободу, за республику, вопреки ненадежности и неустойчивости буржуазии. Пролетариат может встать во главе всего народа, привлекая на свою сторону крестьянство, которому нечего ждать кроме гнета и насилия от самодержавия, кроме измены и предательства от буржуазных друзей народа. Пролетариат, в силу самого своего положения как класса, в современном обществе, способен раньше всех других классов понять, что великие исторические вопросы решаются в последнем счете только силой, что свобода не дается без величайших жертв, что вооруженное сопротивление царизма должно быть сломлено и раздавлено вооруженною рукою. Иначе нам не видать свободы, иначе Россию ждет судьба Турции, долгое, мучительное падение и разложение, мучительное в особенности для всех трудящихся и эксплуатируемых масс народа. Пусть буржуазия унижается и холопствует, торгашествует и клянчит подачек, добиваясь жалкой пародии на свободу. Пролетариат пойдет на бой, поведет за собой истерзанное самым подлым и невыносимым крепостничеством и надругательством крестьянство, пойдет к полной свободе, которую может отстоять только вооруженный народ, опираясь на революционную власть.

Социал-демократия не сгоряча выдвинула лозунг восстания. Она всегда боролась и будет бороться с революционной фразой, будет требовать трезвого учета сил и анализа момента. Социал-демократия говорила о подготовке восстания еще с 1902-го года, никогда не смешивая эту подготовку с бессмысленным подстраиванием бунтов, искусственное устройство которых только бесплодно растратило бы наши силы. И лишь теперь, после 9-го января, лозунг восстания выдвинут на очередь рабочей партией, признана необходимость восстания и необходимость задачи готовиться к нему. Самодержавие само сделало этот лозунг практическим лозунгом рабочего движения. Самодержавие дало первые широкие и массовые уроки гражданской войны. Эта война началась и ведется все шире, все в более острой форме. Мы должны лишь обобщать ее уроки, разъяснять весь великий смысл слов «гражданская война», извлекать практические указания из отдельных сражений этой войны, организовывать силы, готовить непосредственно и немедленно все, что необходимо для настоящей войны.

Социал-демократия не боится смотреть в глаза правде. Она знает предательскую натуру буржуазии. Она знает, что не успокоение, не мир принесет рабочему свобода, а новую, еще более великую борьбу за социализм, борьбу с теперешними буржуазными друзьями свободы. Но тем не менее — и именно поэтому —

свобода непременно нужна рабочим, свобода нужна им больше, чем кому бы то ни было. За полную свободу, за демократическую республику, способны бороться во главе народа только рабочие, и они будут бороться за нее не на жизнь, а на смерть.

Слов нет, много еще темноты и забитости в народе, масса еще труда должна пойти на развитие самосознания рабочих, не говоря уже о крестьянстве. Но посмотрите, как быстро выпрямляется вчерашний раб, как сверкает огонек свободы даже в полупотухших глазах. Посмотрите на крестьянское движение. Оно разрознено, бессознательно, мы знаем лишь крохи правды о его размерах и характере. Но мы знаем твердо, что сознательный рабочий и поднимающийся на борьбу крестьянин поймут друг друга с двух слов, что каждый луч света сплотит их теснее для борьбы за свободу, что они не уступят тогда в руки презренно-трусливой и корыстной буржуазии и помещиков *своей* революции, той демократической революции, которая может дать землю и волю, дать все мыслимые в буржуазном обществе облегчения жизни трудящимся для дальнейшей борьбы за социализм. Посмотрите на центральный промышленный район. Давно ли казался он нам спящим глубоким сном, давно ли считали там возможным только частичное, дробное, мелкое, профессиональное движение? А там уже разгорелась всеобщая стачка. Поднялись и поднимаются десятки и сотни тысяч. Необыкновенно растет политическая агитация. Тамошним рабочим еще далеко, конечно, до геройского пролетариата геройской Польши, но царское правительство быстро просвещает их, быстро заставляет «догонять Польшу».

Нет, не мечта всенародное вооруженное восстание. Не праздная мысль о полной победе пролетариата и крестьянства в настоящей демократической революции. А какие великие перспективы открывает такая победа для европейского пролетариата, которого вот уже много лет искусственно сдерживает, в его стремлении к счастью, военная и помещичья реакция! Победа демократической революции в России будет сигналом к началу социалистической революции, к новой победе наших братьев, сознательных пролетариев всех стран.

По сравнению с могучей и геройской борьбой пролетариата каким отвратительно мизерным кажется верноподданническое выступление земцев и «освобожденцев» на знаменитом приеме Николая II. Комедианты понесли заслуженное наказание. Не успели высохнуть чернила, которыми они писали свои хамски-восторженные отчеты о милостивых словах царя, как настоящее значение этих слов выступило перед всеми в новых делах. Цензура свирепствует. Газета «Русь» приостановлена за одно напечатание скромного-скромного адреса [162]). Диктатура полиции с Треповым во главе преуспевает. Слова царя разъясняются официально в том смысле, что он обещал *совещательное* собрание народных

представителей при неприкосновенности исконного и «самобытного» самодержавия!

Князь Мещерский в «Гражданине» оказался прав в оценке приема делегации. Николай сумел donner le change земцам и либералам,— писал он. Николай сумел *провести их за нос!* [163]).

Святая истина! Вожди земцев и освобожденцев проведены за нос. Так им и надо. За холопское выступление, за сокрытие своих настоящих решений и мыслей о конституции, за подлое молчание в ответ на иезуитскую речь царя они наказаны по заслугам. Они всё торговались и торгуются, стараясь получить «безопасную» для буржуазии народню на свободу. Шипов торгуется с Булыгиным, Трубецкой торгуется с Шиповым, Петрункевич и Родичев торгуются с Трубецким. Струве торгуется с Петрункевичем и Родичевым. Они торгуются, соглашаясь «временно» на чисто Шиповской программе земской делегации. Этим торгашам хорошо ответили... пинком солдатского сапога.

Неужели и это опозорение вождей русского буржуазного «освобожденства» не окажется началом конца? Неужели те, кто способен быть искренним и честным *демократом*, не отвернутся даже теперь от этой пресловутой «конституционно-демократической партии»? Неужели они не поймут, что они безнадежно позорят себя и предают дело революции, поддерживая «партию», в которой «земская фракция» ползает на брюхе перед самодержавием, а «Союз Освобождения» ползает на брюхе перед земской фракцией?

Приветствуем финал земской делегации! Маска сорвана. Выбирайте, господа помещики и господа буржуа. Выбирайте, господа образованные люди и члены всяких «союзов». За революцию или за контр-революцию? За свободу или против свободы? Кто хочет быть демократом на деле, тот должен бороться, тот должен порвать с пресмыкающимися и с предателями, тот должен создать честную партию, уважающую себя и свои убеждения, тот должен становиться решительно и бесповоротно на сторону вооруженного восстания. А кто хочет продолжать игру в дипломатию, игру в недомолвки, торговаться и холопствовать, пускать словесные угрозы, которым никто не верит, и с восторгом встречать обещание предводительского места от обожаемого монарха,— тот должен быть публично заклеймен всеобщим презрением сторонников свободы.

Долой буржуазных предателей свободы!

Да здравствует революционный пролетариат! Да здравствует вооруженное восстание за полную свободу, за республику, за самые кровные и насущные интересы пролетариата и крестьянства!

«Пролетарий» № 6, 3 июля (20 июня) 1905 г.

ТРЕТИЙ ШАГ НАЗАД.

Из резолюций III съезда Р. С.-Д. Р. П. всем товарищам известно, каково должно быть принципиальное и организационное отношение к так наз. меньшинству или новоискровцам. Признавая необходимость идейной борьбы с пережитками «экономизма», III съезд признал возможным вступление в партийные организации сторонников меньшинства при условии признания съездов партии и подчинения партийной дисциплине. Раз этого условия нет на-лицо, все группы «меньшинства» следует рассматривать, как стоящие вне партии, при чем практические *соглашения* с ними, разумеется, допустимы, по усмотрению Ц.К. и местных комитетов, на тех же началах, как соглашения с Бундом и т. п.

В настоящее время мы можем сообщить товарищам лишь некоторые сведения о заграничной части отколовшегося от партии меньшинства. Ц. К. сейчас же после съезда послал письмо и в «Лигу» и заведующим техникой и кассой партии, прося первую — высказаться о своем отношении к III съезду, вторых — передать партийное имущество Ц. К. Ответа ни на одно письмо не последовало. Новоискровцы не прочь были от имени всей партии пользоваться партийной типографией и складом, получать деньги от немецкой социал-демократии, от заграницы вообще, но дать отчет партии в употреблении партийного имущества и расходовании партийных средств они не пожелали. Комментировать такое поведение мы считаем излишним.

В статье о III съезде («Прол.» № 1 *)) нами выражено пожелание, чтобы отколовшаяся часть партии по крайней мере сорганизовалась поскорее как можно цельнее внутри себя: тогда легче будут отдельные соглашения и яснее путь к будущему единству. К сожалению, и это наше пожелание оказывается почти неисполнимым. Резолюции «конференции» меньшинства теперь опубликованы (см. крайне интересную брошюру: «Первая обще-

---

*) См. настоящий том, стр. 302. *Ред.*

русская конференция партийных работников», Отд. Приложение к № 100 «Искры», а также № 100 «Искры»). Мы настоятельно рекомендуем всем партийным организациям ознакомиться с этой брошюрой, ибо лучше этого материала для идейной борьбы с отколовшейся частью партии мы не могли бы ничего себе представить. Резолюции эти обнаруживают полную неспособность меньшинства организовать даже своих собственных сторонников. Они не могли даже созвать своей собственной конференции: их конференцию созвали мы, Бюро Комитетов Большинства и Ц. К., объявившие созыв III съезда. Делегаты меньшевистских организаций ехали по поручению своих организаций на съезд, а попали на конференцию! Конференция постановила не признавать решений III съезда — и отменить устав партии, принятый на II съезде! Конференция не смогла конституироваться как съезд, — ее решения суть решения *совещательного* собрания, подлежащие утверждению каждой отдельной организации. Полного перечня участников конференции нет, протоколов тоже нет. Организации меньшинства могут, след., отвечать лишь да или нет на вопрос о признании ими той или другой резолюции. Таким образом, решающие голоса будут подаваться при невозможности видоизменять тексты резолюций и при отсутствии перед голосующими всего хода прений о резолюциях. Как будут подытоживаться эти решающие голоса, могущие разойтись при утверждении одной части и отмене другой части резолюции, Аллах ведает. Перед нами — принцип бонапартистских плебисцитов в противоположность общепринятому в международной социал-демократии принципу демократического представительства. У нас — демократически выбранные и подотчетные представители полноправных организаций совещаются и решают. У них — представители плюс гости совещаются и предлагают, а полноправные организации говорят задним числом: да или нет. Трудно представить себе систему, более способную дезорганизовать социал-демократов. На практике эта система плебисцитов всегда вырождается в комедию.

«Организационный устав», принятый конференцией и состоящий из 13-ти параграфов, есть в своем роде перл. Созидается партийное здание из шести этажей в следующем порядке снизу вверх: 1) руководящий коллектив, 2) комитет, 3) областной съезд, 4) областной комитет, 5) конференция и 6) исполнительная комиссия. Вообще говоря, низшая коллегия выбирает высшую. Но отношения между руководящим коллективом и комитетом определяются не началом выборов, а началом «соглашения», как думают новоискровцы, или началом «путаницы», как кажется нам. С одной стороны комитет входит весь в состав руководящего коллектива вместе со всеми членами не только районных комитетов, но и «групп, работающих среди особых слоев населения». С другой стороны, «в районный комитет входит также представитель от

комитета»!! С одной стороны, все существенные решения должны исходить от руководящего коллектива, с другой стороны, в экстренных случаях комитет действует самостоятельно «до опроса (!) районных комитетов». С третьей стороны, «комитет обязан периодически давать районным комитетам отчет о своей деятельности». При выражении комитету недоверия большинством членов районных комитетов он реорганизуется «по взаимному соглашению областного комитета и районных комитетов». Ни права, ни состав других партийных организаций (в том числе и районного комитета) вовсе не определены. Понятие членства партии, из-за которого меньшевики принципиально сражались на II съезде, вовсе выброшено за борт! До сих пор принцип «соглашения» между членами одной и той же организации или партии, во всех существенных вопросах программы и тактики между собою спевшихся, считался принципом анархизма. Социал-демократы всего мира в таких случаях проводили и проводят принцип подчинения меньшинства большинству. Новоискровцы хотят явить миру неувядаемый образец того, как оба эти принципа могут перемешиваться в самом «поэтическом» беспорядке. Недавно как-то попался нам на глаза экземпляр одной немецкой газеты с девизом: «Weder Autorität noch Majorität» — «ни авторитета, ни большинства». Принцип сродни новоискровской организации-процессу. Газета эта — орган немецких анархистов: «Der Anarchist» [164]).

При выборе центра («органа, объединяющего всю партийную работу») новоискровцы предпочитают прямым выборам непрямые, через выборщиков. Исполнительная комиссия выбирается не прямо представителями руководящих коллективов, а посредством *четырехстепенных выборов!* Отчего вдруг явилась нелюбовь к прямым выборам — Аллах ведает. Некоторые думают: не повлиял ли уже на новоискровцев пример г. Струве, желающего установить для верхней палаты всеобщие, но не прямые выборы? Как именно будут производиться эти четырехстепенные выборы, это ведает тоже один Аллах, ибо в «уставе» об этом ни слова.

Само собою разумеется, что этот устав, красоты которого мы исчерпали далеко не все, брать в серьез было бы смешно. Никогда он применяться не будет. Шестиэтажная колымага, даже если бы ее удалось построить, не сможет сдвинуться с места. Значение этого устава не практическое, а принципиальное. Это — великолепная, бесподобная иллюстрация знаменитой теории «организации-процесса». Отныне даже слепому должно быть видно, что организация-процесс есть дезорганизация. До сих пор меньшевики выступали как дезорганизаторы по отношению к своим оппонентам, по отношению к II съезду и созданным им органам. Теперь меньшевики выступают как дезорганизаторы по отношению к своим единомышленникам. Это уже настоящее возведение дезорганизации в принцип.

Нас не удивляет, что меньшевики начали с нарушения своего собственного устава. Никакого деления России на области они не наметили. Никакой исполнительной комиссии, даже предварительно, впредь до утверждения комитетов и организаций они не выбрали. Конференция выбрала Организационную Комиссию, уставом не предусмотренную, и дала ей особые поручения! Теперь даже временные и частные соглашения с меньшевиками страшно затруднены, ибо никакого официального положения эта Организационная Комиссия не занимает и никакого решающего значения ее шаги иметь не могут. Кто хочет иметь дело с меньшевиками, пусть позаботится снестись с каждой отдельной их организацией и даже с каждым отдельным «паном», который может сказать: «не позвалям!»

Наконец, особенно поразительным является полное умолчание в «уставе» меньшинства о партийных органах и партийной литературе вообще. Органы есть («Искра», «Социал-Демократ»[165]) и будут, но *никакой* связи между ними и партией «устав», принятый конференцией, не установляет. Это чудовищно, но это так. Литераторы — вне партии, над партией. Никакого контроля, никаких отчетов, никакой материальной зависимости. Нечто вроде того, что было в худшие времена оппортунизма французских социалистов: партия сама по себе, литераторы сами по себе. С этой точки зрения не случайно, может быть, следующее постановление конференции. Резолюция о *партийной* (?) литературе: «Конференция признает необходимым: 1) чтобы Организационная Комиссия приняла меры к расширению возможности для партийных литераторов вести в легальной печати борьбу за теоретические принципы партии». Некоторый прообраз меньшевистской организации: группа неответственных и «независимых», незаменимых и незаменяемых, «партийных литераторов». А при них — комиссия, озабочивающаяся... легальным издательством!

Об этом типе организации трудно говорить серьезно. Чем ближе революция, чем ближе возможность открытого выступления в «легальной» печати социал-демократов, тем строже должна блюсти партия пролетариата принцип безусловной ответственности «партийных литераторов» перед партией, зависимости их от партии.

Что касается до тактических резолюций конференции, то они замечательно подтверждают заявление III съезда об оттенках с.-д., «родственных экономизму», о «суживании размаха партийной работы». Не будем говорить уже о невероятно небрежном редактировании резолюций, больше походящих на наброски мыслей, афоризмы, рассуждения и отрывки из черновых записей. В этом отношении с резолюциями конференции может конкурировать лишь «программа Союза Освобождения». Перед нами не точные, ясные директивы, даваемые высшим

органом партии, а... проба пера некоторых партийных литераторов.

Возьмите содержание их. По жгучему вопросу о восстании вам не скажут, что оно стало «необходимо», что надо разъяснять не только политическое значение, но и «практически-организационную сторону» его, что надо «организовать пролетариат» с этой целью и «создавать по мере надобности особые группы» (резолюция III съезда). Нет. Вам скажут сначала, что возможность приурочить восстание к назначенному сроку и подготовить его конспиративно-организационными средствами «исключается», — а затем вы прочтете, что при расширении агитации и организации возможно превращение стихийных движений в «планомерные восстания». И эта путаница должна дать идейное руководство партии пролетариата! Третий съезд Р. С.-Д. Р. П. *повторяет и подтверждает* все старые истины о пропаганде, агитации, об обще-демократическом движении и т. д., но *добавляет* к этому новую задачу: организовывать пролетариат для восстания, выяснять «практически-организационную сторону» *новых* приемов борьбы, решительной борьбы за свободу. Конференция говорит только о «подготовке восстания» вообще, повторяет только зады об агитации и организации вообще, не решаясь наметить самостоятельно никакой новой задачи, не давая никакого руководящего лозунга о необходимости шага вперед, от подготовки вообще, о которой мы говорим с 1902-го года, к практически-организационной постановке дела. Точь в точь старые экономисты. Когда выступили на сцену новые задачи политической борьбы, их стали принижать, разменивать на стадии, соподчинять задачам экономической борьбы.

Не только экономическая борьба, но и политическая в самых широких и смелых формах, говорили революционные социал-демократы. Лучшее средство для политической агитации есть экономическая борьба, отвечали экономисты. Не только пропаганда и агитация вообще, говорят теперь революционные социал-демократы, не только выяснение политического значения восстания, но и создание особых групп, немедленный приступ к практически-организационной работе, «самые энергичные меры к вооружению пролетариата». Планомерное восстание исключается, отвечают новоискровцы, надо расширять агитацию, укреплять организацию, подготовлять превращение стихийного в планомерное; только на этой почве «может быть приближен момент восстания», «могут приобрести более или менее серьезное значение технически-боевые приготовления»...

Для них еще не «приблизился» момент восстания! Для них практические приготовления только еще «могут приобрести» «более или менее серьезное значение»! Разве это не хвостизм

чистейшей воды? Разве это не принижение «неотложной» (по мнению III съезда) задачи, для выполнения которой нами сделано еще страшно мало? Разве не пятятся эти люди назад, от восстания к агитации, как пятились экономисты от политической борьбы к экономической борьбе с хозяевами и с правительством? Прочтите, как пятится г. Струве в № 71 «Освобождения» от лозунга: вооруженное восстание, как оспаривает этот вождь либеральной буржуазии его неизбежность (стр. 340), как старается он принизить значение «революции в техническом смысле», как «*углубляет*» он лозунг восстания указанием на «социально-психические условия», как заменяет он этот лозунг лозунгом «пропитывания масс идеями демократического преобразования»[166]), — и вы поймете, какое глубоко-развращающее влияние на пролетариат должен оказывать хвостизм новоискровцев, кому играет он на руку.

Другой насущный политический вопрос: о временном революционном правительстве. Резолюция III съезда ставит его ясно и отчетливо. В мотивировке — борьба за республику; возможность завоевать ее лишь при полной победе восстания; необходимость созыва учредительного собрания временным революционным правительством для действительного обеспечения свободы и правильности выборов; необходимость готовиться к борьбе с буржуазией за охрану завоеваний революции. Выводы съезда и директивы его: надо выяснять пролетариату необходимость временного революционного правительства. От этого правительства пролетариат должен требовать точно определенных вещей, именно: осуществления всей программы-минимум. Участие соц.-дем. в правительстве (действие «сверху») допустимо; цель этого участия указывается точно (беспощадная борьба с контр-революцией и отстаивание самостоятельных интересов рабочего класса). Условия участия указываются не менее определенно; формальное условие — строгий контроль партии; материальное условие, т.-е. условие целесообразности участия, — неуклонное охранение независимости социал-демократии, подготовка условий социалистического переворота. Этот перечень условий участия в правительстве, условий давления сверху, как новой, только революционной эпохе свойственной формы деятельности, дополняется указанием на формы и цель постоянного и во всяком случае обязательного давления снизу, — давления на временное революционное правительство со стороны вооруженного и руководимого социал-демократией пролетариата. В общем и целом, перед нами — полный ответ на *новый* политический вопрос, точное указание значения *новых* форм борьбы, цели их, программы этой борьбы, условий допустимости их.

А в резолюции конференции? Начинается эта резолюция вопиюще *неверным* утверждением, будто «решительная победа

революции над царизмом» может быть ознаменована либо учреждением временного правительства, «либо революционной инициативой того или иного представительного учреждения, решающего, под непосредственным революционным давлением народа, организовать всенародное учредительное собрание».

Можно и должно давать партии тактические указания и на случай победы и на случай поражения восстания, и на случай созыва действительно учредительного собрания революционным путем, и на случай созыва царем какой-нибудь карикатуры на народное представительство. Но называть решительной победой то, в чем недостает самого решительного условия для победы, значит вносить смуту в революционное сознание, а не руководить таковым. Любое «решение» любого представительного учреждения организовать учредительное собрание так же далеко еще от решительной победы, как слово далеко от дела, ибо царская власть держит в руках силу, способную помешать слову стать делом. Резолюция новоискровцев — точь в точь утверждение старых экономистов, что-де решительной победой рабочих может быть либо завоевание ими 8-мичас. раб. дня, либо дарование правительством 10-тичасового раб. дня, от которого рабочие перейдут к 9-тичасовому.

Резолюция конференции повторяет несомненные положения марксизма о буржуазном характере демократической революции, но придает им узкое или неправильное толкование. Вместо боевого лозунга: республика — нам дают описание процесса «ликвидации монархического строя». Вместо указания условий и задач *нового* приема борьбы «сверху», возможного и обязательного при успехе пролетарского восстания в эпоху революции, нам дают положение «оставаться партией крайней революционной оппозиции». Положение это очень хорошо для парламентской борьбы, очень хорошо для действия снизу, но оно как раз недостаточно во время восстания. В такое время задача «оппозиции» состоит в насильственном свержении правительства, а по этому вопросу конференция не умела дать руководящего лозунга.

Допуская частичный и эпизодический «захват власти» в отдельных городах и районах, резолюция конференции отказывается от «принципа» новой «Искры», будто участие во временном революционном правительстве вместе с буржуазией есть измена пролетариату, мильеранизм и т. п. Частичная и эпизодическая измена не перестает быть изменой. Но ограничение задачи отдельными городами или районами не решает ее, а только раздробляет внимание и разбивает вопрос на частности, запутывая его. Наконец, лозунг: «революционные коммуны», данный в резолюции конференции, по своей неясности приближается просто к фразе, в отличие от лозунга: революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства.

Вся резолюция новоискровцев о временном революционном правительстве грешит тем же грехом, что и их резолюция о восстании: неумение определить новые тактические задачи момента, повторение задов вместо призыва идти вперед, отсутствие руководящего лозунга для передового класса в демократической революции, принижение задач и размаха деятельности этого класса, его революционного энтузиазма и революционной энергии. Политическая тенденция этой ошибочной тактической линии — приближение новоискровства к освобожденству, уступка руководящей роли в демократическом перевороте либеральной буржуазии, превращение пролетариата в простой придаток ее.

На других, менее важных резолюциях конференции указанный основной недостаток тоже сказывается. Например, вместо лозунга: осуществление революционным путем 8-мичасового рабочего дня (резолюция III съезда), выдвигается лишь старый, недостаточный в настоящий момент, лозунг агитации за законодательное установление 8-мичасового рабочего дня. Вместо немедленной организации революционных крестьянских комитетов, предлагается лишь предъявление требования об их учреждении к учредительному собранию. Вместо лозунга: борьба с непоследовательностью, ограниченностью и недостаточностью освободительного движения буржуазии, везде, где эти свойства проявляются (резолюция III съезда), — резолюция конференции, повторяя ошибку Старовера, преследует химерическую задачу: найти «лакмусову бумажку», перечислить «пункты», выполнение которых позволяет назвать буржуазного демократа нелицемерным другом народа. «Пункты» новоискровской резолюции оказались, конечно, сразу не полными. Отсутствует лозунг республики. Выходит, что демократическая группа вроде «Росс. Освоб. Союза» («Пролетарий», № 4) [167] подходит под эти «пункты», хотя на деле никаких гарантий против преобладания освобожденцев в этой группе нет.

Само собою разумеется, что в газетной статье мы могли только в самых общих и кратких чертах наметить основную ошибку всей тактической линии новоискровства, выразившейся в резолюциях конференции. Насколько несерьезна их «организация-процесс», настолько серьезны и важны для партии ошибочные тенденции их тактики. Поэтому мы подробно разберем эти тенденции в особой брошюре, которая уже печатается и выйдет в свет в самом непродолжительном времени [168]).

«Пролетарий» № 6, 3 июля (20 июня) 1905 г.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Три Конституціи

или

три порядка государственнаго устройства.

Чего хотятъ полиція и чиновники?

— Самодержавной монархіи.

Чего хотятъ самые либеральные буржуа (освобожденцы или конституціонно-демократическая партія)?

— Конституціонной монархіи.

Чего хотятъ сознательные рабочіе (Соціалъ-демократы)?

— Демократической республики.

Въ чемъ состоятъ эти порядки государственнаго устройства?

Самодержавная монархія

1. Царь — самодержавный монархъ.
2. Государственный Совѣтъ (чиновники, царемъ назначенные).
3. Государственная Дума или совѣщательная Палата Народныхъ представителей (непрямые, неравные и не всеобщіе выборы).

Конституціонная монархія

1. Царь—конституціонный монархъ.
2. Верхняя палата Народныхъ представителей (непрямые, не совсѣмъ равные и не совсѣмъ всеобщіе выборы).
3. Нижняя палата всеобщіе, прямые и равные выборы съ тайной подачей голосовъ).

Демократическая республика

1. Никакого царя.
2. Никакой верхней палаты.
3. Одна республиканская палата (всеобщіе, прямые и равные выборы съ тайной подачей голосовъ.

Какое значеніе имѣютъ эти порядки государственнаго устройства?

Самодержавная монархія

1 и 2. Полная власть надъ народомъ полиціи и чиновниковъ.

3. Совѣщательный голосъ крупной буржуазіи и богатымъ помѣщикамъ!

— Никакой власти народу.

Конституціонная монархія

1. Третья доля власти полиціи и чиновникамъ съ царемъ во главѣ ихъ.

2. Третья доля власти крупной буржуазіи и богатымъ помѣщикамъ.

3. Третья доля власти всему народу.

Демократическая республика

1. Никакой самостоятельной власти ни полиціи ни чиновникамъ; полное подчиненіе ихъ народу.
2. Никакихъ привилегій ни капиталистамъ, ни помѣщикамъ.
3. Всю власть, единую полную и нераздѣльную власть всему народу.

Для чего должны служить эти порядки государственнаго устройства?

Самодержавная монархія

Для того, чтобы всего лучше жилось придворнымъ, полиціи и чиновникамъ;

— чтобы богатые могли какъ угодно грабить рабочихъ и крестьянъ;

— чтобы народъ оставался на всегда въ безправіи, въ темнотѣ и въ невѣжествѣ.

Конституціонная монархія

Для того, чтобы полиція и чиновники зависѣли отъ капиталистовъ и помѣщиковъ;

— чтобы капиталисты, помѣщики и богатые крестьяне могли свободно и спокойно, по праву, а не по произволу грабить рабочихъ городскихъ и деревенскихъ.

Демократическая республика

Для того, чтобы свободный просвѣщенный народъ научился самъ вести всѣ свои дѣла, — а главное, для того, чтобы рабочій классъ могъ свободно бороться за соціализмъ, за такие порядки, когда не будетъ богатыхъ и бѣдныхъ, когда вся земля, всѣ фабрики и заводы будутъ принадлежать всѣмъ трудящимся.

Типографія Центральнаго Комитета.

Листовка «Три конституции» — 1905 г.

Уменьшено

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ТРИ КОНСТИТУЦИИ ИЛИ ТРИ ПОРЯДКА ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА.

Чего хотят полиция и чиновники?	Чего хотят самые либеральные буржуа (освобожденцы или конституционно-демократическая партия)?	Чего хотят сознательные рабочие (социал-демократы)?
— **Самодержавной монархии.**	— **Конституционной монархии.**	— **Демократической республики.**

В ЧЕМ СОСТОЯТ ЭТИ ПОРЯДКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА?

САМОДЕРЖАВНАЯ МОНАРХИЯ.	КОНСТИТУЦИОННАЯ МОНАРХИЯ.	ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА.
1. Царь — самодержавный монарх.	1. Царь—конституционный монарх.	1. Никакого царя.
2. Государственный совет (чиновники, царем назначенные).	2. Верхняя палата народных представителей (непрямые, не совсем равные и не совсем всеобщие выборы).	2. Никакой верхней палаты.
3. Государственная дума или совещательная палата народных представителей (непрямые, неравные и не всеобщие выборы).	3. Нижняя палата (всеобщие, прямые и равные выборы с тайной подачей голосов).	3. Одна республиканская палата (всеобщие, прямые и равные выборы с тайной подачей голосов).

КАКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИМЕЮТ ЭТИ ПОРЯДКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА?

САМОДЕРЖАВНАЯ МОНАРХИЯ.	КОНСТИТУЦИОННАЯ МОНАРХИЯ.	ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА.
1. Полная власть над народом полиции и чиновников.	1. Третья доля власти полиции и чиновникам, с царем во главе их.	1. Никакой самостоятельной власти ни полиции, ни чиновникам; полное подчинение их народу.
2. Совещательный голос крупной буржуазии и богатым помещикам.	2. Третья доля власти крупной буржуазии и богатым помещикам.	2. Никаких привилегий ни капиталистам, ни помещикам.
3. Никакой власти народу.	3. Третья доля власти всему народу.	3. Всю власть, единую, полную и нераздельную власть всему народу.

ДЛЯ ЧЕГО ДОЛЖНЫ СЛУЖИТЬ ЭТИ ПОРЯДКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА?

САМОДЕРЖАВНАЯ МОНАРХИЯ.	КОНСТИТУЦИОННАЯ МОНАРХИЯ.	ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА.
Для того, чтобы всего лучше жилось придворным, полиции и чиновникам; — чтобы богатые могли как угодно грабить рабочих и крестьян; — чтобы народ оставался навсегда в бесправии, в темноте и в невежестве.	Для того, чтобы полиция и чиновники зависели от капиталистов и помещиков; — чтобы капиталисты, помещики и богатые крестьяне могли свободно и спокойно, по праву, а не по произволу, грабить рабочих городских и деревенских.	Для того, чтобы свободный просвещенный народ научился сам вести все свои дела, — а главное, для того, чтобы рабочий класс мог свободно бороться за социализм, за такие порядки, когда не будет богатых и бедных, когда вся земля, все фабрики и заводы будут принадлежать всем трудящимся.

Листовка напечатана 7 июля (24 июня) 1905 г.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ АРМИЯ И РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО.

Восстание в Одессе и переход на сторону революции броненосца «Потемкин» ознаменовали новый и крупный шаг вперед в развитии революционного движения против самодержавия. События с поразительной быстротой подтвердили своевременность призывов к восстанию и к образованию временного революционного правительства, — призывов, обращенных к народу сознательными представителями пролетариата в лице III съезда Росс. С.-Д. Рабочей Партии. Новая вспышка революционного пламени проливает свет на практическое значение этих призывов и заставляет нас точнее определить задачи революционных борцов в переживаемый Россией момент.

Всенародное вооруженное восстание зреет и организуется на наших глазах под влиянием стихийного хода событий. Не так уже далеки те времена, когда единственным проявлением народной борьбы с самодержавием были *бунты,* т.-е. возмущения несознательные, неорганизованные, стихийные, иногда дикие. Но рабочее движение, как движение самого передового класса, пролетариата, быстро выросло из этой начальной стадии. Сознательная пропаганда и агитация социал-демократии сделали свое дело. Бунты сменились организованной стачечной борьбой и *политическими демонстрациями* против самодержавия. Дикие военные расправы в течение нескольких лет «воспитывали» пролетариат и городское простонародье, подготовляли его к высшим формам революционной борьбы. Преступная и позорная война, в которую бросило народ самодержавие, переполнила чашу народного терпения. Начались попытки вооруженного отпора толпы царским войскам. Начались настоящие *уличные сражения* народа с войском, *битвы на баррикадах.* Кавказ, Лодзь, Одесса, Либава показали нам в самое последнее время образцы пролетарского геройства и народного энтузиазма. Борьба перерастала в восстание. Позорная роль палачей свободы, роль прислужников полиции не могла не открывать постепенно глаза и самой царской армии.

Армия стала колебаться. Сначала отдельные случаи неповиновения, вспышки запасных, протесты офицеров, агитация среди солдат, отказ отдельных рот или полков стрелять в своих братьев — рабочих. Затем — *переход части армии на сторону восстания.*

Громадное значение последних одесских событий состоит именно в том, что здесь впервые крупная часть военной силы царизма,—целый броненосец,—перешла открыто на сторону революции. Бешеные усилия и всевозможные уловки употребляло правительство, чтобы скрыть от народа это событие, чтобы потушить восстание матросов в самом начале. Ничто не помогло. Посланные против революционного броненосца «Потемкина» военные суда *отказались бороться* против товарищей. Распространив по Европе известия о сдаче «Потемкина», о царском приказе потопить революционный броненосец, самодержавное правительство только окончательно опозорило себя перед всем миром. Эскадра вернулась в Севастополь, правительство спешит распустить матросов, разоружить военные суда; ходят слухи о массовой отставке офицеров черноморского флота; на сдавшемся броненосце «Георгий Победоносец» опять начались возмущения. В Либаве и Кронштадте матросы тоже восстают; учащаются столкновения с войском; идет (в Либаве) бой на баррикадах матросов и рабочих против солдат. В заграничной печати сообщается о возмущениях на целом ряде других военных судов (Минин, Александр Второй и т. д.). Царское правительство оказалось *без флота.* Самое большее, чего ему удалось пока добиться, это — удержать флот от активного перехода на сторону революции. А броненосец «Потемкин» остался непобежденной территорией революции и, какова бы ни была его судьба, перед нами на-лицо несомненный и знаменательнейший факт: попытка образования *ядра революционной армии.*

Никакие репрессии, никакие частичные победы над революцией не уничтожат значения этого события. Первый шаг сделан. Рубикон перейден. Переход армии на сторону революции запечатлен перед всей Россией и перед всем миром. Новые еще более энергичные попытки образования революционной армии последуют неминуемо за событиями в черноморском флоте. Наше дело теперь — поддержать всеми силами эти попытки, разъяснить самым широким массам пролетариата и крестьянства общенародное значение революционной армии в деле борьбы за свободу, помочь отдельным отрядам этой армии выдвинуть общенародное *знамя свободы,* способное привлечь массу, объединить силы, которые бы раздавили царское самодержавие.

Бунты—демонстрации—уличные сражения—отряды революционной армии—таковы этапы развития народного восстания. Теперь мы дошли наконец и до последнего этапа. Это не значит, разумеется, что все движение стоит уже в целом на этой новой

(1

Революціонная армія и революціонное правительство.

Возстаніе въ Одессѣ и переходъ на сторону революціи броненосца „Потемкинъ" ознаменовали новый и крупный шагъ впередъ въ развитіи революціоннаго движенія противъ самодержавія. События съ поразительной быстротой подтвердили ~~[illegible]~~ своевременность призывовъ къ возстанію и къ ~~[illegible]~~ образованію временнаго революціоннаго правительства, — призывовъ, обращенныхъ къ народу сознательными представителями пролетаріата въ лицѣ 3-го съѣзда Росс. С.-Д. Р. партіи. Новая вспышка ~~[illegible]~~ революціоннаго пожара освѣщаетъ (практическое) значеніе этихъ призывовъ и заставляетъ насъ точнѣе ~~[illegible]~~

Первая страница рукописи В. И. Ленина: «Революционная армия и революционное правительство» — 1905 г.

Уменьшено

высшей ступени. Нет, в движении еще много неразвитости, в Одесских событиях есть еще явные черты старого бунта. Но это значит, что передовые волны стихийного потока докатились уже до самого порога самодержавной «твердыни». Это значит, что передовые представители самой народной массы дошли уже не в силу теоретических соображений, а под давлением растущего движения до новых высших задач борьбы, окончательной борьбы с врагом русского народа. Самодержавие *все* сделало для подготовки этой борьбы. Оно годами толкало народ на вооруженную борьбу с войском и теперь оно пожинает то, что сеяло. Из самого войска выходят отряды революционной армии.

Дело таких отрядов — провозгласить восстание, дать массам *военное руководство*, необходимое для гражданской войны, как и для всякой другой войны, создать опорные пункты открытой всенародной борьбы, перебросить восстание в соседние местности, обеспечить, — сначала хотя бы в небольшой части территории государства, — полную политическую свободу, начать революционную перестройку прогнившего самодержавного строя, развернуть во всю ширь революционное творчество народных низов, которые мало участвуют в этом творчестве в мирные времена, но которые выступают на первый план в эпохи революции. Только сознав эти новые задачи, только поставив их смело и широко, — отряды революционной армии могут одержать полную победу, послужить опорой *революционного правительства*. А революционное правительство — такая же насущно необходимая вещь на данной стадии народного восстания, как революционная армия. Революционная армия нужна для военной борьбы и для военного руководства массами народа против остатков военной силы самодержавия. Революционная армия необходима потому, что только *силой* могут быть решены великие исторические вопросы, а *организация силы* в современной борьбе есть военная организация. И кроме остатков военной силы самодержавия есть военные силы соседних государств, у которых молит уже поддержки русское падающее правительство, о чем мы расскажем ниже.

Революционное правительство необходимо для политического руководства народными массами, — сначала в той части территории, которая уже отвоевана у царизма революционной армией, а потом и во всем государстве. Революционное правительство необходимо для немедленного приступа к политическим преобразованиям, во имя которых идет революция, — для устройства революционного народного самоуправления, для созыва действительно всенародного и действительно учредительного собрания, для проведения тех «свобод», без которых невозможно правильное выражение воли народа. Революционное правительство необходимо для политического объединения восставшей части народа, которая на деле и окончательно порвала с самодержавием, для

политической организации ее. Эта организация может быть, конечно, только временная, как только временным может быть и революционное правительство, берущее в руки власть от имени народа, для обеспечения воли народа, для деятельности посредством народа. Но эта организация должна начаться *немедленно*, в неразрывной связи с каждым успешным шагом восстания, ибо политическое объединение и политическое руководство не могут быть отложены ни на минуту. Для полной победы народа над царизмом это немедленное осуществление политического руководства восставшим народом не менее необходимо, чем военное руководство его силами.

Каков будет окончательный исход борьбы между сторонниками самодержавия и массой народа, в этом не может сомневаться ни один человек, сколько-нибудь сохранивший способность рассуждения. Но мы не должны закрывать себе глаза на то, что серьезная борьба только еще начинается, что нас ждут еще великие испытания. И революционная армия и революционное правительство представляют из себя «организмы» настолько высокого типа, требуют учреждений таких сложных, гражданского самосознания такого развитого, что было бы ошибкой ждать простого, немедленного, верного осуществления этих задач сразу. Нет, мы не ждем этого, мы умеем ценить значение той упорной, медленной, часто невидной работы политического воспитания, которую всегда вела и всегда будет вести социал-демократия. Но мы не должны допускать также еще более опасного в настоящий момент неверия в силы народа, мы должны помнить, какой громадной просвещающей и организующей силой обладает революция, когда могучие исторические события силой вытаскивают обывателей из их медвежьих углов, чердаков и подвалов и заставляют их становиться *гражданами*. Месяцы революции скорее и полнее воспитывают иногда граждан, чем десятилетия политического застоя. Задача сознательных руководителей революционного класса — всегда идти впереди его в деле такого воспитания, разъяснять значение новых задач и звать вперед к нашей великой конечной цели. Неудачи, которые неизбежно ждут нас при дальнейших попытках образования революционной армии и учреждения временного революционного правительства, только научат нас *практическому* решению этих задач, только привлекут новые и свежие, таящиеся теперь под спудом, народные силы к их решению.

Возьмите военное дело. Ни один социал-демократ, знакомый хоть сколько-нибудь с историей, учившийся у великого знатока этого дела Энгельса, не сомневался никогда в громадном значении военных знаний, в громадной важности военной техники и военной организации, как орудия, которым пользуются массы народа и классы народа для решения великих исторических

столкновений. Социал-демократия никогда не спускалась до игры в военные заговоры, она никогда не выдвигала на первый план военных вопросов, пока не было на-лицо условий начавшейся гражданской войны *). Но *теперь* все социал-демократы выдвинули военные вопросы, если не на первое, то на одно из первых мест, поставили на очередь изучение их и ознакомление с ними народных масс. Революционная армия должна практически применить военные знания и военные орудия для решения всей дальнейшей судьбы русского народа, для решения первого, насущнейшего вопроса, вопроса о свободе.

И задача учреждения революционного правительства так же нова, так же трудна и сложна, как задача военной организации сил революции. Но и эта задача может и должна быть решена народом. И в этом деле каждая частная неудача вызовет усовершенствование приемов и средств, упрочение и расширение результатов. Третий съезд Росс. С.-Д. Р. П. наметил в своей резолюции общие условия решения новой задачи,— пора браться уже за обсуждение и подготовку практических условий ее осуществления. У нашей партии есть программа-минимум, законченная программа тех преобразований, которые вполне осуществимы немедленно в рамках демократического (т.-е. буржуазного) переворота и которые необходимы пролетариату для его дальнейшей борьбы за социалистический переворот. Но в этой программе есть основные требования и требования частные, вытекающие из основных или подразумевающиеся сами собой. Важно выдвинуть именно основные требования при каждой попытке учреждения временного революционного правительства, чтобы показать всему народу, всей даже наиболее темной массе в кратких формулах, в резких, ясных очертаниях цели этого правительства, его общенародные задачи.

Нам думается, можно указать *шесть* таких основных пунктов, которые должны стать политическим знаменем и ближайшей программой всякого революционного правительства, которые должны привлечь к нему сочувствие народа, и на которых должна сосредоточиться вся революционная энергия народа, как на самом насущном деле.

Вот эти шесть пунктов: 1) всенародное учредительное собрание, 2) вооружение народа, 3) политическая свобода, 4) полная свобода угнетенным и неполноправным народностям, 5) 8-мичасовой рабочий день и 6) крестьянские революционные комитеты. Разумеется, это только примерный перечень, это только *заглавия*, обозначения целого ряда преобразований, необходимых

*) Ср. «Задачи рус. соц.-дем.» Ленина, стр. 23, о несвоевременности (в 1897 г.) вопроса о способах решительной атаки на царизм. (См. II том Сочинений, стр. 183. *Ред.*)

немедленно для завоевания демократической республики. Мы не претендуем тут на исчерпывающую полноту. Мы хотим лишь наглядно выяснить свою мысль о важности известных основных задач. Необходимо, чтобы революционное правительство стремилось опереться на народные низы, на массу рабочего класса и крестьянства, — без этого оно не может держаться, без революционной самодеятельности народа оно есть нуль, хуже нуля. Наше дело предостеречь народ от авантюризма громких, но нелепых обещаний (вроде немедленной «социализации», которой не понимают сами говорящие о ней), выдвинув в то же время преобразования, действительно осуществимые в данный момент и действительно необходимые для упрочения дела революции. Революционное правительство должно поднять «народ» и *сорганизовать* его революционную активность. Полная свобода угнетенных народностей, т.-е. признание не только культурного, но и политического самоопределения их, — обеспечение настоятельных мер к охране рабочего класса (8-мичас. раб. день, как первая из ряда этих мер), наконец, гарантия серьезных, не считающихся с корыстью помещиков, мер в пользу крестьянской массы, — таковы, по нашему мнению, главные пункты, которые должно особенно подчеркнуть всякое революционное правительство. Мы не говорим о первых трех пунктах, которые слишком ясны, чтобы требовать комментариев. Мы не говорим о необходимости практического осуществления преобразований даже на небольшой, отвоеванной, к примеру скажем, у царизма, территории, практическое осуществление важнее в тысячу раз всяких манифестов и труднее, конечно, тоже в тысячу раз. Мы обращаем внимание лишь на то, что нужно теперь уже и немедленно всеми мерами распространять правильное представление о наших общенародных и ближайших задачах. Нужно уметь обратиться к народу — в настоящем смысле этого слова — не с одним только общим призывом к борьбе (этого достаточно в эпоху до образования революционного правительства), а с непосредственным призывом к немедленному осуществлению самых основных демократических преобразований, к немедленному, самостоятельному проведению их в жизнь.

Революционная армия и революционное правительство, это — две стороны одной медали. Это — два учреждения, одинаково необходимые для успеха восстания и закрепления плодов его. Это — два лозунга, которые необходимо должны быть выдвинуты и разъяснены, как единственные последовательные революционные лозунги. У нас много теперь есть людей, называющих себя демократами. Но много званных, да мало избранных. Много говорунов «конституционно-демократической партии», да мало среди пресловутого «общества», среди якобы демократического земства *истинных* демократов, — т.-е. людей, которые

искренно стоят за полное самодержавие народа, которые способны бороться не на жизнь, а на смерть с врагами народного самодержавия, с защитниками царского самодержавия.

У рабочего класса нет этой трусливости, этой лицемерной половинчатости, которые свойственны буржуазии, как классу. Рабочий класс может и должен быть вполне последовательным демократом. Рабочий класс своей кровью, пролитой на улицах Петербурга, Риги, Либавы, Варшавы, Лодзи, Одессы, Баку и массы других городов, доказал свое право на роль авангарда в демократической революции. Он должен оказаться на высоте этой великой роли и в переживаемый решительный момент. Сознательные представители пролетариата, члены Р. С.-Д. Р. П., должны, — ни на минуту не забывая о своей социалистической цели, о своей классовой и партийной самостоятельности, — выступить перед всем народом с передовыми демократическими лозунгами. Для нас, для пролетариата, демократический переворот только первая ступень к полному освобождению труда от всякой эксплуатации, к великой социалистической цели. И поэтому тем скорее должны мы пройти эту первую ступень, тем решительнее должны мы разделаться с врагами народной свободы, тем громче должны мы проповедывать лозунги последовательной демократии: революционная армия и революционное правительство.

«Пролетарий» № 7, 10 июля (27 июня) 1905 г.

РУССКИЙ ЦАРЬ ИЩЕТ ЗАЩИТЫ ОТ СВОЕГО НАРОДА У ТУРЕЦКОГО СУЛТАНА.

Заграничная печать всех стран и всех партий полна известиями, телеграммами, статьями по поводу перехода части судов Черноморского флота на сторону русской революции. Газеты не находят слов для выражения своего изумления, для достаточно сильной характеристики того позора, до которого довело себя самодержавное правительство.

Верхом этого позора было *обращение царского правительства к Румынии и Турции с просьбой о полицейской помощи* против восставших матросов! Вот когда сказалось, что «турки внутренние» страшнее для русского народа, чем всякие «турки внешние». Турецкий султан должен защитить царское самодержавие от русского народа; — царю нельзя опереться на русские военные силы, и он молит о помощи чужие державы. Трудно представить себе лучшее доказательство полного краха царской власти. Трудно подыскать лучший материал для разъяснения солдатам русской армии их роли.

Вот что пишет в передовой статье 4-го июля (н. ст.) газета «Times»; — надо заметить, что это одна из самых богатых и наилучше осведомленных во всем мире газет, орган консервативной английской буржуазии, находящий даже наших «освобожденцев» непомерно радикальными, сочувствующий «шиповцам» и т. д. Одним словом, в преувеличении сил и значения русской революции никто уже не заподозрит эту газету.

«Бессилие русского правительства на море — пишет «Times» — нашло себе поразительное подтверждение в той ноте, с которой, как сообщают, оно обратилось к *Порте* (т.-е. к *турецкому* правительству) и к *румынскому* правительству. В этой ноте русское правительство просит названные государства рассматривать возмутившихся матросов русского флота, как обыкновенных уголовных преступников, и предостерегает их, что в противном случае возможны международные осложнения. Другими словами, правительство царя унизилось до того, что умоляет *турецкого султана* и *короля румынского* быть настолько добрыми и выпол-

нить для него ту полицейскую работу, которую оно само для себя выполнить уже не в состоянии. Остается выждать, соблаговолит ли *Абдул-Гамид* оказать царю просимую им помощь или нет. До сих пор единственным результатом восстания матросов с точки зрения его влияния на турецкие власти было то, что оно побудило их к более строгому, чем обыкновенно, надзору; при чем первой жертвой этого надзора оказалось в субботу русское судно береговой обороны, на котором вечером, когда уже было темно, въезжал в Босфор *русский посол.* Турки выстрелили по этому судну холостым зарядом. Год тому назад турки вряд ли решились бы таким способом осуществить свой надзор. Что касается до румынского правительства, то оно поступило правильно, игнорируя просьбу рассматривать восставших матросов, как уголовных преступников. Этого, конечно, и следовало ожидать от правительства нации, уважающей самое себя. Румынское правительство приказало не давать ни припасов, ни угля «Потемкину», но оно сообщило в то же время его 700 матросам, что если они высадятся на берег в Румынии, то их будут рассматривать лишь как иностранных дезертиров».

Итак, румынское правительство отнюдь не на стороне революции, ничего подобного! Но унижаться до полицейской службы всеми ненавидимому и презираемому царю всей России оно все же не хочет. Оно отказывает царю в его просьбе. Оно поступает, как только и может поступать «правительство *нации, уважающей себя*».

Вот как говорят теперь в Европе о русском самодержавном правительстве, говорят те люди, которые еще вчера подобострастно кланялись «великому и могучему монарху»!

Теперь и в немецких газетах есть подтверждение этого нового неслыханного позора самодержавия. В «Франкфуртскую Газету» телеграфируют из *Константинополя* от 4 июля н. ст.: «Русский посол Зиновьев передал вчера турецкому правительству ноту петербургского кабинета, в которой сообщается, что около 400 русских матросов, потопив один крейсер, спаслись третьего дня на одно английское торговое судно, шедшее по направлению к Константинополю. Русский посланник требует от Турции безусловного задержания этого торгового судна при переходе его через Босфор, а также ареста и выдачи возмутившихся русских матросов. Турецкое правительство в тот же вечер собрало на экстренное заседание совет министров, который обсудил русскую ноту. Турция ответила русскому посольству, что исполнение его требования для нее *невозможно*, ибо по международному праву Турция не имеет прав полицейского надзора за судами, идущими под английским флагом, даже тогда, когда эти суда находятся в турецких гаванях. Кроме того между Россией и Турцией нет договора о выдаче преступников».

Турция ответила «мужественно», — замечает по этому поводу немецкая газета. Турки не хотят быть полицейскими прислужниками царя!

Сообщают также, что когда миноносец «Стремительный» *) вместе с несколькими другими военными судами пришел в Констанцу (Румыния) в поисках за «Потемкиным», то румынское правительство указало русским властям, что в румынских водах за порядком наблюдает румынская армия и румынская полиция даже в том случае, если бы «Потемкин» находился еще в румынских водах.

Оказывается таким образом, что вместо беспокойства иностранным судам со стороны «Потемкина» (чем пугало Европу царское самодержавие) неприятности сыплются теперь на них от русского флота. Англичане возмущены задержанием и обыском в Одессе их судна «Granley». Немцы негодуют по поводу слухов о том, что турки остановят и обыщут, по просьбе русских, идущее из Одессы в Константинополь немецкое судно «Пера». Может быть, при таких обстоятельствах не так-то легко будет России получить помощь от Европы против русских революционеров. Вопрос об оказании такой помощи обсуждают очень многие заграничные газеты, по большей частью они приходят к выводу, что не дело Европы помогать царю бороться против «Потемкина». В немецкой газете «Berliner Tageblatt» **) появилось сообщение, что русское правительство обратилось и к державам с просьбой послать их военные суда из Константинополя в Одессу, чтобы помочь восстановить порядок! Насколько верно это сообщение (опровергаемое некоторыми другими газетами), покажет недалекое будущее. Несомненно одно, что переход «Потемкина» на сторону восстания сделал первый шаг к превращению русской революции в международную силу, в сопоставлении ее лицом к лицу с европейскими государствами.

Этого обстоятельства не надо забывать при оценке того сообщения, которое делает г. *Леру* в телеграмме от 4/VII н. ст. из Петербурга в парижскую газету «Le Matin»: «Во всем этом происшествии с «Потемкиным» — пишет он — поразительна непредусмотрительность русских властей, но нельзя не отметить также недостатки в *организации революции*. Революция овладевает броненосцем — событие, невиданное в истории! — не зная в то же время, что с ним делать» [169].

Тут есть большая доля правды, несомненно. Мы повинны, спора нет, в недостаточной организованности революции. Мы повинны в слабости сознания некоторых социал-демократов насчет необходимости организовать революцию, поставить восста-

*) На «Стремительном», говорят, нет матросов. Почти вся команда состоит из одних офицеров. Аристократия против народа!

**) — «Берлинская Ежедневная Газета». *Ред.*

ние в число неотложных практических задач, пропагандировать необходимость временного революционного правительства. Мы заслужили то, что нам, революционерам, делают теперь буржуазные писатели упреки по поводу плохой постановки революционных функций.

Но заслужил ли этот упрек броненосец «Потемкин», — мы не решимся сказать. Может быть, его команда преследовала именно ту цель, чтобы показаться в гавани европейской державы? Разве русское правительство не скрывало от народа вестей о событиях в Черноморском флоте до тех пор, пока «Потемкин» не пошел свободно в Румынию? И в Румынии революционный броненосец передал консулам прокламацию с объявлением войны царскому флоту, с подтверждением того, что по отношению к нейтральным судам он не позволит себе никаких враждебных действий. *Русская революция объявила Европе об открытой войне русского народа с царизмом.* Фактически, русская революция делает этим попытку выступить от имени нового, революционного правительства России. Несомненно, что это лишь первая, слабая попытка, — но «лиха беда начало», говорит пословица.

По последним известиям, «Потемкин» пришел в Феодосию, требуя припасов и угля. Городское население волнуется. Рабочие требуют удовлетворения просьбы революционного броненосца. Дума постановляет отказать в угле, но дать провизию. Весь юг России волнуется так, как никогда. Число жертв гражданской войны в Одессе исчисляется в *6.000 человек.* Телеграфируют о расстреле 160 инсургентов военным судом, о том, что из Петербурга дан приказ «*не давать пощады*»! Но войска бессильны, войска сами ненадежны. В фабричных предместьях Одессы волнение не утихает. В прошлую ночь (с 4 на 5 июля н. ст.) убито 35 человек. Большая часть войск, по приказу генерал-губернатора, выведена из города, потому что *среди войск обнаружился серьезный недостаток дисциплины.* В Николаеве и Севастополе произошли волнения в правительственных арсеналах. В Севастополе убито 13 человек. В пяти уездах Херсонской губернии идут крестьянские восстания. *В последние четыре дня убито до 700 крестьян.* «Начинается, повидимому, — так гласит телеграмма из Одессы в Лондон от 5/VII н. ст. — борьба не на жизнь, а на смерть между народом и бюрократией».

Да, настоящая борьба за свободу, борьба не на жизнь, а на смерть только еще начинается. Революционный броненосец еще не сказал своего последнего слова. Да здравствует же революционная армия! Да здравствует революционное правительство!

«Пролетарий» № 7, 10 июля (27 июня) 1905 г.

МЕЖДУНАРОДНОМУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ БЮРО [170]).

Дорогие граждане!

Редакция «Пролетария» получила сегодня телеграмму из Берлина. Один товарищ просит нас сообщить в Международное Бюро, что, согласно частной телеграммы «Berliner Tageblatt», русское правительство просило державы выслать их стационеры из Константинополя в Одессу, чтоб помочь ему восстановить порядок.

Вполне возможно, что русское правительство, не доверяя более своим собственным морским силам, попытается заставить военные корабли европейских государств сражаться против русской революции под предлогом защиты живущих в Одессе иностранцев.

Итак, существует большая опасность, как бы не заставили европейские народы играть роль палачей русской свободы. Поэтому мы просим вас, дорогие граждане, обсудить этот вопрос и поискать средство предотвратить эту возможность. Может быть было бы подходящим опубликовать от имени Международного Социалистического Бюро обращение к рабочим всех стран. В этом обращении надо было бы подчеркнуть, что в России происходят не народные бунты черни, но революция, борьба за свободу, что борьба эта имеет целью созыв учредительного собрания, которого требуют все прогрессивные партии, особенно СДРП. Может быть подобное обращение, переведенное на все языки, напечатанное в социалистических газетах всего мира, распространенное всеми средствами, какие могут быть в нашем распоряжении, сможет повлиять на общественное мнение и разрушить планы русского правительства, гибельные для свободы.

Мы надеемся, что вы сообщите нам Ваше мнение об этом.

Примите, дорогие граждане, наши братские пожелания.

Н. Ленин (Вл. Ульянов).

Написано 4 июля (21 июня) 1905 г.
Впервые напечатано 2 февраля 1924 г. в газ. «Le Peuple», № 33.

Печатается по рукописи.

БУРЖУАЗИЯ ТОРГУЕТСЯ С САМОДЕРЖАВИЕМ, САМОДЕРЖАВИЕ ТОРГУЕТСЯ С БУРЖУАЗИЕЙ

Чуть не каждый день приносит подтвержденья этой «торговли», на которую мы так давно обращаем внимание русских пролетариев. Вот интересная телеграмма г. Леру из Петербурга от 2 июля н. ст.[171]): Собрание представителей городов и земств 28 и 29 июня (15 и 16 ст. ст.) выработало еще раз (сотый раз!) конституционные требования и по телеграфу послало их в министерства. Требования выше обычных: народное представительство требуется непременно на *конституционных* началах; «Булыгинская» конституция прямо отвергается; требуется немедленное провозглашение неприкосновенности личности, свободы слова и т. д. На совещании принято будто бы единогласно *(но не включено в петицию* — когда торгуешься, не следует показывать всех своих карт!) требование всеобщего избирательного права.

Как же судит корреспондент буржуазной газеты по поводу этого знаменательного повышения требовательности гг. помещиков и фабрикантов? О, он судит очень трезво:

«*Очевидно,* — пишет он, — *что делегаты запрашивают побольше, чтобы получить хоть немногое. Но несомненно также, что это немногое, чтобы быть приемлемо для них, должно находиться по средине между тем, чего они требуют, и тем, что Булыгин им предлагает*».

Настоящий базар, на котором буржуазия проторговывает интересы и права русских рабочих и русских крестьян. Как на базаре, покупщица — буржуазия и продавец — царь хлопают друг друга по рукам, выкрикивают сотый раз свое «последнее слово», божатся, что «себе дороже», грозят уйти, — и никак не решаются разорвать своей тесной дружбы.

Если царь не исполнит наших требований, — говорил «один из самых выдающихся представителей земского совещания» господину Леру, тогда мы «обратимся к народу».

Что собственно следует понимать под этим пресловутым «обращением к народу»? — спрашивает себя и своих читателей

французский корреспондент. И отвечает: здесь нет «предместья св. Антония» (рабочий квартал Парижа: сравни фельетон в № 2 Вперед[172])). Народ склонен не выходить на улицу, а сидеть дома, протестовать по-толстовски отказом от платежа податей!..

Не клевещите на народ, господа буржуазные предатели свободы! Вам не смыть с себя никакими клеветами своей позорной трусости. Народ проливает свою кровь по всей России. В ряде городов, в массе деревень растут у нас свои «предместия св. Антония». Народ ведет отчаянную борьбу. Если вы хотели действительно «обратиться к народу» (а не грозить только своему союзнику, царю, этим обращением), то вы должны были бы ассигновать не сотни и тысячи рублей на ваши говорильни, а миллионы на вооруженное восстание. Вы должны были бы выбрать делегацию не для обивания порогов у царя, а для сношения с революционными партиями, с революционным народом.

Царь и его шайка прекрасно знают, что вы не в силах сделать это из страха за свой денежный мешок, из страха перед народом. Поэтому царь вполне прав, когда третирует вас, как лакеев; — когда кормит вас все теми же посулами, все той же булыгинской конституцией; — когда рассчитывает, что вы не посмеете даже протестовать решительно, на деле, и против булыгинской подачки. Не даром специальный корреспондент женевской «солидно»-либеральной газеты Journal de Genève *) сообщал недавно: «Либералы не скрывают от себя несовершенств (!) проекта Булыгина, но *они думают, что необходимо принять его* в интересах дела прогресса и дела *порядка*... *Отвергнуть правительственный проект значило бы сознательно разрушить последнюю надежду на мирный исход теперешнего конфликта между народом и бюрократическим режимом*». (Последняя фраза подчеркнута самим корреспондентом.)

Буржуазия хочет *мира* с царем и боится *народной войны против царя*. Царь хочет мира с буржуазией, не боясь однако начатой им и беспощадно продолжаемой войны с народом. Неужели не очевидно, что неизбежным исходом из этого положения, *если народ не одержит полной победы, несмотря на предательство буржуазии*, будет булыгинская конституция?

«Пролетарий» № 7, 10 июля (27 июня) 1905 г.

---

*) — «Женевская Газета» [173]). *Ред.*

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. СПИСОК ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА, ОТНОСЯЩИХСЯ К ПЕРИОДУ: ДЕКАБРЬ 1904 Г. — 10 ИЮЛЯ 1905 Г., ДО СЕГО ВРЕМЕНИ НЕ РАЗЫСКАННЫХ.

КОНЕЦ СТАТЬИ «О СМЕШЕНИИ ПОЛИТИКИ С ПЕДАГОГИКОЙ».

* * *

Сводка неразысканных писем Вл. Ильича за период с декабря 1904 г. по 10 июля 1905 г. будет дана в последних томах этого издания, содержащих письма Вл. Ильича.

СПИСОК СТАТЕЙ И ЗАМЕТОК, АВТОРОМ КОТОРЫХ, ВОЗМОЖНО, ЯВЛЯЕТСЯ ВЛ. ИЛЬИЧ.

1. *Новоискровская полемика.* («Вперед» № 3.)
2. *Наши тартюфы.* («Вперед» № 3.)
3. *Революция в России.* («Вперед» № 3.)
4. *Из новоискровского лагеря.* («Вперед» № 8.)
5. *«За съезд».* («Вперед» № 12.)
6. *Второй шаг.* («Вперед» № 13.)
7. *Ряд реплик и замечаний на III съезде.* (См. Протоколы.)
8. *Правительство готовится.* («Пролетарий» № 4.)
9. *Новый революционный рабочий союз.* («Пролетарий» № 4.)
10. *Что делается в войсках.* От редакции к статье Чужака. («Пролетарий» № 6.)

II. СПИСОК ИЗДАНИЙ ПЕРИОДА ДЕКАБРЬ 1904 Г.—10 ИЮЛЯ 1905 Г., В РЕДАКТИРОВАНИИ КОТОРЫХ ПРИНИМАЛ УЧАСТИЕ В. И. ЛЕНИН.

За период с декабря 1904 г. по 10 июля 1905 г. Вл. И. принимал участие в редактировании следующих изданий:

1) ГАЗЕТА «ВПЕРЕД»:

№ 1 — 4 января 1905 г. (22 декабря 1904 г.).
№ 2 — 14 (1) января 1905 г.
№ 3 — 24 (11) января 1905 г.
№ 4 — 31 (18) января 1905 г.
№ 5 — 7 февраля (25 января) 1905 г.
№ 6 — 14 (1) февраля 1905 г.
№ 7 — 21 (8) февраля 1905 г.
№ 8 — 28 (15) февраля 1905 г.
№ 9 — 8 марта (23 февраля) 1905 г.
№ 10 — 15 (2) марта 1905 г.
№ 11 — 23 (10) марта 1905 г.
№ 12 — 29 (16) марта 1905 г.
№ 13 — 5 апреля (23 марта) 1905 г.
№ 14 — 12 апреля (30 марта) 1905 г.
№ 15 — 20 (7) апреля 1905 г.
№ 16 — 30 (17) апреля 1905 г.
№ 17 — 9 мая (26 апреля) 1905 г.

Весь номер 17-й «Вперода» редактирован тов. Ольминским, но корректура в сверстанном виде была послана Вл. Ильичу из Женевы в Лондон, где в то время происходил III партийный съезд.

2) ГАЗЕТА «ПРОЛЕТАРИЙ».

№ 1 — 27 (14) мая 1905 г.
№ 2 — 3 июня (21 мая) 1905 г.
№ 3 — 9 июня (27 мая) 1905 г.
№ 4 — 17 (4) июня 1905 г.
№ 5 — 26 (13) июня 1905 г.
№ 6 — 3 июля (20 июня) 1905 г.
№ 7 — 10 июля (27 июня) 1905 г.

3) БРОШЮРЫ:

Орловский. Совет против партии. Издательство с.-д. партийной литературы В. Бонч-Бруевича и Н. Ленина. Женева, 1904. Стр. 47.

Докладная записка директора департамента полиции Лопухина, рассмотренная в Комитете Министров... января 1905 г. С предисловием Н. Ленина. Изд. «Вперед». Женева, 1905. Стр. V + 13.

4) ПАРТИЙНЫЕ ДОКУМЕНТЫ:

Объявление об издании газеты «Вперед».

Извещение о созыве III партийного съезда.

Окончательная редакция всех резолюций съезда партии, устава и постановлений первого пленума первого состава Ц.К., 10 мая 1905 г.

5) ПЕРЕВОДЫ:

Карл Маркс. Гражданская война во Франции (1870—1871). С предисловием Ф. Энгельса. Книгоизд. «Буревестник». Одесса, 1905. Дозволено цензурою. Одесса, 4 июня 1905 г. Стр. 52. (Без указания на редакцию и переводчика.)

Карл Маркс. Гражданская война во Франции (1870—1871). С предисловием Ф. Энгельса. Перевод с немецкого под редакцией Н. Ленина. Второе издание. Книгоизд. «Буревестник». Одесса, 1905. Дозволено цензурою. Одесса, 30 июня 1905 г. Стр. 71.

Об уличной борьбе. Советы генерала коммуны. (Мемуары Клюзере.) Перевод и предисловие Ленина. «Вперед» № 11, 23 (10) марта 1905 г.

III. УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ РАБОТ И ИСТОЧНИКОВ, УПОМИНАЕМЫХ В. И. ЛЕНИНЫМ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ VII ТОМА.

*

[ЛЕНИН, В. И.] — Извещение о III съезде Российской социал-демократической рабочей партии. «Пролетарий» № 1, 27 (14) мая 1905 г. — 301, 304, 305.

— Маркс об американском черном переделе. «Вперед» № 15, 20 (7) апреля 1905 г. — 215.

— Начало революции в России. «Вперед» № 4, 31 (18) января 1905 г. — 106.

— Новые задачи и новые силы. «Вперед» № 9, 8 марта (23 февраля) 1905 г. — 208, 209.

— О временном революционном правительстве. Статья первая. Историческая справка Плеханова. «Пролетарий» № 3, 9 июня (27 мая) 1905 г. — 323.

ЛЕНИН и ВАСИЛЬЕВ. — Особое мнение по поводу резолюции Совета Р. С.-Д. Р. П. о кооптации. — 304.

[ЛЕНИН, В. И.] — Отдача в солдаты 183-х студентов. «Искра» № 2, февраль 1901 г. — 64.

— От народничества к марксизму. «Вперед» № 3, 24 (11) января 1905 г. — 116, 149, 158.

— Падение Порт-Артура. «Вперед» № 2, 14 (1) января 1905 г. — 176, 335.

ЛЕНИН. — Письмо в редакцию «Искры». (Почему я вышел из редакции «Искры».) Женева. Декабрь 1903 г. Стр. 3. — 122, 206.

— Письмо Грейлиху 4 февраля 1905 г. Краткий очерк раскола. — 99.

[ЛЕНИН, В. И.] — Письмо к земцам. «Искра» № 18, 23 (10) марта 1902 г. — 64.

ЛЕНИН, Н. — Письмо к русским членам Ц. К. 26 мая 1904 г. — 304.

— Письмо к товарищу о наших организационных задачах. Изд. Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. Женева. 1904 г. Стр. 31. — 53.

[ЛЕНИН, В. И.] — Политическая агитация и классовая точка зрения. «Искра» № 16, 14 (1) февраля 1902 г. — 64.

— Политическая борьба и политиканство. «Искра» № 26, 28 (15) октября 1902 г. — 64.

— Политические софизмы. «Вперед» № 18, 18 (5) мая 1905 г. — 311, 339.

— Поп Гапон. «Вперед» № 4, 31 (18) января 1905 г. — 114.

[ЛЕНИН, В. И. и ВОРОВСКИЙ, В. В.] — Пора кончить. «Вперед» № 1, 4 января 1905 г. (22 декабря 1904 г.). — 57, 95.

[ЛЕНИН, В. И.] — Пролетариат и крестьянство. «Вперед» № 11, 23 (10) марта 1905 г. — 277.

— Революционная борьба и либеральное маклерство. «Пролетарий» № 3, 9 июня (27 мая) 1905 г. — 350.

— Соловья баснями не кормят. «Вперед» № 2, 14 (1) января 1905 г. — 145.

— Социал-демократия и временное революционное правительство. «Вперед» №№ 13 и 14, 5 апреля (23 марта) и 12 апреля (30 марта) 1905 г. — 196.

— Третий съезд. «Пролетарий» № 1, 27 (14) мая 1905 г. — 367.

— Услужливый либерал. Изд-во социал-демократической литературы В. Бонч-Бруевича и Ленина. Женева. — 151.

ЛЕНИН, Н. — Что делать? (Наболевшие вопросы нашего движения.) Штутгарт. Изд. Дитца. 1902 г. Стр. VII + 144. — 76, 107, 109, 110, 114, 123, 146, 147, 169.

— Шаг вперед, два шага назад. (Кризис в нашей партии.) Женева. 1904 г. Стр. VIII + 172. — 205 — 207, 209.

«РУСЬ» № 59, 21 (8) марта 1905 г. — Доклад В. Д. Кузьмина-Караваева в СПБ Юридическом обществе на тему: «Основы всенародного избрания представителей в России». — 180.
РЯДОВОЙ и ГАЛЕРКА. — «Наши недоразумения». — 54, 207.
РЯЗАНОВ, Н. — Материалы для выработки партийной программы. Проект программы «Искры» и задачи русских социал-демократов. Материалы для выработки партийной программы. Вып. II. Изд. гр. «Борьба». Женева. 1903 г. Стр. 302. — 159.
— Разбитые иллюзии. Изд. автора. Женева. 1904 г. Стр. 116. — 52.
СТАРОВЕР. — Наши злоключения (о либерализме и гегемонии). «Искра» № 78, 3 декабря (20 ноября) 1904 г. — 66, 68.
СТ—Н, А. (СТОЛЫПИН). — Заметки. «Новое Время» № 10285, 31 (18) октября 1904 г. — 9.
СТРУВЕ, ПЕТР. — Демократическая партия и ее программа. «Освобождение» № 67, 18 (5) марта 1905 г. — 179, 184.
— Как найти себя? — «Освобождение» № 71, 31 (18) мая 1905 г. — 355, 372.
П. С. (СТРУВЕ, П. Б.) — Насущная задача времени. — «Освобождение» № 63, 20 (7) января 1905 г. — 145, 146.
РНС. (СТРУВЕ, П. Б.) — Предисловие к конфиденциальной записке министра финансов статс-секретаря С. Ю. Витте (1899). «Самодержавие и земство». «Заря». Штутгарт. 1901. Стр. XIV+212. — 6, 343, 347.
СУВОРИН, А. — Маленькие письма. «Новое Время» № 10490, 31 (18) мая 1905 г. — 336.
Т. П. — Гонители земства и Аннибалы либерализма. — См. [ЛЕНИН, В. И.]. — 6.
Т. Х. — Внутреннее обозрение. «Заря» № 2—3. См. [ЛЕНИН, В. И.] — 66.
ТРОЦКИЙ, Н. — До девятого января. С предисловием Парвуса. Женева. 1905 г. Стр. XIV + 64. — 192—194.
— Наши политические задачи. — Изд. Р.С.-Д.Р.П. Женева. 1904 г. Стр. XI + 107. — 5, 17, 52, 54, 93, 151.
ТРУБЕЦКОЙ, Е. Н. — Война и бюрократия. «Право» № 39, 4 октября (21 сентября) 1904 г. — 8.
ТРУБЕЦКОЙ, П. Н. — Письмо министру внутренних дел Святополку-Мирскому. 28 (15) декабря 1904 г. — 50.
ЧЕРЕВАНИН. — Организационный вопрос. С предисловием Л. Мартова. Изд. Р.С.-Д.Р.П. Стр. 56. — 53.
ШАХОВ, Н. — Борьба за съезд. (Собрание документов.) Женева. 1904. Стр. 111. — 157, 166, 167.
«ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА» № 1, 2 февраля (20 марта) 1905 г. ОТ ИЗДАТЕЛЯ. — 213.
ЭНГЕЛЬС, Фр. — Людвиг Фейербах. Перевод с нем. Г. Плеханова с двумя прил. и с объяснительным примечанием переводчика. Женева. 1892 г. Стр. 4 + IV + 105 + 3 стр. — 200.

НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ.

BERICHT EINES AUGEZEUGEN. — «Vorwärts» № 22, 26 Januar 1905. — 88.
CLUSERÉ. — Armée et démocratie. Paris 1869. — 164.
— Mémoires. 3 v. Paris 1887 — 8. — 164.
CORNELI. — La fin d'une épopée. «Le Siècle» 30 Mai 1905. — 337.
THE ECONOMIST № 32, 2 March 18. Vol. LXIII. «Russia's financial troubles». — 179.

IV. ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ.

№ 1 (к стр. 1).

Только для членов Партии.

ПИСЬМО К ПАРТИЙНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ.

Товарищи, Вы все, конечно, чувствуете и знаете, насколько серьезен переживаемый нами теперь политический момент. Можно с уверенностью сказать, что никогда еще Россия не была так близка к конституции, как теперь. Конечно, напрасно было бы пророчествовать о точном дне и часе, когда совершится наконец это превращение России в конституционную страну. Но что этот день приближается быстрыми шагами, это неоспоримо. Незачем, конечно, говорить Вам и о том, насколько небезразлично и для будущего развития России, и для русского рабочего класса, и для судеб нашей партии, совершится ли этот переворот при деятельном и сознательном вмешательстве нашего пролетариата, под знаменем социал-демократии, или при полной пассивности с нашей стороны. Конечно, одним дарованием сверху жалкой конституции дело не должно ограничиться; по крайней мере, мы должны позаботиться о том, чтобы это дарование, как некогда созыв Генеральных Штатов во Франции, послужило не концом оппозиционного брожения, а началом революции. Но чем раньше мы вмешаемся в ход событий, тем скорее можем мы рассчитывать на такое революционное развитие событий, потому что, чем раньше мы вмешаемся, тем больше шансов у нас укрепить свою собственную организацию и связь с рабочими массами, — с одной стороны, — и помешать *наиболее умеренным* элементам либеральной оппозиции укрепить свое положение, прочно организоваться в союзе с реакцией для борьбы с «крайними» партиями, т.-е. со всем, что будет идти дальше цензовой конституции.

Уже уездные собрания показали, что русский либерализм намерен учесть в свою пользу затруднительное положение правительства. Среди приветствий и выражений «доверия», которые земские собрания посылали министру внутр. дел, совершенно ясно, — особенно, например, в речи председателя Темниковского уездного собрания, — прозвучало требование перейти от слова к делу, показать «доверие» общественным силам фактически. Еще больше эти конституционные требования сказались в печати. В неподписанной, явно программной статье «Права», например, была повторена вся аргументация темниковского предводителя дворянства. В этой статье указывается недостаточность «словесного» доверия, подчеркивается невозможность говорить о возвращении к реформам 60-х г.г., потому что этого теперь мало, настойчиво выдвигается необходимость организованного участия общественных сил в государственном управлении, необходимость «центрального земства».

Имеющиеся у нас сведения положительно говорят за то, что предстоящие губернские земские собрания должны явиться ареной еще более настойчивого заявления конституционных требований. В частности, освобожденцы деятельно занимаются подготовкой манифестации в пользу конституции на губернских земских собраниях. Такое положение дела настойчиво выдвигает перед нами вопрос, что нам делать в этом случае, как нам отозваться на то конституционное движение, которое совершается и будет совершаться перед нашими глазами. Несколькими соображениями по этому поводу мы хотели бы поделиться с Вами, в надежде, что, как ни мал остающийся срок, при энергии все же можно еще многое сделать. Но это возможно лишь при планомерных и единообразных усилиях всех местных организаций, которым необходимо теперь же вплотную заняться подготовкой нашей кампании ко времени губернских земских собраний. Нет сомнения, что конституционные требования большинства земств будут облечены в довольно туманную форму; наша задача в этом случае сводится к тому, чтобы побудить земства давлением требующих политической свободы масс высказать эти требования в форме ясной, категорической, не допускающей перетолкований, закрывающей путь к отступлению.

Но еще важнее то обстоятельство, что даже и более крайние земские элементы будут требовать конституции цензовой, скорее всего — представительства земств и дум. Это достаточно ясно видно из прокламации «освобожденцев», ни звуком не упоминающих о всеобщем избирательном праве. Наша задача состоит в том, чтобы противопоставить этим требованиям наше требование избранного всенародным голосованием, на основе всеобщей, тайной, равной и прямой подачи голосов, учредительного собрания, которое уже и выработает конституцию страны.

Но для того, чтобы двинуть на защиту этого требования более или менее широкие массы рабочих, необходимо теперь же начать вести соответствующую агитацию, теперь же начать популяризовать идею учредительного собрания. Мы, с своей стороны, попытались придти на помощь товарищам изданием листовки, посвященной вопросу об учредительном собрании; листовка эта вышла на днях.

Итак, с популяризации идеи учредительного собрания должна начаться наша работа. В кружках, на летучках и массовках должен быть выдвинут этот вопрос. Надо трактовать его в связи с общим политическим положением, с «новым курсом» и с предстоящим выступлением земцев. Надо трактовать его и в связи с войной; надо развить и укрепить в умах массы идею о том, что только такое учредительное собрание может положить конец войне. Надо добиться, чтобы, не довольствуясь обычным лозунгом: «долой самодержавие», масса дополняла его криком: «да здравствует всенародное учредительное собрание!». Ибо возможно, что при данных обстоятельствах лозунг «долой самодержавие!» будет усвоен и такими слоями, которые самодержавию противопоставляют лишь конституционную монархию. Надо теперь же растолковать рабочим истинный, ограниченно-либеральный смысл требований о том, чтобы «был услышан голос земли», или чтобы были призваны к участию в государственном управлении «выборные от земли», или чтобы было создано «центральное земство» или земский собор и т. п., которые будут раздаваться на земских собраниях. Надо позаботиться, чтобы всем этим лозунгам, скрывающим стремления к ограниченной монархии и цензовой конституции, рабочие твердо и неуклонно противопоставляли свои требования: всенародное учредительное собрание и всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право.

Два момента при этом необходимо постоянно иметь в виду. Прежде всего не следует упускать из виду, что мы приурочиваем свою политическую кампанию к первому, собственно говоря, еще только подготовительному фазису открытой политической агитации нашей либеральной буржуазии. Поскольку мы собираемся на арене борьбы с самодержавием при-

водить массы в непосредственное соприкосновение с земскими и думскими собраниями, мы должны помнить, что будем иметь дело не с властным политическим представительством эксплуататорских классов, а с бесправными органами местного самоуправления, готовыми лишь выступить с «ходатайствами» перед царским правительством о водворении «правового порядка». Характер и значение этих органов общественного самоуправления принципиально отличны от будущего учредительного собрания, хотя бы оно состояло только из представителей тех же, ныне бесправных, учреждений. В случае созыва такого «центрального земства», мы очутились бы лицом к лицу с политическим представительством плутократии и аристократии, призванным ликвидировать абсолютистский режим и «пожаловать» стране такие конституционные «права» и в таком лишь объеме, которые оно сочтет совместимыми с интересами верхов эксплуататорских классов. Очевидно, тактика наша по отношению к такому учредительному собранию должна бы коренным образом отличаться от нашей тактики по отношению к современным местным органам самоуправления в настоящий момент, поскольку они выступают оппозиционно против существующего режима.

В первом случае мы обязаны были бы организовать энергичную атаку против всех стремлений и попыток «центрального земства» урезать права народа. В борьбе против него мы не имели бы права смущаться и останавливаться перед самыми революционными, даже насильственными актами. По отношению к нынешним же земствам наша задача сводится к предъявлению им тех политических требований революционного пролетариата, которые они обязаны поддерживать, чтобы иметь хоть какое-нибудь право выступать от имени народа и рассчитывать на энергичную поддержку со стороны рабочих масс. Собрание нотаблей, держащее в своих руках судьбу всей страны и собирающееся продать за чечевичную похлебку народную свободу, явилось бы прямым и непосредственным врагом всей демократии, которому наша партия обязана была бы объявить войну на жизнь и смерть. В лице же либеральных земств и дум мы имеем дело с врагами нашего врага, но не идущими, не желающими или не способными в борьбе с ним идти так далеко, как того требуют интересы пролетариата; но, выступая официально против абсолютизма и предъявляя к нему требования, направленные к его уничтожению, они тем самым фактически являются нашими союзниками (конечно, в очень относительном смысле), хотя и недостаточно решительными в своих действиях и недостаточно демократическими в своих стремлениях. Факты и проявления этой нерешительности и половинчатости дают конкретный материал для наглядной характеристики социальной природы и общественно-политических тенденций буржуазных фракций и для иллюстрации враждебной противоположности интересов представляемых ими классов, с одной стороны, и пролетарских с другой. И мы, разумеется, обязаны до дна использовать этот материал, соответственно принципиальным требованиям нашей программы. Но в пределах борьбы с абсолютизмом, и именно в теперешнем фазисе, наше отношение к либеральной буржуазии определяется задачей придать ей побольше храбрости и побудить ее присоединиться к тем требованиям, с которыми выступит руководимый социал-демократией пролетариат. Но мы впали бы в роковую ошибку, если бы поставили себе целью энергическими мерами *устрашения* теперь же *заставить* земства или другие органы буржуазной оппозиции дать, под влиянием *паники*, формальное обещание предъявить наши требования правительству. Такая тактика скомпрометировала бы социал-демократию, потому что превратила бы всю нашу политическую кампанию в рычаг для реакции. Прямая непосредственная борьба, как с безусловными врагами, дозволительна только по отношению к тем органам «общественного мнения», которые выступают в роли союзников реакции. Заметим кстати, что подобного же отношения к себе с нашей

стороны заслуживают либеральные или полулиберальные земства и думы в тех случаях, когда они из оппортунизма или трусости оказывают поддержку абсолютизму. Одним из таких случаев явились ассигновки миллионов рублей на военные нужды правительства. Наша партия обязана была организовать протесты рабочих против этой растраты народных средств на поддержание престижа всенародного поработителя.

Второе столь же важное обстоятельство, на которое мы должны обратить внимание, заключается в том, что нам приходится провести настоящую политическую кампанию в общественной атмосфере, далеко неподготовленной к ней. Не только рабочие массы, но и члены нашей партии не проходили еще школу политической борьбы, которая подготовила бы их к такой политической кампании, какая требуется от нас настоящим моментом.

На Западе всякая мобилизация рабочих масс во имя того или другого политического лозунга является одним из многочисленных эпизодов пролетарской политической борьбы; одним из актов их хронического и давно практикуемого вмешательства в политическую жизнь страны. У нас же даже самая идея такого вмешательства *) сравнительно нова. При осуществлении предлагаемого «плана» действий, необходимо поэтому помнить, что мы делаем первые шаги на новом пути политической деятельности, на пути организации такого планомерного вмешательства рабочих масс в общественную жизнь, которое имеет непосредственною целью противопоставить их буржуазной оппозиции, как самостоятельную силу, противоположную ей по своим классовым интересам и в то же время предлагающую ей условия для совместной энергичной борьбы с общим врагом. Мы должны не забывать, что делаем еще первый опыт на новом пути, что мы, так сказать, упражняем пролетариат и саму нашу партию, с целью подготовить его и себя к предстоящим битвам с партиями эксплуататорских классов и с государственной властью.

Руководясь указанными соображениями, мы представляем себе ход предполагаемой политической кампании приблизительно в следующем виде.

В городах N, X, Y, представляющих более или менее благоприятные условия **) для нее, комитетчики наши и, вообще, товарищи, руководящие местной партийной работой, созывают развитых и активных рабочих социал-демократов специально для совместного обсуждения с ними агитации среди пролетарских масс в пользу организованного выступления их, под знаменем нашей партии, на борьбу за требование созыва учредительного собрания, на основе всеобщего, равного, тайного и прямого избирательного права, при условии полной свободы выборной агитации. Центральным фокусом и руководящей нитью как проектируемых здесь совещаний, так и самой агитации должна служить практическая задача: воодушевить передовые слои пролетариата страстным интенсивным стремлением оказать, в насущных интересах своего класса, непосредственное влияние на ход и направление ликвидации самодержавного строя, путем внушительного организационного воздействия на буржуазную оппозицию.

Имея в виду эту задачу, инициаторы и участники совещаний образуют из себя организационную группу, берущую на себя обязанность про-

*) Именно того типа, о каком здесь идет речь.

**) К таким условиям мы причисляем, прежде всего, наличность контингента вполне сознательных инициативных рабочих, если не формально принадлежащих к партии, то хоть фактически примыкающих к ней, и заметного политического возбуждения в пролетарских и, вообще, народных массах.

Нельзя игнорировать также и вопроса о наличности таких элементов в либеральных кругах, которые могут оказать нам в данном случае прямую или косвенную поддержку.

вести в жизнь принятый ими план политической кампании. Первый практический шаг этой группы должен состоять в выработке проекта резолюции, формулирующей требования, во имя которых будет происходить агитация, и проекта заявления данному органу либеральной оппозиции, содержащего в себе объяснение, почему рабочие обращаются не к правительству, а к собранию представителей именно этой оппозиции. Затем выбирается исполнительная комиссия, функция и обязанности которой видны отчасти из самого названия ее.

Проект резолюции и заявления, в которое она войдет, будет как бы канвой и центральным пунктом агитации. Последняя должна преимущественно носить характер обмена мыслей по поводу проекта, она должна, *с соответствующими видоизменениями*, воспроизводить до известной степени тот процесс коллективного обсуждения плана ведущейся агитации, ее цели и характера, который происходил на предварительных совещаниях инициаторов и организаторов ее.

Само собой разумеется, что как общее содержание проекта резолюции и ее мотивировки, так и отдельные пункты его должны быть всесторонне рассмотрены и выяснены настолько, чтобы рабочие могли сознательно присоединиться к нему и видеть в нем действительное выражение своих собственных стремлений и желаний.

Нечего и говорить, что решительно все члены организационной группы — за исключением разве тех, которые поглощены административными и техническими функциями — обязаны вести агитацию в духе принятых ею решений. Кто неспособен или не привык говорить на многолюдных сходках, обязан агитировать в кругу личных приятелей, знакомых, товарищей по работе, на прогулках, за чаем в трактире, в мастерской. В ходе этой агитации сам собой выдвинется и должен будет подвергнуться тщательному обсуждению рабочих кружков и сходок вопрос о самом акте публичного заявления рабочими своих требований, о формах и средствах непосредственного воздействия их на собрание представителей оппозиционной буржуазии, путем специального обращения к ним.

Окончательное решение этого вопроса возможно будет, конечно, лишь после того, как довольно отчетливо определится успех агитации в рабочей массе. Наиболее импонирующим способом заявления социал-демократическим пролетариатом своих требований и своего отношения к тактике умеренных либералов были бы многолюдные манифестации рабочих, приуроченные к тому, когда земские собрания будут обсуждать адреса, петиции, ходатайства, — словом, когда в них вообще, в той или иной форме, будет поднят вопрос об обращении к правительству с просьбами о пожаловании какой-нибудь конституции или хоть подобия таковой.

Разумеется, такие манифестации должны быть устроены во всех центрах нашего движения, в которых возможна широкая агитация, а отнюдь не в одних только городах, где имеются земства.

Одновременные манифестации во всех этих центрах в чрезвычайно сильной степени увеличат вес и значение политического акта нашей партии и там, где существуют земства. Разница лишь та, что в городах, где будут происходить земские собрания, нужно будет постараться привести массы в непосредственное соприкосновение с этими собраниями, концентрировать манифестацию у того самого здания, в котором заседают земские гласные. Часть демонстрантов проникает в залу заседания с тем, чтобы в подходящий момент, через посредство специально уполномоченного на то оратора, попросить у собрания позволения прочитать ему заявление рабочих. В случае отказа в этом, оратор громко заявляет протест против нежелания собрания, говорящего от имени народа, услышать голос подлинных представителей этого самого народа. Но применение такого способа противопоставления социал-демократической партией требований рабочих официальным конституционным заявлениям либеральной оппозиции воз-

можно и целесообразно лишь под двумя условиями: во-первых, необходимо, чтобы число активных демонстрантов было значительное и чтобы они проникнуты были пониманием коренной разницы между обычной демонстрацией против полиции или правительства вообще и демонстрацией, имеющей своей непосредственной целью борьбу против абсолютизма, при помощи прямого воздействия революционного пролетариата на политическую тактику либеральных элементов в *настоящий* момент.

Во-вторых, исполнительная комиссия должна будет заранее принять меры к тому, чтобы появление нескольких тысяч рабочих перед зданием, где заседают земские гласные, и нескольких десятков или сотен в самом здании не вызвало в земцах панического страха, под влиянием которого они способны были бы броситься под позорную защиту полицейских и казаков, превратив, таким образом, мирную манифестацию в безобразную драку и варварское побоище, извратив весь ее смысл.

Во избежание такого сюрприза, исполнительная комиссия должна заранее предупредить либеральных гласных о готовящейся манифестации и ее истинной цели. Кроме того, она должна будет попытаться вступить в некоторое соглашение с представителями левого крыла оппозиционной буржуазии и заручиться, если не их активной поддержкой, то, по крайней мере, сочувствием нашему политическому акту. Переговоры с ними она должна вести, разумеется, от имени партии, по поручению рабочих кружков и собраний, на которых не только обсуждается общий план политической кампании, но и дается отчет о ходе ее *).

Таким образом мы заранее отнимем у земцев всякое право взвалить на революционный пролетариат вину за свою собственную трусость и политическую близорукость, если бы они, благодаря неосведомленности о цели и смысле демонстрации, поспешили обратиться к царским опричникам за защитой против демонстрантов.

Замечания эти имеют особое значение лишь для таких демонстраций, которые связаны с непосредственным предъявлением земскому собранию требований нашей партии. Для устройства же демонстраций обычного, так сказать, общедемократического типа, не имеющих непосредственной целью конкретно противопоставить друг другу революционный пролетариат и либерально-оппозиционную буржуазию, как две самостоятельные политические силы, достаточно одной только наличности в народных массах сильного политического брожения, вообще острого недовольства режимом политического произвола и бюрократического самоуправства.

И само собой разумеется, что партия наша обязана использовать это настроение масс хотя бы и для такой, если можно выразиться, низшего типа мобилизации этих масс против абсолютизма. Война, со всеми порождаемыми ею бедствиями и страданиями народа, дает более чем достаточно горючего материала для организации всевозможных уличных манифестаций против абсолютистского режима. Зато во всех случаях, когда дело идет о манифестации с вышеизложенной целью, мы обязаны действовать с особенной осторожностью. И если бы оказалось, что, в силу особых препятствий и отсутствия благоприятных для нее условий, попытка рабочих демонстрировать пред и в самом здании, где заседает земское собрание, против его ходатайств, в пользу требований социал-демократов грозит скомпрометировать наш первый политический опыт этого рода, то организационная группа должна была бы прибегнуть к другим, хотя и не столь ярким способам выражения коллективной воли революционного пролетариата. Разумеется, и в этом случае она должна была бы принять определенное решение только после того, как оно обсуждено было в кружках и на сходках, принимающих активное участие в агитационной кампании, подготовляющей предлагаемый нами политический акт. Как крайний

*) Конечно, при строгом соблюдении требований конспирации.

случай в смысле внешней осторожности в обстановке самого этого акта, мы представляем себе доставку заявления рабочих гласным почтой на дом и разбрасывание его в значительном числе экземпляров в зале земского собрания. Смущаться этим можно было бы, стоя на точке зрения буржуазного революционизма, для которого внешний эффект все, а процесс планомерного развития классового самосознания и самодеятельности пролетариата — ничто. Если нам удастся хоть в нескольких городах и промышленных центрах на деле провести проектируемую агитационную кампанию в течение остающегося краткого периода времени, то на первый раз можно будет удовлетвориться и не особенно громким и ярким заключительным актом ее. Всякое начало трудно.

Но, в сущности, он совсем не должен быть заключительным, а, наоборот, исходным моментом нового фазиса той же агитации. Прежде всего обязательно нужно будет издать и распространить во всех слоях населения листок с изложением хода и исхода ее, с выяснением ее цели, политического смысла и значения. Затем идет ряд массовых и кружковых собраний, на которых подводится итог результатам всей политической кампании, подвергаются надлежащей оценке подвиги правительства в период ее и разные эпизоды и факты, сопровождавшие ее и наглядно характеризующие политическую физиономию и тенденции тех общественных элементов, с которыми партии приходилось так или иначе сталкиваться на почве и по поводу этой первой попытки ее организовать планомерное вмешательство рабочих масс в политическую жизнь. Тут же принимаются резолюции, клеймящие полицейское насилие царского правительства над гражданами, подчеркивающие готовность революционного пролетариата, под знаменем социал-демократии, совместно с буржуазными фракциями бороться за демократическую конституцию и клеймящие по заслугам ту часть буржуазной оппозиции, которая не идет дальше «ходатайств» в пользу «правового порядка», гарантирующего от чиновничьего произвола одни лишь эксплуататорские классы.

Резолюции эти с необходимыми пояснениями посылаются в редакции легальных органов либеральной печати с просьбой обнародовать их.

Вероятней всего, что все они откажутся это сделать, и если та или другая из них рискнет напечатать, то подвергнется цензурной или еще худшей каре. Опять, стало быть, материал для двухсторонней агитации — устной и печатной — и против абсолютизма, и против буржуазного либерализма. Но мы еще не успеем исчерпать весь этот организационный материал, как общественная жизнь выдвигает перед партией новые вопросы, события, факты, как материал и операционный базис еще новой политической кампании.

Резюмируя все вышеизложенное, мы скажем, что весь успех и вся реальная ценность нашего политического дебюта определится той степенью сознательности, с какою рабочие массы будут противопоставлять свои политические требования требованиям либералов. И потому мы еще раз повторим, что успешностью и интенсивностью подготовительной работы будет измеряться успешность и интенсивность нашего политического дебюта.

P. S. Нелишне будет заметить, что в известных случаях роль земских собраний и дум смогут для нас сыграть и другие общественные учреждения (например, разного рода съезды), которые смогут использовать «новый курс» для того, чтобы стать органом буржуазной оппозиции самодержавию.

Редакция «Искры».

Ноябрь 1904 г.

№ 2 (к стр. 8).

СТАТЬЯ ЕВГ. ТРУБЕЦКОГО — «ВОЙНА И БЮРОКРАТИЯ».

Когда в достопамятную ночь 27 января японские миноносцы появились на внешнем рейде Порт-Артура, они были приняты нашими моряками за своих. Говорят даже, что они были встречены словами: «Иван Иванович, это вы?»

Если эти слова действительно были произнесены, то говоривший несомненно выразил тогдашнее наше обще-русское настроение. Погруженная в глубокий, многолетний сон, Россия не видела врага в то время, когда он уже стоял под стенами Порт-Артура. Гром пушек разбудил ее не сразу, в первую минуту она не осмыслила нависшей над ней грозной опасности: ей почудилось, не свой ли толкает ее под бок. Сквозь сон она молвила: «Иван Иванович, это вы?» Ответом был взрыв! Невольно спрашиваешь себя, сколько раз в русской истории повторится этот вопрос и этот ответ.

Беспечность — отличительная черта нашего национального характера, а беспечным свойственно спать во всякое время и при всяких обстоятельствах; наши соседи это знают и умеют этим пользоваться. С сонным бывают всякие приключения; сонного можно связать, избить, ограбить, и если сон был крепок, то после пробуждения для него все оказывается сюрпризом: и то, что на свете есть грабители, и то, что он спал, и то, что его поврежденная во время сна рука не действует.

Когда мы проснулись, из ран наших сочилась кровь. «Варяга» и «Корейца» уже не существовало, лучшие суда нашей эскадры были надолго выведены из строя, японцы господствовали на море, войска их высаживались в Чемульпо, а вместо знакомого и нестрашного «Ивана Ивановича» перед Порт-Артуром стоял адмирал Того, державший наш флот в блокаде.

С тех пор мы не выходим из сюрпризов. — Сюрпризом для нас оказалось «коварство» японцев, напавших на нас без объявления войны, хотя последнюю свою войну с Китаем они начали таким же точно «коварным нападением». Сюрпризом оказались и огромные вооруженные силы Японии и ее финансовая мощь, хотя состав японской армии был точно известен нашему генеральному штабу, а финансовые рессурсы страны, конечно, были точно известны нашей дипломатии. Мы не предвидели того простого факта, что пятидесятимиллионный народ может располагать большими деньгами и снарядить большую хорошо вооруженную армию. Для нас оказались неожиданностью высокие боевые качества японских войск, хотя на наших глазах эти качества уже были испытаны и проявлены в двух кампаниях. Мы не предвидели той фанатической ненависти к нам, которую неминуемо должны были вызвать в Японии занятие нами Порт-Артура, оккупация Манчжурии, соседство наших войск в северной Корее; а между тем для нашей дипломатии вряд ли мог быть тайной факт, незадолго до войны засвидетельствованный знатоком Японии — Дюммоларом, что фанатическая ненависть к России составляет руководящий мотив всей внешней политики Японии.

С болью в сердце приходится сознаться, что самым большим сюрпризом для нас оказались мы сами, наша собственная неподготовленность к войне, засвидетельствованная правительственными сообщениями! Сюрпризом для всех оказалось малое количество наших войск в Манчжурии и слабая провозоспособность сибирской железной дороги и неудобство гавани, откуда большим судам невозможно выходить во время отлива, и отсутствие в ней сухого дока. Сюрпризом оказалось и то, что наша балтийская эскадра только теперь глубокою осенью могла изготовиться к плаванию, и то, что

теперь, в сентябре, мы не только не в Токио, но вместо того должны радоваться благополучному отступлению генерал-адъютанта Куропаткина из Ляоляна.

Перечислять все наши сюрпризы и все те жертвы, которых они нам стоили, значило бы рассказать почти всю историю русско-японской войны до последних ее дней. Мы не предвидели всего того, чего не дано предвидеть только крепко спящему.

Кто же виноват в этом? Русское общество? Оно спало по распоряжению начальства. В течение многих лет принимались все меры к тому, чтобы оно не пробудилось. Когда изредка кто-либо пытался приподняться, встать на ноги и молвить человеческое слово, это рассматривалось как нарушение общественного спокойствия и безопасности. Раздавался грозный окрик: «молчать, лежать смирно», и сильная рука пришибала ниц поднявшуюся голову. Россия за последние годы походила на дортуар в участке.

На заявления земств о тех или других обще-русских нуждах ответ был один: «обще-русское дело вас вовсе не касается». Им ставились в вину ходатайства даже самые скромные и справедливые, например, ходатайство об отмене телесного наказания, как известно, недавно упраздненного Высочайшим манифестом.

Самый патриотизм стал запретным плодом для наших земств. Я не говорю о том официальном патриотизме, которого даже требуют в торжественных случаях, патриотизме казенных фраз и шаблонных архаических формул, а о том живом, деятельном патриотизме, который объединяет и организует русских людей в служении единой русской народности. Нашим земцам не возбранялось сознавать себя калужанами, рязанцами, москвичами; но до недавнего времени им воспрещалось объединяться даже для святого обще-национального дела помощи раненым. Опасным считалось все то, что намекало на существование единой земской Руси.

Печать наша — верный барометр того, что дозволено печатать, молчала на всех языках, и, несмотря на это, газеты наши были полны известиями о цензурных карах, неизбежных для наших повременных изданий.

Общество наше не могло стоять на страже обще-национальных интересов, потому что оно не имело необходимых для того органов, потому что это *выходило за пределы его компетенции*. В нем систематически усыплялось национальное самосознание. И пока оно спало, над ним бодрствовала всевидящая, всесильная бюрократия!

Ей было вверено наше обще-русское дело; она должна была нас оберегать и опекать, она обязана была предусмотреть и отстранить от нас всякую опасность! Что же она предусмотрела?

Ответом служат события на Дальнем Востоке. Мы терпим поражение за поражением!

Дерзнет ли кто винить за это наши войска? Разве они не удивляют мир чудесами неслыханного героизма! Виноваты ли наши военачальники? Но замечательное искусство генерала Куропаткина признано друзьями и недругами. Он, спасший нашу армию, остается по прежнему надеждою России! Он один может победить и победит, если только ему будет предоставлена полная свобода действий. Имена генерала Стесселя, адмиралов Макарова, Витгефта и Безобразова покрыты неувядаемой славой. Потопление Варяга и Корейца было нравственною победою русского оружия. Таковы же были и все наши последующие неудачи. Не армия и не флот терпели поражения! *То были поражения русской бюрократии!* Думать иначе — значило бы сваливать вину на нашу доблестную армию; а это было бы не только несправедливо, но и преступно.

Усыпившая общество бюрократия сама поддалась гипнозу сонной общественной атмосферы, а потому явила в себе яркое воплощение главнейших наших общественных недостатков — нашей апатии, нашей лени и нашей беспечности. Она искала врага, но внешнего врага она не заме-

тила, потому что внимание ее было отвлечено в другую сторону: *ей грезился враг внутри государства!* Врагом ей казался всякий, кто не носил ее образа и подобия, она держала под подозрением всех тех, кто не были людьми двадцатого числа, кто имели независимые убеждения и ставили веления совести выше ее предписаний; она привела к молчанию всех тех, кто мог во время предостеречь, указать на действительную опасность и довести правду до престола. Теперь мы пожинаем плоды того, что мы посеяли.

Чтобы не быть еще раз застигнутыми врасплох, пора, наконец, отдать себе отчет в грозящей нам опасности. Бюрократизм с его девизом divide et impera влечет за собою опасность не только внешнюю, но и внутреннюю. Он ведет к разобщению и дезорганизации одних только умеренных слоев общества. Крайние партии захватили в свои руки монополию организации. Благодаря нашим законам о печати и деятельности нашей цензуры, им же принадлежит в настоящее время *монополия свободного слова.* В то время, когда люди умеренные вынуждены молчать за невозможностью высказываться в легальных органах печати, нелегальные листки у нас наводняют улицы, и влияние их, ничем не будучи сдержано, растет не по дням, а по часам. Неужели же в этом заключается цель наших законов о цензуре и печати! Неужели мы не видим вытекающей отсюда грозной опасности и неужели мы когда-нибудь встретим ее так же, как были нами встречены однажды японские миноносцы в Порт-Артуре? В настоящий критический момент русской истории, когда мы боремся с грозным внешним врагом, забота о сохранении мира внутреннего должна стоять для нас на первом плане. Бюрократия и общество не должны стоять друг против друга как два враждебные лагеря, а соединиться в служении общим национальным целям. Бюрократия у нас, как и везде, составляет необходимый элемент государственной жизни; но, чтобы быть на высоте своей задачи, она сама должна пропитаться общественным духом и подчинять свою деятельность общественным целям. Она должна стать доступною общественному контролю и править с обществом, а не вопреки обществу. Она должна быть не владыкою над безгласным стадом, а орудием престола, опирающегося на общество.

Г. министр внутренних дел на днях говорил о необходимом доверии правительства к обществу. В добрый час! Приветствуя эти слова, пожелаем от души, чтобы они поскорее стали делом. Пусть только смелее и громче раздастся призыв к обществу; тогда мы вступим на единственно спасительный для нас путь национального обновления. Тогда нам нечего бояться ни внешнего, ни внутреннего врага. И престол, собравший вокруг себя землю, будет славен, велик и силен.

«Право» № 39, 9 октября (26 сентября) 1904 г.

№ 3 (к стр. 70).

ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ, ВЫРАБОТАННЫЙ РЕДАКЦИЕЙ «РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ».

Современная Россия в культурном и социальном отношении входит во все более и более тесную связь с передовыми странами цивилизованного мира, сохраняя при этом, однако, ряд особенностей, обусловленных своеобразием ее предыдущей истории, ее местных условий и международного положения.

Во всех передовых странах цивилизованного мира, параллельно с ростом населения и его потребностей, идет рост власти человека над природой,

усовершенствование способов управления ее естественными силами и увеличение творческой силы человеческого труда во всех областях его приложения. Рост этот является необходимым условием социального прогресса и борьбы за всестороннее и гармоническое развитие человеческой индивидуальности.

Но этот рост власти человека над природой происходит в современном обществе при условиях буржуазной конкуренции разрозненных хозяйственных единиц, частной собственности на средства производства, превращения их в капитал, предварительной экспроприации непосредственных производителей или косвенного подчинения их капиталу. По мере развития этих основ современного общества, оно все резче распадается на класс эксплуатируемых тружеников, получающих все меньшую и меньшую долю созидаемых их трудом благ, и классы эксплуататоров, монополизирующих владение естественными силами природы и общественными средствами производства.

Поскольку в тесных рамках буржуазно-капиталистических отношений развиваются, хотя односторонне и неполно, формы коллективного труда и производство в крупных общественных размерах — постольку современное хозяйственное развитие обнаруживает свои положительные, творческие стороны, подготовляя некоторые материальные элементы для высшего, социалистического строя жизни и объединяя в компактную социальную силу промышленные армии наемных рабочих.

Поскольку же буржуазно-капиталистические формы суживают, ограничивают и извращают развитие коллективных форм труда и общественных производительных сил — постольку современное хозяйственное развитие обнаруживает свои отрицательные, разрушительные стороны: анархию товарного производства и конкуренции; бесплодное расточение в ней хозяйственных сил; кризисы, потрясающие народное хозяйство в самых его основаниях; рост эксплуатации, зависимости и необеспеченности рабочих масс; разлагающую все моральные устои власть денег; своекорыстную борьбу всех против всех за существование и привилегированное положение.

Взаимное отношение между этими положительными и отрицательными сторонами современного хозяйственного развития различно как для различных отраслей производства, так и для различных стран. Сравнительно благоприятное в высших отраслях индустрии и странах классического капитализма, оно становится все менее и менее благоприятным в других отраслях промышленности, в особенности же земледелии, и в целых странах, менее благоприятно поставленных в международной экономической борьбе.

Но, независимо от этих различий, несоответствие и противоречие между положительными и отрицательными сторонами современного хозяйственного развития представляют собой общий и нарастающий факт, чреватый огромными историческими последствиями.

С ростом социального расстояния между эксплуататорами и эксплуатируемыми, с ростом противоречия между производительностью труда и ничтожною долею в продукте самих трудящихся, с ростом нормы их эксплуатации, растет их недовольство своим положением в современном обществе.

На почве стихийного процесса обострения классовых отношений все более и более развивается сознательное и планомерное вмешательство в ход событий организованных коллективных сил, во имя того или иного общественного идеала, конечной цели, с систематически выработанной тактикой. Их целесообразно направляемая борьба охватывает одновременно все стороны жизни общества—экономическую, политическую и духовную.

Классы эксплуататоров стремятся увековечить основу своего существования — эксплуатацию путем ренты, прибыли на капитал во всех его формах и податного отягощения трудовой массы. Посредством синдикатов,

картелей и трестов они стремятся овладеть, в своих эгоистических видах, условиями производства и сбыта. Они стремятся приспособить к своим классовым интересам все учреждения современного государства и превратить его всецело в орудие своего господства и порабощения эксплуатируемых. Наконец, они стремятся подчинить себе духовно и материально литературу, искусство, науку, ораторскую трибуну, чтобы держать трудящиеся массы не только в экономическом, но и в умственном рабстве.

Не обладая иными рессурсами или исчерпав их в борьбе, они прибегают к союзам с реакционными силами отживающего прошлого, воскрешая расовую и религиозную вражду, отравляя народное сознание шовинизмом и национализмом, входя в компромиссы с остатками монархических, стародворянских и церковно-клерикальных установлений.

Изживая все свое былое прогрессивное содержание, буржуазный строй приводит к интеллектуальному вырождению господствующих в нем классов, все сильнее отталкивая от себя умственный и моральный цвет нации и заставляя его тяготеть к враждебному буржуазии лагерю угнетенных и эксплуатируемых.

Классы эксплуатируемых естественно стремятся защищаться от тяготеющего над ними гнета и, по мере роста своей сознательности, все более объединяют эту борьбу и направляют ее против самых основ буржуазной эксплуатации. Международное по своему существу, движение это все более и более определяется как движение огромного большинства в интересах огромного большинства, и в этом залог его победы.

Сознательным выражением, научным освещением и обобщением этого движения является международный революционный социализм. Ставя своей задачей умственную, политическую и экономическую эмансипацию рабочего класса, он выступает прежде всего, как инициативное революционное меньшинство, как боевой авангард трудящихся масс, в то же время постоянно стремясь слиться с этими массами и охватить их всецело в своих рядах. Его основная практическая задача сводится к тому, чтобы все слои трудового и эксплуатируемого населения сознали себя единым рабочим классом, видели в своем классовом единстве залог своего освобождения и путем планомерной, организованной борьбы совершили социально-революционный переворот, программой которого является: освобождение всех общественных учреждений из под власти эксплуатирующих классов; уничтожение, вместе с частной собственностью на естественные силы природы и общественные средства производства, самого деления общества на классы; уничтожение современного, классового, принудительно-репрессивного характера общественных учреждений, при сохранении и развитии их нормальных культурных функций,—т.-е. планомерной организации всеобщего труда на всеобщую пользу.

Только осуществление этой программы даст возможность непрерывного, свободного и беспрепятственного развития всех духовных и материальных сил человечества; только оно превратит рост общественного богатства из источника зависимости и угнетения рабочего класса в источник его благосостояния и всестороннего, гармонического развития человеческой личности; только оно прекратит вырождение человечества с одной стороны — от праздности и пресыщенности, с другой — от чрезмерного труда и полуголодного существования; только при осуществлении свободного социалистического общежития человечество будет беспрепятственно развиваться в физическом, умственном и нравственном отношении, все полнее воплощая истину, справедливость и солидарность в формы своей общественной жизни. И в этом смысле дело революционного социализма есть дело освобождения всего человечества. Оно ведет к устранению всех форм междуусобной борьбы между людьми, всех форм насилия и эксплуатации человека человеком, к свободе, равенству и братству всех без различия пола, расы, религии и национальности.

Партия Социалистов-Революционеров в России рассматривает свое дело, как органическую составную часть всемирной борьбы труда против эксплуатации человеческой личности, против стеснительных для ее развития общественных форм, и ведет его в духе общих интересов этой борьбы, в формах, соответствующих конкретным условиям русской действительности.

Взаимоприспособление форм патриархального дворянско-чиновничьего самодержавия и новейшей буржуазной эксплуатации обостряет постановку социального вопроса в России. Развитие капитализма обнаруживает в ней более, чем где-либо, свои темные стороны, менее, чем где-либо, уравновешиваясь творческим, организующим влиянием роста общественных производительных сил. Колоссально развившийся механизм бюрократического государства, в связи с условиями освобождения крестьян и развитием кулачества во всех его формах и видах, все более и более парализует производительные силы деревни. Трудовое крестьянство вынуждается в растущей мере прибегать к подсобным промыслам и труду по найму, получая от всех видов своего заработка доход, едва соответствующий нищенской заработной плате пролетария. Тем самым сокращается и подрывается внутренний рынок промышленности, страдающей от недостатка внешних рынков. Прогрессивно возрастает избыточное население и капиталистически-излишняя резервная рабочая армия, понижающая своей конкуренцией уровень жизни городского пролетариата. Рабочее движение вынуждено развиваться в условиях самодержавного режима, основанного на всеохватывающей полицейской опеке и подавлении личной и общественной инициативы. Более реакционный, чем где-либо, класс крупных промышленников и торговцев все сильнее нуждается в покровительстве самодержавия против пролетариата. Поместное дворянство и деревенское кулачество все сильнее нуждаются в такой же поддержке против трудовых масс деревни. В интересах самозащиты самодержавие прибегает к усиленному угнетению покоренных императорской Россией национальностей, парализуя их духовное возрождение и общественное развитие, насаждая национальный, расовый и религиозный антагонизм и затемняя им рост сознания социально-политических интересов рабочих масс. Существование самодержавия становится в непримиримое и прогрессивно обостряющееся противоречие со всем хозяйственным, общественно-политическим и культурным ростом страны. Являясь надежным союзником и опорой наиболее эксплуатирующих и паразитических классов внутри России, русское самодержавие становится и за ее пределами одним из главных оплотов реакции и сильнейшей угрозой делу освободительной борьбы рабочих партий других стран. Его низвержение является не только ближайшей и неотложной задачей социально-революционной партии, как первое необходимое условие для разрешения социального вопроса в России, но и крайне важным фактором международного прогресса.

Вся тяжесть борьбы с самодержавием, несмотря на наличность либерально-демократической оппозиции, охватывающей преимущественно промежуточные в классовом отношении элементы «образованного общества», падает на пролетариат, трудовое крестьянство и революционно-социалистическую интеллигенцию. Необходимой задачей социалистической партии, к которой переходит руководящая роль в этой борьбе, является вследствие этого расширение и углубление в революционный момент тех социальных, имущественных перемен, с которыми должно быть связано низвержение самодержавия.

Осуществление полностью ее программы, т.-е. экспроприация капиталистической собственности и реорганизация производства и всего общественного строя на социалистических началах, предполагает полную победу рабочего класса, организованного в социально-революционную партию, и, в случае надобности, установление его временной революционной диктатуры.

До тех же пор, пока, в качестве революционного меньшинства, организованный рабочий класс сможет оказывать лишь частичное влияние на изменение общественного строя и ход законодательства, — Партия Социалистов-Революционеров будет стремиться к тому, чтобы политика частичных завоеваний не заслоняла от рабочего класса его конечной, основной цели; чтобы своей революционной борьбой он добивался и в этот период лишь таких перемен, которые будут развивать и усиливать его сплоченность и способность к освободительной борьбе, способствуя повышению уровня его интеллектуального развития и культурных потребностей, укрепляя его боевые позиции и устраняя препятствия, стоящие на пути к его организации.

Поскольку процесс преобразования России будет идти под руководством не-социалистических сил, Партия Социалистов-Революционеров, исходя из развитых выше соображений, будет отстаивать, поддерживать или вырывать своей революционной борьбой следующие реформы:

А. В политической и правовой области:

Установление демократической республики, с широкой автономией областей и общин, как городских, так и сельских; возможно более широкое применение федеративного начала к отношениям между отдельными национальностями; признание за ними безусловного права на самоопределение; прямое, тайное, равное, всеобщее право голосования для всякого гражданина не моложе 20 лет,—без различия пола, религии и национальности; пропорциональное представительство; прямое народное законодательство (референдум и инициатива); выборность, сменяемость во всякое время и подсудность всех должностных лиц; полная свобода совести, слова, печати, собраний, рабочих стачек и союзов; полное и всеобщее гражданское равноправие; неприкосновенность личности и жилища; полное отделение церкви от государства и объявление религии частным делом каждого; установление обязательного, равного для всех общего светского образования на государственный счет; равноправие языков; бесплатность судопроизводства; уничтожение постоянной армии и замена ее народным ополчением.

Б. В народно-хозяйственной области:

1. В вопросах рабочего законодательства Партия Социалистов-Революционеров ставит своею целью охрану духовных и физических сил рабочего класса и увеличение его способности к дальнейшей освободительной борьбе, общим интересам которой должны быть подчинены все узко-практические, непосредственные, местные и профессиональные интересы отдельных рабочих слоев. В этих видах партия будет отстаивать: возможно большее сокращение рабочего времени в пределах прибавочного труда; установление законодательного максимума рабочего времени сообразно нормам, указываемым научною гигиеной (в ближайшее время —8-ичасовая норма для большинства отраслей производства, и соответственно меньшая в более опасных и вредных для здоровья); установление минимальных заработных плат по соглашению между органами самоуправления и профессиональными союзами рабочих; государственное страхование во всех его видах (от несчастных случаев, от безработицы, на случай болезней, старости и т. д.) на счет государства и хозяев и на началах самоуправления страхуемых; законодательная охрана труда во всех отраслях производства и торговли, сообразно требованиям научной гигиены, под наблюдением фабричной инспекции, избираемой рабочими (нормальная обстановка труда, гигиеничность устройства помещений, запрещение работы малолетних до 16 лет, ограничение работы несовершеннолетних, запрещение женского и детского труда в известных отраслях производства и в известные периоды, достаточный непрерывный еженедельный отдых и т. п.); профессиональная организация рабочих и их прогрессивно расширяющееся участие в установлении внутреннего распорядка в промышленных заведениях.

2. В вопросах аграрной политики и поземельных отношений Партия Социалистов-Революционеров ставит себе целью использовать, в интересах социализма и борьбы против буржуазно-собственнических начал, как общинные, так и вообще трудовые воззрения, традиции и формы жизни русского крестьянства, и в особенности взгляд на землю, как на общее достояние всех трудящихся. В этих видах партия будет стоять за социализацию всех частно-владельческих земель, т.-е. за изъятие их из частной собственности отдельных лиц и переход в общественное владение и в распоряжение демократически организованных общин и территориальных союзов общин на началах уравнительного пользования. В случае, если это главное и основное требование аграрной программы-минимум не будет осуществлено сразу, в качестве революционной меры, П. С.-Р. в дальнейшей аграрной политике будет руководиться соображениями о возможном приближении к осуществлению этого требования во всей его полноте, выступая за возможные переходные к нему меры, как напр.: расширение прав общин и территориальных их союзов по экспроприации частновладельческих земель; конфискация земель монастырских, удельных, кабинетских и т. п., и обращение их, равно как и государственных имуществ, на то же дело обеспечения общин достаточным количеством земли, а также на нужды расселения и переселения; ограничение платы за пользование землею размерами чистого дохода хозяйства (за вычетом из валового дохода издержек производства и нормального вознаграждения за труд); вознаграждение за произведенные улучшения в земле при переходе пользования ею от одного лица к другому; обращение ренты путем специального налога в доходную статью общин и органов самоуправления.

3. В вопросах финансовой политики партия будет агитировать за введение прогрессивного налога на доходы и наследства, при совершенном освобождении от налога мелких доходов ниже известной нормы; за уничтожение косвенных налогов (исключая обложения предметов роскоши), покровительственных пошлин и всех вообще налогов, падающих на труд.

4. В вопросах муниципального и земского хозяйства партия будет стоять за развитие всякого рода общественных служб (бесплатная врачебная помощь, земско-агрономическая организация, коммунализация водоснабжения, освещения, путей и средств сообщения и т. п.); за предоставление городским и сельским общинам самых широких прав по обложению недвижимых имуществ и по принудительному отчуждению их, особенно в интересах удовлетворения жилищной нужды рабочего населения; за коммунальную, земскую, а равно и государственную политику, благоприятствующую развитию коопераций на строго демократических началах.

5. Что же касается до различных мероприятий, имеющих целью национализацию еще в пределах буржуазного государства тех или иных отраслей народного хозяйства, то Партия Социалистов-Революционеров сможет пойти им навстречу лишь тогда и лишь постольку, поскольку демократизация политического строя и соотношение общественных сил, равно как и самый характер соответствующих мероприятий, будут давать достаточно гарантий против увеличения таким путем зависимости рабочего класса от правящей бюрократии. Вообще же Партия Социалистов-Революционеров предостерегает рабочий класс против того «государственного социализма», который является отчасти системой полумер для усыпления рабочего класса, отчасти же — своеобразным государственным капитализмом, сосредоточивая различные отрасли производства и торговли в руках правящей бюрократии, ради ее фискальных и политических целей.

Партия Социалистов-Революционеров, начиная непосредственную революционную борьбу с самодержавием, агитирует за созыв Земского Собора (Учредительного Собрания), свободно избранного всем народом без различия пола, сословий, национальности и религии, для ликвидации

самодержавного режима и переустройства всех современных порядков. Свою программу этого переустройства она будет как отстаивать в Учредительном Собрании, так и стремиться непосредственно проводить в революционный период.

«Революционная Россия» № 46, 18 (5) мая 1904 г.

№ 4 (к стр. 77).

ПЕТИЦИЯ ПЕТЕРБУРГСКИХ СТАЧЕЧНИКОВ ЦАРЮ.

Государь!

Мы, рабочие г. Петербурга, наши жены, дети и беспомощные старцы-родители, пришли к тебе, Государь, искать правды и защиты.

Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся, как к врагам.

Мы и терпели, но нас толкают все дальше и дальше в омут нищеты, бесправия и невежества; нас душат деспотизм и произвол, и мы задыхаемся. Нет больше сил, Государь. Настал предел терпению.

Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук.

И вот мы бросили работу и заявили нашим хозяевам, что не начнем работать, пока они не исполнят наших требований. Мы немного просили. Мы желаем того, без чего не жизнь, а каторга, вечная мука.

Первая наша просьба была, чтобы хозяева вместе с нами обсудили наши нужды, но и в этом нам отказали — в право говорить о наших нуждах, находя, что за нами не признает закон такого права. Незаконны оказались также наши просьбы уменьшить число рабочих часов до 8 в день и устанавливать цены на наши работы вместе с нами и с нашего согласия, рассматривать наши недоразумения с низшей администрацией завода. Увеличить чернорабочим и женщинам плату за их труд до 1 рубля в день, отменить сверхурочные работы, лечить нас внимательно и без оскорбления, устроить мастерские так, чтобы в них можно было бы работать, а не находить там смерть от страшных сквозняков, дождя и снега.

Все оказалось, по мнению наших хозяев, противозаконно. Всякая наша просьба — преступление, а наше желание улучшить наше положение — дерзость, оскорбительная для наших хозяев. Государь, нас здесь больше 300.000, и все это — люди только по виду, только по наружности, в действительности же за нами не признают ни одного человеческого права, даже говорить, думать, собираться, обсуждать наши нужды, принимать меры к улучшению нашего положения.

Всякого из нас, кто осмелится поднять голос в защиту интересов рабочего класса, бросают в тюрьму, отправляют в ссылку, карают как за преступление — за доброе сердце, за отзывчивую душу. Пожалеть рабочего, бесправного измученного человека — значит совершить тяжелое преступление. Государь, разве это согласно с божескими законами, милостью которых ты царствуешь? Не лучше ли умереть, умереть всем нам — трудящимся людям всей России? Пусть живут и наслаждаются капиталисты и чиновники. Вот что стоит перед нами, Государь!

И это-то нас и собрало к стенам твоего дворца. Тут мы ищем последнего спасения. Не откажи в помощи твоему народу, выведи его из могилы бесправия, нищеты и невежества, дай ему возможность самому вершить свою судьбу, сбрось с него невыносимый гнет чиновников, разруши стену между тобой и твоим народом, и пусть он правит страной вместе с тобой. Ведь, ты поставлен на счастье народу, а это счастье

чиновники вырывают у нас из рук, к нам оно не доходит, мы получаем только горе и унижение.

Взгляни без гнева внимательно на наши просьбы,—они направлены не ко злу, а к добру, как для нас, так и для тебя, Государь. Не дерзость в нас говорит, а сознание необходимости выхода из невыносимого для всех положения. Россия слишком велика, нужды ее слишком многообразны и многочисленны, чтобы одни чиновники могли управлять ею. Необходимо, чтобы сам народ помогал себе, — ведь, ему только известны его нужды. Не отталкивай же его помощи: прими ее, повели немедленно, сейчас же призвать представителей земли русской от всех классов, от сословий. Пусть тут будет и капиталист, и рабочий, и священник, и доктор, и учитель; пусть все, кто бы они ни были, изберут своих представителей, пусть каждый будет равен и свободен в праве избрания, — а для этого повели, чтобы выборы в учредительное собрание происходили при условии всеобщей, тайной и равной подачи голосов. Это — самая главная наша просьба; в ней и на ней зиждется все; это — главный и единственный пластырь для наших ран, без которого наши раны вечно будут сочиться и поведут нас быстро к смерти.

Но одна мера все же не может залечить всех наших ран; необходимы еще и другие, и мы крепко и открыто, как отцу, говорим тебе, Государь, о них.

Необходимы:

I. Меры против невежества и бесправия русского народа:

1) Свобода и неприкосновенность личности, свобода слова, печати, собраний, совести в деле религии.

2) Общее и обязательное народное образование на государственный счет.

3) Ответственность министров перед народом и гарантии законности управления.

4) Равенство перед законом всех без исключения.

5) Немедленное возвращение всех пострадавших за убеждения.

II. Меры против нищеты народа:

1) Отмена косвенных налогов и замена их прямым прогрессивным подоходным налогом.

2) Отмена выкупных платежей; *дешевый кредит* и постепенная передача земли народу.

III. Меры против гнета капитала над трудом:

1) Охрана труда законом.

2) Свобода потребительно-производительных профессиональных союзов.

3) 8-мичасовой рабочий день и нормировка сверхурочных работ.

4) Свобода борьбы труда с капиталом.

5) Участие рабочих в выработке законопроекта о государственном страховании рабочих.

6) Минимальная заработная плата.

Вот, Государь, наши главные нужды, с которыми мы и пришли к тебе. Повели и поклянись исполнить их, и ты сделаешь Россию и счастливой, и славной, а имя твое запечатлеем в сердцах наших и наших потомков на вечные времена, а не повелишь — мы умрем здесь, на этой площади перед твоим дворцом. Нам некуда дальше идти и незачем. У нас только два пути: или к свободе и счастью, или в могилу. Укажи, Государь, любой из них, — мы пойдем по нему беспрекословно, хотя бы это и был путь смерти. Пусть наша жизнь будет жертвой для исстрадавшейся России. Нам не жалко этой жертвы, мы охотно приносим ее.

№ 5 (к стр. 99).

ПИСЬМО А. БЕБЕЛЯ В. И. ЛЕНИНУ.

Уважаемый товарищ!

С разных сторон президиум немецкой социал-демократии просят сделать попытку вмешаться в прискорбный конфликт между приверженцами Вперeда и Искры. Давно возникший конфликт в настоящее время влияет особенно губительно на состояние партии, принимая во внимание положение дел в России.

Мне поручено председательствовать в третейском суде, в состав которого должны войти я и по два представителя спорящих партий, для вынесения приговора относительно спорных пунктов.

Два представителя, вводимые каждой партией по ее выбору, не должны однако принадлежать ни к русской, ни к польской национальности, а также ни к одной из народностей, подвластных русскому правительству (латыши, финны и пр.), чтобы предотвратить всякое возможное подозрение в пристрастии судей.

Третейский суд должен совершенно объективно исследовать положение дела.

Притом, я предполагаю, что в случае принятия Вами и Вашими друзьями такого третейского суда и избрания для него судей Вы и Ваши друзья готовы также подчиниться приговору третейского суда.

Третейский суд должен заседать в *Цюрихе.*

Время заседания суда будет Вам сообщено, как только с обеих сторон будут намечены третейские судьи и обе стороны выразят свое согласие на те условия, на которых должен происходить третейский суд.

Дальнейшее условие — *это приостановка с того дня, когда Вы и Ваши друзья решите принять третейский суд, всякой полемики против стороны, с которой вы боролись до настоящего времени.*

Само собой разумеется, что от противной стороны будут потребованы таковые же обещания.

Я предполагаю, что Вы и Ваши друзья будете рады положить конец расколу и взаимной борьбе между партийными товарищами, стоящими на одинаковой принципиальной почве. Известие об этом расколе вызвало среди интернациональной социал-демократии большое смущение и определенное недовольство и всюду существует ожидание, что после свободного обсуждения обе части сумеют найти общую почву для борьбы против общего врага.

Прошу Вас не отказать сообщить мне как только возможно быстро решение Ваше и Ваших друзей.

С социал-демократическим приветом А. Бебель.

Благоволите *запечатать* Ваше письмо ко мне и адресовать в Берлин, Германский Рейхстаг, на мое имя.

3 февраля 1905 г.

№ 6 (к стр. 137).

ИЗВЕЩЕНИЕ О СОЗЫВЕ ТРЕТЬЕГО ПАРТИЙНОГО СЪЕЗДА.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи! Революция началась. Кровь тысяч людей обагрила улицы Петербурга, и клик мести, клик ненависти к правительству убийц пронесся по всей стране, находя отклик повсюду. Идея свободы и народного

правления проникла в широкие массы, мысль о необходимости вооруженного восстания распространяется с поражающей быстротой. Пролетарии Петербурга подали сигнал, дело идет к развязке. Волна всеобщих политических стачек и массовых демонстраций проходит теперь по всем крупным центрам России. Вероятно, волна эта отхлынет, но она глубоко встряхнет народное сознание, она даст массам первоначальное революционное воспитание. За нею вскоре последует другая и та должна решить дело. Эта другая волна неизбежна, потому что те условия, которые вызвали первую, не только продолжают существовать, но все более усиливаются. Позорная война идет по-прежнему, экономический кризис обостряется, приближается чума, холера, голодовка, страна разорена... Перед рабочей партией выступает новая задача, небывалая по своей важности и трудности. Это задача политического руководства рабочим классом во время революции, задача найти и провести в жизнь общую тактику, при которой с наименьшей растратой драгоценной крови пролетариата им были бы достигнуты наибольшие политические и экономические завоевания в предстоящей ломке общественного строя России. В силах ли партия, такая, какая она есть, разрешить эту задачу? Всякий честный член партии должен открыто сказать: нет. Незачем доказывать этого; фактов слишком много, они слишком известны, довольно одного, самого яркого, самого ужасного. В Петербурге, в главном центре, где собрана масса партийных сил и лучших сил, руководство движением в январские революционные дни принадлежит не партии, а совершенно чужому партии лицу— священнику с группой полусознательных людей, слепо в него верящих, увлеченных его религиозно-утопическим энтузиазмом. В эти дни буржуазные группы оппозиции отказываются признать социал-демократию законной представительницей пролетариата, ссылаясь на ее внешнюю слабость, на отсутствие в ней единства; они даже пользуются случаем *заводить самостоятельные* связи в рабочей среде, надеясь получить политическое влияние на нее и надеясь использовать ее силу в своих интересах. Это небывалое унижение партии. Так дольше нельзя. С этим надо покончить. Партия должна сделать себя достойной своей великой идеи. Где причины слабости социал-демократии? Ответ простой. В отсутствии партийного единства, политической неспособности официальных вождей партии. Эти две причины неразделимы. Неспособность официальных вождей поддерживала и обостряла неурядицу. Неурядица, запутывая их все больше и отнимая у них возможность производительной партийной работы, делала их все более негодными. Мы, сторонники партийного *большинства,* давно уже ведем борьбу за единство партии. Мы давно указывали на единственно-возможный для партии, единственный достойный ее выход из этой неурядицы, на партийный съезд.

Мы давно указывали на новые и труднейшие тактические и организационные задачи, которых не в силах и не в праве разрешить самостоятельно наши центры. Мы выяснили, что время не терпит, что скоро будет поздно, что партия рискует раздробленной и бессильной попасть в поток великих событий, рискует потерять тогда свою политическую честь и проиграть дело пролетариата. Как же отнеслись ко всему этому центры? Ц. О. упорно продолжал свою борьбу против большинства партии и, лицемерно говоря в последнее время о партийном мире, угрожал расколом на съезде, хотя было выяснено, что никаких программных разногласий в партии нет, а тактические и организационные не так велики, чтобы угрожать единству партии при очной ставке ее оттенков. Совет партии отчаянно боролся против съезда, открыто нарушая устав партии. Он под фантастическими предлогами объявлял отдельные резолюции за съезд недействительными, он установил двухмесячные периоды, из которых в каждом счет должен начинаться снова, установил, прекрасно зная, что при русских расстояниях и конспиративных условиях двух месяцев

практически недостаточно даже для оповещения всех комитетов о ходе партийных дел, и сделал еще целый ряд постановлений в этом же роде. Словом, он отменил своей властью установленные съездом права комитетов по созыву съезда. Ц. К. энергично агитировал против съезда, объявлял всех, боровшихся за съезд, дезорганизаторами и наконец сделал ряд попыток дезорганизовать местную работу комитетов, стоявших за съезд. Он неофициально поддерживает или устраивает в целом ряде городов группы организационного меньшинства, работающие параллельно с комитетом, конкурируя с ними; так поступает он в Одессе, Екатеринославе, Н.-Новгороде; в Петербурге он официально утвердил такую группу, под именем «группы Ц. К.», вопреки прямому официальному своему обещанию, данному им за несколько дней Петербургскому комитету о том, что подобные шаги не будут предприняты без обсуждения их при участии Петербургского комитета. Следовательно, Ц. К. практически своим давлением свел к нулю право членов партии на агитацию за съезд и нарушил уставом данное комитетам право организовать всю местную работу. Так руководили центры внутрипартийной жизнью. А их внешняя политика? Ц. О. сделал одну единственную попытку реального политического руководства партией: листок «Искры» о плане земской кампании. Сущность этого плана сводится к тому, что социал-демократия должна идти в хвосте буржуазных партий, предоставляя им говорить от имени народа. Негодность этого заграничного измышления признается теперь, повидимому, даже большею частию сторонников «Искры». Ц. К., обязанный быть постоянным политическим руководителем партии, не выполнил этого ни в один из трудных моментов обще-партийной жизни: ни при начале войны, ни 1-го мая, ни при осенних мобилизациях. Он не установил никакого собственного отношения к либерально-буржуазным партиям и распространял нелепый план кампании «Искры», не высказываясь даже против него. Хода событий Ц. К. не предвидел. Когда некоторые из нас в собраниях комитетов страстно убеждали представителей Ц. К. в неотложности съезда ввиду предстоящих революционных конфликтов, представители эти, пожимая плечами, отвечали: «а может быть революция будет не так скоро». Допустима ли в политических вождях такая степень близорукости и наивности? Благодаря негодности центров, партия не подготовлена к борьбе. Необходимо подготовиться как можно быстрее. Средство — немедленный созыв съезда.

Съезду предстоит решить следующие неотложные вопросы революционной тактики: 1. Вопрос о методах непосредственной политической борьбы. Здесь на наш взгляд первое место занимают вопросы: о планомерной организации всеобщих политических стачек, о способах вооружения масс, о способах организации вооруженного восстания, о способах воздействия на армию, о границах революционных действий, поскольку они затрагивают не только наших прямых врагов, но и другие классы общества (напр., насколько допустимо в больших городах разрушение водопроводов, закрытие лавок, торгующих необходимыми припасами). 2. Вопрос об отношениях к буржуазной оппозиции: при каких условиях и в каких пределах возможно координировать в борьбе с самодержавием наши действия с их действиями. Какое значение придавать формальным переговорам и т. п. Их открытое выступление и та позиция, которую они заняли по отношению к социал-демократам, изменили многое со времени второго съезда, и история с планом земской кампании показывает, как мало мы можем полагаться в этом вопросе на свои нынешние центры. 3. Вопрос о соглашениях и объединении с национальными социалистическими партиями: Бундом, польской, литовской, украинской, финляндской, армянской и др. Настоятельность вопроса очевидна: восстановление единства партии на наш взгляд чрезвычайно облегчит достойное партии разрешение этой задачи. Вопрос о соглашении с соц.-рев. на наш взгляд должен быть подвергнут детальному обсуждению. 4. Вопросы собственно

организационные: I. Установление определенных границ партии путем замены нынешнего параграфа 1 устава мартовского ленинским, по которому членами партии являются только члены партийных организаций. II. Установление реального единства партийной организации путем следующих реформ: a) точное определение границ централизации и автономии отдельных организаций. Мы будем бороться за строгую централизацию, но против наивного бюрократического ее понимания, выдвигаемого теперь центрами, которые требуют слепого повиновения при своей очевидной негодности; надо помнить, что основу организации составляют сознательно-товарищеские отношения. Мы будем стоять за возможно-широкую автономию местных комитетов и групп, к ним примыкающих, но против выдвигаемого меньшинством якобы демократического понимания этой автономии, которое при тяжелых внешних условиях революционной борьбы привело бы на практике к настоящей анархии; b) уставное определение основ взаимных отношений комитетов с периферией; c) преобразование центров. Мы полагаем, что центр должен быть *один* и притом *русский*. Мы не думаем исчерпать поставленными вопросами программу съезда, но считаем их важнейшими и наиболее неотложными. Уже из их перечисления видно, что у съезда будет слишком много работы в деле реформы, чтобы он мог обратиться в съезд суда над отдельными членами партии; к тому же мы и не считаем нынешних плохих руководителей партии сознательно преступными по отношению к ее интересам: они только жертвы непосильности задач, выпавших на их долю. Съезд необходим. Это сознано комитетами большинства, и они выбрали путем ряда конференций (Северной — 6 комитетов, Южной — 3 комитета, Кавказской — 4 комитета) организационное бюро III съезда, при чем предоставили этому бюро право, когда будут исчерпаны средства, добиться, чтобы съезд был организован центрами, выступить в роли организационного комитета и устроить самый съезд. Теперь все средства исчерпаны. На все вопросы большинства Ц. К. отвечал отказом созвать съезд или при помощи уклончивых ответов старался затянуть дело. Между тем время не ждет. Грозные события надвигаются. Ввиду этого организационное бюро приступает к делу организации съезда. Если бы у кого-нибудь все еще остались сомнения, законен ли созыв съезда не через центры, то мы такому товарищу ответим одно: революционные события вызывают к действию революционное право, а оно отрицает практически негодные учреждения. Надо спасти честь партии, спасти дело пролетариата.

Бюро Комитетов большинства.

«Вперед» № 8, 28 (15) февраля 1905 г.

№ 7 (к стр. 247).

РЕЗОЛЮЦИИ III СЪЕЗДА Р. С.-Д. Р. П.

1. О конституировании съезда.

Выслушав доклад Организационного Комитета и комиссии по проверке мандатов и обсудив эти доклады, съезд констатирует, что на нем представлены партийные организации, имеющие больше половины решающих голосов, — что, согласно партийному уставу, ставит законность съезда вне сомнений.

Что же касается того пункта договора между Центральным Комитетом и Бюро Комитетов Большинства, по которому съезд открывается

при наличности трех четвертей делегатов российских комитетов, считая и Лигу, то по этому вопросу съезд постановляет:

Согласно докладу Орг. Комитета, обе стороны, составившие Организационный Комитет, смысл этого пункта договора видели в том, что необходимо было и Ц. К., и Б. К. Б. принять самые энергичные меры для достижения полноты представительства на съезде, а также дать партии все гарантии того, что Ц. К. и Б. К. Б. поставили себе целью организовать общепартийный, а не фракционный съезд. Этим пунктом договора отнюдь не имелось в виду устранить действие того параграфа партии, по которому съезд действителен при наличности более чем половины общего числа решающих голосов. Что же касается полноты представительства на съезде, то съезд констатирует, что в этом отношении приняты все меры. Известия не получены только от Астраханского комитета и Крымского союза. Выбор делегатов и посылка их за границу (в двух случаях — Тверской и Кубанский комитеты — передача мандатов заграничным товарищам) произведены девятью комитетами *) из числа не представленных на съезде. В совокупности с наличными делегатами от 20 комитетов это составляет 29 комитетов, т.-е., во всяком случае, более $^3/_4$ от 34-х комитетов **).

Если 9 делегатов от названных комитетов не явились на съезд, несмотря на то, что получили от комитетов соответственные мандаты и явились за границу, то отсутствие их на съезде объясняется не виною Организационного Комитета, а тем, что все усилия Орг. Ком. создать полноту представительства на съезде разбились о незаконное противодействие трех заграничных членов бывшего Совета партии. Таким образом три члена Совета партии не исполнили явной воли партии и тем поставили себя вне партии. Рассматривая такое противодействие как прямое нарушение доверенными должностными лицами партии определенно выраженной воли их доверителей, съезд возлагает на этих трех членов бывшего Совета Партии ответственность за раскол партии и, выражая глубокое сожаление об этом расколе, высказывает непреложное убеждение в скором восстановлении единства партии, безусловно необходимого с точки зрения интересов российского пролетариата в переживаемый критический момент его революционной борьбы.

2. О вооруженном восстании.

Принимая во внимание:

1) что пролетариат, будучи по положению своему наиболее передовым и единственным последовательно революционным классом, тем самым призван сыграть руководящую роль в общедемократическом революционном движении России;

2) что это движение в настоящий момент уже привело к необходимости вооруженного восстания;

3) что пролетариат неизбежно примет в этом восстании самое энергичное участие, которое определит судьбу революции в России;

4) что руководящую роль в этой революции пролетариат может сыграть, лишь будучи сплочен в единую и самостоятельную политическую силу под знаменем социал-демократической рабочей партии, руководящей не только идейно, но и практически его борьбой;

---

*) Донской, Горнозаводский, Киевский, Кубанский, Тверской, Харьковский, Смоленский, Екатеринославский, Сибирский.

**) Число 34 есть максимум правоспособных организаций, первоначально вошедших в список Организационного Комитета.

5) что только выполнение такой роли может обеспечить за пролетариатом наиболее выгодные условия для борьбы за социализм против имущих классов буржуазно-демократической России, —

Третий съезд Р. С.-Д. Р. П. признает, что задача организовать пролетариат для непосредственной борьбы с самодержавием, путем вооруженного восстания является одной из самых главных и неотложных задач партии в настоящий революционный момент.

Поэтому съезд поручает всем партийным организациям:

а) выяснять пролетариату путем пропаганды и агитации не только политическое значение, но и практически-организационную сторону предстоящего вооруженного восстания;

б) выяснять при этой пропаганде и агитации роль массовых политических стачек, которые могут иметь важное значение в начале и в самом ходе восстания;

в) принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также к выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым, создавая для этого, по мере надобности, особые группы из партийных работников.

3. О Временном Революционном Правительстве.

Принимая во внимание:

1) что как непосредственные интересы пролетариата, так и интересы его борьбы за конечные цели социализма требуют возможно более полной политической свободы, а следовательно замены самодержавной формы правления демократической республикой;

2) что осуществление демократической республики в России возможно лишь в результате победоносного народного восстания, органом которого явится Временное Революционное Правительство, единственно способное обеспечить полную свободу предвыборной агитации и созвать, на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайной подачей голосов, Учредительное Собрание, действительно выражающее волю народа;

3) что этот демократический переворот в России, при данном общественно-экономическом ее строе, не ослабит, а усилит господство буржуазии, которая неминуемо попытается в известный момент, не останавливаясь ни перед чем, отнять у российского пролетариата возможно большую часть завоеваний революционного периода, —

III съезд Р. С.-Д. Р. П. постановляет:

а) необходимо распространять в рабочем классе конкретное представление о наиболее вероятном ходе революции и о необходимости в известный ее момент появления Временного Революционного Правительства, от которого пролетариат потребует осуществления всех ближайших политических и экономических требований нашей программы (программы-минимум);

б) в зависимости от соотношения сил и других факторов, не поддающихся точному предварительному определению, допустимо участие во Временном Революционном Правительстве уполномоченных нашей партии, в целях беспощадной борьбы со всеми контр-революционными попытками и отстаивания самостоятельных интересов рабочего класса;

в) необходимым условием такого участия ставится строгий контроль партии над ее уполномоченными и неуклонное охранение независимости социал-демократии, стремящейся к полному социалистическому перевороту и постольку непримиримо враждебной всем буржуазным партиям;

г) независимо от того, возможно ли будет участие социал-демократии во временном революционном правительстве, следует пропагандировать в самых широких слоях пролетариата идею необходимости постоянного давления на временное правительство со стороны вооруженного и руководимого социал-демократией пролетариата в целях охраны, упрочения и расширения завоеваний революции.

4. Об отношении к тактике правительства накануне переворота.

Принимая во внимание:

что в целях самосохранения правительство в переживаемый революционный период, усиливая обычные репрессии, направленные преимущественно против сознательных элементов пролетариата, вместе с тем 1) пытается путем уступок и обещаний реформ политически развратить рабочий класс и тем отвлечь его от революционной борьбы; 2) с тою же целью облекает свою лицемерную политику уступок в псевдо-демократические формы, начиная с приглашения рабочих выбирать в комиссии и совещания своих представителей и кончая созданием карикатурных форм народного представительства, вроде так называемого Земского Собора; 3) организует так называемые черные сотни и поднимает против революции все вообще реакционные, бессознательные или ослепленные расовой и религиозной ненавистью элементы народа,—

III съезд Р. С.-Д. Р. П. постановляет предложить всем партийным организациям:

а) разоблачая реакционные цели правительственных уступок, подчеркивать в пропаганде и агитации их вынужденный характер, с одной стороны, и безусловную невозможность для самодержавия дать удовлетворяющие пролетариат реформы — с другой;

б) пользуясь предвыборной агитацией, разъяснять рабочим истинный смысл подобных мероприятий правительства и доказывать необходимость для пролетариата созыва революционным путем учредительного собрания на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайною подачей голосов;

в) организовывать пролетариат для немедленного осуществления революционным путем 8-часового рабочего дня и других стоящих на очереди требований рабочего класса;

г) организовывать вооруженный отпор выступлению черных сотен и всех вообще реакционных элементов, руководимых правительством.

5. По вопросу об открытом политическом выступлении Р. С.-Д. Р. П.

Принимая во внимание:

1) что революционное движение в России до известной степени расшатало и дезорганизовало уже самодержавное правительство, которое оказывается вынужденным допустить некоторую свободу политического выступления враждебных ему классов;

2) что этой свободой политического выступления преимущественно пользуются теперь буржуазные классы, усиливая таким образом еще более свое экономическое и политическое преобладание над пролетариатом и увеличивая опасность превращения рабочего класса в простой придаток буржуазной демократии;

3) что среди рабочих масс все шире и шире обнаруживается стремление к самостоятельному и открытому выступлению на политическую арену хотя бы и без всякого участия социал-демократии,—

III съезд Р.С.-Д.Р.П. обращает внимание всех партийных организаций на необходимость:

а) пользоваться каждым случаем открытого выступления для противопоставления общедемократическим требованиям самостоятельных классовых требований пролетариата, для организации его в самом ходе таких выступлений в самостоятельную социал-демократическую силу;

б) использовать все легальные или полулегальные рабочие общества, союзы и другие организации для обеспечения преобладающего влияния на них социал-демократии и превращения их по мере возможности в опорные пункты будущей открытой социал-демократической рабочей партии в России;

в) принять меры к тому, чтобы наши партийные организации, на-ряду с сохранением и развитием своего конспиративного аппарата, приступили немедленно к подготовке целесообразных форм перехода во всех случаях, когда это возможно, к открытой деятельности социал-демократической партии, не останавливаясь при этом и перед столкновением с вооруженной силой правительства.

6. Об отношении к крестьянскому движению.

Принимая во внимание:

1) что разрастающееся теперь крестьянское движение, являясь стихийным и политически бессознательным, неминуемо обращается тем не менее против существующего строя и против всех остатков крепостничества вообще;

2) что в задачи социал-демократии входит поддержка всякого революционного движения против существующего общественного и политического строя;

3) что в силу этого социал-демократия должна стремиться очистить революционно-демократическое содержание крестьянского движения от всяких реакционных примесей, развивая революционное самосознание крестьян и доводя до конца их демократические требования;

4) что социал-демократия, как партия пролетариата, должна во всех случаях и при всех обстоятельствах неуклонно стремиться к самостоятельной организации сельского пролетариата и разъяснять ему непримиримую противоположность его интересов интересам крестьянской буржуазии,—

III съезд Р.С.-Д.Р.П. поручает всем партийным организациям:

а) пропагандировать в широких слоях народа, что социал-демократия ставит своей задачей самую энергичную поддержку всех революционных мероприятий крестьянства, способных улучшить его положение, вплоть до конфискации помещичьих, казенных, церковных, монастырских и удельных земель;

б) как практический лозунг агитации среди крестьянства и как средство внесения наибольшей сознательности в крестьянское движение, выдвигать необходимость немедленной организации революционных крестьянских комитетов с целью проведения всех революционно-демократических преобразований в интересах избавления крестьянства от полицейско-чиновничьего и помещичьего гнета;

в) в целях дезорганизации самодержавия и поддержки революционного натиска на него, призывать крестьянство и сельский пролетариат к всевозможным политическим демонстрациям, к коллективному отказу от платежа податей и налогов, от исполнения воинской повинности и постановлений и приказаний правительства и его агентов;

г) стремиться к самостоятельной организации сельского пролетариата, к слиянию его с пролетариатом городским под знаменем социал-демократической партии и к проведению представителей его в крестьянские комитеты.

7. Об отколовшейся части партии.

Съезд констатирует, что в Р.С.-Д.Р.П. со времени ее борьбы с экономизмом сохраняются до сих пор в различной мере и в различных отношениях родственные ему оттенки, характеризующиеся общей тенденцией принижать значение элементов сознательности в пролетарской борьбе, подчиняя их элементам стихийности. Представители этих оттенков в вопросе организационном теоретически выставляют несоответствующий планомерно оформленной работе партии принцип организации-процесса, на практике же проводят в массе случаев систему уклонений от партийной дисциплины, а в других случаях, обращая к наименее сознательной части партии проповедь широкого, не считающегося с объективными условиями русской действительности, применения выборного начала, пытаются подорвать единственно возможные в данное время основы партийной связи. В вопросах тактических они проявляют себя стремлением сузить размах партийной работы, высказываясь против законченно-независимой партийной тактики по отношению к либерально-буржуазным партиям, против возможности и желательности для нашей партии взять на себя организующую роль в народном восстании, против участия партии при каких бы то ни было условиях во временном демократически-революционном правительстве.

Съезд предлагает всем членам партии вести повсюду энергичную идейную борьбу против подобных частичных уклонений от принципов революционной социал-демократии, но в то же время находит, что участие в партийных организациях лиц, примыкающих в той или иной мере к подобным взглядам, допустимо при том необходимом условии, чтобы они, признавая партийные съезды и партийный устав, всецело подчинялись партийной дисциплине.

8. Об отношении к национальным социал-демократическим организациям.

Принимая во внимание:

1) что интересы экономической и политической борьбы пролетариата требуют объединения социал-демократических организаций всех национальностей России;

2) что начавшаяся открытая революционная борьба против самодержавного строя и близость вооруженного восстания делают такое объединение особенно необходимым, —

III съезд, подтверждая отношение II съезда к вопросу о федерализме, поручает как Центральному Комитету, так и местным комитетам приложить все усилия к соглашению с национальными социал-демократическими организациями в целях согласования местной работы и подготовления таким образом возможности объединений всех социал-демократических партий в единую Р.С.-Д.Р.П.

9. О практических соглашениях с социалистами-революционерами.

Подтверждая отношение Р.С.-Д.Р.П. к партии социалистов-революционеров, определенное резолюцией II съезда, и принимая во внимание:

1) что временные боевые соглашения социал-демократов с организациями социалистов-революционеров в целях борьбы с самодержавием могут быть в некоторых случаях полезными;

2) что такие соглашения ни в каком случае не должны ограничивать полной самостоятельности социал-демократической партии и нарушать цельность и чистоту ее пролетарской тактики и ее принципов, —

III съезд Р.С.-Д.Р.П. поручает Центральному Комитету и местным комитетам в случае надобности входить в временные боевые соглашения с организациями социалистов-революционеров, при чем местные соглашения могут заключаться лишь под контролем Центрального Комитета.

10. Об отношении к либералам.

Принимая в соображение:

а) что социал-демократия должна поддерживать буржуазию, поскольку она является революционной или только оппозиционной в своей борьбе с царизмом;

б) что поэтому социал-демократия должна приветствовать пробуждение политического сознания русской буржуазии, но что, с другой стороны, она обязана разоблачать перед пролетариатом ограниченность и недостаточность освободительного движения буржуазии всюду, где бы ни проявлялась эта ограниченность и недостаточность,—

III съезд Р.С.-Д.Р.П. настоятельно рекомендует товарищам:

1) разъяснять рабочим антиреволюционный и противопролетарский характер буржуазно-демократического направления во всех его оттенках, начиная от умеренно-либерального, представляемого широкими слоями землевладельцев и фабрикантов, и кончая более радикальным, представляемым Союзом Освобождения и многочисленными группами лиц свободных профессий;

2) энергично бороться в силу изложенного против всяких попыток буржуазной демократии взять в свои руки рабочее движение и выступать от имени пролетариата или отдельных групп его.

Примечание. Настоящей резолюцией отменяется резолюция об отношении к либералам тов. Старовера, принятая на II съезде.

11. О Центральном Органе партии.

Принимая во внимание:

что редакция «Искры» не явилась на съезд и не приняла мер к согласованию своей дальнейшей деятельности с решениями и директивами III партийного съезда;

что деятельность редакции новой «Искры» отнюдь не является гарантией за правильное разрешение тактических вопросов в будущем,—

III съезд Р.С.-Д.Р.П. постановляет, что газета «Искра» перестает быть Центральным Органом партии, и поручает Ц. Комитету создать новый центральный орган, согласно уставу партии, дав ему имя «Пролетарий».

12. Устав Р.С.-Д.Р.П.

§ 1. Членом партии считается всякий, принимающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и участвующий личной работой в одной из ее организаций.

§ 2. Верховным органом партии является партийный съезд. Он созывается ежегодно Центральным Комитетом партии. Центральный Комитет обязан созвать в течение двух месяцев съезд, если созыва съезда требуют партийные организации, имеющие вместе право на половину голосов на съезде. Съезд считается действительным, если на нем представлены организации, имеющие вместе право более чем на половину решающих голосов.

Примечание 1. В случае отказа Ц. К. созвать съезд при требовании половины комитетов, съезд созывается Организационным Комитетом, избранным на конференции представителей от полноправных комитетов. О. К. по созыву съезда пользуется всеми правами Ц. К.

Примечание 2. Список вновь утверждаемых организаций публикуется немедленно в Ц. О. партии с указанием момента их утверждения Ц. К.

§ 3. Представительство на съезде имеют: а) Ц. К., б) все местные комитеты, не входящие в особые союзы, в) иные организации, приравненные в этом отношении к комитетам, г) все союзы комитетов, признанные партией. Все означенные организации представляются на съезде каждая одним делегатом, имеющим один голос; Ц. К. представляется двумя делегатами, имеющими каждый по одному голосу; одним из этих делегатов должен быть ответственный редактор Ц. О.

Представительство союзов определяется особыми уставами.

Примечание 1. Правом представительства пользуются лишь те организации, которые утверждены не позже как за полгода до съезда.

Примечание 2. Ц. К. предоставляется приглашать на съезд с совещательным голосом делегатов тех организаций, которые не отвечают условиям, указанным в примечании 1.

§ 4. Съезд выбирает Ц. К.

§ 5. Центральный Комитет представляет партию в сношениях с другими партиями, назначает ответственного редактора Ц. О. из своей среды, организует комитеты, союзы комитетов и другие учреждения партии и руководит их деятельностью; организует и ведет предприятия, имеющие общепартийное значение; распределяет силы и средства партии и заведует центральной кассой партии; разбирает конфликты как между различными учреждениями партии, так и внутри их, и вообще объединяет и направляет всю деятельность партии.

§ 6. Все партийные организации, выполняющие целостную работу (комитеты местные, районные, заводские и т. п.), ведают автономно все дела, относящиеся специально и исключительно к той области партийной деятельности, для заведывания которой они созданы; степень автономии групп, выполняющих частные и специальные функции (группы технические, агитаторские и т. п.), определяется создавшими их центрами.

§ 7. Всякая утвержденная съездом или Ц. К. организация имеет право издавать от своего имени партийную литературу. Ц. К. обязан транспортировать издания всякой организации, если этого потребуют пять полноправных комитетов. Все периодические партийные издания обязаны по требованию Ц. К. печатать все его заявления.

§ 8. Помимо организаций, утвержденных съездом партии, другие партийные организации утверждаются Ц. К.; местные периферийные организации — местными центрами. Все постановления Ц. К. обязательны для всех партийных организаций, которые обязаны также давать в центральную кассу 20 проц. всех своих доходов, кроме Комитета Заграничных Организаций, который обязан отдавать Ц. К. 90%.

§ 9. Местный комитет должен быть распущен Ц. К., если за распущение выскажутся одновременно Ц. К. $^2/_3$ голосов и $^2/_3$ местных рабочих, входящих в партийные организации.

§ 10. Каждый член партии и всякое лицо, имеющее какое-либо дело с партией, вправе требовать, чтобы его заявление в подлинном виде было доставлено в Ц. К., или в редакцию Ц. О., или партийному съезду.

§ 11. Всякая партийная организация обязана доставлять и Ц. К., и редакции Ц. О. все средства к ознакомлению со всей ее деятельностью

и всем ее личным составом, представляя в Ц. К. подробные отчеты о своей деятельности не реже одного раза в две недели.

§ 12. Все партийные организации решают дела простым большинством голосов; организации автономные имеют право кооптации. Для кооптации и исключения членов требуется $^2/_3$ голосов. В автономные периферийные организации комитеты имеют право вводить членов. На постановление о кооптации или исключении членов допускается апелляция в Ц. К.

Кооптация членов в Ц. К. производится единогласно. В комитетах и соответствующих им организациях официальные кандидаты, предложенные Ц. К. или автономными периферийными организациями, кооптируются простым большинством голосов.

V. ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) *Земская кампания*, о которой говорится в брошюре Вл. Ильича, охватывает период времени, начиная с августа 1904 г. по 22 (9) января 1905 г.

Министр внутренних дел Плеве, доведший режим репрессий до крайних пределов, воспользовался в начале войны (январь 1904 г.) патриотической проповедью всей прессы от «Гражданина» и до «Освобождения» — для борьбы с малейшими проявлениями оппозиции. Под влиянием патриотических настроений, с одной стороны, и правительственных репрессий, с другой, земцы 22 февраля 1904 г. на так называемых «новосильцевских совещаниях» отказались от вхождения в «Союз Освобождения» (мотивировка: нежелание участвовать в тайных организациях). Убийство Плеве 28 (15) июля 1904 г. с.-р. Сазоновым открыло отдушину для либерализма, всегда придававшего большое значение персональным передвижкам в правительстве. После полуторамесячного прощупывания высшими сферами настроения «общества» и отношения его к убийству главы реакции — 8 сентября (26 августа) преемником Плеве был назначен князь Святополк-Мирский.

29 (16) сентября новый министр в речи к представлявшимся ему чинам министерства внутренних дел сказал: «... Административный опыт (до того Святополк-Мирский был командиром отдельного корпуса жандармов. *Ред.*) привел меня к глубокому убеждению, что плодотворность правительственного труда основана на искренно благожелательном и истинно доверчивом отношении к общественным и сословным учреждениям и к населению вообще...»

На ряду с этим Святополк-Мирский сделал ряд шагов навстречу либеральной оппозиции. Несколько опальных либералов было утверждено в земских должностях. Некоторые либералы были возвращены из ссылки (напр., воронежцы С. В. Мартынов и Н. Ф. Бунаков). В ноябре начала выходить ежедневная газета «Наша Жизнь» — легальный полу-официальный орган «Союза Освобождения».

Вступление Святополка-Мирского в должность министра совпало с обычным временем очередных сессий уездных земских собраний. Земцы отозвались на провозглашение «эпохи доверия» потоком адресов и приветствий министру.

Освобожденцы открыто организовались. С ведома министра шла подготовка съезда земцев. 21 (8) сентября в Москве состоялось заседание Бюро Земских Съездов. С разрешения министра, добившегося согласия царя, земцы начали съезжаться в Петербург на съезд, в программе которого стоял, между прочим, и такой (6) пункт:

«Общие условия, неблагоприятствующие правильному развитию нашей земско-государственной жизни, и желательные в них изменения». За 5 дней до съезда Бюро было извещено, что съезд запрещен; тем не

менее, с согласия Святополка-Мирского, съезд все же состоялся, как частное совещание.

Этот съезд и следующие за ним губернские земские собрания были намечены «Союзом Освобождения», как узловые пункты целой кампании. Еще 2 ноября (20 окт.) Совет «Союза Освобождения» решил:

1) Принять деятельное участие в съезде земцев и выдвинуть там конституционные требования.

2) Использовать кампанию в связи с исполнением 40-летия судебных уставов (банкеты, доклады, адреса, резолюции).

3) На предстоящих уездных и губернских земских собраниях поднять вопрос о конституции и о поддержке решений земского съезда.

4) Поднять кампанию за образование союзов профессоров, адвокатов, писателей и др. лиц свободных профессий, организовать бюро этих союзов и объединить отдельные союзы в Союз союзов.

Губернские земские собрания широко были использованы «освобожденцами» для организационного закрепления либеральных завоеваний. Банкетная кампания охватила все крупные города. Либералы делали все, чтобы подчеркнуть, что политическая сцена занята ими, а не рабочими.

Еще раньше, в сентябре, «освобожденцы» делегировали 4 членов во главе с П. Струве на Парижскую конференцию оппозиционных и революционных организаций, задача которой заключалась в создании блока участвовавших в конференции партий.

Вскоре либералы вошли в сношения с Гапоном и начали завязывать первые связи с петербургскими рабочими.

Накануне 22 (9) января либерализм словами Струве провозгласил, что «революционного народа в России нет» (статья за подписью П. С.: «Насущная задача времени», «Освобождение» № 63 от 20 (7) января 1905 г.). Меньшевики вторили либералам. Их отношение к земской кампании нашло выражение в письме редакции «Искры» (см. «Документы и материалы», № 1, стр. 410) к партийным организациям, разобранном в брошюре Ленина. Земскому съезду посвящена статья Мартова в № 78 «Искры» — «Итоги земского парламента», полная хвалебных гимнов по отношению к либералам.

Первым ударом по «эпохе доверия» было правительственное сообщение 12 декабря (см. примеч. 12). 22 (9) января принесло на смену либеральной «весне» открытую диктатуру товарища министра внутренних дел и заведующего полицией Трепова.

Упомянутое выше «письмо «Искры» к партийным организациям» вышло до ноябрьского съезда земцев. Ленин называет этот документ «Аксельродовским» (см. стр. 14 настоящего тома). О том, что листовка написана Аксельродом, говорит близко стоявший к Аксельроду А. Потресов (см. стр. 49 брошюры Потресова «П. Б. Аксельрод. 45 лет общественной деятельности», СПБ, 1914). Критика Лениным плана земской кампании «Искры» побудила редакцию выпустить второе «письмо к партийным организациям», снова с надписью «только для членов партии». В самом начале второго «Письма» редакция негодует на Ленина за то, что он своей брошюрой дал широкую огласку «конфиденциальному» письму (о втором письме см. в настоящем томе, стр. 69, 109 и др., а также «Ленинский Сборник» V, стр. 61 — 63). После выхода второго «Письма» в брошюру Ленина была вклеена цветная вкладка против заключительного абзаца в конце брошюры (стр. 20 настоящего тома), с текстом такого содержания:

«Ограничение круга читателей настоящей брошюры снимается в виду того, что наша так называемая партийная редакция выпустила ответ на нее якобы для членов партии, а на деле сообщает его лишь собраниям меньшинства и не доставляет заведомым членам партии из большинства.

Если ««Искра» решает не считать нас членами партии (боясь в то же время сказать это прямо), то нам остается лишь помириться с нашей горькой участью и сделать необходимые выводы из такого решения. 22 декабря 1904 г.».

Текст этой вкладки также принадлежит перу Вл. Ильича. Дата: «22 декабря 1904» относится только к замечанию на вкладном листке. Сама брошюра написана и вышла в свет между 24 (11) и 30 (17) ноября. Эта дата определяется следующим образом. В архиве Истпарта сохранился пригласительный билет на доклад Ленина в Женеве на 24 (11) ноября на тему «Земская кампания и план «Искры»». Доклад этот состоялся в назначенный срок. Брошюра вышла из печати, несомненно, *после* реферата. Она должна была, однако, выйти в свет не позднее 30 (17) ноября для того, чтобы на нее успел из Мюнхена отозваться Парвус уже 2 декабря (19 ноября) в своем письме Ленину (см. книгу Парвуса «Россия и революция», изд. Глаголева, СПБ. 1906, стр. 177—181).

Редакционное «письмо «Искры»» сделало наглядным перерастание организационного оппортунизма меньшевиков в оппортунизм тактический и послужило, в глазах самых широких партийных кругов, обоснованием необходимости и целесообразности партийно-обособленного оформления большевиков с самостоятельным органом за границей («Вперед») и с практическим центром в России (Бюро комитетов большинства). Критика меньшевистской тактики, изложенной в «Письме», позволила большевикам глубже осознать основы революционной Ленинской тактики и не растеряться перед лицом великих событий 22 (9) января.

Брошюра «Земская кампания и план «Искры»» вышла в издательстве социал-демократической партийной литературы В. Бонч-Бруевича и Н. Ленина. — 1.

²) «*Освобождение*» — либеральный двухнедельник, издавался под редакцией П. Б. Струве сначала в Штутгарте — с 1 июля (18 июня) 1902 г. по 20 (7) сентября 1904 г. (№№ 1—56), затем в Париже с 15 (2) октября 1904 г. по 18 (5) октября 1905 г. (№№ 57—78-79).

Заявив в первом же номере о том, что «орган не будет революционным», что он претендует лишь на «роль регистратора свободной политической мысли», «Освобождение» провозгласило своей программой платформу земцев-конституционалистов, приведенную в том же первом номере. В марте 1903 г. на страницах «Освобождения» (№ 17) раздались первые призывы к созданию конституционно-демократической партии. Когда началась война с Японией, «Освобождение» призывало студенчество к патриотическим манифестациям с лозунгом: «да здравствует армия!» После январского учредительного съезда (1904 г.) «Союза Освобождения», «Освобождение» становится его органом, отразив таким образом в своей программе эволюцию от земцев-помещиков, от умеренного крыла либерального лагеря, к более радикальному «Союзу Освобождения».

После январских событий в Петербурге, «Освобождение» призывало рабочих создавать независимо от с.-д. профессиональные союзы. К марту 1905 г. «освобожденцы» высказались за созыв учредительного собрания и «принудительное отчуждение земли». Несмотря на умеренность своих требований (двухпалатная система, выкуп), «освобожденцы» считали возможным в дальнейшем еще более сузить свою политическую программу, сделав оговорку, что «так как принятые решения диктовались условиями того политического момента, в который происходили обсуждения, то решения эти могут считаться обязательными лишь постольку, поскольку политические условия останутся неизменными».

Быстрое развитие революционных событий летом 1905 г. побудило «Освобождение» признать, что его программа уже не удовлетворяет многих левых либералов (см., напр., статью С. С. — «Союз Освобождения и другие политические партии» в № 75 «Осв.» от 26 (13) июля 1905 г.). Стремление

«Освобождения» войти в более левый «Союз Союзов» не осуществилось из-за разногласий по вопросу о тактике: Союз Союзов присоединялся к бойкоту Думы, «Освобождение» было (№ 78-79, от 18 (5) октября 1905 г.) против бойкота.

Кроме двухнедельника Струве с начала русско-японской войны издавал не периодически, в качестве дополнения к «Освобождению», еще «Листки Освобождения». По возвращении в Россию в октябрьские дни, Струве стал издавать вместо «Освобождения» кадетский еженедельник «Полярная Звезда». — 5.

[3]) «Угрюм-Бурчеев» — карикатура на всесильного царского временщика — Аракчеева в «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина. — 8.

[4]) «*Право*» — еженедельная юридическая газета, издававшаяся в Петербурге с 16 (4) января 1899 г. по 4 января 1918 г. (22 декабря 1917 г.) под редакцией В. М. Гессена и Н. И. Лазаревского, при ближайшем участии И. В. Гессена (нынешнего редактора белогвардейского «Руля»). Орган этот был посвящен преимущественно научной разработке вопросов права. С осени 1904 г. «Право» отводит страницы и для политической публицистики, становясь фактически одним из легальных органов «Союза Освобождения». Особенно характерна для политической физиономии «Права» в эпоху революции 1905 г. статья Евг. Трубецкого из № 39, помещаемая нами в приложении к тому (см. «Документы и материалы», № 2, стр. 417). — 8.

[5]) *Национал-либералы* — политическая партия в Германии, выделившаяся в 1866 г. из партии прусских прогрессистов, отстаивала интересы промышленной буржуазии и стремилась к объединению Германии под главенством Пруссии. Программа н.-либералов соединяла фритредерский либерализм с германским национализмом. Н.-либералы являлись в общем сторонниками Бисмарка и особенно его внешней политики. В 70-х г.г. н.-либеральная партия была сильнейшей в рейхстаге; таким же значением партия пользовалась и в ландтагах отдельных германских государств. В 1879 г. от нац.-либеральной партии откололся «Либеральный Союз», слившийся в 1884 г. с прогрессистами. Эволюция н.-либералов служила для русских марксистов как бы прообразом дальнейшей эволюции нашего отечественного либерализма. — 13.

[6]) Демонстрация в Ростове на Дону, начавшаяся с местной экономической стачки в главных железнодорожных мастерских 17 (4) ноября 1902 г., быстро разрасталась, втянув рабочих Новороссийска и станции Тихорецкой. 20 (7) ноября митинги рабочих были настолько грандиозны, что они переносятся в предместье Ростова — Темерник, где идут непрерывные митинги. Соединение стачки с демонстрацией застает власти врасплох. Лишь 24 (11) ноября казаки оцепили Темерник и отрезали от города. Ростовские события, означавшие переход к новым высшим формам и методам борьбы, нашли в свое время освещение в статье Вл. Ильича «Новые события и старые вопросы» в «Искре» № 29 от 14 (1) декабря 1902 г. (см. Сочинения, том V, стр. 206) и в статьях Плеханова в №№ 32 и 33 «Искры» (см. Сочинения Плеханова, том XII). В настоящем томе оценка значения ростовской демонстрации дана на стр. 105 — 106. — 16.

[7]) Слова о «пропасти», разделяющей старую и новую «Искру», взяты из 25 — 26 стр. брошюры Троцкого «Наши политические задачи» (Женева, 1904 г.). Брошюра эта, представляя собою популяризацию взглядов П. Б. Аксельрода, лидера меньшевиков, изложенных им в 55 и 57 №№ «Искры» (от 28 (15) декабря 1903 г. и от 28 (15) января 1904 г.), собрала как в фокусе всю сумму идей, отделивших за период со времени 2-го съезда Р. С.-Д. Р. П. до 1905 г. меньшевиков от старой революционной «Искры». Брошюра подытоживает результаты пересмотра меньшевиками организационных и политических принципов, проводившихся старой «Искрой». Среди

заголовков отдельных разделов брошюры имеются, например, такие: «...Игнорирование задач самодеятельности пролетариата, как наследие периода «Искры»; ... «не якобинец-социал-демократ, а якобинец *или* социал-демократ»..., «Диктатура над пролетариатом» и т. д. Предисловие к брошюре датировано: 23 августа 1904 г. Брошюра в основных чертах предвосхитила весь план земской кампании, изложенный в «Письмах» «Искры».

В № 72 «Искры» от 7 сентября (25 авг.) в отделе «Из партии» особо подчеркнуто, что брошюра Н. Троцкого «Наши политические задачи» — вышла *под редакцией «Искры»* и, следовательно, выражает взгляды всего меньшевистского крыла Р. С.-Д. Р. П. Подчеркнутые слова набраны в «Искре» жирным шрифтом.

Называя Л. Троцкого «редакционным Балалайкиным», Вл. Ильич пользуется образом «пустослова» — адвоката Балалайкина, выведенного Щедриным в «Современной идиллии» и в очерках: «В среде умеренности и аккуратности». — 17.

[8]) Вл. Ильич имеет в виду чисто авантюристские призывы к немедленному штурму, которые раздались весной 1901 г., в разгар демонстрационного движения, со стороны оппортунистического крыла Р. С.-Д. Р. П. («рабочедельцы»). В № 6 «Листка» «Рабочего Дела», изд. Союза русской соц.-дем. (апрель 1901 г.), в передовой, под заглавием «Исторический поворот», говорилось: «... Будем помнить, что революция отвергает тех, кто издалека не узнает ее грозного шага. Идите ей навстречу, товарищи, и вы ускорите ее шаги! То новый и впервые — массовый штурм против крепости деспотизма: стройтесь же в штурмовые колонны!» Призывы к непосредственному штурму были также у Л. Надеждина в его брошюре «Канун Революции» (№ 1, 1901 г., стр. 126). — 19.

[9]) Проект извещения об образовании Организационного Комитета написан Лениным в первой половине декабря 1904 г. и тогда же был разослан им «всем членам бюро», т.-е. членам О. К. Время написания проекта определяется упоминанием о нем в письме Вл. Ильича А. А. Богданову и С. И. Гусеву от 11 февраля 1905 г. (см. стр. 100 настоящего тома). Бюро комитетов большинства опубликовало «Извещение о созыве третьего партийного съезда» лишь в № 8 «Вперед» от 28 (15) февраля 1905 г., положив в основу проект Ленина. При сличении «Извещения», написанного Лениным, с «Извещением», опубликованным Б. К. Б., необходимо принять во внимание то обстоятельство, что между обоими документами пролегли события 9 января, начало революции в России. Помимо этого между обоими документами есть небольшое расхождение по организационным вопросам. — 21.

[10]) Письмо имело заголовок: «Папаше от Ленина». Папаша — партийный псевдоним М. М. Литвинова, уже тогда видного большевика. Будучи формально уполномоченным Ц. К. по Сев.-Зап. краю, М. Литвинов одновременно работал в качестве члена Рижского Комитета и заведывал границей. Вскоре после оформления Б. К. Б., он вошел в его состав и был деятельным членом Б. К. Б. — 24.

[11]) «Разоблачение» соглашательских шагов со стороны трех членов Ц. К. — тогдашних «примиренцев» Красина, Носкова и Гальперина (Никитича, Глебова и Валентина) — начато было еще в брошюре Орловского (В. В. Воровского) «Совет против Партии», изданной в Женеве в конце октября по ст. ст. (см. гл. V брошюры с заголовком: «Ц. К. вступает в «тайную организацию» «меньшинства»»). Этого вопроса касается Вл. Ильич в ряде статей настоящего тома; см., напр., стр. 42, 93, 94, 167, 205, 226. — 25.

[12]) Указ Правительствующему Сенату, о котором говорит Вл. Ильич, был подписан царем 25 (12) декабря 1904 г. В указе говорилось: «По священным заветам венценосных предков наших, непрестанно помышляя о благе вверенной нам богом державы, мы, при непременном сохранении незыблемости

основных законов империи, полагаем задачу правления в неусыпной заботливости о потребностях страны, различая все действительно соответствующее интересам русского народа от нередко ошибочных и преходящими обстоятельствами навеянных стремлений. Когда же потребность той или другой перемены оказывается назревшею, то к совершению ее мы считаем необходимым приступить, хотя бы намеченное преобразование вызывало внесение в законодательство существенных нововведений». Чтобы даже этот жалкий «указ» не давал повода питать хотя бы самые скромные надежды на реформы, правительство выпустило одновременно с указом «правительственное сообщение», в котором содержались прямые угрозы по адресу либералов. «Земские и городские управления и всякого рода учреждения и общества, — говорится в сообщении, — обязаны не выходить из пределов, предоставленных их ведению, и не касаться тех вопросов, на обсуждение которых они не имеют законного полномочия». — 26.

[13]) «*Наша Жизнь*» — большая ежедневная либеральная газета, издававшаяся в Петербурге Л. В. Ходским с 19 (6) ноября 1904 г.; с 18 (5) февраля по 19 (6) мая 1905 г. она была приостановлена по распоряжению министра внутренних дел; окончательно закрыта 15 (2) декабря 1905 г. за напечатание «финансового манифеста» Совета рабочих депутатов. Большинство сотрудников принадлежало к левому крылу «Союза Освобождения». Во время ноябрьской стачки «Н. Ж.» яростно нападала на Совет Р.Д. и на соц.-дем. за проведение в жизнь 8 ч. рабочего дня. Цитируемые Вл. Ильичем слова взяты из статьи П. Иструбина «Письмо о современных делах. Интеллигенция и народ» в № 28 «Нашей Жизни» от 16 (3) декабря 1904 г. Эту же статью имеет в виду Вл. Ильич, говоря на стр. 70 настоящего тома, что «одна легальная газета выразила мнение, что теперь не время указывать на «противоречия интересов различных классов, выступающих против самодержавия»». — 31.

[14]) «*Вперед*» — первая большевистская газета, выходившая в Женеве в 1905 г., редактировалась В. И. Лениным, М. С. Ольминским, В. В. Воровским и А. В. Луначарским. Всего вышло 18 номеров. Первый номер датирован 4 января 1905 г. (22 декабря 1904 г.), последний 18 (5) мая 1905 г. Название газеты, по воспоминаниям М. С. Ольминского, предложено было Вл. Ильичем. Ленин не только писал руководящие статьи во «Вперед», но его перу принадлежит также большое число различных заметок и обработанных им корреспонденций. Некоторые статьи написаны Лениным в сотрудничестве с кем-либо из других членов редакции (Воровский-Ленин, Ольминский-Ленин). Сохранившаяся часть рукописей различных авторов носит следы больших правок и значительных вставок Вл. Ильича. Материал, опубликованный в «Ленинском сборнике» V (планы, тезисы, конспекты статей), позволяет предполагать, что сам Вл. Ильич для своей статьи иногда использовал лишь часть намеченного им плана и материала, остальное распределялось по статьям остальных редакторов. В предисловии к истпартовскому изданию «Вперед» и «Пролетарий» («Красная Новь» 1924) М. Ольминский указывает, что каждый № в полосах обязательно просматривался Вл. Ильичем. Даже будучи целиком занят работой на III съезде в Лондоне, Вл. Ильич все же нашел время для просмотра гранок № 17 «Вперед». И только № 18, повидимому, вышел без редакторского просмотра Ленина в виду переезда его из Лондона в Женеву. Обязанности соредактора, выпускающего и корректора выполнял Ольминский, он же придавал корреспонденциям годный для печати вид. Вся переписка с Россией велась Н. Крупской. Роль «Вперед» в истории большевизма определяется тем, что «Вперед», в качестве идейно-политического боевого органа заграницей, на ряду с первым практическим центром в России (Бюро комитетов большинства), — содействовал политическому и организационному оформлению большевиков, завершенному на III съезде партии. «Вперед» впервые выдвинул и обосновал идею революционно-демократической дикта-

туры пролетариата и крестьянства и полностью провел размежевание по вопросам тактики и политики с меньшевиками.

На двадцать втором заседании 8 мая 1905 г. III съезд Р. С.-Д. Р. П. создал свой первый Ц. О., дав ему название «Пролетарий». Одновременно съезд специальной резолюцией отметил громадную революционную работу, выполненную «Вперёдом», и выразил признательность его редакции. — 34.

[15]) Цитата из № 79 «Искры» от 14 (1) декабря 1904 г.: «Пролетарские демонстрации», в отделе «Из нашей общественной жизни». Имеются в виду корреспонденции-статьи: одна из Харькова, две — из Екатеринодара, две из Одессы. Цитаты взяты Вл. Ильичем из первой корреспонденции из Екатеринодара. — 37.

[16]) Рядом с Вестминстерским аббатством в Лондоне находится английский парламент. — 37.

[17]) Рукопись статьи «Пора кончить» сохранилась лишь до слов: «Шаг к расколу, произведенный при помощи кооп. . .» Авторами статьи являются Ленин и Воровский. Все начало статьи, включая корреспонденцию, писано рукою Воровского; дальше от слов «Дезорганизаторская выходка петербургского меньшинства. . .» и до конца — писано рукою Вл. Ильича. При этом в рукописи статье дан другой заголовок, принадлежащий перу Воровского: «Почему не удалась петербургская демонстрация». В тексте «Вперёда» статья помещена с заголовком «Пора кончить», взятым из цитируемой в начале статьи корреспонденции В. В. Липшица. Письмо Липшица, сохранившееся в архиве Истпарта, опубликовано в № 11 (34) «Пролетарской Революции» за 1924 г. В этом же № опубликованы IV и V протоколы заседаний Петербургского комитета (25 и 26 ноября 1904 г.), целиком посвященные вопросу о демонстрации. — 40.

[18]) В упомянутой выше брошюре Орловского «Совет против партии» (см. примечание 11) в главе V приведено письмо Ц. К. к местным организациям, в котором говорится, что «Ц. К. никакого меньшинства в свой состав не кооптировал (на этот счет ходит кем-то пущенная сплетня)». На самом же деле в это время Ц. К. вел переговоры относительно кооптации трех представителей меньшинства. В результате переговоров в ноябре в Ц. К. были кооптированы следующие меньшевики: 1) В. Н. Крохмаль (по II съезду — Фомин — от Уфимского комитета), 2) В. Н. Розанов (по съезду — Попов — от группы «Южный Рабочий»); 3) Р. Гальберштадт (по съезду — Фишер — от О. К.). Гальберштадт была вскоре заменена Е. М. Александровой (по съезду — Штейн — от О. К.). Крохмаль, Розанов и Александрова были арестованы 22 (9) февраля в Москве в квартире писателя Андреева во время провала всего Ц. К. (за исключением Красина и Любимова). — 42.

[19]) На стр. 57 — 59 «Ленинского Сборника» V приведены варианты плана статьи «Падение Порт-Артура». В планах имеется большое число указаний на корреспонденции и статьи в иностранных газетах, использованные Вл. Ильичем для настоящей статьи. Из этих указаний видно, что первые цитаты и информация (стр. 44 — 46) взяты из «Frankfurter Zeitung». Ссылки на «Таймс» имеют в виду статью: «Criminal ignorance of strategy» («Преступное невежество в стратегии»); цитаты на стр. 49 — 50 взяты из «Vossische Zeitung». — 44.

[20]) Редакция французской социалистической газеты «Mouvement Socialiste» («Социалистическое Движение») обратилась к нескольким социалистам разных национальностей с просьбой сообщить ей свое мнение о русско-японской войне. Ознакомившись с точкой зрения Гэда и Гайндмана, «Революционная Россия» в № 46 от 18 (5) мая 1904 г. в заметке «Русско-японская война и международный социализм» писала по этому поводу следующее: «Жюль Гэд пишет: «невозможно никакое колебание. В интересах мира для Франции и всего света, в интересах освобождения самой России надо быть против России, за Японию»... Ответ Гайндмана —

сплошной дифирамб Японии... Нам думается, что в корне ложною является самая постановка вопроса, при которой на него может быть дан ответ, да еще социалистом: «Я против России, я за Японию». Полагаем, что все социалисты должны и могут быть лишь за *народную*, *рабочую* Японию, а потому должны быть против империалистической Японии». — 48.

[21]) В листовке «Кто должен победить» (№ 17), за подписью «редакция Искры» (без даты), говорилось следующее:

«Если победит в нынешней войне Россия — это будет победа царя и его приспешников над всей Россией, над рабочим классом и над буржуазией одинаково. Если победит Япония и разгромит Россию — это будет победа буржуазии над царским правительством, после которой они вступят между собой в союз и направят свои соединенные силы против рабочего класса. Значит, рабочему классу невыгодна ни полная победа России, ни разгром ее Японией, хотя, правду сказать, никакой разгром не принесет России больше зла, чем несет ей каждый день существования самодержавия. Но рабочему классу вовсе не нужно выбирать между победой самодержавия и разгромом России. Хоть и меньшее зло — этот разгром принесет ему, как мы видели, достаточно бед. Что же ему нужно, что ему выгодно? Ему нужно, прежде всего, *прекращение войны*. Ему нужен *мир во что бы то ни стало*». Лозунг: «мир во что бы то ни стало» очень энергично пропагандировал также меньшевик Л. Троцкий в своей брошюре «Наши политические задачи». На стр. 87 брошюры говорится: «Прокламации простые, ясные и, по возможности, краткие должны покрыть всю Россию, и все они в каждый данный период агитации должны бить в одну точку. *Мир во что бы то ни стало*».

Выступление Жореса, о котором говорит Вл. Ильич, заставившее меньшевиков сделать шаг влево, — это статья Жореса «Против войны» в № 182 «L'Humanité».

На выступление Жореса «Искра» реагировала статьей Дана под тем же заголовком «Против войны» в № 76 от 2 ноября (20 окт.) 1904 г. Рассуждения «Искры» о неуместности «спекулировать» на победу японской буржуазии встречаются уже в № 69 «Искры» от 23 (10) июля 1904 г. (статья Дана «Дорогая цена») и повторяются в декабрьских прокламациях «Искры». — 49.

[22]) Письмо московского губернского предводителя дворянства П. Н. Трубецкого министру внутренних дел Святополку-Мирскому было написано 28 (15) декабря 1904 г. и напечатано в № 62 «Освобождения» от 31 (18) декабря 1904 г. О революции в письме говорилось следующее: «То, что происходит, вовсе не одно лишь простое волнение молодежи... Состояние это в высокой степени опасно и страшно, как для всего отечества нашего, для всех нас, так в особенности для священной особы самого государя, а посему долг каждого истинного верноподданного предотвращать всеми зависящими от него мерами непоправимое бедствие. На днях я имел счастье представляться государю и докладывал ему искренно и правдиво, как мог и умел, о состоянии, в котором находится общество. Я старался объяснить ему, что то, что ныне происходит, n'est pas une émeute, mais une révolution (не мятеж, а революция. *Ред.*), что вместе с тем русский народ толкают в революцию, которой он не хочет и которую государь может предотвратить. Но путь для этого — один. Это — путь царского доверия к общественным и сословным силам». — 50.

[23]) Имеются в виду следующие брошюры: 1) М. Панина «Кустарничество и партийная организация» и 2) Череванина «Организационный вопрос». (С предисловием Л. Мартова.) Обе брошюры изданы в 1904 г. в Женеве. — 53.

[24]) Имеются в виду фельетоны П. Аксельрода в №№ 55 и 57 «Искры» от 28 (15) декабря 1903 г. и 28 (15) января 1904 г. под заголовком «Объединение росс. соц.-дем. и ее задачи» и в № 68 от 8 июля (25 июня)

1904: «К вопросу об источнике и значении наших организационных разногласий»; статьи Л. Мартова: «Наш съезд» в № 53 от 28 (15) ноября 1903 и «Кружок или партия» в № 56 от 14 (1) янв. 1904 г. и брошюра Л. Троцкого «Наши политические задачи» (см. примечание 7). — **54.**

[25]) Имеется в виду статья Рядового (А. А. Богданова) «Роза Люксембург против Карла Маркса» в брошюре Галерки (М. С. Ольминского) и Рядового «Наши недоразумения», Женева, 1904. Статья Рядового, датированная 16 (3) июля 1904, имеет специальную главу с заголовком: «Правду ли говорит Российская соц.-дем. партия, когда она называет себя «Рабочей партией», или это только фальсификация (вольная или невольная)?». — **54.**

[26]) Вл. Ильич имеет в виду зачитанную на 4-м заседании второго съезда Лиги 28 (15) октября 1903 г. резолюцию, подписанную П. Аксельродом, Старовером, Мартовым и В. Засулич по организационному вопросу (см. Протоколы 2 очередного съезда Лиги русск. рев. с.-д., стр. 84), а также статью Аксельрода «Объединение российской социал-демократии и ее задачи» в № 55 «Искры» от 28 (15) декабря 1905 г.; в тексте «Вперед» ошибочно указан № 53 «Искры». — **55.**

[27]) Имеется в виду статья Розы Люксембург «Организационные вопросы русской социал-демократии», напечатанная в № 69 «Искры» от 23 (10) июля 1904 г. и одновременно в «Neue Zeit» (Organisationsfragen der Russischen Sozialdemokratie». Von Rosa Luxemburg), в № 42 от 13 июля и в № 43 от 20 июля 1904 г. — **55.**

[28]) В копии, написанной рукой Вл. Ильича, письмо имеет заголовок «От Ленина Абсолюту и товарищам по Московской тюрьме (Таганке. *Ред.*)». Абсолют — одна из партийных кличек Е. Д. Стасовой. В конце письма названы следующие товарищи: Курц — Ф. В. Ленгник, Рубен — С. М. Кнунянц и Н. Э. Бауман. Все эти товарищи активные работники Северного Бюро Ц. К. были арестованы в июне 1904 г. Пересмотр вопроса о тактике соц.-дем. на суде вызван был изданием закона 20 (7) июня 1904 г. «о некоторых изменениях в порядке производства по делам о преступных деяниях государственных и о применении к оным постановлений нового уголовного положения». Суть закона заключается в переходе к судебному разбирательству «политических преступлений» в ряде дел вместо внесудебного наложения административных кар. — **59.**

[29]) Опубликованные в «Ленинском Сборнике» V (стр. 64 — 71) тезисы, план и конспект статьи «Рабочая и буржуазная демократия» дают довольно полную картину этапов работы Вл. Ильича над этой темой. Один из планов статьи послужил, вероятно, также планом для реферата, который был прочтен Лениным в начале декабря 1904 г. в Париже на тему «Социал-демократия и либерализм»; на реферате в качестве оппонента выступал Струве. В рукописи статьи имеется ряд справок и сносок с библиографическими указаниями, не вошедших в текст статьи, напечатанной во «Впереде». Об одной из сносок, имеющей самостоятельное значение, см. примечание 31. — **63.**

[30]) «Отражение марксизма в буржуазной литературе» — так был озаглавлен прочитанный Вл. Ильичем осенью 1894 г. в Петербурге реферат, направленный против Струве, как представителя легального марксизма. Перепечатывая в 1908 г. в сборнике «За 12 лет» статью «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», Вл. Ильич включил в качестве подзаголовка к ней название реферата, который лег в основу этой статьи. — См. примечание 40 и 41 к I тому Сочинений Ленина и предисловие к сборнику «За 12 лет». В рукописи статьи после слов «Отражение марксизма и пр.» имеется зачеркнутое Вл. Ильичем пояснение: «как назвал Тулин (псевдоним Вл. Ильича. *Ред.*) еще в 1894 году «Критические заметки Струве»». — **63.**

[31]) Вл. Ильич имеет в виду заметку «Земский съезд» в отделе «Из нашей общественной жизни» в № 8 «Искры» от 23 (10) сентября 1901 г.

В заметке сообщается о состоявшемся нелегально в июне 1901 г. собрании земских деятелей. Ссылка на эту заметку имеется еще в «Что делать?» (см. Сочинения, т. IV, стр. 433). В сохранившейся рукописи статьи «Рабочая и буржуазная демократия» непосредственно после слов «см. № 2 «Искры» о поддержке студенческого движения, № 8 о нелегальном земском съезде, № 16 о либеральных предводителях дворянства, № 18 о брожении в земстве» — сделана Вл. Ильичем сноска, не попавшая в текст статьи во «Вперед». В сноске сказано: «Пользуюсь случаем, чтобы выразить мою искреннюю признательность Староверу и Плеханову, которые начали чрезвычайно полезную работу раскрытия авторов не подписанных статей старой «Искры». Будем надеяться, что они доведут эту работу до конца — материал получится в высшей степени характерный для оценки поворота новой «Искры» к рабочедельству». Тот факт, что все статьи, перечисленные здесь, кроме статьи в № 8, принадлежат Ленину, а равно и наличие приведенной сноски, позволяет с большой долей вероятности предполагать, что и заметка в № 8 «Искры» также написана Вл. Ильичем. См. аналогичное предположение на стр. 512 IV тома Сочинений. — 64.

[32]) Имеются в виду статьи: 1) *Н. Негорева-Иорданского* (без подписи) «Демократы на распутьи» в № 77 «Искры» от 18 (5) ноября и 2) Старовера «Наши злоключения. О либерализме и гегемонии» в № 78 от 3 декабря (20 ноября) 1904 г. — 65.

[33]) Цитата о французских и итальянских радикалах взята из отдела «Иностранное обозрение» в № 78 «Искры». Резолюция саратовских интеллигентов и выводы искровского публициста из нее цитируются Вл. Ильичем из статьи «Демократы на распутьи» в № 77 «Искры». — 69.

[34]) «*Проект программы партии социалистов-революционеров*», послуживший материалом для настоящей статьи, был напечатан в № 46 «Революционной России» (Ц. О. партии с.-р.) от 18 (5) мая 1904 г. Проект (автор его — В. Чернов) обсуждался на первом съезде партии с.-р., состоявшемся в конце декабря 1905 и в начале января 1906 г., и был принят с небольшими поправками в качестве программы партии. (См. «Документы и материалы», № 3, стр. 419.)

Из подзаголовка («Статья первая») видно, что Вл. Ильич предполагал вернуться к этой теме, но второй статьи под тем же заглавием не появлялось. — 70.

[35]) Неудача попыток Зубатова (1902 — 3 г.г.) путем своеобразного «полицейского социализма» отклонить рабочих от революционного движения в Москве, в Одессе и в Западном крае толкнула ряд лиц на искание новых форм зубатовской «самодеятельности» рабочих. В Петербурге проводником этой идеи явился священник Г. Гапон, еще в 1902 г. познакомившийся с Зубатовым. 24 (11) апреля 1904 г. официально было открыто, с разрешения правительства, организованное Гапоном «Собрание русских фабрично-заводских рабочих города Санкт-Петербурга». Допуская организацию «Собрания», правительство ставило своей целью направить рабочее движение в русло черносотенной политики, оградить рабочих от влияния революционных партий и воспитать — по словам директора департамента полиции Лопухина — «на началах русского национального самосознания», т.-е. в духе черносотенства.

Деятельность «Собрания» выражалась в устройстве семейно-литературных вечеров, организации духовных и светских хоров, концертов, библиотек, читален и т. д. Членам «Собрания» разрешалось раз в неделю собираться для обсуждения своих нужд.

«Собрание» широко развернуло свою деятельность по Петербургу. Уже к декабрю 1904 г. «Собранием» было открыто 11 отделов во всех рабочих районах Петербурга, которые вовлекли в свои организации значительную массу столичных рабочих. На деле «Собрание» не оправдало

надежд правительства. Рамки полицейского устава «Собрания» не могли предотвратить классовых выступлений рабочих. И когда, казалось бы по незначительному поводу (увольнение 4-х рабочих членов «Собрания» на Путиловском заводе), забастовал сначала Путиловский завод, а за ним через несколько дней все остальные крупные заводы и фабрики Петербурга, то основным пунктом требования рабочих был восьмичасовой рабочий день. В процессе забастовки, не без влияния социал-демократов, рабочими были выдвинуты далеко идущие политические требования, включенные затем в петицию. Финал этих событий — кровавое воскресенье 22 (9) января.

Освещение этого вопроса можно найти в следующей литературе: «Красная Летопись» (Журнал Ленинградского Истпарта) 1922 г., № 1; Л. Мартов «Развитие промышленности и рабочее движение с 1893 по 1903 г.»; В. Святловский «Профессиональное движение в России»; Л. Гуревич «Народное движение в Петербурге 9-го января 1905 г.» («Былое» 1906 г., № 1); М. Павлов «Из воспоминаний о Рабочем Союзе и священнике Гапоне» («Минувшие Годы» 1908 г., кн. III и IV). Подробные указания литературы см. «Красная Летопись» 1922 г., № 1. — 76.

[36]) Текст петиции приведен в приложении к настоящему тому (см. «Документы и материалы», № 4, стр. 425). — 77.

[37]) Бежав после 22 (9)-го января за границу, Гапон предпринял ряд шагов к партийному самоопределению. Он являлся к меньшевикам и просил, чтобы редакция «Искры» опубликовала о принадлежности его к с.-д. Заметка на эту тему появилась в «Leipziger Volkszeitung». В № 87 «Искры» от 23 (10) февраля 1905 г. сказано: «В немецких газетах появилось сообщенное нами заявление, что Г. Гапон присоединяется к социал-демократии. Мы сделали это по переданной нам личной просьбе Г. Гапона...» Являлся Гапон и к Ленину. Содержание разговора с Гапоном Вл. Ильич вкратце передает в статье «О боевом соглашении для восстания» (см. настоящий том, стр. 119—121 и примечание 132) и в речи на III съезде (см. настоящий том, стр. 288). Большое влияние на Гапона имел с.-р. Рутенберг, который использовал Гапона для организации Женевской конференции различных партий, состоявшейся 2 апреля (20 марта) 1905 г. (см. примечание 133).

В архиве Института Маркса-Энгельса-Ленина имеется протокол совещания Гапона и Рутенберга с Плехановым, Аксельродом и еще с одним из членов ред. «Искры» (кто именно — не установлено). На этом совещании, состоявшемся 17 (4) февраля 1905 г., Гапон заявил, что он «себя считает социал-демократом, но что в то же время находит, что центром практической деятельности в настоящее время должны служить террор единичный и террор массовый. Если же его взгляд на практическую деятельность расходится со взглядами социал-демократов, то он предпочитает оставаться вне социал-демократической партии».

Вел переговоры Гапон и с Бундом. См. статью, подписанную Z — «К биографии Гапона (из Женевского архива Бунда)» в июльском номере журнала «Минувшие Годы» за 1908 г.

Тотчас после свидания с редакторами «Искры» Гапон послал заявление в Международное Социалистическое Бюро о том, что он считает нецелесообразным связать себя принадлежностью к какой-нибудь партии (см. «Искра» № 94 от 7 апреля (25 марта) 1905 г.).

Возвратившись в Петербург, Гапон вновь завязал связи с департаментом полиции (с Рачковским, Герасимовым, Мануйловым и Лопухиным). Установив этот факт, Рутенберг, 10 апреля (28 марта) 1906 г., привел в исполнение постановление Ц. К. с.-р. об убийстве Гапона. — 84.

[38]) «Письма», о которых говорит Вл. Ильич, — это корреспонденции С. И. Гусева, напечатанные в № 4 «Вперед» непосредственно перед статьей «Поп Гапон» под заголовком «Письма петербургских социал-демократов». — 85.

[39]) Имеется в виду статья «Bericht eines Augezeugen» («Рассказ очевидца»), напечатанная в № 22 «Vorwärts» от 26 (13) января 1905 г. «Vorwärts» был назван в статье «На дворцовой площади» (№ 4 «Вперед»). — 88.

[40]) Сопроводительное письмо к «Краткому очерку раскола в Р. С.-Д. Р. П.», или «введение» к очерку, опубликованное от имени Бернской группы содействия большевикам, написано, как и самый очерк, Вл. Ильичем, за исключением последнего абзаца.

Тов. Степанов, о котором говорится в сопроводительном письме, это — А. М. Эссен (Бур). О попытке правления Германской партии через Бебеля разрешить вопрос о расколе путем третейского суда см. письмо Ленина к Бебелю (страница 99) и примечание 44. — 91.

[41]) Вл. Ильич имеет в виду брошюру «Краткий отчет о собрании членов Р. С.-Д. Р. П. в Женеве 2 сентября 1904 г.» (изд. Партийного Клуба в Женеве). Собрание было созвано под предлогом примирения большевиков и меньшевиков. Большая часть большевиков, во главе с Лениным, на собрание не явилась. Речь Плеханова, произнесенная им на этом собрании, перепечатана в XIII т. Сочинений Г. В. Плеханова. — 95.

[42]) В № 212 бундовских «Последних Известий» от 1 февраля (19 янв.) 1905 г. состав арестованных членов делегации приведен несколько иной, чем тот, который указан ранее в тексте Ленина. Между прочим, в числе членов делегации назван рабочий Кузин. Это вероятно и есть тот друг Гапона, о котором ниже говорит Вл. Ильич. В том же № «Последних Известий» приведен текст того письма Гапона к министру внутренних дел, с которым делегация отправилась к Святополку-Мирскому. О ходе переговоров депутации с министром см. корреспонденцию из Петербурга в «Революционной России» (№ 58 от 2 февраля (20 января) 1905 г.). — 96.

[43]) «*Наши Дни*» — ежедневная газета народничествующих либералов и либеральных народников, издавалась в Петербурге с 31 (18) декабря 1904 г. по 18 (5) февраля 1905 г. взамен приостановленного «Сына Отечества» (см. примечание 154), под той же редакцией. Официальным редактором был Н. П. Невежин. После вторичного закрытия «Сына Отечества» «Наши Дни» снова возобновились 20 (7) декабря 1905 г., но вышло всего два номера, и газета была закрыта за напечатание декабрьского «финансового манифеста» Петербургского Совета Рабочих Депутатов. — 97.

[44]) Вождь швейцарских социал-демократов Герман Грейлих в своем письме от 1-го февраля 1905 года к редакции «Вперед» (см. настоящий том, стр. 91) сообщал, что он обратился в Правление Международного Социалистического Бюро (М. С. Б.) с предложением путем вмешательства западно-европейской социал-демократии содействовать разрешению партийного кризиса Р. С.-Д. Р. П.

3-го февраля 1905 года Бебель, от имени Правления Германской с.-д. партии, предложил «большинству» для улажения «конфликта» третейский суд, сообщив одновременно, что ему Правлением поручено председательствовать на этом суде (см. «Документы и материалы», № 5, стр. 427). О получении письма Бебеля сообщено в № 8 «Вперед» от 28 (15) февраля. Оригинал письма Бебеля на немецком языке хранится в Архиве Института Маркса-Энгельса-Ленина. Одновременно с Лениным такое же предложение со стороны Бебеля, напечатанное в № 86 «Искры» от 16 (3) февраля, получила и редакция «Искры». В том же номере «Искры» меньшевистский Совет партии сообщал о принятии (на заседании Совета 7-го февраля) предложения Бебеля и о выборе Советом в третейские судьи К. Каутского и Клары Цеткин.

7-го февраля Вл. Ильич пишет ответ Бебелю. Подлинника этого ответа в распоряжении Института Маркса-Энгельса-Ленина не имеется, но сохранился черновик немецкого текста письма, воспроизведенный в «Ленинском Сборнике» V, стр. 171 — 5. Кроме двух абзацев, печатаемых нами здесь, в черновике имеется перечеркнутый Лениным большой абзац. Зачеркнутые строки не были включены Лениным в текст окончательного

ответа Бебелю. Об этом свидетельствует как изложение содержания письма самим Лениным (см. сноску на стр. 138 настоящего тома), так и листовка, которую в 1905 году редакция «Искры» адресовала к «Членам партии». В листовке говорилось: «Тов. Бебель, по нашей просьбе, сообщил нам копию ответа, полученного им от тов. Ленина на предложение третейского суда». Дальше приводится немецкий текст и перевод письма, совпадающий с незачеркнутой частью ленинского черновика.

В виду большого исторического значения, которое имеют зачеркнутые строки письма Ленина, обвиняющие лидеров германской социал-демократии не только в попустительстве, но и в прямой поддержке ими оппортунизма в рядах русских меньшевиков, мы приводим здесь перевод зачеркнутого абзаца письма Ленина полностью:

«В заключение позволяю себе также выразить глубокое сожаление по поводу того, что попытка вмешательства германской социал-демократии теперь возможно уже запоздала. Я говорю здесь о вмешательстве вообще, не об особых и особенно трудно осуществимых формах вмешательства, как, например, обязательный третейский суд. Несколько месяцев тому назад, когда, может быть, это было еще не слишком поздно, когда еще существовал след надежды, что III партийный съезд может соединить обе фракции и восстановить *единую* партию, — тогда немецкая с.-д. сделала все для нее возможное, чтобы закрыть этот путь. Каутский пытался ослабить в «Искре» (в № 66. *Ред.*) ценность *формальной* организации. Еженедельник германской с.-д. превозносил дезорганизацию и вероломство (Роза Люксембург в «Neue Zeit») под тем остроумным и «диалектическим» предлогом, что организация — это лишь процесс, только тенденция. (Перевод статьи Р. Люксембург дан в № 69 «Искры». *Ред.*). Раздражение в наших рядах по поводу этого было очень велико. Товарищ Рядовой, очень влиятельный член большинства, стоял на том, что Каутский поместит мой ответ. Я держал с ним пари, что будет противоположное этому. Моя «защита» была написана коротко и по существу и ограничилась тем, что исправляла существенные неверности и противопоставляла насмешкам над нашей партией фактическое изложение. Каутский отверг мою статью с замечательной мотивировкой, будто нападки на нас «Neue Zeit» напечатало не потому, что они направлены против нас, но несмотря на это! Это была просто насмешка! Итак, «Neue Zeit» (и не одно оно) желало познакомить германскую социал-демократию только со взглядами меньшинства. Раздражение по поводу этого в наших рядах было безмерно велико. На мой взгляд было естественно, что германские с.-д. последовали человечески вполне понятному желанию видеть заграничных представителей русской социал-демократии в давно известных личностях, что они насмехались над русским партийным съездом и его решениями, над русскими комитетами и их работой. Но после всего этого меня не удивит, если попытки вмешательства со стороны представителей немецкой социал-демократии натолкнутся на затруднения в наших рядах».

На письмо Бебеля ответило и Бюро комитетов большинства (см. № 11 «Вперед» от 23 (10) марта 1905 г.). В ответе Бюро подчеркнуло, что сущность внутри-партийной борьбы среди русской социал-демократии не носит «личного или, в крайнем случае, группового характера», а является «столкновением политических идей». Вопрос поэтому вправе решить только съезд партии, но не суд.

В № 91 «Искры» было напечатано постановление Совета партии от 10 марта 1905 года, представляющее собой «обращение к членам III партийного съезда, созываемого русским Бюро, с предложением съезду принять посредничество германской партии и Бебеля для восстановления единства партии и с выражением согласия прислать на съезд от Совета двух представителей для переговоров для осуществления идеи третейского разбирательства». («Первый шаг». См. настоящий том, стр. 165.)

На съезде специального доклада о письме Бебеля не было, хотя редакция «Вперед» в № 8 предлагала поставить его в порядок дня съезда. Письмо, впрочем, подверглось обсуждению в прениях, при чем делегаты, касавшиеся этого вопроса, подтвердили точку зрения, изложенную в письме Б. К. Б. (см. Протоколы III съезда, изд. 1905 г., стр. 37, 38, 40, 41, 46).

Как видно из письма Ленина М. С. Б. от 24 (11) июля, впервые опубликованного в 1925 г. (см. Сочинения, том VIII), Бебель еще раз сделал попытку «примирить» большевиков с меньшевиками, опираясь на авторитет М. С. Б. Вл. Ильич в ответе М. С. Б. в основном воспроизвел те обвинения против лидеров германской с.-д. партии, которые имелись в зачеркнутой части письма к Бебелю. — 99.

[45]) Письмо А. А. Богданову и С. И. Гусеву от 11 февраля было написано после получения Вл. Ильичем письма от М. М. Литвинова, на котором Н. Крупская сделала пометку «получено 10/II».

Вот что писал Литвинов: «Пишу вам по поручению Бюро. Декларация (т.-е. «Извещение о съезде». *Ред.*) выработана. Принципиально не разнится от проекта (т.-е. от проекта извещения с семью пунктами, написанного Лениным и посланного всем членам Бюро. См. стр. 21 — 23 настоящего тома. *Ред.*). Был спор о едином центре... Гораздо больше изменений в проекте устава съезда. В п. I проекта включены, как учрежденные съездом организации: Совет, Ц. К., Ц. О. и Лига; во II пункте перечислены с решающим голосом 8 новых комитетов. Пункты III и IV без изменений. Пункт V выброшен. Пункты VI и VII без изменений. Всюду выброшено слово «очередной». Мотивировка — нужно быть по возможности лояльным. Лояльным по отношению к тем, против которых в то же время поднимается знамя восстания (декларация). Так как изменения значительны, то решено запросить вас. Если вы на них согласны, телеграфируйте: благополучно, здоровы...» (см. «Пролетарская Революция» № 4 (39) за 1925 г.).

Упоминаемый в тексте анонс — «Объявление об издании газеты «Вперед»». Это «объявление», написанное А. В. Луначарским и редактированное Вл. Ильичем, было издано отдельным листком в Женеве в декабре 1904 г.

Выступая против плана устроить съезд в Лондоне, Вл. Ильич полемизировал с А. Богдановым, выдвинувшим этот план в письме от 23 января 1905 г. (см. «Пролетарская Революция» № 4 (39) за 1925 г.). — 100.

[46]) Статья «Первые уроки» послужила предварительным наброском статьи «Две тактики» (стр. 108 настоящего тома). Статья не окончена, или утерян конец ее. В «Ленинском Сборнике» V (стр. 73 — 76) приведены план и подробный конспект статьи. — 104.

[47]) Цитируемые Вл. Ильичем слова М. Каткова взяты из его статьи «Судебный салют рабочему вопросу», напечатанной в № 146 «Московских Ведомостей» от 23 мая 1886 г. Статья полностью перепечатана в I томе Сочинений Ленина. См. «Документы и материалы», стр. 503. — 105.

[48]) Вл. Ильич, возможно, имеет в виду корреспонденции из Киева в № 46 «Искры» от 28 (15) августа 1903 г. и в № 47 от 14 (1) сентября того же года. В № 47 помещены две корреспонденции, из них первая, более обстоятельная, дана в отделе: «Хроника рабочего движения» под заголовком «Всеобщая стачка в Киеве».

«Киевское движение», о котором говорится в тексте статьи, — всеобщая стачка в Киеве 4 — 13 (17 — 26) июля 1903 г., объявленная вначале из солидарности с бастовавшими одесскими и бакинскими рабочими. Для борьбы со стачечниками город был объявлен на военном положении, и против рабочих были двинуты войска. — 106.

[49]) Имеется в виду передовая, написанная А. Луначарским, «Твердый курс», в № 5 «Вперед» от 7 февраля (25 янв.) 1905 г. (без подписи). Как статья, так и редакционное послесловие к ней носят несомненные следы правок Ленина. — 106.

[50]) Имеется в виду передовица Л. Мартова в № 62 «Искры» (без подписи): «Так ли мы готовимся?» — 111.

[51]) Настоящая прокламация приведена под № 19 в сборнике Истпарта: «1905 год в Петербурге. Выпуск 1. Социал-демократические листовки», ГИЗ, 1925. Редакция сборника установила, что составили и печатали прокламацию василеостровские рабочие; основанием для такого утверждения является корреспонденция в № 85 «Искры», автор которой, участник движения, пишет: «В воскресенье рабочие Васильевского Острова овладели легальной типографией и отпечатали на ней листки с возгласом: «К оружию, товарищи!»» Совершенно несомненно, что речь идет о прокламации, приведенной Вл. Ильичем, хотя эта листовка была отпечатана не в воскресенье, как указано в корреспонденции, а в понедельник, как это видно из начальных слов прокламации: «...Вчера мы видели зверства...» (т.-е. писалась она на следующий день после событий 22 (9) января). Скорее всего мы имеем дело с опиской в дате у корреспондента «Искры», или же набиралась она в воскресенье, но с расчетом, что распространить ее удастся только в понедельник. — 113.

[52]) Цитируемые слова взяты из статьи Ф. Дана «Начало революции» в № 84 «Искры» от 31 (18) января 1905 г. — 113.

[53]) Цитаты из «Революционной России», приводимые Вл. Ильичем, взяты из статьи «К оружию» из № 58 «Р. Р.» от 2 февраля (20 января) 1905 г. Статья без подписи. — 115.

[54]) Имеется в виду статья Б. Кричевского «Исторический поворот» в № 6 «Листка «Рабочего Дела»», датированная апрелем 1901 г. — 117.

[55]) В № 21 «Искры» от 14 (1) июня 1902 г., в отделе «Из общественной жизни», напечатана заметка по поводу применения розог Виленским губернатором фон-Валем к арестованным демонстрантам. В заметке, между прочим, говорится: «Вполне достойным и при данных условиях неизбежным ответом явилось произведенное 5-го мая покушение на жизнь фон-Валя. Радостное чувство сознания, что беспримерное правительственное преступление не осталось безнаказанным, омрачается у нас только сожалением, что покушение не вполне удачно». Эта заметка, написанная Л. Мартовым и В. Засулич, явилась отражением их колебания в сторону террора, против чего резко выступили Ленин и Плеханов. — 117.

[56]) Имеется в виду листок № 16 за подписью редакции «Искры» под заголовком «Рабочему народу». Листок начинается словами: «Убит министр внутренних дел Плеве. Убит сыщик и палач, в отвратительной фигуре которого воплощались все гнусности, все насилия царского правительства! Сошел в могилу человек, забрызганный кровью сотен рабочих...» — 117.

[57]) Цитата взята из статьи Плеханова «Белый террор», «Искра» № 48, от 28 (15) сентября 1903 г. См. Сочинения Г. В. Плеханова, т. XII, стр. 449 — 450. — 117.

[58]) «*Aus der Weltpolitik*» (*«Из области мировой политики»*) — еженедельный листок Парвуса, стоявшего тогда на крайнем левом крыле германской с.-д., начал выходить в 1898 г.

Статья Парвуса напечатана в № 48 «A. d. W.» от 30 ноября 1903 г. — 122.

[59]) Вл. Ильич имеет в виду статью Парвуса «Итоги и перспективы» в № 85 «Искры» от 9 февраля (27 янв.) 1905 г. — 122.

[60]) Цитата из статьи Л. Мартова «Девятое января» в № 85 «Искры» от 9 февраля (27 янв.) 1905 г. Статья без подписи. — 125.

[61]) Имеются в виду помещенные в № 7 «Вперед» от 21 (8) февраля 1905 г., в отделе «Из партии» (заметка «Дезорганизация местных комитетов»), резолюции минской группы партии и одесских организаторов. — 128.

[62]) Проекты четырех резолюций, печатаемых нами здесь, входят в цикл документов, опубликованных в «Ленинском Сборнике» V (стр. 192 — 204) под общим заголовком «Общий план работ и решений съезда». Эти документы по содержанию несколько отличаются от проектов резолюций, вне-

сенных на съезд. В частности, в зачитанной Максимовым резолюции об отколовшейся части партии, как резолюции Ленина и Максимова и принятой съездом, сказано: «участие в партийных организациях лиц, примыкающих в той или иной мере к подобным (новоискровским. *Ред.*) взглядам, допустимо при том необходимом условии, чтобы они, признавая партийные съезды и партийный устав, всецело подчинялись партийной дисциплине». (См. «Документы и материалы», № 7, стр. 435). В проекте же Ленина (см. стр. 131 настоящего тома) говорится: «Ни в одну из организаций нашей партии не могут быть принимаемы сторонники меньшинства или новоискровцы». Таким образом, в то время, как для очень многих видных практиков-комитетчиков вопрос шел о большевизме, лишь как о левом крыле «единой» Р. С.-Д. Р. П., Ленин уже намечал в качестве практической задачи — создание самостоятельной большевистской партии. — 130.

[63]) Бюро комитетов большинства в своем «Извещении о созыве третьего партийного съезда», написанном А. Богдановым (см. «Документы и материалы», № 6, стр. 427), писало: «Мы полагаем, что центр должен *быть один* и при том *русский*». Для значительного числа практиков-комитетчиков в этой формуле заключалась отповедь новой «Искре», которая под прикрытием меньшевистского Совета партии превратилась из Ц. О. в орудие фракционной борьбы меньшевиков против Ц. К. Это настроение практиков-комитетчиков против заграничников-склочников из «Искры» и «Совета» некоторые члены Бюро комитетов большинства и, главным образом, Богданов пытались использовать для освобождения своей работы от контроля и руководства большевистского заграничного идейно-политического центра, каким в этот период был редактировавшийся Лениным «Вперед» (в Женеве). — 134.

[64]) Заголовок заметки «О созыве III партийного съезда» принадлежит редакции Сочинений. Во «Впереде» заметка была помещена в качестве редакционной вслед за «Извещением о созыве III партийного съезда», подписанным «Бюро комитетов большинства». Извещение Б. К. Б. мы даем в «Документах и материалах», № 6, стр. 427. В основу этого «Извещения» был положен написанный Вл. Ильичем проект «Извещения об образовании О. К.» (см. стр. 21 — 23 настоящего тома и примечание 9). В период составления проекта в начале декабря 1904 г. и Вл. Ильич и товарищи, переписывавшиеся с ним из России, говоря об О. К., имели в виду Б. К. Б. Как видно из письма Ленина М. Литвинову (см. стр. 24), Вл. Ильичу название Б. К. Б. казалось более удачным, чем О. К. Официально «Организационный Комитет» выступил под этим названием лишь после того, как почти вся фактическая работа по подготовке съезда была закончена — после заключения договора с Ц. К. 25 (12) марта. См. об этом примечание 113. — 137.

[65]) В № 8 «Вперед» от 28 (15) февраля 1905 г., в отделе «Из партии» приведено следующее сообщение, составленное М. С. Ольминским: «Мы только что получили сообщение, которое можно понять в смысле согласия Ц. К. на немедленный съезд. Ни в каком случае не ручаясь пока за достоверность этого известия, мы, однако, считаем его правдоподобным. Ц. К. многие месяцы боролся против съезда, раскассировывая организации, бойкотируя и дезорганизуя комитеты, высказавшиеся за съезд. Такая тактика потерпела крушение. Теперь, руководствуясь своим правилом «целесообразность все, формальность ничто» (слова Плеханова из его статьи «Теперь молчание невозможно», в № 66 «Искры». *Ред.*) — Ц. К. ради «целесообразности» (*т.-е. ради недопущения* съезда) готов хоть сотню раз заявлять формально, что он стоит за немедленный созыв съезда». К тексту М. С. Ольминского Вл. Ильич сделал следующее добавление: «Надеемся, что ни Бюро, ни местные комитеты не дадут обморочить себя фокусами партийной «комиссии Шидловского»». — 140.

[66]) Статья «Новые задачи и новые силы» печатается нами по тексту «Вперeда». Сличение статьи с рукописью («Ленинский Сборник» V,

стр. 95 — 115) показывает, что несколько мест рукописи редакцией «Вперед» было опущено. Вероятнее всего эти выпуски были сделаны потому, что статья имеет значительные размеры, разбить же ее на 2 фельетона было неудобно по самому характеру темы. В «Ленинском Сборнике» V воспроизведен первоначальный текст рукописи и, кроме того, 6 других документов, показывающих последовательные ступени разработки Вл. Ильичем темы: «Новые задачи и новые силы». — **142.**

[67]) Цитаты взяты из статьи П. Струве «Насущная задача времени» в «Освобождении» № 63 от 20 (7) января 1905 г. — **145.**

[68]) При цитировании «Воспоминаний» известной жирондистки, г. Ролан, написанных ею в тюрьме в 1793 г. (Ролан была гильотинирована по постановлению революционного трибунала), Вл. Ильич мог пользоваться или французским изданием «Mémoires de Madame Roland». Paris, 1858 или 1864, или немецким «Memoiren der Frau Roland», Erster Theil. Belle Vue, bei Constanz, 1844.

В немецком издании 1844 г. на стр. 335 сказано: «Frankreich war gleichsam erschöpft an Männern; es ist wirklich eine auffallende Thatsache, wie sehr es in dieser Revolution daran fehlte; nur Pygmäen waren zu sehen». В французском издании на стр. 352 читаем: «La France était comme épuisée d'hommes, c'est une chose vraiment surprenante que leur disette dans cette révolution. Il n'y a guère eu que des pygmées». («Во Франции тоже был исчерпан запас людей. На самом деле, поразительно, насколько во время этой революции чувствовался недостаток в людях; всюду — только пигмеи». *Ред.*). — **150.**

[69]) В № 84 (а не 86, как ошибочно сказано в тексте «Вперёда») «Искры» от 31 (18) января 1905 г. дана следующая рецензия на брошюру А. Мартынова «Две диктатуры»: «Автор затрагивает в ней существенные вопросы нашей тактики и на анализе развития великой французской революции выясняет невозможность для русской социал-демократии играть в предстоящем перевороте роль якобинской партии. Рекомендуем брошюру каждому, интересующемуся вопросом о задачах партии в революционный момент». Эта рецензия «Искры» упоминается еще на стр. 184 настоящего тома. — **151.**

[70]) В рецензии № 66 «Освобождения» от 25 (12) февраля 1905 г. на брошюру А. Мартынова «Две диктатуры» после слов «рядом с работой г. Акимова» в скобках указано, что имеется в виду брошюра В. Акимова «К вопросу о работах второго съезда Росс. соц.-дем. рабочей партии. Женева. 1904». — **151.**

[71]) Статья «Знаменательный поворот» за подписью «Независимый» напечатана в № 13 (37) «Освобождения» от 15 (2) декабря 1903 г. — **151.**

[72]) Имеется в виду «Библиографический листок» с подзаголовком «Литература социал-демократического раскола» в № 57 «Освобождения» от 15 (2) октября 1904 г. — **151.**

[73]) В № 2 «Искры» от 28 (15) февраля 1901 г. в статье «На пороге двадцатого века» Г. В. Плеханов писал: «Уже и теперь в великом социалистическом движении обнаруживается два различных направления, и, может быть, революционная борьба XX века приведет к тому, что можно будет mutatis mutandis назвать разрывом социал-демократической «*Горы*» с социал-демократической «Жирондой»» (см. Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XII, стр. 65). — **152.**

[74]) «Докладная записка директора департамента полиции Лопухина, рассмотренная в Комитете Министров . . . . января 1905 г., с предисловием Ленина» была издана брошюрой в Женеве издательством «Вперед» в конце февраля или в начале марта 1905 г. Написана записка, как видно из даты, имеющейся в конце ее, — 28 декабря 1904 г. по старому стилю. — **153.**

[75]) Статья Каутского «Die Bauern und die Revolution in Russland» («Крестьяне и революция в России») напечатана в «Neue Zeit» № 21

(23 Jahrgang, 1 Band) 15 Febr. 1905. S. 670 — 677. Русский перевод статьи был дан в качестве приложения к журналу «Знание — сила, сила — знание» в изд. М. Малых. — **159.**

[76]) Имеются в виду следующие брошюры Рязанова и Маслова: а) Н. Рязанов. «Материалы для выработки партийной программы. Выпуск II. Проект программы «Искры» и задачи русских социал-демократов». Издание группы «Борьба». Женева, 1903 г., стр. 268 — 298, а также Н. Рязанов. «К критике программы Российской соц.-дем.». Изд. 2. Книгоиздательство «Мысль», СПБ. 1906 г., стр. 234 — 268.

б) брошюра Икс (П. Маслов) «Об аграрной программе». Женева, 1903 г. К брошюре Икса был приложен ответ Ленина на нее (см. V том Сочинений, стр. 325). Вл. Ильич мог также иметь здесь в виду еще статью Маслова за подписью Игрек «Об аграрной программе социалистов-революционеров» в № 77 «Искры» от 18 (5) ноября 1904 г. Некоторое основание к такому допущению дает пометка «X + Y?», сделанная в плане статьи «Пролетариат и крестьянство» («Ленинский Сборник» V, стр. 116). — **160.**

[77]) Настоящая заметка представляет собою написанное Вл. Ильчем редакционное предисловие к переводу статьи Клюзере (из его «Мемуаров»). Перевод напечатан в № 11 «Вперeда», непосредственно за предисловием («От редакции»). Перу Вл. Ильича принадлежит как самое заглавие статьи, так и многочисленные правки в статье. — **163.**

[78]) *«La Commune» («Коммуна»)* — ежедневная политическая газета, выходившая в Париже с 20 марта по 14 мая 1871 г. Редактор-издатель — Феликс Пиа.

«La Marseillaise» («Марсельеза») выходила в Париже с 16 декабря 1869 по 25 июля 1870, и один номер вышел 9 сентября 1870 г. Редактор — Анри Рошфор. — **164.**

[79]) В тексте «Вперeда» был ошибочно указан № 84 «Искры». Вл. Ильич имеет в виду заявление, напечатанное в отделе «Из партии» в № 83 «Искры» от 20 (7) января 1905 г. В заявлении сказано: «На конференции Ц. К. с представителями меньшинства последние, по выяснении практической политики Ц. К., заявили, что, в виду резолюции Ц. К., напечатанной в № 72 «Искры», они считают возможным теперь полное прекращение организационной обособленности меньшинства. Решение уполномоченных было предложено на обсуждение всех сторонников меньшинства, работающих в Киевском, Харьковском, Донском, Кубанском, Петербургском, Одесском Комитетах, Донецком и Крымском союзах и других партийных организациях». — **168.**

[80]) Заметка «К истории партийной программы» была напечатана в качестве подстрочного примечания Вл. Ильича к статье В. Воровского «Плоды демагогии» в № 11 «Вперед» от 23 (10) марта 1905 г. (Перепечатана в «Документах и материалах» IV тома Сочинений, стр. 544 — 549). Заголовок заметки принадлежит редакции Сочинений. Поводом к полемике послужили фельетоны Плеханова «Рабочий класс и социал-демократическая интеллигенция» в №№ 70 и 71 «Искры» от 7 авг. (25 июля) и от 14 (1) авг. 1904 г. (Г. В. Плеханов. Сочинения, том XIII, стр. 116 — 140). Все ссылки в этой заметке на Плеханова относятся к фельетону его в № 71 «Искры». Вскользь этого же вопроса о старых спорах Вл. Ильич касается в документе «Плеханов и Новая Искра» («Ленинский Сборник» V, стр. 363). Об истории разногласий внутри редакции старой «Искры» в связи с выработкой партийной программы см. IV том Сочинений, II, III и IV «Ленинские Сборники». — **169.**

[81]) Статья Маркса против Г. Криге под заглавием: «Народный трибун, издаваемый Германом Криге в Нью-Иорке» (Der Volkstribun, redigiert von Hermann Kriege, New-York), была напечатана в 1846 г. (а не в 1848 г.). Вл. Ильич специально оговорил эту свою ошибку в статье «Маркс

об американском «черном переделе»» (см. настоящий том, стр. 219). Точно дата названа также им в сноске к статье «Аграрная программа либералов» (см. настоящий том, стр. 215). Статья Маркса была напечатана в ежемесячнике «Вестфальский Пароход» («Westfälisches Dampfboot»), выходившем сначала в Билефельде, позднее в Падерборне под редакцией Отто Люнинга. Статья против Криге — собственно циркулярное письмо — была написана Марксом при участии Энгельса, перепечатана Мерингом во втором томе его издания «Из литературного наследия Карла Маркса и Фридриха Энгельса» (Aus dem literarischen Nachlasse von Karl Marx und Friedrich Engels. 1841 bis 1858. Herausgegeben von Franz Mehring. Zweiter Band von Juli 1844 bis November 1847. 4-te Aufl. S. 414 — 428). (Русское издание: «Из литературного наследия К. Маркса, Фр. Энгельса и Ф. Лассаля». Издано Фр. Мерингом. Т. II. 1908. Стр. 467 — 486). — 173.

[82]) В 1885 году о Генри Джордже Энгельс писал в предисловии к английскому переводу книги последнего «Положение рабочего класса в Англии», сделанному Флоренс Келли-Вишневецкой и вышедшему в Нью-Йорке. — 174.

[83]) Имеется в виду хроника В. Мещерского с заголовком «Дневники». Понедельник 3 января в «Гражданине» № 1 — 2 от 19 (6) января 1905 г. — 176.

[84]) По поводу критики Вл. Ильичем в статье «Падение Порт-Артура» («Вперед» № 2 от 14 (1) января 1905 г.) меньшевистского лозунга: «Мир во что бы то ни стало» (см. примечание 21) Мартов в передовице № 83 «Искры» от 20 (7) января 1905 г. «На верном пути» писал: «По вопросу об агитации против войны им (большевикам. *Ред.*) не удалось убедить, мы уверены, ни одного русского пролетария в том, что требование «мира во что бы то ни стало» недостаточно революционно». — 177.

[85]) В тексте «Вперед*а*» ошибочно указан № 92 «Искры». Цитированные Вл. Ильичем слова взяты им из статьи Ф. Дана «Что же теперь?» (без подписи) в № 90 «Искры» от 16 (3) марта 1905 г. — 177.

[86]) Переписка Коковцева с газетой «Таймс» изложена в еженедельнике «Таймса» — «The Times weekly edition» No. I, 473 (No. 12, Vol. XXIX), London, Friday, March 24, 1905, p. 181 (Еженедельник «Таймса» № 1-й, 473 (№ 12, том XXIX), Лондон, пятница 24-го марта 1905 г., стр. 181-ая) в статье «Russia's gold reserve. Telegram from the russian minister of finance» («Русский золотой запас. Телеграмма русского министра финансов»). — 177.

[87]) Полный титул журнала таков: ««The Economist», Weekly Commercial Times, Banker's Gazette and Railway Monitor; a political, lyterary and general Newspaper» («Экономист», еженедельный коммерческий бюллетень, банковская газета и железнодорожный вестник; политическое, литературное и общее обозрение). Издается с 1843 года.

Цитируемые Вл. Ильичем слова взяты из первого абзаца статьи: «Russia's financial troubles» № 32/2 March 18 (Vol. LXIII, p. 438 — 9) (Финансовый кризис в России. Том 63, стр. 438 — 9). Далее, Вл. Ильич излагает своими словами место из последнего абзаца той же статьи. — 179.

[88]) Цитата взята из статьи П. Струве «Демократическая партия и ее программа» в № 67 «Освобождения» от 18 (5) марта 1905 г. — 180.

[89]) Имеется в виду доклад В. Д. Кузьмина-Караваева на тему «Основы всенародного избрания представителей в России», сделанный им в харьковском отделении юридического общества 20 (7) марта 1905 г. Доклад полностью напечатан в № 59 «Руси» от 21 (8) марта 1905 г. — 180.

[90]) Еще до начала революции, т.-е. до 22 (9) января, меньшевики начали обнаруживать боязнь такого размаха революции, который поставит социал-демократию во главе народных масс и побудит ее принять участие в революционном правительстве. В специальной рецензии (см. примечание 69) меньшевистская «Искра» (№ 84, от 31 (18) января 1905 г.) рекомендовала брошюру Мартынова «Две диктатуры» «каждому интересую-

щемуся вопросом о задачах партии в революционный момент». Начало революции не освободило меньшевиков от страха перед «якобинизмом», и Вл. Ильич в ряде статей вскрывает элементы жирондистской тактики меньшевиков, ставя в связь развиваемые в ходе революции взгляды новой «Искры» на задачи пролетариата с «историческими» предрассудками «Двух диктатур». «Плебейская» или соглашательская тактика, якобинцы или жирондисты, 1789 или 1848 год — это варианты одной и той же темы, не выходившей из поля зрения Вл. Ильича вплоть до октябрьской победы в 1917 г. Первая систематическая разработка этой темы дана в фельетоне «Социал-демократия и временное революционное правительство» («Вперед» №№ 13 и 14). Сопоставление наброска «Революция типа 1789 или 1848 г.» с указанной статьей позволяет думать, что набросок является одной из стадий работы над статьей. Помимо сходства общей трактовки темы бросается в глаза близость отдельных выражений в обоих документах. Так, в наброске говорится: «...Мартыновская постановка вопроса сбивается целиком на хвостистское желание революции поскромнее... Мартынов именно и хочет оставаться даже по отношению к революции в оппозиции». В статье (см. настоящий том, стр. 187) сказано: «Мартынов делает вывод, что мы должны учинять хвостистскую оппозицию *настоящей* революции».

В настоящем томе тема «89 или 48 г.г.» трактуется еще в статье «Третий съезд» (стр. 304—305). Ср. также план этой статьи в «Ленинском Сборнике» V, стр. 298. — 181.

[91]) Вл. Ильич имеет в виду брошюру К. Каутского «Die sociale Revolution», в 1903 г. изданную «Лигой революционной социал-демократии» в переводе Н. Карпова под редакцией Ленина. На стр. 87-ой (русского перевода) Каутский пишет: «... если бы даже революция была не средством, ведущим к определенной цели, а конечной целью, достижение которой желательно ценой каких угодно, хотя бы и самых кровавых, жертв, — то и тогда нельзя было бы желать войны, как средства вызвать революцию. Дело в том, что война является самым нерациональным средством для достижения этой цели. Она приносит с собою такие страшные опустошения, предъявляет такие огромные требования к государству, что вытекающая из войны революция сильнейшим образом обременяется такими задачами, которые ей несвойственны и которые поглощают на время почти все ее средства и силы. Кроме того, революция, являющаяся результатом войны, служит признаком слабости революционного класса, а нередко и причиною дальнейшего обессиления его...». — 182.

[92]) Говоря о том, что Маркс в 1871 году предвидел неизбежный крах восстания в Париже, Вл. Ильич мог иметь в виду следующие замечания Маркса: 1) Из письма Маркса Кугельману 12 апреля 1871 г.: «Как бы там ни было, нынешнее парижское восстание, если оно даже будет подавлено волками, свиньями и подлыми псами старого общества, — является славнейшим подвигом нашей партии со времени июньского восстания. Пусть сравнят с этими парижанами, готовыми штурмовать небо, холопов немецко-прусской священной римской империи с ее посмертными маскарадами, отдающими запахом казармы, церкви, юнкерства, а главное — филистерства». 2) Из письма к Кугельману 17 апреля 1871 г. «Борьба рабочего класса с классом капиталистов и их государством вступила, благодаря парижской борьбе, в новую фазу. Как бы дело непосредственно на этот раз ни кончилось, новый исходный пункт, имеющий всемирно-историческое значение, все-таки завоеван» (письма даны в приложении к брошюре К. Маркса «Гражданская война», изд. Института К. Маркса и Ф. Энгельса, под редакцией Д. Рязанова, 1926 г., стр. 125 и 126).

Как известно, Маркс еще в 1870 году предвидел «опасности» парижского восстания; так 8 августа 1870 г. он писал Энгельсу: «Если в Париже разразится революция, то возникнет вопрос, будут ли у нее средства и вожди для того, чтобы оказать Пруссии серьезное сопротивление?

Нечего скрывать правды — двадцатилетний бонапартистский фарс оказал страшно развращающее влияние. Едва ли можно рассчитывать на революционный героизм» (К. Маркс и Фр. Энгельс. Письма. Изд. «Московского Рабочего», 1923 г., стр. 242).

Во втором адресе Генерального Совета по поводу франко-прусской войны, писанном Марксом и им датированном 9 сентября 1870 г., сказано: «... Всякая попытка ниспровергнуть новое правительство, тогда как неприятель уже почти стучится в ворота Парижа, была бы безумием отчаяния. Французские рабочие должны исполнить свой долг граждан, но они не должны позволить увлечь себя национальными традициями 1792 г., как французские крестьяне дали обмануть себя национальными преданиями первой империи. Им нужно не повторять прошлое, а построить будущее. Пусть они спокойно и решительно пользуются всеми средствами, которые дает им республиканская свобода, чтобы основательнее укрепить организацию своего класса» (К. Маркс. «Гражданская война». Изд. Института К. Маркса и Ф. Энгельса, под редакцией Д. Рязанова. 1926 г., стр. 36 — 37). — 182.

[93]) Статья: «Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» служит как бы продолжением и развитием темы, разработанной в двух фельетонах, напечатанных в №№ 13 и 14 «Вперeда» под заголовком «Социал-демократия» и временное революционное правительство».

Связь всех трех статей подтверждается наличием двух планов статьи «Социал-демократия и временное революционное правительство» и тезисов к статье «Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» («Ленинский Сборник» V, стр. 119 — 124). Тезисам Вл. Ильич дал заголовок: «Еще о временном правительстве». — 183.

[94]) Цитата взята из брошюры Фр. Энгельса «Der deutsche Bauernkrieg». Dritter Abdruck, Leipzig, 1875, S. 120 («Крестьянская война в Германии». Третье издание, Лейпциг, 1875, стр. 120). В издании Института К. Маркса и Ф. Энгельса «Библиотека марксиста» под редакцией Д. Рязанова, ГИЗ. 1926 г., стр. 111 — 112. — 185.

[95]) № 93 «Искры» со статьей Л. Мартова «На очереди (Рабочая партия и захват власти, как наша ближайшая задача)» вышел 30 (17) марта 1905 г. Статью Мартова Вл. Ильич цитировал в статье: «Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» (см. настоящий том, стр. 196 — 202), затем — в докладе на III съезде Р. С.-Д. Р. П (см. настоящий том, стр. 269) и в статье «О временном революционном правительстве» (стр. 323). — 190.

[96]) Взятые в кавычки слова «Сизифову работу» служат намеком на женевскую карикатуру П. Лепешинского с надписью «Сизифова работа. Современный Сизиф». Карикатура изображает меньшевистское болото и его болотных обитателей, при чем Плеханов, прикрывающий свою наготу только небольшим фиговым листом с надписью «диалектика», совершает бесцельный труд вытаскивания за уши Мартова. Карикатура воспроизведена в сборнике Истпарта «Как рождалась партия большевиков», изд. «Прибой», 1925 г. — 192.

[97]) Вл. Ильич имеет в виду предисловие Парвуса к брошюре Троцкого «До девятого января». Брошюра вышла в Женеве в начале февраля 1905 г. Первые 52 страницы написаны Троцким еще до 22 (9) января, последний очерк «После петербургского восстания. Что же дальше?» — 2 февраля (20 января). Свое предисловие Парвус снабдил датой: «Мюнхен, 31 (18) января 1905 г.». — 192.

[98]) Слова «вульгарный жоресизм» взяты из статьи Л. Мартова «На очереди» («Искра» № 93, 30 (17) марта 1905 г.), в которой Мартов писал: «Задача «завоевания власти» мыслима только в двух формах: или пролетариат овладевает государством, как класс («рабочее правительство»). Но тогда он это делает в результате борьбы со всем буржуазным обществом

в целом и проводит свою суверенную волю *против* этого общества в непосредственных целях своей эмансипации. Но тогда он уже фактически подошел к пределам «буржуазной революции». В этом случае весь наш — русских социал-демократов — анализ исторического положения русского пролетариата и его задач был не верен, и нам надо, не откладывая дела, радикально пересмотреть нашу программу. Или же речь идет об участии — для блага революции, конечно — социал-демократии в революционно-демократическом правительстве, и тогда нам не мешает теперь же вступить в политический «блок» с представителями той социальной силы, с которой вместе мы будем осуществлять «диктатуру». В этом случае нам надо сейчас же пересмотреть принципы нашей тактики... Или — или! Или самый вульгарный жоресизм, или же отрицание буржуазного характера данной революции». — 197.

[99]) Международный социалистический конгресс в Амстердаме — 6-й конгресс II Интернационала — происходил с 14 по 20 августа 1904 г., в разгар русско-японской войны. В президиум конгресса были избраны представители социалистических партий обеих воюющих стран — Г. В. Плеханов и Сен-Катаяма. Рассмотрению конгресса подлежало 6 вопросов: 1) международные правила социал-демократической политики; 2) колониальная политика; 3) эмиграция и иммиграция; 4) всеобщая стачка; 5) социальная политика и страхование рабочих и 6) тресты и безработица. Третий вопрос был отложен до следующего конгресса.

Приводим полностью резолюцию, о которой говорит Вл. Ильич, принятую конгрессом по первому пункту (эта резолюция почти целиком воспроизводит резолюцию, принятую в 1903 г. Дрезденским съездом германской социал-демократической партии):

«Конгресс осуждает самым решительным образом ревизионистские стремления изменить нашу испытанную и увенчанную успехом тактику в таком направлении, чтобы на место завоевания политической власти путем победы над нашими противниками поставить политику уступок существующему порядку.

Последствием такой ревизионистской тактики было бы превращение партии, ставящей себе целью возможно быстрое преобразование существующего буржуазного общества в общество социалистическое, — а потому революционной в лучшем смысле этого слова, — в партию, довольствующуюся реформированием буржуазного общества.

Поэтому конгресс, в противоположность существующим ревизионистским течениям, убежденный, что классовые противоречия не ослабляются, а постоянно возрастают, заявляет:

1. Что партия отклоняет от себя ответственность за основанные на капиталистическом способе производства политические и экономические порядки и потому отказывается ассигновывать какие бы то ни было денежные средства, нужные для поддержания правящих классов у власти;

2. Что социал-демократия, согласно резолюции Каутского на международном социалистическом конгрессе 1900 г. в Париже, не может стремиться к участию в правительственной власти в рамках буржуазного общества.

Далее, конгресс осуждает всякое стремление затушевывать существующие классовые противоречия, чтобы облегчить сотрудничество с буржуазными партиями.

Конгресс ожидает, что социал-демократические парламентские фракции будут продолжать пользоваться той возрастающею силой, которая создается увеличением числа их членов и огромным приростом стоящей за ними массы избирателей, для выяснения целей социал-демократии и для того, чтобы соответственно принципам нашей программы, со всею энергией и настойчивостью охранять интересы рабочего класса, добиваться расширения и упрочения политической свободы и равноправия,

вести еще более энергичную, чем до сих пор, борьбу против милитаризма и маринизма, против колониальной и империалистской политики, против произвола, угнетения и эксплуатации во всех видах, энергично содействовать развитию социального законодательства и выполнению исторических и культурных задач рабочего класса».

Резолюция приведена нами по переводу Г. Плеханова, данному им в № 75 «Искры» 18/5 октября 1904 г., в статье «В Амстердаме». — 198.

[100]) «*Парламентский кретинизм*» — выражение, которое неоднократно встречается у Вл. Ильича, употреблено Энгельсом в его работе «Революция и контр-революция в Германии» (Собр. Соч., т. III, стр. 314, ГИЗ. 1921) и Марксом в его «18 брюмера» (Издание Института К. Маркса и Ф. Энгельса, 1926 г., стр. 70). — 200.

[101]) Письмо Jules Gouin. «Französisch-russische Schmiergelder» («Францюзско-русские обычаи подмазывать») напечатано в № 78 «Vorwärts» от 1 апреля 1905 г. — 203.

[102]) Оговорка в сноске статьи позволяет точнее датировать статью: статья написана до выхода в свет предыдущего (14) номера «Вперед» [вышел 12 апреля (30 марта) 1905 г.]. — 205.

[103]) Цитируемая Вл. Ильичем статья из № 92 «Искры» от 23 (10) марта 1905 г. принадлежит Ф. Дану. — 205.

[104]) В отдельном приложении к № 86 «Искры» от 16 (3) февраля 1905 г. в статье «Новоявленные вожди российской социал-демократии» за подписью «Тот же рабочий» говорится: «Да, уважаемый автор, я принимаю ваш вызов и смело и решительно утверждаю, что нигде, *ни в каком социал-демократическом произведении не принижалось* до такой степени великое историческое значение пролетариата и его способность к сознательной социалистической борьбе, как в произведениях Ленина. *И нигде, ни в какой социал-демократической партии,* — в частности, в нашей, — пролетариат не был включен в такие рамки бездеятельности, т.-е. самодеятельность *нигде и никогда* не была так сведена к нулю, как в период «старой Искры», ярыми защитниками которой вы являетесь!» — 207.

[105]) В сборнике статей Галерки и Рядового (псевдонимы М. С. Ольминского и А. А. Богданова) «Наши недоразумения» (см. примечание 25) Рядовой целую главу под заголовком «Один из выводов» посвятил вопросу об устранении дуализма (Ц. К. и Ц. О.) в руководстве партией. — 207.

[106]) Вл. Ильич имеет в виду брошюру Орловского (псевдоним В. Воровского) «Совет против партии». Женева, 1904 г. — 208.

[107]) Имеются в виду следующие статьи из № 10 «Рабочего Дела» (сентябрь 1901 г.): 1) Б. Кричевский — «Принципы, тактика и борьба» и 2) А. Мартынов — «Обличительная литература и пролетарская борьба». — 210.

[108]) Листок о восстании, изданный Бюро Комитетов Большинства, был полностью перепечатан в № 9 «Вперед» от 8 марта (23 февраля) 1905 г. под заголовком «Насущные вопросы». — 211.

[109]) Имеется в виду передовая статья (без подписи) в «Московских Ведомостях» № 61 от 16 (3) марта 1905 г. — «Организация монархической партии». — 212.

[110]) Здесь цитируется статья из № 1 «Экономической Газеты» от 2 февраля (20 марта) 1905 г. «От издателя» — передовая, без подписи. — 213.

[111]) В примечании 81 приведены библиографические данные, касающиеся статьи Маркса против Криге. Подробные выписки из этой статьи с заметками Вл. Ильича даны в «Ленинском Сборнике» V, на стр. 125 — 7. — 219.

[112]) Вл. Ильич имеет в виду главным образом напечатанное в № 8 «Революционной России» от 8 июля (25 июня) 1902 г. обращение «От крестьянского союза партии социалистов-революционеров ко всем работникам революционного социализма». Указанных в примечании Вл. Ильича

вопросов «Р. Р.» касается кроме того в серии статей под общим заглавием «Программные вопросы» (№№ 11, 12, 15) и в ряде других статей (см., напр., №№ 31, 32, 34, 53, приложение к № 53 и т. д.). — 220.

[113]) Под влиянием событий 9 января и разрастающейся революции большая часть меньшевистских комитетов начала переходить на позиции большинства как в вопросах тактики, так и в вопросе о созыве III съезда. Ц. К. не мог не видеть этой перемены в настроении меньшевистских организаций, левевших под давлением рабочих низов. К тому же и наличный состав Ц. К. в данный период делал для него более приемлемой идею созыва съезда, чем это было во второй половине 1904 года.

22 (9) февраля в Москве, в квартире литератора Л. Н. Андреева было арестовано 9 членов Ц. К.: Л. Е. Гальперин, А. А. Квятковский, В. А. Носков, Л. Я. Карпов, М. А. Сильвин, И. Ф. Дубровинский, Е. М. Александрова, В. Н. Крохмаль и В. Н. Розанов (Дело № 91 за 1905 г. бывшего московского охранного отделения), из них последние трое — меньшевики, кооптированные в конце ноября 1904 г. Случайно не попали на заседание Ц. К. два члена его — Л. Б. Красин и А. И. Любимов и таким образом спаслись от провала. Этот провал почти всего состава «примиренческо»-меньшевистского Ц. К. внес большое замешательство в ряды практиков меньшевиков и побудил оставшихся на воле членов Ц. К. пойти навстречу идее съезда и вступить в переговоры с Б. К. Б. о совместной организации съезда хотя бы и против воли Совета Партии. Уже 17 (4) марта Ц. К. выпускает воззвание «К партии» с призывом к самой энергичной подготовке *немедленного съезда*. Это воззвание было опубликовано в № 13 «Вперед» от 5 апреля (23 марта) 1905 г. В том же номере помещено аналогичное письмо от 19 (6) марта уже совместно от имени Б. К. Б. и Ц. К.; там же напечатано обращение «К партии», в котором излагаются основы соглашения 25 (12) марта между Б. К. Б. и Ц. К. и сообщается, что «дальнейшая работа по созыву съезда выполняется совместно Б. К. Б. и Ц. К., которые образуют Организационный Комитет». Договор полностью напечатан в № 95 «Искры» от 13 апреля (31 марта). Когда Вл. Ильич писал статью «Изобличенный Совет», критикуя постановление Совета Партии от 7 апреля, он пользовался оттиском из № 95 «Искры», напечатанным «Искрой» задолго до выхода № 95 газеты. Вот почему у Вл. Ильича говорится о договоре, как о еще «не опубликованном». От имени Б. К. Б. договор был подписан С. И. Гусевым, от имени Ц. К. — Л. Б. Красиным. — 225.

[114]) По приезде за границу оба уцелевшие от провала члены Ц. К. — Иогансен и Валерьян (Красин и Любимов) — повели энергичную борьбу против срыва съезда Советом Партии и совместно с Вл. Ильичем написали от имени Ц. К. «Открытое письмо» Плеханову, изданное вначале листовкой.

Агент Ц. К. Вадим (Постоловский), которого Ц. К. послал для информации Совета, на границе был арестован, но вскоре был освобожден и присутствовал на съезде, где и был выбран членом Ц. К.

Обращение к Совету Партии было отправлено 17 (4) апреля; на следующий день заседал Организационный Комитет, который постановил дать Совету для ответа 7 дней, после чего открыть съезд. Съезд начался точно через 7 дней — 25 (12) апреля. Журнал заседания О. К., подписанный за Ц. К. Л. Б. Красиным и за Б. К. Б. Р. С. Землячкой, воспроизведен полностью в «Ленинском Сборнике» V, стр. 208 — 210. — 229.

[115]) Имеется в виду «Письмо из Москвы» с подзаголовком «Расслоение земско-дворянской конституционной партии», помещенное в № 16 «Вперед» от 30 (17) апреля 1905 г., вслед за статьей «Конституционный базар». Сноска на стр. 238 настоящего тома, а также подпись под статьей (К — в) написаны М. Ольминским. — 238.

[116]) III съезд Р. С.-Д. Р. П. происходил с 25 (12) апреля по 10 мая (27 апр.) 1905 г. в Лондоне, имел 26 заседаний. Число делегатов на съезде

с решающим голосом — 24, с совещательным 14. Меньшевистские делегаты, выбранные на съезд и прибывшие за границу, вместо Лондона поехали в Женеву на организованную редакцией «Искры» конференцию, заседавшую одновременно с III очередным съездом Р. С.-Д. Р. П., который стал, таким образом, первым большевистским съездом.

Сведения об организациях, представленных на съезде, и о порядке дня съезда даны в заметке Ленина «О конституировании съезда» (см. настоящий том, стр. 299). Подготовка съезда, различные этапы борьбы за съезд и организационные шаги по созыву съезда с достаточной полнотой освещены в следующих статьях и заметках Вл. Ильича, напечатанных в настоящем томе: 1) Извещение об образовании О. К. (стр. 21), 2) Краткий очерк раскола (стр. 91), 3) Первый шаг (стр. 165), 4) Изобличенный Совет (стр. 225), 5) Открытое письмо Председателю Совета партии Г. В. Плеханову (стр. 229), а также в отчетах А. А. Богданова и Л. Б. Красина, сделанных от имени Б. К. Б. и Ц. К., составивших Организационный Комитет, на первом заседании съезда 25 апреля (см. «Третий очередной съезд. Полный текст протоколов». Изд. Ц. К. Женева, 1905, стр. 4—24). Оценка общих итогов работы съезда в настоящем томе дана Вл. Ильичем в «Извещении о III съезде» (стр. 295) и в статье «Третий съезд» (стр. 301).

Статья «Третий шаг назад» (стр. 367) дает краткий анализ результатов меньшевистской конференции. Полностью оценка деятельности III съезда и изложение формулированных съездом тактических взглядов большевизма даны в брошюре «Две тактики социал-демократии в демократической революции» (см. VIII том Сочинений).

Ряд деталей о работах съезда приведен в «Ленинском Сборнике» V, где в числе других материалов напечатан дневник III съезда Вл. Ильича, конспект инструктивного доклада его для делегатов, которым предстояло отчитываться перед местными организациями, и черновые наброски резолюций.

В отделе «Документы и материалы», № 7, стр. 430—8 приведены наиболее существенные резолюции и устав, принятые съездом.

Часть материалов III съезда, не помещенных по конспиративным соображениям в Протоколах съезда, изданных Ц. К. в 1905 г., впервые опубликована в 1924 г. в журнале «Пролетарская Революция» № 2 (25) (Н. Нелидов. «Новые материалы о III съезде Р. С.-Д. Р. П.»).

Съезд избрал Ц. К. в составе Ленина, Красина, Богданова, Рыкова и Постоловского. Ц. О. был утвержден «Пролетарий», ответственным редактором которого Ц. К. назначил Вл. Ильича. — 247.

117) В № 11 (46) «Пролетарской Революции» за 1925 г. А. В. Луначарский в своей статье «Большевики в 1905 г.» пишет: «Первая резолюция о вооруженном восстании была принята по моему докладу. Вл. Ильич дал мне все основные тезисы доклада. Мало того,... он потребовал..., чтобы я всю свою речь написал и дал ему предварительно прочесть. Ночью, накануне заседания, где должен был иметь место мой доклад, Владимир Ильич внимательнейшим образом прочитал мою рукопись и вернул ее с двумя-тремя незначительными поправками, что неудивительно, потому что, насколько я помню, я в моей речи исходил из самых точных и подробных указаний Вл. Ильича». Печатаемый нами по рукописи (впервые) проект резолюции, почти дословно совпадающий с проектом, зачитанным на съезде А. Луначарским, показывает, что Вл. Ильич дал Воинову (съездовская кличка Луначарского) не только тезисы доклада, но и готовый проект резолюции. В «Ленинском Сборнике» V (стр. 243—245) опубликованы материалы к резолюции и наброски самой резолюции. — 255.

118) Доклад П. П. Румянцева (по съезду Филиппов) по вопросу об отношении к тактике правительства накануне переворота, сделанный им 29 апреля 1905 г. на 9 заседании съезда, далеко вышел за пределы намеченной темы и охватил также вопрос об использовании социал-демократией легальных и полулегальных возможностей, возникших в ограничен-

ных размерах после 9 января, для открытых выступлений соц.-демократии. Прения еще более подчеркнули необходимость расчленить названную выше тему и дать специальную партийную директиву по вопросу об открытом политическом выступлении социал-демократии. Многие практики комитетчики из провинции, бывшие на съезде, не осознали еще необходимости крутого перелома в работе и, из опасения зубатовщины, недостаточно оценивали возможность углубить с.-д. работу путем освобождения ее от ряда полукультурнических функций, использования собраний, клубов и пр. в порядке «захватного права», выпуска «легальных» брошюр и т. д. Вопрос об отношении к комиссии Шидловского, созданной царским указом 11 февраля (29 января) «для безотлагательного выяснения причин недовольства рабочих в городе С.-Петербурге и в пригородах и изыскания мер к устранению таковых», приобрел на съезде важное значение.

Румянцев, бывший делегатом петербургской организации, в заключительном слове следующим образом излагал точку зрения петербургских соц.-демократов на комиссию Шидловского:

«Стремление со стороны рабочих участвовать в выборах было несомненно. Нам предстояло или стоять в стороне от предвыборной агитации, или показать на деле фальшивость и обманчивость правительственной политики. А это можно было сделать, лишь принявши участие в выборах, проведя сознательных рабочих в число выборщиков, предъявив требования к комиссии, которые несомненно не будут исполнены. Надо пользоваться каждым случаем открытого выступления, показывать на деле лицемерие правительства, — тогда и только тогда массы будут верить нам, — иначе влияние будет ничтожно, влиять же на рабочих будут Гапоны и даже провокаторы» (Полный текст протоколов издания 1905 г., стр. 156). В листке группы выборщиков, изданном Петербургским Комитетом совместно с Б. К. Б., были выставлены следующие требования: «1) публичность заседаний комиссии; 2) свобода печати для того, чтобы те из рабочих, кто не может пойти на заседания комиссии, могли следить за деятельностью своих депутатов по газетным отчетам; 3) свобода собраний и открытие 11 отделов, чтобы рабочие могли получить сейчас же после каждого заседания комиссии отчеты от своих депутатов и имели бы возможность обсуждать их действия и выражать им одобрение или порицание; наконец 4) освобождение арестованных товарищей».

Опубликованные в № 11 (34) и 12 (35) «Пролетарской Революции» за 1924 г. Протоколы Заседаний Петербургского Комитета полностью подтверждают сообщение Румянцева о тактике петербургских соц.-демократов и опровергают утверждения «Искры» и Л. Мартова в его «Истории Р. С.-Д. Р. П.» о том, что большевиков кампания застала врасплох, и что они бойкотировали комиссию Шидловского.

Когда Вл. Ильич говорил на съезде, что «из опыта с комиссией Шидловского нельзя вывести безусловно отрицательного отношения», он возражал провинциальным делегатам, в частности Н. В. Романову (по съезду Лескову), который сказал: «резолюция предлагает участвовать в легальных обществах, овладевать ими, превращать их в опорные пункты. Вовлечение рабочих в такие общества... разбивает их внимание, совлекает с революционного пути на легальный, заставляет ожидать улучшения от таких обществ» (Полный текст протоколов, стр. 151).

Три резолюции, о которых упоминает Вл. Ильич, — это: резолюция докладчика Румянцева, резолюция Лескова (Полный текст протоколов, стр. 151) и резолюция В. А. Десницкого, по съезду Сосновского (Полный текст протоколов, стр. 158) и три поправки к ним: две — В. Воровского и одна — Л. Красина. В результате прений вопрос был сдан в комиссию, по докладу которой съезд принял 2 мая две резолюции: 1) «об отношении к тактике правительства накануне переворота» и 2) «об открытом политическом выступлении». Проект второй резолюции, написанный Вл.

Ильичем, печатается в настоящем томе, стр. 259. Резолюции, принятые на съезде, см. в «Документах и материалах» № 7, стр. 433. — 258.

[119]) Напечатанный в «Ленинском Сборнике» V (стр. 262—265) «проект изменений резолюции Шмидта» (П. П. Румянцева. *Ред.*) и набросок резолюции показывают, что внесенный 2 мая на 13 заседании съезда, в качестве проекта Филиппова (Румянцева. *Ред.*) и Ленина, проект резолюции об открытом политическом выступлении Р. С.-Д. Р. П. с незначительными поправками, ставший резолюцией съезда, написан Вл. Ильичем. — 259.

[120]) В сноске на стр. 318 настоящего тома указано немецкое (цюрихское) издание 1885 г. «Обращения», которым Вл. Ильич в 1905 г. пользовался для своих работ.

О тщательном изучении Вл. Ильичем «Обращения» свидетельствуют документы, почти целиком посвященные ему в «Ленинском Сборнике» V (стр. 254, 302, 305 и др.). — 265.

[121]) В статье Плеханова «К вопросу о захвате власти» («Искра» № 96, от 18 (5) апреля 1905 г.), в которой Плеханов полемизирует с «Вперед᾽ом», доказывая, что «Вперед» якобы «критикует» взгляды Маркса и Энгельса в вопросе о борьбе пролетариата за власть в эпоху демократической революции и что «Искра» отстаивает позиции ортодоксального марксизма, говорится, между прочим, что марксисты «возмущаются только такою будто бы критикой Маркса, которая, — подобно критике, практикуемой г. Бернштейном и неокантианцами и сторонниками Маха и Авенариуса,— представляет собою лишь *совершенно некритическое* повторение буржуазных нападок на основу современного научного социализма». И в другом месте той же статьи «... и да помогут вам всевозможные Махи и Авенариусы!..» Этими не идущими к делу ссылками на Маха и Авенариуса Плеханов хотел «уколоть» Ленина намеком на то, что среди ближайших соратников Ленина были литераторы Богданов-махист и Луначарский— бывший в то время сторонником Авенариуса. А между тем Плеханову хорошо была известна статья Ортодокс (Л. И. Аксельрод) против махизма Богданова в № 77 «Искры» от 18 (5) ноября 1904 г., в самом начале которой автор оговорил, что именно Ленин предложил Ортодокс выступить с критикой богдановского махизма. — 267.

[122]) Имеется в виду письмо Энгельса к Ф. Турати от 26 января 1894 г. Письмо, снабженное заголовком «La futura rivoluzione italiana e il partito socialista» («Будущая революция в Италии и социалистическая партия»), было напечатано тотчас же после смерти Энгельса в двухнедельнике «Critica sociale» («Социальная критика»), № 3, 1895 г., выходившем в Милане с 1891 г. под редакцией Ф. Турати.

Об этом письме Энгельса к Турати см. Плехановский «Дневник социал-демократа», № 2 (август 1905 г.). — 268.

[123]) Ряд цитат из статьи Энгельса «Бакунисты за работой» приведен на стр. 324 — 328 настоящего тома; там же (стр. 324) указано и издание 1894 г., которым пользовался Вл. Ильич в 1905 г. Статья «Bakunisten an der Arbeit» была помещена в 1873 г. в германской соц.-дем. газете «Volksstaat» и вместе с пятью другими статьями Энгельса из той же газеты была перепечатана в брошюре под заголовком «Internationales aus dem Volksstaat» (т.-е. статьи по интернациональным вопросам из «Народного Государства»). Подробнее о всех местах брошюры, использованных Вл. Ильичем для статей 1905 г., говорится в «Ленинском Сборнике» V, стр. 255.

В 1906 г. брошюра была переведена на русский яз. и издана товариществом «Знание» под заголовком «Фридрих Энгельс» (Статьи 1871 — 1875 г.г. Перевод Б. Смирнова под ред. А. Санина). В том же году эта работа была переведена под редакцией Вл. Ильича и издана под заглавием: «Бакунисты за работой». Перевод под редакц. Н. Ленина. СПБ. Изд. «Пролетариат». — 269.

[124]) Цитата из статьи Мартынова «Революционные перспективы», «Искра» № 95, 13 апреля (31 марта) 1905 г. — 270.

[125]) Цитата из статьи «Баланс прусской революции», написанной 11 декабря 1848 г. (см. К. Маркс и Ф. Энгельс «В эпоху немецкой революции», изд. Института К. Маркса и Ф. Энгельса, 1926 г., стр. 222). Вл. Ильич пользовался немецким изданием Меринга 1902 г. «Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx und Friedrich Engels 1841 bis 1850». Dritter Band. S. 211. Дословный перевод приведенной в тексте цитаты таков: «Весь французский терроризм представлял не что иное, как плебейскую манеру расправы с врагами буржуазии, абсолютизмом, феодализмом и филистерством». — 270.

[126]) Статья Энгельса «Германская кампания за имперскую конституцию» («Die deutsche Reichsverfassungskampagne»), дающая описание и оценку восстания в Рейнской Пруссии, Бадене и Пфальце летом 1849 г., в котором Энгельс лично принимал участие в качестве адъютанта Виллиха, — была напечатана в 1850 г. в журнале «Новое Рейнское Обозрение» («Neue Rheinische Revue») в первых трех номерах. Перепечатана позже Мерингом в третьем томе его издания: «Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx und Friedrich Engels 1841 bis 1850». Dritter Band. Русский перевод: «К. Маркс и Ф. Энгельс. В эпоху немецкой революции». Изд. Института К. Маркса и Фр. Энгельса. 1926 г. Стр. 309 — 410. — 271.

[127]) Сопоставление резолюции Вл. Ильича о временном революционном правительстве, комментированной им на заседании съезда 1 мая (18 апр.) (см. стр. 273 настоящего тома), с проектом, зачитанным Л. Б. Красиным на заседании 2 мая (см. «Полный текст протоколов» изд. 1905, стр. 173, или в изд. 1924 г., стр. 228), показывает с полной очевидностью, что «резолюция» Красина, вопреки тенденциозным утверждениям некоторых «историков» (см. Сочинения Л. Троцкого, т. 2, ч. 1, стр. 491), не представляла собой самостоятельного документа и что Красин ограничился внесением лишь поправок, хотя и очень существенных, в готовый проект резолюции Вл. Ильича. Поэтому и Вл. Ильич говорил на заседании 2 мая только о «поправках» Красина, а не об его резолюции. Ни о каком противопоставлении резолюции Вл. Ильича резолюции, принятой съездом, куда вошли поправки Красина, не может быть и речи (см. «Документы и материалы», № 7, стр. 432 настоящего тома). — 273.

[128]) Ленин в брошюре «К деревенской бедноте», вышедшей в мае 1903 г., в главе VI («Каких улучшений добивается с.-д. для всех крестьян») писал: «Некоторые люди думают, что наше требование учредить крестьянские комитеты для ограничения кабалы и возвращения отрезков есть какой-то забор, какая-то загородка. Стой дескать тут и дальше не ходи. Такие люди очень плохо вдумались в то, чего хотят с.-д. Требование учредить крестьянские комитеты для ограничения кабалы и для возвращения отрезков не есть загородка. Оно есть *дверь*. В эту дверь прежде всего надо выйти *для того, чтобы идти дальше*, для того, чтобы по открытой, по широкой дороге идти *до самого конца*, до полного освобождения всего трудящегося рабочего народа на Руси» (стр. 308 V тома Сочинений). На втором съезде, отвечая Кострову, Вл Ильич говорил: «Нам говорят, что крестьянство не удовлетворится нашей программой, что оно пойдет дальше; но мы не боимся этого, для этого у нас есть наша социалистическая программа, и потому мы не боимся и передела земли, так пугающего товарищей Махова и Кострова». См. «Полный текст протоколов». Второй очередной съезд Р. С.-Д. Р. П. Изд. Ц. К. 1903 г., стр. 209, в изд. «Прибой» 1924 г., стр. 194.

Совершенно в том же смысле высказывался на съезде и Плеханов: «Перехожу к вопросу о знаменитом черном переделе. Нам говорят: выставляя требование о возвращении отрезков, вы должны помнить, что крестьяне пойдут дальше этого требования. Нас это нисколько не пугает...»

«Полный текст протоколов» изд. 1903 г., стр. 204, изд. 1924 г., стр. 189 (в Сочинениях Плеханова — т. XII, стр. 422). — 278.

[129]) Настоящий проект был зачитан на заседании III съезда от 3 мая Зиминым (Л. Б. Красиным). Принадлежность проекта перу Вл. Ильича устанавливается по сохранившемуся в архиве Института черновику резолюции, опубликованному в «Ленинском Сборнике» V, стр. 267—268. — 280.

[130]) Вопрос об отношениях между рабочими и интеллигентами в с.-д. организациях вызвал наиболее жаркие дебаты на III съезде. Вопросу посвящены 15 и 19 заседания 3 и 5 мая 1905 г. Вл. Ильич настаивал на расширении рамок организации и проведении в определенных границах демократического централизма, без игры в демократизм и при условии сохранения конспиративного аппарата. Забота Вл. Ильича о выдвижении наиболее активных рабочих на руководящую работу, борьба с косностью комитетчиков в этом вопросе нашла выражение как в речах его и в многочисленных репликах при обсуждении вопроса, так и в проекте резолюции, написанной Вл. Ильичем, но не принятой съездом. Из всех реплик в тексте тома приведена только одна (стр. 284 настоящего тома), имеющая самостоятельное значение; остальные замечания и реплики понятны лишь в общем контексте речей делегатов и поэтому в настоящем издании не воспроизведены. Кроме помещаемой в томе речи Вл. Ильича, сказанной им на заседании 3 мая, имеется еще одна, записанная секретарями, речь на 19 заседании 5 мая; однако, запись сделана настолько неудовлетворительно, что от включения ее в настоящий том, хотя бы в качестве конспекта речи, редакция вынуждена была отказаться. Приведенный на стр. 283 проект резолюции был внесен на заседании съезда 5 мая. — 282.

[131]) Докладчиком по организационному вопросу на 15 заседании съезда (3 мая) был А. Богданов (под псевдонимом Максимова). В своем докладе Богданов опирался на свой проект изменений устава, напечатанный от имени Иванова (тоже псевдоним Богданова) в № 13 «Вперед» от 5 апреля (23 марта) 1905 г. в статье под заголовком «Организационный вопрос». — 285.

[132]) Говоря о том, что содержание разговора его с Гапоном изложено во «Впереде», Вл. Ильич имел, очевидно, в виду абзац статьи «О боевом соглашении для восстания», идущий непосредственно за «открытым письмом» Гапона (см. стр. 119 — 120 настоящего тома); отдельного сообщения во «Впереде» о разговоре Ленина с Гапоном нет. — 288.

[133]) Конференции революционных партий и организаций, созванной по инициативе Гапона и состоявшейся в Женеве 2 апреля 1905 г., посвящены следующие статьи в русских и иностранных органах:

1) «Vorwärts» № 100, 29 апреля 1905 г., статья — «Konferenz russischer Revolutionäre»;

2) «Arbeiter-Zeitung» (Wien) № 123, 5 мая, — «Eine Konferenz von russischen Revolutionären»;

3) «Последние Известия» (орган Бунда), № 230, 11 мая — «О конференции революционных организаций»;

4) «Искра» № 98, 6 мая, — «Социал-демократия и буржуазно-революционные партии»;

5) «Революционная Россия» № 65, 8 мая, две статьи: «Документы междупартийной конференции» и «Новая междупартийная конференция»,

и 6) «Освобождение» № 69 — 70, 20 мая, заметка: «Из русской заграничной печати».

Ниже приведены краткие сведения о 13 наименее известных из 18 партий, приглашенных на конференцию.

1) *Польская Социалистическая Партия (П. П. С.)* возникла в 1893 г. Провозглашая лозунг восстановления польского государства, П. П. С. подчиняла этому лозунгу всю свою деятельность и была ярко националистической

организацией. Находя для себя почву среди мелкой буржуазии и мелкобуржуазной интеллигенции, П. П. С. была при этом проводником влияния буржуазии на рабочий класс, противодействовала сближению польских рабочих с русскими и влиянию революционного движения в России на польские трудящиеся массы. Революция 1905 года, оказавши огромное влияние на рабочих-пепеэсовцев, вызвала борьбу внутри П. П. С., приведшую в конце 1906 г. к расколу на две фракции: П. П. С. «левицу», в 1918 г. вошедшую вместе с С.-Д. П. и Л. в компартию Польши, и так наз. П. П. С. «Революционную фракцию» («фраки»), руководимую Пилсудским, который связался потом с австрийским империализмом и образовал польские легионы, принимавшие участие в империалистической войне, как подсобная часть австрийской армии. После образования польского государства П. П. С. выступает как агент польского империализма и является злейшим врагом Советского Союза, Коммунистического Интернационала и компартии Польши.

2) *С.-Д. Партия Литвы,* раньше называвшаяся Литовской С.-Д. партией, основана в 1896 г. В 90-х годах в ней господствовали национал-социалисты с Домашевичем и Моравским во главе, но были и интернационалистские элементы (Дзержинский, Томаш и др.), которые в 1900 г. вместе с С.-Д. Польши создали С.-Д. Королевства Польского и Литвы.

3) *Польская социалистическая партия «Пролетариат» (P. P. S. Proletariat)* — образована в 1900 г. Кульчицким из групп, отделившихся от «Польской соц. партии» (P. P. S.), издавала орган «Proletariat» («Пролетариат»). Не меняя в основном общих социал-патриотических установок П. П. С., партия отстаивала террористические методы борьбы и стояла за сближение с революционным движением России, чтобы использовать его в целях польского национализма. Созданная впоследствии партией программа не выходила за пределы буржуазного радикализма. В 1905 г. партия большой роли не играла, а после 1907 г. перестала существовать.

4) *Латышская С.-Д. Р. П.* — возникла летом 1904 г. из Прибалтийской Латышской с.-д. рабочей организации. Вошла в Р. С.-Д. Р. П. в 1906 г. на Стокгольмском съезде. Орган партии «Циня» («Борьба»).

5) *Армянская революционная федерация (Дрошак),* иначе — Дашнакцутюн, — националистическая партия, возникшая в начале 90-х годов; с 1891 г. стала издавать свой орган «Дрошак» («Знамя»). Дашнакцутюн ставила своей задачей создать отдельное армянское буржуазное государство из русской и турецкой части Армении, которое должно было войти в общую Закавказскую федерацию. По программным и тактическим установкам Д. приближалась к П. П. С. и русским с.-р., особенно в вопросе о терроре и аграрном. После Октябрьского переворота Д. проповедует интервенцию против С. С. С. Р.

6) *Белорусская Социалистическая Громада* — организована в 1902 г. под названием «Белорусская Революционная Громада». На 1-м съезде в 1903 г. Б. Р. Г. приняла программу П. П. С. и высказалась за территориальную автономию Белоруссии с сеймом в Вильно и с предоставлением культурно-национальной автономии национальным меньшинствам. Тогда же переименовалась в «Белор. Соц. Громаду» (Б. С. Г.). В состав Б. С. Г. входили студенчество и интеллигенция. Влияния на крестьянские и рабочие массы Б. С. Г. не имела. После революции 1905 г. Б. С. Г. выработала свою нац.-демократическую программу и встала всецело на путь легального культурничества. В 1917 г. Б. С. Г. поддерживала Керенского, в июле раскололась, и ее политическое крыло создало «Центр. Раду» Белоруссии, боровшуюся против Октябрьской революции. Была распущена советскими органами.

7) *Латышский Социал-Демократический Союз* — образовался в 1901 г. Основатели его — Ролау и Трауберг. «Союз» объединял неустойчивые элементы мелкобуржуазной интеллигенции и по своим программным взглядам приближался к русским с.-р. Проникнутый узко-националистическими тенденциями, «Союз» выдвинул требование политической независимости Латвии. В 1905 г. деятельность «Союза» проявлялась преимущественно в тер-

рористических выступлениях. «Союз» пытался влиять на крестьянство, но вскоре был вытеснен Латышской Социал-Демократической Партией. После 1907 г. «Союз» перестал играть какую-либо роль. В 1917 г. часть идеологов «Союза» оказалась в рядах кулацкой партии «Крестьянский Союз».

8) *«Финляндская партия активного сопротивления»* — образована осенью 1904 г. группой националистов-активистов из финляндской интеллигенции, в целях свержения царской власти в Финляндии и замены ее конституционным режимом. Партия восприняла тактику русских с.-р. (террор), с которыми была в тесном контакте, издавала подпольную газету («Свободные Слова»), а с 1905 г. по 1910 г. — легальный еженедельник «Фрамтид» («Будущее»). Большевики с начала 1905 г. имели связь с активистами, которыми был организован транспорт нелегальной литературы и доставка оружия из-за границы в Россию. В 1906 — 1907 г.г. активисты на страницах «Фрамтид» начинают кампанию против русских с.-д., особенно большевиков. Во время мировой войны активисты тесно связались с германским империализмом, в 1918 г. принимали активнейшее участие в контр-революционной борьбе финляндской буржуазии против пролетарской революции в Финляндии, а теперь находятся в фашистском лагере.

9) *Финляндская Рабочая Партия* — основана в 1899 г., в 1903 г. переименована в социал-демократическую. Принципиальная часть программы заимствована у австрийской с.-д. партии. Партия принимала большое участие во всеобщей забастовке в Финляндии в ноябре 1905 г. и в организации Красной гвардии, сыгравшей значительную роль в революции 1905 г., а также в Свеаборгском восстании в 1906 г.

10) *Партия Социалистов-Федералистов Грузии* — националистическая партия мелкобуржуазной и дворянской интеллигенции, возникшая в конце 90-х годов. Основным требованием программы партии было превращение России в федеративную республику с широкой автономией для Грузии; аграрная программа копировала эсеровскую социализацию земли. После советского переворота правое крыло партии эмигрировало за границу, а левые элементы оформились в «Партию левых федералистов», вскоре самораспустившуюся.

11) *Украинская Социалистическая Партия (У. С. П.)* — основана в 1900 г. Богданом Ярошевским. В основу программы У. С. П. взята программа Польской Соц. Партии (П. П. С.). Работу партия вела преимущественно среди студенчества; проявила себя только несколькими брошюрами, в том числе переводом на украинский язык «Коммунистического Манифеста» Маркса и Энгельса.

12) *Украинская Революционная Партия (Р. У. П.)* — мелкобуржуазная, националистическая партия, основана в 1900 г. Основное ядро ее: национал-радикальная интеллигенция — академик Грушевский, Симон Петлюра, Микола Порш и др., именно те «буржуазные мещане», которые в период гражданской войны возглавили националистическую контр-революционную борьбу против диктатуры пролетариата и пролетарской революции на Украине.

В основе программы и деятельности Р. У. П. была шовинистическая идея освободить «рiдну Украину» от российского гнета, идея «украинской самостийности». Первой брошюрой, выпущенной Р. У. П., была брошюра «Самостийна Украина» — сугубо шовинистического характера. В 1902 г. Р. У. П. выпускала свой теоретический орган «Гасло» («Пароль»), в 1903 г. — журнал «Добра Новина», в 1904 — 1905 г.г. — газету «Праця» («Труд»).

13) *Литовская С.-Д. Партия или С.-Д. П. Л.* — основана в 1896 г. Лидеры Мицкевич-Капсукас и др. В 1905 — 1906 г.г. под влиянием Росс. революции начала отходить от мелкобуржуазного национализма и становиться на интернационалистские с.-д. позиции. В конце 1906 г. с ней объединилась бывш. П. П. С. «левица», работавшая в Литве. На объединенном VII съезде (1907 г.) националисты потерпели поражение. — 288.

[134]) Имеется в виду резолюция «О конституировании съезда», напечатанная в № 1 «Пролетария», непосредственно вслед за «Извещением о

III съезде Р. С.-Д. Р. П.». См. «Документы и материалы» № 7, стр. 430. — 296.

[135]) *«Пролетарий»* — центральный орган Р. С.-Д. Р. П., выходил в Женеве с 27 (14) мая по 25 (12) ноября 1905 г. Всего вышло 26 номеров. 10 мая на своем первом пленуме Центральный Комитет, избранный III съездом, вынес постановление: «ответственным редактором Ц. О. партии назначается тов. Ленин». Будучи официально единоличным редактором «Пролетария», Вл. Ильич продолжал вести орган фактически с тем же составом руководителей, что и «Вперед» (см. примечание 14).

В «Пролетарии» постоянно сотрудничали: М. Ольминский, В. Воровский, А. Луначарский, затем В. Карпинский, И. Теодорович, А. Насимович («Чужак») и др. А. Елизаровой, С. Гусеву, Б. Бонч-Бруевич удалось организовать систематическую посылку в Женеву корреспонденций с мест. Переписка с местными организациями и читателями «Пролетария» велась Н. Крупской и Фотиевой. Характер и объем работы Вл. Ильича в «Пролетарии» те же, что и во «Впереде». Последний (№ 26-й) номер «Пролетария» полностью обслужен В. Воровским, так как Вл. Ильич во время составления № находился уже в Петербурге, где был занят формированием редакции легальной большевистской газеты «Новая Жизнь». — 298.

[136]) Заметка Вл. Ильича «О конституировании съезда» была дана в качестве примечания к резолюции «О конституировании съезда» в № 1 «Пролетария» (см. прим. 134). Заголовок заметки принадлежит редакции Сочинений. — 299.

[137]) Указанная здесь попытка Каутского защитить Мартовскую формулировку § 1 устава имеется в письме Каутского, напечатанном в виде фельетона под заголовком «Каутский о наших партийных разногласиях» в № 66 «Искры» от 28 (15) мая 1904 г. — 302.

[138]) «Ультиматум Ц. К. от 26 ноября 1903 г.» излагает в форме письма Староверу (А. Потресову) тот максимум уступок бойкотирующим центры меньшевикам, на которые готов идти Ц. К., чтобы ликвидировать партийный кризис. По существу «ультиматум» представляет ответ на письмо Мартова и др. бывших редакторов «Искры» к Плеханову (тогда еще стоявшему на большевистской позиции) от 3 ноября 1903 г. Текст «Ультиматума» впервые приведен, с небольшими пропусками, в брошюре Л. Мартова «Борьба с осадным положением» изд. Р. С.-Д. Р. П. Женева. 1904 г., на стр. 49 — 50. — 304.

[139]) Сохранившаяся часть рукописи статьи не имеет заголовка и даты. Заголовок дан редакцией Сочинений на основании неоднократного подчеркивания именно этой темы в статье, а также в виду наличия пункта «о педагогике и политике» в сохранившемся плане статьи (см. «Ленинский Сборник» V, стр. 307). Из плана, между прочим, явствует, что в качестве последнего пункта статьи Вл. Ильич намечал проведение аналогии между партией и армией. В конце плана имеется пометка: «Акимов в Последних Известиях». Вл. Ильич имеет в виду статью Вл. Акимова в № 235 «Последних Известий» от 12 июня (30 мая) 1905 г., что позволяет приблизительно датировать статью Вл. Ильича июнем. Кроме статьи Акимова непосредственным поводом к написанию настоящей статьи послужила статья Л. Мартова «Первомайские успехи и неудачи» в № 100 «Искры» от 28 (5) мая. И Мартов и Акимов чрезвычайно пессимистически оценивали первомайские демонстрации в России в 1905 г. — 307.

[140]) Обещанная специальная брошюра появилась в июне 1905 г. в мюнхенском издании: «Bericht über III Parteitag» (перевод «Извещения о III съезде» и резолюций съезда). Такая же брошюра издана была и на французском языке, в приложении к «Le Socialiste» (центральный орган французской социалистической рабочей партии). Об этих брошюрах см. отдел «Из партии» в № 15 «Пролетария» от 5 сентября (23 августа) 1905 г. — 310.

[141]) В конце второй статьи «О временном революционном правительстве» (см. настоящий том, стр. 329) говорится: «в следующей статье мы перейдем к разбору задач временного революционного правительства». Однако продолжения данной серии статей не появлялось. Если бы обещанная статья была написана Вл. Ильичем, он непременно включил бы ее в намеченный в сентябре 1905 г. «План сборника о временном революционном правительстве» (см. «Ленинский Сборник» V, стр. 373 — 4). В значительной своей части развитием темы, затронутой в первых двух статьях, является печатаемый нами на стр. 330 документ: «Картина временного революционного правительства». В основу первых двух статей «О временном революционном правительстве» лег доклад, сделанный Вл. Ильичем на ту же тему на III съезде. В упомянутом «Ленинском Сборнике» приведены материалы, тезисы, планы как доклада, так и статей; имеется кроме того подробный конспект доклада (см. «Ленинский Сборник» V, стр. 247 — 261 и 300 — 306). — 314.

[142]) Имеются в виду статьи А. Мартынова под заголовком «Революционные перспективы» в «Искре» № 90 от 16 (3) марта, № 93 от 30 (17) марта и № 95 от 13 апреля (31 марта) 1905 г. и статья Л. Мартова «Рабочая партия и «захват власти», как наша ближайшая задача» в № 93 «Искры». — 316.

[143]) Вл. Ильич имеет в виду «Обращение Центрального Комитета к Союзу» (март 1850 г.), написанное Марксом; «Обращение» дано в качестве приложения к цюрихскому изданию брошюры: K. Marx. Enthüllungen über den Kommunisten-Prozess zu Köln. Anhang IX. Ansprache der Zentralbehörde an den Bund von März 1850. Zürich 1885. S. 88. — 321.

[144]) Выражение: «абсолютизм, обшитый парламентскими формами» («Militärdespotismus... mit parlamentarischen Formen verbrämter») взято Вл. Ильичем из «Критики Готской программы К. Маркса» («Zur Kritik des sozialdemokratischen Parteiprogramms»), произведения, датированного 5 мая 1875 г. (Перепечатано в «Neue Zeit» № 18, за 1890 — 1891 г.г.). — 321.

[145]) Во «Введении» к цюрихскому изданию «Разоблачений о Кельнском процессе коммунистов» Фр. Энгельс писал: «Мелкобуржуазная демократия еще и теперь является той партией, которая при ближайшем европейском потрясении — а оно скоро наступит (промежутки между европейскими революциями, 1815, 1830, 1848 — 1852, 1870, продолжаются в нашем веке от 15 до 18 лет) — в Германии безусловно должна первой стать у кормила правления, как спасительница общества от коммунистических рабочих». Введение Энгельса датировано 8 октября 1885 г. (см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. III, стр. 420. ГИЗ, 1921 г.). Как видно из сноски на стр. 318 настоящего тома, где приведено полностью немецкое название цитируемого произведения, Вл. Ильич пользовался цюрихским изданием «Разоблачений». — 321.

[146]) *«Der Volksstaat» («Народное Государство»)* — центральный орган германской социал-демократии в 1870 — 1876 г.г., выходил в Лейпциге по постановлению Эйзенахского съезда (1869 г.) взамен «Demokratisches Wochenblatt» («Еженедельная Демократическая Газета»). «Der Volksstaat» редактировался В. Либкнехтом. В газете принимали участие Маркс и Энгельс. — 324.

[147]) Цитата взята из Маркса: ««Die heilige Familie» oder «Kritik der kritischen Kritik»» (««Святое семейство» или «критика критической критики»»). См. стр. 183 «Aus dem literarischen Nachlass», Band II, Verlag Dietz, 1902 («Из литературного наследства», издание Дитца, 1902 г.). — 330.

[148]) Говоря об адвокатских резолюциях, Вл. Ильич имел в виду всероссийский съезд адвокатов, происходивший в Петербурге 11 — 13 мая (28 — 30 апреля) 1905 г. Резолюции съезда приведены в статье В. Воровского «Всероссийский съезд адвокатов» («Пролетарий» № 2, от 3 июня (21 мая)). — 333.

[149]) В статье с заголовком «Маленькие письма» в «Новом Времени», № 10490 от 31 (18) мая 1905 г., А. Суворин писал: «. . *настоящее* требует немедленного собрания представителей Русской Земли, не дожидаясь окончания работ Булыгинской Комиссии». — 336.

[150]) «*Le Siècle*» («*Век*») — буржуазная французская газета, близкая к министерским кругам, основана в 1836 г. Ледрю-Ролленом. Наибольшей популярностью пользовалась во времена Второй империи. В 1905 г. редактором газеты был бывший морской министр в министерстве Вальдека-Руссо — Ланнесан.

Цитата взята Вл. Ильичем из ст. Корнели «La fin d'une épopée» («Конец одной эпопеи») в № от 30/V — 1905 г. — 337.

[151]) В «Ленинском Сборнике» V на стр. 312 — 314 приведены два наброска тезисов и заметок, из которых первый, с заголовком редакции «Сборника», — «О конституционно-демократической партии», второй — озаглавлен Вл. Ильичем: «Медовые речи. Программа организованных либералов». Наброски представляют подробный конспект статьи «Революционная борьба и либеральное маклерство». — 339.

[152]) «Программа Союза Освобождения» напечатана в № 69 — 70 «Освобождения» от 20 (7) мая 1905 г. В сноске к заглавию документа говорится: «Программа эта, как известно, была напечатана в газете «Новости» (№ 87 от 18 (5) апреля), что повело к возбуждению судебного преследования против редактора «Новостей» г. Нотовича».

Позже газета (точный заголовок ее: «Новости и биржевая газета») была приостановлена на 2 месяца распоряжением министра внутренних дел; поэтому № 177 датирован 27 (14) июля, № 178 — уже 28 (15) сентября. — 339.

[153]) Комментарий под заголовком «К программе Союза Освобождения» (цитата из него приведена Вл. Ильичем на стр. 340 настоящего тома) напечатан в № 69 — 70 «Освобождения» от 20 (7) мая 1905 г., принадлежит П. Струве и подписан инициалами П. С. — 339.

[154]) «*Сын Отечества*» — ежедневная либеральная газета, издававшаяся в Петербурге С. П. Юрицыным с 31 (18) декабря 1904 г. С июля 1905 г. начало выходить 2-ое издание «Сына Отечества», дешевое, рассчитанное на массового читателя. Фактическим редактором газеты был Г. И. Шрейдер. Сотрудники «С. О.» принадлежали частью к «Союзу Освобождения», частью к народникам различных оттенков. После 19 (6) августа «Сын Отечества» высказался за бойкот булыгинской думы. 28 (15) ноября в состав редакции вошли Н. С. Русанов, В. А. Мякотин, А. В. Пешехонов и В. М. Чернов, и газета стала органом партии социалистов-революционеров. (Подробно об этом см. статью В. Чернова «От «Революционной России» к «Сыну Отечества»» в журнале «Летопись Революции», кн. I, Берлин 1923 г.). Закрыт был «Сын Отечества» 15 (2) декабря 1905 г. за напечатание «Финансового манифеста» Петербургского Совета Раб. Деп. — 348.

[155]) «*Русские Ведомости*» — профессорская умеренно-либеральная газета, выходившая в Москве с 1863 по 1918 г. После смерти основателя газеты Н. Ф. Павлова (1864), редактором ее становится Н. С. Скворцов, привлекший к участию в газете наиболее видных научных и литературных сотрудников из либерального лагеря. С 1882 по 1912 г. редактором газеты состоял В. М. Соболевский. Во время империалистической войны «Р. В.» занимают кадетскую позицию, после октябрьского переворота 1917 г. «Р. В.» закрыты вместе с другими контр-революционными органами. Позиция «Р. В.» в революцию 1905 года характеризуется статьей П. Виноградова, которой посвящена статья Ленина, напечатанная в № 16 «Пролетария» от 14 (1) сентября 1905 г. «Чего хотят и чего боятся наши либеральные буржуа». — 348.

[156]) «*Le Matin*» («*Утро*») — ежедневная буржуазная газета, с широко поставленной информацией, основана в 1884 г. В период революции 1905 г.

редактировалась Анри Жувенелем. Вл. Ильич цитирует здесь корреспонденцию, датированную 10 июня, за подписью Gaston Leroux (Гастона Леру), в № 7781 от 15 (2) июня 1905 г. Корреспонденция снабжена заглавием и подзаголовком «Suprême appel au tsar». — «Le peuple russe s'adresse à son empereur». («Воззвание к царю». — «Русский народ обращается к своему царю».) — 354.

[157]) Имеется в виду статья П. Струве «Как найти себя?» в № 71 «Освобождения» от 31 (18) мая 1905 г. — 355.

[158]) Цитата взята из корреспонденции Gaston Leroux «La crise russe» («Кризис в России») в № 7782 «Le Matin» от 16 (3) июня 1905 г. — 355.

[159]) Все цитаты из «Le Matin» в этой статье взяты из корреспонденции Гастона Леру, «L'entrevue de Peterhoff», «Интервью в Петергофе», датированной 20 июня и напечатанной в № 7787 от 21 (8) июня 1905 г. — 358.

[160]) Доклад А. Н. Никитина в петербургской думе о приеме царем 19 (6) июня депутации напечатан в «Нашей Жизни», в № 116 от 22 (9) июня 1905 г. — 361.

[161]) Кассандра — дочь легендарного троянского царя Приама. Легенда передает, что Кассандра, обладавшая даром прорицания, предсказала гибель Трои. — 361.

[162]) Распоряжением министра внутренних дел от 9 июня 1905 г. газета «Русь» была приостановлена на один месяц: № 153 вышел 10 июня, а № 154 — 11 июля. Редактором-издателем «Руси», большой ежедневной умеренно-либеральной газеты, с хорошо поставленной информацией, был А. А. Суворин. В 1908 г. «Русь» была заменена «Новой Русью». — 365.

[163]) Имеется в виду хроника В. П. Мещерского, с заголовком «Дневник. 8 июня», в № 45 «Гражданина» от 22 (9) июня 1905 г. — 366.

[164]) «*Der Anarchist*» (*«Анархист»*) издавался в Берлине с 1903 г. под редакцией Отто Вейдта; издатель — Рудольф Ланге. Газета выходила два раза в месяц. — 369.

[165]) «*Социал-Демократ*», имевший подзаголовок «Рабочая Газета», — популярный орган меньшевиков. Всего вышло 16 №№; № 1 датирован 1 октября (ст. стиля) 1904 г., № 16 — 14 октября 1905 г. Главным редактором «С.-Д.» был Ф. Дан. Из сотрудников большое число статей дал О. Ерманский. В газете имеется значительное число корреспонденций от местных организаций и от рабочих; это объясняется отчасти тем, что в начале «С.-Д.», в отличие от «Искры», воздерживался от полемики и фракционных выпадов против большевиков. В тактических вопросах «С.-Д.» занимал обычную меньшевистскую позицию, выступал против бойкота булыгинской думы (№ 11) и пропагандировал «революционное самоуправление граждан» (№ 12).

Вл. Ильич отрицательно относился в тот период к идее особого рабочего популярного органа. В письме к партийным организациям от 4 января (22 янв.) 1905 г. он писал: «К идее отделения рабочего — «популярного» органа от обще-руководящего — «интеллигентского» — мы относимся очень скептически. Мы хотели бы, чтобы социал-демократическая газета стала органом всего движения, чтобы рабочая газета и с.-д. газета слилась в один руководящий орган. Удастся это лишь при активнейшей поддержке рабочих» (Сочинения, том XXVIII). — 370.

[166]) Вл. Ильич цитирует статью П. Струве «Как найти себя?» в № 71 «Освобождения» от 31 (18) мая 1905 г. — 372.

[167]) В № 4 «Пролетария» от 16 (3) июня 1905 г. имеется большой фельетон: «Новый революционный рабочий союз». Статья не подписана. Рукопись ее не найдена, но ряд отдельных выражений, мыслей, характерных ссылок на предыдущие статьи и пр. дает некоторое основание предполагать, что если даже статья писана не Вл. Ильичем, то ему все же принадлежит большая правка статьи.

В начале статьи передается содержание двух воззваний «Центрального Комитета Российского Освободительного Союза», из которых первое излагает цели и характер Р. О. С., второе — представляет извещение об образовании «Рабочего Союза Р. О. С.». «Из этих документов — говорится в статье — видно, что Р. О. С. не есть какая-либо партия с определенной, ей только присущей программой, — это есть союз всех желающих передачи власти от самодержавия в руки народа при помощи вооруженного восстания путем созыва учредительного собрания на основе всеобщего и т. д. избирательного права». Когда эта цель будет достигнута, «Р. О. С.» прекратит свою деятельность.

Кроме упомянутых двух воззваний в статье упоминается еще «Устав Рабочего Союза», состоящий из 43 параграфов. Цель Рабочего Союза определяется в уставе так: «Организовать дружины для вооруженного восстания и сбор необходимых денежных средств на вооружение и литературу строго пролетарского характера». Ц. К. Союза (не выборный орган) связывает Рабочий Союз «со всеми рабочими и нерабочими союзами». В первом из названных выше воззваний Ц. К. заявляет: «Мы не предвидим возможности возникновения несогласий с соц.-дем.». Далее: «...Как организация практическая по преимуществу, Р. О. С. не расходится в своей деятельности и с партией социалистов-революционеров постольку, поскольку нас соединяет с нею общность средств — вооруженная борьба с самодержавием — и общность цели — созыв учредительного собрания на демократических началах... Мы даже ничего не имеем против «Союза Освобождения», несмотря на коренную рознь наших политических убеждений, если, конечно, «Союз Освобождения» проникнется сознанием неизбежности вооруженного восстания для созыва учредительного собрания». — 374.

[168]) Брошюра, о которой говорит здесь Вл. Ильич, — «Две тактики социал-демократии в демократической революции».

Статья «Третий шаг назад», давая анализ работ III съезда и меньшевистской конференции, во второй своей, тактической части, начиная с последнего абзаца (стр. 370 настоящего тома), дает конспективно-сжатое изложение всего основного содержания брошюры «Две тактики». — 374.

[169]) Вл. Ильич цитирует «Le Matin» № 7801 от 5 июля 1905 г. Телеграмма Leroux под заголовком «La crise russe» («Кризис в России») помечена 4 июля. — 390.

[170]) В архиве Института Маркса-Энгельса-Ленина сохранилась черновая запись на русском языке печатаемого нами обращения «К Международному Социалистическому Бюро». Подлинник этого документа, датированного 4 июля 1905 г., опубликован на французском языке в 1924 году, в № 33 газеты «Le Peuple» («Народ» — орган реформистской «Генеральной конфедерации труда») от 2 февраля под заголовком «Où Lénine défendait la constituante» (Как Ленин отстаивал учредительное собрание). Сопоставление черновика с опубликованным документом показывает, что французский текст представляет собою точный перевод печатаемого нами русского оригинала записи. В черновике Ленина отсутствуют дата и подпись. Обращение в Бюро было написано на бланке редакции «Пролетария». — 392.

[171]) Цитаты из «Le Matin» взяты из корреспонденции Гастона Леру, помеченной 2 июля, в № 7799 от 3 июля 1905 г. Корреспонденция имеет заголовок «L'agitation en Russie» («Волнения в России»). — 393.

[172]) О предместьи св. Антония (С.-Антуан) говорится в фельетоне А. Луначарского «Очерки по истории революционной борьбы европейского пролетариата», напечатанном в № 2 «Вперед» от 14 (1) января 1905 г., а не в 3-ем, как ошибочно указано в тексте «Пролетария». — 394.

[173]) Среди большого числа выписок, сделанных рукою Вл. Ильича из различных иностранных газет за 1905 г., сохранилась в архиве Института Маркса-Энгельса-Ленина большая выписка из статьи «Les promesses

du tsar. L'attitude des partis (De notre correspondant particulier. Спб. 27 Journal de Genève. Samedi 1/VII 05 I-re éd.)». («Обещания царя. Позиция партий. (От нашего спец. корреспондента. Спб. 27. Женевская Газета. Суббота 1/VII 05. Первое издание)».) Приводимая в тексте цитата — часть выдержки из корреспонденции. Непосредственно после части цитаты, набранной в тексте курсивом, Вл. Ильич от себя замечает в своих черновиках: «Кого собственно автор называет либералами, он не говорит. «Радикалы» по его словам возмущены «пародией на конституцию (Булыгинским проектом)»». Далее Вл. Ильич приводит рассуждение корреспондента о бойкотистской тактике «радикалов» и о письме Кузьмина-Караваева, в котором тот предлагал согласиться на невсеобщие выборы. — 394.

УКАЗАТЕЛЬ ВАЖНЕЙШИХ ПРИМЕЧАНИЙ В АЛФАВИТНОМ ПОРЯДКЕ.

VI. СЛОВАРЬ-УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.

А.

АБДУЛ-ГАМИД II (1842—1918) — турецкий султан. Получил прозвище «кровавого» за жестокие расправы с младо-турецким революционным движением. Турция при А.-Г. (1876—1909) потерпела ряд поражений: проиграла в 1877—78 г.г. войну с Россией и потеряла в 1882 г. Египет и в 1885 Восточную Румелию. Революция 1908 г. положила конец царствованию А.-Г., который был низложен постановлением Национального Собрания в апреле 1909 г. — 389.

АБСОЛЮТ — см. СТАСОВА, Е. Д.

АВЕНАРИУС, РИХАРД (1843—1896) — немецкий философ, профессор цюрихского университета, основатель школы эмпириокритицизма. Взгляды А. оказали значительное влияние на русскую революционную интеллигенцию, сначала на народников (Чернов), а затем и на часть марксистов. Луначарский и др. пытались примирить его взгляды с марксизмом, что встретило решительный отпор со стороны Плеханова и Ленина. Его главная работа: «Philosophie als Denken der Welt gemäss dem Prinzip des kleinsten Kraftmasses» (Лпц. 1874) («Философия как мышление о мире сообразно принципу наименьшей траты силы») и «Kritik der reinen Erfahrung» (Лпц. 1890) («Критика чистого опыта»). — 267, 268, 322.

АВИЛОВ, Б. В. (р. 1874) — социал-демократ (партийные клички: Борис, Волков, Тигров), по образованию юрист, по профессии журналист и статистик. Вел революционную работу в Харькове, Петербурге, Астрахани, Калуге, Москве. На III съезде Р. С.-Д. Р. П. представлял харьковскую большевистскую группу. В октябрьские-декабрьские дни 1905 г. был одним из руководителей вооруженного восстания в Харькове. Сотрудничал в легальных и нелегальных большевистских органах. В апреле 1917 г. примкнул к группе газеты «Новая Жизнь» (социал-демократы интернационалисты). С 1918 г. отстранился от активного участия в политической жизни. В настоящее время занят литературной деятельностью. — 352.

АКИМОВ, В. П. (МАХНОВЕЦ) (1875—1921) — крайний и самый последовательный оппортунист в рядах Р. С.-Д. Р. П. Начал революционную деятельность в 1895—97 г.г. в народовольческих кружках (т. н. «Группы 4-го листка»). В конце 90-х г.г. эмигрировал за границу, где вступил в «Союз русских с.-д.» и был лидером правого крыла; примкнул к «экономизму»; защищал бернштейнианство; в 1905 г. вернулся в Россию и занялся кооперативной деятельностью, совершенно отойдя от соц.-дем. работы. — 51, 151, 168, 207, 210.

АКСЕЛЬРОД, П. Б. (1850—1928) — вначале бакунист, с расколом «Земли и Воли» (1879 г.) примкнул к черно-передельцам. В 1883 г. вместе

с Плехановым, Дейчем, В. Засулич и Игнатовым основывает Группу «Освобождение Труда». Работы Аксельрода в 90-х годах встречали одобрительную оценку со стороны с.-д., работавших в России. С 1900 г. один из редакторов «Искры» и «Зари». На II съезде партии в 1903 г. примкнул к меньшевизму, дал ему принципиальное обоснование в своих статьях в «Искре» (№№ 55 и 57) и выступал с тех пор неизменно в качестве одного из самых яростных противников большевизма. Аксельроду принадлежит руководящая роль в выработке меньшевистской тактики за все время существования меньшевистской партии. В ноябре 1904 г. написал листовку: «Письмо к партийным организациям», с планом земской кампании. В 1905 г. выступал с агитацией за «народную думу». На IV (объединительном) съезде Р. С.-Д. Р. П. (Стокгольм 1906 г.) выступил с программным докладом о тактике по отношению к Государственной Думе, защищал идею «политического сотрудничества пролетариата и буржуазии в абсолютистской России». Осенью 1905 г. выдвинул идею созыва «рабочего съезда». Общая идея политики Аксельрода, особенно настойчиво проповедывавшаяся им с момента поражения революции 1905 г., заключалась во фракционном сплочении меньшевиков с целью произвести «партийную революцию», т.-е. «коренным образом изменить характер русской с.-д-тии, как он сложился в дореволюционную и революционную эпоху, и организовать ее на тех же началах, на каких зиждется партийный строй европейской с.-д-тии», т.-е. на началах реформизма и легализма. В годы реакции возглавлял «ликвидаторство» и входил в редакцию ликвидаторского органа «Голос Социал-Демократа». Участник циммервальдской и кинтальской конференций, где занимал крайне-правое крыло. Участвовал в попытке создания II½ Интернационала. Был яростнейшим противником Советской власти, проповедывавшим вооруженную интервенцию против С. С. С. Р. — **12 — 14, 51, 54, 55, 92, 109, 124, 166, 192, 244, 256, 282.**

АЛЕКСЕЕВ, Е. И. (1843 — 1909) — побочный сын Александра II, адмирал, с 1903 г. — наместник Николая II на Дальнем Востоке. Своей авантюристической политикой захвата Кореи провоцировал войну Японии с Россией. С началом войны А. был назначен главнокомандующим всеми войсками и флотом; обнаружил полную бездарность и был заменен Куропаткиным. В начале 1905 г. отозван с Дальнего Востока и больше никакой роли не играл. — **47.**

АЛЕКСЕЕВ, Н. А. (р. 1873) по III съезду — **АНДРЕЕВ**; литературный псевдоним «Угрюмый». Был арестован в январе 1898 г. по делу Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и двух первых номеров «Рабочей Мысли». Сосланный летом 1899 г. на 4 года в Вятскую губ., А. в конце декабря того же года бежал в Англию и с января 1900 г. по ноябрь 1905 г. жил в Лондоне. Был членом «Заграничного Союза русских с.-д.», потом «Заграничной Лиги русской революционной социал-демократии»; после раскола на II съезде партии был представителем большевистской организации в Лондоне; на III съезде партии в 1905 г. был с совещательным голосом. В организации съезда в Лондоне принимал деятельное участие. В декабре 1905 г. вернулся в Петербург, был членом редакционной коллегии большевистских газет и журналов, вел также пропагандистскую и агитационную работу. С 1911 — 1917 г.г. работал в качестве врача в Сибири. После Февральской революции 1917 г. был членом комитета Иркутской Объединенной с.-д. организации, иркутского совета военных депутатов. После падения Советской власти в Иркутске в 1918 г. был несколько раз арестован и в январе 1919 г. выслан в Киренский уезд Иркутской губ. В декабре 1919 г. принял участие в свержении колчаковщины на Лене, был председателем Киренского ревкома. По предложению В. И. Ленина в начале 1922 г. был вызван для

работы в центре. Работал в Главполитпросвете и в Коминтерне. В настоящее время работает в Институте Монополии Внешней торговли. Литератор и переводчик. — 275.

АМАДЕО (АМАДЕЙ), ФЕРДИНАНД (1845 — 1890) — сын итальянского короля Виктора-Эммануила II, избранный в 1870 г. королем Испании. Под давлением восстаний, начавшихся на севере Испании с 1872 г., А. был вынужден в 1873 г. отречься от престола. — 324.

АНДРАШИ (ANDRASSY), ЮЛИЙ (1823 — 1890) — граф, австро-венгерский дипломат. В годы молодости был одним из участников патриотического мадьярского движения. Принимал участие в революции 1848 г., за что в 1851 г. был заочно, после побега, приговорен к смертной казни. После амнистии вернулся и стал мирным поборником мадьярской автономии. В 1866 г. был избран в Венгерский сейм, а в 1867 г. назначен главой первого конституционного кабинета Венгрии. В 1871 г. назначен министром иностранных дел Австро-Венгрии и министром императорского двора. А. всю внешнюю политику Австро-Венгрии направил на Балканы. Под влиянием А. Австро-Венгрия придерживалась строгого нейтралитета в франко-прусской войне. При его участии был заключен двойственный оборонительный союз Австрии и Германии против России. В 1879 г. А. вышел в отставку. — 358 — 360.

АНДРЕЕВ — см. АЛЕКСЕЕВ, Н. А.

АРСЕНЬЕВ, К. К. (1837 — 1919) — либеральный публицист и общественный деятель. С 1866 г. по 1874 г. работает в адвокатуре; с 1874 г. по 1882 г. по судебному ведомству. С 1882 г. занялся литературной работой в «Вестнике Европы», с 1909 г. был ответственным редактором этого журнала. Был одним из основателей партии демократических реформ. — 96.

Б.

Б. — представитель Ц. К. в Совете Партии в начале 1905 г. — 233, 234.

БАЗАРОВ (РУДНЕВ), В. А. (р. 1874) — социал-демократ, в революцию 1905 г. примыкавший к большевикам и участвовавший в ряде большевистских изданий 1905 — 7 г.г. В 1917 г. интернационалист и один из редакторов «Новой Жизни». Переводчик «Капитала» и автор ряда философско-публицистических и экономических работ. В области философии — махист-богдановец. Работал в Госплане С. С. С. Р. В 1930 г. осужден по делу контрреволюционной организации меньшевиков-интервенционистов. — 25.

БАРОН — см. ЭССЕН, Э. Э.

БАРСОВ — см. ЦХАКАЯ, МИХА. — 276.

БАУМАН, Н. Э. (ГРАЧ) (1873 — 1905) — один из активнейших членов организации «Искры»; в 1900 г. бежал из ссылки за границу, примкнул к Группе «Освобождение Труда» и в апреле 1900 г. был участником второго съезда Союза русских социал-демократов; с декабря 1900 г. работал в России в качестве агента «Искры» и был одним из главных организаторов транспорта и техники по распространению «Искры»; на II съезде Р. С.-Д. Р. П. был делегатом от Московского Комитета (по протоколам съезда — Сорокин) и принадлежал к группе «большинства»; был на 2-ом съезде Лиги (по протоколам съезда Лиги — С. Сарафский), активно выступая в группе «большинства»; после съезда был одним из самых активных работников «большинства» в русской организации партии; 31 (18) октября 1905 г. был убит черносотенцем в Москве на улице. В № 24 «Пролетария» напечатан некролог Баумана, написанный Вл. Ильичем. — 62.

БЕБЕЛЬ, АВГУСТ (1840 — 1913) — виднейший представитель международного рабочего движения второй половины XIX и начала XX в., один из основателей и вождей германской социал-демократии и II Интернацио-

нала, рабочий-токарь по дереву. В 1866 г. вступил в Интернационал, где стал последователем Маркса. Вместе с В. Либкнехтом основал в 1869 г. «Соц.-дем. рабочую партию», слившуюся в 1875 г. с лассальянцами в единую «Социалистическую рабочую партию Германии», впоследствии переименованную в «Соц.-дем. партию Германии». Неоднократно избирался депутатом от соц.-демократической партии в рейхстаг. В 1872 г. был вместе с Либкнехтом за требование мира с французской республикой и за протесты против захвата Эльзаса и Лотарингии приговорен к двухлетнему заключению в крепости, несколько раз подвергался административной высылке и тюремному заключению. Постоянный участник партейтагов (партийных съездов). Играл выдающуюся роль в международном пролетарском движении. В теории всегда признавал себя учеником Маркса и Энгельса. Стоял на левом крыле партии, неоднократно и резко выступал против бернштейнианства и оппортунизма в рядах партии и на международной арене. К концу жизни занял центристскую позицию. Автор ряда книг, брошюр и речей, пользовавшихся широким распространением. — 61, 138, 165.

БЕРНШТЕЙН, ЭД. (1850 — 1932) — германский с.-д., в эпоху исключительных законов против социалистов редактор нелегального центрального органа партии («Sozial-Demokrat»). В середине 90-х г.г. выступил в теоретическом органе германской с.-д-ии «Neue Zeit» со статьями, где пытался подвергнуть пересмотру философские, экономические и политические основы революционного марксизма и заменить их теорией примирения классовых противоречий, отрицанием социалистической революции и верой в возможность достижения социализма путем постепенного «врастания» в капиталистический строй. Более или менее связное изложение своих взглядов Бернштейн дал в книге «Предпосылки социализма и задачи с.-д-ии», вышедшей в январе 1899 г. Выступления Бернштейна, вызвавшие резкую критику Р. Люксембург и Парвуса, а затем Плеханова и, после некоторых колебаний, Каутского, послужили исходным пунктом широкой и острой полемики в среде международной с.-д-ии и привели к оформлению двух течений: ортодоксов и ревизионистов. В последнее время Бернштейн — один из лидеров II Интернационала. Его воззрения целиком победили в германской с.-д-ии и нашли свое отражение в новой программе партии, принятой в 1925 г. в Гейдельберге. — 271.

БИСМАРК (1815 — 1898) — «железный канцлер» Германской империи, главным делом которого было объединение «кровью и железом» мелких разрозненных немецких государств и создание германского национального единства под главенством юнкерской Пруссии. При нем было введено в Германии всеобщее избирательное право. При помощи исключительных законов против социалистов (1878 г.) пытался бороться со все усиливающимся ростом и влиянием германской с.-д-ии. — 13.

БОГДАНОВ, А. А. (1873 — 1928) — литературный псевдоним А. А. Малиновского (Вернер, Рахметов, Рядовой). Кружки среди рабочих (в Туле) начал вести с 1896 г. В результате этих кружковых занятий сложился «Краткий курс экономической науки». На эту книгу дана была Лениным рецензия, помещенная в I т. Собр. соч. По образованию Б. естественник и медик. Как большевик Б. определился с осени 1903 г. Весной 1904 года ездил в Швейцарию к Ленину. На известном собрании «22» был намечен в члены Б. К. Б., принимал самое энергичное участие в организационной работе по созыву съезда. Большинство прокламаций Б. К. Б. принадлежит перу Б. На III съезде Б., делегированный от Тульской организации (Максимов), выступал с рядом докладов (по организационным вопросам, о вооруженном восстании). На съезде же Б. был выбран в члены Ц. К. В «дни свободы» работал в редакции большевистской «Новой Жизни». Был представителем от Ц. К. в Совете Рабочих Депутатов, где и арестован 16 (3) декабря 1905 г. С 1910 г. Б. находился вне рядов боль-

шевиков. О реакционных воззрениях Б., который в области философии являлся последователем Маха и Авенариуса, пытаясь в то же время создать самостоятельное направление в философии («эмпириомонизм» и «тектология») см. книгу Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». В последнее время Б. целиком посвятил себя научной разработке вопросов биологии. — 24, 25, 54, 94, 100, 207.

БОГУЧАРСКИЙ — литературный псевдоним В. Я. Яковлева (1861 — 1915) — политический деятель и историк революционного движения в России. За связи с народовольцами был в ссылке с 1884 по 1890 г.г. По возвращении из ссылки был близок к народоправцам. К концу 90-х г.г. эволюционировал в сторону легального марксизма, сотрудничая в «Новом Слове». Вместе со Струве принимал участие в организации либерального органа «Освобождение». После 1905 г. вместе с Прокоповичем и Кусковой ушел из «Освобождения»; редактировал газету «Товарищ» и еженедельник «Без Заглавия». В 1906 г. Б. был соредактором Бурцева в журнале «Былое», за что в 1909 г. был выслан за границу. Б. дал ряд книг по истории революционного движения. Наиболее известен его трехтомный сборник официальных материалов: «Государственные преступления в России в XIX в.» Спб. 1906 г., «Из истории политической борьбы в 70 и 80 г.г. XIX века», «Партия Народной Воли». М. 1912 г. В своих собственных исторических исследованиях Б. обнаруживает эклектизм и неисторичность («Активное народничество» (1912 г.)). — 97.

БОРИС — см. НОСКОВ, В. А.

БОРН (БУТТЕРМИЛЬХ), СТЕФАН (1824 — 1898). — В 1840 г. Б. поступил учеником в типографию. В 1846 г. Б. в Париже познакомился с Энгельсом, вступил в Союз коммунистов и вел работу среди немецких рабочих-эмигрантов. Осенью 1847 г. Б. ездил по поручению Ц.К. Союза в Лион и Швейцарию. С конца 1847 г. до мартовской революции Б. жил в Брюсселе, где близко сошелся с Марксом и работал как деятельный член Союза. После мартовской революции Б. уехал в Берлин, где его усилиями был создан 19 апреля 1848 г. Центральный Рабочий Комитет. На конгрессе в Берлине (23 авг. — 3 сент. 1848 г.) им была организована массовая рабочая организация: «Рабочее братство». Б. был избран членом Ц. К. «Братства». В 1848 и 1849 г.г. Б. редактировал рабочие газеты: сначала «Volk» (в Берлине), затем «Verbrüderung» (в Лейпциге). Здесь Б., подпадая под влияние цеховщины, все более отходит от идей Союза коммунистов. В октябре 1848 г. Б. внес предложение на Берлинском конгрессе примкнуть к демократической партии. В мае 1849 г. Б. принял участие в Дрезденском восстании. Затем бежал в Швейцарию. В рабочем движении более участия не принимал. С 1878 г. Б. становится журналистом и профессором по истории литературы в Базельском университете. В 1898 г. Б. выпустил «Воспоминания», где имеется ряд выпадов против Энгельса. — 319.

БРАНТИНГ, КАРЛ ЯЛЬМАР (1860 — 1925) — лидер шведской соц.-дем. и один из вождей II Интернационала. С 1884 г. работал в газете «Тиден», с 1887 г. был редактором-издателем партийного органа «Социал-Демократен». В 1896 г. прошел в нижнюю палату депутатов (риксдаг), еще до войны был крайним приверженцем министериализма. Во время империалистической войны Б. — сторонник франко-английской ориентации. В 1917 г. Б. входит в качестве министра финансов в кабинет Эдена, оказавшего вооруженную помощь белофинским палачам рабочего класса Финляндии. Б. составлял соц.-дем. министерство в 1920 — 1921 г. (премьер) и в 1924 г. Б. был назначен представителем Швеции в совете Лиги Наций. — 289.

БРАУН — см. СТЕПАНОВ, С. И.

БРУКЕР — псевдоним Лидии Маховец, сестры Акимова — делегатка от Петербургской рабочей организации на II съезде партии, представительница «экономического» направления в Р. С.-Д. Р. П. — 168.

БУЛЫГИН, А. Г. (1851 — 1919) — министр внутренних дел, автор проекта Государственной Думы, опубликованного 19 (6) августа 1905 г. Начал свою карьеру судебным следователем. В 1879 — 81 г.г. — инспектор главного тюремного управления. В 1888 — 93 г.г. — тамбовский вице-губернатор и калужский губернатор. В 1893 — 1900 — московский губернатор. В 1900 — 1904 — помощник московского генерал-губернатора, много способствовавший деятельности Зубатовской охранки. В 1905 г. был назначен членом Государственного Совета, а 20 января 1905 г. — министром внутренних дел на место Святополка-Мирского. После 17 октября получил отставку, но остался членом Гос. Совета, где принадлежал к крайним правым. — 180, 236, 237, 355, 360, 366, 393, 394.

БЮХНЕР, Л. (1824 — 1899) — немецкий натуралист и философ; представитель т. н. «вульгарного материализма»; был приват-доцентом в Тюбингене. Его главные сочинения: «Kraft und Stoff» («Сила и материя») 1855 г., «Natur und Geist» («Природа и дух») 1857 г., «Physiologische Bilder» («Физиологические картины» 21 изд. 1904 г. рус. пер.). Вл. Ильич в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм», при характеристике Бюхнера, Фогта и Молешотта, вслед за Энгельсом, указывает на следующие «три ограниченности», которые делают материализм этих философов «вульгарным»: 1) «воззрение старых материалистов было «механическим *в том смысле*, что они применяли исключительно масштаб механики к процессам химической и органической природы»»; 2) «метафизичность воззрений старых материалистов в смысле «*антидиалектичности их философии*»»; 3) «сохранение идеализма «вверху» в области общественной науки, непонимание исторического материализма». — 200.

В.

ВАГНЕР, АДОЛЬФ (1835 — 1917) — германский экономист, профессор политической экономии и финансов, один из представителей «катедер-социализма». В 1872 г. участвовал в основании «Союза социальной политики», в дальнейшем, однако, отошел от этого союза и примкнул к христианскому социализму Штеккера. В 80-х годах был сторонником политики Бисмарка. Состоя членом палаты депутатов, в 1882 — 1885 г.г. примыкал в ней к консервативной партии. С 1910 г. член прусской палаты господ. По своим экономическим взглядам Вагнер был представителем «молодой» исторической школы. Будучи ранее сторонником фритредерства, в позднейший период Вагнер защищал высокие хлебные пошлины, государственную эксплуатацию железных дорог и т. д. — 61.

ВАДИМ — см. ПОСТОЛОВСКИЙ, Д. С.

ВАЛЕРЬЯН — см. ЛЮБИМОВ, А. И.

ВАРЛЕН, ЛУИ ЭЖЕН (1840 — 1871) — социалист, рабочий, основатель первого союза переплетчиков. Один из основателей и наиболее деятельных членов I Интернационала, руководитель его французской секции. Был делегатом на Лондонской всемирной выставке 1862 г. Принимал участие в Женевском конгрессе 1866 г. по выработке статутов Интернационала. В дни Парижской Коммуны состоял членом правительства Коммуны, сначала в качестве члена финансовой комиссии, затем заведующего интендантством. Примыкая к левым прудонистам, принадлежал к группе «меньшинства» Коммуны. Был членом Ц. К. Национальной гвардии. Во время осады Парижа версальцами, геройски сражаясь на баррикадах, был захвачен в плен, подвергнут диким пыткам и издевательствам и 28 мая расстрелян без суда. — 187, 321.

ВАСИЛЬЕВ — см. ЛЕНГНИК, Ф. В.

В. В. — псевдоним В. П. Воронцова (1847 — 1918), одного из главных теоретиков народничества 80 — 90-х г.г. Главные сочинения: «Судьбы

капитализма в России» (1883), «Наши направления» (1893), «Очерки теоретической экономии» (1895). Сотрудничал во всех руководящих органах народничества — от Лавровского «Вперед» (в 70-х г.г.) до «Русского Богатства» Михайловского, с которым в начале 90-х г.г. разошелся. После этого стал писать в либеральном «Вестнике Европы». Яростный противник марксизма; «самобытные» взгляды В. В., упорно отстаивавшего «устои» народничества, служили объектом критических статей чуть ли не всех первых марксистов в России. Систематическую критику взглядов В. В. дал Г. В. Плеханов в своем сочинении: «Обоснование народничества в трудах г. Воронцова (В. В.)». — 71, 74.

ВИЛЛИХ, А. (1810 — 1878) — прусский офицер, участник революции 1848 г. После поражения революции эмигрировал за границу. Наряду с Шаппером — руководитель меньшинства в «Союзе коммунистов» после раскола в 1850 г. По выражению Маркса, возглавлявшего большинство этого союза, В. поддавался революционной фразе и занимался «игрой в конституции и революции, игрой, одинаково компрометирующей как их самих, так и дело, которому они служат». — 272, 320.

ВИТТЕ, С. Ю. (1849 — 1915) — самый выдающийся из министров Александра III и Николая II, своими мероприятиями в области финансов (введение золотой валюты, усиление покровительственной системы, винная монополия), железнодорожного дела и пр. много способствовавший развитию капитализма в России. В своих записках о земстве (1898 — 1899 г.г.) доказывал несовместимость земского самоуправления с самодержавием. После неудачной для Романовской монархии русско-японской войны ему было поручено ведение переговоров о мире с Японией. В 1905 г. — председатель совета министров. В виду усиления революционного движения выступил с планом ликвидации революции путем уступок и созыва Законодательной Государственной Думы. Автор манифеста 17 октября 1905 г. Сошел с политической сцены после поражения революции 1905 г. См. его «Воспоминания» (изд. Гиз, Петроград, 1923). — 6, 96, 177, 343.

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ (1847 — 1909) — вел. князь, дядя Николая II. Главнокомандующий войсками гвардии в Петербургском военном округе, член Гос. Совета, главный вдохновитель бойни 9 января. — 79, 84, 87, 90.

ВОИНОВ — см. ЛУНАЧАРСКИЙ, А. В.

ВОРОВСКИЙ, В. В. (1871 — 1923) — один из виднейших членов В.К.П.(б.). В революционное движение вступил в 1890 г., был выслан на 3 года в Вятскую губ. В эпоху бернштейниады решительно занял позицию революционного социал-демократа. В 1901 г. поместил в «Жизни» резкую статью против Струве и Бернштейна (под псевдонимом — Ю. Адамович). В 1902 г. выехал за границу и сотрудничал в «Искре». В 1903 г., после II съезда Р. С.-Д. Р. П., примкнул к большевикам, участвовал в создании большевистской газеты «Вперед», в редакцию которой входил вместе с Лениным, Ольминским и др., участвовал в подготовке и проведении III съезда партии, входил в редакцию газеты «Пролетарий». В 1906 г. участвовал в IV «объединительном» съезде партии, сотрудничал в большевистских изданиях, затем вел партийную работу в Петербурге и Одессе, неоднократно подвергался арестам и обыскам. Автор ряда статей в газетах и журналах: «Правда», «Просвещение», «Мысль» и др. (часть статей Воровского издана отдельно под заглавием «Литературные очерки»). В 1917 г. член Заграничного Бюро Ц. К.; после Октябрьской революции представитель Р. С. Ф. С. Р. в Швейцарии, в 1921 г. — полпред в Италии, представитель Р. С. Ф. С. Р на Лозаннской конференции. Убит 10 мая 1923 г. в Лозанне фашистом Конради. — 25, 42, 94, 156, 208, 226, 254.

ВТОРОВ — см. КРОХМАЛЬ, В. Н.

Г.

ГАЙНДМАН, Г. (1842 — 1922) — один из основателей с.-д. федерации в британской социалистической партии (1911 г.). Г. был председателем Международного соц. конгресса в Лондоне в 1896 г., членом М. С. Б. (1900 — 1910). Большим влиянием на английское рабочее движение он не пользовался. В начале империалистической войны вместе с британской соц. партией Г. занял антимилитаристическую позицию, но вскоре стал открытым социал-шовинистом, вследствие чего был исключен из партии, левое крыло которой позже вошло в Коминтерн. — 48, 176.

ГАЛЕРКА — см. **ОЛЬМИНСКИЙ, М. С.**

ГАЛЛИФЕ (1830 — 1909) — маркиз, французский генерал, один из главных участников подавления Парижской Коммуны 1871 г., отличавшийся особенной жестокостью. По его приказу были расстреляны и замучены в майскую кровавую неделю тысячи коммунаров. В 1899 — 1900 г.г. Г. состоял военным министром в кабинете Вальдека-Руссо, вместе с «социалистом» Мильераном. — 187, 321.

ГАЛЬБЕРШТАДТ, Р. С. (ФИШЕР) (р. 1877) — член О. К. по созыву 2-го съезда, делегатка последнего (Фишер). На съезде примкнула к меньшевикам. В конце 1904 г. кооптирована в Ц. К. в числе 3-х меньшевиков. — 42.

ГАЛЬПЕРИН, Л. Е. (КОНЯГА) (р. 1872) — с.-д. с 1898 г., искровец, работал в качестве агента «Искры» в России, принимал деятельное участие в организации Кавказского Рабочего Союза и Бакинской типографии. После II съезда партии — твердый сторонник «большинства»; после кооптации в Ц. К., будучи на работе в России, Г. вместе с Л. Б. Красиным и В. А. Носковым занял в Ц. К. по отношению к меньшевикам примиренческую позицию и вместе с названными товарищами участвовал в известном перевороте в Ц. К. («июльская» декларация Ц. К. 1904 г.), взявшем курс на безоговорочное примирение и объединение с меньшинством; 22 (9) февраля 1905 г. в числе прочих членов примиренческого Ц. К. был арестован на заседании Ц. К. в квартире Л. Андреева; с 1906 г. отошел от партии; в настоящее время работает в ИМЭЛ. — 42.

ГАНЕЙЗЕР, Е. А. (р. 1859) — публицист. С 1882 г. стал сотрудничать в провинциальных газетах: харьковском «Южном Крае», киевской «Заре», екатеринославском «Днепре», «Русском Курьере», саратовских газетах; затем сотрудничал в «Русских Ведомостях». С 1904 г. состоял членом редакции «Сын Отечества». — 97.

ГАПОН, Г. А. (1870 — 1906) — священник, будучи студентом Петербургской духовной академии, вел миссионерские беседы среди рабочих. В 1902 г. Гапон знакомится с Зубатовым, по совету которого организует кружки среди рабочих, устраняя из их программы зубатовское противопоставление экономики политике и центральной задачей выдвигая удовлетворение религиозно-нравственных и культурно-просветительных запросов рабочих. С помощью Плеве Гапон добился в феврале 1904 г. утверждения устава субсидируемого охранкой «Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга». К концу года «Собранием» было охвачено до 9 тысяч рабочих. Петиционная земская кампания дает Гапону идею рабочей петиции царю, а столкновение рабочих с администрацией Путиловского завода, поддержанное всеобщей забастовкой петербургского пролетариата, создает подходящее настроение для хождения к царю с петицией. Эмигрировав за границу после 9 января, Гапон пытался политически самоопределиться, для чего вел переговоры с Плехановым, Лениным, эсерами и др. По возвращении в Россию Гапон снова возобновил свои сношения с департаментом полиции. Рутенберг дал возможность рабочим

убедиться лично в предательстве Гапона, и он был убит в Озерках в апреле 1906 г. — 80, 84, 85, 88 — 90, 96, 102, 106, 119 — 122, 193, 194, 288 — 290.

ГАРИБАЛЬДИ, ДЖУЗЕППЕ (1807 — 1882) — итальянский политический деятель, герой национально-освободительных войн Италии. В юности примкнул к основанному Мадзини тайному обществу «Молодая Италия» и был принужден покинуть Италию. В 1848 и 1849 г.г. боролся за независимость Италии во главе отряда добровольцев. В 1855 г. участвовал в войне против Австрии и захватил Сицилию в 1860 г. В 1870 — 71 г.г. принимал участие в военных действиях Франции против Германии и был избран депутатом от нескольких департаментов. Гарибальди был республиканцем и вел борьбу с реакционными силами и клерикализмом. — 163.

ГЕЙДЕН, П. А. (1840 — 1907) — граф, представитель земского либерализма, президент Вольного Экономического Общества в 90-х г.г.; участник земских съездов 1904 — 05 г.г.; депутат 1-й Гос. Думы от Псковской губ.; лидер левого крыла партии октябристов; после разгона Думы — один из организаторов партии мирного обновления. См. о нем статью Ленина «Памяти графа Гейдена». — 353, 354.

ГЕЛЬФИН, И. — представитель Ц. К. Бунда на конференции революционных партий и групп, созванной Гапоном в Женеве 2 апреля 1905 г. Возможно, что Гельфин — псевдоним Медема или Коссовского, членов Ц. К. Бунда, бывших в то время за границей. — 290.

ГЕССЕН, И. В. (р. 1866) — присяжный поверенный, один из организаторов и виднейших деятелей кадетской партии, редактор журнала «Право» и кадетской «Речи», депутат II Гос. Думы от Петербурга; автор книги «Судебные реформы» (1905 г.). В настоящее время издает в Берлине белогвардейскую газету «Руль» и «Архив Русской Революции». — 96.

ГЕРЦ, ФР. — австрийский экономист, бывший соц.-демократ, один из критиков Маркса в аграрном вопросе: в своей книге «Аграрные вопросы с точки зрения социализма» пытался доказать живучесть мелкого землевладения в современном капиталистическом обществе и его способность противостоять конкуренции крупного хозяйства. В России книга Герца была широко использована народниками для борьбы с марксистами. — 71.

ГЛЕБОВ — см. **НОСКОВ, В. А.**

ГОЛОВИН, Ф. А. (р. 1867) — земский деятель, с 1898 г. по 1907 г. состоял членом, затем председателем Московской губернской земской управы, был членом нелегальной организации земцев «Беседы», явившейся зерном «Союза Освобождения». В 1904 — 05 г.г. был председателем бюро земских съездов. Был одним из участников «депутации земских и городских деятелей» к Николаю II 19 (6) июля 1905 г. С 1905 г. член к.-д. партии. В 1907 г. председатель Гос. Думы II созыва и член Гос. Думы III созыва по 1910 г., когда отказался от звания члена Думы и от политической деятельности. В годы мировой войны состоял членом ревизионной комиссии Союза Городов и президентом Московского О-ва Сельского Хозяйства. При временном правительстве занимал должность комиссара. После Октябрьского переворота работал по страхованию от огня. — 353.

ГОРСКИЙ — см. **ШОТМАН, А. В.**

ГОРЬКИЙ, М. (р. 1868) (литературный псевдоним А. М. Пешкова) — известнейший русский пролетарский писатель и драматург. Начал литературную деятельность в 90-х годах. Принимал активное участие в политической и общественной жизни, неизменно поддерживая связь с рабочим движением и с.-д. партией. Примыкая теснейшим образом к большевикам, Горький активно помогал партии в самых разнообразных сферах

ее деятельности, принимал участие в ряде партийных предприятий, сотрудничал в партийных изданиях, находился в тесных деловых и личных отношениях как с рядовыми партийцами-рабочими, так и с руководителями партии, в частности с Лениным, Красиным и др. Ленин особенно высоко ценил значение художественной деятельности Горького для рабочего класса и сотрудничество его с большевистской партией, не останавливаясь, конечно, перед критикой отдельных идеологически или политически неправильных выступлений Горького (союз с махистами в 1908—10 г.г., его позиция накануне и во время Октябрьской революции). — 96, 97.

ГРЕЙЛИХ, Г. (H. GREULICH) (1842—1925). Родился в Бреславле. В 1865 г. учеником-переплетчиком приехал в Цюрих. Входил в демократический союз «Грютли». Вместе с К. Бюркли основал Цюрихскую секцию Интернационала. Был редактором «Züriche Tagwacht», с 1884—87 г.г. руководил Кантональным статистическим бюро; во II Интернационале был на правом оппортунистическом фланге. — 91, 99.

ГРИППЕНБЕРГ, О. К. (1838—1915) — генерал, участник русско-турецкой войны. Во время японской войны командовал второй манчжурской армией на Д. Востоке. После поражения при Сандепу, вследствие разногласий с Куропаткиным, был уволен. — 104.

ГУСЕВ, С. И. (НАЦИЯ, ХАРИТОН) (1874—1933) — видный большевик, в 1896 г. вступил в Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Участвовал в «Ветровской» демонстрации (16 (4) марта 1897 г.). Принимал участие в руководстве ростовской забастовкой 1902 г., а затем в организации мартовской демонстрации 1903 г., после чего эмигрировал в Женеву. Участвовал на II съезде Р. С.-Д. Р. П. в качестве делегата от Донского комитета и решительно стал на сторону Ленина. После съезда (осенью 1903 г.) объехал с докладом о нем южные города (Киев, Одессу, Николаев, Харьков), но затем вернулся за границу. За границей (Женева, Париж) оставался до ноября 1904 г. В начале декабря 1904 г. выехал в Петербург, где оставался до мая 1905 г. в качестве секретаря Петербургского комитета и Б. К. Б. Затем был секретарем Одесского комитета Р. С.-Д. Р. П. (б.). В январе 1906 г. переехал в Москву, где был членом Московского комитета Р. С.-Д. Р. П. (б.). Весной 1906 г. ездил в Стокгольм в качестве делегата московской организации на IV (объединительный) съезд. В сентябре 1906 г. арестован в Москве. Был выслан на три года под надзор полиции в Березов Тобольской губернии. Через год переведен был в Тобольск, откуда весной 1909 г. бежал. В течение лета и осени 1909 г. по поручению Ц. К. объезжал южные города. Осенью 1909 г. приехал в Петербург, где познакомился со Свердловым и вместе с ним около 3 месяцев работал в организации, затем бежал от ареста в Териоки. К партийной работе вернулся в 1917 г. В Октябрьские дни был секретарем Военно-Революционного Комитета Петрограда, с весны 1921 г. начальником Политуправления Республики и членом Р. В. С. С 1923 г. — секретарь Ц. К. К. В. К. П. (б.) и член коллегии Н. К. Р. К. И С. С. С. Р. Последние годы жизни работал в Коминтерне. — 24, 100.

ГУЭН, ЖЮЛЬ (GOUIN) — директор крупной машинной фабрики в предместьи Парижа, Батиньоле. — 203.

ГЭД, Ж. (1845—1922) — основатель и многолетний руководитель марксистской рабочей партии во Франции. Основатель первой марксистской газеты во Франции. В 1881 г. вместе с Марксом и Энгельсом выработал программу французской социалистической партии. Как внутри партии, так и на международной арене вел борьбу как с анархо-синдикалистскими и прудонистскими, так и с оппортунистическими, поссибилистскими, бернштейнианскими течениями и группами, отстаивая в теории и в тактике принципы ортодоксального марксизма. Особо жестокую борьбу пришлось вести Гэду против жоресистской политики блоков и соглашений

с буржуазией. В частности, Гэду принадлежит заслуга широкой революционной кампании в связи с вхождением социалистов в буржуазное министерство («мильеранизм»). В объединенной социалистической партии Франции (гэдисты объединились с жоресистами после Амстердамского международного конгресса 1904 г.) гэдисты оставались левым, марксистским крылом, продолжая идейную борьбу с оппортунизмом. С начала империалистской войны Гэд резко изменил всему своему революционному прошлому, не устоял перед «патриотическими» настроениями, пошел на «священный союз» с буржуазией и вошел в буржуазное правительство национальной обороны. — 48, 176.

Д.

ДАВИД, ЭДУАРД (1863 — 1930) — германский социал-демократ, экономист, бернштейнианец. После Франкфуртского съезда (1894 г.) вошел в образованную съездом комиссию по выработке аграрной программы с проектом, обещавшим крестьянству обеспечение и упрочение мелкой частной собственности при капитализме; Бреславский съезд 1895 г. отверг этот проект. В 1903 г. выпустил исследование «Социализм и сельское хозяйство», где пытался доказать несостоятельность экономического учения Маркса в области сельского хозяйства. С 1903 г. член рейхстага. В годы империалистической войны крайний социал-шовинист; после революции 1918 г. вошел в первое коалиционное правительство Германской республики, в 1919 — 1920 г.г. — министр без портфеля. Один из виднейших представителей ревизионизма, проделавший типичную эволюцию от якобы «научных» поправок к теории Маркса к прямой борьбе в союзе с буржуазией с революционным пролетариатом. — 71.

ДАН, Ф. И. (псевдоним Ф. И. Гурвича) (р. 1871) — один из вождей меньшевизма, в 90-х годах работал в Петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». Был сослан на три года в Вятскую губернию. По окончании ссылки принимал участие в русской и заграничной с.-д. работе. В 1902 г. в качестве агента «Искры» участвовал в конференции в Белостоке, имевшей целью подготовку II съезда Р.С.-Д.Р.П., после которой был арестован и сослан в Восточную Сибирь, откуда эмигрировал за границу. Революция 1905 г. дала ему возможность вернуться в Россию. Участник партийных съездов 1906 и 1907 г.г. и ряда конференций. Публицист и редактор ряда меньшевистских изданий. Бессменный член меньшевистских О. К. и Ц. К. В годы реакции поддерживал ликвидаторов, во время войны при царизме — «пацифист» и «центрист», после февраля «революционный» оборонец и соглашатель, после Октября деятельный противник коммунистической партии и советской власти. Член заграничного центра меньшевиков и II Интернационала. — 13, 157.

ДЕЙЧ, Л. Г. (р. 1855) — в семидесятых годах примкнул к революционному движению в качестве народника-бунтаря, разделяя взгляды Бакунина. В 1877 году вместе со Стефановичем организовал в Чигиринском уезде крестьянское восстание с помощью «золотой грамоты», подложного царского манифеста о передаче помещичьей земли крестьянам; бежал из Киевской тюрьмы. При расколе «Земли и Воли» в 1879 г. примкнул к чернопередельцам и вскоре эмигрировал за границу. В 1883 г. вместе с Плехановым, Засулич, П. Аксельродом организовал Группу «Освобождение Труда». Был выдан Германией русскому правительству и пробыл 16 лет на каторге и поселении, откуда в 1901 г. бежал. За границей примкнул к «Искре». После II съезда — меньшевик. В 1906 году был арестован в Петербурге и сослан в Сибирь, откуда вновь эмигрировал за границу. В годы войны занял крайнюю шовинистскую и

соглашательскую позицию, сотрудничал в Париже в социал-патриотическом «Призыве», издававшемся Плехановым, Авксентьевым, Алексинским и Бунаковым. В 1917 г. входил в группу «Единство». — 232, 234.

ДЕСНИЦКИЙ, В. А. (СОСНОВСКИЙ, СТРОЕВ) (р. 1878). Начал соц.-дем. работу в 1897 г. в Сормове и в Нижнем-Новгороде. Участвовал в конференции поволжских партийных организаций (1900—1901) в Нижнем. Д. один из подписавшихся под декларацией 22-х большевиков (1904 г.). От Нижнего был делегатом на 3-м съезде партии (Сосновский). С ноября 1905 г. работал в Москве, был членом редакции газеты «Борьба». Принимал участие в работах Таммерфорсской партийной конференции. До 4-го съезда работал в Московском бюро Ц. К. На 4-м съезде избран в Ц. К. партии. Вместе с Богдановым, Луначарским, Горьким и др. был деятельным работником Каприйской школы. Начиная с 1909 г. от партийной работы отошел. В 1917 г. был одним из основателей «Новой Жизни». С 1919 г. вне политики и посвятил себя целиком научно-педагогической деятельности. — 275.

ДЖИОЛИТИ (GIOLITTI), ДЖОВАНИ (1843 — 1928) — итальянский политический деятель, вождь крупной банковской буржуазии. С 1882 г. — член парламента. С 1889 г. — министр финансов в кабинете Криспи. В 1892—1911 г.г. был четыре раза премьер-министром. — 322.

ДЖОРДЖ, ГЕНРИ (1839 — 1897) — американский экономист и публицист. В своем основном труде «Прогресс и бедность» Джордж доказывает, что главная причина бедности народных масс заключается в поземельной ренте, поглощающей все большую часть народного производства. Джордж не признает противоположности интересов труда и капитала; по его мнению, прибавочная стоимость есть результат естественных производительных сил земли и природы вообще. Защищает национализацию земли, при помощи высоких на нее налогов, как главное средство к исцелению всех социальных бедствий. В вопросах экономической политики Джордж ревностный сторонник свободы торговли. В качестве единомышленника Джорджа в России выступал Лев Толстой. Характеристику Джорджа см. в письме Маркса к Зорге 1881 года. — 174.

ДИЛЛОН, ЭМИЛИЙ (р. 1854) — журналист, русский корреспондент английской газеты «Daily Telegraph». Сотрудничал в «СПБ. Ведомостях» и в газ. «Одесские Новости». — 96.

ДОЛГОРУКОВ, ПАВЕЛ ДМ. (1866 — 1927) — князь, крупный помещик, земский деятель, участник земских съездов в 1904 — 05 г.г., один из основателей союза «Освобождения», уполномоченный дворянского отряда в русско-японской войне, депутат II Гос. Думы от Московской губ., член Ц. К. партии к.-д. После Октябрьской революции принимал активное участие в белогвардейских заговорах против Советской власти. — 353.

ДОЛГОРУКОВ, ПЕТР ДМ. (р. 1866) — князь, крупный помещик, видный земский деятель, член Московского центрального земского бюро, член Ц. К. кадетов, депутат I Гос. Думы, тов. председателя Думы. Подписал Выборгское воззвание, за что был исключен из курского дворянства. — 353.

Е.

ЕГОРОВ — см. ЛЕВИН, Е. Я.

ЕРМОЛОВ, А. С. (1846 — 1917) — министр земледелия и государственных имуществ с 1892 г. по 1905 г., проводивший дворянско-крепостнические тенденции в сельско-хозяйственной промышленности. В 1892 г. издал, вызвавшую большую полемику, книгу: «Неурожай и народное бедствие», в которой пытался оправдать сельско-хозяйственную политику правительства. — 236.

Ж.

ЖАРКОВ — см. **ЛЕЩИНСКИЙ, М. С.**

ЖОРЕС, ЖАН (1859 — 1914) — один из виднейших вождей французского социалистического движения. Первоначально профессор философии в Тулузе, сторонник идеализма в философии, Ж. в процессе постепенной эволюции превратился в социалиста, пытавшегося примирить марксизм с идеалистической философией. В общем стоял на правом фланге французского социализма и в начале XX века поддерживал социалиста Мильерана (нынешнего буржуазного политика), принявшего портфель в радикально-буржуазном кабинете Вальдека-Руссо (1899 г.). Спор, возникший по этому поводу во французской партии между оппортунистами и марксистами во главе с Гэдом, был разрешен в пользу марксистов на Амстердамском международном социалистическом конгрессе 1904 г. Ж. впервые был избран в парламент в 1885 г. в качестве левого радикала, в 1892 г. он прошел в качестве «независимого социалиста», а с 1902 г. являлся официальным представителем социалистической партии и лидером ее парламентской фракции. В 1897 году Ж. вместе с Золя и Клемансо принимал руководящее участие в известном деле Дрейфуса, а в 1904 г. основал центральный орган партии «Юманите», который и редактировал до конца своих дней. Ж. был одним из лучших ораторов Европы и весьма искусным парламентарием. Особенно энергично он вел борьбу с милитаризмом, отстаивая идею народной милиции. Был горячим сторонником франко-германского сближения. 31 июля 1914 г., т.-е. накануне войны, Ж. был убит шовинистом Виленом. Убийца Жореса был судом оправдан. — **48, 49, 198, 200.**

З.

ЗАСУЛИЧ, В. И. (1851 — 1919) — сначала народница, затем социал-демократка; революционную деятельность начала в конце 60-х г.г., в 1869 г. была арестована и 2 года просидела в тюрьме, до 1875 г. была в ссылке. В 1878 г. стреляла в петербургского градоначальника Трепова за наказание политического заключенного студента Боголюбова розгами. Судом присяжных была оправдана. После Воронежского съезда «Земли и Воли» примкнула к группе «Черный Передел». В 1880 г. эмигрировала за границу, где вместе с Плехановым и др. приняла участие в основании Группы «Освобождение Труда». Принимала участие в литературной деятельности Группы и впервые перевела на русский язык несколько важнейших произведений Маркса. Ездила нелегально в Россию. Напечатала марксистские монографии о Ж.-Ж. Руссо и Вольтере, а также ряд статей о русской литературе, критике и в защиту теории Маркса. С 1900 г. вместе с Лениным и др. редактировала «Искру». После раскола в 1903 г. примкнула к меньшевикам; в годы реакции солидаризировалась с ликвидаторами; во время войны и революции — социал-патриотка, противница Октябрьского переворота. — **92, 117.**

ЗЕМЛЯЧКА, Р. С. (р. 1875) — искровка, со II съезда партии большевичка, партийный практик-профессионал; в революционном движении участвовала с 90-х г.г.; в 1901 г. З. в качестве агента «Искры» была направлена в Одессу и оттуда в Екатеринослав, где пробыла до II съезда партии; на II съезде была делегатом от Одесского комитета (по протоколам съезда — Осипов); в сентябре — октябре 1903 г. была кооптирована в члены Ц. К.; летом 1904 г., когда определилась явно примиренческая линия большинства Ц. К., вышла из его состава; участвовала в заграничной конференции «22» большевиков летом 1904 г., выработавшей известную декларацию о положении в партии; после конференции по поручению руководящей

большевистской группы З. совершила объезд ряда партийных организаций на местах с агитацией за созыв III съезда партии; затем была выбрана в Бюро Комитетов Большинства; на III съезде партии была делегатом от петербургской организации; во время декабрьского восстания в Москве в 1905 г. была секретарем Московского комитета; после восстания перешла на работу в военную организацию и в апреле 1906 г. была арестована на всероссийской военной конференции; бежав из участка, З. вернулась в Петербург, где работала до ареста Петербургского комитета в октябре 1907 г.; после 1 года тюрьмы поехала на работу в Баку и затем по постановлению Ц. К. уехала за границу; вернулась в Россию в 1914 г.; в 1916 г. была членом Московского Бюро Ц. К.; в 1917 г. во время Февральской революции была секретарем М. К., потом организатором рогожско-симоновского района; после Октября была снова секретарем М. К. и организатором замоскворецкого района; в 1918 г. З. перешла на военную работу в Красную армию, где пробыла до взятия Крыма, после этого была секретарем Крымского Областного Бюро; в 1921 — 23 г.г. работала снова в Москве секретарем замоскворецкого района; в 1924 — 25 г.г. была членом Юго-Восточного Бюро Ц. К. (в Ростове н/Д); затем была секретарем мотовилихинского райкома на Урале. Ныне — член Комиссии Советского Контроля. — 24.

ЗИМИН — см. **КРАСИН, Л. Б.**

ЗИНОВЬЕВ, И. А. (1835 — 1917) — дипломат; с 1897 г. по 1909 г. — посол в Константинополе. — 389.

ЗУБАТОВ, С. В. (1864 — 1917) — вдохновитель и организатор «зубатовщины» или «полицейского социализма»; в начале 80-х годов участвовал в Москве в радикальных и революционных кружках, которые вскоре начал выдавать полиции. С 1889 г. — помощник начальника, а потом и начальник Московского охранного отделения; развил широкую полицейскую деятельность во многих городах России (Вильно, Минск и др.); в 1902 г. организовал рабочие союзы («О-во взаимопомощи рабочих механических мастерских» в Москве, «О-во взаимопомощи ф.-з. рабочих» в Петербурге), с целью отвлечения рабочих от революционной деятельности. В 1903 г. получил отставку, а потом был административно выслан во Владимир. В 1905 г. при Трепове состоял в департаменте полиции. — 114.

И.

ИВАНОВ — см. **БОГДАНОВ, А. А.**

ИВАНЧИН-ПИСАРЕВ, А. И. (1849 — 1916) — журналист, народник. В 80-х г.г. был в ссылке в Восточной Сибири. С 1892 г. — член редакции «Русское Богатство». — 96.

ИКС — см. **МАСЛОВ, П. П.**

ИЛОВАЙСКИЙ, Д. И. (1832 — 1920) — историк и публицист; крайний реакционер и активный монархист, прославившийся своими учебниками истории, долго применявшимися в качестве обязательных пособий в дореволюционной средней и низшей школе для воспитания в учащихся духа «преданности престолу». Абсолютная безграмотность и неисторичность этих учебников вошла в поговорку. — 194.

ИОГАНСЕН — см. **КРАСИН, Л. Б.**

К.

КАРЕЕВ, Н. И. (1850 — 1931) — профессор, историк и публицист, один из представителей «субъективной школы в социологии» Лаврова и Михайловского; сотрудничал в народнических и либеральных органах; дал ряд заслуживающих внимания исторических работ, но публицистика Кареева,

в частности, его многочисленные статьи против исторического материализма отличаются полной бессодержательностью и утомительным многословием. В эпоху первой революции примкнул к кадетской партии и был членом ее Ц. К., а также членом I Государственной Думы от Петербурга. — 96.

КАТКОВ, М. Н. (1818 — 1887) — публицист, выразитель дворянско-монархической реакции 60-х — 80-х г.г. В годы студенчества был близок с Белинским, Герценом и Бакуниным. С 1851 г. редактор «Московских Ведомостей», которые сначала велись им в умеренно-либеральном направлении; с начала 60-х г.г., особенно со времени польского восстания 1863 г., — ярый защитник самодержавия, полицейщины и всякой реакции, резко выступает против малейших уступок либерализму, интеллигенции, против «радикальной кружковщины», против земства, суда присяжных и прочих учреждений, созданных реформами 60-х годов. К. и его орган пользовались громадным влиянием в среде высшей бюрократии и дворянства в конце царствования Александра II и в царствование Александра III. — 105.

КАУТСКИЙ, КАРЛ (р. 1854) — германский социал-демократ, крупнейший из теоретиков марксизма эпохи II Интернационала, экономист, историк. Марксистом стал под непосредственным влиянием Маркса и Энгельса. В 1883 г. основал научно-литературный журнал «Die Neue Zeit», редактором которого оставался до 1917 г. В начале 1909 г. в своей работе «Путь к власти» К. в общем выражал еще марксистские взгляды, но с этого времени оппортунистические, центристские тенденции, которые всегда были сильны у К., берут решительный перевес во всей его политической и теоретической деятельности. Во время войны К. окончательно порывает с марксизмом, прикрывая фактический социал-шовинизм своей позиции интернационалистской фразой. В последних работах К. проституирование марксизма доведено до крайних пределов. Будучи одним из самых озлобленнейших врагов С. С. С. Р., открыто проповедует против него войну и интервенцию. О К. см. брошюру Ленина: «Пролетарская революция и ренегат Каутский» (XXIII том Сочинений). — 159, 182, 302.

КЕДРИН, Е. И. (р. 1852) — либеральный адвокат, выступавший защитником в ряде крупных политических процессов (напр., по делу Александра Михайлова); гласный Петербургской думы. 21 (8) января 1905 г. К. был в числе депутации к Витте и Святополку-Мирскому. При обыске у К. найден был проект обращения от делегации к обществу по поводу январских событий; в связи с этим К. был подвергнут аресту с обвинением, что депутация собиралась выступить как «временное правительство». В 1906 г. К. был избран от Петербурга в Гос. Думу, как активный член партии к.-д. — 96.

КЛЮЗЕРЕ (KLUSERET), ГУСТАВ-ПОЛЬ (1823 — 1900) — см. его биографию, приводимую В. И. Лениным в качестве примечания редакции к статье «Об уличной борьбе», в этом томе. Сочинения К.: «L'armée et la démocratie» («Армия и демократия») 1869 г. и «Mémoires» («Воспоминания»), три тома. — 163.

КОКОВЦЕВ, В. Н. (р. 1853). — С января 1904 по октябрь 1905 и с 1906 по 1914 г.г. министр финансов. Был противником увеличения расходов на народное просвещение. С 9-го сентября 1911 г. замещает пост убитого председателя совета министров Столыпина. По отношению к Финляндии и Польше, по отношению к евреям и печати К. продолжал политику Столыпина. — 97, 177, 178.

КОРФ, П. Л. (1836 — 1913) — барон, петербургский городской голова. Был мировым посредником первого призыва. Был недолгое время президентом Вольного экономического общества. Участвовал в депутации к Николаю II 19 (6) июня 1905 года. Состоя в Гос. Совете членом по выборам, примыкал к центру. — 353.

КНУНЬЯНЦ, Б. М. (1878 — 1911) (Рубен-Радин) — искровец, со

II съезда партии — твердый большевик, на II съезде был делегатом от Бакинского комитета (по протоколам съезда — Русов); в то же время был членом Кавказского союзного комитета; в октябре 1903 г. участвовал в областном съезде Кавказского Союза; в 1904 г., будучи членом Бакинского комитета, в числе прочих был арестован; в октябре 1905 г. К. был избран в первый Петербургский Совет Рабочих Депутатов, где представлял большевиков; по делу Совета был приговорен к ссылке на поселение; из ссылки бежал; в 1908 — 10 г.г. жил в Баку; умер в бакинской тюрьме. В последние годы отошел от большевизма. — 62.

КОВАЛЕВСКИЙ, М. М. (1851 — 1916) — профессор-правовед и историк, член Государственного Совета по выборам от академической курии. Организатор Высшей русской школы в Париже в период перед 1905 г. Во время первой русской революции основал не имевшую влияния партию демократических реформ, стоявшую несколько правее к.-д. партии. Член I Государственной Думы от Харьковской губернии. — 353.

КОРНЕЛИ — сотрудник французской буржуазной газеты «Le Siècle» («Век»). — 337.

КРАВЧИНСКИЙ, С. М. (СТЕПНЯК) (1852 — 1895) — революционный народник-беллетрист. В начале семидесятых годов вступил в кружок Чайковского. В 1873 г. принял участие в «хождении в народ» в Тверской губ. В 1878 г. К. принял участие в деятельности партии «Земля и Воля». 4 августа 1878 г. убил шефа жандармов Мезенцева (на улице в Петербурге) и успел скрыться. В конце 1878 г. К. эмигрировал в Лондон. Там он организовал «Общество друзей русской свободы», в которое входили видные английские общественные деятели. Широкую известность К. приобрел своими книгами: «Подпольная Россия» и «Андрей Кожухов». Случайно погиб, попав под поезд. — 64.

КРАСИКОВ, П. А. (ПАВЛОВИЧ, БЕЛЬСКИЙ) (р. 1870) — видный большевик. В 1892 г. вел марксистские кружки в Петербурге. По возвращении из Женевы в 1893 г. был арестован и в 1894 г. выслан в Сибирь. По возвращении в Россию в Пскове в 1900 г. вступил в искровскую группу и был одним из деятельных агентов «Искры»; в 1902 г. вошел в Организационный Комитет по созыву II съезда партии. В 1903 г. участвует как делегат Киевского комитета на II съезде партии и избирается вместе с Плехановым и Лениным в президиум съезда. После съезда и происшедшего на нем раскола был направлен Ц. К. в Россию с докладом о съезде, но был арестован в Германии и освобожден из тюрьмы благодаря вмешательству К. Либкнехта. Участвовал под именем Бельского на Амстердамском конгрессе как делегат от большевиков. После 9 января работал в Московской организации, позже был членом Петербургского комитета. В октябрьские дни поддерживал в комитете линию участия в советах. Участвовал в первых заседаниях Совета Рабочих Депутатов в Технологическом Институте и состоял членом Исполнительного Комитета Совета Депутатов. После ареста Совета содержался в тюрьме до июня 1906 г.; вновь был арестован на партийной конференции 20 (7) июля 1906 г. После Октябрьской революции был председателем следственной комиссии по борьбе с контр-революцией, затем членом коллегии Наркомюста. В настоящее время состоит прокурором Верховного Суда С. С. С. Р. — 24.

КРАСИН, Л. Б. (ЗИМИН, НИКИТИЧ) (1870 — 1926) — один из виднейших большевиков. В 1890 г. был в петербургском кружке Бруснева. В 1891 г. выслан из столицы за участие в демонстрации при похоронах Шелгунова. В 1895 выслан на 3 года в Иркутск; по возвращении работал в качестве инженера в Баку. С возникновением «Искры» К. становится ревностным «искряком». В Баку организовал нелегальную типографию «Искры». После раскола на II съезде партии К. примкнул к «большинству» и был кооптирован в конце 1903 г. в Ц. К., где вскоре занял

примиренческую позицию по отношению к меньшевикам; в июле 1904 г. участвовал в составлении направленной против Ленина декларации Ц. К. и вскоре вместе с Носковым и Гальпериным провел кооптацию в Ц. К. трех меньшевиков. После провала Ц. К. 22 (9) февраля 1905 г. в квартире писателя Андреева в Москве, уцелевший от провала К. (вместе с Любимовым) признал целесообразность созыва III съезда и вошел в соглашение с Б. К. Б. На III съезде К. делал отчетный доклад О. К. (от Ц. К.) и принимал деятельное участие в прениях и комиссиях съезда; был избран в Ц. К. Будучи талантливым инженером и организатором, применил свои знания в целом ряде «технических» партийных предприятий от оборудования типографий до руководства боевым техническим бюро при Ц. К. После 17 октября 1905 г. К. был одним из организаторов первой легальной большевистской газеты «Новая Жизнь». В качестве представителя Ц. К. входил в Петербургский Совет рабочих депутатов. На IV съезде вновь избран в Ц. К. В годы реакции входил некоторое время в группу «Вперед», позже работал как крупный инженер за границей и в России. Накопленные знания и опыт К. полностью отдал партии после Октябрьской победы. В 1918 г. один из организаторов снабжения Красной армии, затем член Президиума В. С. Н. Х. и Нарком путей сообщения. Все последние годы К. стоял на советском дипломатическом посту и вел борьбу за прорыв блокады. Им были начаты переговоры с Эстонией; в марте 1921 г. К. подписывает англо-советский договор. Затем остается полпредом в Англии; участвует на Генуэзской и Гаагской конференциях. В качестве Наркома внешней торговли с исключительной энергией отстаивает монополию внешней торговли. В конце 1924 г. К., оставаясь Наркомом вн. торговли, едет в качестве полномочного представителя С. С. С. Р. в Париж, в 1926 г. снова полпред в Англии. На XIII съезде К. был избран в Ц. К. — **42, 254, 258, 275.**

КРИГЭ, ГЕРМАН (1820—1850)—немецкий революционер 40-х г.г., ученик Л. Фейербаха, представитель так называемого немецкого «истинного социализма». Будучи членом «Союза Справедливых», Кригэ в 1845 г. отправился в качестве эмиссара союза в Америку, завязал сношения с американской «Ассоциацией национал-реформистов», основал журнал «Народный Трибун» (Volkstribun) и стал проповедывать от имени союза христианский «этически-религиозный» коммунизм Вейтлинга. Вредное влияние, оказываемое им на немецких рабочих в Америке, и его неправильная тактика в американском аграрном движении вызвали резкое выступление против него Маркса и Энгельса. — **173, 219 — 223.**

КРИЧЕВСКИЙ, Б. Н. (1866 — 1919) — один из первых русских социал-демократов, публицист. После работы в с.-д. кружках в России в начале 80-х г.г. эмигрировал за границу, примкнул к Группе «Освобождение Труда», принимал литературное участие в изданиях группы (Б. Наумов). Вскоре стал в оппозицию к Группе и вместе с Л. Тышко (Иогихес) образовал собственную группу для издания популярной с.-д. литературы, которой — по мнению К. — «старики» (Плеханов, Аксельрод) не уделяли достаточно внимания. В конце 90-х г.г. К. стал во главе более широкой и более принципиальной оппозиции Плеханову, опиравшейся на новые «экономические» настроения в среде русской социал-демократии. Эти настроения победили в «Союзе русских с.-д. за границей», и К., получив большинство Союза, стал редактором органа Союза «Рабочее Дело» (1898 — 1902). На Парижском Международном Социалистическом Конгрессе 1900 г. К. возглавлял большинство русской делегации (меньшинство представляли Плеханов, Аксельрод и др.). Одновременно К. принимал участие в жизни европейской социал-демократии, сотрудничая в «L'Humanité» и состоя парижским корреспондентом «Vorwärts». Как в русских, так и в международных делах К. склонялся к бернштейнианству и жоресизму. «Искра» и «Заря» вели резкую борьбу против К. и совершенно подорвали его

влияние в партии. После II съезда К. никакой роли в партии не играл. — 117, 151, 168, 210.

КРОХМАЛЬ, В. Н. (ВТОРОВ, ФОМИН, ЗАГОРСКИЙ) (р. 1873) — с.-д., со времени II съезда партии — активнейший меньшевик; в 1896 г. К. был впервые привлечен к жандармскому дознанию по делу «Союзного Совета киевских студенческих организаций и землячеств», в 1898 г. был выслан в Уфу; здесь он играл активную роль в местной с.-д. группе (А. Д. Цюрупа, А. И. Свидерский и др.), которая вела работу среди ж.-д. рабочих; весной 1901 г. К. работал в Киеве, где 22 (9) февраля 1902 г. был снова арестован и привлечен по делу «Искры»; в числе 10 искровцев 31 (18) августа 1902 г. он бежал из киевской тюрьмы за границу и в Париже вошел в Лигу революционной социал-демократии; На II съезде партии был делегатом от Уфимского комитета (по протоколам съезда — Фомин) и состоял в руководящей группе меньшинства; в конце 1904 г. примиренческим Ц. К. был кооптирован в члены Ц. К. от меньшинства; в феврале 1905 г. в числе прочих членов Ц. К. был арестован на заседании Ц. К. на квартире Л. Андреева; на Стокгольмском (IV) съезде Р. С.-Д. Р. П. в числе прочих меньшевиков был избран в члены Ц. К. — 42, 233, 234.

КУЗЬМИН-КАРАВАЕВ, В. Д. (1859—1927) — профессор военно-юридической академии, генерал, дворянин-землевладелец, гласный тверского земства, умеренный либерал. Член Государственной Думы 1 и 2-го созыва от Тверской губернии. Один из организаторов партии демократических реформ. С 1898 г. поместил ряд статей в «Вестнике Европы», «Русских Ведомостях». С конца 1905 г. вел в «Вестнике Европы» общественную хронику. В 1915 г. состоял членом редакции этого журнала и вел отдел «Вопросы внутренней жизни». — 180.

КУРОПАТКИН, А. Н. (1848 — 1925) — генерал, участник самаркандского похода (1868), кокандского похода и экспедиции французских войск в Сахару; в 1876 — 77 г.г. посол в Кашгарии; участник русско-турецкой войны 1878 г.; с 1898 по 1904 г. военный министр; в русско-японскую войну главнокомандующий; после ряда поражений был смещен и командовал одной из армий. — 34, 46, 104, 199.

КУРЦ — см. ЛЕНГНИК, Ф. В.

КУСКОВА, Е. Д. (р. 1869) — политический деятель и публицист. Начала свою общественную деятельность как марксистка. В конце 90-х г.г. принимала участие в «Союзе русских с.-д. за границей». Затем выступила против идей революционного марксизма, приняв целиком бернштейновскую ревизию марксизма. Автор «Credo» (Кредо). Накануне революции 1905 г. входит в либеральный «Союз Освобождения» и поддерживает «Освобождение» Струве. При образовании партии кадетов в эту партию, однако, не входит и основывает с группой единомышленников (Прокопович, Богучарский и др.) журнал «Без Заглавия», который открыто заявляет, что хочет быть органом «последовательных русских бернштейнианцев». Журнал, как и издававшаяся той же группой газета «Товарищ» выступают прямыми противниками классовой политики пролетариата и, критикуя кое в чем слишком умеренную тактику кадетов, на деле поддерживают либерализм в борьбе против большевиков. После поражения революции К. принимает участие в кооперативном движении. В революции 17 года К. занимает обще-либеральную позицию и выступает решительным противником большевиков и советской власти. Ныне в эмиграции, сотрудничает в эмигрантских газетах. — 97.

Л.

ЛЕВИН, Е. Я. (ЕГОРОВ) — один из лидеров группы «Южного Рабочего»; революционную с.-д. деятельность начал в 90-х г.г. с участия в харьковской с.-д. группе Ф. А. Липкина; в 1901 г. жил в Полтаве

и вошел в редакцию «Южного Рабочего»; был членом О. К. по созыву II съезда Р. С.-Д. Р. П.; на съезде был делегатом от группы «Южного Рабочего» (по протоколам съезда — Егоров); на II съезде примкнул к меньшевикам; в октябре 1903 г. был арестован в Харькове; в годы реакции отошел от с.-д. движения. — 168.

ЛЕККЕРТ, Г. Ю. (1880—1902) — рабочий. В 1900 г. принимал участие в освобождении арестованных товарищей в Вильно, за это был арестован и после 15-месячного ареста выслан в Екатеринослав. Вернувшись в Вильно, стрелял в Виленского губернатора фон-Валя, подвергшего порке арестованных за майскую демонстрацию. Л. казнен 10 июня (28 мая) 1902 г. — 117.

ЛЕНГНИК, Ф. В. (ВАСИЛЬЕВ, КОЛ, КУРЦ) (р. 1873) — искровец, со II съезда Р. С.-Д. Р. П. большевик; видный практик-организатор; принимал участие в революционном рабочем движении с 1893 г. в Петербурге, где и был арестован в 1896 г. по делу «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»; просидев около 2 лет в тюрьме, в 1898 г. был выслан на 3 года в Восточную Сибирь; вернувшись из ссылки в 1901 г., Л. вошел в организацию «Искры» и работал последовательно в Екатеринославе, Самаре и Киеве; после псковского совещания в ноябре 1902 г. Л. вошел в состав О. К. по созыву II съезда партии; на II съезде был заочно избран в члены Ц. К.; в сентябре 1903 г. по настоянию Ленина был направлен Ц. К. в Женеву в качестве заграничного представителя Ц. К. и члена Совета от Ц. К.; в сентябре-октябре вместе с Лениным и Плехановым участвовал в переговорах с оппозицией об условиях соглашения; присутствовал на II съезде Лиги, после отказа меньшевиков принять предложенный Ц. К. устав Лиги, объявил дальнейшее заседание съезда незаконным и вместе с группой большевиков, членов Лиги, покинул съезд. За время своего пребывания за границей вместе с Лениным отстаивал перед Ц. К. твердую линию в отношении оппозиции и боролся в Совете партии за созыв III съезда; в феврале 1904 г. Л. возвратился в Россию и вскоре был арестован по делу Северного Бюро Ц. К.; весной 1905 г., будучи освобожден на поруки до суда, эмигрировал, но вскоре снова вернулся в Россию. После Октябрьской революции работал в Наркомпросе, в В. С. Н. Х. и Наркомвнешторге; начиная с 1923 г. с XII партийного съезда избирается в члены Ц. К. К. В. К. П. (б.), а вскоре после XII съезда был назначен членом коллегии Н. К. Р. К. И. С. С. С. Р. — 62, 166.

ЛЕНИН, В. И. (УЛЬЯНОВ, Н. ЛЕНИН, Ъ) (1870—1924) — 25, 42, 53—55, 58, 65, 66, 69, 76, 91—94, 103, 107, 111, 117, 138, 141, 156, 157, 166, 167, 184, 205—209, 233, 278, 304, 310, 385.

ЛЕРР — представитель армянской с.-д. организации на конференции революционных партий и групп, созванной Гапоном в Женеве 2 апреля 1905 г. — 290.

ЛЕРУ, ГАСТОН (р. 1868) — петербургский корреспондент французской газеты «Le Matin» в период революции 1905 г. — 354, 355, 358—361, 390, 393.

ЛЕСКОВ — см. РОМАНОВ, Н. В.

ЛЕТНЕВ — см. ЛЮБИМОВ, А. И.

ЛЕЩИНСКИЙ, М. С. (ЖАРКОВ) (р. 1880) — социал-демократ большевик. Впервые привлекался к дознанию в Одесском жандармском управлении. В 1903 г. в июне месяце был арестован в Москве по делу Московского комитета Р. С.-Д. Р. П. В ноябре 1904 г. был освобожден под залог. В январе 1905 г. был присужден Московской судебной палатой к 2 годам крепости; до рассмотрения кассационной жалобы уехал на юг, в Екатеринослав, где работал в местной организации, от которой был послан делегатом на III съезд. В конце 1906 или начале 1907 г. эмигрировал в Америку. — 257.

ЛИБЕР, М. И. (ГОЛЬДМАН) (р. 1880) — один из лидеров Бунда; был делегатом на II съезде Р. С.-Д. Р. П. от Ц. К. Бунда и во главе делегации

Бунда занимал самую правую, антиискровскую позицию; на Лондонском съезде партии был избран в члены Ц. К. от Бунда, был членом Заграничного бюро Ц. К. до распада З. Б. (1908—1911); активный участник («заграничный комиссар» меньшевиков и член О. К.) по организации «августовской» конференции 1912 г. с ликвидаторами; активный «оборонец» — во время империалистской войны 1914—1918 г.г.; наиболее яркий представитель правого меньшевизма во время революции 1917 г. («либер-дан» в большевистской печати того времени стало нарицательным именем для обозначения наиболее откровенного контр-революционного соглашательского крыла меньшевиков). — 109, 207.

ЛИТВИНОВ, М. М. (ПАПАША, ФЕЛИКС) (р. 1876) — видный большевик. Впервые занялся революционной пропагандой в рабочих кружках в 1898 году. В 1900 г. работал в Киевском комитете партии. В 1901 г. со всем комитетом был арестован. В тюрьме примкнул к искровцам. Подлежал высылке на пять лет в Восточную Сибирь, но в числе 10 искровцев бежал из тюрьмы, эмигрировал в Швейцарию, и был членом Лиги. После второго съезда примкнул к большевикам, в рядах которых работает непрерывно до сего дня. В начале 1903 г. вернулся нелегально в Россию. Работал в качестве агента Ц. К. — уполномоченного для Северо-Западного края, имея «штаб-квартиру» в Риге и заведуя «границей». Одновременно состоял членом Рижского комитета партии. В качестве члена Б. К. Б. участвовал на конференции северных комитетов. От Рижской организации участвовал в качестве делегата на III съезде партии в Лондоне. Летом 1905 г. подготовлял приемку оружия, заказанного в Англии. Оружие должно было прибыть на пароходе «Джон Графтон» (разбился у финских берегов). Осенью 1905 г. был вызван Ц. К. в Петербург для постановки вместе с Красиным газеты «Новая Жизнь». В 1906 г. бежал за границу. В 1907 г. вернулся в Россию, но вскоре вновь эмигрировал. В 1907 г. был делегатом и секретарем российской делегации на Международном конгрессе в Штутгарте. Состоял секретарем Лондонской группы большевиков, участвовал в Бернской конференции заграничных групп в 1912 году. Состоял делегатом от большевистской секции при Международном Социалистическом Бюро. На конференции социалистов Антанты (1915 г.) от имени Ц. К. протестовал против поддержки социалистами войны и ушел с конференции. После Октябрьской революции назначен полпредом в Англии, но был арестован в качестве заложника и обменен на Локкарта. Участвовал в делегации в Генуе и состоял председателем делегации в Гааге. Нарком Н. К. И. Д. — 24.

ЛОПУХИН, А. А. (р. 1864) — директор департамента полиции при Плеве. Во время суда над Петербургским Советом Рабочих Депутатов в 1906 г. Л. прислал защитнику Грузенбергу два письма, изобличавшие правительственные учреждения в погромной деятельности. Подтвердил Бурцеву при свидании с ним провокационную деятельность Азефа, за что был осужден на поселение в 1909 году. — 153, 154.

ЛУНАЧАРСКИЙ, А. В. (1875—1933) (нелегальный псевдоним Воинов) — видный коммунист, вошел в революционное движение на гимназической скамье, участвуя в кружках г. Киева. В 1897 г., будучи студентом Московского университета, работал в с.-д. организации, но вскоре подвергся аресту и был выслан сначала в Калугу, потом в Вологодскую губ. В конце 1904 г. выехал в Женеву. Провел энергичную кампанию за съезд в русских с.-д. группах Швейцарии, Бельгии, Италии; вошел в редакционную работу большевистских органов «Вперед» и «Пролетарий». Весной 1905 г. участвовал на III съезде Р. С.-Д. Р. П. (доклад о вооруженном восстании). В конце 1905 г. вернулся в Петербург, где принимал участие в издании большевистского органа «Новая Жизнь». Участвовал на Стокгольмском (1906 г.) и Лондонском (1907 г.) съездах Р. С.-Д. Р. П., а также в русской делегации на Штутгартском международном социалистическом конгрессе

(1907 г.). В годы реакции за границей Л. вошел вместе с Богдановым, Станиславом Вольским, Алексинским и другими в основное ядро группы «впередовцев» («богдановцы»), разойдясь с большевистской фракцией как в области политических вопросов (отношение к думской с.-д. фракции, соотношение легальной и нелегальной работы и пр.), так и в области вопросов философских (эмпириокритицизм и «богостроительство»). В 1910 и 1911 г.г. Л. принимал деятельное участие в работе партийных школ, организованных «впередовцами» на острове Капри и в г. Болонье в Италии для рабочих из России. С начала империалистской войны, сотрудничая в парижских «Голосе» и «Нашем Слове», Л. решительно примкнул к интернационалистам. После Февральской революции Л. вошел в организацию «межрайонцев» и вместе с нею влился в большевистскую партию на VI съезде Р. С.-Д. Р. П. (б.). С Октябрьской революции Л. состоял народным комиссаром просвещения Р. С. Ф. С. Р. Позднее был председателем Комиссии по научным и учебным делам при Ц. И. К. С. С. С. Р. Литератор. Драматург. — 25, 94, 257, 291.

ЛЬВОВ, Г. Е. (1861 — 1925) — князь, крупный помещик, земский деятель, председатель Тульской губернской земской управы. Депутат I Государственной Думы от Тульской губ., видный член кадетской партии; во время империалистской войны был руководителем крупной организации русской буржуазии — союза земств и городов («Земгор»); после Февральской революции — глава первых двух кабинетов временного правительства с марта по июль 1917 г. — 353.

ЛЬВОВ, Н. Н. (р. 1867) — известный земский деятель, председатель Саратовской губернской земской управы с 1899 г., участник земских съездов; один из основателей «Союза Освобождения»; член Ц. К. к.-д. в 1906 г.; член I, III и IV Гос. Думы, депутат от Саратовской губ.; в I Думе разошелся с к.-д. по аграрному вопросу, вышел из партии к.-д., примкнул к мирнообновленцам; в III Думе выступал как лидер прогрессистов; в IV Думе был товарищем председателя. — 353.

ЛЮБИМОВ, А. И. (ЛЕТНЕВ, ВАЛЕРЬЯН, КАРП, МАРК) (1879 — 1919) — социал-демократ, принимал участие в организации Московского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В 1899 г. был выслан в Воронеж под надзор полиции. Входил в группу «американцев», организовавших «Северный рабочий союз». В 1901 г. был арестован. Выпущенный в 1902 г., перешел на нелегальное положение и стал во главе транспортно-технического бюро. В 1903 г. после II съезда занял примиренческую позицию. В 1904 г. кооптирован в Ц. К. Вместе с Красиным уцелел от общего провала Ц. К. (в Москве 22 (9) февраля 1905 г.), высказался за съезд и участвовал в работах III съезда. В 1908 г. был осужден в ссылку на поселение. Бежал из Сибири за границу, где занял примиренческую по отношению к меньшевикам позицию. В эпоху войны сблизился с Плехановым. В 1917 г. был членом Ц. К. организации «Единство». — 229, 232, 254.

ЛЮКСЕМБУРГ, РОЗА (1870 — 1919) — участница германского, польского и русского рабочего движения, автор ряда работ по экономическим и др. вопросам. В 1893 г. принимала участие в основании «Социал-демократии Царства Польского» (позже «Социал-демократии Польши и Литвы»), написала ряд теоретических работ для обоснования польского с.-д. движения. С 1897 г. принимала активнейшее участие в германском с.-д. движении, всегда находилась на левом крыле партии и вела борьбу с бернштейнианством и его французской разновидностью «мильеранизмом». В 1904 г. в организационном вопросе отстаивала точку зрения меньшевиков; впоследствии отходит от них. Принимала участие в Лондонском съезде Р. С.-Д. Р. П. в 1907 г., где шла вместе с большевистской фракцией. С самого начала империалистской войны заняла интернационалистскую позицию и выпустила, вместе с Ф. Мерингом и К. Цеткин, один номер журнала «Интернационал». Вошла в основанный К. Либкнехтом «Союз

Спартака», написала (в тюрьме) под псевдонимом Юниус брошюру «Кризис социал-демократии», где указала на распад II Интернационала и на необходимость организации III Интернационала. Одна из основательниц коммунистической партии Германии. После подавления январского восстания 1919 г. была арестована шейдемановским правительством и убита вместе с Либкнехтом. Имея огромные революционные заслуги перед всемирным рабочим движением, Л. в то же время допустила в своих теоретических и тактических взглядах («люксембургианство») ряд крупнейших ошибок полуменьшевистского характера (в вопросе о роли партии, об империализме, в национально-колониальном и крестьянском вопросах, в вопросе о перманентной революции и др.). Характеристику Л. Лениным см. в статье «Заметки публициста» (XXVII том Сочинений, стр. 197 — 205). — **55, 111, 192.**

ЛЯДОВ, М. Н. (РУСАЛКА, ЛИДИН, МАНДЕЛЬШТАМ) (р. 1872) — видный большевик, профессионал-революционер, автор работ по истории русской с.-д.; революционную работу начал в народнических кружках, но затем эволюционировал к с.-д.; в 1893 г. Л. участвовал в создании и был членом первой московской с.-д. организации, Московского Рабочего Союза; в 1895 г. руководил первой маевкой в Москве, затем был арестован, просидел 2 года в тюрьме и был выслан на 5 лет в Верхоянск; вернувшись из ссылки в 1902 г., вошел в Саратовский комитет, затем в феврале 1903 г. бежал за границу, где работал в берлинской группе искровцев; на II съезде Л. был делегатом от Саратовского комитета, отстаивал позицию большинства; после съезда был назначен агентом Ц. К. в Берлине; в начале 1904 г. был послан на работу в Россию, в качестве разъездного агента Ц. К.; позже, в том же году, вернувшись в Женеву, вплоть до конфликта в Ц. К. («июльская» декларация Ц. К.) заведывал за границей кассой Ц. К.; входил в делегацию большевиков на Амстердамском конгрессе; участвовал в большевистской конференции «22» в Женеве; осенью 1904 г. был избран в члены Бюро Комитетов Большинства и работал в России по подготовке созыва III съезда партии; участвовал на III съезде и после него объезжал с докладом о съезде заграничные с.-д. организации и российские комитеты; в октябре 1905 г. входил в Московский комитет; в ноябре по поручению Ленина ездил за границу с докладом заграничным с.-д. партиям о русской революции; в феврале 1906 г. совершил объезд Сибири и Урала по подготовке Стокгольмского (объединительного) съезда; был делегатом на нем от московской организации; после съезда работал в Петербурге и Финляндии и выполнял целый ряд поручений общепартийного характера; в 1906 г. написал «Историю Р. С.-Д. Р. П.»; выступал за бойкот выборов в III Государственную Думу; в 1909 г. вошел в группу «Вперед»; около того же времени был лектором в партийных школах на Капри и в Болонье; в 1911 г. вышел из группы «Вперед» и уехал в Баку; с 1920 г. работал в России на хозяйственной работе; с 1923 г. по 1928 г. состоял ректором коммунистического университета им. Я. М. Свердлова. — **24.**

М

МАЛИНИН, Н. И. (ШАХОВ) (р. 1877) — в с.-д. работу впервые вошел, будучи студентом, в Москве в 1897 г.; после ареста был выслан в Вологодскую губ. на 3 года. После II съезда примкнул к «большинству». В 1904 г. М. поехал в Женеву, где под руководством Ленина написал брошюру: «Н. Шахов. Борьба за съезд» (Женева, 1904 г.), в которой были собраны документы о внутрипартийной борьбе после II съезда. Осенью 1904 г. М. был направлен для работы в Петербург и там кооптирован в комитет, но вскоре был арестован. В конце 1905 г. М. вновь принимает участие в движении и в 1906 г. переходит на нелегальное положение. В 1907 г. М. завязал связи с крестьянами в Балашовском уезде Саратовской

губ. и вел среди них агитацию. Позже был выборщиком в IV Гос. Думу от с.-д., но на выборах потерпел поражение (голосами кадетов прошел Керенский). Во время войны отошел от партии. Вновь вступает в партию в начале 1919 г. Летом 1919 г. М. поступил добровольцем в Красную армию и работал в Политотделе 9-ой армии. После демобилизации М. работал в области агитации и пропаганды. — **157, 166, 167.**

МАРК — см. ЛЮБИМОВ, А. И.

МАРКС, КАРЛ (1818 — 1883) — см. его биографию, написанную В. И. Лениным в 1914 г., в XVIII т. Сочинений. — **63, 173, 182, 185, 187, 215, 219, 220, 222, 223, 263 — 271, 315 — 318, 320 — 323, 329.**

МАРТОВ, Л. (ЦЕДЕРБАУМ, Ю. О.) (1873 — 1923) — один из лидеров меньшевизма. В 1891 г. вступил в студенческий революционный кружок, в 1892 г. был впервые арестован. В следующие годы работал в Виленской организации Бунда; в 1894 г. редактировал брошюру А. Крамера «Об агитации». В октябре — ноябре 1895 г. вместе с Лениным, Кржижановским и другими принимал участие в организации петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В начале января 1896 г. был арестован и после тюремного заключения сослан в Туруханск на 3 года. В тюрьме написал брошюру «Современная Россия», в ссылке — «Красное знамя» и «Рабочее дело в России». Вошел в «тройственный союз» (Ленин, Мартов, Потресов), созданный по инициативе Ленина для воссоздания партии и издания «Искры». В 1900 г. вернулся из ссылки и вместе с Лениным и Потресовым участвовал в «Псковском совещании». Затем около года работал на юге России, объезжал местные организации и организовал поддержку «Искры», весною 1901 г. приехал в Мюнхен и принял деятельное участие в работе «Искры» и «Зари». На II съезде Р. С.-Д. Р. П. стал во главе меньшинства и с тех пор до смерти оставался виднейшим идеологом и публицистом меньшевизма, неизменным участником всех центральных учреждений меньшевистской партии и редактором меньшевистских изданий. В 1905 г., после манифеста 17 октября, вернулся в Россию, работал в ноябре — декабре в Совете Рабочих Депутатов и в редакции меньшевистской газеты «Начало». В 1906 г. был арестован и выслан за границу. В годы реакции редактировал «Голос Социал-Демократа», поддерживая ликвидаторов. В конце 1913 г. Мартов вернулся в Россию и руководил борьбой правого крыла социал-демократии против большевиков в качестве редактора «Рабочей Газеты». В период войны был в рядах меньшевиков-интернационалистов, участвовал в Циммервальдской конференции. В эпоху Февральской революции по некоторым вопросам расходился с большинством меньшевистской партии. После Октябрьского переворота противник Советской власти, в 1921 г. эмигрировал за границу, принимал близкое участие в создании так называемого Венского Интернационала и руководил меньшевистским «Социалистическим Вестником». — **12, 54, 68, 92, 109, 117, 123, 166, 188, 192, 206, 225, 253, 254, 263, 270, 271, 302, 316, 320.**

МАРТЫНОВ, А. С. (ПИКЕР) (р. 1865) — теоретик и лидер «экономизма» в русском с.-д. движении; в революционном движении принял участие с половины 80-х г.г. в организациях партии «Народной Воли»; будучи арестован в 1886 г. и просидев 2 года в Одесской тюрьме, М. был сослан на 10 лет в Сибирь и в конце 90-х г.г. вернулся из ссылки социал-демократом; в 1900 г. эмигрировал за границу, где вступил в «Союз русских с.-д.» и стал одним из редакторов «Рабочего Дела», после того, как в № 9 «Р. Д.» была помещена его статья «Очередные вопросы»; в 1901 — 1902 г.г. М. вел ожесточенную полемику против программных, тактических и организационных принципов «Искры»; его взгляды, как в этот период, так и позднее, неоднократно подвергались жестокой критике со стороны Ленина; на II съезде партии М. был делегатом от Союза русских с.-д., после раскола на съезде примкнул к меньшевикам и вскоре вошел в состав их руководящего ядра; сотрудничал в меньшевистской «Искре» и во всех последующих легаль-

ных и нелегальных руководящих органах меньшевиков в качестве одного из их редакторов; брошюра М. «Две диктатуры», вышедшая в начале 1905 г., и развитые в ней взгляды легли в основу меньшевистской тактики и политики в эпоху революции 1905 г.; с 1905 по 1907 г.г. работал в России в Петербурге, а затем снова эмигрировал за границу; принимал видное участие в ликвидаторском четырехтомнике; во время империалистской войны М. занимал колеблющуюся позицию по отношению к войне, примыкая к группе Мартова; в 1919 г. начал отходить от меньшевизма и затем вступил в В. К. П. (б.); ныне работает в органе Коминтерна «Коммунистический Интернационал». — 13, 17, 38, 111 — 113, 123, 124, 127, 151, 152, 181, 182, 184 — 193, 196, 200, 208, 244, 262, 263, 265, 266, 268, 270, 271, 314 — 317, 320 — 322.

МАСЛОВ, П. П. (р. 1867) — один из первых русских марксистов, экономист, автор ряда работ по аграрному вопросу. В 1903 г. вышел его «Аграрный вопрос» (т. I), тогда же под псевдонимом Икса в брошюре «Об аграрной программе» выступил против аграрной части проекта программы Р. С.-Д. Р. П., принятой затем II съездом. После раскола примкнул к меньшевикам и оставался постоянным сотрудником меньшевистских легальных и нелегальных изданий. В период первой революции выдвинул проект «муниципализации» земли как программное требование социал-демократии и на Стокгольмском съезде в 1906 г. защищал его против отстаиваемой Лениным «национализации». В 1908 г. выпустил 2-й т. «Аграрного вопроса». С начала войны сразу же занял оборонческую позицию, защищая свою точку зрения в либеральных газетах доводами экономического характера. С 1923 г. работал в Госплане С.С.С.Р. и Институте сельскохозяйственной экономии РАНИОНа. — 263, 265, 266, 268, 270, 271, 314— 317, 320 — 322.

МАХ, ЭРНСТ (1838 — 1916) — физик и философ. Эмпириокритик. Главнейшими работами М. являются: «Механика» (1883 г.), «Анализ ощущений» (1886 г.), «Познание и заблуждение» (1905 г.). М. имел многочисленных последователей своего учения среди крупных физиков и математиков (напр., Пуанкарэ). В России наиболее видным последователем М. является А. А. Богданов, который, несмотря на явный возврат Маха к идеализму Юма, пытался примирить Маха с Марксом. Всестороннюю критику Маха и махизма дал Ленин в своей книге: «Материализм и эмпириокритицизм». — 267, 268, 322.

МАХОВ — псевдоним Д. П. Калафати, делегата от Николаевского комитета на II съезде Р. С.-Д. Р. П. В социал-демократическую работу вступил в середине 90-х г.г. в Николаеве. На втором съезде примкнул к меньшевикам. В 1905 г. заведывал экспедицией «Искры»; в 1905—7 г.г. заведывал меньшевистским издательством «Новый Мир». — 168.

МЕЩЕРСКИЙ, В. П. (1839 — 1914) — князь, издатель-редактор черносотенного органа «Гражданин», близко стоял к придворным сферам и был одним из вдохновителей реакционной политики Александра III и Николая II. — 176, 236, 366.

МИЛЬЕРАН, А. (р. 1859) — французский политический деятель, проделавший эволюцию от социализма к решительной защите буржуазии; первый из социалистов, вошедший в буржуазное министерство (1899 — 1902), где оказался рядом с палачом Коммуны генералом Галлифе. Вхождение Мильерана в буржуазное министерство явилось практической иллюстрацией бернштейнианства и послужило поводом к острой борьбе как в рядах французской Социалистической партии, так и на международной арене. После исключения из партии (1904 г.) образовал с группой бывших социалистов и будущих буржуазных министров (Бриан, Вивиани) партию «независимых социалистов». Во время войны один из лидеров «национального блока», в 1920 — 1924 г.г. — президент французской республики; крайний реакционер, фактический глава французского фашизма. — 187, 198, 268, 321, 322.

МИХАЙЛОВ — см. ПОСТОЛОВСКИЙ, Д. С.

МОЛЕШОТТ, ЯКОВ (1822—1893) — видный немецкий физиолог, представитель, наряду с Бюхнером, т. н. «вульгарного материализма». Был профессором в Гейдельберге, но вследствие своих материалистических взглядов был вынужден оставить университет и переехать в Швейцарию. Состоял профессором физиологии в Цюрихе, Турине и Риме. Его главные соч.: «Физиологические эскизы», «Круговорот жизни», «Учение о пище» и др. — 200.

МЯКОТИН, В. А. (р. 1867) — публицист-народник и историк, сотрудник «Русского Богатства», с 1904 г. — член редакции «Р.Б.». В 1901 г., после мартовской демонстрации, выслан из Петербурга; 21(8) января 1905 г. М. участник депутации к Витте, после «кровавого воскресенья» был арестован. Вместе с Пешехоновым организатор право-народнической партии «народных социалистов» (н.-с.). Во время империалистической войны М. — оборонец. От февраля до октября поддерживал политику правых эсеров, отстаивал идею объединения «живых сил» страны. Противник Октябрьской революции и Советской власти. Белый эмигрант. — 96.

Н.

НАДЕЖДИН, Л. (псевдоним Е. О. ЗЕЛЕНСКОГО) (у. 1905) — организатор и редактор изданий заграничной «революционно-социалистической группы» «Свобода» (1901—1903). В 1898 г. входил в Саратовскую социал-демократическую организацию, после ареста весной 1900 г. эмигрировал в Швейцарию, где организовал в мае 1901 г. группу «Свобода». Пытался сочетать программу социал-демократии с проповедью террора. Н. обладал незаурядным публицистическим талантом, резко высказывался против «легального марксизма» и бернштейнианства и обнаруживал несомненные симпатии к «политической» струе в рабочем движении против узкого «экономизма». Все это заставило «Искру» и в частности Ленина попытаться привлечь Н. к работе в «Искре». Соглашение, однако, не состоялось, и вскоре после того Н. выступил с поддержкой антиискровских групп в России (в частности в связи с расколом СПБ. Союза борьбы). После II съезда Р. С.-Д. Р. П. сотрудничал в меньшевистских изданиях. Автор ряда брошюр: «Возрождение революционизма в России», «Канун революции» и др. — 193.

НЕБОГАТОВ, Н. И. (р. 1849) — адмирал, во время морского боя у Цусимы (1905 г.) сдал японцам четыре броненосца, за что был судим и приговорен к 10 годам заключения в крепость, но вскоре амнистирован. — 336.

НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО, В. И. (1848—1927) — писатель-беллетрист, автор многочисленных романов и географических очерков. В русско-турецкую войну 1877—1878 г. был в качестве корреспондента на театре военных действий. В русско-японскую войну состоял корреспондентом газеты «Русское Слово». — 46.

НИКИТИН, А. Н. (1849—1909) — либеральный общественный деятель и публицист, член Петербургской городской управы. Сотрудничал в «Руси», «С.-Петербургских» и «Биржевых Ведомостях», «Вестнике Европы» и др. буржуазно-либеральных органах. Участвовал в депутации к Николаю II 6-го июня 1905 г. — 353, 361.

НИКОЛАЙ II (1868—1918) — вступил на престол в 1894 г., свергнут с престола февральской революцией 1917 г., казнен в 1918 г. — 26, 157, 349, 352, 353, 359, 365, 366.

НИКОЛАЙ —ОН (псевдоним Н. Ф. Даниельсона) (1844—1918) — экономист 80—90-х годов, один из наиболее ярких представителей народничества. Некоторое время в глазах широкой публики считался представителем марксизма в России. В 1893 году издал книгу: «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», которая вместе с работами В. В.

служила главным экономическим обоснованием народничества. Взгляды Н. — она неоднократно разбирались В. И. Лениным. — 71.

НОВОСИЛЬЦЕВ, Л. Н. (р. 1872) — видный земский деятель, депутат I Гос. Думы от Калужской губ., кадет. — 353.

НОСКОВ, В. А. (БОРИС, ГЛЕБОВ) (1878 — 1913) — социал-демократ, принимал участие в Петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса», был выслан в Ярославль, затем в Воронеж, где вместе с группой «американцев» принимал участие в организации «Северного Рабочего Союза». В 1901 г. Н. эмигрировал за границу, где принимал активное участие в подготовке II партийного съезда, на котором участвовал с совещательным голосом и был выбран в члены Ц. К. После раскола Н. занял примиренческую позицию. 22 (9) февраля 1905 г. Н. был арестован на заседании Ц. К. в Москве на квартире писателя Л. Андреева. Освобожденный по амнистии в октябрьские дни, Н. в дальнейшем отходит от активной революционной работы. Кончил самоубийством в Хабаровске. — 42, 167, 233, 254.

О.

ОЙЯМА, ИВАО (1841 — 1916) — японский фельдмаршал, главнокомандующий армией в Манчжурии в русско-японской войне. — 199.

ОЛАР, ФРАНСУА (AULARD, F.) (1849 — 1928) — французский историк, радикал, один из крупнейших знатоков истории великой французской революции, профессор Сорбоннского университета. Из его работ наиболее известна «Histoire politique de la Révolution Française» («Политическая история французской революции»). — 200.

ОЛЬМИНСКИЙ, М. С. (АЛЕКСАНДРОВ, ГАЛЕРКА) (1863 — 1933) — видный большевик. Свою революционную деятельность начал в 80-х г.г., как народоволец, в Петербурге, где вел пропаганду среди рабочих. В 1894 г. был арестован по делу группы народовольцев и сидел в тюрьме до осени 1898 г., когда был сослан в Якутскую область, где пробыл до осени 1903 г. В ссылке окончательно определился, как соц.-демократ. Печатал корреспонденции и фельетоны в иркутской газете «Восточное Обозрение». В феврале 1904 г. выехал за границу, где примкнул к большевикам. Был членом редакции газеты «Вперед», затем работал в газете «Пролетарий»; в 1905 — 6 г.г., по возвращении в Россию, был членом редакции большевистских газет и журналов: «Новая Жизнь», «Вестник Жизни», «Наша Мысль», «Волна», нелегальная «Казарма», а также заведывал редакционной частью партийного издательства «Вперед». Со второй половины 1911 г. принимал близкое участие в большевистских газетах «Звезда», «Правда» (член редакции) и в журнале «Просвещение». С начала войны занял последовательно-интернационалистскую позицию. В конце 1914 г. уехал в Саратов, где принимал активное участие в деятельности местной организации, работал в «Нашей Газете» и в сборнике «Под старым знаменем». В августе 1916 г. переехал в Москву, где редактировал большевистский «Голос Печатного Труда». В дни Февральской революции работал в Московском Комитете большевиков. По требованию Ц. К. выехал в Петербург для работы в редакции «Правды». По возвращении в Москву состоял членом М. К. и членом редакции «Социал-Демократа». Был избран членом Учредительного Собрания. Принимал активное участие в Октябрьском перевороте. До конца 1924 г. заведывал Истпартом. В последнее время — член дирекции Института Ленина. — 20, 25, 94.

ОРЛОВСКИЙ — см. ВОРОВСКИЙ, В. В.

П.

ПАВЛОВИЧ — см. КРАСИКОВ, П. А.

ПАНИН (псевдоним М. С. Макадзюба) — с.-д.-искровец; на II съезде, где он был делегатом от Крымского Союза (по протоколам съезда — Па-

нин); примкнул к меньшевикам; принимал деятельное участие в меньшевистском совещании «17», на котором оформилась фракция меньшевиков, выработавшем тактическую платформу для борьбы «меньшинства» с центральными учреждениями партии; в мае 1905 г. на конференции меньшевиков, происходившей в Женеве одновременно с III съездом Р.С.-Д.Р.П., был избран в меньшевистский руководящий центр — Организационную Комиссию; в 1906 г. М. был весьма активным сторонником созыва «рабочего съезда»; в 1913 г. и позднее сотрудничал в органе меньшевиков «Наша Заря». — **53.**

ПАПАША — см. ЛИТВИНОВ, М. М.

ПАРВУС (псевдоним А. Л. Гельфанда) (1869 — 1924) — русский эмигрант, в 90-х и начале 900-х годов работавший в германской с.-д-тии, примыкал к ее левому крылу, рядом с Р. Люксембург вел решительную кампанию против Бернштейна и оппортунистических течений в партии вообще. Дал ряд значительных марксистских работ по вопросам мирового хозяйства, аграрного кризиса и т. д. Сотрудничал в «Искре», «Заре» (под псевдонимом Молотова). После раскола поддерживал меньшевиков, хотя и расходился с ними в ряде тактических вопросов. Выдвинул в применении к русской революции теорию «перманентной революции». В 1905 г. вернулся в Россию и принимал деятельное участие в первой русской революции. Входил в редакцию меньшевистского «Начала». Был сослан в Сибирь и бежал обратно в Германию. В эпоху войны — крайний социал-шовинист и прямой агент германского империализма. — **122 — 124, 126, 128, 129, 192 — 194, 201, 210, 264, 267, 353, 358, 359, 361, 366.**

ПЕТРУНКЕВИЧ, И. И. (р. 1844) — старый участник земского либерального конституционного движения. В 1879 г. за составление адреса правительству от черниговского земства — был сослан в Костромскую губ.; участник левого крыла земско-городских съездов 1904—1905 г.г.; один из организаторов и видных членов к.-д. партии; участвовал в депутации к Николаю II 19 (6) июня 1905 г.; вел переговоры с Витте о вхождении в состав его кабинета общественных деятелей; состоял членом I Гос. Думы.— **353, 358 — 361, 366.**

ПЕШЕХОНОВ, А. В. (р. 1867) — народник, публицист, статистик, вел в «Русском Богатстве» отдел «внутреннего обозрения». Позже один из лидеров народно-социалистической партии и ее теоретик по аграрному вопросу. Министр продовольствия в первом коалиционном кабинете Временного правительства. — **96.**

ПИИ-МАРГАЛЬ, ФРАНЦИСКО (1820 — 1901) — испанский государственный деятель; президент испанской республики, провозглашенной после отречения короля Амадео (1873); вождь республиканской партии.—**324.**

ПЛЕВЕ, В. К. (1846 — 1904) — министр внутренних дел после убийства Сипягина в апреле 1902 г. и шеф жандармов, после разгрома партии «Народной Воли» в 1881 г. был директором департамента полиции. Являясь фактически главой правительства, Плеве считал своей главной задачей борьбу с революционным и оппозиционным движением. Беспощадным подавлением крестьянских волнений в Харьковской и Полтавской губерниях, свирепыми расправами со стачечниками и демонстрантами, разгромом ряда земств, усиленной руссификацией Финляндии, Кавказа и других окраин, организацией еврейских погромов Плеве пытался предотвратить надвигавшуюся революцию и во имя той же цели форсировал наступление русско-японской войны, рассчитывая войной на Д. Востоке отвлечь внимание народных масс от внутренних задач. При Плеве правительственная политика репрессий по отношению к общественному движению достигла своего апогея, вызвав озлобление и недовольство во всех слоях общества. Плеве убит с.-р. Сазоновым 28 (15) июля 1904 г. — **29, 117.**

ПЛЕХАНОВ, Г. В. (1856 — 1918) — основоположник и крупнейший представитель марксизма в России до Ленина. Принимал вначале участие в пар-

тии «Земля и Воля», после раскола которой на Воронежском съезде стал во главе «Черного Передела». Эмигрировав за границу и проанализировав причины неудач народовольческого движения, порвал с народничеством и основал в 1883 г. за границей совместно с Аксельродом, Засулич, Дейчем и Игнатовым первую русскую с.-д. организацию — Группу «Освобождение Труда». В 90-х годах вел энергичную борьбу с «бернштейнианством» и его отражением на русской почве — «экономизмом». В 900-х г.г. становится одним из редакторов «Искры» и «Зари». После раскола на II съезде партии 1903 г. примкнул первоначально к большевикам, затем к меньшевикам, но вскоре ушел и от них. После поражения декабрьского восстания 1905 г. выступил с пресловутым заявлением «не надо было браться за оружие». С нарождением ликвидаторства в борьбе с ним снова сблизился с большевиками. Когда разразилась империалистическая война, Плеханов стал во главе наиболее правых оборонцев («Призыв»), продолжал ту же линию после Февральской революции («Единство»). После Октябрьской революции, оставаясь противником советской власти, отказался активно выступать против большевиков. — **6, 12, 42, 64, 92 — 94, 96, 117, 131, 151, 152, 166 — 169, 205, 229, 230, 235, 251, 262 — 269, 278, 304, 314 — 318, 320, 322, 323.**

ПОСТОЛОВСКИЙ, Д. С. (МИХАЙЛОВ, АЛЕКСАНДРОВ, ВАДИМ) (р. 1876) — соц.-демократ, участник марксистских кружков в Петербурге с 1895 г. В 1899 г. был арестован и выслан из Петербурга. С весны 1904 г.— агент Ц. К., примиренец. По поручению Ц. К. организовал в Вильно бюро Ц. К. В апреле 1905 г. П. был назначен представителем Ц. К. в Совете Партии. На III съезде П. был делегатом от Северо-Западного Комитета (Михайлов) и был избран в члены Ц. К. В 1905 г. был официальным представителем от Ц. К. (большевиков) в Исполнительном Комитете Совета Рабочих Депутатов и вместе с Советом 16 (3) декабря 1905 г. был арестован. В дальнейшем отходит от партийной работы. После Февральской революции П. работал в юридической комиссии Петроградского Совета (от новожизненцев). С 1923 г. работал в Государственной Комиссии законодательных предположений и правовом отделе при С. Н. К. С. С. С. Р. — **232, 257, 284, 286.**

ПОТРЕСОВ, А. Н. (СТАРОВЕР) (1869—1934) — один из лидеров меньшевизма. В 90-х годах примкнул к марксизму, в 1894 — 6 г.г. содействовал легальному изданию марксистского сборника «Материалы» (со статьей Ленина-Тулина) и книги Бельтова (Плеханова) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и сблизился с «Петербургским Союзом борьбы за освобождение рабочего класса»; в 1898 г. сослан в Вятскую губ., откуда сотрудничал в марксистских журналах «Новое Слово» и «Начало». По отбытии ссылки эмигрировал в 1900 г. за границу и вместе с Лениным участвовал в организации «Искры» и «Зари». На II съезде Р. С.-Д. Р. П. (1903 г.) примкнул к меньшевикам и с тех пор оставался одним из виднейших сотрудников и руководителей меньшевистских изданий. После революции 1905 г. оставался в России и играл руководящую роль в легальных меньшевистских органах печати («Наша Заря»). Один из вождей ликвидаторства. В 1908 г. редактировал вместе с Мартовым и Масловым четырехтомник «Общественное движение в России в начале XX в.». Во время войны один из наиболее откровенных защитников социал-патриотизма. В 1917 г. играл руководящую роль в буржуазной газете «День», ведшей бешеную кампанию против большевиков. Эмигрировал за границу, где стоял правее официальных меньшевиков. — **6, 12, 15, 64, 65, 68, 69, 92.**

ПРОКОПОВИЧ, С. Н. (р. 1871) — экономист и общественный деятель; был некоторое время членом «Союза русских соц.-демократов», крайне правый «экономист», от соц.-демократии вскоре ушел к либералам и вступил в «Союз Освобождения». В 1906 г. — член Ц. К. кадетской партии, затем занял позицию «левее к.-д.». В 1906 г. издавал радикальный журнал «Без

Заглавия». В 1917 г. министр продовольствия в правительстве Керенского. Автор ряда работ по рабочему вопросу, трактуемому им с буржуазно-демократической точки зрения: «Рабочее движение на Западе. 1. Германия и Бельгия» (1899), «Рабочее движение в Германии» (переизд. в 1908 г.), «К критике Маркса» (1901), «Аграрный кризис и мероприятия правительства» (1912) и др. В настоящее время эмигрант. — 97.

П. С. — СТРУВЕ, П. Б.

ПУТЯТИН — полковник лейб-гвардии, один из окружавших Николая II придворных. — 359.

Р.

РАБОЧИЙ — автор брошюры «Рабочие и интеллигенты в наших организациях» (Женева, 1904 г.). — 51 — 55, 124, 145, 207, 256, 282.

РАХМЕТОВ — см. БОГДАНОВ, А. А.

РОДИЧЕВ, Ф. М. (р. 1856) — тверской помещик, предводитель уездного дворянства, один из составителей адреса тверского земства в 1894 г. о необходимости конституции, участник земско-городских съездов 1904 — 05 г.г., член «Союза Освобождения», член Государственной Думы от Тверской губ. всех 4 созывов, один из организаторов и наиболее деятельных членов к.-д. партии; после Февральской революции был комиссаром по делам Финляндии. — 353, 361, 366.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, З. П. (1848 — 1908) — адмирал, командовавший 2-ой эскадрой тихоокеанского флота в русско-японскую войну; потерпел поражение под Цусимой и вместе с флотом сдался в плен. — 45, 336.

РОЗА — см. ЛЮКСЕМБУРГ, РОЗА.

РОЗАНОВ, В. Н. (ПОПОВ, МАРТЫН) (р. 1876) — социал-демократ, в 1902 г. один из руководителей газеты и группы «Южный Рабочий»; Р. был членом О. К. по созыву II съезда Р. С.-Д. Р. П. и делегатом на съезде от «Южного Рабочего» (по протоколам съезда — Попов); на съезде примкнул к меньшинству; в конце 1904 г. Р. был кооптирован примиренческим Ц. К. в его состав в числе прочих кандидатов от «меньшинства»; 22 (9) февраля 1905 г. был арестован на заседании Ц. К. в квартире Л. Андреева в Москве; на меньшевистской конференции в мае 1905 г. был избран в члены Организационной Комиссии; на Стокгольмском (объединительном) съезде партии Р. был избран в Ц. К.; в 1912 г. в Берлине с группой меньшевиков издавал на немецком языке «Russisches Bulletin» («Русский Бюллетень»); во время империалистской войны Р. был интернационалистом, после Февральской революции 1917 г. — оборонец; после октября боролся против советской власти. В настоящее время работает по линии Наркомздрава. — 42.

РОЗИН, Ф. А. (АЗИС) (у. 1919) — один из первых латышских марксистов и основателей латышской социал-демократической партии. В 90-х г.г. эмигрирует в Америку, а затем в Берн, где редактирует латышский журнал «Социал-Демократ». В 1905 г. Р. возвращается в Латвию, где работает в центральных партийных учреждениях. Участвовал на Женевской апрельской (1905) конференции, организованной Гапоном. В 1907 г. член президиума Лондонского съезда Р. С.-Д. Р. П. В годы реакции Р. был сослан в Восточную Сибирь, откуда бежал в Америку, где издавал латышскую с.-д. газету большевистского направления. В 1918 г. приезжает в Москву, работает членом президиума В. Ц. И. К. и членом Коллегии Наркомнаца. После советской революции в Латвии — член советского правительства. Автор работы о латышском крестьянстве. — 290.

РОЛАН, ЖАННА (1754 — 1793) — жена министра жирондистского правительства — видный деятель эпохи Великой Французской Революции; имела громадное влияние на партию жирондистов; гильотинирована по постановлению революционного Трибунала. Ею написаны «Записки о революционных днях» (есть русский перевод). — 150.

РОМАНОВ, Н. В. (ЛЕСКОВ) (1864—1916) — соц.-демократ, первоначально — народник. За участие в студенческих беспорядках в Москве был выслан на 3 года в Н.-Новгород (1892—1895 г.г.), где завел связи с рабочими и учащимися и вскоре эволюционировал от народничества к марксизму. По окончании надзора Р. за пропаганду среди рабочих снова попадает в тюрьму (1896—1897 г.г.), а затем на 4 года в архангельскую ссылку, где вполне определяется как соц.-дем. В конце 1903 г. вошел в Северный комитет Р. С.-Д. Р. П., был им делегирован на III съезд, на котором был председателем мандатной комиссии. После 1905 г. продолжал вести партийную работу, не порывая связей с партией даже в годы реакции.—**257.**

РУБЕН — см. **КНУНЬЯНЦ, Б. М.**

РУСАЛКА — см. **ЛЯДОВ, М. Н.**

РУССО, ЖАН-ЖАК (1712—1778) — знаменитый французский философ и политический писатель. В 1755 г. Р. в книге «Discours sur l'inégalité parmi les hommes» («Рассуждение о происхождении неравенства людей») обращается с призывом вернуться к «естественному состоянию», нападает на результаты городской цивилизации и индустрии. Эти же идеи проводит он в сочинении: «Содействовало ли возрождение наук и искусств возрождению нравов». В 1762 г. выходит его знаменитый «Du contrat social, ou Principes du droit politique» («Общественный договор»). За этот труд, в котором Р. призывает осуществить идеал свободного человеческого союза, где будет царить полное народовластие и равенство, Р. изгоняют из Франции. В то же время, в книге «Emil, ou de l'Education» («Эмиль, или о воспитании»), Р. развертывает систему оригинальных педагогических взглядов, по которой он восстает против принудительных методов воспитания. Книга «Эмиль» была присуждена к сожжению. Идеи Р. имели громадное влияние на современников, особенно на деятелей Французской революции и в частности на Робеспьера и Марата, противопоставлявшего Р., как плебея-демократа — буржуазным энциклопедистам-просветителям. — **313.**

РЫДЗЕВСКИЙ, К. Н. — товарищ министра внутренних дел в 1904—1905 г.г., начальник полиции и отдельного корпуса жандармов. — **96, 97.**

РЫКОВ, А. И. (СЕРГЕЕВ, АЛЕКСЕЙ, ВЛАСОВ) (р. 1881) — видный большевик, профессиональный революционер. Социал-демократическую деятельность начал в 1899 г. в Казанской соц.-дем. организации. Арестованный при провале организации, был выслан в Саратов, где продолжал вести соц.-дем. работу среди рабочих. Арестованный вновь и отданный под надзор полиции, бежал в конце 1902 г. за границу в Женеву, но вскоре возвратился в Россию на профессионально-революционную работу (Ярославль, Рыбинск, Кострома, Сормово, Москва). В 1905 г. участвует на III съезде Р. С.-Д. Р. П. в качестве делегата от Московской организации (Сергеев), избирается членом Ц. К. По возвращении в Россию был арестован и вышел из тюрьмы в «дни свободы». Входил в Петербургский Совет, как представитель большевиков. Начиная с 1906 г. у Р. идет непрерывное чередование: партийная работа, аресты, ссылка и снова работа. Так продолжается до 1913 г., когда Р. попадает в ссылку в Нарымский край, из которой он был освобожден только Февральской революцией 1917 г. До Октября работал в Московской партийной организации. После Октябрьской революции Р. — нарком внутренних дел, затем председатель В. С. Н. Х. Был председателем Совнаркома С. С. С. Р. и Р. С. Ф. С. Р., членом Политбюро. С 1928 г. вместе с Бухариным и Томским явился одним из лидеров правого уклона; в заявлении, поданном в Политбюро тотчас после ноябрьского пленума Ц. К., признал свои правые ошибки. В настоящее время Р.—нарком Н. К. П. и Т. —**258, 282.**

РЯДОВОЙ — см. Богданов, А. А.

РЯЗАНОВ, Д. Б. (р. 1870) — один из старейших русских социал-демократов. В 90-х г.г. организовал первые рабочие кружки в Одессе; после 5 лет тюремного заключения и 3 лет полицейского надзора эмигрировал за границу. В эпоху «Искры» занимал промежуточную между экономистами и искровцами позицию, пытаясь примирить оба эти

течения русской социал-демократии; один из основателей группы «Борьба»; выступал с критикой проектов партийных программ «Рабочего Дела» и «Искры». После II съезда Р. выпустил о работах съезда полемическую брошюру «Разбитые иллюзии»; во время революции 1905 г. Р. сначала работал в Одессе, а потом в Петербурге — по организации профессионального движения; с наступлением реакции снова эмигрировал за границу, где участвовал в международном с.-д. движении. По поручению германской социал-демократии вел научно-исследовательскую работу по восстановлению и изданию литературного наследства Маркса и Энгельса и по истории II Интернационала; во время войны занимал интернационалистскую позицию (центрист); после Февральской революции 1917 г. Р. снова вернулся в Россию, участвовал в профессиональном движении и затем вошел в коммунистическую партию; был директором Института Маркса и Энгельса до февраля 1931 г., когда был отстранен от этой работы и исключен из рядов В.К.П.(б.) за измену партии и прямую помощь меньшевикам-интервенционистам. — **52, 159, 168.**

С.

СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ, П. Д. (1857 — 1914) — князь; был губернатором в Пензе и Екатеринославе. С 1900 г. — тов. министра внутренних дел при Сипягине и командир отдельного корпуса жандармов. После убийства Плеве (1904 г.) — министр внутренних дел, ознаменовавший свое назначение открытием т. н. эры «весны», доверия правительства к обществу, выразившегося в незначительном ослаблении цензурного гнета над печатью, возвращении нескольких административно сосланных либеральных деятелей и допущении ноябрьского Петербургского съезда земских деятелей. Откликом на политику С.-М. была т. н. «банкетная кампания» либералов. После 9 января С.-М. был уволен в отставку, и либеральная эра «весны» была заменена военно-полицейской диктатурой Трепова. — **18, 29, 96.**

СЕМЕВСКИЙ, В. И. (1848 — 1916) — русский историк, народник, деятельный член Вольного Экономического О-ва. С 1906 г. — член партии народных социалистов. Известен своими работами по истории крестьянства, декабристов и петрашевцев. Вместе с Мельгуновым редактировал «Голос Минувшего». — **96.**

СЕРГЕЕВ — см. **РЫКОВ, А. И.**

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1857 — 1905) — великий князь, московский генерал-губернатор; один из вдохновителей реакционной политики царизма, покровительствовал зубатовщине. Убит 17 (4) февраля 1905 г. эсэром И. П. Каляевым. — **118.**

СОСНОВСКИЙ — см. **ДЕСНИЦКИЙ, В. А.**

СТАРОВЕР — см. **ПОТРЕСОВ, А. Н.**

СТАСОВА, Е. Д. (АБСОЛЮТ) (р. 1873) — видная большевичка, профессиональная революционерка. Начала принимать участие в с.-д. движении с 1898 г.; позже ведала всей техникой Петербургского Комитета. В 1904 г. была одним из деятельнейших членов Северного Бюро Ц. К. и работала в Киеве, Орле, Минске, Смоленске, Вильно, Москве и Нижнем-Новгороде, где была арестована. По возвращении в Петербург была секретарем П. К., а также в течение некоторого времени секретарем Ц. К. В августе 1905 г. была послана в Женеву представителем по делам техники Ц. К. В Женеве работала в издательстве Ц. К., где была оставлена после октября 1905 г. для ликвидации типографии, архива, издательства и библиотеки Ц. К. В январе 1906 г. вернулась в Петербург и опять работала как секретарь П. К. вплоть до своего ареста в июле 1906 г. С осени 1907 г. работала в Тифлисе в качестве пропагандиста; в 1910 г. там же была привлечена для работы в Ц. К.: сначала по технике, а затем по подготовке Пражской

конференции. В 1912 г. С. была арестована и сослана на поселение в Енисейскую губ. В марте 1917 г. С. организовала в Петрограде Секретариат Бюро Ц. К. С этого времени до IX съезда партии работала как секретарь Ц. К., сначала в Петрограде, а потом в Москве. С мая месяца 1920 г. переехала в Петроград и работала как организатор в губернском комитете партии. По поручению Ц. К. работала в Баку по организации первого съезда народов Востока и в Кавказском Бюро Ц. К. С апреля 1921 г. до февраля 1926 г. находилась в распоряжении Коминтерна; в настоящее время работает в Ц. К. Мопр. — 59.

СТЕПАНОВ — по всей вероятности Мячин, К. — рабочий электромонтер, работник Киевской с.-д. организации. Присутствовал на II съезде Р. С.-Д. Р. П. от Киевского Комитета. Неоднократно подвергался арестам и тюремному заключению в Киеве. — 51.

СТЕПАНОВ — заграничный уполномоченный русского Бюро комитетов большинства. Псевдоним А. М. Эссена. — 91.

СТЕПАНОВ, С. И. (БРАУН) (р. 1876) — видный большевик, рабочий, токарь по металлу. Революционную деятельность начал в Туле в 1895 г. Впервые был арестован в 1900 г. Участвовал с решающим голосом от Тульской организации на II съезде, где вошел в состав «большинства». По возвращении в Россию после съезда вновь вел партийно-организационную работу в Туле. В 1904 г. был арестован, освобожден из тюрьмы по амнистии в «дни свободы» 1905 г., после чего работал сначала в Петербурге, затем в Туле. При выборах во вторую Государственную Думу был выдвинут в качестве уполномоченного от рабочих, за что был рассчитан с завода. После работы в ряде городов (Оренбург, Луганск и др.) вернулся в Тулу, где принимал энергичное участие в организации поддержки рабочими газеты «Звезда». В связи с кампанией, которую С. провел по поводу ленского расстрела, он был арестован и выслан в Кременчуг. В 1913 г. возвратился снова в Тулу и работал на Патронном заводе. С начала мировой войны занял интернационалистскую позицию (пораженец). В 1915 г. С. был арестован и выслан в Иркутскую губернию. Из ссылки вернулся в Россию после Февральской революции. После Октябрьской революции проводил национализацию заводов по цветной металлопромышленности. В 1918 — 19 г. был директором медеобрабатывающего завода. При наступлении Деникина был назначен директором Тульского патронного завода (1919 — 1924 г.г.). На XIII съезде партии был избран членом Ц. К. К., после съезда — председателем Тульского Губернского Исполкома. На XIV и XV съездах партии С. избран членом ревизионной комиссии Ц. К. — 51.

СТЕПНЯК — см. **КРАВЧИНСКИЙ, С. М.**

СТИВЕНС (STEPHENS), ДЖОЗЕФ РАЙНЕР (р. 1805) — английский священник, революционер, один из деятелей чартистского движения 30-х годов, даровитый оратор, пользовавшийся большим влиянием среди рабочих. Выдвигая главной целью улучшение материального положения рабочих, Стивенс призывал рабочих с оружием в руках бороться против «негодного правительственного режима». — 88.

СТРУВЕ, П. Б. (П. С.) (р. 1870) — в 90-х годах с.-д., автор «Манифеста Р. С.-Д. Р. П.», выпущенного по постановлению I съезда партии, участник Международного Социалистического Конгресса в Лондоне в 1896 году. Наиболее видный представитель «легального марксизма» 90-х г.г. Участник и редактор легальных марксистских журналов («Новое Слово», «Начало», «Жизнь»). Уже в первой своей работе («Критические заметки») заявил, что не разделяет всех взглядов Маркса. В дальнейших работах под видом «критической проверки» Маркса подменил революционные идеи марксизма идеями о сотрудничестве классов, мирной эволюции социализма и т. д. Философию марксизма (диалектический материализм) отрицал всегда. В конце 1900 — начале 1901 г., в качестве представителя «демократической оппозиции», вел переговоры с «искровцами» о блоке, сотрудничал в пер-

вых номерах «Искры». Вскоре окончательно порвал с марксизмом и с социал-демократией и перешел в лагерь либералов, став во главе организации земцев-конституционалистов — «Союза Освобождения» (1902—1905 г.г.); редактировал орган этого «Союза» — «Освобождение» (Штутгарт, Париж). С образованием к.-д. («конституционно-демократической») партии — член ее Ц. К. После поражения революции 1905 г. — лидер самого правого крыла либералов, скатывается к черносотенному национализму. В 1909 г. участник реакционно-мистического сборника «Вехи». Во время гражданской войны принимал участие в правительстве Деникина, а затем стал министром у Врангеля. Позже редактировал в Праге журнал «Русская Мысль», объединяя в нем правых кадетов с монархистами. С 1925 г. издавал в Париже православно-монархическую газету «Возрождение». — **6, 13, 68, 179, 243, 245, 311, 339, 340, 343, 345, 347, 354, 355, 366, 372.**

Т.

ТИГРОВ — см. **АВИЛОВ, Б. В.**

ТРЕПОВ, Д. Ф. (1855—1906) — московский обер-полицеймейстер, ближайший помощник в. кн. Сергея Александровича и соратник Зубатова. После 9 января 1905 г. — спб. генерал-губернатор, а затем тов. министра внутренних дел. Автор знаменитого приказа «патронов не жалеть». Вдохновитель черносотенных погромов. В дни Первой Думы вел переговоры с Милюковым о создании кадетского министерства. — **96, 355, 358, 365.**

ТРОЦКИЙ, Л. Д. (БРОНШТЕЙН) (р. 1879) — социал-демократ, возглавлявший в рядах русской социал-демократии «центристское» течение (троцкизм), докатившееся впоследствии до роли «передового отряда контрреволюционной буржуазии». Участвовал в Южно-Русском Рабочем Союзе, в 1898 г. был арестован и сослан; в 1902 г. бежал за границу, был «искровцем». Участник II съезда Р. С.-Д. Р. П., после раскола становится ярым меньшевиком. Председатель Петербургского Совета Рабочих Депутатов 1905 года. Сторонник полуменьшевистской парвусовской теории перманентной революции. Проживая в Вене, образовал собственную группу, идейным выразителем которой являлась издававшаяся им «нефракционная» газета «Правда» (1908—1912). В 1912 г. после долгих «нефракционных» колебаний организует для борьбы с большевиками так называемый «августовский блок». Во время войны входил в редакцию парижского «Нашего Слова», участвовал на Циммервальдской конференции (центр). Отвергал лозунг гражданской войны, пораженчества и необходимость организационного разрыва с социал-шовинистами. Его лозунг «ни побед, ни поражений» являлся перефразировкой лозунга «защиты отечества». В 1916 г. был выслан из Франции в Испанию, а оттуда в Америку, где противодействовал присоединению интернационалистских элементов к «Циммервальдской левой». В 1917 г. по приезде в Петроград примкнул к «межрайонцам» и вместе с последними на VI съезде Р. С.-Д. Р. П.(б.) вошел в большевистскую партию и был избран в Ц. К. По завоевании большевиками в сентябре 1917 г. Петроградского Совета становится его председателем. После Октября — народный комиссар иностранных дел. В вопросе о Брестском мире высказывался сначала за тактику «ни мир, ни война», а после возобновления наступления — за революционную войну. После Брестского мира — наркомвоен и председатель Реввоенсовета республики (до 1924 г.). В 1920—1921 г.г. отстаивал необходимость «огосударствления» профессиональных союзов, организовав на этой платформе фракцию. В 1923—1924 г.г. возглавил оппозицию; с 1926 г. — лидер «оппозиционного блока» (Троцкий, Каменев, Зиновьев). Вел против В. К. П. (б.) и Коминтерна резкую фракционную борьбу. В ноябре 1927 г. вместе со

своими сторонниками пытался устроить антисоветские демонстрации в Москве и Ленинграде. Защищал взгляды о невозможности построения социализма в С. С. С. Р., о неизбежности перерождения большевистской партии и советской власти и вероятности возврата к капитализму. На XV съезде В. К. П. (б.) исключен из партии. В 1929 г. за подпольную антисоветскую деятельность выслан за границу, где стал, наряду с белогвардейцами, одним из центров притяжения контр-революционных сил внутри и вне С. С. С. Р. — **5, 17, 52, 54, 93, 151, 192—194.**

ТРУБЕЦКОЙ, Е. Н. (1863—1919) — князь, умеренный либерал, профессор философии права, представитель религиозно-мистического направления в русской философии. До 1906 г. состоял в партии кадетов, примыкая к ее правому крылу; затем вышел из партии за ее «слишком радикальную» политику. Был одним из организаторов партии «мирного обновления». Во время войны 1914—1918 г.г. один из идеологов русского империализма. В годы гражданской войны Т. — активный деникинец. — **8, 50.**

ТРУБЕЦКОЙ, С. Н. (1862—1905) — князь, либерал, профессор философии, идеалист, первый выборный ректор Московского университета, редактор журнала «Вопросы Философии и Психологии». В ноябре 1904 г. составил Записку о желательных реформах для вручения Святополку-Мирскому. В июне 1905 г. входил в состав делегации к Николаю II и выступил перед ним с программной либеральной речью. Умер 12 октября (29 сентября) 1905 г., во время совместного заседания с министром Глазовым в комиссии по выработке университетского устава. — **353, 356, 360, 366.**

ТУРАТИ, ФИЛИПП (1857—1932)—итальянский социалист, юрист, литератор, один из основателей итальянской социалистической партии (1892). С 1896 г. — член палаты депутатов. Был приговорен к 20 годам тюрьмы за участие в голодных бунтах. От наказания освобожден лишь в 1909 г. С 1900-х г.г. эволюционизирует в сторону реформизма, проповедует сотрудничество классов. После вступления Италии в войну высказался за «демократическую» программу мира в духе Вильсона. С 1919 г. возглавляет фракцию реформистов, стоящую против сближения с Коминтерном. Редактировал «La Giustizia» («Юстиция»). — **268, 322.**

У.

УЛЬЯНОВ — см. ЛЕНИН, В. И.

УРУСОВ, С. Д. (р. 1862) — князь, крупный землевладелец, губернатор, товарищ министра внутренних дел в кабинете Витте после 17 октября, член I Гос. Думы от Калужской губ.; был членом партии демократических реформ; присоединился к Выборгскому воззванию. Автор «Записок губернатора». В 1917 г. был тов. министра внутренних дел во Временном правительстве. — **236.**

Ф.

ФЕДОРОВ, М. П. (р. 1845) — гласный С.-Петербургской Думы, директор правления Рязано-Уральской жел. дор., крупный финансовый деятель. Участник депутации 6 июня 1905 г. к Николаю II. Был членом II Гос. Думы от Петербурга. Видный деятель кадетской партии. Публицист. — **353, 356, 360.**

ФЕЙЕРБАХ, ЛЮДВИГ (1804—1872) — немецкий философ, оказавший громадное влияние на развитие философского материализма. Пройдя осно-

вательно школу Гегеля и являясь первоначально ортодоксальным гегельянцем, Ф. первый поднял бунт против реакционно-теологических сторон гегельянства в своей работе «Сущность христианства» (1841). Характеризуя «спекулятивную философию», как «перевернутый теологический идеализм», Ф. так определяет значение своей философии: «Новая философия делает человека, а вместе с тем и природу, как его базис, единственным универсальным и высшим предметом философии, — превращает, следовательно, антропологию, со включением физиологии, в универсальную науку». Энгельс в своей брошюре «Людвиг Фейербах» указывает на то громадное значение, какое имели сочинения Ф. на выработку материалистической концепции Маркса и Энгельса. Там же указывается и на недостатки Фейербаховского материализма. Ф. оказал значительное влияние на историю русской передовой общественно-политической мысли (Герцен, Белинский, Чернышевский). — 200.

ФЕЛИКС — см. ЛИТВИНОВ, М. М.

ФОХТ (ФОГТ), КАРЛ (1817—1895) — видный немецкий натуралист, последователь Дарвина, представитель, наряду с Бюхнером, т. н. «вульгарного материализма». Во время революции 1848 г. был членом Национального собрания, где примыкал к левому крылу собрания. После поражения революции был приговорен к смертной казни, но бежал в Швейцарию, где оставался до самой смерти. Был проф. Женевского университета. Яростный противник марксизма и секретный агент Наполеона III. — 200.

ФРЕДЕРИКС, В. Б. (1838 — 1917) — министр двора и уделов с 1897 г. — 355, 358.

Х.

ХАРИТОН — см. ГУСЕВ, С. И.

ХИЖНЯКОВ, В. В. (р. 1871) — земский деятель. В 1894 г. входил в партию Народного Права. Участник земских съездов. В 1903 — 5 годах — один из организаторов и член «Союза Освобождения». В 1905 — 6 годах вместе с Прокоповичем и Кусковой сотрудничал в «Товарище» и в журнале «Без Заглавия». В 1903 — 1910 годах — секретарь «Вольного Экономического Общества». — 97.

Ц.

ЦХАКАЯ, МИХА (БАРСОВ, ЛЕОНОВ) (р. 1865) — видный большевик, один из старейших социал-демократов. Вопросами марксизма занялся впервые в 1883 — 1884 г.г. и, еще будучи в средней школе, организовывал кружки среди батраков и бедных крестьян. Осенью 1888 г. Ц. вел пропагандистскую работу в Тифлисе, Батуме и Кутаисе. В 1897 г. Ц. выслан из пределов Кавказа на пять лет. В 1898 — 1900 г.г. Ц. работал в Харькове, а затем в Екатеринославе, где в 1900 г. был арестован. В 1902 г. был выслан на родину и тогда же перешел на нелегальное положение. В 1905 г. был делегатом на III партийном съезде (Барсов), был также участником и V Лондонского съезда в 1907 г. Позже, вплоть до 1917 г., находился в эмиграции. В 1917 г. вместе с Лениным вернулся в Россию, участвовал в апрельской партийной конференции. Затем работал на Кавказе по укреплению большевистских комитетов. Участвовал в демократическом совещании в сентябре 1917 г., вел работу по подготовке октябрьского переворота. Накануне Октября был вызван для работы на Кавказе. В июне 1919 г. был посажен меньшевиками в тюрьму, откуда освобожден в мае 1920 г. Состоит членом Президиума Ц. И. К. С. С. С. Р. Был председателем Закавказского Ц. И. К. — 276.

Ч.

ЧЕРЕВАНИН (псевдоним Ф. А. ЛИПКИНА) (р. 1868) — меньшевистский литератор. В 1900 г. за с.-д. пропаганду выслан из Москвы в Вятскую губ. В 1904 г. выпустил брошюру: «Организационный вопрос». В революции 1905 г. занимал позицию на правом крыле меньшевизма. В своей книге «Пролетариат и русская революция» (1908 г.) Череванин дал законченно-ликвидаторскую философию русской революции, объясняя поражение революции 1905 г. самостоятельной наступательной тактикой пролетариата («самочинное» введение 8 час. рабочего дня, декабрьское восстание и др.), «отпугнувшей» либералов и помешавшей им закрепить конституцию. Ч. — сотрудник всех ликвидаторских изданий, начиная с четырехтомника («Общественное движение») и «Нашей Зари» и кончая «Нашей Рабочей Газетой» (1914 г.). Делегат на Стокгольмском и Лондонских съездах партии. После августовской конференции — член О. К. меньшевиков. В эпоху империалистической войны — социал-патриот. В 1917 г. Ч. — один из редакторов «Рабочей Газеты» — центрального органа меньшевиков. После так называемого «объединительного» меньшевистского съезда в августе 1917 г. Ч. избирается в Ц. К. Один из литературных псевдонимов в легальной литературе — Нежданов. В последнее время работал в Калужском губплане. — 53.

Ш.

ШАППЕР, КАРЛ (1812 — 1870) — один из видных германских революционеров, современник Маркса и Энгельса. В студенческие годы Ш. примкнул к германскому революционному движению и после ареста его политических друзей бежал за границу, где стал членом «Союза Справедливых». В 1839 г. привлекался по делу о восстании «Общества Времен Года» в Париже, но был оправдан. В 1847 г. был одним из основателей «Союза Коммунистов» в Лондоне (вместе с Марксом, Энгельсом, Виллихом и др.). Во время германской революции вернулся в Германию и вместе с Марксом и Энгельсом поселился в Кельне, где в течение 1848 — 1849 г.г. принимал выдающееся участие в революционном движении, стоя во главе «Кельнского Рабочего Союза». После поражения революции эмигрировал в Лондон. При расколе «Союза Коммунистов» Ш. разошелся с Марксом, встав на сторону Виллиха, возглавлявшего «левую» фракцию Союза; впоследствии признал свою ошибку. — 320.

ШАХОВ — см. МАЛИНИН, Н. И.

ШВАРЦ — см. ВОРОВСКИЙ, В. В.

ШАХОВСКОЙ, Д. И. (р. 1861) — князь, видный земский деятель, активный участник земских съездов 1904 — 1905 г.г. Один из организаторов «Союза Освобождения» (1903 г.). С 1905 г. левый кадет и бессменный член Ц. К. кадетов. Депутат I Гос. Думы от Ярославской губ., секретарь Думы и секретарь фракции кадетов. За подписание Выборгского воззвания был приговорен к заключению в крепость. В 1917 г. с мая до июня входил в первое коалиционное правительство. В настоящее время деятель советской кооперации. — 353.

ШЕЛГУНОВ, Н. В. (1824 — 1891) — писатель-демократ, публицист. В «Современнике» поместил статью «Рабочий пролетариат в Англии и Франции», в значительной части представляющую изложение книги Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Привлекался, как и Чернышевский, к ответственности за прокламацию к «солдатам и к барским крестьянам». В 1862 г. был арестован. С апреля 1863 г. по ноябрь 1864 был заключен в Петропавловской крепости (Алексеевский равелин). В декабре 1864 г. выслан в Вологодскую губ. С 1877 г. Ш. был вновь разрешен въезд в Петербург. Деятельность Ш. была оценена передовыми петербургскими рабочими, поднесшими ему, незадолго до его

смерти, благодарственный адрес. Во время похорон Шелгунова произошла противоправительственная демонстрация, с участием группы рабочих. — 105.

ШЕРЕМЕТЬЕВ, С. Д. (р. 1844) — граф, придворный, член Государственного Совета, имел большое влияние в придворных кругах, один из тайных вдохновителей реакционной политики царизма. — 236.

ШИДЛОВСКИЙ, Н. В. (1843 — 1907) — помещик Воронежской губернии, сенатор, член Государственного Совета. В 1905 г. получил широкую известность, как председатель правительственной «комиссии для выяснения причин недовольства рабочих и изыскания мер к устранению таковых». — 258.

ШИПОВ, Д. Н. (1851 — 1920) — лидер земского движения 90-х г.г., умеренный либерал. С 1893 по 1904 г. был председателем Московской губернской земской управы. Организатор съезда земских деятелей, руководитель правой группы съездов, отстаивавший лозунг: «права и властное земство». В 1905 г. один из лидеров партии октябристов. Осенью 1906 г. после того, как партия высказалась за военно-полевые суды, вышел из ее состава и перешел к мирнообновленцам. С 1906 г. член Гос. Совета от Московского земства. После Октябрьской революции один из участников крупнейшей белогвардейской организации т. н. «национального центра». — 238, 311, 313, 352, 354, 366.

ШОТМАН, А. В. (ГОРСКИЙ) (р. 1880) — видный большевик, рабочий, токарь по металлу, революционную деятельность начал в 1899 г. в Петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». Принимал участие в «Обуховской обороне» (1901 г.). В 1902 — 3 г.г. был членом Петербургского комитета («искровского»), которым был затем делегирован на II съезд Р. С.-Д. Р. П., где вошел в состав «большинства». После II съезда Ш. был направлен в Смоленск в распоряжение члена Ц. К. Носкова, затем работал в Северном комитете партии. В начале 1904 г. был арестован, вышел из тюрьмы в феврале 1905 г., работал затем в Одессе, в Петербурге и Гельсингфорсе (1910 — 1912), где входил в состав Гельсингфорсского комитета финляндской с.-д. партии. В 1912 г. ездил к Вл. Ильичу в Париж. В 1913 г. с поручениями от большевистского центра ездил в Вену; участвовал на одном из поронинских совещаний, был кооптирован в Ц. К. и направлен для работы на юг России. В ноябре 1913 г. арестован в Екатеринославе и сослан в Нарымский край, где и пробыл до Февральской революции. Во время войны отстаивал интернационалистскую позицию (пораженец). В июне 1917 г. работал в Петрограде и поддерживал связь с финляндской с.-д. партией. В июле и вплоть до октября Ш., используя финляндские связи, организовал переезд Вл. Ильича в Финляндию. После победы Октябрьской революции и до января 1918 г. Ш. был членом коллегии Наркомпочтеля, затем членом президиума В. С. Н. Х., председателем Урало-Сибирской комиссии совета труда и обороны (в Омске) и одновременно членом Сибревкома, председателем Карельской А. С. С. Р. (1922—1925), председателем общества радиопередачи. С XIII съезда В. К. П. (б.)— член Ц. К. К. В настоящее время Ш. — член Ц. И. К. С. С. С. Р. — 51.

Щ.

ЩЕРБАТОВ, Н. Б. (р. 1868) — князь, крупный помещик, предводитель дворянства Полтавской губернии, член Гос. Совета с 1912 г. от Полтавского земства. — 236.

Э.

ЭНГЕЛЬС, ФР. (1820 — 1895) — см. очерк его жизни, написанный В. И. Лениным в 1895 г. (Сочинения, т. I). — 173, 185, 186, 263, 268 — 272, 320 — 329, 384.

ЭССЕН, Э. Э. (БАРОН) (1879 — 1931) — большевик, с.-д. работу начал в 1898 г. в Петербурге, где вел пропаганду среди студенчества. В дальнейшем обслуживал соц.-дем. организацию техникой. Вместе с братом (Буром) организовал типографию. Позже Э. транспортировал литературу через финляндскую границу. В 1903 г. Э. был направлен в Екатеринослав, но вскоре надорвался на партийной работе, тяжело заболел и лечился за границей. Зиму 1904 г. провел в Женеве. 1905-й год работал сначала в Петербурге, затем в Одессе. В годы 1907 — 1915 от партийной работы отошел. После Октября занимал ряд ответственных постов на Украине, в частности на политработе в армии. Был ректором академии художеств в Ленинграде. — 24.

ЭСТЕР (д'ЭСТЕР) (1811 — 1859) — врач по профессии, член «Союза Коммунистов». В 1848 г. был депутатом от Кельна в прусском национальном собрании, где выступал как один из вождей демократической оппозиции. После роспуска национального собрания принимал активное участие в революционном движении. После поражения баденского восстания эмигрировал в Швейцарию, где и работал с 1851 г. в качестве врача. — 272.

VII. ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ЖИЗНИ В. И. ЛЕНИНА.

(Ноябрь 1904 — июль 1905 г.г.)

1904 г.

Ноябрь. Бюро комитетов большинства под руководством Вл. И. ведет практическую подготовку созыва III съезда.

Вл. И. ведет интенсивную переписку с местными российскими организациями и с заграничными группами содействия о необходимости ускорить созыв съезда в связи с дезорганизаторскими шагами Ц. К. и особенно в связи с перерастанием организационного оппортунизма «Искры» в оппортунизм тактический.

24 (11) ноября. Вл. И. читал в Женеве доклад на тему «Земская кампания и план «Искры»».

25 (12) — 30 (17) ноября. Вышла брошюра Вл. И. «Земская кампания и план «Искры»».

Ноябрь-декабрь. Вл. И. редактирует брошюры «Издательства В. Бонч Бруевича и Н. Ленина» (с конца декабря 1904 г. издательство «Вперед»).

Начало декабря. Вл. И. выступил с докладами в Цюрихе, Берне и Париже на тему: «Социал-демократия и либерализм». На парижском докладе оппонентом выступил П. Струве.

Вл. И. привлекает А. В. Луначарского в качестве лектора по заграничным колониям эмигрантов и к участию в редакционной работе в первом большевистском органе («Вперед»).

12 декабря (29 ноября). На собрании большевиков с участием Вл. И. в Женеве окончательно решен вопрос об издании газеты «Вперед». Вл. И. формирует редакцию, в письмах обращается к рядовым рабочим с призывом корреспонденциями и всяческой поддержкой сделать газету рабочим боевым с.-д. органом.

Конец декабря. Вл. И. посылает членам Б. К. Б. проект извещения о созыве III съезда.

Вл. И. узнает о тайной кооптации в Ц. К. трех меньшевиков: В. Н. Крохмаля, В. Н. Розанова и Р. С. Гальберштадт.

Вышла из печати брошюра Вл. И.: «Заявление и документы о разрыве центральных учреждений с партией».

1905 г.

4 января (22 декабря 1904 г.). В Женеве вышел № 1 редактируемой Вл. И. газеты «Вперед» с тремя статьями Вл. Ильича.

14 (1) января. Вл. И. начинает антивоенную кампанию в газете «Вперед» в № 2 статьей «Падение Порт-Артура».

19 (6) января. Вл. И. в письме к Е. Д. Стасовой формулирует правила поведения соц.-демократов на суде.

26 (13) января. Вл. И. выступает с речью о событиях 22 (9) января на собрании большевиков в Женеве.

Конец января. Вл. И. в женевской библиотеке «Société de Lecture» редактирует перевод мемуаров Клюзере о баррикадной тактике и технике восстания. Одновременно с этим Вл. И. перечитывает заново статьи Маркса о восстании и Энгельса о военной и боевой работе.

3 февраля (21 января). Вл. И. получил письмо от А. Бебеля с предложением третейского суда для улажения «конфликта» между приверженцами «Вперeда» и «Искры».

Вл. И. в письме к Грейлиху излагает историю раскола Р. С.-Д. Р. П.

7 февраля (25 января). Вл. И. послал ответ Бебелю относительно третейского суда.

Вл. И. присутствует в Женеве на реферате М. С. Ольминского «Об оппортунизме».

Средина февраля. При свидании с Гапоном Вл. И. обсуждает вопросы боевого сотрудничества революционных партий.

21 (8) февраля. Вл. И. в № 7 «Вперед» статьей «О боевом соглашении для восстания» призывает к концентрации внимания партии на технической и организационной стороне подготовки восстания.

Конец февраля. Вл. И. пишет проекты всех основных резолюций съезда и одновременно составляет общий план работы съезда.

В связи со статьей К. Каутского «Die Bauern und die Revolution in Russland» («Die Neue Zeit» № 21, 15 (2) февраля 1905 г.), Вл. И., неудовлетворенный точкой зрения Каутского, призывавшего русских с.-д. к нейтралитету в борьбе крестьян с помещиками, усиленно работает над изучением взглядов Маркса и Энгельса на аграрный вопрос и крестьянское движение («Маркс об американском черном переделе в полемике с Кригэ и Энгельс о Генри Джордже»).

8 марта (23 февраля). В статье «Новые задачи и новые силы» («Вперед» № 9) Вл. И. впервые выдвинул основной лозунг революции 1905 г. «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства».

2 апреля (20 марта). Одесский Комитет избирает Вл. И. делегатом от Одесской организации на III партийный съезд.

Неудовлетворенный составом конференции, созванной в Женеве эсерами для боевого соглашения различных революционных партий (на конференцию не были приглашены представители массовых организаций), Вл. И. вместе с делегатами других с.-д. организаций покидает конференцию.

Перед 25 (12) апр. Отъезд Вл. И. из Женевы в Лондон.

25 (12) апреля. Вл. И. присутствует на открытии III съезда Р. С.-Д. Р. П. в Лондоне.

26 (13) апреля. Речь Вл. И. на III съезде по вопросу о законности съезда.

27 (14) апреля. Речь Вл. И. на съезде по вопросу о полноправности Казанского и Кубанского Комитетов.

28 (15) апреля. Речь Вл. И. на съезде по вопросу о вооруженном восстании.

29 (16) апреля. Вторая речь Вл. И. на съезде по вопросу о вооруженном восстании.

1 мая (18 апреля). Речь Вл. И. на съезде по вопросу об отношении к политике правительства накануне переворота.

Доклад Вл. И. по вопросу об участии соц.-дем. во временном революционном правительстве и проект резолюции по этому вопросу.

2 мая (19 апр.). Речь Вл. И. на съезде о поправках к его резолюции по вопросу об участии с.-д. во временном революционном правительстве.

Вл. И. и П. Румянцев вносят проект резолюции по вопросу об открытом политическом выступлении Р. С.-Д. Р. П.

Доклад Вл. И. по вопросу о поддержке крестьянского движения.

3 мая (20 апр.). Речь Вл. И. на съезде по вопросу об отношениях между интеллигентами и рабочими в с.-д. организациях.

4 мая (21 апр.). Две речи Вл. И. на съезде по вопросу о партийном уставе.

5 мая (22 апр.). Вл. И. и А. Богданов вносят проект резолюции по вопросу об отношениях между интеллигентами и рабочими в с.-д. организациях.

6 мая (23 апр.). Речь Вл. И. на съезде по вопросу о соглашениях с с.-р.

8 мая (25 апр.). Речь Вл. И. на съезде по докладу о деятельности Ц. К. Избрание Вл. И. в Ц. К.

10 мая (27 апр.). Под председательством Вл. И. состоялся первый пленум выбранного на съезде Центрального Комитета. На этом пленуме Вл. И. назначен ответственным редактором центрального органа «Пролетарий».

Не позже 15 (2) мая. Отъезд В. И. из Лондона в Женеву.

27 (14) мая. Вышел № 1 «Пролетария». В нем напечатано написанное Вл. И. извещение о III съезде Р. С.-Д. Р. П., которое выходит затем отдельной брошюрой на французском, немецком и еврейском языках (к еврейскому изданию Вл. И. дает свое предисловие).

Май. Вл. И. выступает дважды в Женеве с докладами о III съезде и меньшевистской конференции. Первый доклад, инструктивный, сделан для большевистской колонии и для агентов, назначенных в объезд организаций; второй доклад — открытый. На втором докладе оппонентом выступал Л. Мартов.

2 июня (20 мая). Вл. И. обращается с письмом в Международное Социалистическое Бюро, в котором сообщает о состоявшемся съезде и о том, что Ц. К. вскоре назначит своего представителя в М. С. Б.

Июнь — июль. Вл. И. пишет брошюру «Две тактики социал-демократии в демократической революции».

4 июля (21 июня). Вл. И. обращается с письмом в М. С. Б. с просьбой выступить с воззванием против царского правитель-

ства, просившего военной помощи у европейских держав против восставшего броненосца «Потемкин».

Начало июля. Вл. И. ведет переговоры с Гапоном об организации закупки и отправки в Россию оружия. По предложению Вл. И. Гапон отправился в Лондон, где находился организационный центр по приобретению и транспортированию оружия.

Вл. И. поручает Васильеву-Южину отправиться в Одессу для установления тесной связи с с.-д. организацией, руководившей восстанием в черноморском флоте.

VIII. ЛЕТОПИСЬ СОБЫТИЙ.

1904 г.

1. XI (19. X). Революционная демонстрация в Варшаве.

Расстрел толпы в Ченстохове.

2. XI (20. X). Второй съезд «Союза Освобождения»; постановления о земской и банкетной кампаниях.

7. XI (25. X). Студенческая демонстрация против войны в Петербурге.

8. XI (26. X). Демонстрация в Риге.

9—10. XI (27—28. X). Еврейский погром в Ковеле.

13. XI (31. X). Беспорядки запасных в Двинске. Демонстрация новобранцев в Кутаисе. Кровавое столкновение демонстрантов с войсками в Варшаве.

14 (1). XI. Студенческая демонстрация в Харькове; избиение демонстрантов.

14—15 (1—2). XI. Беспорядки запасных в Двинске.

17—26 (4—13). XI. Студенческие сходки в разных городах принимают резолюции с требованием амнистии, прекращения войны и созыва учредительного собрания.

18 (5). XI. Демонстрация протеста против войны в Варшаве.

Студенческая демонстрация в Казани.

Либеральный банкет в Саратове.

Избиение студенческой демонстрации в Москве.

19 (6). XI. Демонстрация в Харькове.

19—21 (6—8). XI. Земский съезд в Петербурге; принята конституционная платформа.

28 (15). XI. Студенческая демонстрация в Петербурге.

XI. III Всероссийский студенческий съезд; резолюция с требованием учредительного собрания.

Письмо меньшевистской «Искры» к партийным организациям с планом «земской кампании».

Брошюра Ленина «Земская кампания и план «Искры»».

Три конференции большевистских комитетов — Южная, Кавказская и Северная.

Организация Бюро Комитетов Большинства.

Брошюра Орловского (В. Воровского) «Совет против партии».

3. XII (20. XI). Большой рабочий митинг в Саратове. — Демонстрации в Лодзи и Одессе.

11. XII (28. XI). Большой рабочий митинг в Белостоке.

Демонстрация в Петербурге, сорванная меньшевиками; избиение демонстрантов полицией и казаками.

12. XII (29. XI). Демонстрация и избиение студентов в Петербурге. Протест петербургских литераторов против побоища 11. XII.

18—19 (5—6). XII. Студенческие демонстрации в Москве; избиение демонстрантов полицией и казаками.

21—27 (8—14). XII. Ряд забастовок и демонстраций протеста в Риге против войны.

24 (11). XII. Столкновение рабочих с войсками в Радоме.

25 (12). XII. Указ о предполагаемых реформах, касающихся положения крестьян, печати, суда, веротерпимости и пр. Одновременно с царским «указом» о реформах было опубликовано правительственное сообщение, грозящее карами за собрания, в которых будут обсуждаться реформы.

26 (13). XII. Начало всеобщей стачки на Бакинских промыслах.

28 (15). XII. В Шуше убит полицеймейстер Сахаров.

XII. Либеральные банкеты в Петербурге, Москве, Одессе, Саратове, Воронеже, Смоленске, Баку, Екатеринославе, Харькове, Киеве, Ростове-на-Дону, Екатеринодаре; обычно являлись рабочие, выступали с.-д., и банкет превращался в массовый митинг.

Второе письмо редакции «Искры» о плане земской кампании.

Кооптация в Ц. К. трех меньшевиков: Попова (В. Розанов), Фомина (В. Крохмаль) и Фишер (Роза Гальберштадт).

1905 г.

2. I (20. XII — 04 г.). Падение Порт-Артура.

4. I (22. XII — 04 г.). Выход первого № газеты «Вперед».

7. I (25. XII — 04 г.). Столкновение стачечников с войсками в Баку.

8. I (26. XII — 04 г.). Вооруженная демонстрация в Ченстохове и Седлеце.

9. I (27. XII — 04 г.). Экстренное совещание «Собрания русских фабр.-зав. рабочих г. С.-Петербурга» по поводу увольнения 4 рабочих, членов «Собрания» Путиловского завода.

14 (1). I. Демонстрация в Керчи.

Взорван бомбой дом губернатора в Смоленске. Отставка московского генерал-губернатора в. к. Сергея Александровича.

15 (2). I. Неудачное покушение в Москве на Трепова. Убит в Пензе ген. Л. Лисовский.

16 (3). I. Начало забастовки на Путиловском заводе в Петербурге. Депутация от 12.000 рабочих предъявила градоначальнику Фулону требование уволить директора Путиловского завода Смирнова, отказавшего в приеме обратно уволенных в декабре 4 рабочих.

18 (5). I. Закончилась 22-х дневная забастовка на Бакинских промыслах. Забастовка на Невском судостроительном заводе. Обсуждение петиции к царю в отделах «Собрания».

19 (6). I. Во время водосвятия на Неве, в присутствии царя, выстрел вместо холостого заряда картечью в помост, где находился царь.

20 (7). I. Забастовка в Петербурге становится всеобщей.

21 (8). I. Начало крестьянского движения в Витебской губ.

Депутация петербургских литераторов к Витте и Святополку-Мирскому с просьбой принять меры против возможного побоища. В Петербурге не вышла ни одна газета. Прокламация Петербургского Комитета Р. С.-Д. Р. П. «Ко всем петербургским рабочим».

22 (9). I. Кровавое воскресенье в Петербурге.

Василеостровскими рабочими с.-д. захвачена типография, в которой они напечатали прокламацию, призывающую к захвату оружия.

23 (10). I. Закрытие администрацией Гапоновского «Собрания русских фабрично-заводских рабочих в СПБ», Начало всеобщей стачки в Москве,

Враждебная манифестация перед зданием русской миссии в Брюсселе.

Арест делегации литераторов к Витте и Святополку-Мирскому 21 (8) I.

24 (11). I. Назначение петербургским ген.-губернатором Д. Ф. Трепова. Начало всеобщей стачки в Ярославле, Ковно и Вильно. Демонстрации в Гельсингфорсе и Бердичеве. Забастовка в Москве.

25 (12). I. Начало всеобщей стачки в Риге, Ревеле, Саратове, Киеве, Минске, Могилеве. — Демонстрации в Гельсингфорсе и Риге.

Митинги протеста в Париже и в Берне против побоища 22. I.

26 (13). I. Начало стачки в Витебске, Минске, Либаве, Тифлисе. — Волнения среди матросов в Либавском порту.

Интернациональный митинг протеста в Женеве против побоища 22. I.

27 (14). I. Начало громадной стачки в Варшаве, Лодзи, Белостоке, Полоцке, Двинске, Митаве. — Демонстрации в Либаве и Юрьеве. — Столкновение с войсками в Варшаве.

Демонстрация протеста, организованная большевиками в Женеве против побоища 22. I.

28 (15). I. Начало забастовки в Брянске. — Демонстрации в Риге, Варшаве, Лодзи, Юрьеве, Житомире.

Митинг протеста в Париже против побоища 22. I.

Баррикады в Варшаве. Забастовка железнодорожников в Красноярске.

29 (16). I. Забастовки в ряде городов Северо-Западного Края. — Демонстрации в Варшаве и Митаве; столкновение с войсками.

В Манчжурии началось отступление армии генерала Гриппенберга.

Митинг протеста в Лондоне против побоища 22. I.

30 (17). I. Начало забастовки в Батуме, Екатеринославе, Харькове, Иваново-Вознесенске. — Демонстрации в Риге, Лодзи, Красноярске.

Закрытие высших учебных заведений в Петербурге. Забастовка в Виндавском порту.

31 (18). I. Забастовки в Самаре, Люблине, Брест-Литовске и др. городах. — Демонстрации в Томске и Риге; избиения демонстрантов.

Отставка министра внутренних дел кн. Святополка-Мирского.

В Риге вооруженная демонстрация после похорон рабочего.

Забастовка рабочих в Люблине, Самаре, Шавлях и Томске.

I. Банкеты и митинги в Москве, Н.-Новгороде, Житомире, Тифлисе, Кутаисе, Новороссийске и др. городах. — Конституционные резолюции различных обществ и съездов. — Протесты против побоища 22. I земских собраний, интеллигентских митингов и студенческих сходок.

Конференция с.-д. организаций России (Р. С.-Д. Р.П., Бунд, Лат. с.-д., Революционная украинская партия); выработано обращение «К пролетариату всей России» с призывом к «решительным действиям против самодержавного режима».

Вышла брошюра Мартынова «Две диктатуры».

Международное Социалистическое Бюро выпустило воззвание по поводу событий 22. I.

1. II (19. I). Прием Николаем II «депутации от рабочих» в числе 34 человек, организованной полицией по инициативе петербургского генерал-губернатора Трепова.

Начало забастовки в Домбровском районе. — Демонстрация в Кутаисе. — Столкновение с войсками в Лодзи и Риге.

Забастовка на батумских заводах.

2. II (20. I). Прокламация Петербургского комитета большевиков «Подлая комедия во дворце» и листовка Горького «Он прощает».

Начало забастовки в Казани, Батуме, Царицыне. — Демонстрация в Кутаисе и Гомеле.

Митинг протеста в Мюнхене против побоища 22. I.

Назначение Булыгина министром внутренних дел,

Закрытие Киевского, Варшавского, Харьковского и Казанского университетов.

3. II (21. I). Начало забастовки в Орехове-Зуеве.—Рабочие митинги и демонстрации в Радоме, Сосновицах и в Кутаисской губ. — Столкновение с войсками в Лодзи.

Волнения среди запасных в Саратове.

По поручению Правления Германской с.-д. партии Бебель обратился к Совету Партии Р. С.-Д. Р. П. с предложением третейского суда для разрешения конфликта внутри Р. С.-Д. Р. П.

Второй митинг протеста в Мюнхене против побоища 22. I.

Поражение 2-й русской армии при Сандепу.

4. II (22. I). Начало забастовки в Сосновицах, Петрокове, Туле, Поти и в Донбассе.

Введение положения об усиленной охране в Калишской губ.

5. II (23. I). Демонстрации в Сосновицах, Могилеве и Тифлисе.

Учреждение Комиссии по делам печати под председательством Кобеко, в связи с обещанными новыми законами в указе 25 (12) XII.

6. II (24. I). Убийство прокурора сената Ионсона в Гельсингфорсе Хохенталем.

7. II (25. I). Забастовки в Батуме, Тквибулах и др.— Демонстрация в Квирилах.

Ответ Совета Партии Бебелю с выражением согласия на третейский суд.

8. II (26. I). Забастовка университета в Юрьеве. Введение положения об усиленной охране в Кутаисской губ. и во всем Привислинском крае.

9. II (27. I). Забастовки в Грозном, Колпине и Чите. — Столкновение с войсками в Лодзи и Сосновицах.

Прекращение движения на Привислинских ж. дорогах.

10. II (28. I). Интеллигентская демонстрация на Казанской площади в день годовщины смерти Н. К. Михайловского. Волнения среди запасных в Минске.

11. II (29. I). Учреждение комиссии Шидловского.—Новая забастовка на Путиловском заводе.

Всеобщая забастовка в Харькове.

13. II (31. I). Столкновение с войсками в Лодзи.

14 (1). II. Начало забастовки в Костроме; новые забастовки в Сосновицах и Ченстохове.

15 (2). II. Снова началась всеобщая забастовка в Вильно.

16 (3). II. Совещание в Царском селе под председательством Николая II о созыве земского собора.

Крестьянское восстание в Озургетском, Карсском и Эриванском уездах Тифлисской губ. Наместник послал против крестьян ген. Султана-Крим-Гирея с 10.000 войска. Крестьянская делегация на ст. Нотанеби предъявила генералу требования от имени крестьян Гурии о созыве народного представительства на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права.

17 (4). II. Начало всеобщей забастовки в Кременчуге и на ж. д. Московского узла.

Членом боевой организации п. с.-р. И. П. Каляевым убит б. московский генерал-губернатор в. кн. Сергей Александрович.

18 (5). II. Начало забастовки в Воронеже. — Манифестация в Брест-Литовске.

Закрыты на 3 месяца газеты «Наша Жизнь» и «Наши Дни».

18 — 20 (5 — 7). II. Избиение студентов черносотенцами в Казани.

19 — 22 (6 — 9). II. Армяно-татарская резня в Баку.

19 — 21 (6— 8). II. Избиение студентов в Казани лабазниками.

20 (7). II. Забастовки в Либаве, Феодосии, Сухуме, Саратове,

Опубликованы правила о выборах рабочих представителей в комиссию Шидловского. Забастовало 30.000 рабочих орехово-зуевских фабрик Морозовых. В Петербурге прекратил работу франко-русский завод.

21 (8). II. Избиение евреев и учащихся черной сотней в Феодосии.

Забастовка в ж.-д. мастерских Николаевской и М.-Киево-Воронежской ж. д. в Москве.—Петиция Московского Зубатовского общества (15.000 подписей) с требованием свобод.

22 (9). II. Забастовки в Харькове, Риге и на Варшаво-Венской ж. д.

Арест 9 членов Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. в Москве во время заседания на квартире писателя Л. Андреева.

23 (10). II. Забастовки в Варшаве и Александровске.

Начало аграрных волнений в Орловской и Курской г.г.

24 (11). II. Забастовки на Рязано-Уральской, Риго-Орловской, Московско-Казанской, Самаро-Златоустовской и Привислинских ж. д.

Петербургский Комитет Р. С.-Д. Р. П. опубликовал условия, на которых рабочие согласятся участвовать в комиссии Шидловского.

25 (12). II. Забастовка протеста против войны в Чите.—Манифестация в Брест-Литовске.—Начало кампании протеста против армяно-татарской резни в Баку, организованного Бакинским комитетом партии.

Избиение учащихся полицией и черной сотней в Курске.

26 (13). II. Забастовки в Перми и Сормове.

27 (14). II. Забастовки в Астрахани, Орехове-Зуеве, Николаеве и Белостоке. Демонстрация безработных женщин в Киеве.

27. II—14. III. Разгром русской армии под Мукденом.

28 (15). II. Забастовки в Нижнем-Новгороде, Ярославле, Ростове-на-Дону, демонстрации в Херсоне и Минске.

Состоялся обмен ратификаций русско-германского торгового договора 28 (15) июля 1904 г.

В № 8 «Вперед» опубликовано извещение бюро комитетов большинства о созыве III съезда Р. С.-Д. Р. П.

II. Ряд земских и дворянских собраний принял резолюции с требованием конституционного строя; подобные же резолюции были приняты различными интеллигентскими собраниями.—Ряд записок организаций крупной буржуазии с конституционными требованиями.—Студенческие сходки различных высших учебных заведений по всей России принимают резолюции с требованием учредительного собрания и постановляют прекратить занятия до осени.—Движение учащихся средней школы—забастовки и демонстрации.—Начались крестьянские движения в Курской и Харьковской г.г., в Латвии и Польше.

Конференция 9 заграничных групп большинства 23 (10). II.

1. III (16. II). Забастовка в Луганске и Романово-Борисоглебске. Демонстрации в Минске и Двинске.

2. III (17. II). Забастовки в Двинске, Полтаве, Симферополе.—Демонстрация в Двинске.—Собрание рабочих-выборщиков в комиссию Шидловского в Петербурге; выработаны и предъявлены ультимативные требования.

3. III (18. II). Правительственные акты «18 февраля»: манифест с призывом к борьбе с крамолой, указ сенату о праве петиций и рескрипт на имя Булыгина о разработке проекта законосовещательной думы.

Новые забастовки в Митаве, Вильно, Лодзи и в Донбассе. Демонстрации в Двинске и Белостоке.—Рабочие-выборщики, получив от Шидловского отрицательный ответ на свои условия, отказались от выборов представителей в комиссию; в Петербурге снова начались забастовки.

Аграрное движение в Двинском уезде.

4. III (19. II). Демонстрации в Митаве, Белостоке, Гродно и Двинске.—Демонстративные похороны убитых армян в Баку. Волнения среди солдат в Тифлисе.

Общая забастовка в Царицыне.

5. III (20. II). Роспуск комиссии Шидловского и арест рабочих-выборщиков. — Демонстрации в Тифлисе, Батуме, Николаеве, Александровске, Могилеве, Смоленске.

Армяно-мусульманская резня в Эривани. Демонстрация в Баку учащихся.

6. III (21. II). Стачка ж.-д. рабочих в Чите. — Демонстрация в Двинске. — Столкновение рабочих с полицией и войсками в Белостоке.

7. III (22. II). Забастовки в Царицыне и в Донбассе.

Разгром сахарного завода Терещенко в Черниговской губ. Демонстрация в Смоленске.

8. III (23. II). Постановление Совета Партии признает незаконным съезд, созываемый Б. К. Б.

8 — 10. III (23 — 25. II). Земский съезд в Москве.

9. III (24. II). Всеобщая забастовка в Сувалках. — Демонстрация в Батуме.

10. III (25. II). Столкновение рабочих с войсками в Орехове-Зуеве.

Обращение Совета Партии к членам съезда, созываемого Б. К. Б., с предложением принять посредничество германской с.-д-тии.

Начало забастовки в Белостоке. Разгром полицейского управления в Чиатурах. Занятие Мукдена японцами.

17 (4). III. Постановление Ц. К. о немедленном созыве III партийного съезда.

Всеобщая забастовка в Юзовке.

19 (6). III. Письмо Ц. К. к Б. К. Б. с предложением совместной работы по созыву съезда.

22 (9). III. Объявлены на военном положении Кутаис, Поти, Батум.

25 (12). III. Договор между Ц. К. и Б. К. Б. относительно совместной работы по созыву съезда. — Воззвание Ц. К. и Б. К. Б. «К партии», с указанием программы съезда и нормы представительства.

Столкновение демонстрантов с войсками в Лодзи.

28 (15). III. Взрывом бомбы ранен варшавский обер-полицеймейстер Нолькен.

Аграрные волнения в Балашовском у. Саратовской губ., Епифанском у. Тульской губ., Режицком и Люцинском у. у. Витебской губ., в Горийском у. Тифл. губ., Борчалинском у., Сангахском и Тионетском у. у. (Кавказ).

Постановление Совета Московского университета об автономии высшей школы.

III. Забастовки распространяются на отсталые слои пролетариата — портных, сапожников, булочников, приказчиков, домашнюю прислугу и пр. — Начало крестьянского движения в Черниговской, Орловской и Подольской губ. — Забастовки батраков и демонстрации в Латвии. — Крестьяне Гурии и Карталинии предъявили ряд требований, развивающих программу-минимум с.-д. — Бойкот правительственных учреждений в Гурии, организация революционного самоуправления и суда. — Начало крестьянского движения в Сванетии. — Конституционные адреса и резолюции земских и дворянских собраний и городских дум. — Интеллигентские собрания и съезды требуют созыва учредительного собрания. — Организуются интеллигентские профессионально-политические союзы. — Учащаются террористические выступления против представителей администрации и полиции.

2. IV (20. III). Расстрел демонстрантов в Варшаве войсками.

Конференция революционных партий и групп, созванная Гапоном в Женеве.

3. IV (21. III). Забастовка на Владикавказской ж. д. — Избиение бастующих рабочих казаками в Брянске.

4. IV (22. III). В прибалтийский край для расправы с крестьянами высланы карательные экспедиции.

5. IV (23. III). Забастовка протеста против избиения 2. IV в Варшаве.

7. IV (25. III). Демонстративные похороны убитого мастером рабочего Алексеева в Петербурге.

Совет Партии предъявил требование передать в его руки организацию III съезда. — Письмо редакции «Искры» к партийным организациям по поводу съезда.

8. IV (26. III). Демонстрация протеста в Гродно по поводу избиения политических в тюрьме.

12. IV (30. III). Упразднение Особого Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности и учреждение Особого Совещания по вопросу о мерах к укреплению крестьянского землевладения, под председательством Горемыкина.

13. IV (31. III). Забастовка ж.-д. рабочих в Елисаветполе.

Озургетский уезд (Гурия) объявлен на военном положении.

14 (1). IV. Забастовка в Баку. — Демонстрации в Гельсингфорсе.

На фронте начато новое наступление японцев.

15 (2). IV. Забастовка портовых рабочих в Либаве.

Открытое письмо Плеханова ко всем членам Р. С.-Д. Р. П. по поводу постановления Совета Партии относительно съезда.

Демонстрация матросов в Галерной гавани в Петербурге, столкновение с полицией. Демонстрация в Варшаве. Объявление Курляндской губ. на положении усиленной охраны.

16 (3). IV. Рабочий митинг на Богословском кладбище в Петербурге: демонстрация, столкновение с полицией и войсками.

16 — 20 (3 — 7). IV. Железнодорожная забастовка в Италии.

17 (4). IV. Обращение Ц. К. к Совету Партии с просьбой о немедленном созыве заседания Совета в требуемом уставом составе; ответа получено не было. — К этому времени за съезд высказалась 21 организация.

18 (5). IV. Указ о льготах сельскому населению по возврату продовольственных и по обсеменению долгов.

Демонстрация в Иркутске; избиение демонстрантов.

Статья Плеханова «К вопросу о захвате власти», в № 96 «Искры».

В Петербурге открылся всероссийский съезд журналистов. — Суд приговорил И. П. Каляева к смертной казни.

19 (6). IV. Всеобщая ж.-д. забастовка в Закавказье.

В Москве открылся 1-й делегатский съезд писателей (140 делегатов).

20 (7). IV. Забастовка ж.-д. рабочих и служащих в Баку. — Манифестация в Могилеве.

21 (8). IV. Избиение толпы полицией в Одессе.

Всеобщая стачка булочников в Москве; демонстрация.

22 (9). IV. Вторичное обращение Ц. К. к Плеханову с просьбой созвать заседание Совета Партии; ответ получен отрицательный.

23 (10). IV. Указ об учреждении временных уездных комиссий для определения убытков, причиненных крестьянскими волнениями, с наложением взысканий на все имущество крестьян и сельских обществ.

Открытое письмо Ц. К. Плеханову по поводу отказа созвать заседание Совета Партии.

24 (11). IV. Всеобщая стачка прислуги в Тифлисе.

25 (12). IV. Забастовки грузчиков в Самаре. Волнения в Одессе среди жен запасных.

25. IV — 10. V (12 — 27. IV). Открытие третьего съезда Р. С.-Д. Р. П. в Лондоне. — Приблизительно в то же время в Женеве происходила «первая общерусская конференция Р. С.-Д. Р. П.» (меньшевиков).

26. (13). IV. Демонстрация в Риге. Забастовка матросов и низших служащих пароходства «Русского общества» в Одессе.

Во всем прибалтийском крае — крупные крестьянские восстания. Разгром помещичьих имений. Аграрное движение в Люблинской, Витебской, Подольской, в Бессарабской губ., на Кавказе — в Телавском, Душетском и Горийском у.у.

30 (17). IV. Указ «об укреплении веротерпимости».

IV. Ряд политических резолюций и петиций земских собраний и городских дум, различных обществ и съездов. Организация профессионально-политических союзов интеллигенции: медицинского персонала, профессоров и преподавателей высших учебных заведений, адвокатов, писателей. — Крестьянское движение в Харьковской, Московской, Воронежской, Саратовской, Тамбовской, Бессарабской, Таврической, Пензенской, Нижегородской губ.; крестьянские адреса и петиции; разгром крестьянами сельских канцелярий в Закавказьи.

1. V (18. IV). Первомайские забастовки и демонстрации во многих городах и местечках Польши, Литвы и Белоруссии, сопровождавшиеся в ряде мест избиениями и расстрелами.

Перестрелка манифестантов с полицией и войсками в Калише. Столкновение демонстрантов с войсками в Варшаве.

2. V (19. IV). На съезде представителей 10 жел. дорог положено основание организации Всероссийского союза ж.-д. служащих.

3. V (20. IV). Всеобщая забастовка протеста против побоища 1. V в Варшаве.

4. V (21. IV). Еврейский погром в Симферополе.

Забастовка протеста против избиения 1. V в Лодзи.

Съезд земцев-конституционалистов в Москве. В Петербурге открылся всероссийский съезд инженеров и техников.

6—9. V (23—26. IV). Еврейский погром в Житомире.

7. V (24. IV). Всеобщая забастовка прислуги в Баку. — Демонстрация в Екатеринодаре.

10. V (27. IV). Забастовка в Одессе. — Демонстрация в Николаеве. — Попытка военного восстания в Новой Александрии.

11. V (28. IV). Демонстрация в Сормове; столкновения с полицией.

11—12. V (28—29. IV). Общеземское совещание в Москве по аграрному вопросу. Всероссийский съезд адвокатов в Петербурге.

13. V (30. IV). Всеобщая забастовка в Баку. Указ о мерах против беспорядков в сельских местностях.

14 (1). V. Первомайские забастовки, митинги и демонстрации во многих городах.

16 (3). V. Покушение на убийство губернатора Соколовского в Уфе.

21—22 (8—9). V. Всероссийский съезд 14 профессионально-политических союзов в Москве; организован Союз Союзов.

22 (9). V. Всеобщая забастовка в Баку и в Лодзи.

23 (10). V. Всеобщая стачка в Евпатории и Елисаветграде. — В Нахичевани и Нахичеванском уезде начались вооруженные столкновения между татарами и армянами.

23—25 (10—12). V. Съезд партийных работников Гурии.

24 (11). V. Убийство бакинского губернатора Накашидзе членом партии Дашнакцутюн.

25 (12). V. Армянский погром в Эривани; мусульмане устроили резню на базаре.

25. V—7. VIII (12. V—25. VII). Всеобщая забастовка в Иваново-Вознесенске.

26—28 (13—15). V. Возникновение Иваново-Вознесенского Совета Рабочих Депутатов.

27 (14). V. Гибель русского флота при Цусиме.

Вышел № 1 газеты «Пролетарий».

Столкновение рабочих с войсками в Седлеце.

28 (15). V. Огромный митинг бастующих рабочих в Иваново-Вознесенске принял резолюцию с требованием учредительного собрания. — Демонстрации в Лодзи, Ревеле и Брянске. — Собрание 5000 крестьян Сумского уезда приняло резолюцию с требованием учредительного собрания.

28 — 29 (15 — 16). V. Съезд представителей городов в Москве.

29 (16). V. Демонстрация в Либаве.

31 (18). V. Учреждение Особого Совещания по вопросам веротерпимости, под председательством гр. Игнатьева.

Демонстрации в Либаве; столкновение с полицией и войсками. Столкновение рабочих с войсками в Лодзи.

Съезд представителей крестьян Московской губ. постановил организовать Всероссийский Крестьянский Союз.

V. Крестьянское движение в Могилевской, Минской, Киевской и др. губ. и в Эстонии. — Демонстрации в сельских местностях Латвии. — Съезд крестьян Белоруссии. Организация союзов ж.-д. служащих, инженеров и техников, равноправия женщин. — Многочисленные террористические акты.

Крестьянские волнения в Кутаисской губ., крестьянские волнения в Прилукском у. Полтавской губ., забастовка батраков в Вейсеншафтском у. Лифляндской губ., крестьянские волнения близ Ревеля, в Кишиневском у. Бессарабской губ., Судженском у. Курской губ., Кирсановском у. Тамбовской губ., Екатеринославской губ., Тульской губ., в Подолии, на Волыни, в Тифлисской губ.

В Москве кн. Волконским и др. организован черносотенный «Союз русского народа».

3. VI (21. V). Указ о расширении полномочий товарища министра внутренних дел, заведующего полицией; назначение на эту должность Трепова.

6. VI (24. V). Возобновились вооруженные столкновения между татарами и армянами в Эривани и Эриванском уезде.

6 — 7. VI (24 — 25. V). Земский съезд в Москве с участием представителей городов и дворянства.

6 — 8. VI (24 — 26. V). Второй делегатский съезд Союза Союзов в Москве.

7. VI (25. V). Норвежский стортинг низложил короля Оскара и объявил независимость Норвегии.

11. VI (29. V). Еврейский погром в Брест-Литовске.

Столкновение демонстрантов с войсками в Варшаве и Риге.

Открытое письмо Плеханова о выходе из Совета Партии и из редакции «Искры».

14 (1). VI. Всеобщая забастовка протеста в Двинске против смертного приговора бундовцу М. Дейчу, покушавшемуся на пом. пристава.

15 (2). VI. Всеобщая стачка в Либаве.

16 (3). VI. Расстрел рабочих на Талке в Ив.-Вознесенске.

Съезд крестьян Курской губ.

Конгресс союза германских горнорабочих в Берлине признал необходимость соединения профессионального движения с политической борьбой и высказался за создание международного объединения горнорабочих.

Письмо Плеханова секретарю Международного Социалистического Бюро Гюисмансу по вопросу о представительстве Р. С.-Д. Р. П. в Международном Социалистическом Бюро.

17 (4). VI. Забастовка и демонстрация в Ченстохове. — Демонстрация в Екатеринославе. — Столкновение рабочих с казаками в Либаве.

Президент Сев.-Амер. Соед. Шт. Рузвельт начал переговоры с русским и японским правительствами относительно свидания Ойямы с Линевичем для выработки условий перемирия.

18 (5). VI. Демонстрация в Лодзи; расстрел демонстрантов.

Еврейский погром в Бресте.

19 (6). VI. Депутация представителей земств и городов к Николаю II. Начало мирных переговоров с Японией в Вашингтоне.

20 (7). VI. Демонстративные похороны убитых 18. VI в Лодзи. — Расстрел толпы в Ставрополе.

Забастовка портовых рабочих в Феодосии.

22—24 (9—11). VI. Уличные бои в Лодзи. Всеобщая забастовка.

23 (10). VI. Демонстрация в Ченстохове; расстрел демонстрантов.

24 (11). VI. Всеобщая стачка в Варшаве. — Забастовка в Николаеве.

24—26 (11—13). VI. Второй съезд Латышской С.-Д. партии в Риге.

25 (12). VI. Столкновение рабочих с казаками в Одессе.

Введено военное положение в Лодзи. — Демонстрации в Киеве.

26 (13). VI. Начало забастовки в Одессе. — Всеобщая забастовка в Варшаве; демонстрации; столкновения с войсками; баррикады.

27 (14). VI. Ряд столкновений рабочих с казаками в Одессе; баррикады. — Восстание на броненосце «Потемкин-Таврический». — Всеобщая забастовка в Ченстохове.

28 (15). VI. Столкновения рабочих с войсками в Одессе.

Забастовка в Николаеве. — Всеобщая забастовка и демонстрация в Сосновицах. — Начало всеобщей забастовки на копях и фабриках Домбровского района.

Съезд городских голов и представителей городских самоуправлений в Москве.

Письмо Международного Социалистического Бюро в Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. по вопросу о представительстве Р. С.-Д. Р. П. в Международном Социалистическом Бюро.

29 (16). VI. Демонстративные похороны матроса Вакулинчука в Одессе. — Возмущение матросов в Либаве; столкновение с сухопутными войсками.

Забастовка сельско-хозяйственных рабочих в Венгрии.

Одесса и Одесский у. объявлены на военном положении. Восстание в Риге флотских солдат. Объявлены на военном положении Севастополь, Николаев и Эриванская губ.

30 (17). VI. Восстание на броненосце «Георгий Победоносец».

Посланная в Одессу против «Потемкина» черноморская эскадра, увидев, что броненосец приготовился к бою, ушла в открытое море.

VI. Возмущение в различных военных частях.

Петиции земских собраний и городских дум о неотложном созыве народных представителей.

Многочисленные террористические акты.

Волнения в Терской обл. (ст. Ильинская), на Кавказе столкновения мусульман с татарами, крестьянские волнения в Ушицком у. (Подольской губ.), в Минской губ., Саратовской губ., Симбирской, столкновение крестьян с драгунами близ Липовца Киевской губ., забастовка с.-х. рабочих в Одесском у., разгром 3-х имений в Лебединском у. Харьковской губ. Аграрные волнения в Сумском и Лебединском у.у. Харьковской губ., в Симбирской губ. (Ардатов), в Екатеринославской губ.

1. VII (18. VI). Восстание на транспорте «Прут».

Депутация губернских предводителей дворянства к Николаю II с запиской о безотлагательном созыве «выборных от земли».

2. VII (19. VI). «Георгий Победоносец» сдался властям.

Столкновения забастовщиков с казаками в Воронеже и Кельцах. Забастовка в Тифлисе.

3. VII (20. VI). Начало всеобщей забастовки в Екатеринославе; столкновение рабочих с казаками. — Начало всеобщей забастовки в Тифлисе.

«Потемкин» прибыл в румынский порт Констанцу. Румыния предложила броненосцу сдаться румынским властям.

4. VII (21. VI). Всеобщая политическая забастовка в Гродно и Белостоке.

5. VII (22. VI). Столкновение демонстрантов с полицией в Вильно. Забастовка на Путиловском заводе.

5—6. VII (22—23. VI). Еврейский погром в Черкассах.

6. VII (23. VI). «Потемкин» в Феодосии; обстрел «потемкинцев» войсками.

Президиум германской с.-д. партии выпустил воззвание с призывом о сборе средств для поддержки русской революции.

7. VII (24. VI). Японцы заняли Сахалин.

8. VII (25. VI). «Потемкин» сдался румынским властям в Констанце.

9. VII (26. VI). Всеобщая политическая забастовка в Харькове.

10. VII (27. VI). Беспорядки в дисциплинарном батальоне в Херсоне. Тифлис и Тифлисский у. объявлены на военном положении.

СОДЕРЖАНИЕ *).

*) Звездочкой отмечены статьи, не вошедшие в первое издание Сочинений.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

ИЛЛЮСТРАЦИИ.

VII ТОМ
СОЧИНЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА
подготовлен к печати
Г. И. КРАМОЛЬНИКОВЫМ

РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ:

Е. И. КОРОТКИЙ, М. А. САВЕЛЬЕВ, В. Г. СОРИН

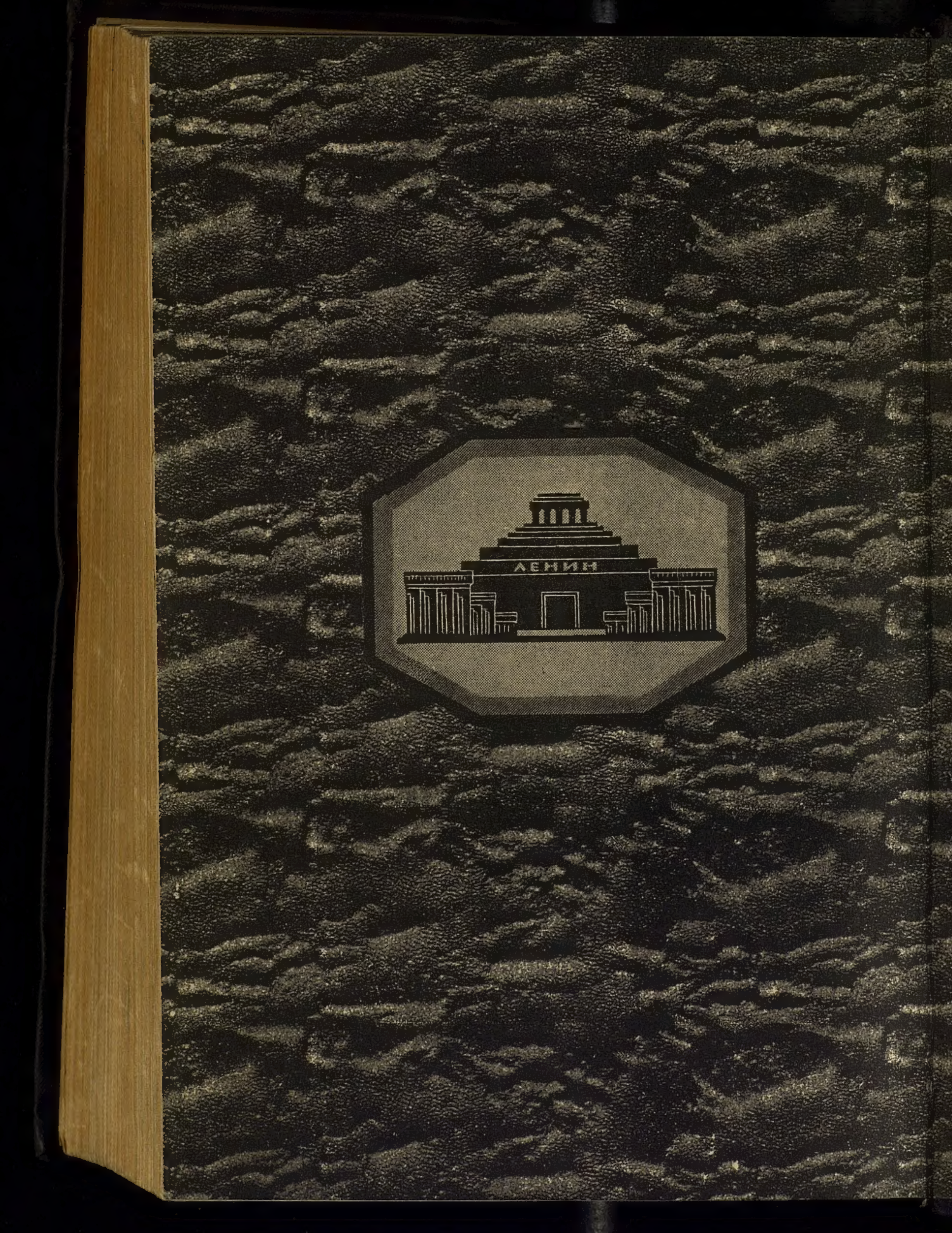
ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕДАКЦИЯ:

И. Д. ГАЛАКТИОНОВ, К. И. ХАЛАБАЕВ

ИЗДАНИЕ НАПЕЧАТАНО В ТИПОГРАФИИ «ПЕЧАТНЫЙ ДВОР»
ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ
ЗАВЕДЫВАЮЩЕГО ПРОИЗВОД. ГРУППОЙ ЛЕН. ПРЕД. ПАРТИЗДАТА
П. Н. ФИЛИППОВА
ЗАВЕДЫВАЮЩЕГО КОРРЕКТ. ОТД. ЛЕН. ПРЕД. ПАРТИЗДАТА
И. Е. ЛЕБЕДЕВА
ТЕХНИЧЕСКОГО ДИРЕКТОРА
М. М. КИСИЛЕВСКОГО
ПОМ. ЗАВ. ТЕХНИЧЕСКИМ ОТДЕЛОМ
Н. И. КОВРЮКОВА
ЗАВЕДЫВАЮЩЕГО НАБОРНЫМ ЦЕХОМ
К. В. ГРОШЕВА
ЗАВЕДЫВАЮЩЕГО СТЕРЕОТИПНЫМ ЦЕХОМ
А. И. АЛЕКСАНДРОВА
ЗАВЕДЫВАЮЩЕГО ПЕЧАТНЫМ ЦЕХОМ
И. И. СИВКОВА
ЕГО ПОМОЩНИКОВ
В. Ф. БУТОЧКИНА, И. Г. КОСАРЕВА
И Ф. И. НИКАНДРОВА
ПЕЧАТНЫХ МАСТЕРОВ
А. И. ИВАНОВА, П. А КУЗЬМИНА И
Н. А. СЕМЕНОВА
ЗАВЕДЫВАЮЩЕГО ПЕРЕПЛЕТНЫМ ЦЕХОМ
Я. Г. РАСКИНА
И ЕГО ПОМОЩНИКОВ
В. П. БОГДАНОВА, И. С. БУХАРИНА,
Т. Г. ПЕТЕРС И М. Г. ПУГАЧА

Инд. ПЛ.-2. Подписано к печати с матриц 21/I 1935 г.
Партиздат № 517. Тираж 36000 + 145 экз. Ленгорлит № 4144. Заказ № 2410.
Бумага 62 × 94 см. 35 печ. л. 42 авт. л. (172800 т. зн. в 1 б. л.) Бум. л. $17^1/_2$.
Бумага Каменской фабрики. Коленкор Щелковской фабрики.
Вышла в свет — февраль 1935 г.

2-я типография «Печатный Двор» треста «Полиграфкнига». Ленинград, Гатчинская, 26.

ЛЕНИН

